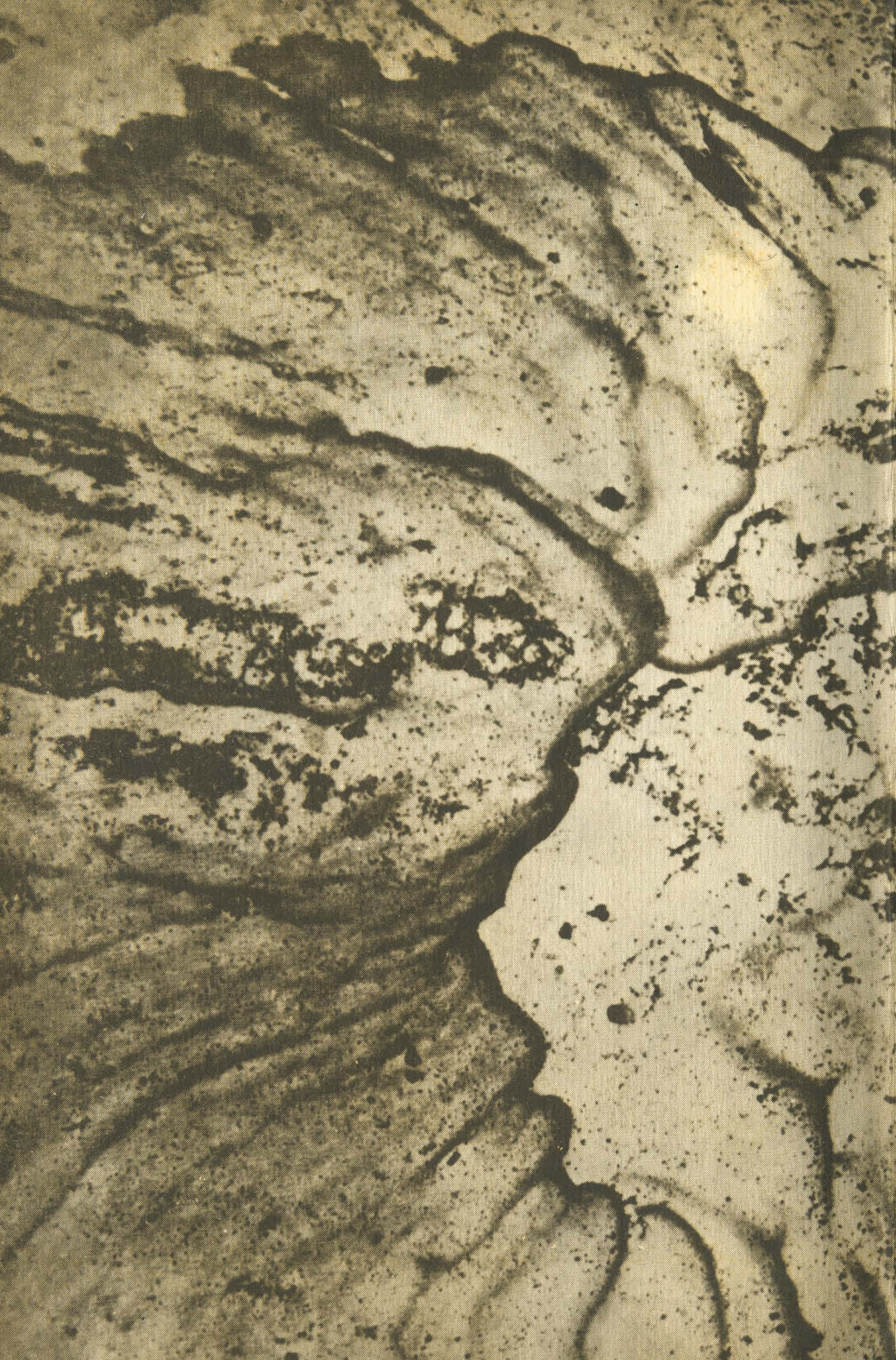

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XX

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1996

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XX
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1996

ББК 63.3(2)
С 60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Ответственный редактор
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Комментарии к XX книге написаны кандидатом
исторических наук А. Л. ЮРГАНОВЫМ

Указатели составлены Л. П. ЖЕЛОБАНОВОЙ

Художник издания А. Б. КОНОПЛЕВ

Основой настоящей публикации являются следующие издания:

- С. М. Соловьев.* Курс новой истории: В 2 ч. М., 1869;
С. М. Соловьев. Очерк истории Москвы // Московские ведомости. 1849.
4 окт., 6 окт., 12 нояб., 15 нояб.; 1850. 3 янв., 28 марта;
С. М. Соловьев. Москва в августе месяце 1612 года //
Московские ведомости. 1851. 21 авг.;
С. М. Соловьев. Москва в 1770 и 1771 годах //
Русская старина. 1876. Т. 17. № 10. С. 189—204;
С. М. Соловьев. Московские купцы в XVII веке //
Современник. Т. 71. № 10. С. 427—440;
С. М. Соловьев. Благодарное воспоминание о Иване Ивановиче Шувалове //
Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Февраль. С. 161—177;
С. М. Соловьев. Воспоминание о Ломоносове //
Московский Университет. Речи... 1877. Январь. С. 87—93;
С. М. Соловьев. Заботы Сената о русском языке в XVIII веке //
Русская старина. 1873. Т. 7. № 6. С. 859—860.

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00821-8

- © Издательство «Мысль». 1996
© Т. В. Мальчикова. Составление
и подготовка текста. 1996
© А. Л. Юрганов. Комментарии. 1996
© А. Б. Коноплев. Оформление. 1996

КУРС НОВОЙ ИСТОРИИ

Часть первая

I. ОТКРЫТИЕ НОВЫХ СТРАН И ПУТЕЙ

Новую историю обыкновенно начинают с открытия Америки. Почему же этому событию приписывается такое важное значение? Мы видим, что в истории сцена деятельности человечества постепенно расширяется: сцена так называемой древней истории — это преимущественно берега Средиземного моря. В так называемой средней истории историческая сцена гораздо обширнее: в истории принимают участие народы Средней, Северной и Восточной Европы; в соответствие южному древнему Средиземному морю важное историческое значение получает новое, северное Средиземное море Европы, т. е. Немецко-Балтийское (ибо эти два соединяющиеся друг с другом моря мы имеем полное право рассматривать как одно северное Средиземное море): на его берегах являются цветущие торговлеу ганзейские города, на его берегах — города нидерландские, соперники городов итальянских в промышленной и торговой деятельности. Наконец, новая история начинается с того времени, когда сцена деятельности европейских, т. е. собственно исторических, народов опять сильно расширяется: Западный, Атлантический океан с открытием Америки становится средиземным морем, большою дорогою между Старым и Новым Светом, и, кроме того, открываются новые пути между отдаленными частями Старого Света.

Разумеется, не вдруг европейский человек решился переплыть Атлантический океан. Этому решению предшествовало плавание около западных берегов Африки: честь первых открытий здесь принадлежит жителям Пиренейского полуострова, преимущественно португальцам. Близость Пиренейского полуострова к западным берегам Африки уже достаточно объясняет дело; но были и другие причины, условившие движение народов Пиренейского полуострова для открытия и завоевания неведомых земель. Припомним главное явление из исторической жизни этих народов, припомним постоянную борьбу, которую вело христианское народонаселение Пиренейского полуострова с магометанскими завоевателями, аравитянами. Борьба эта поглощала

все остальные интересы жизни, весь народ запечатлелся рыцарским характером; испанцы и португальцы жили в постоянном крестовом походе, религиозный интерес в борьбе с неверными стоял на первом плане. К описываемому времени жители Пиренейского полуострова составили из себя массу военного населения: то был народ рыцарей, дворян, борцов за христианство против неверных. В этом крестовом походе, увенчавшемся к концу XV в. блестящим успехом, развились силы, требовавшие выхода.

Португальцы и испанцы бросились на открытия, но деятельность их в новооткрытых странах была продолжением тех же крестовых походов против неверных. Португальский принц *Генрих Мореплаватель* считается начальником этого движения; но Генрих руководился не промышленным духом, а желанием распространить христианство; под его руководством сделаны были открытия островов *Канарских* и *Азорских*. За этим последовало открытие берегов *Верхней* и *Нижней Гвинеи*. *Варфоломей Диаш* открыл *мыс Бурный*, переименованный в *мыс Доброй Надежды* (1486); *Васко де Гама*, обогнув этот мыс, открыл в 1498 году путь в Восточную Индию. Здесь началась борьба, которая может показаться сказочною, потому что горсть европейцев поражала многочисленные полчища азиатцев и утвердилась наконец в Индии. Похождения португальских завоевателей *Франциска д'Альмеида* и *Альбукерка* поражают необычайностью подвигов; но здесь, так же как и везде, европейское качество побеждает азиатское количество. Как обыкновенно бывает, сильное движение, которому предается известный народ, великие подвиги, которые он совершает, возбуждают к деятельности художественные таланты; подвиги передаются потомству в художественных произведениях. И португальцы не молча совершили свои подвиги в странах отдаленных: эти подвиги были прославлены *Камоенсом* в его поэме «*Лузиада*».

Еще до открытия пути в Восточную Индию, в 1492 году, была открыта Америка. Здесь мы должны остановиться на отношении Европы к Америке и решить вопрос, почему Европа открыла и завоевала Америку, а не обратно?

Европа составляет часть так называемого Старого Света. Что же такое Старый Свет? Какому Новому Свету противопоставляется он? В чем различие между ними? В том ли только, что Америка стала известна позднее? Но почему Европа открыла Америку и овладела ею, а не Америка овладела Европою? Не даст ли ответ на этот вопрос взгляд на физические условия Старого и Нового Света? Закон развития везде один и тот же: как низшим животным мы называем то, которое лишено многих органов, которое представляет простое сплошное тело, а высшим называем то, которое одарено самыми разнообразными органа-

ми, так и те материка, которые представляют больше разнообразия в очертаниях и формах, более противоположностей и особенностей, более содействуют историческому развитию, чем материка, представляющие простую, сплошную массу. Старый Свет именно отличается разнообразием форм, противоположностями, резкими переходами — например, что может быть резче перехода из Монголии в Китай, из Тибета в Индию, из Германии в Италию, — благодаря горным хребтам, разрезающим Азию и Европу на две части, Северную и Южную.

В Америке нет этих резких переходов, потому что Анды разрезают Америку на две далеко не равные части, Восточную и Западную, которые находятся под одними широтами, имеют почти одинаковый климат, отличаясь только степенью влажности его. Этой простоте, единству внутреннего строения Америки соответствует однообразие человеческой породы; индейцы Америки, и северные, и южные, имеют один цвет кожи и бросающееся в глаза сходство в чертах лица. Далее: в Старом Свете три материка, расположенные один подле другого, образуют одну сплошную массу, особенно Европа с Азией, которые можно принимать за один материк. Эта масса представляет самую большую часть суши и во внутренних частях своих наименее доступна влиянию океана, почему Старый Свет есть по преимуществу материковая часть земного шара. В Америке же два материка, Северная и Южная Америка, не сплочены друг с другом в одну широкую массу, но тянутся как длинный остров, всюду открыты влиянию океана и потому представляют преимущественно океаническую часть земного шара. Отсюда климат Нового Света сравнительно с климатом Старого отличается обилием дождя, отсюда множество рек и озер.

В Америке самые огромные реки земного шара, самые огромные озера. Это обилие влаги под лучами тропического солнца развивает в Америке самую роскошную и повсеместную растительность, ибо в Америке нет обширных пустынь Старого Света. Но развитие органической жизни здесь односторонне: богатство мира животного не соответствует роскоши мира растительного, ибо для полного развития животной жизни нужен сухой жар материкового климата. Америка обильна низшими животными: насекомые ее великолепны, пресмыкающиеся многочисленны и громадны, но высшие животные здесь далеко не так развиты, как те же породы в Старом Свете. Америка в эпоху прибытия туда испанцев не имела лошадей, что было одною из причин неуспеха американцев в борьбе с европейскими завоевателями. Наконец, человеческая порода в Америке отличается своею слабостью, вялостью, вследствие чего завоеватели и должны были покупать негров для рабов. Таким образом объясняется нам судьба Старого и Нового Света, их отношения друг к другу.

В Новом Свете преобладает жизнь растительная, в Старом над растительным миром берет перевес мир животный; вместе с тем и человеческая порода разнообразнее и крепче: вместо одной породы, какую видим в Америке, в Старом Свете находим четыре, если не больше, различные породы.

В Америке европейцы нашли большие империи с развитою, по-видимому, цивилизациею. Но мы здесь должны употреблять слово «цивилизация» осторожно; надобно различать цивилизацию европейскую, китайскую, американскую. Говорят об американской цивилизации, толкуют, что Мексика и Перу имели обширные города, прочные постройки; но и бобр мастер строить плотины, и пчела — соты, и муравей занимается удивительным зодчеством в своей куче. При этой внешней цивилизации американской мы не видим ничего духовного, собственно человеческого. Для определения древнеамериканской цивилизации довольно заметить, что в великольном Мексико тысячи людей погибли на алтарях божества.

Европа открытием Америки обязана генуезцу *Христофору Колумбу*. Затруднительность прежних торговых путей в Восточную Азию вследствие утверждения мусульманского варварского владычества на развалинах Византийской империи заставляла сильные и развитые наукою умы в Европе думать о новых путях в богатую Индию. Колумб, не подозревая существования Американского материка, пришел к мысли, что если все плыть на запад по Атлантическому океану, то можно достигнуть берегов Азии. Колумб предложил своим соотечественникам, генуезцам, снарядить для этого экспедицию, но предложение его было отвергнуто; в Португалии и Англии случилось с ним то же самое; но препятствия не сломили железной воли гениального человека, и Колумб наконец был выслушан при дворе кастильской королевы Изабеллы. Здесь обстоятельства были благоприятны: Гренада, последнее владение мусульман на Пиренейском полуострове, пала пред соединенным оружием испанцев; воодушевление испанцев при этом деле было велико, напряженные силы требовали выхода, государственным людям Испании нравились широкие планы, и предложение генуезца было принято. В августе 1492 года три испанских корабля под начальством Колумба поплыли в неведомую даль по Западному океану.

Чем далее экспедиция удалялась от берегов Европы, тем более страх овладевал плователями, ропот усиливался; смерть уже грозила Колумбу от рук бунтующих матросов, когда увидели наконец землю: то был один из Антильских островов — *Гуангани*, переименованный в *Сан-Сальвадор*. Роскошная природа поразила европейцев и вселила надежду на открытие новых земель, где они могли найти драгоценные металлы; сопротивления нельзя было опасаться, потому что жители новооткрытых земель были совершенные дети пред испанцами. Колумб, уверенный, что

открыл путь в Азию, назвал найденные острова *Индией*, отсюда и название коренных жителей Америки *индейцами*.

Еще три путешествия совершил Колумб в Америку и даже открыл самый ее материк, который, однако, назван не его именем, а именем первого описавшего эту новую часть света флорентийца *Америго Веспуччи*. Судьба Колумба была печальна: когда была получена весть в Европе об открытии новых богатых земель, то туда бросилась толпа, состоящая из всякого сброда, бросилась с целью быстрого обогащения не посредством промышленного труда (ибо испанский народ не был народом промышленным), но посредством оружия. Вдали от отечества, от власти эти люди разнуздались и позволяли себе варварские поступки с туземцами. Колумб, сделанный великим адмиралом и вице-королем открытых им земель, хотел строгостию сдерживать грабителей и, разумеется, навлек на себя сильное неудовольствие, тем более что на него смотрели как на пришельца, иностранца, не имеющего права повелевать испанцами. Колумб был оклеветан и в оковах привезен в Испанию: здесь оковы были сняты, но Колумб не получил уже прежнего своего значения.

Печальный конец Колумба не имел влияния на ход начатого им дела: испанцы открыли южную часть Северной Америки, где была сильная Мексиканская империя. Здесь племя победителей, *ацтеков*, властвовало над покоренными племенами; рознь и враждебность между частями народонаселения благоприятствовали испанцам, и к завоеванию Мексики в 1519 году приступил *Фердинанд Кортес*. Человек образованный, искусный полководец и администратор, Кортес выходил из ряда обыкновенных искателей приключений. С 700 человек он покорил Мексику, овладел императором *Монтесумою* и начал распоряжаться в империи. Ацтеки, однако, восстали и своею многочисленностию грозили задавить испанцев; Кортес должен был выйти из Мексики и, только поднявши покоренное племя против господствующего в течение двух лет, завладел снова всею империею. Здесь Кортес уничтожил человеческие жертвоприношения; но только что приступил к устройству завоеванного края, как был отозван в Испанию, потому что его заподозрили там в стремлении к самостоятельности.

С меньшими усилиями было покорено золотое царство *инков* — *Перу*; сюда явились испанцы под начальством *Пизарро* и *Альмагро* (1529), людей, далеко уступавших в способностях Кортесу, притом же людей грубых и жадных. После легкого завоевания Перу здесь произошла ссора между завоевателями: Пизарро убил Альмагро, но потом сам был убит сыном последнего; наконец испанскому правлению удалось восстановить порядок. Одновременно с распространением испанских владений в Америке португальцы открыли Бразилию и утвердились в ней.

Таким образом два народа Пиренейского полуострова поделили между собою Новый Свет. Здесь покоренные туземцы начали быстро исчезать, потому что завоеватели начали их употреблять в работы на плантациях и в рудниках. Слабые американцы не выдерживали работ и гибли; они привыкли вести праздную жизнь, условливаемую богатством природы, и труд им был неизвестен. Завоеватели жаждали богатств и не обращали на это внимания; тщетно доминиканские миссионеры восставали против подобного варварства; наконец один из них, *Лас-Казас* (умер в 1566 году), чтобы спасти туземцев от истребления, предложил вывозить негров из Африки, и таким образом начался этот знаменитый торг черными невольниками, который только в недавнее время уничтожен по международному закону и жестоко преследуется.

Следствием открытия Америки и морского пути в Восточную Индию было то, что Атлантический океан сделался средиземным морем, большою историческою дорогою; деятельность европейских народов увеличилась, найдя себе обширное поприще; горизонт европейского человека расширился, и вопрос о колониях сделался одним из важнейших вопросов европейской политики. Европейские государства после того, как они сложились в начале средней истории, вообще не расширялись одно на счет другого, и войны не имели завоевательного характера; народы обыкновенно сохраняли каждый свою территорию; но со второй половины XV века завоевания стали производиться за океаном; туда Европа стала сбывать свои лишние силы, и там возник новый мир—Новая Европа, начавшая оказывать влияние и на метрополию.

Завоевания европейцев в Азии, Африке и Америке, совершавшиеся с такими ничтожными средствами, не могли бы идти так успешно без одного изобретения, давшего преимущество европейцам: мы говорим о изобретении *пороха* или, лучше сказать, о его приложении. Говорят, что в Европе указал на порох немецкий монах *Бертольд Шварц* в половине XIV века. Приложение пороха произвело переворот в военном деле: закованное в латы рыцарское ополчение должно было уступить первенство пехоте; старинные зубчатые стены и башни рыцарских замков и средневековых городов оказались несостоятельными против пушек, и понадобились укрепления иного рода.

II. ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНИЯ

Другое изобретение, приготовившее новую историю,—это *книгопечатание*. До изобретения книгопечатания, вследствие трудности добывать книги, наука и мысль должны были ограни-

чиваться тесными кружками. Частному человеку невозможно было заводить библиотеку; это было доступно только обществам, именно монастырям, которые по своему богатству могли доставать рукописи, а члены их по своему приговлению и до сугу могли заниматься ими. Как были дороги книги, доказательством служит то, что в библиотеках рукописи приковывались цепями к стенам для того, чтобы их невозможно было похитить. Книгопечатание произвело громадный переворот: оно, так сказать, демократизировало науку, давши ей возможность распространяться свободно по целой массе; новые силы были приобретены для науки.

Говоря об открытии новых земель и путей, мы видели, как вследствие этого события расширился горизонт европейского человека, но чтобы пользоваться открытиями, жить этою новою, усиленную жизнью, нужно знать все, что делается в расширенной сфере. Древние мудрецы, чтобы научиться, приобрести мудрость, считали необходимым путешествие. Путешествие считается и теперь важным средством для научения; но нельзя же целый век путешествовать. Благодаря книгопечатанию мы, оставаясь на одном месте и читая обо всем, что делалось и делается на свете, живем общею жизнью с целым человечеством; положение нового человека, можно сказать, божественное в сравнении с положением человека древнего: новый человек сравнительно с древним всеведущ, всеведущ, во сколько эти слова могут быть употребляемы, говоря об ограниченном существе. До книгопечатания и люди, стоявшие на верху общества, не знали хорошо обстоятельств дела, случившегося вдали от них; а люди из массы народной узнавали о чем-нибудь, только разве встретившись с путешественником, и то узнавали о деле, давно прошедшем.

Книгопечатание, изобретенное немцем из Майнца, *Иоанном Гуттенбергом* в 1440 году, явилось в то самое время, когда умы пробудились и просвещение стало сильно распространяться: то была знаменитая *эпоха Возрождения наук*. В этом Возрождении главную роль играет Италия. Италия в средние века не могла достигнуть политического единства; она представляла страну самостоятельных городов; свободное сельское народонаселение исчезло и земледелие упало в эпоху падения Римской империи, когда богачи, скупив мелкие земельные участки у бедных, превратили свои огромные владения в пастбища, где пастух был раб, привезенный из чужой страны. В таком положении застали Италию варвары, сменявшие друг друга; в это печальное время варварских нашествий в одних городах можно было найти некоторую безопасность. Варвары могли бы дать политическое единство Италии, если бы в ней образовался политический центр, к которому тянули все остальные ее части. Но варварам мешало постоянно папство. Папы, усилившись в городе Рима и около

него, стремились к тому, чтобы обессилить варваров, противопоставляя одних другим: так они успели посредством франков разрушить королевство Лангобардское. Папская область, разрезывая Италию на Северную и Южную, мешает до сих пор единству страны.

Непосредственное наследие древней цивилизации, полуостровное положение Италии на Средиземном море, близость торговых путей в богатые страны Востока, стечение путешественников к Риму, столице западного христианского мира, крестовые походы повели к процветанию отдельных самостоятельных городских общин или республик. Во сколько торговое и мореплавательное движения способствуют быстрейшему развитию народов, во столько итальянцы опередили другие европейские народы. В то время, когда в остальной Европе сила и богатство основывались на недвижимой собственности, на землевладении, в городах Италии появилась новая сила, начавшая играть важную роль в истории человечества: то были деньги, богатство движимое. Купцы, банкиры становятся здесь денежными государами, к которым обращаются другие государи, владельцы земель.

К концу средних веков Италия представляла удивительное зрелище: страна раздроблена, владельцы, города ведут ожесточенную борьбу друг с другом, но тяжесть этой борьбы падает преимущественно на сельское народонаселение, а города процветают все более и более. Ожесточенная борьба происходит и в самых городах, где одна политическая партия враждует с другою; когда одна торжествует, то изгоняет партию противную; побежденные уходят из родного города, унося с собою деньги, и способствуют богатству и процветанию того города, где селятся. Все ведет к господству денег, движимого богатства над недвижимым. При таком господстве движимого богатства в Италии банкиры становятся владельцами целых областей; до сих пор главную силу составляло оружие; только вожди завоевателей основывали государства, становились родоначальниками династий, но в Италии богатые купцы, банкиры Медичи становятся государами Флоренции, входят в родственные связи с древнейшими династиями, сажают из среды себя пап на римский престол.

Накопление богатств, роскошь, отсюда проистекшая, вместе с роскошью природы и остатками чудес древней цивилизации, расширение умственного горизонта вследствие торгового движения, торговая деятельность, стечение иностранцев к Риму, значение этого Рима для всей Западной Европы и проистекающая отсюда обширная деятельность римского правительства — все это вместе сделало итальянцев наиболее развитым, передовым народом в Европе.

Почва была приготовлена, и посев не замедлил. После падения Византии ученые-греки переселились в ближайшую Италию,

где нашли приют, покровительство и помощь у владельцев и богачей, которые были на столько развиты умственно, что могли понимать силу и прелесть знания. Последовало сильное умственное движение, направленное к изучению древних авторов. Начали составляться греческие и латинские грамматики и лексиконы, стали переводить древних авторов. Вскрылись произведения мудрецов Греции с различием направлений, школ, и это различие повело к партиям между учеными-итальянцами: одни стали за Платона, другие — за Аристотеля. Близкое знакомство с изящными произведениями древнего слова сделало смешною средневековую, варварскую монашескую латынь, и ученые итальянцы, а за ними и ученые других народов начали стараться говорить и писать изящною латынью Цицерона. Тут-то изобретение Гуттенберга пришлось как нельзя кстати, и явились изящные издания древних венецианского типографщика Альда Мануция.

Но, как обыкновенно бывает в подобных случаях, итальянцы не могли устоять пред вскрывшимся древним миром, пред богатством и силою его мыслей, пред изяществом его форм, поддались ему, увлеклись и впали в крайность. Начали считать хорошим, достойным подражания только новооткрытое древнее; все средневековое начали считать дурным, от которого следует отделаться. Но древний мир имел свою религию, столь противоположную религии нового мира. Если в древнем мире было все так прекрасно, то прекрасна была и его религия: зачем же она была заменена новою? Нашлись такие слабые люди, которые увлеклись до того, что отвергли Христа и начали поклоняться божествам древности; у других дело не дошло до такой смешной крайности, но христианские верования были сильно поколеблены подчинением древнему нехристианскому миру, подчинением древней философии. Этому ослаблению христианских верований в Италии способствовали еще другие обстоятельства, а именно страшный упадок нравственности, преимущественно произведенный недостойным поведением римского духовенства, равнодушного к религии при исключительном преследовании мирских целей. Чем ближе к Риму, тем сильнее было вредное впечатление, производимое безнравственностью римского духовенства, тем сильнее было это впечатление, чем образованнее, развитее были итальянцы сравнительно с другими народами католическими.

Папство своими мирскими стремлениями превратило религию в средство добывания материальных сил. Церковный государь собирал подати со всей Западной Европы и жил на чужие грехи, на грехи чужих народов. Богатство высшего духовенства вело к роскоши и чувственности; привычка смотреть на религию как на средство вела к ослаблению религиозных убеждений, и тут-то является мода на изучение древности, древних писателей. Высшее духовенство предается страсти к этому изучению, предается

умствованному наслаждению, умственной роскоши, что окончательно подрывает христианские религиозные убеждения. Итальянский прелат, начитавшийся древних языческих писателей, считает своею привилегию не верить в христианские догмы, которые предоставляет слепой, необразованной массе, а сам между тем живет на счет веры этой массы; но что может быть безнравственнее того явления, когда проповедник сам не верит тому, что проповедует, и делает таким образом из всего своего существа обман, ложь.

Ослаблению нравственности в Италии способствовало еще и то обстоятельство, что в ней происходила постоянная борьба партий, постоянная усобица и смута. При богатстве, обилии денег борьба эта ведется посредством наемников (кондотьери), которые проливают кровь свою за всякого, кто дает деньги; эта продажа жизни за чужие интересы не могла содействовать укреплению нравственности в продавцах; не могла содействовать к тому же и в покупателях, уничтожая стремление жертвовать жизнью за высшие интересы. За деньги можно все купить, и прежде всего можно купить в Риме царство небесное!

Междоусобная борьба есть самая злая борьба, в которой противники не щадят друг друга; так и в Италии победители не щадили побежденных: отсюда привычка к насилию, к крови, привычка ни во что ставить жизнь человека. Богатые умственным развитием, но слабые разделением, итальянцы постоянно подвергались нашествию чуждых народов, споривших за обладание их прекрасною и богатою страной; в сознании своей слабости, преклоняясь пред этими завоевателями, итальянцы ненавидели их и презирали как варваров, считали против них все средства позволенными, прибегали обыкновенно к хитрости, коварству, орудиям слабого в борьбе против сильных; но употребление таких орудий действует разрушительно на нравственность.

При таких-то условиях итальянской жизни произошло возрождение наук посредством знакомства с древним миром. Лучшие люди эпохи Возрождения были крайне недовольны этими условиями, и недовольство настоящим, вытекшим из условий средневековой жизни, заставляло еще более обращаться к древнему миру и вздыхать по нем, в нем искать условий счастья для государств и народов.

Изложенное состояние Италии в эпоху Возрождения всего лучше отражается в сочинениях знаменитого флорентинца Макиавелли (умер в 1527 году). Сочинения эти: 1) *Рассуждения о Тите Ливии*; 2) *История Флоренции*; 3) *Государь*. В первом сочинении высказано самым блестящим образом убеждение тогдашних итальянских ученых, рабствовавших древнему миру: устройство Римской республики является наилучшим. Макиавелли упрекает папство в том, что оно развратом подкопало христианство,

отняло у него политическое значение, и христианство поэтому не имеет такого благодетельного влияния на гражданскую деятельность, как язычество. Таким образом, и в религиозном отношении, хотя с оговоркой, Макиавелли отдает преимущество древнему миру. В «Государе» Макиавелли начертывает правила, каким должен следовать человек, желающий достигнуть верховной власти. Здесь высказались господствовавшие тогда в Италии взгляды, что все средства позволены для достижения известной цели, что политика не имеет ничего общего с нравственностью.

Но в то время, когда итальянские ученые во имя начал древнего мира протестовали против печального состояния своего отечества, позабывая, что эти начала не спасли древнего мира, позабывая, что мир был возрожден не Аристотелем и Платоном, не Цицероном и Горацием,—в то время была сделана попытка восстановить нравственные силы итальянского народа во имя религии нового мира. Вдохновенный проповедник Саванарола, как древний пророк, обратился к флорентийскому народу с проповедью покаяния и исправления. Проповедь произвела могущественное действие на народ, и Саванарола явился во главе общины, готовой начать новую, возрожденную жизнь. Но все, что было сильно, что имело в руках власть и богатство, восстало против Саванаролы; восстало духовенство, пороки которого он обличал, восстал папа Александр VI (из фамилии Борджиа), чудовище разврата. Папа объявил Саванаролу еретиком, вследствие чего все от него отступились, и Саванарола погиб как еретик.

Попытка произвести нравственное возрождение итальянского народа религиозными средствами не удалась; римское духовенство осталось глухо к призыву очищения, которое одно могло поддержать его значение и власть; римское духовенство убило пророка и продолжало вести языческую жизнь, окруженное прелестьями искусства и языческого знания, не подозревая, что это самое знание поднимет против него страшную бурю с Севера.

Возрождение науки не могло ограничиться Италией. Вся Европа жила общею жизнью; что делалось у одного народа, то не могло оставаться надолго чуждым другому; притом же Италия, где началось Возрождение, была местом свидания для всех западноевропейских народов, и новая жизнь легко разнеслась повсюду. С самого начала Италия находилась в тесной связи с Германиею; король Германии был вместе и император римский, и, начиная с Оттонов, немцы подвергались умственному влиянию итальянцев. Немцы сталкивались в Италии с французами, которые также не спускали глаз с красавицы страны и являлись по призыву пап, когда последним становилось нужно французским влиянием уравновешивать немецкое. Испанцы также явились наперевод и овладели южною частию Италии. И другие народы

были хорошо знакомы с Италией благодаря тому, что здесь была столица католицизма: одни из религиозного усердия, другие по необходимости должны были посещать ее.

Новая научная жизнь, развившаяся в Италии, скоро проникла в Германию. И здесь лучшие умы с жадностью бросились на изучение древности. Университеты начали размножаться, появились ученые общества, члены которых находились в постоянном общении с Италией. При этом возбуждении умов сейчас же было обращено внимание на отношения религиозные, церковные. Это произошло, во-первых, потому, что в Германии вовсе не было того равнодушия в делах веры, какое мы видим в Италии; во-вторых, в Германии давно уже были недовольны поведением римского духовенства; это неудовольствие было тем сильнее, что здесь оскорблялось национальное чувство. Немцы видели вопиющие злоупотребления власти, и власти чуждой, пребывающей в чужой стране, среди чужого народа; вопрос о церковных преобразованиях был давно поднят в Германии, следствием чего были соборы Констанцкий, Базельский; почва была приготовлена; вопрос об отношениях папской власти к национальной Церкви стоял на очереди, и понятно, что умы, возбужденные наукою, прежде всего обратились к нему.

В начале истории западноевропейских христианских народов католицизм имел то значение, что охранял единство Западной Европы внешним, видимым единством Церкви. Папа в этом отношении был хороший опекун народов Западной Европы во время их младенчества. Но народы стали вырастать, опекун становился все более и более ненужным, основания общей жизни, общей деятельности европейских народов были упрочены; народы стали стремиться к развитию своих национальностей, а тут помеха: старый опекун, папа, латинскою обеднею, латинскою Библией, которую запрещает переводить на языки народные, задерживает национальное развитие; сюда присоединяются злоупотребления, какие позволяла себе Римская Церковь в своих отношениях к народам, уже возмужалым, тогда как нравственный авторитет крайне ослабел и римское иго стало невыносимо. Лучшие люди и из духовенства сознавали, что нельзя оставаться при таких отношениях Церкви к государствам и народам, и требовали соборов, власть которых долженствовала быть выше власти папской. Папа не хотел уступить ничего из прежнего своего значения и отверг мирную реформу; таким образом правильное и спокойное движение было остановлено и тем самым приготовлено было движение неправильное, порывистое, судорожное, приготовлена была церковная революция, известная под именем Реформации. Любопытно видеть, как на ход Реформации имели влияние народные отношения к Риму. Нам известно, что первое сильное, народное восстание против папства, против ла-

тинской Церкви произошло у чехов во имя славянской народности (гусситское движение). Потом Реформация явилась на германской почве, и западноевропейский мир разделился на две группы народов: германские народы оторвались от Римской Церкви, свергая при этом чуженародное иго, иго чуждого государя, папы; романские народы остались за Римом: в испанце, французе, итальянце латинская Церковь, латинское богослужение не возбуждали отвращения, ибо государства их основались на римской почве, язык латинский был им язык родной.

III. РЕФОРМАЦИЯ

Духовенство в средние века приобрело важное значение не вследствие одного господства религиозного чувства, но и вследствие того, что оно преимущественно владело образованностью, заправляло литературным движением, представляло силу пера в противоположность силе меча. Теперь при усиленном умственном движении удержало ли католическое духовенство за собою первое место, овладело ли новою силою, наукою, осталось ли значение ученого неразрывно соединенным с значением духовного лица? Нет, духовенство пренебрегло новою силою, передало ее мирским людям и дорого поплатилось за это. Значение ученого отделилось от значения духовного лица, вследствие чего явились для народа два рода учителей, два рода авторитетов и вступили в борьбу друг с другом; при этом католическое духовенство проиграло свое дело, отдавши в руки противникам могущество знания, оставляя без внимания потребности времени, стараясь во что бы то ни стало удержать старину, удержать право на все свои старые вопиющие злоупотребления. Борьба между католическим духовенством и светскими учеными, проложившая путь Реформации, известна под именем борьбы между *обскурантами* и *гуманистами*.

Между германскими учеными эпохи Возрождения знаменит был *Иоган Рейхлин* (родился в 1455 году, умер в 1522 году), знаток латинского, греческого и еврейского языков, составитель латинского лексикона, имевший в 27 лет 23 издания греческой грамматики, учебника гражданского права, всемирной истории, занимавший в Штутгардте важное место судьи Швабского Союза. В 1509 году крещеный жид Пфедферкрон обратился к императору Максимилиану с просьбою о насильственном обращении евреев в христианство. Кельнские доминиканцы поддерживали его и требовали у императора распоряжения, чтобы преданы были сожжению еврейские книги, заключающие хулы на христианство. Какие это книги? Решение вопроса было передано Рейхлину как знатоку еврейского языка; тот не нашел ни одной

книги, достойной сожжения, и окончил свое донесение замечанием, что надобно во всех университетах 10 лет учить еврейскому языку, и тогда только получится возможность опровергать евреев и обращать их в христианство. За это доминиканцы выпустили против Рейхлина ругательное сочинение. Рейхлин отвечал, завязался сильный спор, который перенесен был на ученый суд Парижского университета; университет осудил ответ Рейхлина доминиканцам, и книга его была сожжена в Париже и некоторых городах Германии.

Рейхлин, поддерживаемый императором, курфюрстом Саксонским, герцогом Баварским, маркграфом Баденским, одним кардиналом, 5 епископами, 13 аббатами и 53 имперскими городами, апеллировал к папе, а между тем монахи объявили греческий язык матерью всех ересей, изучение же еврейского языка — признаком наклонности к обращению в жидовство. Папа выдал приказ остановить спор. Спор прекратился; но разжженные им страсти не могли успокоиться, движения, им произведенного, не могло остановить никакое папское приказание; два враждебные лагеря ясно обозначились; люди живые и даровитые, ставшие в ряды гуманистов, начали преследовать своих противников страшным оружием — насмешкою. Явилось сочинение под названием «*Письма темных людей (обскурантов)*», в котором были осмеяны глупость, наглость, невежество и безнравственность монахов; авторы писем отлично подделались под образ мыслей и под средневековую варварскую латынь монахов.

Удар был тем сильнее, что осмеянные монахи не поняли сначала в чем дело, и сочли письма, написанными в свою пользу. Насмешка достигала своей цели, приучая общество к отрицательному направлению, приучая легко относиться к самому важному делу, ибо с подрывом авторитета монахов нечувствительно подрывался и авторитет Церкви; всякому сколько-нибудь образованному человеку стало стыдно подчиняться людям осмеянными, опозоренным. Для предупреждения беды католической Церкви надобно было немедленно приступить к преобразованиям, потребовать от своих слуг очищения умственного и нравственного, но она этого не сделала.

Люди, особенно ратовавшие в рядах гуманистов, были:

1) *Эразм Роттердамский* (1467—1536). Претерпенные в молодости неприятности от людей, желавших, чтобы Эразм сделался монахом, содействовали тому, что он стал одним из непримиримых врагов монашества. Эразм приобрел громадную репутацию своими знаниями и талантами; он разъезжал по всей Европе, но преимущественно жил в Базеле, и жил своего рода царем; со всех сторон приезжали к нему посетители, присылались подарки, приглашения, государи вели с ним переписку. Это положение Эразма всего лучше показывает, какую силу приобрело тогда знание. Какие же были труды Эразма Роттердамского? Он написал сочи-

нение по духу времени; сочинение носило название «*Похвала глупости*» и осмеивало глупость людей всех состояний, особенно же духовных и монахов; важно было для нового религиозного движения Эразмово издание Нового Завета в греческом подлиннике с латинским переводом; кроме того, он издал много древних писателей; большую славу между современниками доставило ему сочинение, носившее название «*Adagia*» (пословицы) собрание разнородных рассуждений по поводу изречений древних писателей.

2) *Ульрих фон Гуттен* (1488—1523), застрельщик революции, человек, для которого борьба была наслаждением, не средством для достижения цели, но самоцелью. Чуть где движение, волнение — Гуттен тут, и волнение усиливается; появится сатира, Гуттен напишет другую, еще язвительнее. Гуттен происходил из обедневшей рыцарской фамилии; он не стал, подобно многим своим собратиям, бесплодно сетовать на новые порядки, враждебные рыцарству, усиление власти князей и городов; Гуттен сознавал, что время рыцарства прошло безвозвратно, сознавал, что человеку с его талантом надобно учиться и добывать себе значение не мечом, а пером. Он рассорился с отцом, который назначал его к духовному званию. Без средств к жизни он должен был блуждать по свету; очутился в Италии, где приобрел себе репутацию легкими сочинениями на латинском языке; возвратившись в Германию, написал ряд речей, направленных против герцога Ульриха Виртембергского, отличавшегося своим деспотизмом, и принял деятельное участие в сочинении «*Писем темных людей*».

Светские люди, бежавшие от монастыря, уготовали путь Реформации, и реформатор явился — из монастыря.

Мартин Лютер родился в Саксонии, в Эйслебене, в 1483 году; отец его был рудокоп, человек бедный, и нужда, всякого рода лишения встретили Лютера при появлении на свет; к этому присоединился еще суровый нрав отца и матери, которые жестоко наказывали его за всякую малость; в школе — те же розги. С Лютером случилось не то, что с Эразмом и Гуттенем; отец назначал его в юристы, а он сам, по внутреннему, как казалось, влечению для спасения души пошел в монахи (Августинского ордена). В монастыре Лютер не мог помириться с тою жизнью, какую обыкновенно вели тогда монахи, потому что у него было много духовных интересов; но он не мог вести и той жизни, какую вели древние, настоящие монахи: он не был достаточно духовен для этого, плоть и кровь требовали своих прав. Сначала произошла тяжелая борьба вследствие ясно сознаваемых обязанностей и недостаточности средств для их выполнения; борьба кончилась убеждением, что человек спасается не добрыми своими делами, но верою в милосердие Божие и заслуги Христовы.

В 1508 году Лютер был назначен профессором богословия в Виттенбергский университет, недавно основанный саксонским курфюрстом Фридрихом Мудрым. С началом Лютерова курса число студентов в Виттенберге стало сильно возрастать: в первые годы оно увеличилось от 200 до 800, а потом простиралось до нескольких тысяч, потому что богословие было тогда главным предметом. Здесь-то, в Виттенберге, через десять лет профессорской деятельности, доставившей Лютеру большую известность, начал он борьбу свою с Римом. Борьба началась по поводу продажи индульгенций, или письменных папских отпущений грехов, к которой прибегнул папа Лев X, знаменитый покровитель искусств, нуждавшийся в деньгах для постройки церкви святого Петра в Риме.

Продажа индульгенций была со стороны римского двора поступком в высшей степени неблагоприятным: в то время, когда вследствие указанных движений все вопияло против папских злоупотреблений, когда привыкли смеяться над поведением духовенства, когда народы стали сильно тяготиться игом, наложенным на них Римскою Церковью, тяготиться податями, собираемыми с них папою, этим уже чуждым итальянским государем в их глазах,— в это время, когда малая искра могла произвести пожар, вдруг новый подбор со стороны Рима, подбор самый неприличный в глазах образованных людей и производившийся самым неприличным образом. Монахи действовали по правилу казначея при папе Иннокентии VIII, говорившего: «Бог не хочет смерти грешника, но да платит деньги и жив будет!» Монахи продавали индульгенции как товар по таксе: каждый грех оценен был известною суммою денег; монахи цинически зазывали толпу в свои лавочки, кричали: «Заплатите деньги, и вы безгрешны!» или «Деньги скачут в мешок, а душа — в рай».

В 1517 году в окрестностях Виттенберга открыл лавочку с индульгенциями доминиканский монах Тетцель. Лютеру больше, чем кому-либо, были противны индульгенции, потому что они противоречили основному его положению. Римские богословы объясняли индульгенции так: святые своими заслугами скопили сокровище, которого достаточно не только для их спасения, но и для спасения многих других, и этот излишек оставили в наследие Церкви; папа как глава ее имеет право распоряжаться им, уделять его грешникам, у которых недостает собственных заслуг для спасения. Но Лютер, как мы видели, утверждал, что человек не может спастись своими добрыми делами, не только что излишком их очищать грехи других. Лютер в своих проповедях стал вооружаться против продажи индульгенций. Тетцель, узнавши об этом, начал браниться, называть Лютера архиретиком. Лютер вызвал его по тогдашнему обыкновению на ученый поединок: осенью 1517 года на дверях замковой церкви в Виттенберге

явилось 95 положений (тезисов) против индульгенций, причем Лютер объявлял готовность свою защищать эти положения против каждого.

Искра была брошена в порох: вследствие приготовленности общества к борьбе против Рима, вследствие напряженного состояния умов, требовавших выхода из тяжкого, нерешительного положения между старым и новым, спор между двумя монахами стал делом общегерманским, общеевропейским. Одни стали за Рим, другие за Лютера, и легко было предвидеть, что победа останется за последними, ибо на их стороне были таланты, образованность и горячее убеждение. Лютер, который в это время, по собственному признанию, готов был предать смерти всякого, кто бы явился послушником папы, Лютер невольно вступил на путь реформы, возражая своим противникам, что в их защите индульгенций нет ничего из Священного Писания, ничего из соборных решений; таким образом уже была высказана мысль, что позднейшие постановления Римской Церкви, пап не имеют значения.

В Риме поняли, что нельзя смотреть равнодушно на споры немецких монахов, и Лютер получил приказание явиться к суду в Рим в течение двух месяцев. Но уже прошло то время, когда папские приказания исполнялись немедленно и беспрекословно; император пишет папе, что если соблазнительная продажа индульгенций не будет прекращена, то многие князья и города встанут за Лютера; саксонский курфюрст пишет, что дело Лютера надобно исследовать в Германии чрез немецких епископов против единства Римской Церкви становится национальная Германская Церковь! И папа уступает — сознание своей слабости и силы новых начал! Кардиналу Каетану, отправлявшемуся в Германию на Аугсбургский сейм, было поручено вести Лютерово дело как можно тише, поговорить ласково с монахом и убедить его оставить борьбу. Свидание произошло в Аугсбурге (1518). Кардинал сначала уговаривал Лютера, чтобы отрекся от своих мнений, потом грозил, наконец стал кричать на монаха, повелительно требуя отречения. Лютер был один из тех людей, которые не любят, чтобы на них делали окрики. «Видя, что кардинал горячится и кричит, и я стал кричать», — рассказывал сам Лютер. «Я едва мог смотреть этому человеку в глаза: такой светился из них дьявольский огонь», — говорил Каетан. Дело не могло кончиться мирно, когда простой монах позволил себе кричать против кардинала. Друзья Лютера поспешили выпроводить его тайком из Аугсбурга.

Попробовали другое средство: летом 1519 года в Лейпциге при огромном стечении народа три недели спорили Лютер и двое приятелей его, Карлштадт и Меланхтон, против ингольштадского профессора Эка. Последний спросил Лютера,

как он думает: Констанцкий собор справедливо или несправедливо осудил Гусса и его учение? Лютер немного подумал и сказал: «Я думаю, что собор осудил положения Гусса, которые были совершенно христианские и евангелические». В собрании обнаружилось сильное волнение, и Эк сказал: «В таком случае, почтенный отец, да будете мне как язычник и мытарь». В 1520 году Эк выхлопотал в Риме буллу, отлучавшую Лютера от Церкви и предававшую сочинения его сожжению, если он в два месяца не отречется от своих заблуждений. Видя себе сильную поддержку, Лютер не испугался и решился покончить с папою; он написал два сочинения, призывавшие немцев к свержению папского ига: 1) *К христианскому дворянству немецкого народа*, 2) *О вавилонском пленении и христианской свободе*.

Страстный, увлекающийся, раздраженный борьбою на жизнь и на смерть, Лютер шел все дальше и дальше: подле законного требования уничтожения светской власти папы, требования самостоятельности национальных церквей, требования брака для духовенства, приобщения под обоими видами (телом и кровию Христовыми) Лютер высказывает сомнения относительно таинства пресуществления, вооружается против седмичного числа таинств; вооружаясь против наростов, образовавшихся в Западной латинской Церкви, он стал касаться верований Церкви Вселенской,— и по какому праву? Вселенская Церковь утверждает свои верования на вселенских соборах путем единственно законным, а реформатор общему соглашению противопоставил личное мнение, личный произвол, что вело вместо очищения Церкви к революции, к анархии; вместо необходимости преобразований в Западной Церкви, вместо восстановления соединения с Церковью Вселенскою явилось лютеранство, за которым следует кальвинизм, социнианизм и другие разные толки.

Люди, рвавшиеся на свободу из папских оков, с восторгом приветствовали выходы Лютера против Рима, Гуттен подливал масло в огонь своими сатирами. В конце 1520 года Лютер, сопровождаемый студентами, вышел за ворота Виттенберга и сжег отлучавшую его от Церкви папскую буллу вместе с книгою канонического права. Примирение стало невозможным: Лютер уже объявил папу антихристом. Папа антихрист; но что же император, защитник Церкви? До сих пор мы не слыхали его голоса.

Когда началось движение, возбуждаемое Лютером, на императорском престоле сидел старик Максимилиан; сначала он радовался движению, потому что был во вражде с папою; а потом, когда сблизился с папою для достижения своих династических целей, то папские требования встретили сильный отпор на сейме даже со стороны духовных князей. В январе 1519 года неожиданно умер Максимилиан, поднялся важный вопрос, кто

будет его преемником, и междуцарствие благоприятствовало религиозному движению, тем более, что курфюрст Саксонский Фридрих Мудрый, управлявший теперь делами империи на севере и востоке Германии, открыто покровительствовал Лютеру. В июне 1519 года междуцарствие прекратилось избранием на императорский престол испанского короля Карла, внука Максимилианова. Гуттен и Лютер — с одной стороны, приверженцы Рима — с другой, с одинаковым восторгом приветствовали молодого девятнадцатилетнего императора, надеясь чрез него исполнить свои желания; но Карл не удовлетворил ни той, ни другой стороне, ибо хотел стоять посредине, не увлекаясь противоположными стремлениями.

В 1521 году Лютер был позван в Вормс на сейм, где присутствовали новоизбранный император, папский нунций, многие князья, прелаты, депутаты от городов. Здесь на требование, чтоб отрекся от своих мнений, Лютер отвечал: «На том я стою, иначе не могу думать и говорить. Господи, помоги мне! Аминь». Молодой император Карл V был сын своего века, потому сознавал несостоятельность Римской Церкви и, следовательно, необходимость преобразований; Карл вовсе не относился к делу как фанатик, желавший во что бы то ни стало уничтожить попытки к реформе; но он хотел, чтобы реформа была совершена мирным, законным, а не революционным путем, хотел, чтобы дело было решено на соборе, где бы папа сделал все необходимые уступки. Но Карл никак не мог сочувствовать выходкам Лютера против Римской Церкви, в которых слышалась ересь, в которых слышалось отвержение авторитета Церкви. Лютер был отпущен из Вормса, но издано было постановление, объявлявшее его и последователей его еретиками, осуждавшее Лютера на заключение, книги его — на сожжение.

Старый покровитель Лютера, Фридрих, курфюрст Саксонский, и тут спас его от беды: он велел схватить его на дороге из Вормса и скрыть в замке Вартбурге. Здесь на досуге Лютер занялся переводом Библии на немецкий язык; здесь же смущен был слухом, что явились реформаторы, которые повели реформу далеко, очень далеко покатым путем отрицания, уничтожения всяких сдержек, религиозных, нравственных и общественных, так тесно связанных друг с другом. Мы видели, что Лютер уже пошел по скользкому пути отрицания авторитетов. Его основные положения были: 1) Священное Писание, изучаемое и объясняемое свободно, есть единственный источник веры; 2) должны быть сохранены только два таинства, крещение и причастие, соединенное с покаянием, но не устным пред священником, хотя последнее и не запрещается.

Опасный шаг был сделан. Пользуясь провозглашенною свободой в объяснении Священного Писания, всякий мог объяснять

его, как ему угодно; авторитет Церкви отвергнуть; граница между свободой и своеволием не указана. Если по слабости человеческой природы авторитет стремится перейти в деспотизм, то, с другой стороны, свобода, отрешившись от авторитета, стремится перейти в своеволие, в анархию, стремится к освобождению человека от всевозможных авторитетов, от всевозможных связей.

Лютер в Вартбурге переводил Библию на немецкий язык, а в Виттенберге уже шла борьба между умеренными и крайними проповедниками реформы. Августинские монахи провозгласили, что монашеские обеты противны Евангелию. Во главе крайних проповедников реформы был товарищ Лютера Карлштадт, человек с слабою головою, отличавшийся мрачным мистицизмом и диким красноречием. Он стал проповедовать, что надобно изменить форму Церкви и богослужение, ибо все, устроенное папою, безбожно и гнусно, что имеет прийти новый Илия, который разрушит жертвенники Вааловы. От проповедей он перешел к делу: сопровождаемый толпою увлеченных им студентов и граждан, он стал выбрасывать из церквей изображения святых, разрушать алтари.

Другой товарищ Лютера, Меланхтон, знаменитый распространением школьного образования и потому названный *общим учителем Германии*, не имел довольно нравственной силы, чтоб самому удержаться на покато́м пути и других удерживать. Еще дальше Карлштадта пошел Фома Мюнцер с товарищами, которые начали вооружаться против крещения младенцев, требовать перекрещивания взрослых (отчего и названы перекрещенцами или анабаптистами), коснулись и переделки гражданского общества, стали проповедовать общине имущества, уничтожение брака. В 1522 году явился снова в Виттенберг Лютер и начал проповедовать: «Слово сотворило небо и землю и все вещи; то же Слово должно действовать и здесь, а не мы, бедные грешники. Я хочу проповедовать, хочу говорить, хочу писать; но силою навязывать не хочу никому ничего, ибо вера должна быть принимаема безо всякого принуждения. Вступать в брак, не поклоняться иконам, постригаться в монахи, расстригаться, есть мясо в постные дни — все это отдается на волю, и никто не может этого запретить. Можешь все это соблюдать без отягощения своей совести — соблюдай, не можешь — не соблюдай. Есть много людей, которые поклоняются солнцу, месяцу и звездам: что же? Должны ли мы хлопотать о том, чтоб низвергнуть с неба солнце, луну и звезды?» Восемь дней проповедовал Лютер в этом духе против беспорядков, наделанных его рьяными последователями, и произвел то, что горячие головы, Карлштадт и Мюнцер с товарищами, должны были оставить Виттенберг, распространя ругательные сочинения против Лютера, явившегося в глазах их консерватором.

Но Лютер, сам расстригшийся монах и женившийся на расстриженной монахине, не мог сдерживать начатого им движения. Общество также не могло сдерживать крайностей: без веры в силу старого порядка и не зная, на чем должно остановиться новое движение, оно находилось в нерешительности, колебании и отсюда в расслаблении. Никто не решался привести в исполнение приговора, состоявшегося в Вормсе против Лютера; курфюрст Майнцкий, старший архиерей Немецкой Церкви, не позволял монахам проповедовать против Лютера из боязни, что эта проповедь даст новую пищу ереси. Книги Лютера и его приверженцев, которые по вормскому приговору должно было истреблять, распространялись в громадном количестве; вся литература этого времени принадлежит Лютерову учению. Наконец вормский декрет был ничтожен на Нюрнбергском сейме. Но скоро эта нерешительность общества начала проходить, когда с реформационным движением соединилось революционное.

В Германии в это время особенно недовольны были два класса народонаселения: рыцари и крестьяне. Рыцари были недовольны тем, что время их прошло: подле их разрушающихся замков поднимались богатые города, жители которых, гордые своим движимым богатством, презирали обедневших землевладельцев; с другой стороны, усилившиеся князья грозили подчинить своей непосредственной власти этих мелких землевладельцев, которые признавали над собою только одну императорскую власть или, собственно, ничью, хотели удержать такое же независимое положение, какое имели сильные князья. Представителем рыцарства в Германии был в это время Франц фон Сикинген; с ним соединился Гуттен с видимою целию поддерживать Лютерову реформу в Германии; но у них была еще другая, более обширная программа: восстановление старой свободы в империи с императором во главе и рыцарством подле него, уничтожение купеческих монополий, чужого (римского) права, уменьшение числа монахов, запрещение вывоза немецких денег за границу в виде выручки за индульгенции и других церковных поборов.

Сикинген начал дело в 1522 году нападением на архиепископа курфюрста Трирского, но другие князья поняли опасность, которая грозила им от рыцарства, и курфюрст Пфальцкий вместе с ландграфом Гессенским двинулись на выручку Трира, осажденного Сикингеном. Последний должен был отступить и спастись в свой замок, который скоро осажден был неприятелем. Помощь не приходила ниоткуда; укрепления средневекового замка стали рассыпаться от первых выстрелов артиллерии; сам Сикинген был тяжело ранен и принужден сдаться; он умер, имевши несчастье видеть разрушение своего гнезда. Вместе с Францом Сикингеном пало немецкое рыцарство; князья торжествовали.

Это было в 1524 году; в том же году встали крестьяне, у которых давнее недовольство своим положением получило теперь новую пищу и освящение в религиозном движении. За крестьянами стояли люди образованные, которые хотели воспользоваться их движением для достижения своих целей: одни хотели пересоздать Германскую империю на новых началах, уничтожить многовластие, установить единство императорской власти, ввести равенство перед законом, повсюду одинаковую монету, меру и вес, единую подать, лучшее судебное устройство. Другие, мечтая о пересоздании общества, воспламеняли воображение простых людей несбыточными вещами. В народе кружило множество листов с выходками против существующего порядка, с провозглашением нового блаженного состояния, при котором не должно быть ни богатых, ни бедных, ни вельмож, ни черни; множество расстригшихся монахов, не имея занятий, бродили в народе с подобными же проповедями. В 1524 году вспыхнуло крестьянское восстание в Шварцвальде, 12 000 крестьян под трехцветным знаменем явились у Валдсгута, где присоединились к ним горожане. *Евангелическое братство*, так называли себя восставшие, разослало повсюду вестников и грамоты с провозглашением, что они, крестьяне, не хотят более повиноваться господам своим, хотят служить только одному императору, ему одному платить подати, замки и монастыри будут разрушены.

Мюнцер и валдсгутский священник Губмайер проповедовали основание нового Иерусалима; оба выдавали себя за боговдохновенных мужей и поджигали крестьян к истребительной войне против богатых и сильных. Крестьяне поднялись в целой Швабии и большею частью под предводительством священников делали всякого рода неистовства; у них была уже артиллерия. Бунт распространялся. Наконец князья собрались с силами и в разных местах нанесли поражения нестройным толпам крестьян. Победители потушили бунт в крови побежденных согласно желанию Лютера, который увещевал не давать пощады восставшим крестьянам; Мюнцер в сане пророка вывел возбужденные им толпы к Франкенгаузену, где был разбит наголову князьями; он попался в плен и был казнен после страшных мучений.

Мюнцер погиб; но в Швейцарии, именно в Цюрихе, явился реформатор Цвингли, который, хотя не дошел до крайностей Мюнцера, но шел дальше Лютера, отвергая таинство Евхаристии и уничтожая в церквах изображения святых, кресты, свечи, алтари и органы. Завязался сильный спор между Лютером и Цвингли за отвержение последним таинства Евхаристии, ибо Лютер, хотя отвергал пресуществление, но признавал таинственное присутствие Христа при священнодействии, тогда как Цвингли слова Христа: «Сие есть тело мое» переводил: «Сие знаменует тело мое». Лютер объявил, что учение Цвингли происходит от дьяво-

ла. Цвингли впоследствии погиб в междоусобной войне между швейцарскими кантонами, он пал в сражении при Каппеле в 1529 году.

Между тем реформа распространялась преимущественно в Северной Германии; Иоанн Фридрих, курфюрст Саксонский, Альбрехт, маркграф Бранденбургский, и Филипп, ландграф Гессенский, и другие менее значительные князья приняли реформу; церковные имущества конфисковались в их владениях; связь с Римом была порвана; чрез уничтожение таинства священства духовенство лишилось прежнего своего значения и подчинилось светской власти; для надзора за ним и поставления явились деканы, суперинтенданты (кой-где удержавшие название епископов) и консистории. Другие германские князья, преимущественно в Южной Германии, остались верны католицизму. На сейме в Шпейере (1529) большинство оказалось за ними, и они постановили, что реформа не должна иметь нигде дальнейшего распространения. Тогда часть Саксонии (Кур-Саксония, т. е. находившаяся под властью курфюрста), Гессен, Люнебург, Ангальт, маркграф Бранденбургский и 14 имперских городов подали *протест* против постановления Шпейерского сейма; от этого *протеста* последователи реформы получили название *протестантов*.

Протестанты хотели составить союз для защиты своего дела против католиков; но им мешала рознь между последователями Лютера и Цвингли. Филипп, ландграф Гессенский, хотел помирить реформаторов и пригласил обоих, Лютера и Цвингли, в Марбург на публичную беседу, которая кончилась, однако, ничем: реформаторы не согласились относительно Евхаристии. Вследствие этого разошлись, ничего не постановивши о союзе, два собрания протестантов; на третьем, в Нюрнберге, не явились депутаты многих городов, потому что города эти не хотели подчиниться мнению Лютера об Евхаристии, на принятии которого настаивал курфюрст Саксонский. В 1530 году император созвал сейм в Аугсбурге для решения религиозного вопроса. Протестанты представили свое исповедание веры, написанное Меланхтоном и утвержденное Лютером; католики написали возражения; назначены были конференции для соглашений между обеими сторонами, но не повели ни к чему; протестанты оставили сейм, не дожидаясь решения, которое не могло быть для них благоприятно; сейм постановил, что все должно быть возвращено в прежнее состояние под страхом жестокого наказания ослушникам. Постановление это должно было иметь следствием междоусобную войну; протестантские князья заключили в Смалькалдене (1531) оборонительный союз на случай нападения со стороны католиков, но этого нападения не последовало, потому что у католических князей было мало охоты

к междоусобной войне, и, кроме того, страшные враги — турки — грозили империи. Император счел за нужное заключить перемирие с протестантами; оно было заключено в 1532 году на 12 лет в Нюрнберге, почему и носит название *Нюрнбергского религиозного мира*; по этому миру ни одна из сторон под предлогом веры не должна была нападать на другую до собора или до нового сеймового решения.

Во время этого перемирия протестантизм не переставал обнаруживать больные места; кроме ссоры между лютеранами и цвинглианами продолжало высказываться и крайнее направление реформы. Анабаптистский писатель Себастиан Франке высказывал, что нет греха перед Богом, ибо что считается грехом перед людьми, то не грех перед Богом, что Бог присутствует в растениях, животных и во всем существующем, что Христу нельзя приписывать какой-нибудь особенной божественности, кроме той, которая присуща всем великим людям.

После смерти Мюнцера анабаптисты, жестоко преследуемые в Германии, нашли убежище и последователей в Нидерландах. Прогнанные наконец и отсюда, они перешли в Вестфалию и утвердились в Мюнстере под предводительством своих апостолов, булочника Яна Матисона и портного Яна Бокольда из Лейдена, которые хвалились, что находятся под непосредственным наитием Святого Духа. Бокольд воцарился в Новом Сионе (как был назван Мюнстер); имение было роздано поровну между всеми жителями, все книги, какие только нашлись в городе, были сожжены; Бокольд, царь Нового Израиля, взял себе 14 жен по примеру Соломона. Лютер, Меланхтон и другие протестантские богословы тщетно старались сочинениями своими обратить своих собратий, которые быстро скатились с верхушки горы к подошве, тогда как богословы спускались с той же самой горы, только тормозя. Князя употребили светское оружие против анабаптистов; в 1535 году Мюнстер был взят с страшным кровопролитием с обеих сторон; Бокольда постигла участь Мюнцера; во всех областях Германии анабаптистам определена была смертная казнь; один Филипп, ландграф Гессенский, не позволял казнить людей за то только, что они анабаптисты; но Лютер был очень недоволен такою снисходительностью.

Протестанты воспользовались продолжительным отсутствием императора, его борьбою с Франциею, чтоб усилить свой Смалькалденский союз, во главе которого стояли Иоанн Фридрих, курфюрст Саксонский (преемник Фридриха Мудрого), и Филипп, ландграф Гессенский. Император постарался противопоставить протестантскому союзу католический, который составил в 1538 году в Нюрнберге из архиепископов майнцского и залцбургского, герцога Баварского, герцога Георга Саксонского и Гейнриха Брауншвейгского: союз принял название Священного.

В 1541 году была опять в Вормсе беседа между католическими и протестантскими богословами для соглашения в спорных пунктах и кончилась ничем; а между тем борьба между католическими и протестантскими князьями Германии разгоралась, причем протестанты не обращали никакого внимания на императорские решения; религиозная борьба имела следствием то, что, когда турки из Венгрии грозили Вене, то империя могла выставить ничтожное войско, нуждавшееся в деньгах и жизненных припасах; для войны с французами сейм также дал императору ничтожную помощь людьми и деньгами. Лютер усиливал ожесточение, напечатавши книгу «Против римского папства, установленного дьяволом».

Лютер умер в начале 1546 года, но его смерть не ослабила борьбы между католиками и протестантами. Незадолго до смерти Лютера (в декабре 1545 года) папа Павел III созвал собор. Император считал собор единственным средством для умирения Церкви и восстановления ее единства, причем имел в виду необходимые преобразования в Церкви, необходимые уступки протестантским требованиям. Император хотел, чтобы собор был в Германии, но папа требовал, чтоб он был в Италии; наконец выбрали место на границе между Германиею и Италиєю: Тридент в Тироле. Но протестанты расстроили планы императора, отказавшись присутствовать на соборе. Весною 1546 года император созвал сейм в Регенсбурге: главы протестантского союза, курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский, не явились на сейм. Тогда император, свободный от внешних войн, решился оружием покончить дело: он выставил три армии, папа помогал ему и войском и деньгами против еретиков, католические князья Германии были на его стороне; на его стороне был самый даровитый из протестантских князей — Мориц, герцог Саксонский, человек, равнодушный к религиозному вопросу и руководившийся одними политическими расчетами. Он был во вражде с своим двоюродным братом, курфюрстом Иоанном Фридрихом, и присоединился к императору, несмотря на то что был женат на дочери другого главы протестантского союза, Филиппа Гессенского; император привлек Морица обещанием расширить его владения в Саксонии на счет Иоанна Фридриха.

Летом 1546 года открылась так называемая *Смалькалденская война* (война императора против Смалькалденского союза). Карл V твердил, что дело идет не об искоренении протестантского учения, но что он вооружился против сепаратизма, против политического союза, который представляет государство в государстве и бунтует против императорской власти. Протестанты не были приготовлены к войне, у них не было денег, а главное — между ними господствовало несогласие. В апреле 1547 года курфюрст Иоанн Фридрих был разбит наголову и взят в плен при

Мюльберге; он был осужден императором на вечное заточение, земли его и курфюршеское достоинство переданы были Морицу.

Филипп Гессенский, отчаявшись в возможности сопротивления, начал хлопотать о мире через зятя своего Морица, который вместе с Бранденбургским курфюрстом поручился, что его не лишат свободы, если он явится лично пред императором; на этом условии Филипп согласился умолять Карла на коленях о помиловании, выдать ему всю свою артиллерию, отворить все крепости и заплатить большую сумму денег. Несмотря, однако, на поручительство курфюрстов, и Филипп был задержан императором.

Сокрушивши Смалькалденский союз, Карл считал себя вправе самовластно распоряжаться в Германии как светскими, так и духовными делами. В мае 1548 года появился знаменитый *Аугсбургский Интерим*, которым император определял все церковные отношения и который должен был служить законом для католиков и протестантов впредь до соборного решения. Из этого постановления и католики увидели, что торжество императора вовсе не было торжеством папы, который напрасно потратил свои деньги на Смалькалденскую войну: Интерим позволял протестантским духовным удерживать своих жен, позволял приобщаться под обоими видами, не принуждал протестантов сейчас же отдать назад захваченные ими церковные имения. И католики, и протестанты отвергли Интерим, император начал силою принуждать к его принятию.

Между тем в Саксонии Мориц уговорил Меланхтона составить свой Интерим, в котором протестантский богослов допустил прежние католические церемонии, допустил власть папы и епископов. Интерим Меланхтона произвел страшное раздражение между протестантами, которые смотрели на него как на отступничество. Волнение усиливалось вследствие того, что императорские войска вели себя в Германии как в стране завоеванной; неудовольствия высказывались в летучих листках и памфлетах, где толковалось, что Германия должна подлежать игу испанцев и попов. Этими неудовольствиями в Германии воспользовалась Франция и разослала повсюду своих агентов для возбуждения восстания против императора, опасного своим могуществом для целой Европы.

Осенью 1551 года действительно составилась тайный союз протестантских князей против императора, и душою союза был Мориц Саксонский, который видел, что ему нельзя долго держаться против всеобщей ненависти, направленной против него как против опоры императорской власти. Франция обязалась платить субсидии, за что союзники уступили ей города Мец, Тул, Вердунь и Камбре; обещали при будущем избрании императора выбрать или французского короля, или кандидата, ему удобного.

Император, находившийся в Инспруке, был застигнут врасплох; как из земли выросли три протестантских войска и направились в Тироль, тогда как с другой стороны французское войско вступало в пределы Германии. Карл должен был бежать из Инспрука, слышав о приближении Морица к этому городу, и поручил брату своему, Фердинанду, вступить в переговоры о мире с протестантами. В августе 1552 года заключен был договор в Пассау: Интерим отменен, протестанты получили неограниченную религиозную свободу и не имели обязанности соотноситься с постановлениями Тридентского собора. Эти условия были подтверждены на Аугсбургском сейме 1555 года, где постановлено также, что господствующим исповеданием в известной стране считается то, к которому принадлежит владетель этой страны (чья страна, того и религия, *cujus regio, ejus religio*), что содействовало усилению власти князей; протестанты были сравнены в политических правах с католиками, но только одни лютеране или последователи Аугсбургского исповедания, составленного Меланхтоном для Аугсбургского сейма 1530 года; последователи Цвингли и другого швейцарского реформатора, Кальвина, были исключены из этих прав.

Как немецкое реформационное движение примыкает к Лютеру, швейцарское — к Цвингли, так реформационное движение в романских или западноевропейских странах примыкает к Кальвину. Кальвин был родом француз из Пикардии, сын достаточного отца, который дал ему хорошее образование и готовил в юристы; но господствующее религиозно-реформационное движение века увлекло даровитого молодого человека, и Кальвин из юриста стал богословом. Кальвин явился во Франции проповедником нового учения; но здесь правительство с самого начала отнеслось враждебно к этому учению, и Кальвин должен был оставить родную страну, жил то в Стразбурге, то в Базеле, работал над своею знаменитою книгою «Уложение христианской религии», явившуюся на латинском языке в 1536 году. В этой книге Кальвин проводил мысль о необходимости восстановления первоначальной Церкви, имевшей форму общины, доказывая, что Римская Церковь находится в полном противоречии с древнею настоящею Церковью Христовою; но, вооружаясь против правительственных форм Римской Церкви, Кальвин давал своей демократической общине церковный характер; Церковь господствовала неограниченно над всеми отношениями нравственной и частной жизни, блюла за семейным и общественным нравственным порядком, заведовала воспитанием детей. Книга произвела сильное впечатление, потому что отличалась ясностью, определенностью мысли и мастерским изложением, переведенная на французский язык, она имела важное влияние на образование французской прозы.

Но Кальвину не суждено было ограничиться одною литературною деятельностью. В Бургундии был старый и богатый имперский город, лежавший на границе разных владений, на перепутье между различными национальностями: то была Женева. Как обыкновенно бывает в подобных городах, в Женеве господствовали распущенность нравов, неудержимая страсть к наслаждениям, а в политическом отношении — борьба партий. В этот-то «Содом», как выражались современники о Женеве, явился Кальвин с проповедью о церковной реформе и вместе с проповедью о реформе нравственной. Сначала он имел успех; но когда в 1538 году он не допустил к причастию целый приход, не хотевший переменить прежний образ жизни, то принужден был оставить город с опасностью жизни. Но Женева не могла долго оставаться в том междуомочном состоянии, в каком покинул ее Кальвин: от старой Церкви она отстала, новая не была установлена, и борьба партий все более и более усиливалась. Через три года Кальвина призвали опять и дали ему полномочие устроить город, как в древности Спарта и Афины давали подобное полномочие своим ликургам и солонам. Кальвин, ставши диктатором под скромным именем «проповедника слова Божия», устроил Женеву по-своему. Все увеселения, к которым женеvцы были так страстны, азартные игры, пляски, песни были строго запрещены; соблюдение воскресного дня и посещение церкви строго предписаны. В девять часов вечера каждый уже должен был сидеть дома. За плотский грех топили в реке, за пение непристойных песен выгоняли из города; на театре могли представляться пьесы только библейского содержания; за чтение романов сажали в тюрьму. Все должно было преклоняться пред страшным диктатором, гражданским и церковным вместе; проповедник Серве вздумал было порозниться в своем учении с Кальвином — и был за это сожжен. Из железной школы Кальвина вышло много учеников, которые разнесли его учение по Западной Европе; и все они более или менее были похожи на своего учителя.

IV. СЛЕДСТВИЯ РЕФОРМАЦИИ; КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ

Непосредственным следствием Реформации для Германии было то, что религиозная рознь нанесла новый тяжкий удар политическому единству страны и без того уже очень слабому. Причины этой слабости мы должны искать далеко, при самом начале появления германцев на историческую сцену.

Прежде всего причиною раздробления Германии является существование многих сильных племен, стремящихся к особенности, самостоятельности. В других государствах, образовавшихся на развалинах Римской империи, племенные различия были уже

более или менее сглажены римским владычеством; народ, не нося в самом себе этих зачатков раздробленности, содействовал установлению государственного единства. Но германское государство образовалось не на римской почве; при его образовании мы видим несколько могущественных племен — швабов, баваров, тюрингов, франков, саксов — племен, которые издавна живут особою жизнью, соперничают друг с другом. Насильственно соединенные оружием Карла Великого, племена эти по смерти завоевателя опять резко выставляют свою особность, в которой центральная власть находит сильное препятствие к установлению государственного единства.

Другим важным препятствием к усилению центральной власти служила избирательность королей (императоров) германских, тогда как в других государствах установилась наследственность. В начале образования новых европейских государств всюду господствовала избирательная форма, ибо государства были основаны дружинами, а в дружине вождь всегда избирается: чтоб дружина в своих походах и предприятиях имела успех, вождь должен отличаться пред всеми своими личными достоинствами, должен выбираться храбрейший из храбрых; Тацит, описывая быт древних германцев, говорит, что у них есть цари по происхождению, по благородству и вожди по храбрости. По занятии страны дружина усаживается в ней; вождь становится самым богатым землевладельцем и получает чрез это новое значение, прокладывающее путь к наследственности, ибо по смерти вождя, хотя преемник ему избирается воинами, прежними товарищами умершего, но избирается обыкновенно сын или ближайший родственник последнего как богатейший и сильнейший человек, обладающий большими средствами, причем, разумеется, имеют значение и заслуги отца, дающие благородство детям. Таким образом, чрез несколько избраний сыновей после отцов или вообще членов одного рода наследственность устанавливается, избирательность является только пустою формою и наконец совсем исчезает. Но, если случится, что владельческий род прекращается часто, то избрание, повторяясь, получает силу чрез такое повторение и становится господствующею формою, хотя и тут обыкновенно выбирается сын после отца. Это именно случилось в Германии, где династии скоро прекращались; скоро прекращается Саксонская династия и сменяется Франконскою; скоро прекращается и эта; опять Саксонская на короткое время, потом Гогенштауфены и т. д. Ни одна династия, следовательно, не имеет времени усилиться и чрез это усиление сообщить единство стране.

В то же время важным препятствием к объединению Германии служила борьба императоров с папами, борьба, возникшая из того, что с достоинством короля германского соединялось достоинство императора римского; последнее достоинство давало

германскому королю право на Италию, притягивало его в эту страну, где он необходимо сталкивался с папою, который против сильного и враждебного ему императора старался возбудить восстание внутри самой Германии и таким образом ослаблял власть императорскую. Императоры из разных династий, стремясь к усилению своей власти и не находя к тому средств внутри страны, ищут их вне Германии: так Гогенштауфены хотят утвердиться в Италии, императоры из Люксембургской и Габсбургской династий стараются усилиться на Востоке и Западе, вне Германии. Габсбургам, по-видимому, удалось достигнуть цели.

Новый европейско-христианский мир не допускает образования громадных государств посредством завоеваний, как допускал то мир древний, языческий, в котором государства, народы жили отдельно жизнью, и потому завоевателю легко было покорять их поодиночке. По разрушении колоссальной империи Рима, образовавшейся путем завоевания, в Европе явилось одновременно несколько государств, одинаково сильных и, главное, живущих общию жизнью, связанных единством Церкви, римских преданий (императорская власть), участием в общих предприятиях (крестовые походы), общими учреждениями (рыцарство); эта общая жизнь новых европейских народов, общие интересы произвели то, что один народ не может усилиться чрез меру на счет других; увидая грозящую опасность, народы соединяются и союзом своим сдерживают завоевателя.

Так мало-помалу образовалась *система политического равновесия*, имеющая такое великое значение в новой истории. Но если в истории новых европейских народов мы не видим, чтоб какое-нибудь государство овладевало другими насильственно, посредством завоевания, то есть примеры соединения больших областей и целых государств под одну власть посредством брачных союзов и наследств — это путь, по-видимому, мирный, но столь же насильственный для народов, как и завоевание, ибо здесь отдельные народы насильно связываются друг с другом, отдаются в приданое, переходят по наследству. Так, английские короли приобрели себе (впрочем, ненадолго) большие владения во Франции; но еще поразительнее был пример Габсбургов, которые успели посредством брачных союзов составить обширнейшее владение в Европе: император Максимилиан вследствие брака на Марии Бургундской, дочери Карла Смелого, приобрел Нидерланды; сын его, Филипп, женился на Иоанне Испанской, дочери и наследнице Фердинанда Католика и Изабеллы Кастильской; внук Максимилиана и сын Филиппа Карл V наследовал поэтому австрийские владения в Германии, Нидерланды, Испанию (вместе с нею Неаполь, Сицилию и новооткрытую Америку).

Император с таким небывалым могуществом, казалось, был бы в состоянии подчинить себе немецких князей и тем способствовать объединению Германии; но тут является Реформация, которая разбивает и без того уже раздробленную Германию на две части, протестантскую (Северную) и католическую (Южную), и тем выставляет новое неодолимое препятствие к ее слиянию: тщетно Карл V искал примирения, думал, что собор может уничтожить религиозную рознь; тщетно после торжества своего над главами Смалькалденского союза велел сочинить Интерим, которым думал угодить и католикам, и протестантам и не угодил никому; враждебная Габсбургам Франция воспользовалась религиозною рознью Германии, подняла протестантов против Карла; и могущественнейший из императоров должен был спастись бегством из Тироля. Разъединение Германии было закреплено.

Поведение Карла V по окончании Смалькалденской войны, составление Интерима всего лучше показывают, что он понимал необходимость преобразования Римской Церкви, необходимость сделки между католицизмом и протестантизмом, хотел уничтожения злоупотреблений Римской Церкви, папства, но не хотел еретического отступления от Церкви, к какому повели немецкие и швейцарские реформаторы. Сделки вроде Интерима хотел Карл и от Тридентского собора. Но собор этот пошел другою дорогою и кончился в 1563 году не только без сделок вроде Интерима, но даже с отвержением соборной формы церковного управления, о которой хлопотали еще до Реформации, с утверждением папства как неограниченной церковной монархии. Тридентскому собору не нужно было прибегать к сделкам вроде Интерима: католическая реакция усиливалась.

Мы видели, что протестантизм, восставая против злоупотреблений авторитета, деспотизма пап, указывая на черные стороны католицизма, отсюда происходившие, не сумел удержаться и впал в противоположную крайность, предоставив каждому право свободно изучать и объяснять Священное Писание, что повело сейчас же к совершенному высвобождению из-под авторитета Церкви, к своеволию и анархии. Ересь была узаконена. Явились разные толки, реформаторы вступили друг с другом в соблазнительную борьбу и шли все дальше и дальше покатою дорогою отрицания; в короткое время пройден был путь от тезисов Лютера против продажи индульгенций до учения Мюнцера, Франке, Бокольда. Люди, желавшие иметь в деле веры твердую почву под собою, ужаснулись этой страшной смуты и начали поворачивать на старую дорогу к авторитету; но, как обыкновенно бывает, сильное движение в одну сторону вызвало столь же сильное движение в другую, католическая реакция не умела остановиться, как не умело остановиться протестантское

движение; движение по пути к религиозной свободе закончилось анабаптизмом, мюнстерским царством Нового Сиона; обратное движение по пути к авторитету закончилось орденом иезуитов.

В 1521 году, когда на Вормском сейме немецкий монах решительно объявил, что не отречется от своих мнений относительно Римской Церкви, молодой испанец Игнатий Лойола, лечившийся от ран, полученных в войне с французами, проводил свое время в чтении житий святых и, пораженный подвигами героев христианства, решил идти по их стопам. Что было недоступно для немецкого монаха, то было возможно для испанского дворянина. Лойола предался богомольным странствованиям, трудам и лишениям. Возвратясь из Иерусалима, отправился в Париж, чтоб в тамошнем университете изучить богословие. Могучее убеждение, выражавшееся на деле, и одушевление приобрели ему приверженцев, готовых всюду за ним следовать. С этими-то приверженцами Лойола основал орден Иисуса, утвержденный папою в 1540 году, и был первым генералом ордена.

Преемники Лойолы повели дело так далеко, как не мог желать благочестивый основатель ордена; за Лойолою по пути к авторитету пошли свои Мюнцеры и Бокольды. Учрежденный с целью защищать Римскую Церковь и бороться с протестантизмом, иезуитский орден, естественно, должен был отправиться от начал, противоположных протестантизму, но перегнул дугу в противоположную сторону и, стремясь к авторитету, признал необходимым уничтожить личную свободу, которая была употреблена во зло в протестантизме. На крайности протестантизма взглянули как на следствие неспособности человека быть свободным, самостоятельным, и пришли к мысли, что для избежания вредных увлечений надобно всегда держать человека под строгим надзором, не выпускать из школы, надобно сделать его навсегда несовершеннолетним, отучить от свободы, пусть ходит постоянно на помочах воспитателей, пусть будет «как труп, как палка в руках старика».

Вступавший в орден подвергался продолжительному испытанию; отцы наблюдали, окажется ли он способен отказаться от своей воли и стать орудием в руках ордена; в то же время наблюдалось, к чему вступавший способен по природе своей, на каком поприще орден может извлечь из его деятельности наиболее выгод, выйдет ли из него кабинетный ученый, или педагог, или проповедник, или миссионер, или дипломат. Иезуит должен был отказаться от всех прежних связей, отказаться от родных, от отечества; в новом обществе, в ордене он не должен был приобрести себе связей, друзей, ибо человек слаб одинокий — силен становится в союзе с другими, а ордену нужен был одинокий, слабый человек, потому что только такой человек мог быть полезным орудием ордена; допустить дружественные связи меж-

ду членами ордена значило дать им силу, самостоятельность, вредные для целей ордена; и потому старались рознить членов ордена посредством системы взаимного наблюдения друг за другом и доносов. Такими средствами орден приучал своих членов к безусловному повиновению; когда начальство ордена приказывало что-нибудь иезуиту, тот не имел при этом своей мысли, своей воли: исполнял, не рассуждая, хорошо или дурно; исполнял буквально, несмотря ни на какие препятствия; святая цель оправдывает средства, нечего думать о их выборе. Но, требуя уничтожения мысли и воли при достижении целей ордена, иезуиты не требовали от человека того умерщвления страстей, какого требовали другие монашеские ордена: иезуит мог удовлетворять своим страстям, лишь бы только это не вредило ордену.

Католицизм получил в иезуитах превосходное войско для наступательного движения, людей, отлично подготовленных для нравственной ловли других людей; все способности иезуита были изощрены именно для захвата добычи. Проповедь, училище, исповедь, миссионерство — вот четыре способа ловли душ человеческих; иезуиты постарались овладеть этими способами и употребляли их мастерски. Мы видели, что католическое духовенство повредило своему делу тем, что не овладело наукою, дало здесь ход вперед светским людям. Иезуиты хотели исправить ошибку и ревностно занялись науками, чтоб иметь в своих руках это новое могущество; чтоб овладеть молодым поколением, иезуиты завели школы, отличавшиеся строгою дисциплиною и основательным преподаванием, что, разумеется, заставляло отцов отдавать туда детей своих. Иезуиты действительно умели вложить в головы учеников и закрепить там известное количество знаний, особенно полезных в практической жизни; но иезуитская школа не могла действовать благотворно на умственное и особенно нравственное развитие молодых людей, потому что основные взгляды и приемы ордена применялись и к школе, которая потому не могла выпускать живых, общественных людей.

Одним молодым поколением не ограничивали отцы иезуиты забот своих; они усиленно старались пробираться в дома сильных земли и быть здесь руководителями, духовниками взрослых. Иезуит-духовник был очень удобен: на что другой смотрел бы очень серьезно, не прощал бы и не разрешал, на то иезуит смотрел слегка, прощал и разрешал, лишь бы грешник исполнял одно главное условие спасения — содействовал всеми средствами благу Римской Церкви. Наконец, иезуиты выставили ряд миссионеров, проповедников христианства в языческих странах Азии, Африки и Америки. Много душ наловили здесь иезуиты, много подданных приобрели для папы; в Парагвае между детски неразвитыми туземцами основали они целое государство, управляя дикарями совершенно как малолетними учениками в школе.

Нельзя отрицать горячей апостольской ревности некоторых из иезуитов-миссионеров, запечатлевших мученическую смертью свое служение; но должно заметить, что и в таком великом деле, как проповедь христианства, иезуиты не забывали своего правила, что цель оправдывает средства: чтоб сделать христианство доступнее для грубых понятий, они умалчивали в своей проповеди о страданиях и смерти Спасителя. Не пренебрегая ничем для усиления своих материальных средств, иезуиты вели обширную торговлю.

Одновременно с утверждением испанского иезуитского ордена устроена была в Италии испанская инквизиция. По инструкции своей инквизиция должна была начинать преследование при малейшем подозрении, что известное лицо заражено еретическими мнениями; не должна была обращать внимание на государя и прелатов, как бы высоко они ни были поставлены; с наибольшею строгостию должна была преследовать тех, которые находились под защитою сильных людей. Новое учреждение действовало так ревностно, что в несколько лет в Италии не осталось ни одного еретика.

В то время, когда католицизм выставил в иезуитах такое могущественное войско, дававшее ему возможность принять наступательное победоносное движение на врагов, главный враг его, протестантизм, слабел от разделения: каждая область Германии выставляла свой катехизис, и Пфальц в течение 25 лет четыре раза переменял исповедание веры. Такое разномыслие, отсутствие твердой почвы в деле религии уничтожило во многих желание реформы и заставило содействовать утверждению авторитета Римской Церкви, тем более что последняя не представляла уже более тех соблазнительных явлений, которые прежде так усиливали желание реформы: о продаже индульгенций не было более слышно, папы уже не позволяли себе того, что позволял себе Александр VI; двое пап — Адриан VI и Павел III — собственным поведением особенно содействовали поднятию нравственности в римском духовенстве; заботы об этом же высказались и в постановлениях Тридентского собора.

У. ИСТОРИЯ ВЛАДЕНИЙ ГАБСБУРГСКОГО ДОМА, АВСТРИИ И ИСПАНИИ ДО ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ

Мы видели уже, что Габсбургский дом усилился посредством браков, видели, как император Максимилиан, сам приобретший посредством брака Нидерланды, женил сына своего Филиппа на наследнице Испании, вследствие чего сын этого Филиппа (умершего при жизни отцовской), Карл V, сделался могущественным государем в Европе. Но Максимилиан не ограничился Западом,

и на Востоке ему удалось также устроить выгодные свадьбы. На Востоке Габсбургский дом сталкивался с домом Ягеллонским; посредством брака литовского великого князя Ягайла, или Ягелла, на наследнице польского престола Ядвиге Литва и Западная Русь соединились с Польшею. Владислав, сын польского короля Казимира II и внук Ягайла, был избран в короли Богемские и венгерские. Императору Максимилиану удалось заключить с этим Владиславом договор, по которому сын Владислава, Людовик, женился на внучке Максимилиана, а второй внук императора, Фердинанд (брат Карла V), женился на дочери Владислава и должен был наследовать Венгрию и Богемию в случае, если Людовик умрет бездетным.

Несмотря на то, что Ягеллоны занимали четыре трона — литовский, польский, богемский и венгерский, — могущество их было мнимое, потому что как в Польше, так в Богемии и Венгрии власть королевская была крайне ограничена вельможами. В Венгрии ко внутреннему безнарядью присоединилась еще опасность от страшных соседей, турок, которые особенно усилились при знаменитом своем султани-завоевателе Солимане II. В 1522 году Солиман с огромным войском явился на острове Родосе, принадлежавшем рыцарям святого Иоанна Иерусалимского, и осадил город Родос. Рыцари под начальством своего гроссмейстера Вилье де Лиль-Адама оказали чудеса храбрости во время осады, длившейся пять месяцев, и сдались только тогда, когда у них вышел весь порох.

В 1526 году Солиман со стотысячным войском обратился против Венгрии. Молодой король ее, Людовик, наследовавший отцу своему, Владиславу (умер в 1516 году), ссорился с своим дворянством, которое не хотело дать ему средств к борьбе с страшным врагом, и турки поэтому нигде не встречали сопротивления; королевская казна была так скудна, что курьерам должен был платить папский легат. Наконец кое-как собралось венгерское войско (25 000), с которым король решился дать битву в четыре раза большему числу неприятелей. Битва произошла при Могаче (в августе 1526 года); венгерское войско было совершенно уничтожено, король Людовик погиб в болоте во время бегства. Турки воспользовались своею победою по-азиатски, складывая пирамиды из человеческих голов; города и села лежали в развалинах, 200 000 народа погибло от меча или уведено было в плен. Опустошивши таким образом Венгрию, Солиман возвратился в Константинополь.

Наследство погибшего Людовика по известному нам договору должно было принадлежать Фердинанду, брату императора Карла V. Чехи избрали его своим королем, следовательно, не признали его наследственных прав; но венгерский сейм разделился: одни выбрали Фердинанда в короли, а другие — богатейшего

вельможу Заполья. Фердинанд сначала осилил противника и заставил его бежать в Польшу; но Заполья не отказывался от борьбы и обратился к туркам с просьбой о помощи. В 1529 году Солиман снова вторгнулся в Венгрию. Взявши Офен и покрывши Дунай своим флотом, султан осадил самую Вену, но взять не мог и ушел в Турцию; Заполья, однако, удержался в Венгрии в качестве присяжника султана, и борьба продолжалась между ним и Фердинандом.

В 1540 году умер Заполья, оставив малолетнего сына, Иоанна Сигизмунда. Солиман дал ему жалованную грамоту на Венгрию и в 1541 году объявил войну Фердинанду; война была несчастлива для последнего; турки вытеснили также из Венгрии и своего присяжника, маленького Заполья, и соборная церковь в Офене была превращена в мечеть.

В таком печальном положении находились новые владения Габсбургского дома на Востоке, когда глава этого дома, император Карл V, сошел с исторической сцены. В 1555 году в торжественном собрании нидерландских государственных чинов в Брюсселе он передал сыну своему, Филиппу, Нидерланды, потом передал ему Испанию, Неаполь и Америку; австрийские владения предоставил брату своему, Фердинанду; в следующем году Карл сложил с себя и корону императорскую и заключился в испанском монастыре святого Юста (близ Плаценции), где прожил еще два года в глубоком уединении. Императором был избран Фердинанд; но это избрание не дало королю венгробогемскому средств вести более удачную борьбу с турками, и в 1562 году он принужден был заключить с ними мир на унижительных для себя условиях: обязался платить ежегодную дань султану и окончательно уступить Трансильванию Иоанну Сигизмунду Заполья, который, впрочем, не отказался от своих прав на Венгрию. В 1564 году умер Фердинанд I; сын его, император Максимилиан II, наследовал борьбу с Заполья Трансильванским, которого поддерживали турки. В 1566 году в венгерском походе умер султан Солиман II, и сын его, Селим II, заключил в 1568 году с Максимилианом мир, по которому отказался от Венгрии, Далмации, Кроации и Славонии; Трансильвания осталась у Заполья под верховною властью султана.

Относительно религиозного вопроса в Германии и австрийских владений императоры Фердинанд I и Максимилиан II продолжают поведение Карла V; им обоим, особенно Максимилиану, хотелось ограничить папскую власть, ввести приобщение Священных Таин под обоими видами, уничтожить безбрачие духовенства, одним словом, провести то, что уже было означено в Интериме Карла V как основание реформы и вместе как основание соглашения между католиками и протестантами. Альбрехт V, герцог Баварский, и три духовные курфюрста согласны

были также на эти реформы; сам папа соглашался допустить приобщение под обоими видами. Но ни Фердинанд, ни Максимилиан не имели достаточно личных средств, энергии и твердости воли для приведения к концу желанного дела, невзирая ни на какие препятствия, а препятствия были сильные: с одной стороны, католическая реакция, иезуиты, которые действовали неослабно, действовали необыкновенно умно и ловко, чтоб не сделать никаких уступок и тем поддержать во всей силе авторитет Римской Церкви, как изначала непогрешительной во всем, ею постановленном; с другой стороны, протестантизм также с своею неспособностью к уступкам и соглашениям, с своим раздроблением, с своею усобицею. Таким образом, от свободного отношения к католицизму императоров Фердинанда I и Максимилиана II получено было только одно, что с этих пор императоры перестали считать своею обязанностью ездить в Рим и короноваться от папы.

Максимилиан II то находился под влиянием протестантского проповедника Пфаузера, то уступал настойчивости иезуитов и удалял от себя Пфаузера, хотя и продолжал с ним переписываться. Иезуиты находили себе подпору в жене Максимилиана, которая имела над мужем большое влияние¹; кончилось тем, что император отослал сына своего, Рудольфа, в Испанию, где тот получил иезуитское воспитание. А между тем протестантизм распространился в Австрии, Венгрии и Богемии; Максимилиан не мешал этому распространению и в то же время не сделал ничего для примирения враждебных исповеданий, для утверждения терпимости по крайней мере, и позволил сына своего воспитать по-иезуитски, т. е. подготовил все условия для ожесточенной борьбы в будущем. Ограниченный от природы Рудольф наследовал отцу своему в 1576 году и был постоянно окружен иезуитами, вследствие деятельности которых повсюду начала разыгрываться религиозная борьба.

В Ахене шла сильная усобица между католическим и протестантским населением города; в Штирии двоюродный брат императора, Фердинанд, воспитанник иезуитов, преследовал протестантов; то же самое делал другой воспитанник иезуитов, Максимилиан, герцог Баварский; в имперском городе Донауверте произошла ссора между протестантскими жителями города и аббатом монастыря; Максимилиан по поручению императора Рудольфа разграбил город, частью разрушил его, выгнал протестантское население и присоединил имперский город к своим владениям. Это наступательное движение со

¹ Габсбурги, австрийские и испанские, обыкновенно заключали браки в своей фамилии: так, жена Максимилиана была двоюродная его сестра, дочь Карла V, а Филипп II Испанский был женат на дочери Максимилиана.

стороны католических князей заставило протестантов заключить союз, известный под именем *унии*, вследствие чего католики также заключили союз, получивший название *лиги*. Выгода была на стороне католиков: кроме того, что у них были иезуиты, в челе их находились двое самых даровитых князей, Фердинанд Штирийский и Максимилиан Баварский, равных которым у протестантов не было. Максимилиан усилил герцогскую власть в Баварии на счет власти сейма, ввел во всем управлении строгий порядок, увеличил доходы, нашел возможность составить войско из собственных подданных, не нуждаясь в наемниках, и таким образом приготовил себе все средства к усиленной борьбе против протестантизма, в ослаблении которого видел путь к собственному усилению.

В то время, когда Южная, католическая Германия таким образом усиливалась, Северная, протестантская раздиралась борьбою между последователями Лютера. Учение Кальвина распространилось по Франции, Нидерландам и Германии, и в последней, особенно в Саксонии и Пфальце, встала сильная борьба между кальвинистами и лютеранами, которая сопровождалась пытками и казнями, потому что победившая сторона не щадила побежденной. Понятно, как эта борьба уменьшала силы протестантской унии; германские протестанты вследствие своей розни и слабости не могли одни бороться с католиками, должны были искать посторонней помощи, чем пользовалась Франция для вмешательства в дела Германии. Императорская власть не существовала вследствие неспособности Рудольфа, в собственных владениях которого шла сильная религиозная борьба, причем турки поддерживали венгерских протестантов. В 1606 году родные и двоюродные братья императора съехались в Вену и объявили Рудольфа лишенным рассудка. Рудольф должен был отдать брату своему, Матфею, Австрию, Венгрию и Моравию и ограничиться одною Богемиею; протестанты, пользуясь этою смутною, заставили Матфея объявить полную терпимость своего исповедания, принудили и Рудольфа издать так называемую *Грамоту величества*, в которой император не только даровал им свободу вероисповедания, но и право строить новые церкви, также право избирать себе защитников своей веры. Но усобица между Габсбургами не прекращалась: в 1611 году Рудольф должен был отказаться и от Богемии в пользу Матфея, который в следующем году был избран в императоры.

Но если в восточных владениях Габсбургов, Австрии, Богемии и Венгрии, протестантизм не только удержался, но и усилился благодаря терпимости Фердинанда I, Максимилиана II, неспособности Рудольфа к борьбе его с братом, то совершенно иначе шли дела в Испании.

Мы видели, каким образом Испания перешла к Габсбургскому дому. По смерти Фердинанда Католика (1516) внук его и наследник, Карл I (как император, известный под именем Карла V), оставался почти два года в Нидерландах, где получил воспитание. В Испании продолжал управлять кардинал Хименес, управлял по-прежнему, не как монах, но как государственный человек. Удовлетворяя потребности испанского народа, Хименес вел борьбу с неверными, перенес испанское оружие на берега Африки; внутри строгою экономией усилил финансы; это дало ему возможность содержать многочисленную пехоту, которую он противопоставил дворянской коннице и таким образом сдерживал сильных вельмож; в то же время поддерживал города, поощрял их составлять свои полки, опять с целью противодействовать могущественным землевладельцам. Последние громко вопияли против кардинала-деспота; Хименес был удален от дел, как скоро приехал молодой Карл в Испанию; но этот приезд был не на радость испанцам, потому что король явился окруженный бельгийским двором, которого французские обычаи были в противоположности с обычаями испанскими и который хотел кормиться на счет Испании, занявши в ней важнейшие должности.

Испанское дворянство было недовольно тем, что пришельцы оттесняли его от должностей; города были недовольны тем, что много денег переводилось из Испании в Нидерланды. В 1520 году, когда Карл оставил Испанию, вспыхнуло восстание городов, которые потребовали прежде всего уничтожения дворянских привилегий, потребовали лучшего устройства в собрании государственных чинов (кортесов), свободного и независимого в них обсуждения дел, нового общинного устройства. Крайности, в которые впали городские преобразователи, свержение старых начальных людей и замещение их новыми, горячими головами, неспособными к обдуманному, умеренным действиям, и открыто высказавшаяся вражда к дворянству погубили дело городов. Нестройное мещанское войско не могло держаться против королевского и рыцарского войска, а буйство черни в городах заставило всех лучших людей стать на сторону правительства. Восстание было потушено тем скорее, что исчезло неудовольствие, возбужденное наездом бельгийцев: Карл перестал раздавать места иностранцам. Неудавшееся восстание городов имело то следствие для Испании, что уронило значение городов, утвердило рознь между сословиями к выгоде королевской власти; Карл редко созывал государственные чины, и когда созывал, то депутаты трех сословий (дворянства, духовенства и городов) собирались по разным местам, и король, обращаясь к ним порознь с своими требованиями, тем легче получал желаемое. Между испанскими аристократами было мало людей богатых, могших

существовать независимо от правительства, большая часть нуждалась в службе королевской.

Борьба испанцев с магометанами продолжалась и при Карле V. Азиатское варварство, захватив в лице турок Грецию, стремилось совершенно отнять у европейской цивилизации Средиземное море. Сын морского разбойника, ренегата с острова Митилена, и сам морской разбойник, подобно отцу, Хайреддин Барбаросса утвердился в Алжире как вассал турецкого султана и оттуда опустошал берега Италии и Испании, забирал тысячи пленных и, обратив их в мусульманство, населял ими северные берега Африки. Барбаросса с турецким флотом завоевал Тунис, выгнал отсюда владельца Мулей-Гассана, который искал себе убежища в Испании. Карл V нашел обстоятельства выгодными для похода против Барбароссы и в 1535 году с 500 кораблями отправился к Тунису. После упорного сопротивления город был взят и страшно опустошен по тогдашнему обычаю; множество жителей погибло от меча, 10 000 выведено в неволю, 30 000 христианских невольников освобождено; опустелый Тунис отдан прежнему владельцу, Мулей-Гассану. Поход на Алжир в 1541 году не удался Карлу V по причине страшных бурь, истребивших почти весь флот императора.

Походами против магометан Северной Африки собственно ограничилось все то, что сделал Карл V для Испании и в испанском духе. Знаменитый император, которого деятельность обхватывала всю Европу, которого присутствие нужно было и в Германии, и в Италии, и в Нидерландах, оставался иностранцем для Испании; только при конце жизни испанские склонности как будто пробудились во внуке Фердинанда и Изабеллы, он удалился в Испанию и умер в монастыре. Сын его и наследник в Испании, Филипп II, не был похож на отца. Карл V не был испанцем, он принадлежал к двум или трем национальностям, и уже по одному тому взгляд его был широк, деятельность свободна; эта широта и свобода развились при его широкой, многосторонней деятельности; притом, как уже было выше сказано, Карл воспитался в эпоху сильного движения, сильного недовольствия против Римской Церкви, и этим объясняются отношения его к протестантизму, возможность Интерима, возможность сделок. Но Филипп II принадлежал другому времени, тому времени, когда крайности и рознь в протестантизме оттолкнули от него религиозных людей, заставили их искать более твердой почвы, чрез что была вызвана католическая реакция: представителем этой-то реакции и был Филипп II. Притом по природе и по воспитанию своему Филипп был соотечественник Лойолы, был цельный испанец.

Зная предшествовавшую историю Испании, зная, что религиозный интерес для ее народа был господствующим, мы пойдем,

почему Испания должна была играть главную роль при католической реакции, почему в ней были главные представители ее — Лойола и Филипп II. И то, и другое историческое лицо в разных положениях задали себе одну задачу: восстановить господство единой Римской Церкви, уничтожить ересь. Филипп не разъезжал по Европе, подобно отцу своему, не предпринимал и походов в Африку: он вел неподвижную жизнь в Испании; горизонт его суживался все более и более, вокруг однообразие и мертвая тишина, и тем сильнее овладевает королем одна мысль, не допускающая ни малейшего уклонения, никакой сделки; Филипп не чувствует разнообразия, он не поймет, не признает никогда прав его. Филипп неподвижен в своем кабинете, но тем сильнее работает голова человека с сильною энергической природою; Филипп хочет все знать, всем управлять, собственноручная переписка его громадна. Борясь неуклонно, неумоимо за единство Церкви с ересью, Филипп продолжает народную религиозную борьбу, которою знаменуется история Испании, и за это Филипп популярен в Испании, испанцы видят в нем своего.

Филипп II уничтожил начатки протестантизма, показавшиеся было в Испании; запылали костры, и «*Лютеранская язва*» исчезла из католической страны. Король сам со всем двором присутствовал при сожжении еретиков и, когда один из них просил у него помилования, отвечал: «Нет, я бы сам стал носить дрова, чтобы сжечь родного сына, если бы он оказался виновным в ереси». Но Филипп не забыл также и обязанности испанского короля бороться с мусульманами. Вместо Барбароссы явились два атамана морских разбойников, которые под знаменами турецкого султана опустошали берега Средиземного моря, то были Пиале и Торгут, или Драгут. Торгут утвердился в Триполи, отняв этот город у рыцарей Иоанна Иерусалимского, поселившихся на Мальте после потери Родоса. Славянский ренегат (кроат) Пиале сделался капитан-пашою, т. е. начальником турецкого флота, и вместе с Торгутом стал ужасом южных берегов Европы: утверждают, что он вывез из Италии полмиллиона пленников. В 1560 году Пиале нанес страшное поражение испанскому флоту между Тунисом и Триполи.

Непоколебимый в несчастиях Филипп не оказал ни малейшего неудовольствия начальнику разбитого флота, герцогу Мединачели, и снарядил новый флот, с помощью которого испанцы овладели важным укрепленным местом в Северной Африке, Пиньонде-Велецем. В 1565 году Пиале явился с флотом у Мальты и осадил крепость. Рыцари под начальством гроссмейстера Лавалетта четыре месяца геройски защищались и были спасены прибытием испанского флота; турки отплыли, потерявши 20 000 человек при осаде. Мальта была спасена, но в 1571 году турки отняли у венециан Кипр; тогда был заключен *Священный*

союз между Испаниею, Венециею и папою; испанский флот явился в Сицилию под начальством Дон-Жуана Австрийского (побочного сына императора Карла V); в октябре 1571 года Дон-Жуан напал на турецкий флот при Лепанто в Архипелаге и нанес ему совершенное поражение; 15 000 христиан было освобождено из неволи, более 3000 турок попало в неволю к христианам. «Бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн (Жуан)!» — воскликнул папа, услышав о Лепантской победе. Впрочем, эта победа принесла больше славы, чем пользы, потому что венециане поспешили заключить мир с турками, уступив им Кипр.

Отличаясь особенною ревностью в истреблении «лютеранской язвы» и в борьбе с мусульманами в Северной Африке и на Средиземном море, испанцы, понятно, не могли уживаться в ладу с маврами, остававшимися среди них по уничтожении мусульманского государства на юге Испании. Кроме вражды религиозной, испанцы считали мавров своими заклятыми врагами, врагами домашними и тем более опасными, особенно опасными в то время, когда турецкое могущество висело грозною тучею над Европою. Испания не могла переварить этого отдельного и враждебного народа среди своего народа, «народа в народе». Для избежания преследований некоторые мавры приняли христианство; но испанцы очень хорошо знали, что это принятие только наружное, что обличалось сохранением мусульманских обычаев марранами или маврисками (как называли этих маврохристиан).

Как смотрели испанцы на свои отношения к маврам, видно из письма одного профессора Алкальского университета к королю Филиппу: «Чем больше будет убито мавров, тем выгоднее, потому что тем менее будет у нас врагов». Чтобы уничтожить двоеверие маврисков, в 1567 году издано было постановление, в котором под смертною казнию запрещалось маврискам говорить на своем языке и сохранять старые мавританские обычаи и платье; двери домов их должны быть постоянно отперты, их женщины не должны носить покрывал, они не должны называться мавританскими именами, а только испанскими, не должны покупать рабов в Африке и вообще не должны иметь рабов; велено было переписать детей для отсылки их в школы. Чтобы воспрепятствовать исполнению этого указа, мавры составили заговор, причем первым делом их было послать с требованием помощи к султану турецкому, к владетелям Алжира и Марокко. Весною 1568 года восстание вспыхнуло, и предводителем был избран молодой Дон-Фернандо Мулей, ведший свое происхождение от омиадских калифов; Мулей был провозглашен королем Гренады и Андалузии. Восстание длилось два года; потушить его успел Дон-Жуан в 1670 году; много мавров погибло от меча, других разбросали по разным областям.

В западной части Пиренейского полуострова господствовало то же народное и правительственное направление, как и в Испа-

нии. В самом начале учреждения своего ордена иезуиты нашли самого усердного покровителя в португальском короле Иоанне III; с его поддержкою знаменитый миссионер иезуит Франциск Ксаверий распространял христианство в Ост-Индии и Японии. Внук и наследник Иоанна III, Себастиан, воспитанный иезуитами, только и мечтал о крестовых походах в далекие неверные страны. Он вмешался в родовую усобицу между владельцами Марокко, в 1578 году предпринял туда поход и погиб со всем войском в сражении при Алькантре, не оставив потомства. Филипп II Испанский как сын старшей сестры Иоанна III предъявил права свои на упраздненный португальский престол, и сильное войско испанское под начальством герцога Альвы вступило в Португалию. Альва разбил другого искателя престола — Антония (племянника Иоанна III от брата), и Португалия была присоединена к Испании. Филипп приобрел Португалию с ее обширными богатыми колониями; но зато потерял северную часть Нидерландов.

Нидерланды, благодаря положению своему, имели в описываемое время такое же значение, какое имела прежде Италия, явились самою богатою торговою и промышленною странюю в Европе. Города давно уже процветали, и следствием поднятия денежной силы было столкновение ее с силою земельною, столкновение денежных аристократов, богатых мещан с землевладельцами, рыцарством. Борьба фландрских городов (в челе которых был Гент) с графом Фландрским принадлежит к числу любопытнейших событий средней истории. Причина столкновения заключалась в том, что горожане, развившиеся вследствие обширной торговою и промышленною деятельностью, почувствовавшие свое значение и силу, не хотели расставаться с трудовой копейкою по первому требованию владельца, хотели ограничить его требования. Столкновения и борьба продолжались и тогда, когда Нидерланды перешли по наследству к герцогам Бургундским и когда от них, по наследству же, перешли к Габсбургам. При Карле V в 1537 году жители Гента, и именно первостатейные, самые богатые, отказались платить деньги на французскую войну. Чрез несколько времени вспыхнул в Генте мятеж с обычным в подобных богатых и самоуправных городах характером (как у нас в Новгороде и Пскове): низшая часть народонаселения, беднейшие молодые люди встали на лучших, богатейших жителей, вырвали из их рук правительство, начали их преследовать, казнить. Тщетно Карл старался успокоить Гент мирными средствами; он должен был в 1540 году явиться перед его стенами с войском; Гент не смел противиться и откупился от императора деньгами и потерю части своих привилегий, как новгородцы откупались от великих князей. После этого в Нидерландах было спокойно до вступления на престол Филиппа II.

Как при Карле, так и при сыне его Нидерланды управлялись наместниками или, лучше сказать, наместницами, потому что управляли все женщины из членов царствующего дома; при наместнике находился государственный совет, состоявший из значительнейших землевладельцев, из прелатов и ученых-юристов. Государственные чины целой страны собирались редко, потому что каждая провинция составляла почти отдельное целое с своими чинами; каждый город имел свой магистрат. Кроме деления на провинции, почти самостоятельные, Нидерланды резко делились на две части, северную и южную; в народонаселении северной части преобладал элемент германский, в южной — кельтический; в южной землевладельческая аристократия была гораздо сильнее, чем в северной, более демократической; в северной быстро распространился и стал господствовать протестантизм; в южной с самого начала большинство было за старую веру. Это деление страны имело большое влияние на ход событий, о которых пойдет речь.

Для Карла V Нидерланды были любимую родною страню; мы видели, как он в первый раз приехал в Испанию: окруженный нидерландцами, которым отдавал явное преимущество перед испанцами, чем и возбуждено было неудовольствие последних. При Филиппе II видим обратное отношение: Филипп, истый испанец, совершенно холоден к Нидерландам; он является здесь, окруженный испанцами, которым отдает явное предпочтение, чем оскорбляет нидерландских вельмож, привыкших к другому обращению с собою при Карле V; особенно не сошелся Филипп с Вильгельмом, графом Нассау, принцем Оранским.

Вильгельм не отличался блестящими, резко бросающимися в глаза способностями ни на войне, ни в мире, но был умен, спокоен, холоден, дальновиден, настойчив, равнодушен к вопросам религиозным, готов переменить одно исповедание на другое по расчетам политическим; сосредоточенный в самом себе, молчаливый², твердый, не увлекающийся при удаче, не падающий духом после беды, всегда готовый к деятельности, Вильгельм был в высшей степени способен внушать доверие в смутное и опасное время; являясь человеком крепким, на которого можно было опереться, Вильгельм, естественно, являлся вождем, а закрытая, молчаливая натура Вильгельма заставляла ищущих опоры предполагать в вожде своем большие внутренние средства и вполне на него полагаться. Вильгельм, близкий к Карлу V, особенно им ласкаемый, с первого же раза не сошелся с Филиппом II: оба сосредоточенные в себе, молчаливые, что-то крепко задумавшие, подозрительно взглянули друг на друга и оттолкнулись.

² *Молчаливый* было его прозвище.

Филипп II думал одну крепкую думу — как бы уничтожить ересь во всех своих владениях сперва, в целой Европе — потом. В Испании было ему это легко, трудно в Нидерландах; но для Филиппа не существовало трудностей, препятствий при достижении раз предполагаемой цели. Филипп назначил наместницею в Нидерландах побочную сестру свою, Маргариту, герцогиню Пармскую; но Маргарита была правительницею только по имени, а всеми делами заправлял кардинал Гранвелла, человек умный, даровитый, с большими познаниями, работник неутомимый. Будучи незнатного происхождения, сын адвоката, обязанный своим положением Карлу V и сыну его, он был беспредельно предан своему государю, говорил: «Я не бургундец, не фламандец, я принадлежу Филиппу II». Присутствие Гранвеллы и его деятельность сильно оскорбляли нидерландское вельможество, которое хотело управлять страной; особенно недовольны были самые видные вельможи, принц Оранский, граф Эгмонт и граф Горн, которые и стали в челе оппозиции королевскому самоуправству, каким являлось в их глазах поведение Филиппа.

Началась борьба; король уступал вельможам там, где мог уступить; в одном уступить он не мог — в преследовании ереси. Для ее искоренения Филипп признал за нужное увеличить число епископов в Нидерландах, и вместо прежних четырех он учредил 14, причем папа уступил королю право назначения епископов. Эта мера произвела сильное неудовольствие, ибо усиливала королевскую власть умножением числа важных лиц, которых назначение зависело от короля; для содержания новых епископов упразднены были некоторые богатые аббатства, другие потеряли часть своих доходов, и вельможи лишились средств выгодно помещать младших сыновей своих; притом во время собрания государственных чинов аббаты по малочисленности епископов имели важное влияние, а теперь это влияние переходило к епископам, назначенным королем. Другою причиною сильной и всеобщей жалобы был постой испанских войск в Нидерландах.

Ненависть нидерландских вельмож к Гранвелле увеличивалась все более и более; ответственность за всякую неприятную меру складывалась на него. В 1562 году принц Оранский, графы Эгмонт и Горн объявили наместнице, что они не будут присутствовать в государственном совете, пока Гранвелла останется его членом, и сдержали слово: удалились не только из государственного совета, но и из Брюсселя. Гранвелла должен был уехать в Испанию. Но Филипп и по отозвании Гранвеллы не думал отказываться от своих мер относительно истребления ереси в Нидерландах: он требовал, чтобы все постановления Тридентского собора были приняты в стране, и ввел инквизицию. Тогда в 1566 году несколько дворян собрались под предводительством Филиппа Марникса фон Сент-Алдегонде, солдата и богослова,

оратора и литератора, и поклялись вооруженною силою защищать родную страну от инквизиции и новых законов. Это был первый шаг к отложению Нидерландов от Испании; акт, составленный Марником с товарищами, называется *компромиссом*. В том же году толпа дворян из северных провинций явилась в Брюссель, пришла во дворец и с шумом предъявила пред Маргаритою свои требования, на которые она не имела ни права, ни возможности согласиться. Когда потом эти господа собрались на пирушку, то к ним приехали и трое главных вельмож — Вильгельм Оранский, Эгмонт и Горн. Тысячами подписывался компромисс. Услышав, что один из приверженцев правительства назвал *голутьбою* (gueux) дворян, вторгнувшихся во дворец, недовольные объявили, что принимают это слово для обозначения своей патриотической партии.

Вследствие этого движения поднялись протестанты, ожесточенные инквизициею, и показали себя достойными соперниками фанатиков католицизма: протестанты напали на церкви, начавши с великолепного Антверпенского собора, и уничтожили в них изображения святых и все вещи, относившиеся к католическому богослужению; много произведений искусства погибло от рук новых вандалов, особенно в Антверпене, первом торговом городе тогдашней Европы. Эти буйства протестантов нанесли сильный удар делу протестантизма и делу недовольных (голутьбы) в Южных Нидерландах, где большинство народонаселения было за католицизм. Маргарита получила возможность набрать войско и преследовать иконоборцев, поступок которых давал и королю Филиппу право принять сильные меры против ереси и людей, своею оппозициею мешавших правительству в ее искоренении. Филипп отправил в Нидерланды войско под начальством герцога Альвы, человека самого способного действовать устрашением (террором), не дрожавшего ни перед каким средством для достижения святой цели — истребления ереси. Альва явился в Нидерланды и начал распоряжаться всем, Маргарита увидела необходимость удалиться.

Альва стал распоряжаться в Нидерландах как в стране завоеванной; он учредил верховный суд, под названием *суда по делам бунта*, а нидерландцы прозвали его *Кровавым судом*. Начались казни людей, замешанных в волнениях; Эгмонт и Горн погибли на эшафоте; Вильгельм Оранский с братьями успели удалиться вовремя в Германию; протестанты бросились бежать толпами за границу, в Англию, Францию, Германию; говорят, что более ста тысяч протестантов покинули отечество; в северных провинциях из этих беглецов образовалось своего рода казачество под именем водяной, или морской, голутьбы; голутьба эта составила многочисленный мелкий флот, который скоро стал страшен испанцам и их колониям и послужил основою морской силы будущей Голландской республики.

Вильгельм Оранский и брат его Людовик собрали в Германии войско, но это войско не могло соперничать с первым тогда войском в мире, войском испанским, особенно когда им начальствовал такой искусный полководец, как герцог Альва, который разбил наголову Людовика Оранского, потерявшего 7000 человек в битве. Альва мог не бояться нападений извне, но он имел неосторожность вооружить против себя горожан и Южных Нидерландов; эти люди равнодушно смотрели на преследование протестантов, потому что были католиками, равнодушно смотрели на гибель дворянских вождей, потому что не питали сочувствия к дворянству и его интересам; но они взволновались, когда дошел черед до их интересов, когда опасность начала грозить их собственности. Имея нужду в деньгах и не получая их из Испании, Альва произвольно наложил подати по испанскому образцу: 1) один процент со всякого движимого и недвижимого имущества; 2) пятый процент от каждой продажи земельной собственности и 3) десятый процент от каждого проданного товара. Раздраженные купцы и промышленники закрыли свои лавки и заведения, и страшный Альва нашелся в самом затруднительном положении; он испугался всеобщего негодования и отменил новую пошлину с необходимых предметов потребления: хлеба, мяса, вина, пива.

А между тем в северных, протестантских Нидерландах дела шли дурно для Испании: морская голутьба усиливалась все более и более и в 1572 году разбила высланный против нее испанский флот. Вообще в продолжение всей борьбы испанцы брали верх на сухом пути и терпели неудачи на море; Вильгельм Оранский не мог ничего сделать на юге с своим немецким сбродным войском, а князя протестантской Германии не двигались к нему на помощь. Альва не очень уважал немецких князей, о которых писал: «Немецкие князья — это знатные господа, у которых на щитах и гербах огромные звери, львы, грифоны, орлы и другие, с большими зубами и клювами; но эти звери не кусаются и не клюют».

Несмотря, однако, на превосходство испанского сухопутного войска, борьба затягивалась в Нидерландах вследствие успехов морской голутьбы и сопротивления северных провинций, где действовал Вильгельм Оранский, провозглашенный в 1572 году в Дортрехте королевским штатгалтером четырех провинций — Голландии, Зеландии, Фрисландии и Утрехта; борьба эта становилась тяжелою для Испании по скудости ее финансовых средств; хотели прекратить ее, и в конце 1573 года Альва был отозван; он сам писал королю: «Народная ненависть ко мне уничтожает все мои меры; другой найдет более сочувствия и будет в состоянии сделать лучшее».

Место Альвы занял Реквезенс, человек мягкий, способный действовать примирительными средствами. Реквезенс немедленно

стал хлопотать о примирении, но встретил сопротивление в Вильгельме Оранском, который не мог ждать для себя ничего хорошего от Филиппа II и потому старался довести дело до окончательного разрыва с Испаниею; при этом интересы Вильгельма были тесно соединены с интересами протестантского народонаселения северных провинций, которому также нечего было ждать добра от Филиппа, и для теснейшей связи с северными провинциями Вильгельм переменял католическое исповедание на протестантское. И при Реквезенсе борьба шла с прежним характером: блистательная победа испанского сухопутного войска над братом Вильгельма Оранского Людовиком — и поражение испанского флота морскою голутьбою; испанцы потерпели также неудачу при осаде Лейдена, геройская защита которого жителями принадлежит к числу самых видных событий борьбы; в награду за героизм лейденцы получили от голландских чинов (штатов) право на основание у себя университета.

В 1576 году умер Реквезенс, и король Филипп до прибытия нового наместника поручил управление Нидерландами генеральным чином (штатам), но чины имели за собою правительство только в южных провинциях, на севере же Вильгельм Оранский как штатгалтер пользовался почти неограниченною властью, хотя по имени признавал еще короля Филиппа государем. В южных провинциях оставалось испанское войско, которое своевольничало и грабило, не получая жалованья: три дня сряду солдаты грабили и разоряли богатый Антверпен. Вильгельм Оранский воспользовался этим случаем, чтобы соединить северные и южные провинции в одном общем движении против Испании. В ноябре 1576 года это соединение утверждено было договором в Генте, почему и носит название *Гентского умирения*. Соединенные чины, все еще признавая Филиппа своим государем, постановили, что испанские войска должны быть изгнаны из Нидерландов, и приняты были меры для обеспечения протестантизма в северных провинциях, на что Филипп, разумеется, никак не мог согласиться.

Филипп II назначил наместником Нидерландов Дон-Жуана, Лепантского победителя: но чины, по внушению Вильгельма Оранского, соглашались признать нового наместника только с условием, чтоб он, с своей стороны, признал Гентское умирение и удалил из Нидерландов испанские и вообще все чужеземные войска. Дон-Жуан уступил этому требованию, и сам король подтвердил уступку и объявил всепрощение без всякого исключения, но Вильгельм Оранский упорно отказывался от примирения с Испаниею. И южные католические чины, не доверяя Дон-Жуану, не отдавали ему крепостей, и вообще у наместника королевского оставалась только гень власти. Дон-Жуан не хотел выносить такого положения и начал силою забирать крепости.

Война возобновилась. Чины начали искать себе союзников: одно время призвали к себе эрцгерцога Матфея, брата императора Рудольфа II, потом обратились к Франции, приняли к себе брата французского короля, герцога Анжуйского, который назвался покровителем Нидерландов. Но ни Матфей, ни Анжу по своей ничтожности не могли оказать помощи Нидерландам, и, кроме того, Анжу пытался предательским образом утвердиться в стране.

В 1578 году умер Дон-Жуан, оставив своим преемником принца Александра Фарнезе Пармского, сына прежней наместницы Маргариты, человека одаренного блестящими военными способностями. Новый наместник воспользовался сословным разделением в южных провинциях, чтобы порвать связь их с северными и оттянуть к Испании. В Генте и других городах обнаружилось крайне демократическое движение, враждебное дворянству и католицизму. Вожди демократического движения в городах находились в связи с Вильгельмом Оранским, которому и без того не хотела подчиняться сильная на юге аристократия; кроме того, в северных провинциях католики подверглись гонению от протестантов. Все это заставило южное католическое дворянство примкнуть к Александру Пармскому, у него искать поддержки. В 1579 году южные провинции образовали отдельный от северных союз и признали верховную власть короля испанского; в том же месяце и северные провинции в Утрехте образовали особый союз.

Главный виновник северного союза, Вильгельм Оранский, был застрелен французом Бальтазаром Жерардом в 1584 году. Северные чины провозгласили девятнадцатилетнего сына его, Морица, штатгалтером Голландии, Зеландии и Утрехта и великим адмиралом. Между тем Александр Пармский утверждал испанское владычество в Южных Нидерландах: Гент принужден был ему сдать в 1584 году; в следующем году сдался и Антверпен после двухгодичной осады, знаменитой в военной истории по употребленным тут механическим и военным средствам; повсюду протестанты должны были или отречься от своего исповедания, или оставлять отечество. Эта мера усилила северные провинции, куда в три года перешло более 100 000 жителей из южных областей; изгнанники перенесли на север свое имение, промыслы, искусство; большая часть жителей Антверпена перешла в Амстердам, который вследствие этого и наследовал торговое значение Антверпена. По взятии последнего северные провинции вели войну с помощью Англии, и потом, когда в девяностых годах Александр Пармский начал болеть и должен был удалиться из Нидерландов с войском вследствие войны у Испании с Францией, северные провинции получили первоклассного полководца в возмужалом принце Морице Оранском, который одержал победу над Александром Пармским у Нимвегена.

В конце 1592 года умер Александр Пармский и преемником его был назначен эрцгерцог Албрехт Австрийский, женатый на дочери Филиппа II. Мориц Оранский успел очистить от испанских войск все семь северных провинций и даже занял некоторые места в южных; но скоро он встретил себе страшного соперника в испанском генерале Амвросии Спиноле, от которого не мог отстоять Остенде, взятого испанцами в 1604 году после трехлетней осады, также знаменитой в истории военного искусства. Эта борьба уже велась по смерти Филиппа II, умершего в 1598 году. Ему наследовал сын его, Филипп III, которому тяжело было продолжать томительную войну с северными провинциями, войну, которой не предвиделось конца; знаменитый Спинола хотел обратить свое оружие против протестантов в Германии, поддерживать здесь Габсбургский дом и католицизм, а двух войн Испания не была в состоянии вести по расстройству финансов. С другой стороны, и северные провинции желали также покоя. Они лишились помощи Англии вследствие смерти королевы Елисаветы; притом главы республиканской партии в Голландии подозревали Морица Оранского в стремлении захватить верховную власть и хотели прекращением войны отнять значение у опасного героя; наконец, сухопутная война против такого войска, как испанское, против такого полководца, как Спинола, была не по силам маленькой республике, которой все внимание было обращено на торговлю.

Начались мирные переговоры, затянулись надолго; только в 1609 году наконец заключено было двенадцатилетнее перемирие; обе стороны согласились остаться при том, чем владели: Филипп III согласился при этом договариваться с северными провинциями как с свободными, и потому с этого времени можно положить начало республики семи соединенных провинций, или, как обыкновенно говорили, Голландской республики.

Таким образом, Испания потеряла Северные Нидерланды. Кроме борьбы с ними Испания при Филиппе II вела борьбу с Францией и Англиею, везде являясь защитницею католицизма против протестантизма. Такое направление испанской политики поддерживалось и при преемниках Филиппа II, сыне Филиппе III и внуке Филиппе IV, хотя эти короли далеко уступали Филиппу II в энергии и способностях, вследствие чего главную роль начинают играть министры: при Филиппе III — герцог Лерма и сын его, герцог Узеда, а при Филиппе IV — граф Оливарец. При Филиппе III испанское правительство покончило с маврисками, потому что, как мы видели, Испания не могла переварить у себя народа в народе при столь резком различии и заклятой ненависти между обоими. Такое важное дело, как решение участи маврисков, не обошлось без борьбы между самими испанцами, между самими духовными лицами, кардиналами: против людей, ут-

верждавших о необходимости изгнания враждебных маврисков, от которых, кроме опасности и вреда, не может быть ничего хорошего для страны, возражали, что это изгнание истощит вконец страну, потому что мавриски составляют самое трудолюбивое и промышленное ее народонаселение. Испанские землевладельцы лишаются доходов, лишившись арендаторов. Несмотря на эти возражения, люди, настаивавшие на необходимости изгнания маврисков, восторжествовали; им помогло то обстоятельство, что французские и английские эмиссары поднимали маврисков против испанского правительства, и 400 человек маврисков оказались виновными в заговоре. Тогда решили изгнать маврисков в Африку, и в пять с чем-нибудь месяцев приговор был приведен в исполнение (1609—1610): Испания лишилась до 600 000 человек своего народонаселения.

Испания, преимущественно при Филиппе II, являлась первенствующею католическою державою; глаза всех католиков были постоянно обращены на нее как на главную защитницу Церкви; протестанты боялись Испании больше всего, и нельзя было не бояться первого по своей храбрости и искусству войска в Европе, которым постоянно предводительствовали знаменитейшие полководцы. Славолюбие рыцарского народа было вполне удовлетворено: роль этого народа обозначилась и в том, что испанские моды господствовали при дворах европейских. Знаменитой роли соответствовало сильное литературное движение, самостоятельное, передовое, которым воспользовались народы, так сильно враждовавшие с Испаниею, англичане и французы.

Относительно национального развития письменности Испания в XIII и XIV веках достигла того, чего Франция достигла только в XVI, а Германия только в XVIII веке; уже в XIII веке в Испании все юридические акты составлялись на языке народном, а не латинском. В XVI и XVII веках испанцы отбросили формы античной драмы, и Лопе де Вега создал национальную драму; Кальдерон еще более обогатил национальный испанский театр; Сервантес прославил себя и литературу своего народа знаменитым Дон-Кихотом.

Сильно развивалась испанская жизнь, но развивалась односторонне. Народ воинов, рыцарей мог бы в древности покорить многие народы, основать всемирную монархию; но в новой Европе он должен был вести войны с сильными народами, с союзами государств, должен был истощать свои средства в продолжительной, далекой, славной, но бесполезной для могущества страны борьбе, в борьбе преимущественно за начало (принцип), за католицизм против ереси. И когда религиозное движение в Европе затихло, Испания по необходимости отыграла свою роль, сошла с исторической сцены, ибо ей нечего было больше

делать в Европе, не за что бороться, а между тем в других условиях, которые бы поддержали развитие ее жизни, оказался сильный недочет: развитие было одностороннее, испанцы были народ воинов и монахов; промышленность, торговля были занятиями не национальными, были в упадке, материальные средства истощились в долгой борьбе, истощились финансы, истощилось народонаселение: много его погибло в войнах на разных концах Европы, много ушло в Новый Свет, маврики изгнаны.

Уменьшалось и беднело испанское народонаселение вообще, но не уменьшалось в числе и не беднело духовенство. В Испании было 58 архиепископов, 684 епископа, 11 400 монастырей, 46 000 монахов, 13 800 монахинь, всего духовенства 400 000. Вследствие этих условий испанцы потеряли возможность к продолжению деятельной исторической жизни. Старое, чем так долго жилось, оказалось несостоятельным, ненужным, а потому странным и смешным, как все старомодное; знаменитейшее произведение испанской литературы — «Дон-Кихот» — представляло насмешку над рыцарством, насмешку над основным явлением испанской национальной жизни: стало быть, это явление изжилося. Старое изжилося, а нового не было наготове, и народ, истощенный нравственно и материально, погрузился в продолжительный сон.

В царствование Филиппа IV, когда испанские войска, по обыкновению, были рассеяны в разных углах Европы, в Нидерландах боролись с французами и голландцами, в Италии — с французами, когда в Каталонии кипел сильный бунт, происшедший случайно, как бывает у народов заснувших, которые вдруг пробуждаются от какого-нибудь толчка и приходят в сильное, малосознательное движение, — в это самое время вследствие французского влияния и золота знатные португальцы, в том числе и архиепископ лиссабонский, составили заговор отделить Португалию от Испании. Иоанн, герцог Браганцкий, происходивший по женской линии от прежних португальских королей, воспользовался тем, что испанское правительство уполномочило его защищать Португалию от французского нашествия, приучил страну смотреть на себя как верховного повелителя, приобрел на испанские деньги себе приверженцев. В декабре 1640 года вспыхнуло восстание; испанцы, застигнутые врасплох, были перехватаны, и королем провозглашен герцог Браганцкий под именем Иоанна IV; все европейские государства признали новую династию; испанское правительство не имело силы ее свергнуть. Но Португалия мало выиграла от этого переворота, ибо в ней господствовали те же условия народной жизни, какие мы видели в Испании; имея по слабости своей нужду в поддержке какой-нибудь сильной чужой державы, она нашла эту поддержку в Англии, но должна была за

это поплатиться: вступить в полную зависимость от англичан в торговом и промышленном отношении.

Иная была судьба отделившейся от Испании Голландии. Сильная торговая и промышленная деятельность быстро подняла благосостояние народа, завоевавшего свою страну у моря. Голландцы утвердились на Молукских островах и захватили в свои руки торговлю пряностями, отняли у португальцев Цейлон и Малакку, на острове Яве основали город Батавию, который сделался средоточием их ост-индской торговли; в Африке заняли мыс Доброй Надежды, в северных морях овладели китовой и сельдяною ловлею. В их университетах процветала наука, обращенная тогда преимущественно на изучение классической древности; процветало искусство. Молодая республика скоро дала Европе знаменитого ученого по международному и государственному праву: то был Гуго де Гротт, обыкновенно известный в латинской форме его имени *Гуго Гроциус* (родился в 1583 году), автор книги «*О праве войны и мира*».

Среди ожесточенных войн, ознаменовавших начало новой истории, когда победители не умели давать пощады побежденным, Гроций возвысил голос о праве, о человечестве, указал на другое право, кроме права сильного. Гроций провозгласил единственную законную причину войны — поддержание права, нарушенного обидою: он считает справедливую наступательную войну цивилизованных народов против варварских как наказание за нарушение права естественного; считает справедливую войну по религиозным побуждениям, например войну с народами, которые приносят человеческие жертвы своим ложным богам, но при этом он не считает законною войну с неверными для распространения среди них христианства, тем менее войну с еретиками. Гроций повторяет слова Цицерона: «Два способа кончить спор: мирным разбором дела и соглашением или силою; первое свойственно существам разумным, второе — диким зверям; и так прибегать к силе можно только тогда, когда разум оказывается бессилён». Гроций желает, чтобы христианские государства собирались для совещаний об общих интересах и принуждали к миру; мир есть закон международных отношений, цель войны — скорейшее заключение мира; независимые государи, не умеющие связывать себя данным словом, подобны диким зверям. По представлению Гроция, человек влечется к общественной жизни вследствие нравственной необходимости, не для выгод, а единственно для удовлетворения потребностям человеческой природы.

В книге Гроция уже является мысль, что государство обязано своим существованием договору между гражданами, мысль, развитая впоследствии другими; верховная власть принадлежит вообще государству как целому и в особенности — лицу, облеченному высшим авторитетом; во время междуцарствия

общественная власть возвращается к народу, из которого проистекла; но народ не находится в постоянном и действительном обладании верховною властью и не имеет права требовать к ответу и наказывать государей, употребляющих в зло свою власть.

Гуго Гроций был товарищем и единомышленником знаменитого Великого Пенсionarioя Голландии, Ольденбарневельдта, которому молодая республика была много обязана своим государственным устройством. Законодательная и верховная власть с правом наложения податей принадлежала собранию депутатов семи соединенных провинций, или так называемым генеральным штатам; исполнительная власть была в руках верховного совета, в челе которого находился штатгалтер; войском и флотом заведовал исключительно штатгалтер; внутреннее управление каждой отдельной провинции зависело от провинциальных чинов, состоявших из дворянских и городских депутатов. С самого начала республики мы уже видим борьбу между стремившимся к самовластию штатгалтером и так называемыми патриотами, людьми, желавшими поддержания республиканских форм. Сюда присоединилась еще борьба религиозная между последователями двоих богословов — *Гомара*, строгого последователя учения Кальвина относительно предопределения и резкой отдельности Церкви от государства, и *Арминия*, допускавшего и участие свободной воли человека в деле спасения и учившего, что Церковь должна быть подчинена государству. Ольденбарневельдт, Гуго Гроций и вообще образованнейшие люди были арминiane, штатгалтер, принц Оранский и низшее народонаселение — гомаристы. В 1618 году борьба кончилась тем, что семидесятидвухлетний Ольденбарневельдт был казнен смертию, а Гуго Гроций осужден на вечное заключение; с помощью жены ему удалось спастись из тюрьмы и бежать за границу; изгнанником он жил сначала во Франции, потом в Швеции.

Быстро поднялась молодая Голландская республика, но и в ее развитии обнаружилась односторонность; господство торгового духа с барышничеством, мелочностью скоро высказалось в отправлениях народной жизни; торговая республика могла отбиться от далекой, растянувшей свои владения и постепенно слабевшей Испании; но едва могла с чужою помощью защитить свою маленькую территорию от завоевателя ближайшего, французского короля Людовика XIV, и не могла защитить ее от завоевательной Французской республики. Судьба торгового голландского народа имеет поразительное сходство с судьбою торгового народа в древнем мире — финикиян: та же обширная, обхватывавшая весь известный мир торговая и промышленная деятельность, богатые колонии и в то же время ничтожная государственная область, невозможность отстаивать свою независимость от за-

воевателей. Судьба Финикии и Голландии показывает, что богатство и блеск, происходящие от процветания промышленности и торговли, не составляют еще всего для народа, если у него при этом нет средств сохранить драгоценнейшее благо народное — независимость.

VI АНГЛИЯ ПРИ ТЮДОРАХ

Переходим к стране, также знаменитой своим богатством, своею промышленною и торговою деятельностью, но имевшей другие, более прочные основания своего могущества и значения в Европе, чем Голландия, переходим к Англии. Соединенные теперь королевства Великобритании и Ирландии расположены на двух больших островах. Это островное положение имеет важное значение: во-первых, оно благоприятствует развитию мореплавания и торговой деятельности; во-вторых, доставляет безопасность от вторжения неприятеля и тем избавляет от обязанности содержать большое постоянное войско.

Но если островное положение защищает Англию от внешних нападений, то это надобно принимать с ограничением: одного этого условия недостаточно для защиты, нужна при этом внутренняя сила, внушающая страх врагу, который бы отважился пристать к острову; когда народонаселение Англии было слабо, тогда мы видим целый ряд враждебных нападений на нее и завоеваний; островное положение не избавило Британию от римского и англо-саксонского завоевания, не избавило от жестоких нападений норманнов из Скандинавии, от завоевания норманнами из Франции: это завоевание было последним — знак, что с этих пор начинается внутреннее усиление Англии, которому не мешала внутренняя борьба, бывшая следствием завоевания и определившая те формы политической жизни, которыми знаменита Англия. Вождь норманнского завоевания, Вильгельм Завоеватель, и потомки его были истые норманны, *«жадные к захвату»*, как их характеризовали современники. На престоле английском они постоянно действовали в том же духе, усиливая свою власть и свои материальные средства на счет подчиненного народонаселения. Но верхний слой этого народонаселения составляли также норманны, товарищи завоевателя, поделившие с ним добычу, ставшие землевладельцами в Англии. Если король как истый норманн стремился к захвату, то бароны также как истые норманны представляли сопротивление стремлениям короля; эти стремления обнаружались рано, когда еще бароны после завоевания не успели отвыкнуть от общего дела, разделиться, и потому им легко было выставить сопротивление королевским насилиям.

Тяжелое правление Генриха I произвело то, что преемник его, Стефан, должен был дать хартию в обеспечение от насилий. Плантагенеты наследовали от прежней династии ее характер, стремление к захвату и этим самым держали баронов настороже, наготове к общему делу сопротивления. Короли для своих целей нуждались прежде всего в войске *своем*, от них вполне зависящем, это войско наемное (брабансоны из Брабанта); для найма войска нужны деньги, и короли не церемонились с подданными при сборе этих денег; отсюда две главные жалобы — против иностранного войска и тяжких денежных поборов.

Насильственное правление Иоанна Безземельного возбуждает восстание баронов; но бароны встают не одни, они протягивают руки горожанам, жители Лондона поднимаются вместе с баронами для дружного отпора королевским насилиям. Этот союз баронов с горожанами доставил английской аристократии то высокое положение, которым она до сих пор пользуется в стране. Король должен был уступить и дать знаменитую Великую Хартию (*Magna Charta*). Подати определены, для податей чрезвычайных нужно согласие парламента, произвольный захват людей и имуществ со стороны короля уничтожен, иностранцы и чужеземное наемное войско удалены. Это первое действие могло бы и не быть богато результатами, если бы преемники Безземельного приняли другую политику; но они продолжали возбуждать к борьбе силы, к ней приговоренные, себя сознанные, и тем способствовали развитию парламентских форм. Так, борьба продолжается при сыне Безземельного, Генрихе III, который был взят в плен Симоном Монфором, предводителем недовольных баронов; парламент созывается уже не по воле королевской, но постоянно; Монфор призывает в парламент не только вельмож духовных и светских (верхняя палата лордов), но также депутатов из низшего дворянства и городов (нижняя палата общин).

Сын Генриха III, Эдуард I, блестящий, войнолюбивый, чтобы иметь средство для войны с Францией, прибегает к налогам и опять поднимает против себя вельмож и лондонских горожан, которые заставляют его подтвердить Великую Хартию, обязать впредь не собирать денег без согласия парламента. Поведение сына Эдуарда I, Эдуарда II, детски слабого человека, подчиненного любимцам, опять вызывает движение со стороны вельмож; назначенная из них комиссия опять постановляет ежегодное созвание парламента, постановляет, что король не может без согласия баронов назначать на высшие должности, не может отчуждать коронных имений. Усобица между Эдуардом II и его женою также содействует усилению значения парламента, ибо королева опирается на него.

Королю слабому, как Эдуард II, наследовал опять король — рыцарь Эдуард III, которого все внимание было обращено на

внешнюю войну; имея постоянно нужду в деньгах для войны, Эдуард в пятидесятилетнее правление свое созывает парламент не менее 50 раз; а в последние годы Эдуарда III, впадшего в детство, парламент еще более усиливается. После Эдуарда III — усобица в королевском роде: недовольные Ричардом II англичане свергают короля посредством двоюродного брата его, Генриха Ланкастерского (Генрих IV). Страшная усобица, известная под именем «войны Белой и Алой Розы», истребила много вельмож, истомила народ, и потому естественно, что короли из новой династии Тюдоров не могли встретить в парламенте такого сильного сопротивления, какое встречали короли из прежней династии, и потому Тюдоры кажутся почти самовластными государями; но при этом надобно заметить, что Тюдоры ведут себя иначе, осторожнее, избегают столкновений по самому существенному вопросу, вопросу денежному, избегают разорительных войн, которые если и ведутся, то имеют более национальный характер, чем прежние; наконец, скоро на первом плане становятся внутренние религиозные движения, которые поглощают все внимание народа, вопросы политические уступают им господство.

Преемником первого Тюдора, Генриха VII, был сын его Генрих VIII (1509—1547). Молодой король был умен, отлично образован, тверд, настойчив, избалован. Англия находилась в самом выгодном положении; на континенте происходила сильная борьба между Франциею и Испаниею, и борющиеся стороны должны были заискивать приязнь английского короля. Выгодное положение Англии всего виднее было в положении государственного канцлера при Генрихе VIII, кардинала Вольсея, который получал деньги от короля французского, императора и папы. В Германии обнаружилось религиозное движение, Лютер встал против папы: как же отнесется Англия к этому событию? Англия по самому развитию своей политической жизни не могла терпеливо подчиняться папской власти, удовлетворять требованиям церковного государя; если английский народ так заботливо охранял свое имущество, не позволял своим королям налагать подати без согласия парламента, то понятно, что он не мог позволить папе кормиться и кормить своих итальянцев на счет Англии. Еще в XIV веке парламент постановил, что папа не может распоряжаться церковными местами в Англии, потому что раздает их обыкновенно иностранцам, «тогда как Церковь основана в Англии королями и вельможами для себя и для своего народа».

Папа не обратил внимания на постановление и отдал одно доходное место итальянскому кардиналу, тогда как король представил уже своего кандидата; английские епископы решили в пользу королевского кандидата; папа отлучил их за то от

Церкви. Тогда палата общин объявила, что при виде такого нарушения прав королевских все общины станут за короля и готовы положить за него свои головы; лорды объявили, что они будут поддерживать корону; епископы — что они не будут входить в разбирательство, имел ли папа право отлучать их от Церкви или нет, только ясно, что это отлучение противно правам английской короны и они, епископы, будут стоять за корону как верные подданные. Папа уступил.

Понятно также, что в Англии менее чем где-либо могли равнодушно смотреть на недостойное поведение, какое позволяли себе духовенство, монахи; обличители явились из среды самого духовенства, именно учнейшие из его членов; в 1486 году собор епископов нашел, что духовенство вообще ведет себя дурно; разослано было увещание исправиться, но при этом внушено было и обличителям, чтоб они осторожнее обличали своих собратий пред светскими людьми, «которые всегда враждебны духовенству». Лондонский епископ признавался Вольсею, что присяжные непременно обвинят духовного человека, хотя бы он был невинен, как Авель. Такая враждебность светских людей преимущественно поддерживалась безнаказанностью духовенства: духовное лицо, уличенное в важном преступлении, отделялось легкого епитимьею и ничтожною денежною пенею. Парламент, созванный в 1529 году, начал свою деятельность тем, что палата общин представила королю обвинительный акт против духовенства, жаловалась, что духовные вместо исполнения своих обязанностей преданы мирским заботам, ходят по судам, занимаются разными промыслами, одно лицо имеет иногда восемь или девять мест; парламент издал закон против замещения многих мест одним лицом.

Между тем протестантизм начал распространяться в Англии. Студенты всех наций стекались в это время в Виттенберг слушать Лютера и Меланхтона, туда же явился и англичанин Тиндаль, бывший домашним учителем в отечестве; он познакомился с Лютером и под его непосредственным надзором перевел Евангелие и апостольские послания. После этого Тиндаль поселился в Антверпене; здесь присоединились к нему другие ученые англичане и завели типографию для распространения в Англии переведенного Нового Завета и протестантских сочинений. Число людей, принявших новое учение, увеличилось в Англии, и правительство начало преследовать еретиков. Генрих VIII питал отвращение к ереси; в 1521 году он написал книгу против Лютера в защиту семи таинств и получил за это от папы титул защитника веры; Лютер отвечал на эту книгу по своему обыкновению запальчиво и грубо, не пощадил для Генриха самых оскорбительных выражений; сильно досталось и Вольсею. Понятно, что после такого ответа Генрих не мог с особенною благосклонностью смотреть на

последователей Лютера в Англии. Но, с другой стороны, и Генрих, и Вольсей хорошо знали, как недостойное поведение монахов благоприятствует распространению ереси; король только опасался принять решительные меры, чтобы не поколебать всего здания церковного. Однажды, прочитав книгу, где описывалось поведение монахов, король призадумался и потом сказал: «Если человек захочет разрушить старую каменную стену и начнет снизу, то верхняя часть может упасть ему на голову». У Вольсея была мысль очистить Английскую Церковь, преобразовать монастыри, сделать из них крепкие стены Церкви, наполнив их людьми благочестивыми и учеными. Но этот план министра не исполнился, потому что король изменил своей осторожной политике, защитник веры отложился от папы.

Генриха из политических расчетов женили в очень молодых годах на вдове старшего его брата Артура, Екатерине, принцессе Арагонской, дочери Фердинанда Католика; жена была шестью годами старше мужа. 18 лет Генрих прожил в мире с Екатериною, но тут влюбился в фрейлину королевы, Анну Болейн. Эта страсть, возбудив отвращение к старой жене, заставила Генриха думать о разводе: он припомнил, как неохотно папа дал разрешение на брак его со вдовою брата, как неблагоприятно смотрели на этот брак в Англии, считая его непозволительным, и действительно, казалось, что Бог не благословил брака: из пятерых детей в живых осталась одна дочь Мария, мальчики или родились мертвыми, или умирали вскоре после рождения. К несчастью Екатерины, желание Генриха развестись с нею встречало сильное сочувствие в народе английском, который, отдохнув от усобицы, с ужасом помышлял о возможности ее возобновления, если король умрет, не оставив наследника мужского пола. Генрих обратился к папе с просьбою уничтожить брак с Екатериною как незаконный и разрешить брак на Анне Болейн.

Папа был поставлен в самое затруднительное положение: ему хотелось исполнить желание защитника веры, и в то же время он боялся оскорбить императора Карла V, племянника королевы Екатерины. Папа стал уклоняться от решения щекотливого дела, затягивать его; Генрих терял терпение и сорвал свое сердце на Вольсее, который находился во враждебных отношениях к Анне Болейн: Вольсей был удален от дел в 1529 году. Потом Генрих принял совет — спросить мнения о разводе у всех университетов и ученейших богословов Европы в надежде, что папа должен будет согласиться с этим мнением. Чтоб получить мнение итальянских ученых в пользу развода, английское правительство сочло нужным употребить для этого деньги, а испанское сочло нужным застрашивать людей, которые за английские деньги хлопотали в пользу Генриха; таким образом, в Италии деньги, с одной

стороны, и угрозы—с другой, не дали ученым возможности высказаться; в Германии также боялись оскорбить императора; Лютер был против развода, но соглашался на то, чтобы Генрих, не разводясь с Екатериною, женился на Анне Болейн и имел две жены по примеру патриархов.

Французский король, желая поссорить Генриха VIII с Карлом V, потребовал от Парижского университета, чтоб тот высказался в пользу развода; большинство ученых и хотело высказаться в этом смысле, но один доктор объявил, что университет не может приступить к обсуждению дела без позволения папы, и был поддержан испанскою и итальянскою партиями в университете. Узнавши об этом, французский король велел сказать смелому доктору, что если он возобновит сопротивление, то будет жестоко наказан, и после этого внушения сопротивления не оказалось. Это явление, несмотря на свои темные стороны, ясно показывает нам, какою общеою жизнью жила тогдашняя Европа: дело о разводе английского короля отзывалось всюду, занимало образованных людей всех стран; если в Виттенберге к колыбели протестантизма стекалась изо всех стран Европы молодежь, жаждущая новизны и привлекательной борьбы с властью, так долго господствовавшей в нравственном мире, с властью папы, то в Парижский университет, строго державшийся старины, также стекались студенты из разных стран, и в столице отъявленного врага Испании между учеными существовала испанская партия.

Между тем в Англии происходило сильное движение: в духовенстве нашлись противники развода, которые резко высказывались против него в проповедях; за Екатерину вооружилась знаменитая кентская монахиня, Елизавета Бартон, слышавшая святою, пророчицею и чудотворицею; Елизавета провозгласила, что если король разведется с своею женою, то не процарствует и месяца, но умрет дурною смертию. Король обратился к парламенту, протестуя, что затеял дело о разводе не для собственного удовольствия, но для очищения своей совести и обеспечения государства на счет престолонаследия. Лорды и депутаты общин отправили к папе послание с просьбою исполнить желание короля Генриха. «Если вы этого не сделаете,— писали они,—если вы, наш отец, решились покинуть нас как сирот и обходиться с нами, как с людьми потерянными, то мы должны будем позаботиться сами о себе и поискать других средств, ибо мы видим тучу бедствий, нависнувших над нами, предвидим возобновление старых споров о престолонаследии, которые прекратились после страшного кровопролития». Ответа не было; Генрих удалил Екатерину из дворца и женился на Анне Болейн; противники развода усилили свои ожесточенные выходки против незаконного брака, а с другой стороны, парламент постановил, чтоб по делам о за-

вещаниях, браках и ни по каким другим не было переноса (апелляции) в Рим, последнею инстанциею для них назначен суд архиепископа кентербюрійского; по этому постановлению и дело короля решилось в Англии.

Кранмер, ревностный приверженец реформы, был тогда архиепископом кентербюрійским; на его вопрос духовный собор (конвокация) отвечал, что папа, разрешивши брак Генриха с Екатериною, превысил свою власть, и потому брак этот не может считаться законным, действительным. Кранмер присудил развод (1533), и Анна Болейн была коронована. Папа (Климент VII) уничтожил приговор Кранмера против Екатерины и грозил Генриху отлучением, если он не разведется с Анною Болейн и не соединится опять с Екатериною; Генрих потребовал пред Европою, чтоб его дело было перенесено на собор, а парламент 1534 года объявил, что всякая высылка денег в Рим запрещается и все права римского епископа внутри Англии уничтожены, переносятся к короне; но это значит, прибавлено в постановлении, что король, его дворянство и подданные намерены отступить от Церкви Христовой в чем-нибудь касающемся догматов католической веры или постановлений Священного Писания, необходимых для спасения.

Противники развода заплатились жизнью за свое поведение, в том числе и кентская монахиня, обличенная неисполнением ее пророчества и признавшаяся, что люди умные и ученые для своих выгод превознесли ее и внушили убеждение, что в ней действует Дух Святой. Так как явная борьба между королем и папою разгоралась и грозила Англии большими опасностями, в Ирландии вспыхнуло возмущение, причем ждали высадки императорских войск и нападения со стороны шотландского короля, подумавшего папою, то правительство сочло необходимым взять со всех подданных новую присягу в верности и послушании только королю, а не какой-нибудь еще другой власти или государю. Конвокация провозгласила, что папа имеет такую же власть в Англии, как и всякий другой епископ.

Английская Церковь отделилась от Римской; но, отделившись от Римской Церкви, отрекшись от папы, она не присоединялась к Церкви Вселенской, которая не признавала для себя видимого главы; давнее отделение Западной Церкви от Вселенской, которая для Западной Европы являлась только в виде Церкви Греческой, раскольничьей (шизматической), и бедственное политическое положение Востока заставили забыть на Западе о Вселенской Церкви; под Вселенскою разумели Римскую; Римская Церковь имела видимого главу в папе, и потому не могли себе представить Церкви без видимого главы; Английская Церковь в национальном стремлении освободиться от папы как иностранного государя, оскорблявшего в Англии национальное чувство,

нарушавшего права национального правительства, хотела при этом остаться православною, не хотела идти протестантским, еретическим путем, удерживала иерархию,—но где же будет верховный авторитет, который даст крепость церковному учению, охранит Церковь от ереси? О верховном авторитете Вселенской православной Церкви, о Вселенском соборе забыли на Западе, а если и помнили, то считали его невозможным, привыкли считать верховный авторитет за папою и, отрекшись от папы вследствие национального стремления, перенесли его значение на короля как представителя английской национальности в борьбе с притязаниями чужой власти папской.

По королевской прокламации июня 1534 года каждый епископ английский должен был присягнуть в послушании королю как верховному главе Церкви. Это новое значение короля, несчастное наследство от Западной Церкви, требовавшей непременно видимого главу, не замедлило принести свои плоды: люди, боявшиеся революционного, протестантского движения в Церкви, укрепились в своем желании остаться верными папе, потому что не могли никак согласиться на облечение светской власти верховным авторитетам власти церковной; король, сделавшись главою Английской Церкви, папою, должен был преследовать как бунтовщиков людей, присягавших ему только как главе государства и никак не хотевших присягать ему как главе Церкви; отсюда гонение на католиков, которое побуждало их к возмущениям, отчаянным мерам. С другой стороны, Генрих VIII хотел охранить Английскую Церковь от ереси и преследовал протестантов; но протестантизм выигрывал тем самым, что король отложился от Римской Церкви, преследовал папистов, приказывал проповедникам делать выходки против Римской Церкви, ее злоупотреблений, против человеческих вымыслов и учреждений в делах божественных; но то же самое делали и протестанты, постоянно проповедовавшие против злоупотреблений Римской Церкви, стремившиеся уничтожить все то, что, по их словам, было человеческим вымыслом и учреждением. По какому же праву они считали то или другое человеческим вымыслом и учреждением? Совершенно произвольно; а в новой Английской, или так называемой Англиканской Церкви кто решит спорные вопросы, кто установит учение? У нее есть папа, глава Церкви, король. Но, во-первых, люди с протестантским направлением желали освободиться от авторитета духовного главы Церкви вовсе не для того, чтоб подчиняться авторитету светского папы; во-вторых, на каком основании король решит спорные вопросы, установит учение? На основании собственного произвола!

В пылу борьбы с папою, с своими папистами, преимущественно монахами, Генрих VIII не удержался, подпал влиянию лиц,

преданных протестантизму, и ступил на скользкую дорогу отрицания так называемых протестантами человеческих учреждений. Это возбудило неудовольствие людей, боявшихся ереси, и многие предпочли лучше остаться при папе, чем идти за светским главою Церкви к протестантизму; другие, желавшие идти быстро по дороге, проложенной германскими реформаторами, были недовольны робкими шагами Генриха и не хотели признавать за ним папской власти, права устанавливать учение Церкви.

Таким образом, Генрих, устанавливая свою национальную Церковь, нашелся между двумя огнями, между католиками и протестантами; те и другие, сопротивляясь воле короля как главы Церкви, являлись бунтовщиками и подвергались преследованию; началась сильная борьба. Но в борьбе между двумя крайностями Англиканская Церковь, оторванная от Церкви Вселенской, предоставленная самой себе, произволу своего главы, носилась волнами случайностей то туда, то сюда, то стремилась по протестантской дороге, то вдруг останавливалась, происходила реакция, то опять начиналось протестантское движение. Так прошло все время, в которое царствовала в Англии династия Тюдоров. Явления, представляемые этим временем, любопытны и поучительны: здесь мы видим не личное дело одного человека, мы видим, как сильный, практический, здравомыслящий народ ведет борьбу для избежания двух крайностей, ищет твердой почвы и, разумеется, найти ее у себя не может. Отсюда понятно непрерывающееся стремление англичан к соединению с Вселенскою православною Церковью.

В каком затруднительном положении находился глава Англиканской Церкви, видно из его распоряжений относительно содержания проповеди: проповедник должен был говорить против папы, оправдывать короля, должен был удерживаться от богословской полемики, должен был проповедовать Священное Писание и слова Христовы, не смешивая их с человеческими учреждениями, не заставляя верить, что сила закона Божия и закона человеческого одинаковы; *проповедник должен умалчивать целый год о чистилище, почитании святых и мощей, браке духовенства, оправдании чрез веру, хождении на богомолье, о чудесах.* Глава Церкви давал себе год времени для решения, какое учение принять относительно названных предметов; духовенство должно было в это время молчать, дожидаться; но могли ли молчать светские люди, между которыми эти предметы служили постоянным содержанием споров, деливших народ на два враждебные лагеря?

Рочестерский епископ Фишер не хотел признать короля главою Церкви: папа сделал его кардиналом, король казнил его как изменника. Другую, наиболее видную жертвою был Томас

Морус. Морус был один из передовых людей эпохи Возрождения, друг Эразма Роттердамского; недовольство существующим порядком, стремление к лучшему будущему высказал он в своем знаменитом сочинении «Утопия», где представил идеальное общество. Но, когда Лютер быстро повел реформу, Морус, подобно Эразму, встревожился крайностью направления и сделался ревностным охранителем старины, ревностным защитником Римской Церкви. Ставши канцлером после Вольсея, Морус преследовал протестантов сильнее, чем кардинал Вольсей; Вольсей смотрел на ересь как на заблуждение, Морус — как на преступление; но Морус не долго пробыл канцлером: видя, что дело о разводе королевском прямо клонится к порванию связи с Римом, Морус сложил с себя канцлерство и удалился в уединение, но потом, не согласившись признать короля главою Церкви, был казнен.

Казнь Фишера и Моруса произвела сильное впечатление в Европе: до сих пор думали, что дело еще уладится между Англиею и Римом, но теперь увидали, что дело идет серьезное, что реформационное стремление сильно в Англии, что Генрих не откажется от своего главенства. Папа отвечал на вызов Генриха, сделанный казнью Фишера и Моруса: он предал английского короля проклятию; когда он умрет, тело его лишается погребения, а душа низвергается прямо в ад навеки, подданные не должны признавать его королем под страхом отлучения, лорды и общины должны изгнать его из земли своей и христианские государи Европы должны показать свою верность св. престолу, помогая английскому народу привести в исполнение приговор папский.

После этого понятно, как Генрих должен был смотреть на тех англичан, которые хотели остаться верными св. престолу. При открытой войне с папою он сильнее всего вооружился против монахов как против войска папского, монастыри были уничтожены. Генриху в ожесточенной борьбе с католицизмом трудно было не повернуть на протестантскую дорогу, тем более что самый доверенный человек при нем сильно желал, чтоб король шел по этой дороге: то был Фома Кромвель. Кромвель, прозванный *бичом монахов*, человек бедный и незнатного происхождения, был выведен в люди Вольсеем и заслужил почетную известность, оставшись верен своему благодетелю после его падения, искусно защитив его в парламенте против обвинений. Эти отношения к падшему министру не повредили, однако, Кромвелю во мнении короля, который искал человека способного и вместе сочувствующего отторжению Англии от Римской Церкви, каким был именно Кромвель, ставший скоро самым приближенным человеком к королю; он-то вместе с Кранмером затягивал Генриха на протестантскую дорогу.

Обстоятельства были благоприятны, потому что католики все более и более раздражали короля. Сильно раздражило Генриха

поведение Регинальда Поля, происходившего от одной из самых знатных фамилий и пользовавшегося особенным расположением короля. Он получил отличное образование в Париже и Падуе, приготавливаясь к духовному званию; не сочувствуя реформе, производимой Генрихом, он остался за границею и сделался ревностным слугою папы, ревностным участником во враждебных Генриху замыслах. В борьбе с королем Польш резко высказал католические взгляды на светскую власть, примешивая сюда и начатки того учения, которое развилось особенно потом вследствие политических движений в той же Англии. В своем знаменитом послании к Генриху Польш спрашивает: «Что такое король?» — и отвечает: «Король существует для народа, для защиты его материальных и временных интересов. Но так как существуют интересы выше временных, то и есть власть выше власти королевской. Слава короля заключается в благосостоянии его народа, и если он сознает обязанность своего звания, то должен повергать свою корону к стопам священства; священникам сказано: «Вы боги и сыны Вышняго». Кто после этого может сомневаться, что священники выше королей. В обществе человеческом три степени: народ, духовенство и король, который есть дитя, создание и слуга обоих первых». Из этих положений Польш выводит, что Генрих есть изменник, бунтовщик. Потом Польш обращается к Англии: «Вспомни, родина моя, о своих древних правах и вольностях! Вспомни то время, когда несправедливые короли твои призывались к отчету властью твоих законов. Тебе толкуют, что все принадлежит королю; я тебе говорю, что все принадлежит республике. Ты, моя родина, — все, а король — только твой слуга».

В этом же послании Польш прямо объявляет, что будет просить французского короля, чтоб тот низвергнул Генриха с престола; будет просить императора Карла V, чтоб тот оставил воевать с турками и обратил свое оружие против английского короля, который гораздо опаснее турок. Император воюет с турками для освобождения христианских невольников из турецких оков, но гораздо славнее освободить от вечной гибели многие тысячи душ, отторгнутых от Церкви. Польш оканчивает свое послание угрозами. «Можешь ли ты сомневаться, — говорит он Генриху, — что король французский не послушается папы, не соединится с императором и не вооружится против тебя? И когда они сокрушат тебя, то христианство возрадуется этому более, чем изгнанию турок из Константинополя. Как ты будешь бороться против целой Европы? Что станется с твоими подданными, когда гавани всего континента будут для них заперты?» За такую ревность папа сделал Поля кардиналом.

Католики грозились поднять всю Европу против Генриха; английское духовенство, уверяя в своей преданности королю, в отрешении от папы, горько жаловалось, однако, что ересь,

пользуясь нерешительным положением, сильно распространяется. Новому главе Церкви нельзя было долее отмалчиваться насчет спорных пунктов, и в 1536 году он постановил: 1) все, заключающееся в Библии и Символе Веры, непреложно истинно. 2) Необходимых таинств три: крещение, покаяние и причащение. 3) Причащающийся вкушает истинное тело и кровь Христовы под видом хлеба и вина. 4) Все церковные церемонии и обряды сохраняются для напоминания о духовных вещах, ими представляемых. 5) Удерживается призывание святых и молитвы за усопших, но отвергается чистилище. При этом было постановлено, что в каждой церкви должна быть Библия на латинском и английском языке для общего пользования.

Ни одна партия не была довольна этими артикулами: протестанты жаловались, что сохраняются прежние суеверия; желавшие сохранить в чистоте прежнее церковное учение были недовольны темнотою пункта о таинствах; жаловались, что тут проглядывает ересь. Аристократия была особенно недовольна новизнами, видя в главном поборнике их, Кромвеле, выскочку, человека низкого происхождения и, между тем, поднявшегося так высоко. В 1536 и 1537 годах происходили сильные восстания, с трудом прекращенные правительством: восставшие требовали, между прочим, восстановления монастырей, удаления *подлой крови* (Кромвеля) из тайного совета королевского, свержения и наказания епископов-еретиков, Кранмера и других. Мятеж был подавлен, заводчики его погибли на эшафоте; но если приверженцы старины переставали тревожить короля, то начинали тревожить его приверженцы нового.

Крестьянские богословы в корчмах за кружкою пива толковали о том, как может человек спастись, и от словесного спора переходили к кулакам; библии, лежавшие открытыми в каждой церкви, давали обильную пищу фанатикам-самоучкам; споры, крики поднимались во время самой церковной службы к соблазну приверженцев старины. Эти движения заставили короля опять податься назад: он вызвал главу охранителей старины, винчестерского епископа Гардинера, и поручил ему составить новые определения; Гардинер написал так называемые *шесть артикулов*: 1) в таинстве Евхаристии хлеб и вино действительно пресуществляются в тело и кровь Христовы; 2) приобщение под двумя видами не необходимо для спасения; 3) священникам не позволяется жениться после посвящения; 4) обеты девства должны быть сохраняемы; 5) заказные обедни удерживаются; 6) удерживается исповедь пред священником. Парламент принял артикулы. Но понятно, что Кромвель не мог быть доволен охранительным направлением, выразившимся в шести артикулах. Он хотел посредством брака затянуть Генриха в тесную связь с германским протестантизмом и дать последнему больше простора в Англии.

Обильный последствиями для страны развод Генриха с первой женою не доставил королю семейного счастья: Анна Болейн была обвинена в нарушении супружеской верности и казнена, оставив дочь, знаменитую впоследствии Елисавету. Генрих вступил в третий брак с Жанною Сеймур, но Жанна умерла в 1537 году, оставив сына Эдуарда. Кромвель стал хлопотать, чтоб Генрих женился на Анне, дочери герцога Клевского, родственнице курфюрста Саксонского. Генриху расхвалили наружность принцессы, он согласился на брак; Анну привезли в Англию, но Генрих при первом взгляде на невесту пришел в отчаяние: так она была непривлекательна. Для соблюдения приличий Генрих решился обвенчаться с нею, но брак только увеличил отвращение, которое король не мог преодолеть, и развелся. Кромвель заплатил за неудачу дела, им устроенного; враги, которых было очень много у «покровителя ереси», воспользовались неудовольствием короля: Кромвель был казнен, обвиненный в разных противозаконных и своевольных поступках, особенно в том, что рассекал по королевству еретические книги; открыто утверждал, что всякий христианин может совершать таинства; под его покровительством еретики открыто проповедовали, и многие из них освобождались от наказания; а люди, доносившие на них, подвергались гонению; незаконными средствами собрал он большое богатство и, разбогатевши, ни во что ставил людей знатных.

Разведясь с Анною Клевскою, король женился в пятый раз, на Екатерине Говард; но с новою королевою повторилась та же история, что и с Анною Болейн: она была уличена в нарушении супружеской верности; Генрих был в отчаянии; когда тайный королевский совет собрался по этому делу, то король долго не мог промолвить слова от слез; в другой раз он испытывал такой страшный позор. Екатерина Говард была казнена, Генрих женился в шестой раз, на Екатерине Парен, которая и пережила его: Генрих умер в январе 1547 года, оставя престол малолетнему сыну своему, Эдуарду VI.

История церковной реформы в Англии представляет для нас замечательное явление по той окраске, какую дала ей английская национальность. Северо-Западная Европа без борьбы быстро сделалась протестантскою, Юго-Западная осталась верна католицизму, в Средней после долгой борьбы католицизм получил перевес; в Англии Генрих VIII как истый англичанин, опираясь на большинство, хочет сделки между старым и новым; отвергает противное национальному чувству римское папство; но вместе с тем хочет удержать старину, боится протестантских ересей, хочет остановиться на середине, колеблется между Кромвелем и Гардинером; при отвержении крайностей король преследует обе крайности — преследует и католиков, и протестантов, подчинясь

духу времени, времени религиозной борьбы, религиозных преследований.

Относительно других сторон деятельности Генриха VIII надобно заметить, что Англия при нем большею частью наслаждалась миром, в то время как на континенте происходили беспрепятственные и жестокие войны; мир способствовал усилению народного благосостояния, развитию промышленности и торговли. В царствование Генриха VIII усилилось значение палаты общин: до него эта палата ограничивалась определением денежных пособий на правительственные нужды и проводила без обсуждения меры тайного совета: Генрих, задумав церковную реформу и не находя для себя поддержки в этом деле в палате лордов, обратился к палате общин; опираясь на нее, провел реформу и таким образом поднял значение этой палаты в ущерб значению палаты лордов; прежние короли в затруднительных обстоятельствах созывали «великие советы», составленные из лордов, прелатов и других лиц, назначенных королем; Генрих в подобных обстоятельствах всегда обращался к народному представительству.

Из отношений Англии к другим державам в царствование Генриха VIII самыми важными были отношения к соседней Шотландии. Эта страна в описываемое время далеко отставала от Англии относительно своего развития, чему причин должно искать в ее положении и предшествовавшей истории. Шотландия, страна гористая и малоплодоносная, при затруднительном сообщении между частями рано подверглась опустошительным нашествиям скандинавских пиратов, остановившим ее развитие; когда нашествия с моря прекратились, начинаются нашествия с юга, из Англии, которая была гораздо сильнее Шотландии. Короли — Эдуарды I, II и III — хотели покорить Шотландию; это им не удалось, тем не менее южная часть Шотландии, наиболее плодородная, подверглась страшному опустошению; не имея возможности оружием отбиваться от англичан, шотландцы иногда сами опустошали южную окраину и удалялись в горы, земледельческие работы прекращались на долгое время. Если в промежутки между нашествиями жители спускались с гор в прежние свои жилища, то должны были выдерживать осаду от волков и потом бороться с более опасным врагом, голодом, доводившим до людоедства.

В XV веке опустошения из Англии стали редки; жители Южной Шотландии могли вздохнуть свободно, но прежнее печальное положение страны уже произвело свое действие: народонаселение отличалось бедностью и грубостью нравов; вследствие ничтожного движения промышленного и торгового города были ничтожны; самые необходимые предметы привозились из Фландрии; вплоть до XVII века стекло и мыло не выделывались

в Шотландии, и даже высшее сословие не знало окон в своих жилищах. Все значение было в руках вельмож и духовенства, короли в борьбе своей с почти независимыми вельможами не могли опираться на города и должны были опираться исключительно на духовенство, которое тесно соединило свои интересы с интересами короны, чтоб противодействовать насилиям могущественных вельмож, не боявшихся преследования между горами, озерами и болотами своими. При грубости нравов борьба королей с вельможами носила самый ожесточенный характер, противники не щадили друг друга в случае торжества и не разбирали средств для доставления себе этого торжества.

Ожесточенною борьбою с вельможами особенно знаменита последняя шотландская династия Стюартов. Король Иаков I несколько лет с успехом истреблял непокорных вельмож, но в 1436 году вельможи взяли верх и предали смерти короля. В 1452 году Иаков II предательски убил могущественного вельможу, графа Дугласа. В 1482 году вельможи вооружились против короля Иакова III, схватили его и заключили в Эдимбургском замке; по освобождении короля борьба возобновилась, вельможи поразили королевское войско, взяли Иакова III в плен и предали смерти. При Иакове IV и Иакове V борьба продолжалась с тем же характером: на одной стороне — вельможи, на другой — король и духовенство. Иаков V, освободившись из рук вельмож, которые владели всем во время его малолетства, отдал все важнейшие должности духовным лицам, которые сильно действовали против вельмож. По внушению архиепископа Глазговского король отнял у баронов право суда, для которого учредил коллегия юстиции.

Ожесточение вельмож против духовенства достигло высшей степени, и они завели тайные сношения в Генрихом VIII Английским, благоприятствуя в то же время распространению в Шотландии протестантизма, тогда как преданность католической Церкви, бывшей единственною и сильною подпорою шотландских королей, вошла в плоть и кровь Стюартов. Иаков V присутствовал при сожжении еретиков и принял от папы титул защитника веры, потерянный Генрихом VIII. Иаков V был родной племянник английского короля по матери³, но был истым шотландцем по характеру: храбрый, славлюбивый, с рыцарскими стремлениями, он руководился преимущественно чувством, редко рассудком. Генрих VIII предлагал ему личное свидание с целью убедить его ввести и в Шотландии те же церковные перемены, какие были введены в Англии, предлагал сделать его герцогом Йоркским и дать парламентским актом право на наследство английского престола; Иаков уклонился от свидания

³ Маргарите, дочери Генриха VII

с дядею, которого шотландское духовенство не иначе называло, как архиеретиком. Удаляясь от еретической Англии, Иаков естественно сближался с католическою Франциею и два раза женился на французских принцессах⁴; с другой стороны, гонимые вельможи и протестанты бежали в Англию.

Разрыв между дядею и племянником был неизбежен; Иаков объявил поход, но многие из вельмож отказались от участия в войне, успех которой был бы для них гибелен; шотландское войско было разбито. Иаков V умер с отчаяния, оставив на престоле только что родившуюся дочь Марию, а правителем в ее малолетство назначил кардинала Бетюня, архиепископа-примаса Шотландии. Но вельможи, пользуясь смертью короля и неудачною войною с Англиею, взяли верх; те из них, которые прежде укрывались в Англии, возвратились; Бетюнь потерял регентство, а потом был умерщвлен в 1546 году незадолго до смерти Генриха VIII английского.

В Шотландии была малолетняя королева, в Англии — малолетний король; вследствие этого здесь и там боролись вельможи за власть, боролись религиозные партии. Генрих VIII, умирая, поручил правление на время малолетнего сына своего Эдуарда VI совету из 16 вельмож; но скоро Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет, родной дядя короля по матери, захватил правление и провозгласил себя протектором королевства. В религиозном вопросе Сомерсет начал явно благоприятствовать протестантизму, вследствие чего сейчас же явились на сцену иконоборцы, которые начали уничтожать в церквах священные изображения, проповедники стали возбуждать своих слушателей к крайне протестантскому движению, и, наконец, само правительство приказало обнажить церкви от священных изображений; шесть артикулов были уничтожены; глава охранительной партии Гардинер был заключен. Это поведение протектора возбудило сильное неудовольствие в большинстве народонаселения, вельможи при этом были раздражены гордостью Сомерсета, в 1549 году он был свергнут и потом казнен.

В челе управления стал Дудлей, граф Варвик, принявший после титул герцога Нортумберланда. И новое правительство шло по стопам прежнего в религиозном вопросе: в новой литургии, составленной Кранмером, священник уже называется служителем (министром) и предлагает народу не тело и кровь Христовы, как прежде, а только хлеб и вино в воспоминание Христовых страданий и смерти; из церкви святого Павла ночью был вынесен алтарь и заменен простым столом в знак уничтожения таинства. Неудовольствие большинства за это протестантское движение

⁴ В первый раз на Магдалине Валуа, во второй — на Марии Гиз, вдове герцога Лонгвиля

было перенесено теперь на Нортумберланда, а между тем слабый с рождения Эдуард VI не обещал достигнуть совершеннолетия. Ближайшею наследницею была сестра его Мария, старшая дочь Генриха VIII от Екатерины Арагонской.

Мария, получившая от матери испанский характер, была ревностная католичка; религиозные убеждения, принятые как священное наследство от матери, скреплялись несчастьем матери и собственною невзгодою в царствование отца и брата; за что страдалось, то становилось дорого; все привязанности, все надежды Марии обращались к Испании; в императоре Карле V она привыкла видеть своего единственного покровителя; вся ненависть была обращена к церковной реформе, которая имела такую тесную связь с несчастьем матери и ее собственным. Понятно, что Нортумберланду и протестантской партии нужно было отстранить такую наследницу; предлог к отстранению найти было легко: брак Генриха VIII на Екатерине Арагонской, от которого родилась Мария, был объявлен при Генрихе незаконным. Надобно было найти другую наследницу, в пользу которой должен был распорядиться умирающий Эдуард.

По завещанию Генриха VIII после Эдуарда и двоих сестер его, Марии и Елисаветы, должна была наследовать племянница его от сестры, Франциска, герцогиня Суффольк. Нортумберланд говорил герцогиню отказаться от своих прав на корону в пользу дочери своей, Жанны Грей, которую выдали замуж за сына Нортумберланда, Гильфорда Дудлея. Эдуард, ревностный протестант, объявил своею наследницею Жанну Грей, также ревностную протестантку, ведшую переписку по-латыни с швейцарскими реформаторами. Но это распоряжение короля, не скрепленное парламентским актом, не находило нисколько сочувствия в большинстве народонаселения.

Эдуард умер в июле 1553 года, Жанна Грей была провозглашена королевою, и Нортумберланду хотелось, чтобы новая королева поскорее разделила свою власть с мужем, чтобы короновалась вместе с Дудлеем; но когда Жанне Грей стали внушать это, то она сказала мужу, что в завещании Эдуарда не говорится ни слова о Дудлее, для коронования которого нужно согласие парламента, что она может возвести своего мужа в герцоги, если он того желает,—это в ее власти, но в короли она его возвести не может. Дудлей побегал за матерью, та явилась и начала кричать, сын также вопил, что не хочет быть герцогом, а хочет быть королем; Жанна была непреклонна, и герцогиня Нортумберланд ушла и увела сына, чтоб он не оставался с неблагодарною и непослушною женою.

Рано еще стали делить добычу. Большинство не хотело ни протестантского движения, ни продолжения власти Нортумберланда. Около принцессы Марии собралось много приверженцев,

и она провозгласила себя королевою; за нее было большинство, не сочувствовавшее протестантским крайностям; кроме рьяных протестантских проповедников, не было никого за Жанну Грей, которую сделали королевою для утверждения власти нелюбимого Нортумберланда. Мария не встретила нигде сопротивления; жители Лондона приняли ее с восторгом, Нортумберланд был арестован и приговорен к смерти; на эшафоте он объявил народу, что своею погибелью обязан ложным проповедникам, которые отвратили его от католической веры, что отцы Церкви и святые держались одного учения, а теперь, когда люди разделились на разные толки относительно религии, пошли бунты, войны, голода и всякие бедствия; поэтому Нортумберланд умолял зрителей его казни возвратиться к единой истинной Церкви. Эти предсмертные слова произвели сильное впечатление на народ, нанесли удар крайней протестантской партии и облегчили католическую реакцию: сначала католические священники проповедовали, окруженные вооруженною стражею, которая защищала их от толпы протестантских фанатиков, но потом стража оказалась ненужною, в церкви святого Павла спокойно была отслужена латинская обедня с заутренею и вечернею, алтарь был восстановлен, пресуществление было защищено кафедрой и не послышалось ни малейшего ропота; а тут еще королева обрядовала народ объявлением, что вторая половина денег, назначенных парламентом на государственные нужды, не будет собираема; с такою доброю королевою неучтиво было спорить о латинской обедне.

Папа плакал от радости, слыша о том, что делается в Англии, и отправил туда агента своего, Коммендоне, разузнать подробности и переговорить с самою королевою. Мария объявила Коммендоне, что готова сделать все в интересах Церкви, но прежде еще должна завоевать свое королевство; прежде чем обнажить духовный меч, она должна крепко держать в своих руках меч светский, и самое лучшее средство утвердить себя на престоле — это, по ее мнению, брак. Мария боялась людей, которые не хотели протестантских крайностей, но не хотели также возвращаться и под папское иго; Мария боялась повести дело круто к восстановлению папизма, потому что тогда эти люди обратились бы к сестре ее, Елисавете, которая отличалась приверженностию своею к отцовской реформе. Вот почему в письме к папе среди уверений в преданности апостольскому престолу Мария писала, что она находится во власти народа, большинство которого смертельно ненавидит папство, что лорды владеют обширными землями, отнятыми у Церкви, и боятся, что при восстановлении католицизма Церковь потребует этих земель назад. Папа хотел прислать в Англию Регинальда Поля в звании легата; Мария писала, что осторожность требует повременить

этим, что взоры всех обращены на ее сестру-еретичку, которая легко может овладеть престолом.

Мария вернейшим средством упрочить себя на престоле считала брак; император Карл V в своем наследственном стремлении к усилению Габсбургского дома посредством браков предложил английской королеве в женихи сына своего, знаменитого Филиппа (II). Мария была в восторге от этого предложения: быть женою родного по крови и по духу испанского принца было пламенным ее желанием, только муж-испанец мог избавить ее от сиротства и одиночества в Англии. Но Англии не нравились ни брак королевы с испанским, чужим принцем, ни стремления королевы к восстановлению папизма. До сих пор Мария действовала умеренно и осторожно; улыбнувшееся ей счастье смягчило душу, не знавшую до сих пор радостей; но теперь препятствия, встреченные Мариною при исполнении самых пламенных ее желаний, стали опять раздражать ее, возбуждать инстинкт самосохранения, делать способною к сильным и кровавым мерам.

Императорский посланник Ренар, которому не нравилась умеренность Марии, обрадовался, заметив ее раздражительность. «Теперь,— писал он Карлу V,—она разделается с Дудлеями, и с Жанною Грей, и с Елисаветою». Раздражение усиливалось, потому что в каждой подносимой ей бумаге королева величалась главою Церкви, что в ее глазах было страшным нечестием; когда она вооружалась против этого ненавистного титула, то ей отвечали, что нельзя иначе, пока парламент не отменит его. Но парламент был далек от мысли признать опять папу главою Церкви, он соглашался только возвратить Английскую Церковь в то положение, в каком оставил ее Генрих VIII. Парламент был также против испанского брака: палата общин приготовила просьбу к королеве, чтоб она выбрала себе мужа между англичанами, в просьбе были вычислены все невыгоды брака с иностранцем. «Английский парламент,— отвечала Мария,— прежде так не говаривал с своими государями; кажется, государи имеют равное с частными людьми право следовать своей склонности в деле брака; если я выйду замуж за человека нелюбимого, то чрез месяц буду в могиле, и тогда откуда возьмется наследник, так желаемый вами?»

Число недовольных увеличилось; восстание вспыхнуло, но было потушено на лондонских улицах; раздраженная Мария хотела воспользоваться своим торжеством, чтоб освободиться от всех подозрительных людей, стоявших между нею и Филиппом: Жанна Грей и муж ее были казнены, в Лондоне и окрестностях было повешено более сотни политических преступников; хотелось погубить Елисавету, ее уже заключили в крепость (Тоуер), откуда выходили обыкновенно на место казни, но доказательств

виновности не было против ненавистной еретички и притворщицы, как величала ее Мария; боялись также лорда Говарда, начальника всего флота, и Елисавета была освобождена. Последние события сильно подействовали на Марию, ее раздражение достигло высшей степени; дерзкие памфлеты сыпались к ее ногам, вносились невидимою рукою в ее спальню, она не могла ни с кем говорить спокойно; особенно мучило ее то, отчего Филипп так долго не приезжает? Она с нетерпением ждала жениха и вместе боялась его прибытия, боялась, что дурная, старая, она не может понравиться Филиппу, который был десятью годами моложе ее.

Опасения Марии оправдались: Филипп приехал, обвенчался с нею, но спешил удалиться от непривлекательной жены и от неприязненного народа, который при каждом удобном случае давал чувствовать его испанцам свою ненависть. Филипп считал свое дело в Англии оконченным, когда проведено было в парламенте примирение Англии с папою, причем главными деятелями были Гардинер и Регинальд Польш, возвратившийся в Англию в качестве папского легата. Но решение парламента было противно большинству, и ненависть к Марии увеличивалась день ото дня. Ненависть усиливалась кровавыми преследованиями, которым подвергались нектолики, несчастною войною с Франциею, начатою вследствие нежеланного испанского союза: Калэ, единственная крепость, оставшаяся у англичан на континенте, была взята французами; наконец, к довершению народного раздражения присоединился еще голод. Истерзанная внутренними страданиями, Мария умерла в 1558 году, Елисавета вступила на престол.

Елисавета получила от природы ясный ум и твердость характера; эти качества были развиты отличным образованием и тяжелым опытом, когда жизнь висела на волоске, когда требовалось большое самообладание, чтоб не проронить ни одного лишнего слова, не сделать неосторожного движения, могущего сейчас же свергнуть в бездну. Если старшая сестра ее, Мария, получила от матери испанский характер и была пламенною католичкою, то Елисавета была истою англичанкою; судьба дочери Анны Болейн была тесно связана с реформою, и, несмотря на все старания Марии обратить сестру, Елисавета оставалась *еретичкою*, ибо знала, что, только оставаясь верною реформе, она пользовалась любовью большинства английского народа и была страшна врагам своим. Если сильное протестантское движение в царствование Эдуарда вызвало католическую реакцию в царствование Марии, то поведение последней, естественно, вызывало протестантскую реакцию. Елисавета сочла необходимым уступить ей и восстановила все церковные распоряжения, сделанные при Эдуарде; но при этом она спешила

остановить дальнейшее произвольное движение: она запретила все перемены во внешнем богослужении, не узаконенные парламентским определением; снова было подтверждено, что государь Англии есть вместе и глава Англиканской Церкви; предписывалась для всей страны одинакая форма богослужения; в 1562 году изданы были знаменитые 39 артикулов, определившие навсегда учение Английской Церкви.

Елисавете сильно не нравилась религиозная борьба; она говорила французскому посланнику: «Борьба между католиками и протестантами представляет опасность для всех государей: протестанты заявляют, что они имеют право не повиноваться государям, слушаясь Бога и своей совести; а папа, с своей стороны, объявляет вакантными престолы тех государей, которых он считает шизматиками или еретиками». Избегая этой опасности, Елисавета сначала хотела жить в мире и с папою, велела объявить ему, что не намерена за веру беспокоить никого из своих подданных. Но папа не довольствовался одною терпимостью в отношении к католикам, он хотел, чтоб в Англии была восстановлена вполне его власть, как это было сделано при Марии, и, не надеясь такого поступка от Елисаветы, объявил ее незаконною дочерью Генриха VIII, вследствие чего престол английский должен был принадлежать шотландской королеве Марии Стюарт как внучке Генриха VIII. Так думали и все английские католики, хотевшие во чтобы то ни стало восстановить то положение, каким они пользовались в предшествовавшее царствование. Таким образом, как для Марии Тюдор самую опасною соперницею была сестра Елисавета, опиравшаяся на приверженцев реформы, так теперь для Елисаветы самую опасною соперницею явилась Мария Стюарт, опиравшаяся на католическую партию.

Мы оставили Шотландию во время малолетства Марии Стюарт, во время борьбы вельмож, поддерживавших протестантизм, с католическою Церковью. Борьба усилилась, когда в 1554 году вдовствующей королеве, Марии Гиз, удалось овладеть регентством. Мария, как все другие члены фамилии Гиз, была ревностная католичка и стремилась связать Шотландию тесными узами с Франциею; с этою целью в 1558 году она выдала свою дочь Марию за дофина. Гизы, подкрепленные этим браком во Франци, уговаривали ее принять решительные меры, чтобы сломить партию вельмож и реформы в Шотландии. Тогда вельможи, видя беду, составили союз с целью распространения церковной реформы. Могущественного союзника нашли они в протестантском проповеднике Ноксе, человеке с страшною энергиею, в высшей степени способном увлекать массы, человеке, который не останавливался ничем на своей дороге, который смеялся над человеческими страданиями. В мае 1559 года Нокс говорил проповедь

в Перте, увлеченная оратором толпа опустошила церкви и разрушила монастыри. Правительница взялась за оружие для наказания бунтовщиков, но вельможи поспешили к ним на помощь, заставили Марию очистить Эдинбург, объявили ее лишенной регентства, призвали на помощь английские войска и взяли правление в свои руки.

Низложивши извечного своего врага, католическую Церковь, лорды оттолкнули от себя и новое протестантское духовенство, давши ему только шестую долю доходов, принадлежавших католической Церкви. Протестантские проповедники и без того привыкли обращаться между простым народом, возбуждать его страсти; Новый Завет не был в большом употреблении у шотландских проповедников, потому что в Новом Завете говорится о царстве не от мира сего; христианство, религия внутренняя и всечеловеческая, а потому и вечная, не имеет дела с преходящими политическими формами и отношениями, оказывает благотворное влияние на улучшение этих форм и отношений, но посредством внутреннего совершенствования человека. Другое дело Ветхий Завет: здесь откровенная религия, приготовлявшая к христианству, была принадлежностью одного народа, который должен был бороться за нее с другими народами и выдерживать сильную внутреннюю борьбу против людей, отпадавших от Единого. Здесь для людей, влекущихся природою к борьбе, для Нокса с товарищами, открывалось обширное поле для сближений, объяснений и оправданий, и вот лица и события Ветхого Завета постоянно на языке шотландских проповедников. Теперь, оттолкнутые лордами, они еще глубже уходят в народные массы, предаются демократическим стремлениям. Следствием этих стремлений было то, что они отвергли епископство, провозгласили, что все проповедники веры равны между собою и не нуждаются в начальстве. Так произошел шотландский пресвитерианизм в противоположность английской епископальности.

В Шотландии господствовали лорды-протестанты, а между тем королевою шотландскою признавалась французская королева Мария, ревностная католичка. В конце 1560 года умер муж Марии Стюарт, Франц II; в 1562 году Мария приехала в Шотландию. По характеру своему она была не способна к правлению даже и в спокойное время, не только что при таких бурях; Елисавета Английская, покровительница господствующей протестантской партии, имела гораздо больше значения в Шотландии, чем Мария, приверженная к враждебному и падшему католицизму. Мария вышла замуж за Генриха Дарнлея, вельможу, находившегося в родстве с королевскою фамилиею; от этого брака у Марии родился сын Иаков, но супружеское согласие было непродолжительно. Дарнлей был груб и предан пьянству, как все шотландские вельможи того времени, а Мария привыкла

к другим обычаям при французском дворе, где господствовали итальянская легкая нравственность и итальянская утонченность эпохи Возрождения. Мария любила проводить время с секретарем своим для иностранной переписки, итальянским певцом Давидом Риччио. Дарнлей был оскорблен могущественным влиянием Риччио на королеву, вельможи шотландские были также недовольны влиянием иностранца, католика, итальянца, внушавшего Марии мысль об усилении королевской власти.

Дарнлей соединился с недовольными, и в королевском дворце произошла одна из тех кровавых сцен насилия, которыми богата шотландская история: Мария сидела в кабинете с приближенными людьми, в числе которых находился и Риччио; вдруг входит Дарнлей с своими сообщниками, и Риччио, несмотря на просьбы королевы, умерщвляется в ее глазах, самой Марии убийцы грозят кинжалом, приставляют пистолет к ее груди. Дарнлей немного выиграл от убийства Риччио, потому что Мария не сблизилась с ним, не уступала ему большего влияния на дела, подарила полную своею доверенностию адмирала Ботуэля; опять произошла шотландская сцена: в начале 1567 года больной Дарнлей был взорван на воздух в загородном доме близ Эдинбурга, и чрез несколько времени Мария вышла замуж за Ботуэля. Следствием было сильное восстание: недовольные овладели королевою, заперли ее в крепости и заставили отречься от престола в пользу малолетнего сына Иакова (VI); Марии удалось бежать из заключения, но, преследуемая врагами и не находя нигде убежища в Шотландии, Мария перешла английскую границу и отдалась под покровительство Елисаветы; та дала ей убежище в своем государстве, но объявила, что заступится за нее тогда только, когда Мария оправдается относительно смерти мужа своего, Дарнлея.

Мария Стюарт была единственною надеждою католической партии в Англии, которая не могла оставаться спокойною, видя, что Мария лишилась шотландского престола и находится в руках Елисаветы; в Северной Англии вспыхнуло восстание с целью возвратить Марии шотландский престол, но восстание было усмирено войсками Елисаветы, и католиков не пощадили: более 800 человек было казнено. Папа издал буллу, в которой объявлял Елисавету лишенною английского престола и разрешал подданных ее от присяги. Следствием было то, что в Англии изданы были еще более жестокие законы против католиков, ненависть к ним усилилась в большинстве, усилилась и ненависть большинства к Марии Стюарт. При тогдашней общности религиозных интересов Елисавета волею-неволею становилась покровительницею протестантизма в целой Европе и потому должна была выдержать борьбу с могущественным покровителем католицизма, Филиппом II испанским. Разница между соперниками была

та, что Филипп не смотрел ни на что, когда дело шло о религиозном интересе; Елисавета, наоборот, действовала осторожно, смотрела вперед, будет ли от ее вмешательства польза для Англии, и больше всего боялась делать большие издержки, ибо не хотела зависеть от парламента; знаменитый дипломат ее, Вальсингам, был в отчаянии, получивши от нее инструкцию — не соглашаться ни на что, где понадобится деньги. Елисавета помогала Нидерландам в борьбе с Испаниею, но помогала скупой и неохотно она боялась для Англии соперничества новой, цветущей торговлею и промышленностью республики, боялась усиления Франции в Нидерландах, ибо Франция была для нее опаснее Испании.

Филипп II сначала оставлял Елисавету в покое из политических расчетов, когда наследница ее, Мария Стюарт, была французскою королевою: он боялся тесного союза Англии и Шотландии с Франциею в случае, если б Мария вступила и на английский престол. Но когда по смерти Франца II нечего было больше бояться такого союза, Филипп начинает действовать против еретички Елисаветы в пользу католички Марии Стюарт. Тогда в пылу религиозной борьбы как между католиками, так и между протестантами было распространено убеждение, что для религиозной цели, для успеха дела Божия позволительно прибегать ко всяким средствам, к заговорам и убийствам, и Филипп принимает участие в заговорах католиков на жизнь Елисаветы; папа Пий V умолял Филиппа содействовать убиению Елисаветы, писал ему: «Мы из глубины сердца молим Искупителя об успехе дела, задуманного в Его честь и славу».

Ряд заговоров против Елисаветы в пользу Марии Стюарт содействовал только отягчению участи последней; наконец в 1585 году открыт был заговор Бабингтона, молодого шотландца: положено было убить Елисавету, испанские войска должны были в это время высадиться в Англии и католики — освободить Марию Стюарт. Заговорщики были казнены самым бесчеловечным образом, и Мария Стюарт была обвинена в том, что знала о заговоре. Судная комиссия, назначенная по этому делу, приговорила ее к смерти; обе палаты парламента согласились с решением комиссии и умоляли Елисавету привести в исполнение приговор: парламента хотел отделаться от Марии Стюарт из боязни, что если она вступит на престол после Елисаветы, то начнется такая же католическая реакция, какая была при Марии Тюдор. Елисавета колебалась: дала приказание казнить Марию, потом велела подождать; но министры ее не хотели ждать и распорядились: Мария Стюарт была казнена в феврале 1587 года.

Казнь Марии Стюарт произвела сильное ожесточение в католическом мире, а между тем и в других отношениях со стороны

Англии было сделано все, чтоб раздражить могущественного покровителя католицизма, Филиппа II. Франц Драк, английский морской разбойник, в 1572 году явился в Мексиканском заливе, захватил там все малые корабли, высадился на берег, взял транспорт с дорогими металлами и возвратился домой с огромною добычею. Успех Драка возбудил много охотников обогатиться на чужой счет, и море покрылось английскими и голландскими морскими разбойниками, сторожившими испанские и португальские корабли. В 1577 году Драк вторично страшным образом опустошил берега Испанской Америки; третий поход предпринял Драк в 1585 году уже в качестве королевского английского адмирала: на этот раз была опустошена Вест-Индия. Наконец, Елисавета явно помогала Нидерландам, отправив туда отряд войска для борьбы с испанцами. Филипп II начал готовиться к мести: в Испании и Нидерландах строились громадные корабли, число их простиралось до 135; 19 000 войска должно было сесть на них для высадки в Англию; начальство над войском принимал знаменитый Александр Пармский.

Англичане приготовились к отпору «непобедимой армады», как называли флот Филиппа II. Армада вышла в мае 1588 года из устьев Таго под начальством герцога Медини-Сидонии, но уже через три дня флот сильно потерпел от бури у берегов Галиции; три недели нужно было употребить для исправления; в конце июля, когда флот достиг Ламанша и часть войска села на корабли, начались опять бури, и военный совет нашел невозможным высаживаться на берега Англии; решили возвратиться в Испанию, но для избежания опасных берегов, чтоб держаться в открытом море, положено было взять севернее и обогнуть Шотландию и Ирландию; на этом пути—опять новые беды и потери, так что когда армада возвратилась, то в ней не досчитывалось 30 кораблей и 10 000 войска. Узнавши об этом, Филипп спокойно сказал: «Я посылал флот против людей, а не против бурь; благодарю Бога, что вред еще не так велик: одна ветвь обрезана, но дерево живет и цветет и в состоянии пустить новые отрасли».

В 1596 году Филипп приготовился к новому морскому походу против Англии; на этот раз Елисавета предупредила его: английский флот явился пред Кадиксом; корабли, находившиеся в гавани, частью были истреблены, частью обращены в бегство, город был взят, выграблен, сожжен. Испанцы мстили тем, что помогали ирландцам, бунтовавшим против Елисаветы.

Конец жизни знаменитой королевы был омрачен казнью любимца ее, Ессекса: рассорившись с Елисаветою самым неприличным образом, Ессекс задумал явным восстанием низвергнуть приближенных к королеве людей, которым приписывал свою невзгоду; восстание не удалось, и Ессекс погиб как бунтовщик.

Елисавета умерла в марте 1603 года, оставив престол шотландскому королю Иакову VI, сыну Марии Стюарт, который в английской истории известен под именем Иакова I.

Царствование Елисаветы обыкновенно представляется блестящею эпохою английской истории; имя этой королевы чрезвычайно популярно между англичанами. Успех в борьбе с страшным внешним врагом, разумеется, содействовал славе царствования, но особенно содействовало ей сильное внутреннее развитие. Континент терзается кровопролитными войнами, Англия большею частию наслаждается миром, в Англии находят убежище промышленные и торговые люди, бегущие от религиозных преследований в отечестве; англичане сознают свои средства, пускаются на отдаленные предприятия, развивают свои силы в походах Драка и ему подобных людей; английский флот сильно увеличивается. Рядом с этим движением идет другое: является Бекон, основатель новой философии, в области искусства является великий Шекспир. Царствование Елисаветы и потому еще оставило по себе хорошую память, что предшествовало бурной и печальной эпохе Стюартов: в это тяжелое время с тоскою обращались к царствованию Елисаветы и, как обыкновенно бывает, преувеличивали его достоинства.

Относительно парламентской жизни в царствование Елисаветы было несколько столкновений между парламентом и королевою. Мы видели, что еще Генрих VIII призвал парламент к решению религиозных вопросов. В царствование Елисаветы реакция политики предшествовавшего царствования, ожесточенная борьба против католицизма, напрягавшего все свои силы для получения победы, наконец, пример близкой Шотландии содействовали сильному движению протестантизма в Англии, развитию его в самых демократических формах. Движение проникло и в парламент; в 1571 году депутат Стрикланд представил семь предложений (bills), требовавших отмены многих оставшихся еще церковных церемоний; за это он получил приказание от королевы как от главы Церкви не являться в парламент до решения тайного совета. В парламенте по этому случаю встало сильное волнение, и министры сочли нужным дать знать Стрикланду, чтоб он на другой день явился в парламент; впрочем, глава Церкви сочла при этом своею обязанностью внушить парламенту, что она сильно порицает легкомыслие, с каким члены парламента позволили себе вмешаться в дела, не подлежащие их ведению.

Второе столкновение было по поводу монополий: королева считала своим правом раздавать некоторым приближенным людям привилегии на исключительную торговлю известным товаром. Так как это прямо вредило интересам сильно раз-

вившегося торгового сословия, то в 1601 году парламент потребовал уничтожения монополий; это требование поддерживалось горожанами Лондона, которые волновались на улицах. Елисавета уступила.

VII. ФРАНЦИЯ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ВАЛУА И ПЕРВЫХ БУРБОНАХ ДО ПРИНЯТИЯ ЕЮ УЧАСТИЯ В ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

Мы видели, какие условия произвели раздробленность Германии; видели, какие условия произвели парламентскую форму правления в Англии; во Франции изначала было много условий, благоприятствовавших образованию объединенного, крепко сплоченного государства под монархическим неограниченным правлением. Римское завоевание, римская цивилизация уравнивали галльские племена, уничтожили рознь и вражду между ними; деление Франции в период феодальный не опиралось на племенные различия и собрание земли было легко: английские короли владеют значительную частью Франции, но они недолго могут удержать за собою эти владения, которые по природным и национальным условиям тянут к французскому правительству.

Мы видели, что в Англии бароны после завоевания не успели еще отвыкнуть от общего дела и потому выставили такое дружное сопротивление королевским насилиям; в Англии между баронами, относительно, не было очень крупных землевладельцев, из которых каждый мог бы считать себя довольно сильным, чтоб отдельно бороться с королем, и потому они чувствовали необходимость собрать свои силы, даже соединиться с горожанами при виде больших средств, которые были у королей. Во Франции Капетинги, вначале очень некрупные землевладельцы, начинают без шума воевать поодиночке с соседними вассалами и осиливать их, распространять мало-помалу свои владения; другие, особенно могущественные вассалы не обращают на это внимания, не думают о дружном соединении и отпоре Капетингам, тем менее думают о соединении с горожанами; напротив, дворянство находится в постоянно враждебных отношениях к мещанам, возбуждает и со стороны последних такие же к себе чувства, чем пользуются короли для усиления своей власти.

Наконец, различие в характере английских и французских королей имеет важное значение: английские короли падки на захват чужого, при этом стремительны, страстны, не умеют себя сдерживать, не умеют вовремя уступить и вовремя опять начать движение; французские короли, наоборот, ведут себя очень ловко, прибирают к рукам области незаметно, разделяют интересы горожан и вельмож, создают себе новую силу и поддержку

в ученых и юристах, покровительствуя им, искусно пользуются обстоятельствами для расширения своих владений: так, пользуясь затруднительным положением Иоанна Безземельного в Англии, забирают его континентальные провинции; так, пользуясь альбигойскими войнами, подчиняют себе преждевременно развившуюся Южную Францию. В Англии короли, отличаясь хищничеством, заставляют баронов и горожан стоять настороже, следить за каждым своим движением; во Франции в то время, когда королевская власть при своем усилении возбудила опасения, является Людовик IX, король, нравственными достоинствами своими в высшей степени способный примирить всех с королевскою властью, поднять ее значение; он не нуждается в деньгах по простоте жизни и бережливости; он приучает народ к мысли, что король есть справедливый судья и защитник слабых от наличия сильных; справедливость и беспристрастие его были так знамениты, что сильные вассалы в своих ссорах обращались к нему за посредничеством.

Относительно Римской Церкви положение французских королей изначала выгодное: у них нет непосредственных столкновений с папами, как у королей германских — императоров римских; наоборот, папы обращаются к французским королям с просьбою о помощи против врагов своих: так, благодаря борьбе пап с Гогенштауфенами французский принц получает Неаполь; благодаря усилиям Рима Южная Франция посредством альбигойских войн подчиняется Северной. Но французские короли дурно отблагодарили Рим за его услуги, они нанесли ему первый удар: король Филипп IV, столкнувшись с папою Бонифацием VIII из-за денежных интересов, первый поднимает вопрос, состоит ли Церковь из одного духовенства, и в борьбе с папою опирается на чувство национальное.

В Англии парламент является как учреждение, противопоставленное королю, его сдерживающее; во Франции первые государственные чины 1302 года являются для поддержки короля против папы. Филипп IV торжествует над папою, как не торжествовал ни один из католических государей, и папство не оправляется уже от удара, нанесенного ему королем, который остается верным сыном Римской Церкви. Относительно распространения своих владений Филипп IV действует то силою, то прикупом, точно так же собирает французскую землю, как московские князья собирают русскую. При Филиппе вся юстиция страны перешла уже к короне, парламенты превращаются в высшие суды. Такое усиление королевской власти приводит в движение вельмож, готовых подняться для удержания старины; но наследник Филиппа IV, Людовик X, сейчас же делает уступку: многим вельможам возвращает их судебную власть, расширяет в некоторых про-

винциях феодальное право и таким образом заблаговременно останавливает восстание.

Наступило время искушения при короле Иоанне Добром, слабом, неспособном, и в отсутствие короля, попавшего в плен к англичанам, во Франции происходят явления, подобные английским: чины стремятся к ограничению королевской власти; но сейчас же является Карл V Мудрый и останавливает движение, пользуясь его несвязностью, рознью между сословными интересами, противопоставляя области Парижу; кроме того, Карл V поддерживает национальное чувство, возбужденное войною с англичанами, не переставшими питать завоевательные замыслы относительно Франции.

По смерти Карла V — опять беспокойство, движения в городах по причине тяжких налогов, но опять движения бессвязные; дворянство против городов и подавляет бунты мещан. Богатые города Фландрии продолжают волноваться; Гент в челе их восстает против своего графа Людовика; но правитель Франции, Филипп Смелый Бургундский, дядя молодого короля Карла VI, был зять графа Фландрского, и рыцарство Северной Франции охотно пошло с самим королем Карлом против мятежных мещан, которых оно уже словило недавно в Париже и Руане; фландрское рыцарство присоединилось к французскому, и мещане поражены. Французское рыцарство воспользовалось своим торжеством во Фландрии, чтоб обратить оружие против Парижа, жителей которого подозревали в сношениях с фламандцами; богачейшие из горожан были захвачены, казнены, у других вымучено все имение.

Печальное время сумасшествия Карла VI представляет продолжение борьбы между сословиями, характеризующей историю Франции; являются две партии — партия герцога Бургундского, дяди, и герцога Орлеанского, брата короля; горожане пользуются этим и поднимаются, опираясь на герцога Бургундского; дворянская партия, после убиения герцога Орлеанского, продолжает борьбу под предводительством графа Арманьяка. Генрих V, король английский, пользуется смутою и начинает войну с Франциею; англичане вместе с герцогом Бургундским против дофина (после Карла VII), Париж за англичан, и таким образом мещане изменяют национальному делу; это дело торжествует благодаря Орлеанской Деве; король Карл VII побеждает врагов внешних и внутренних, и страшная смута не наносит ни малейшего ущерба королевской власти, напротив, для ее усиления является еще постоянное войско. Мещане проигрывают во время смуты и борьбы с англичанами, поддерживая национальное дело; вельможество проигрывает окончательно при Людовике XI, когда вассалы имели возможность опереться на могущественную Бургундию, но когда король-мещанин известным своим образом

действий умел разрывать все враждебные ему союзы, поднимая против Бургундского герцога и фландрских мещан, и швейцарских крестьян.

Таким образом, история Франции в средние века представляет противоположность с английской историей; в Англии — неблагоприятное поведение целого ряда королей и дружное действие сословное для охранения своих интересов; во Франции — чрезвычайно искусное действие целого ряда королей и сословная рознь; отсюда в Англии укореняется парламентская форма; во Франции утверждается монархическое неограниченное правление.

Франция после Людовика XI, спокойная внутри, объединенна, сильная характером своего народонаселения, энергического, славолюбивого, естественно, увлекается на поприще завоеваний, становится опасною для Европы, прежде всего для двух соседних стран, слабых своим раздроблением, Германии и Италии, особенно для последней, манившей завоевателя богатствами всякого рода. Трое королей, следовавших один за другим после Людовика XI: Карл VIII, Людовик XII и Франциск I, знамениты своими походами в Италию. Эти итальянские войны важны в истории Франции тем, что они занимают беспокойное и войнолюбивое дворянство, сосредоточивают его около королей, тратят его силы и таким образом опять содействуют укреплению королевской власти.

Сын практического, прозаичного Людовика XI, Карл VIII, жил поэтическими мечтами о славных отдаленных предприятиях, о походах Александра Македонского и Карла Великого. Он объявил свои притязания на Неаполь, потому что здесь когда-то владели князья из королевского французского рода (Анжу). Разные мелкие владельцы Италии, партии, на которые обыкновенно делились итальянские владения, призывали французского короля; притом Карл VIII знал, что в Неаполе много недовольных вельмож, которые не станут усердно стоять за короля своего, Альфонса II. В августе 1494 года Карл VIII вступил в Италию с тридцатитысячным войском и нигде не встречал препятствий: он взял Флорентийскую республику на вечные времена под покровительство Франции, за что флорентинцы должны были отсчитать ему большую сумму денег; в Риме папа Александр VI обещал признать его неаполитанским королем; Альфонс II не стал дожидаться грозного завоевателя и отрекся от престола в пользу сына своего, Фердинанда II; но и новый король, увидав, что все его оставили, убежал из Неаполя, и вельможи спешили принести присягу королю французскому (1495). Но с какою скоростью Неаполь был завоеван французами, с такою же скоростью и был потерян ими. В то время, когда Карл занимался с своими французами в Неаполе праздниками и веселостями,

грабежом и надменностью оскорбляя вельмож и простой народ, владелец Милана, Людовик Моро, венециане, папа, Испания, император Максимилиан составили союз, чтобы вытеснить французов из Италии. Карл VIII должен был спешить назад, чтоб не быть отрезанным от Франции, и в июле встретил превосходное числом войско союзников при Форнуово; французы с отчаянною храбростию прорвались сквозь неприятельские ряды, но оставили обоз и огромную добычу в руках итальянцев. Это явление для нас в высшей степени замечательно по своему чисто европейскому характеру: союз слабых заставляет сильного отказываться от своего завоевательного намерения.

Карлу VIII, умершему бездетным в 1498 году, наследовал Людовик XII, герцог Орлеанский, потомок брата Карла VI. До сих пор народ во Франции сильно терпел от постоянного войска, которое явилось со времен Карла VII и кормилось на счет безоружных жителей: Людовик XII освободил народ от этой тяжести, назначив для содержания войска определенные доходы, определив начальниками в войска людей известных и благонамеренных вместо искателей приключений и рыцарей-разбойников, как было прежде, наконец, запретив войскам располагаться в деревнях и маленьких городах, а позволив стоять им только в больших городах, где жители могли удерживать их от буйства. Кроме того, при Людовике XII явились полезные преобразования относительно судов, относительно монеты, и все эти заботы верховной власти об улучшении быта подданных доставили Людовику славное прозвание *отца народа*.

Но и Людовик скоро показал, что не намерен ограничиваться одними внутренними распоряжениями: он принял титул короля неаполитанского, сицилийского и иерусалимского, герцога Медиоланского. Прежде всего он хотел овладеть Миланом на том основании, что бабка его была из прежде царствовавшего там дома Висконти. Желая обеспечить себе успех при завладении Миланом, Людовик XII привлек на свою сторону папу Александра VI, которого сыну, знаменитому своею безнравственностью Цезарю Борджиа, обещал устроить владение в Италии; заключил союз и с венецианцами, недвольными миланским герцогом Людовиком Моро. Но у французского короля было мало войско, он счел нужным нанять швейцарцев, а денег не было; в такой нужде он потребовал денег с сборщиков податей и стал продавать их места, давая таким образом покупателям право взыскивать свои деньги с бедных плательщиков податей. Деньги были собраны, швейцарцы наняты, и в 1499 году Людовик XII выступил против Милана. Успех был блестящий, потому что все в Милане ненавидели Людовика Моро как тирана, похитителя власти, убийцу своего племянника, которому принадлежал престол; Моро принужден был бежать из Милана, потом возвратился с наемными

швейцарцами, был предан ими и отослан во Францию. Овладевши Миланом, Людовик XII стал думать о Неаполе. Успех был неверен, потому что подле могущественной Франции образовалось не менее могущественное государство испанское, и Фердинанд Католик, уже владевший Сицилиею, никак не хотел позволить французам усилиться в Италии.

Таким образом, итальянские войны получают для нас особенное значение: мы видим, как Франция, стремящаяся усилиться на счет разьединенной и слабой Италии, сдерживается Испаниею. Чтоб не иметь помехи со стороны Фердинанда Католика, Людовик XII решается поделить с ним добычу: оба короля заключили договор, по которому Апулия и Калабрия должны достаться Фердинанду. В 1501 году французское войско под начальством д'Обиньи (шотландца Стюарта) двинулось к Неаполю; здесь царствовал дядя умершего короля Фердинанда II, Фридрих: он был захвачен французами и кончил жизнь пленником во Франции. Между тем знаменитый полководец Фердинанда Католика, Гонзальв Кордуанский, уже занял южные области неаполитанские, и скоро между ним и французами произошла ссора: дележ был труден! Летом 1502 года открылась явная война между испанцами и французами, война, в которой отживающее рыцарство выразилось в последний раз во всей силе; особенно прославился здесь французский рыцарь Баяр, «рыцарь без страха и упрека». Дело кончилось тем, что в 1503 году, потерпевши два поражения от испанцев, французы принуждены были очистить Неаполитанское королевство, которое досталось испанцам; Людовик XII отправил новое войско для завоевания Неаполя, но оно было поражено Гонзальвом Кордуанским при Гарильяно. В 1504 году Испания и Франция заключили перемирие: Неаполь остался за Испаниею, Милан — за Франциею.

Таким образом, две самые могущественные континентальные державы утвердились на двух концах Италии. Из итальянских держав самую сильною была Венеция, с которою не мог сладить император Максимилиан один и потому начал стараться сломить ее союзом; союзники нашлись легко, потому что многим хотелось унижить гордую олигархию венецианскую и поделить владения республики; в союз вступили, кроме императора Максимилиана, французский король Людовик XII, Фердинанд Католик и папа, теперь воинственный Юлий I: союзники в Камбрэ прямо уговорились поделить между собою венецианские владения. Французы начали военные действия и поразили венецианское войско при Аньяделло (1509); король Людовик начал забирать венецианские города. Тогда Венеция поспешила разорвать союз, отдавши папе и Фердинанду Католику все, чего они желали.

Папа, довольный унижением Венеции, начал действовать против французов, потому что ему вовсе не хотелось усиления их

в Италии; Людовик XII, с своей стороны, вооружился против папы, потребовав церковных преобразований; по его стараниям собрался собор в Пизе, отцы которого провозгласили необходимость преобразований Церкви, во главе ее и в членах, провозгласили, что папа должен подчиниться решению собора. Но это церковное дело не могло иметь последствий, потому что политические отношения были против него. Фердинанд Католик считал необходимым не выдавать папу могущественному королю французскому, и осенью 1511 года составил так называемый *Священный союз* для защиты Римской Церкви. Членами союза были: папа, венециане, Испания; Фердинанд привлек к союзу и зятя своего, английского короля Генриха VIII; Фердинанд писал, что если позволить французам овладеть Римом, то свобода Европы погибнет. С 1512 года начались военные действия: союзникам трудно было действовать против французского войска, предводителем которого был племянник королевский, Гастон де Фуа; прозванный *Итальянскою Молнией*, Гастон действительно с невероятною быстротою пробегал с своим войском обширные пространства, неожиданно являлся то здесь, то там, где требовалась опасность. Итальянцы были против французов, которые особенно выводили их из терпения своею безнравственностью отношению женщин, но французы потушили восстание в крови восставших, причем вели себя хуже татар.

Весною 1512 года войска союзников встретились с французскими у Равенны: после кровопролитного сражения, в котором с обеих сторон погибло до 20 000 человек, французы остались победителями, но потеряли своего знаменитого предводителя, Гастона де Фуа. С смертью Гастона счастье покинуло французов, которые с трудом могли держаться в Италии, а между тем испанцы и англичане напали на самую Францию; французы должны были оставить и Милан, где утвердился потомок царствовавшей здесь прежде фамилии Сфорца; отцы Пизанского собора должны были удалиться сначала в Милан, а потом в Лион, и собор признавался одною Франциею.

В 1513 году Людовик XII выслал новое войско для завоевания Милана; но союзники наняли швейцарцев, которые поразили французов при Новаре и заставили их бежать в отечество; а в самом начале 1515 года умер Людовик XII бездетным, оставив престол двоюродному племяннику своему, Франциску.

Новый король Франциск I отличался качествами, которые доставили ему большую популярность между французами: это был истый француз—впечатлительный, храбрый, славлюбивый, блестящий рыцарь и волокита. Больше из тщеславия, из любви к блеску, из моды, чем по внутреннему влечению, Франциск стал покровительствовать искусству и возродившейся в Италии науке, перенес их на французскую почву и прославлен

был за это художниками и учеными. Характер короля-рыцаря и небывалый блеск, которым он окружил свой двор, сделали последний средоточием для французского дворянства и тем самым, разумеется, усиливали королевскую власть, королевское значение, а между тем беспрестанные войны продолжали давать занятию дворянству и потребности его силы. Для поддержания придворного блеска нужны были деньги, и Франциск начинает продавать судейские места и всякого рода должности; доход от этой продажи простирался до 400 000 франков ежегодно.

Франциск принял титул герцога Миланского и личное начальство над войском, которое еще Людовик XII перед смертью приготовил для нового вторжения в Италию. Союзники, к которым принадлежали теперь император Максимилиан, герцог Миланский, Фердинанд Католик и правивший Флоренциею Лаврентий Медичи (Венеция была за французов), наняли швейцарцев для преграждения Франциску пути в Италию; но французский король проник в Италию трудными горными проходами и в сентябре 1515 года поразил швейцарцев при Мариньяно, недалеко от Милана — первое поражение, претерпенное швейцарцами, которые до сих пор считались непобедимыми; герцог Миланский Сфорца должен был не только сдать свою столицу французам, но и отказаться от всех прав своих на герцогство в пользу короля французского.

Папа, теперь Лев X из фамилии Медичи, знаменитый покровитель наук и искусств, боясь усиления испанцев в Италии, завел переговоры о союзе с Франциею еще при жизни Людовика XII, а после сражения при Мариньяно заключил формальный союз с Франциском I, выговорив разные выгоды для своих родственников Медичи; кроме того, при свидании в Болонье король и папа заключили *конкордат* относительно церковных дел во Франции: еще король Людовик IX законом, известным под именем «*прагматической санкции*», отстранил влияние папы на избрание французских епископов и аббатов; при короле Карле VII, благодаря Базельскому собору, утверждена была вторая прагматическая санкция, ограничивавшая власть папы в делах французского духовенства, что и послужило основанием свободы так называемой *Галликанской Церкви*; теперь Франциск I своим конкордатом 1516 года отказался в пользу папы от некоторых статей прагматической санкции, но зато выговорил себе право инвеституры в самых обширных размерах; во Франции в это время было 10 архиепископий, 83 епископии, 527 аббатств, и король получил право назначать на все эти места, тогда как прежде архиепископы, епископы и аббаты избирались духовенством; этим средством французское духовенство приведено было в зависимость от короля.

Франция видимо брала верх, но скоро для Франциска I явился страшный соперник. В начале 1516 года умер Фердинанд Като-

лик, Испания перешла к внуку его, Карлу, который по наследству от бабки был уже владельцем Нидерландов; в 1519 году умер другой дед Карла, император Максимилиан, и явился вопрос — кому быть императором? Трое сильнейших королей Европы добивались первой короны в христианстве — Франциск французский, Карл испанский и Генрих VIII английский, ибо в это время императорское достоинство не утратило еще своего значения, какое придавалось ему в средние века; римские предания о единой всемирной империи, о едином императоре, главе всех других владельцев, были освящены католическою Церковью, которая требовала одного папу и одного императора; богословы утверждали, что пророк Даниил указал на всемирную Римскую монархию как на последнюю, с разрушением которой последует кончина мира, что Спаситель освятил ее, родившись в то время, когда весь мир подчинялся Риму.

С возрождением наук явились возражения и против всемирной монархии; Еразм Роттердамский утверждал, что «такой монархии не существовало и никогда не может существовать; римляне величали себя владыками мира, а половина земли была им неизвестна; они считали антиподов баснею, а теперь мореплаватели посещают землю антиподов; Римская империя была разрушена варварами, папы воскресили имя, а не дело; да и где взять государя, способного управлять целым светом?». Несмотря на то, императорский титул имел большую привлекательность, а главное — сильных государей привлекала возможность иметь непосредственное влияние на дела Германии и Италии. Понятно, что настоящими соперниками в искании императорского титула могли быть только континентальные государи; много употреблено было интриг, много потрачено со стороны Франциска и Карла, наконец, последний осилил и был провозглашен императором под именем Карла V.

Соперничество между Испаниею и Франциею еще более усилилось. Много говорят о стремлении Карла V и вообще Габсбургского дома к всемирной монархии. Может быть, мечта о такой монархии и была у Габсбургов; что же касается действительности, то у них не было вовсе средств для утверждения своего господства в Европе. Главным препятствием к тому было существование на континенте такого могущественного государства, как Франция, к которой обращались, которую, следовательно, усиливали своим союзом все менее значительные державы, боявшиеся могущества Габсбургского дома; венецианские послы, отличавшиеся тонкою наблюдательностию и верностию своих выводов, писали: «У короля испанского много владений, но все они разбросаны на дальнее расстояние друг от друга; у короля французского одно государство, но сплошное и послушное ему; одиннадцать провинций Франции представляют крепкие члены

единого тела, сообщающие друг другу силу и жизнь». Венецианские послы считают Францию могущественнее всех христианских государств, способнее всех к завоеваниям; утверждают, что Франция пошла бы быстрыми шагами к всемирной монархии без соперничества со стороны Карла V. В половине XVI века французы уже толкуют о Рейне как о естественной границе Галлии. Относительно воинственности французов один венецианский посол пишет: «Во Франции не уважают знатных людей, которые не любят войны и не ищут ее». В мемуарах Монлюка читаем: «Благородное и великодушное сердце может прилепиться только к войне. Не следует возобновлять крестовых походов, потому что мы не так религиозны, как наши добрые предки, лучше упражняться в Америке или воевать соседей, требовать Милана и Неаполя». Таким образом, итальянские войны являются для нас следствием национального стремления, а не прихоти королей. Венецианские послы говорят, что французы в своем завоевательном стремлении сдержаны были Карлом V; французы говорят, что Карл V в своем ненасытном честолюбии, в своем стремлении ко всемирной монархии был сдержан Франциском I; мы должны сказать, что оба сдержали друг друга и тем поддержали свободу Западной Европы, ее политическое равновесие. Вот смысл борьбы между Карлом V и Франциском I.

Борьба началась в Италии в 1521 году. Императорские войска отняли у французов Милан. К этой неудаче для Франциска I присоединилась еще новая беда: измена коннетабля, герцога Карла Бурбона. Карл, раздраженный тем, что процесс, который он вел о владениях тестя своего, был решен не в его пользу, перешел на сторону врагов Франции, Карла V и союзника его, Генриха VIII английского. Бурбон в 1524 году явился предводителем императорского войска в Ломбардии, и французы должны были очистить эту страну; тут они потеряли своего знаменитого рыцаря Баяра, которого память история обязана почтить не за то, что он был без страха, но за то, что он был без упрека.

Война велась в то время самым бесчеловечным образом, победители не щадили побежденных, и все средства считались позволительными, чтобы вредить врагу; герцог Феррарский предложил Баяру отравить враждебного Франции папу, Баяр по чистоте своей сначала не понял в чем дело, а потом, понявши, с ужасом отвергнул предложение. Французы отличались своим развратом в Италии; в доме, где жил Баяр, женщины пользовались совершенною безопасностью и уважением; в то время, когда добыча была главной целью война, Баяр отличался совершенным бескорыстием.

Выгнавши французов из Италии, императорские войска под начальством Бурбона и Пескары вошли во французские владения

и осадили Марсель, но принуждены были снять осаду; а между тем король Франциск собрал войско, вступил снова в Италию, занял Милан и пошел осаждать Павию; здесь в феврале 1525 года напали на него императорские войска: Франциск потерпел страшное поражение и был взят в плен. Но это несчастье французского короля не покончило борьбы в пользу Карла V. Франция не потеряла своего значения от того, что король ее был в плену; Италия, терпя невыносимые тяжести от императорского войска, обращалась к ней с просьбою о союзе, и правительница Франции, Луиза Савойская, мать короля Франциска, вошла в переговоры с венецианцами и папою Климентом VII (Медичи), собрала войско; Англия была на ее стороне. Между тем Франциск I протомился целый 1525 год в плену в Мадриде и к концу года опасно занемог. Карл V, боясь, что смерть Франциска лишит его плодов победы при Павии, поспешил войти в переговоры с своим пленником: Франциск для получения свободы согласился на все предложенные ему условия с твердым намерением не исполнить их, что заявил окружавшим его французам; возвратясь во Францию, он созвал выборных (нотаблей), и те объявили, что Мадридский договор не может быть исполнен, потому что король обязался в нем уступить императору Бургундию и Франш-Конте, тогда как король не имеет никакого права отчуждать провинции государства, и Франциск начал опять войну с Карлом в союзе с итальянскими государствами.

Папа дорого поплатился за союз с Франциею: императорское войско было составлено из сброда разных наций, из людей, которым прежде всего нужны были деньги; денег не было у главного предводителя, Карла Бурбона, и войско, не получая жалованья, раз пять бунтовало в три первые месяца 1527 года; чтоб избавиться от этих бунтов, дать добычу своим храбрецам, Бурбон решился вести их на Рим. 6 мая город был взят приступом, при самом начале которого Карл Бурбон был убит; смерть вождя ожесточила войско и уничтожила всякую дисциплину; разъяренные солдаты начали грабить Рим, не щадя церквей и монастырей, пытками вымучивали у жителей деньги, многих побили. Папа, убежавший в замок Святого Ангела, обязался заплатить 400 000 червонных и уступить императору несколько городов. Карл V, находившийся в это время в Испании, притворился очень огорченным, надел траур, а между тем настаивал, чтоб папа исполнил свои обязательства насчет уступки городов.

Борьба Франциска I с Карлом V, прекратившаяся на время и опять возобновлявшаяся, велась с переменным счастьем и представляет мало занимательного в подробностях. Франциск I не мог утвердиться ни в Милане, ни в Неаполе; Карл V удержал за собою оба эти владения; но зато, когда император покушался входить в пределы Франции, то походы

его оканчивались неудачно, и французы удержались в Савойе и Пьемонте, также в некоторых местах Миланского герцогства. Любопытны средства, которые французский король употреблял в борьбе с могущественным соперником. Разумеется, главным средством было отыскивание повсюду врагов Карла V, заключение союзов против него: чрез это круг европейской политической деятельности распространялся, общая жизнь и разнообразие отношений усиливались.

Как ревниво европейские государства следили тогда за усилением сильных между ними, как трудно, следовательно, было явиться завоевателю, всего лучше видно из письма Карла V к брату своему Фердинанду. Признаваясь, что силы Габсбургского дома недостаточны для сопротивления туркам, Карл пишет: «Что же касается помощи от других государей христианских, то на нее нечего надеяться, ибо они предпочитают собственный интерес интересу христианства и боятся вступить в борьбу с турками, чтоб не дать усилиться Австрийскому дому». Но этого мало, что европейские государи боялись помочь Габсбургам против турок; французский король вступает в союз с турками против Карла V, первая мысль об этом союзе принадлежит матери Франциска I, Луизе Савойской, которая, видя своего сына в плену у испанцев, решила в такой беде обратиться к султану. Потом сам Франциск I прибегнул к тому же средству, видя «Французское королевство как бы в осаде со всех сторон, со стороны Испании, Фландрии, Италии и Англии». Точно так же, будучи ревностным католиком, преследуя протестантов в своих владениях, французский король входит в сношения с германскими протестантами для поддержания их против императора.

Уже было сказано, что Франциск I, кроме борьбы своей с Карлом V, знаменит покровительством, какое оказывал возрожденной науке и искусству во Франции. Еще Людовик XII привлек во Францию славного своею ученостию грека Иоанна Ласкариса, деятельность которого, впрочем, обнаружилась преимущественно при Франциске I. Главным советником Франциска в деле распространения знаний был ученый епископ Дюшателль, который присоветовал подле старого схоластического университета учредить новые кафедры для удовлетворения новым научным потребностям; так, учреждены были кафедры греческого, еврейского языков и латинского красноречия (для изгнания монашеской латыни); позднее были учреждены еще три королевские профессуры: для математики, для римской философии и для медицины; из ученых медиков особенно прославился приехавший в Париж из Брюсселя Андрей Везалиус, основатель новой анатомии. Составлялись богатые собрания рукописей и древностей, для приобретения которых посылались ученые в Италию, Грецию и на Восток. Подле усиленного занятия древностями и резуль-

татов этих занятий французская литература представила знаменитое произведение на языке народном и совершенно в духе народном: это роман *Раблэ* «Похождения Гаргантюа и сына его, Пантагрюеля» — злая, остроумная и бесцеремонная насмешка над самыми крупными явлениями тогдашней французской жизни. Роман был принят с восторгом обществом, потому что совершенно приходился по народному характеру; книга имела 60 изданий и до сих пор не потеряла значения во французской литературе.

Последние годы царствования Франциска I знамениты интригами, которые велись двумя любовницами королевскими: старою, Дианою Пуатье (герцогинею Валентинуа), и новою, герцогинею Эстамп. Это явление замечательно для нас только в том отношении, что показывает, как интересы сосредоточиваются около двора, около придворных отношений, другие отношения не имеют самостоятельного значения. Франциску I, умершему в начале 1547 года, наследовал сын его, Генрих II, который очень удачно воспользовался борьбою немецких протестантов с Карлом V, раздул эту борьбу и начал войну с императором, провозглашая себя в манифестах *Защитником Германии*. Этот защитник не был бескорыстный: он занял своими войсками города Камбрэ, Мец, Тул, Вердён и удержал их за Францию; Карл V понапрасну осаждал Мец, отлично защищаемый герцогом Франциском Гизом.

Иначе шла борьба у Генриха II с сыном Карла V, Филиппом II. Поводом к войне было стремление папы Павла IV вытеснить испанцев из Италии, для чего, по обычаю, папа обратился за помощью к французскому королю, обещая помочь ему овладеть Неаполем; лучший полководец французский, герцог Гиз, отправился с войском в Италию на помощь к папе, а между тем военные действия открылись на нидерландской границе; испанские войска вместе с английскими⁵ вступили во Францию и в августе 1557 года встретились у С. Кентена с французским войском, которое потерпело совершенное поражение. Это несчастье заставило Генриха II отозвать Гиза из Италии, вследствие чего папа принужден был мириться с испанцами на условии не вступать ни в какой союз, им враждебный. Генрих II был так напуган, что некоторым образом сложил с себя власть, назначив Гиза *наместником государства* (*Lieutenant general du royaume*).

Гиз ознаменовал свое наместничество блестящим и популярным делом, взявши Кале, последний город, которым владели англичане во Франции. Несмотря на этот успех, война кончилась в 1559 году миром в Като-Камбрези, по которому Франция

⁵ Англичане помогали испанцам по отношениям королевы Марии к Филиппу II

сделала Испании значительные уступки по нидерландской границе, очистила совершенно Миланское герцогство и возвратила Савойю ее герцогу с тем, чтоб тот женился на сестре короля Генриха II. Французские патриоты были в отчаянии от этого постыднейшего в их глазах мира, которым Франция явно признала перевес Испании над собою. В том же самом году Генрих II умер от раны, полученной на турнире, оставив престол сыну, Франциску II.

В Генрихе II и его сыновьях, следовавших один за другим, Франция имела ряд слабых, ничтожных королей, которыми и окончилась династия Валуа. Этим людям было не до завоеваний, и внутри государства слабость их повела к страшным религиозным усобицам, в которых короли играли страдательную роль. Когда началось религиозное движение в Европе, то в Северной Германии и скандинавских государствах правительства, действуя согласно с народными стремлениями, объявили себя на стороне протестантизма; в Англии Генрих VIII, также покорный национальным стремлениям, устроил сделку между старым и новым, из чего вышла так называемая Англиканская Церковь; в Испании Филипп II, полный представитель своего народа, решительными средствами задавил ересь в самом начале.

Во Франции огромное большинство народонаселения также хотело остаться при католицизме; вследствие религиозной нетерпимости, господствовавшей тогда как между католиками, так и между протестантами, и вследствие страстности французского характера католическое большинство не могло отнестись равнодушно к протестантскому меньшинству, и Франциск I как представитель большинства преследует протестантов; но при слабом сыне его, Генрихе II, несмотря на жестокие указы против протестантов, новое учение распространяется во Франции, его принимают вельможи, принцы крови. Католическое большинство негодует, но ничтожные сыновья Генриха II не в состоянии стать ни в челе этого большинства, ни против него, ни остановить усобицу энергическим вмешательством власти; их мать, флорентийская принцесса Екатерина Медичи, пропитанная итальянским развратом, итальянскими политическими правилами (макиавеллизмом), итальянским равнодушием в деле веры, готовая, смотря по обстоятельствам, идти к католической обедне или к протестантской проповеди, хитрит, лавирует между партиями, склоняется то на ту, то на другую сторону и тем отнимает у верховной власти силу и достоинство. Верховная власть исчезла; народ был предоставлен самому себе, католики и протестанты должны были сами разделаться друг с другом, и началась долголетняя кровавая усобица. Католическое большинство, видя, что короли изменяют его делу, естественно, должно было искать себе других вождей и нашло: то были знаменитые Гизы.

Гизы происходили из младшей линии герцогов Лотарингских. Герцог Клавдий Гиз поднял свою фамилию тем, что умел устроить брак своей дочери, вдовы герцога Лонгвиля, с Иаковом V, королем шотландским. Сын Клавдия был уже известным нам герцог Франциск Гиз, приобретший важное значение и сильную популярность среди воинственного народа своими воинскими подвигами, защитою Меца и взятием Кале; мы видели, как он выдался на первый план при Генрихе II, будучи назначен наместником королевства; в 1558 году влияние Гизов было еще более упрочено женитьбою дофина на их племяннице, Марии Стюарт, королеве шотландской. Так как Франциск Гиз был ревностный католик, то католическая партия, т. е. огромное большинство французского народа, обратилась к знаменитому полководцу как своему вождю; при этом Гиз привязал к себе дворянство необыкновенною щедростию; так, по взятии Кале он не взял себе ничего из добычи, все отдал войску.

Тотчас по смерти Генриха II Гизы, герцог Франциск и брат его, кардинал Карл, овладели шестнадцатилетним слабым королем Франциском II, отстранив от правления мать его, Екатерину Медичи, и ближайшего родственника, принца Антона Бурбона, взявшего в приданое королевство Наварское и Беарн. Король Антон был человек ничтожный; гораздо больше значения имела жена его, Иоанна, и брат, принц Конде. Оба принца, Бурбон и Конде, и знатная фамилия Шатильон, особенно адмирал Колиньи, стояли во главе протестантов, следовательно, были главными соперниками Гизов, и, разумеется, здесь с враждою религиозною тесно связана была вражда политическая. Гизы твердою и искусною рукою повели правительственное дело; протестантам, разумеется, не было пощады, и они решились вооруженною рукою захватить короля и Гизов, созвать государственные чины и провозгласить регентом Антона Бурбона, короля Наварского.

Замысел (так называемый *амбуазский* заговор, по имени замка, где хотели захватить короля) не удался, протестанты были поражены королевскими войсками, и Гизы еще более усилились; король Антон и принц Конде были захвачены и преданы суду, который приговорил Конде к смерти; но приговор не был приведен в исполнение по причине смерти короля Франциска II, последовавшей в конце 1560 года. Ему наследовал малолетний брат его, Карл IX, именем которого стала управлять мать его, Екатерина Медичи; Франциск Гиз потерял звание наместника королевства, которое было отдано королю Антону; принц Конде был освобожден и совершенно оправдан; но Гизы удержали значение глав могущественной партии, и Екатерина считала необходимым сохранять равновесие между ними и Бурбонами, чтоб удержать власть в своих руках, она мирволила протестантам и в то же время хлопотала, чтоб не поссориться с католиками, но этим

только все более и более разжигала религиозную ненависть и побуждала обе партии к самоуправству. В манифестах и распоряжениях являлись противоречия: в одно время провозглашалась религиозная терпимость и запрещалось под строгим наказанием присутствовать при протестантском богослужении. В Париже и других местах начались стычки между католиками и протестантами: там протестанты насмеются над католическою процессиею, здесь католики нападут на дом, где совершалось протестантское богослужение; монахи, особенно иезуиты, с кафедр подушали народ к истреблению протестантов; когда один из таких проповедников был схвачен правительством в Париже, то народ взволновался и не прежде успокоился, как парламент выпустил монаха.

В декабре 1561 года парижские протестанты, раздраженные тем, что колокола соседней католической церкви заглушают проповедников в их церкви, бросились вооруженные в католическую церковь и опустошили все внутри ее; католики за это сожгли все скамьи в протестантской церкви. В начале 1562 года правительство выдало *Эдикт терпимости*, по которому протестантам дозволялось свободно отправлять свое богослужение вне городской черты. Это возбудило сильное негодование католиков; в Бургундии начальство прямо воспротивилось эдикту; католики и протестанты вооружились, и началась усобица, сопровождавшаяся неимоверными жестокостями с обеих сторон: новорожденных детей вырывали из материнских объятий и разбивали об стену, вырезывали сердца и терзали их зубами; узы родства исчезали: молодой человек Роло, сын королевского прокурора, был повешен по требованию отца. Эти ужасы объясняют нам поведение Филиппа II Испанского, который кострами инквизиции выжигал ересь в своем государстве.

Филипп был представителем большинства в испанском народе и действовал совершенно в его духе; во Франции слабое правительство не способно к решительным мерам, и сам народ принимается за дело; католики и протестанты расправляются друг с другом, и как расправляются? В печальное время религиозных усобиц правительство и народы действуют одинаково, т. е. считают своею обязанностью не щадить людей, в которых видят врагов Божиих. Мало того, что французские католики и протестанты свирепствовали друг против друга, они забывали интересы и честь национальную, обращаясь за помощью к врагам отечества: католики обращались к Филиппу II испанскому, протестанты — к английской королеве Елисавете, отдавали англичанам города, чтоб только они выставили войско в Нормандии и давали денег для найма немецких и швейцарских дружин.

Война велась несчастливо для протестантов, или *гугенотов*, как их называли во Франции; Гиз взял у них Руан, при осаде

которого был смертельно ранен король Антон, перешедший еще прежде на сторону католиков; у него остался малолетний сын, знаменитый впоследствии король Генрих IV, которого мать воспитала в протестантстве. Наконец в декабре 1562 года недалеко от Дрё католическая и протестантская армии встретились, и Гиз одержал решительную победу, Конде был взят в плен. Победитель получил звание наместника королевства, но недолго им пользовался: в феврале 1563 года при осаде Орлеана он был изменнически убит одним протестантом. Смерть Гиза прежде всего была выгодна Екатерине Медичи, которая освобождалась от могущественного вождя католической Франции; Конде был освобожден, и в марте 1563 года правительство издало эдикт, известный под именем Амбуазского, в котором даровало всем подданным свободу совести до решения религиозного дела на свободном соборе. Но правительство не умело и не могло установить свободу совести при том страшном раздражении, которое господствовало в народе между католиками и протестантами; войны продолжались, принц Конде погиб после проигранного протестантами сражения при Жарнаке в 1569 году; протестанты провозгласили своим главою пятнадцатилетнего Генриха Бурбона, сына Антона Наварского, на самом же деле вождем партии был адмирал Колиньи.

В следующем году опять правительство заключило мир с протестантами в С.-Жермэне, опять дало им свободу совести, полную амнистию, право отправлять свое богослужение везде, где оно прежде отправлялось, а в тех областях, где его прежде не было, оно было дозволено в предместьях двух городов; запрещено оно было в Париже с окрестностями, да там, где случайно будет находиться двор; наконец протестантам уступлены были на два года четыре крепости. При всех этих событиях Карл IX, достигший двадцати лет, не играл важной роли: рожденный без способностей, он не получил никакого образования, остался дикарем с узким горизонтом, с детскими наклонностями, без воли, без сознания. После Сен-Жерменского мира он подчинился было влиянию Колиньи и вошел в его воинственные планы против Испании; но Екатерина Медичи успела напугать сына рассказами о страшном заговоре протестантов и заставила его согласиться на кровавую меру. После неудачного покушения на жизнь Колиньи составлен был план вдруг истреблять протестантов, подняв католическое большинство, что было легко сделать по страшному ожесточению этого большинства против еретиков. Чтоб оплошить их и завлечь начальников в Париж, сосватали молодого Генриха Бурбона на сестре королевской Маргарите Валуа. 18 августа 1572 года была свадьба; 24 августа, день святого Варфоломея, назначен днем истребления протестантов.

Первою жертвою пал старик Колиньи, за ним погибло более двухсот значительнейших протестантов, две ночи и два дня длились убийства, праздновалась «*кровавая парижская свадьба*». Такая же резня произошла и в других городах, особенно отличились Лион, Руан, Бордо, Тулуза, Орлеан; но в некоторых областях правители отказались быть палачами; Ортец, комендант байонский, написал королю, что он прочел его повеление солдатам и горожанам, но между ними нашлись только добрые граждане и добрые солдаты и ни одного палача. Число истребленных протестантов во всей Франции полагают по меньшей мере до 30 000.

Резня оказалась бесполезною. Генрих Наварский и молодой принц Конде угрозами принуждены были принять католицизм, но как скоро им удалось вырваться из Парижа, то они опять обратились к протестантизму, протестанты далеко не все были истреблены, и на оставшихся не было нагнано страха: они ожесточились еще более и с отчаянием защищались в Рошели от королевских войск. Король Карл IX умер в мае 1574 года, и ему наследовал брат его, Генрих III, недавно избранный в польские короли и тайком убежавший из своего государства, чтоб занять престол французский. Генрих III был даровитее своих братьев, но отличался страшною безнравственностью, для которой не мог найти оправдания в слабости физической и умственной. Новый король своим постыдным поведением скоро уронил себя во мнении народа, и тем сильнее поднялся Генрих Гиз, сын убитого Франсиска, своею мужественною, твердою натурою представлявший совершенную противоположность женоподобному Генриху III. Король поручил Гизу вести войну с протестантами, и Гиз вел ее победоносно, несмотря на то, что король в 1576 году заключил мир с протестантами и дал им право отправлять свое богослужение без всякого ограничения. Это раздражало католиков. Они начали действовать: Франция покрылась братствами, имевшими целью поддержание католицизма, и на основании этих братств составилась общий католический союз, или так называемая *Святая лига*. Король Генрих признал лигу и объявил себя ее главою, это было для него единственным средством удержать за собою верховное значение и не передать его герцогу Гизу.

Когда собравшиеся государственные чины послали объявить протестантским вождям, чтоб они или приняли католицизм, или готовились к войне, принц Конде отвечал: «Мы хотим мира, и если сдержат данное нам слово, то все будет покойно; в противном случае мы не признаем ваших государственных чинов и протестуем против всех решений, которые они постановят против нас».

Иначе отвечал Генрих Наварский: он не был так предан протестантизму, чтоб для него отказаться от французской короны,

а между тем видел ясно, что католическое большинство никогда не признает королем протестанта. «Скажите чинам,— отвечал Генрих,— что самая пламенная моя молитва к Богу, чтоб Он привел меня к познанию истины; молюсь, что если я теперь на правом пути, то чтоб Господь удержал меня на нем, если же нет, то чтоб открыл мне глаза, и я готов не только отречься от заблуждения, но и пожертвовать всем для уничтожения ереси не только во Франции, но и в целом свете».

В то время, когда Генрих Наварский уже готовился уступить большинству, слабый король Генрих III колебался между двумя сторонами: в 1577 году он заключил мир с протестантами в Пуатье; но потом, угрожаемый лигистами, заключил с ними договор в Немуре (1585), по которому уничтожал все дарованные протестантам льготы, обязывался изгнать из государства протестантских проповедников и раздавать должности только католикам. Вследствие этого началась опять религиозная война, названная войною *трех Генрихов* (короля Генриха III, Генриха Наварского и Генриха Гиза). Первому Генриху, королю, было, впрочем, не до войны; он в это время пристрастился к щенкам: накладывает их в корзину, повесит ее себе на шею и расхаживает с такою драгоценною ношею; он тратил также большие деньги на покупку и содержание обезьян и попугаев; скупал миниатюры из старых молитвенников и сам наклеивал их на стены своей домашней церкви; много денег стоили ему и твари человеческой породы (миньоны).

Король был сильною помехою лигистам в борьбе их с протестантами, потому что на него нельзя было ни в чем положиться; они решились взять его совершенно в свои руки и заставить действовать исключительно в их интересах; но Генриху III удалось ускользнуть от них из Парижа, где начал всем распоряжаться герцог Гиз, опираясь на лигистов. Король принужден был дать Гизу звание генералиссимуса с неограниченною властью; король потерял значение, ему не верили. Гиз был королем на деле, Генрих III оставался королем только по имени; ревностные католики видели в своем вожде Гизе необходимого наследника престола; явилась книга под заглавием *Stemmata*, где доказывалось, что Гизы происходят от Каролингов и потому имеют право на престол.

Раздраженный поведением Гиза, не обратившего на него никакого внимания, король решил освободиться от него убийством; в декабре 1588 года Гиз был предательски умышлен в глазах Генриха III. Но преступление не помогло: вся католическая Франция взволновалась; в Париже со всех церковных кафедр послышались самые жестокие речи против короля и против династии Валуа; богословский факультет парижский (Сорбонна) издал декрет, которым все французы освобождались от присяги

Генриху III. Король, у которого оставалось только пять городов, принужден был соединиться с Генрихом Наварским, т. е. отдать под его покровительство. В 1589 году оба Генриха осадили Париж, но тут фанатик, монах Клеман, убил Генриха III; династия Валуа прекратилась; протестанты немедленно провозгласили королем Генриха Наварского под именем Генриха IV; Генрих III, умирая, объявил ему, что он никогда не будет французским королем, если останется протестантом; Генрих IV сам знал это очень хорошо.

В начальнике новой династии, Генрихе IV Бурбоне, Франция получила короля, способного возратить верховной власти значение, потерянное последними Валуа. Ни один король не оставил по себе такое популярное имя в стране, как Генрих IV; подобно Франциску I, он был истый француз со всеми достоинствами и недостатками народного характера; необыкновенно храбрый, участвовавший более чем в 200 битвах, щедрый, обходительный, с порывами великодушия и вместе беззаботный, страстный к женщинам, способный пожертвовать плодами победы для любовного свидания; но важно было то, что Генрих прошел хорошую школу, ведя с детства тяжелую, опасную борьбу, имея возможность постоянно следить за разгаром самых сильных страстей, изучать, оценивать людей, приучаясь сторониться с своими интересами, давать место интересам чужим, приобретая благодушие и способность соглашения, приобретая сознание своих недостатков и умение подчиниться авторитету людей достойных; Генрих IV взял с бою свое королевство, благодаря добрым товарищам, и, ставши королем, он умел остаться добрым товарищем для добрых.

Генрих должен был с бою добывать свое королевство, потому что большинство не хотело иметь королем протестанта. Счастьем для Генриха было то, что это большинство не имело достойного вождя, некем было заменить Генриха Гиза, ибо брат его, герцог Майень, ставший вождем Лиги, был человек неспособный, тогда как Генрих IV был виднее всех по своим личным средствам. В марте 1590 года он встретился с войском Майеня при Иври, недалеко от Дрё, и нанес ему страшное поражение. Но лигисты призвали на помощь Филиппа II испанского; знаменитый полководец последнего, Александр Пармский, выступил из Нидерландов во Францию и искусным движением заставил Генриха снять осаду Парижа.

Для окончания борьбы Генрих счел необходимым уступить большинству и принять католицизм — дело тяжкое для его самолюбия, ибо он являлся человеком, который для короны жертвует своими религиозными убеждениями. Генрих объявил, что готов принять наставление в католическом исповедании, и для того созвал в Реймсе знатнейшее духовенство. Ревностные католики,

парижские лигисты не поддавались на эту сделку, видели в обращении Генриха только политическую меру, от которой не ждали никакого добра, будучи уверены, что Генрих останется в душе протестантом и не будет действовать против своих прежних единоверцев; но большинство, истомленное усобицею и жаждающее успокоения, с восторгом приветствовало обращение Генриха. К счастью для последнего, между лигистами возник раздор: Майен перессорился с племянником, молодым герцогом Гизом (сыном убитого Генриха); к этому присоединилась ненависть между французами и испанцами, потому что Филипп II стал прочить французский престол для своей дочери; наконец Александр Пармский умер, и Генрих таким образом освободился от единственного неприятельского полководца, с которым ему трудно было сладить.

В июле 1593 года Генрих торжественно принял католицизм, а в марте 1594 года сдался ему Париж, причем король оказал необыкновенное великодушие, не тронул самых заклятых врагов своих. Умысел молодого фанатика Шателя убить короля не удался; так как Шатель вынес свои убеждения о законности цареубийства из иезуитской коллегии и от духовника-иезуита, то почтенные отцы были изгнаны из Франции.

С принятием католицизма Генрихом IV и с утверждением этого короля на престоле прекращается во Франции смута, порожденная религиозными войнами. Эти войны произошли, как мы видели, вследствие слабости последних Валуа, которые не умели ни стать в челе большинства и остановить усиление противной большинству ереси, ни обуздать фанатизм большинства и ввести веротерпимость: последнее, впрочем, было тогда крайне трудно. От слабости королей произошло то, что они должны были вести войны с своими подданными, заключать с ними миры. Эта религиозная борьба на много лет поглотила все внимание французского народа, заняла беспокойные силы, не дала французам возможности производить наступательные движения на соседственные страны, и потому во все это время первенство принадлежало Испании, Филипп II считался самым могущественным государем, единым и верховным покровителем католицизма.

Франция в религиозной борьбе потеряла много сил; еще в 1580 году недосчитывалось 700 000 народа, много видных, сильных людей изгибло как между католиками, так и между протестантами, последовало всеобщее истощение, бедность, одичалость, ибо давно уже не было помину о порядке, безопасности, правосудии, управлении, и побуждаемое сильною жаждою покоя большинство поспешило признать Генриха IV королем, как только он принял католицизм; истомленное борьбою большинство не разбирало, искренно ли было обращение Генриха или только для

формы; мало того, оно позволило Генриху дать большие льготы прежним своим единоверцам, протестантам.

В апреле 1598 года в Нанте был обнародован эдикт, по которому протестантам позволено было в известных местах свободное отправление богослужения; они сохраняли все гражданские права, получали доступ ко всем местам и должностям, их бедные принимались в госпитали наравне с католиками; в каждом парламенте должна была быть особая палата, состоявшая из равного числа католических и протестантских членов, где решались споры, возникавшие между двумя партиями; протестантскому духовенству обещано жалованье; депутаты от протестантских церковных общин получили право составлять соборы в известные времена и в известных местах с королевского позволения и под надзором правительственных комиссаров. Но этого мало: протестанты продолжали составлять политическую партию, государство в государстве, им отданы были во владение известные города, куда они назначали комендантов, и король обещал платить деньги их гарнизонам; наконец, республикански организованные протестантские общины получили право налагать на своих членов податки для своих целей.

Только вследствие сильной усталости от продолжительной усобицы католики могли позволить Генриху IV издать Нантский эдикт. Эта усталость и желание поскорее прекратить смуту выразились в знаменитом произведении эпохи, в «*Сатира Мениппэ*», злой насмешке над ревностными католиками, не хотевшими признать королем Генриха IV. Нигде злая насмешка не производит такого сильного влияния, как во Франции, и сатира Мениппэ⁶ имела огромный успех, была для Генриха IV полезнее выигранного сражения. Главным участником в составлении сатиры был знаменитый в то время ученый, исторический исследователь и юрист *Петр Путь*. К описанной же эпохе относится знаменитое во французской литературе произведение «*Опыты Монтаня*» — ряд без системы набросанных наблюдений и заметок в скептическом и насмешливом духе; это был первый проблеск того отрицательного направления, которым отличалась французская литература XVIII века. Наконец, к описанному времени относится важное в истории исторической науки сочинение французского юриста *Жана Бодена*. Боден в жизни государств и народов старается отыскать известные законы, обращает внимание на влияние физических условий и народного характера; усматривает различие в исторической деятельности народов, живущих в северной, средней и южной полосах: северные отличаются воинственностью, средние — законоведением, южные — религиозностью.

⁶ Так названная от имени у цинического философа Мениппа, известного своими злыми насмешками.

Генрих IV спешил прекратить тяжкую в его положении войну с Испаниею; мир был заключен в Вервэне в 1598 году: испанцы отдали все завоеванное ими, удержали только Камбрэ. Мир был нужен Генриху для поправления финансов; сам король не был способен к экономии, но он умел выбрать человека, в высшей степени способного поправить финансы умным управлением и бережливостью: то был протестант маркиз Росни, больше известный под именем герцога Сюлли, человек суровый, неприступный, упрямый, но неподкупный и способный, умевший захватить диктатуру и употребить ее для общего блага с презрением личных интересов. Зная достоинства Сюлли и свои собственные слабости, король слушался своего министра, ничего не предпринимал без его ведома и совета; вельможи, которым хотелось покормиться на счет щедрости королевской, ненавидели скупого Сюлли, не дававшего даром ни копейки.

Сильное влияние на мягкосердечного Генриха имела любовница его, Габриель д'Эстрэ; но непреклонный Сюлли не уступил и этому влиянию и не давал королю жениться на ней. Габриель в сердцах говорила Сюлли, что она не намерена слушать его советов, что она не похожа на короля, которому он может доказать, что черное бело. Сюлли отвечал: «Если вы сердитесь, то целую ваши ручки, но из страха перед вашим гневом не изменю своим обязанностям». Габриель умерла; новая любовница, Генриетта д'Антрег, выпросила у короля письменное обещание жениться на ней, но, когда Генрих показал это обещание Сюлли, тот разорвал его. Король женился на Марии Медичи, племяннице великого герцога Тосканского. Когда Сюлли объявил ему, что брачный договор уже подписан, Генрих сначала задумался, потом сказал: «Ну, так и быть! Если вы говорите, что для блага государства и народа надобно мне жениться, стало быть, надо жениться».

Как скоро Франция отдохнула от религиозных смут и Сюлли накопил денег, так сейчас же Генрих IV, верный характеру своего народа, начинает думать об усилении Франции на счет соседей. Несмотря на Вервэнский мир, прекративший открытую войну между Франциею и Испаниею, борьба тайная продолжалась между этими двумя издавна соперничающими странами: Генрих поддерживал Голландию, испанцы поддерживали во Франции недовольных вельмож, которых, впрочем, Генрих умел успокоить разными средствами, и не исключая и смертной казни. Генриху хотелось нанести решительный удар могуществу Испании и вообще Габсбургского дома и дать первенство Франции. Обстоятельства тому благоприятствовали: в Германии приготовлялась борьба между протестантскою униею и католическою лигою, и члены унии объявляли готовность признать французского короля своим главою и покровителем. Генрих хотел в одно

время вторгнуться в испанские Нидерланды, где надеялся на помощь из Голландии, в Германию, где опирался на унию, и в Италию, куда приглашали его Венеция и Савойя. В 1610 году все уже было готово к войне, как 14 мая фанатик Равальяк убил короля, и наступательное движение Франции опять было приостановлено внутренними смутами.

На месте знаменитого короля очутился девятилетний ребенок, сын Генриха IV, Людовик XIII; правление перешло к королеве-вдове, Марии Медичи, женщине ничтожной, находившейся под влиянием приехавшей с нею из Флоренции Елеоноры Галигай; Елеонора вышла замуж за итальянца же Кончини, который получил титул маркиза д'Анкр и пользовался большим значением. По решению парламента, который в этом вопросе незаконно присвоил себе право государственных чинов, Мария овладела регентством и, чтобы удержать в своих руках правление, должна была задаривать принцев и вельмож. Сюлли с достойными товарищами должен был удалиться от дел, и деньги, скопленные им для войны, пошли на раздачу жадным и расточительным принцам и вельможам, которые пользовались слабостью верховной власти для достижения своих личных целей, чтоб нажиться на счет казны и народа, вовсе не думая ни о благе общем, ни даже об интересах сословных. Кроме денег принцы и вельможи потребовали от правительницы наместничеств, городов во владение, и все требования их были исполнены ко вреду государства. Но чем более получали они, тем жаднее, недовольнее становились, а предлог к заявлению недовольствия был благовидный: нельзя было терпеливо сносить, что правление находится в руках пришельца, итальянца, ничем не знаменитого; жаловались на расстройство финансового управления, на расточение государственных имуществ, на пренебрежение дворянства, Церкви и народа. Наконец, в 1615 году недовольствие перешло в явное восстание, главою которого был принц Конде.

Конде, объявивший себя защитником народа, кончил войну с правительством, когда последнее удовлетворило его городами и деньгами, товарищи его также были удовлетворены: мир стоил правительству более шести миллионов ливров. Между тем король выростал; он плохо учился, но зато был отличный егерь и сокольник; с малолетства находился при нем человек из мелкого дворянства, Люинь, умевший приобрести расположение Людовика особенно тем, что отлично выучивал ловчих птиц. Но Люинь не хотел ограничиться одними птицами, он стал внушать Людовику, что он король только по имени, а что вся власть у маршала д'Анкра. Решено было отделаться от итальянца убийством; король призвал барона Витри, начальника своей гвардии, и сказал ему, что если хочет быть марша-

лом, то пусть исполнит то, что поручит ему Люинь. Витри исполнил поручение, и в апреле 1617 года Кончини был убит. Люинь взял себе все имение и всю власть убитого; парижане ликовали, терзая труп ненавистного итальянца; они не знали, что нажили себе нового господина похуже старого. Жену маркиза, Елеонору, казнили, обвинивши в том, что она околдовала королеву Марию. Но королева не думала признавать себя околдованною и не хотела простить убийцам Кончини. Вследствие этого возникли новые смуты: одни вельможи стали на сторону короля, другие — королевы. В это время особенным влиянием на королеву начал пользоваться человек, которому суждено было силою воли и правительственного таланта успокоить Францию внутри и дать ей первенствующее положение в Европе. То был *Ришелье*. Арман Иоанн дю Плесси Ришелье, маркиз де Шильон, променял военную службу на богословские занятия с целью сделаться епископом, получил докторскую степень и на двадцать втором году жизни посвящен был в епископы люсонские. В 1614 году явился он в Париже в собрании государственных чинов как депутат от духовенства провинции Пуату и сейчас же обратил на себя внимание; маршал д'Анкр употребил его для примирения с принцем Конде; потом Люинь вызвал ловкого епископа для примирения короля с матерью, и, действительно, по его старанию примирение последовало, и в 1620 году королева Мария приехала в Париж. В следующем году умер Люинь; Ришелье, получивший по старанию королевы кардинальское достоинство, по ее же старанию был введен в кабинет и немедленно захватил в свои руки власть, которою слабый король не мог сам пользоваться.

Основанием внутренней политики кардинала были следующие правила: «Для правительства прежде всего необходимо *безусловное повиновение всех*. Для этого правительство само должно иметь твердую волю в исполнении того, что оно считает справедливым, никогда не должно колебаться при исполнении своих намерений и строго наказывать тех, которые являются слушниками. Правление государством требует мужской силы и непоколебимой твердости. Неуклонная последовательность, тайна и быстрота суть лучшие средства для обеспечения успеха. Необходимо, чтоб государственная цель всегда во всяком случае стояла впереди всех других соображений. Общественные интересы должны быть единственною целью государей и их советников. Наказания и награды должны соразмеряться единственно с ними; наказания важнее наград, потому что не так легко забываются. Относительно государственных преступлений надобно отложить всякое сострадание, пренебречь жалобами участников и ропотом невежественной толпы, которая не знает, что

ей полезно и необходимо. Обязанность христианина — забывать личные оскорбления, обязанность правительства — никогда не забывать оскорблений, наносимых государству. Государи обязаны в духовных делах подчиняться папам, но не должны позволять им вмешиваться в дела светские. Дворянство должно защищать от чиновников, которые поднялись в ущерб ему; но должно положить предел насилиям дворянства относительно простого народа. Надобно охранять имения дворянства и облегчать ему приобретение новых, чтоб оно могло служить государству на войне. Это его главная обязанность; ибо дворянство, которое не готово идти на войну по первому призыву государства, есть роскошь и бремя для государства и не заслуживает тех прав и преимуществ, которые отличают его от горожан. Судьи должны судить и только; нельзя позволять им вмешиваться ни в церковный суд, ни в законодательство государственное. Народ должен быть содержим в покорности, подати служат к тому, чтоб ему не было слишком хорошо, чтоб он не перешел границы своих обязанностей. Но подати не должны быть слишком тяжелы; государи обязаны не брать у своих подданных более нужного и в чрезвычайных случаях прежде обращаться к излишку богатых. В деле науки и народного воспитания надобно действовать с большею осторожностью. Науки служат одним из величайших украшений для государства, и обойтись без них нельзя; но понятно, что их не должно преподавать каждому без различия, иначе государство будет похоже на безобразное тело, которое во всех частях своих будет иметь глаза. Усиленное занятие науками повредит торговле, обогащению государства и земледелию, питающему народы, произведет опустошение в рядах солдат, которым приличнее грубое невежество, чем тонкость знаний. Преподанные всем без различия науки профанируются и породят людей, которые будут способнее возбуждать сомнения, чем решать их, будут способнее противиться истинам, чем защищать их».

Согласно с этими правилами Ришелье постарался освободить страну от смут, произведенных людьми, которые для личных выгод вооружали против короля мать его, Марию Медичи, и ничтожного брата его, Гастона, герцога Орлеанского. Все те, которые хотели пользоваться слабостью короля для достижения своих корыстных целей, вооружились против Ришелье как против человека, своими талантами и энергиею вдруг переменившего слабое правление в сильное; против Ришелье вооружились принцы, вельможи, гвардейские офицеры, принцессы, придворные дамы, протестанты; его низвержения желали герцог Савойский, король испанский, Англия, потому что они не хотели усиления Франции, а Франция становилась сильна и страшна соседям, когда знаменитый кардинал, смиряя внутри принцев, вельмож

и протестантов, восстановил извне значение Франции, утраченное в правление Кончини и Люиня. Но враги кардинала, несмотря на свою знатность и многочисленность, не могли с ним успешно бороться по своей ничтожности, особенно по ничтожности главы своего, Гастона Орлеанского, который обыкновенно при открытии заговора так пугался, что выдавал своих сообщников кардиналу; а Ришелье в таких случаях действовал утрашением, не щадил никого, казнил, заточал. Людовик XIII был его покорным орудием: происходило ли это от слабости короля, не могшего высвободиться из-под магнетического влияния сильного человека, или от сознания необходимости Ришелье для короля и королевства—решить трудно, вероятно, действовало и то, и другое.

В сентябре 1630 года король опасно заболел в Лионе; его мать, Мария Медичи, и жена его, Анна Австрийская, ухаживали за больным и в то же время наговаривали ему на Ришелье, требовали его низвержения: Мария Медичи рассорилась с кардиналом с тех пор, как он сделался неограниченным правителем Франции и не думал жертвовать интересами королевства прежней своей покровительнице. За королевами стояли канцлер Марильяк, его брат, маршал Марильяк, герцоги Гиз и Бельгард, принцесса Конти, герцогиня Эльбеф и другие лица. Несчастный король находился между двух огней: с одной стороны—мать и жена, которые во время болезни оказали ему такую привязанность и нежность, с другой—страшный и необходимый кардинал, который умеет так ясно представить злонамеренность врагов своих, опасность, которая грозит от них королю и королевству. Кардинал перетянул; Мария Медичи и ее советники, считавшие уже свое дело выигранным, жестоко обманулись: канцлер Марильяк, явившийся к королю в надежде, что тот предложит ему занять место Ришелье, вместо того получает приказание сложить с себя канцлерскую должность; брат его, маршал, схвачен и казнен; Мария Медичи должна была удалиться за границу и умерла в Кёльне в большой бедности; Гастон Орлеанский также удалился в Брюссель, но чрез несколько времени возвратился во Францию.

Три раза составляли заговоры на жизнь кардинала, и все три раза безуспешно. Последний заговор для низвержения Ришелье был составлен любимцем короля, маркизом Сенкмарсом, который сначала был шпионом кардинала, доносил ему обо всем, что делается во дворце. Сенкмарс соединился с герцогом Бульоном, и в 1642 году заговорщики заключили договор с врагами Франции, испанцами, действовать заодно против Ришелье в пользу герцога Орлеанского. Ришелье достал этот договор; жестокая пытка вынудила у Сенкмарса признание во всем, и он был казнен.

Второю важною заслугою Ришелье было то, что он отнял у протестантов вредную для государственного единства самостоятельность. Находившийся в их власти приморский город Ларошель имел вид независимой республики; в челе протестантов стояли двое вельмож — герцог Роган и брат его Субиз, которые сносились с Англиею, получали оттуда помощь и поднимали оружие против своего правительства. В 1627 году англичане пристали к французским берегам для подания помощи протестантам; тогда Ришелье взял с собою короля и осадил Ларошель с сухою пути и с моря; кардинал, у которого была своя гвардия, распоряжался осадю как генералиссимус и адмирал; с моря для стеснения города была построена громадная плотина; англичане не могли помешать этой постройке, и скоро между осажденными начал свирепствовать страшный голод; в октябре 1628 года Ларошель сдалась; осаждающие нашли город, наполненный трупами, ибо живые были так слабы от голода, что не могли хоронить мертвецов. В 1629 году протестанты снова вооружились, Ришелье выступил против них и принудил к покорности; в Ниме был издан эдикт, по которому им дана была амнистия и свободное отправление религии; но протестанты не договаривались здесь с правительством по-прежнему, как две равные власти, они должны были принять эдикт, как *милость* королевскую, и Нимский эдикт называется потому милостивым эдиктом. Протестанты перестали существовать во Франции как государство в государстве.

Борясь внутри Франции с вельможами и протестантами, Ришелье не упускал случая поднять значение Франции извне; с этою целью он вмешивался в дела Италии и Германии, обессиливая и здесь, и там владычество Габсбургского дома. По смерти Генриха IV, во время правления Марии Медичи, между Франциею и Испаниею произошло сближение, вследствие которого Людовик XIII женился на испанской принцессе Анне Австрийской. Но когда Ришелье взял в руки правление, то возобновил *национальную* французскую политику, т. е. возобновил борьбу с Испаниею в Италии. Поводом к борьбе послужило прекращение владевшей в Мантуе и Монферрате фамилии Гонзага. Герцог Савойский объявил свои права на Монферрат; за Мантую завели спор два герцога — Гвастальский и Неверский; за первого заступилась Испания, за второго — Франция; в войне приняли участие также император Фердинанд II и герцог Савойский, Карл Эмануил, а потом сын его, Виктор Амедей. Война кончилась по желанию Ришелье: герцог Неверский получил Мантую и Монферрат, Франция приобрела важную крепость Пиньероль. Но гораздо важнее для Франции и для Европы было участие, которое принял Ришелье в Тридцатилетней войне.

VIII СКАНДИНАВСКИЕ ГОСУДАРСТВА ОТ РАЗРУШЕНИЯ
КАЛЬМАРСКОГО СОЮЗА
ДО ПРИНЯТИЯ ИМИ УЧАСТИЯ
В ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ

В 1397 году состоялся Кальмарский союз, по которому три северные королевства — Дания, Швеция и Норвегия — соединились под одною властью королевы Маргариты с тем, чтоб это соединение продолжалось и при ее преемниках. Но Кальмарский союз не упрочил спокойствия на севере: могущественные как в Дании, так и в Швеции аристократия и духовенство еще более усилились и продолжали борьбу с королями, которых власть и доходы были очень ограничены. Наследник Маргариты, двоюродный внук ее от сестры, Ерик Померанский, уже был изгнан из Дании и Швеции и должен был промышлять разбойничеством на острове Готланде. В преемники Ерику датчане и шведы выбрали племянника его от сестры, Кристофа Баварского; а по смерти Кристофа Швеция избрала себе особого короля, Карла Кнутсона (1449), а Дания особого — Христиана, графа Ольденбургского; Дания провозглашена была избирательным королевством, и Христиан должен был подписать тринадцать статей, передавших всю власть дворянству и избираемому из среды его государственному совету. Скоро шведы прогнали своего короля Карла Кнутсона и выбрали датского Христиана, потом опять призвали Карла, а по смерти его выбрали правителем государства одного из своих вельмож, Стена Стура Старшего (1471), который хотя и поразил Христиана под Стокгольмом и принудил удалиться в Данию, однако Христиан удержал за собою Норвегию, Южную Швецию и не отказался от прав своих на остальную Швецию.

По смерти Христиана I (1481) датчане выбрали сына его, Иоанна; шведы также признали его верховную власть, тогда как Стен Стур продолжал правительствовать. Несчастливая война короля Иоанна с дитмарсийцами, которые храбро отстаивали свою независимость и республиканское демократическое устройство, подали шведам возможность отложиться от Дании. Здесь по смерти короля Иоанна избрали сына его Христиана II, уже известного своею храбростию, энергиєю, жестокостию и демократическими привычками; молодость он провел на улице и в трактирах среди простонародья. Отправленный отцом в бунтовавшую Норвегию, он кровавыми средствами задавил восстание и принял такие меры против дворянства, что оно исчезло в этой стране. В Бергене по своим старым привычкам свел он знакомство с трактирщицею голландкою Зигбриттою, влюбился в дочь ее Дювеку (Голубку) и остался верен этой страсти; и мать, и дочь имели на него сильное влияние и способствовали еще

большему укоренению демократических привычек. Надобно было ждать сильной борьбы между таким королем и датскою аристократиею, имевшею право «над рукою и шеєю своих крестьян», как говорилось в статьях, которые Христиан должен был подписать при восшествии своем на престол.

Усобица, возникшая в Швеции между правителем государства Стеном Стуром Младшим и архиепископом упсальским Густавом Тролле, дала возможность королю Христиану предъявить свои права на престол шведский. В 1518 году явился Христиан с флотом и войском в Швеции; потерпев неудачу в битве с правителем, потребовал с ним личного свидания и для безопасности своей взял в заложники к себе на корабли молодого графа Густава Вазу с четырьмя другими знатными шведами; вступив в переговоры с Стеном Стуром, король вдруг прервал их, поспешно возвратился на свои корабли и увез заложников в Данию. Между тем папа по жалобам архиепископа Тролле отлучил от Церкви правителя Стена Стура и всех его приверженцев. Христиан II воспользовался этим и принял на себя исполнение папского приговора, стал собирать со всех деньги на войну против отлученного Стура, как на крестовый поход. В 1520 году большое датское войско высадилось на берега Швеции. Стен Стур проиграл сражение и умер от полученной во время его раны; шведы принуждены были признать Христиана королем с условием амнистии; Христиан приехал в Стокгольм, короновался, был со всеми очень любезен, но на третий день после торжества архиепископ Тролле потребовал у короля правосудия против своих врагов. Под предлогом этого правосудия два епископа, двенадцать светских вельмож и множество стокгольмских горожан были казнены, число казненных простиралось до 600 человек.

Сопrotивление было сломлено в высших классах, но народное восстание вспыхнуло в отдаленном углу, когда нашелся вождь. Молодой Густав Ваза успел убежать из Дании в Любек, оттуда пробрался в Швецию и нашел приют между суровыми жителями Далекарлии. Здесь он раздул восстание против датчан и умел из плохо вооруженной толпы крестьян устроить войско, с которым мог отважиться действовать против войска Христиана II; но надобно заметить также, что обстоятельства благоприятствовали Густаву Вазе: Христиан II возбудил против себя сильное неудовольствие и в Дании, притом же у него не было постоянного войска, и, чтоб платить наемным дружинам, он должен был прибегать к насильственным податям.

В июне 1521 года Густав Ваза осадил Стокгольм, и осада затянулась на целые два года; важным препятствием для Густава Вазы было то, что все крепости находились в руках датчан и что в пользу последних сильно действовал архиепископ Тролле; но с другой стороны, помогал Вазе сам Христиан II, возбуждая

против себя врагов со всех сторон; он поссорился с дядею своим, Фридрихом, герцогом Голштинским, вооружил против себя духовенство, запретив ему приобретать земли; вооружил против себя дворян, запретив им продавать прикрепленных к их землям крестьян как рабов; он раздражал землевладельцев тем еще, что, желая поднять купечество, запретил продавать сельские произведения непосредственно иностранным купцам, а велел свозить их в Копенгаген и продавать датским купцам; это постановление, высокие пошлины с иностранных товаров и покровительство, оказываемое купцам нидерландским, раздражали ганзейские города; Любек, Данциг, Висмар и Росток объявили себя за Густава Вазу, грабили датские берега, захватывали корабли и заключили союз с герцогом Фридрихом Голштинским, который сносился с недовольными датскими вельможами. В марте 1523 года датские землевладельцы заключили с герцогом Фридрихом договор и провозгласили его королем датским под именем Фридриха I; главным условием договора было расширение права суда для дворян в их владениях; в июне того же года шведский сейм провозгласил своим королем Густава Вазу.

Но Фридрих I должен был завоевать Данию, потому что Христиан II не хотел уступить ему без борьбы, тем более что горожане и сельское народонаселение были за него. Вытесненный наконец из Дании, Христиан обратился в Норвегию; в 1532 году дела его здесь пришли в такое положение, что он принужден был вступить в переговоры и обязался под условием личной безопасности явиться к дяде, Фридриху I, в Копенгаген для заключения окончательного договора. Когда Христиан приехал в Копенгаген, Фридрих созвал сейм из дворян, т. е. из самых злых врагов Христиана; дворяне объявили, что, невзирая на обещание безопасности, надобно захватить бывшего короля, послы Густава Вазы и ганзейских городов просили о том же, и Христиана посадили в полутемную комнату, где один Карл составлял всю его прислугу и развлечение; только через 12 лет участь его была облегчена, но его продолжали держать в заключении, где он и умер через 10 лет.

В 1533 году умер король Фридрих I, преемником ему был избран сын его Христиан (III); но это избрание последовало не скоро, и во время междоусобия вся власть сосредоточивалась в руках знатнейшего дворянства, которое и после не намерено было отказываться от нее в пользу короля; кроме того, Христиан III должен был вести сильную борьбу с врагами внешними и внутренними. Управлявший Любеком демагог Вулленвевер в союзе с двумя бургомистрами городов Копенгагена и Мальмё составил план возвести снова на престол датский заточника, Христиана II; датские крестьяне объявили себя опять за последнего, за него же стали действовать и епископы, недовольные

распространением протестантизма. Христиан III вышел, однако, победителем из борьбы; торжество его было торжеством дворянства; городское сословие ослабело, лишенное поддержки ганзейских городов после неудачи любчан, крестьяне подверглись сильному угнетению. Непосредственным следствием победы Христиана III было также господство протестантизма: в 1536 году в один день все епископы в Дании были схвачены и церковные имущества конфискованы.

Христиан III постарался, чтоб еще при жизни его сын Фридрих был избран в короли. В 1559 году Фридрих II наследовал отцу. Он помогал дяде своему, герцогу Голштинскому, в истребительной войне, которую тот вел с дитмарсийцами; несмотря на геройское сопротивление жителей, маленькая область была совершенно покорена в два месяца, но из 48 старшин дитмарсийских остались в живых только пятеро и из всего народонаселения — только 4000. Фридрих II нашел в *Петре Оксе* отличного министра финансов, который дал королю средство покровительствовать науке и искусству, что сообщило особенный блеск царствованию этого государя; особенным покровительством Фридриха пользовался знаменитый астроном Тихо де Браге. На место Фридриха II, умершего в 1588 году, был избран сын его, Христиан IV.

В Швеции Густав Ваза по вступлении своем на престол был только королем по имени. Вследствие продолжительных беспорядков, отсутствия прочного правительства не было нигде ни суда, ни расправы, и укоренилась привычка к самоуправству. Две трети земли находились в руках духовенства, большую часть остальной земли владело дворянство; король получал 24 000 марок дохода, долг любчанам простирался до миллиона марок; юг Швеции находился в руках датчан, торговля и береговое судоходство — в руках любчан. Чтобы поднять королевскую власть, усилить ее средства, Густаву Вазе прежде всего нужно было ослабить могущество духовенства и обогатить на его счет казну, и для этого обстоятельства были благоприятны: на севере Европы шло реформационное движение и Швеция не была ему чуждою.

Густав Ваза под рукою стал покровительствовать реформе. Духовенство по поводу тяжелого налога на свои доходы подняло восстание, в главе которого стали двое епископов. Король подавил восстание и отдал виновных епископов под светский суд, который приговорил их к смертной казни, и приговор был исполнен в 1529 году. В том же году Густав собрал сейм в Вестерасе, где подле духовенства и дворянства в первый раз явились депутаты городского и сельского сословия. Здесь король объявил, что он не в состоянии управлять Швециею при таком порядке вещей и слагает с себя корону. На сейме произошла страшная смута,

представители сословий перессорились; наконец дело кончилось тем, что для удержания Густава на престоле сейм решил, что король волен распоряжаться монастырскими и церковными имениями как ему угодно и что проповедникам Лютерова учения дается полная свобода. Сломивши таким образом значение враждебного себе католического духовенства, Густав Ваза обратил особенное внимание на усиление материальных средств своего бедного государства, хлопотал о поднятии торговли и промыслов, особенно горных.

Густав оказал большую услугу Швеции и тем, что умною строгостию, учреждением хорошей полиции восстановил порядок, нарушенный долгою смутю и борьбою с Даниею. Недовольных новым порядком было много; но Густав твердо, железною рукою держал правление и копил деньги, сам занимался горным промыслом, земледелием, торговлею, сам занимался хозяйством в своих имениях; он получил много денег также и от того, что обобрал церкви и монастыри, взял у них все серебро, всю недвижимость.

Но хотя было и много недовольных правлением Густава Вазы, однако его царствование стало считаться счастливым временем, когда по смерти его, случившейся в сентябре 1560 года, вступил на престол сын его, Ерик XIV. Скоро началась ссора между Ериком и троими его братьями, Иоанном, герцогом Финляндским, Магнусом Остерготландским и Карлом Зюдерманландским. Владения ливонского ордена, за раздел которых перессорились четыре соседние державы: Россия, Польша, Швеция и Дания, повели также к ссоре между Ериком и братом его, Иоанном Финляндским. Ерик, утвердившись в Эстонии, имел также виды и на Ливонию, передававшуюся полякам, следовательно, враждебно сталкивался с последними; а брат его Иоанн, не обращая внимания на эти отношения старшего брата, женился на польской королевне Екатерине Ягеллон в надежде посредством этого брака получить польскую корону после бездетного Сигизмунда Августа, брата Екатерины. Когда Ерик потребовал от Иоанна, чтоб тот на случай войны Швеции с Польшею был готов помогать ему деньгами и флотом, то Иоанн, считая себя самостоятельным владельцем Финляндии, не обратил на это требование никакого внимания. Ерик прислал звать брата в Стокгольм к суду; Иоанн задержал посланных, призвал финляндцев к оружию, послал просить помощи в Польшу и Пруссию. Тогда Ерик созвал государственные чины, которые приговорили Иоанна как мятежника к смерти; осажденный шведскими войсками в Або и не получая ниоткуда помощи, он принужден был сдаться и четыре года вместе с женою просидел в Гриспгольмской темнице.

С этих пор Ерик, подобно современнику своему, русскому царю Иоанну IV, начал истреблять людей, казавшихся ему

подозрительными. В 1562 году была только одна смертная казнь, в 1563 уже 50, а в октябре 1567 года было казнено 230 человек; однажды Ерик велел переказнить целый гарнизон за то, что тот сдал вверенную ему крепость датчанам. При этом Ерик точно так же, как наш Иоанн Грозный, страшно раздражался, раздражение доходило до бешенства, он бежал в темницу и умерщвлял собственными руками заключенных, потом вдруг брало его раскаяние. В одну из таких минут раскаяния в октябре 1567 года он освободил брата своего Иоанна из темницы, бросил его в ноги и называл королем. Иоанн воспользовался своим освобождением: он соединился с братом Карлом, собрал около себя недовольных и пошел против Ерика; тот сам отдался в руки врагам своим. В начале 1569 года собрались государственные чины, провозгласили королем Иоанна, а Ерика осудили на вечное заключение. Но этим дело не кончилось: несчастного заточника восемь лет мучили, желая укоротить его жизнь; но, видя, что лишения всякого рода разрушают здоровье Ерика слишком медленно, отравили его.

Жена короля Иоанна, Екатерина Ягеллон, была ревностная католичка и воспитала в такой же ревности и сына своего, Сигизмунда, который в 1587 году был избран в польские короли. И отец его, король Иоанн, стал, видимо, склоняться на сторону католицизма: при дворе его в качестве императорского посла явился известный в русской истории иезуит Антоний Поссевин и начал хлопотать о поднятии католицизма в Швеции. Но здесь протестантизм пустил уже глубокие корни; король Иоанн испугавшись, увидавши стремление своего брата Карла стать в челе недовольных протестантов, т. е. в челе всего народа шведского, притом Поссевин обманул короля: в мирном договоре, заключенном при его посредничестве между Швецией и Польшей, подтверждены были права Польши и на ту часть Ливонии, которая была занята шведами; вследствие этого иезуиты были выпровождены из Швеции; изгнание начало грозить и тем шведам, которые обратились в католицизм.

Иоанн умер в ноябре 1592 года. Ему наследовал сын его, Сигизмунд III, король польский; но во-первых, Сигизмунд как польский король не мог постоянно жить в Швеции; во-вторых, Сигизмунд был ревностный католик, находившийся под влиянием иезуитов, а шведы ревниво охраняли свой протестантизм. Эти обстоятельства дали возможность дяде королевскому, Карлу Зюдерманландскому, стать правителем Швеции и начать открытую борьбу с племянником. Сигизмунд проиграл сражение при Линкёпинге и был вытеснен из Швеции. Карл, поддерживаемый огромным большинством, низложил противную себе партию и в 1604 году провозглашен был королем. Таким образом, в ис-

тории Скандинавии описанного времени мы присутствовали при двух борьбах, происходивших вследствие попыток соединить *династически* сначала Швецию с Даниею, а потом Швецию с Польшею: обе попытки не удались.

IX ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Император Матфей (1612—1619) был такой же неспособный правитель, как и брат его Рудольф, особенно при том натянутом положении дел в Германии, когда грозила неминуемая и жестокая борьба между протестантами и католиками. Борьба была ускорена тем, что бездетный Матфей назначил своим преемником в Австрии, Венгрии и Богемии двоюродного брата Фердинанда Штирийского. Стойкий характер и католическая ревность Фердинанда были хорошо известны; католики, иезуиты радовались, что пришло их время, протестанты и гуситы (утраквисты) в Богемии не могли ждать для себя ничего хорошего. Богемские протестанты построили себе две церкви на монастырских землях. Возник вопрос — имеют они на это право или нет? Правительство решило, что нет, и одну церковь заперли, другую разорили. *Защитники*, дарованные протестантам «Грамотою Величества», собрались и отправили в Венгрию к императору Матфею жалобу; император отвечал отказом и запретил защитникам собираться для дальнейших совещаний. Это страшно раздражало протестантов; они приписывали такое решение дела императорским советникам, управлявшим Богемиею в отсутствие Матфея, особенно были злы на двоих из них, Мартиница и Славату, отличавшихся католическою ревностию.

В пылу раздражения гуситские депутаты государственных богемских чинов вооружились и под предводительством графа Турна отправились в Пражский замок, где заседало правление. Вошедши в залу, они начали крупно говорить с советниками и скоро от слов перешли к делу: схватили Мартиница, Славату и секретаря Фабриция и выбросили их за окно «по добром старочешскому обычаю», как выразился один из присутствующих (1618). Этим поступком чехи разрывали с правительством. Чины захватили правление в свои руки, выгнали иезуитов из страны и выставили войско под предводительством Турна. Война началась в 1619 году и началась счастливо для инсургентов; к Турну присоединился Эрнст фон Мансфельд, удалой начальник сбродных дружин; чины силезские, лужицкие и моравские подняли одно знамя с чехами и погнали от себя иезуитов; императорское войско было принуждено очистить Богемию; Матфей умер, и преемник его, Фердинанд II, был осажден в самой Вене войсками Турна, с которыми соединились австрийские протестанты.

В этой страшной опасности стойкость нового императора спасла престол Габсбургов; Фердинанд крепко держался и додержался до тех пор, пока дурная погода, недостаток в деньгах и съестных припасах заставили Турна снять осаду Вены.

Во Франкфурте Фердинанда II провозгласили императором, и в то же время чины Богемии, Моравии и Силезии отложились от Габсбургского дома и выбрали себе в короли главу протестантской унии, курфюрста Фридриха V Пфальцского. Фридрих принял корону и поспешил в Прагу на коронацию. Характер главных соперников имел важное влияние на исход борьбы: против умного и твердого Фердинанда II стоял пустой, невыдержливый Фридрих V. Кроме императора у католиков был еще Максимилиан Баварский, сильный личными и материальными средствами; на стороне протестантов Максимилиану соответствовал курфюрст Иоанн Георг Саксонский, но соответствие между ними ограничивалось одними материальными средствами, ибо Иоанн Георг носил не очень почетное название *пивного короля*; шла молва, будто он говорил, что звери, населявшие его леса, дороже ему подданных; наконец, Иоанн Георг как лютеранин не хотел иметь ничего общего с кальвинистом Фридрихом V и склонился на сторону Австрии, когда Фердинанд обещал ему землю лужицей (Лузанию). Наконец, у протестантов подле неспособных князей не было и способных полководцев, тогда как Максимилиан Баварский принял в свою службу знаменитого генерала, нидерландца Тилли. Борьба была неравная.

Фридрих V приехал в Прагу, но с самого начала повел дурно свои дела, он не поладил с чешскими вельможами, не допуская их до участия в делах правления, слушаясь только своих немцев; оттолкнул от себя и народ страстию к роскоши и забавам, также кальвинским иконоборством: из пражской соборной церкви были вынесены все изображения святых, картины и мощи. Между тем Фердинанд II заключил союз с Максимилианом Баварским, с Испаниею, привлек на свою сторону курфюрста Саксонского, привел в повиновение австрийские чины.

Войска императора и католической лиги под начальством Тилли явились под Прагою. В ноябре 1620 года между ними и войсками Фридриха произошло сражение у Белой горы, Тилли одержал победу. Несмотря на это несчастье, чехи не имели средства к продолжению борьбы, но король их Фридрих потерял совершенно дух и убежал из Богемии. Лишенные вождя, единства и направления движения, чехи не могли продолжать борьбы, и в несколько месяцев Богемия, Моравия и Силезия были снова покорены под державу Габсбургского дома.

Горька была судьба побежденных: 30 000 семейств должны были покинуть отечество; вместо них явилось чуждое славянству и чешской истории народонаселение. В Богемии считалось

30 000 населенных мест; после войны осталось только 11 000; до войны было более 4 миллионов жителей; в 1648 году осталось не более 800 000. Треть земель была конфискована; иезуиты бросились на добычу: чтоб порвать самую тесную связь Богемии с ее прошедшим, чтоб нанести самый тяжелый удар чешской народности, они начали истреблять книги на чешском языке как еретические; один иезуит хвастался, что сжег более 60 000 томов. Понятно, какая судьба должна была ожидать протестантизм в Богемии; в Праге оставались два лютеранских пастора, которых не смели выгнать, боясь возбудить негодование саксонского курфюрста; но папский легат Караффа настоял, чтоб император дал приказание выгнать их. «Дело идет,—говорил Караффа,—не о двоих пасторах, но о свободе религии; пока их будут терпеть в Праге, ни один чех не войдет в лоно Церкви». Некоторые католики, сам король испанский хотели умерить ревность легата, но он не обращал внимания на их представления. «Нетерпимость Австрийского дома,—говорили протестанты,—принудила чехов возмутиться». «Ересь,—говорил Караффа,—воспламенила бунт». Император Фердинанд II выражался сильнее. «Сам Бог,—говорил он,—побудил чехов к возмущению, чтоб дать мне право и средства уничтожить ересь». Император собственными руками изодрал «Грамоту Величества».

Средства к уничтожению ереси были следующие: протестантам запрещено было заниматься каким бы то ни было мастерством, запрещено было жениться, делать завещания, погребать своих мертвецов, хотя при этом они должны были платить католическому священнику издержки погребения; их не пускали в больницы; солдаты с саблями в руках загоняли их в костелы, в селах крестьян загоняли туда собаками и бичами; за солдатами шли иезуиты и капуцины, и когда протестант, чтоб спастись от собаки и кнута, объявлял, что обращается к Римской Церкви, то прежде всего должен был провозгласить, что это обращение совершенно добровольно. Императорские войска позволяли себе ужасные жестокости в Богемии: один офицер велел убить 15 женщин и 24 ребенка; отряд, состоявший из венгров, сжег семь деревень, причем все живое было истреблено, солдаты обрубили руки у младенцев и прикалывали их к своим шляпам в виде трофеев.

После сражения при Белой горе три протестантских князя продолжали борьбу с лигою: герцог Христиан Брауншвейгский, известный уже нам Ернст Мансфельд и маркграф Георг Фридрих Баден-Дурлахский. Но эти защитники протестантизма действовали точно так же, как и поборники католицизма: несчастной Германии пришлось испытывать теперь то, что незадолго перед тем испытывала Россия в смутное время и некогда испытывала Франция в свое смутное время при Карле VI и Карле VII; войска

герцога Брауншвейгского и Мансфельда состояли из сборных дружин, совершенно похожих на наши казацкие дружины смутного времени или на французских арминаков; люди разных сословий, хотевшие пожить весело на чужой счет, стекались отовсюду под знамена этих вождей, не получая от последних жалованья, жили грабежом и, как звери, свирепствовали против мирного народонаселения. Немецкие источники при описании ужасов, какие позволяли себе мансфельдовы солдаты, почти повторяют известия наших летописцев о свирепостях казацких.

Протестантские партизаны не могли устоять против Тилли, который торжествовал повсюду, и протестантская Германия обнаруживала совершенную неспособность к самозащитению. Фердинанд II объявил Фридриха V лишенным курфюршеского достоинства, которое передал Максимилиану Баварскому. Но усиление императора, усиление Австрийского дома должно было возбудить опасение в державах и заставить их поддерживать германских протестантов против Фердинанда II; при этом протестантские державы, Дания, Швеция вмешались в войну, кроме политических, и из религиозных побуждений, католическая же Франция, управляемая кардиналом Римской Церкви, стала поддерживать протестантов из чисто политических целей, чтоб не допустить Габсбургский дом до опасного для нее усиления.

Первый вмешался в войну Христиан IV, король датский. Император Фердинанд, бывший до сих пор в зависимости от лиги, торжествовавший посредством Тилли, полководца Максимилиана Баварского, теперь против датского короля выставил свое войско, своего полководца: то был знаменитый Валленштейн (Валдштейн). Валленштейн был родом чех незнатного дворянского происхождения; родившись в протестантстве, он малолетним сиротою поступил в дом к дяде католику, который обратил его в католицизм, отдал на воспитание иезуитам и потом записал в службу Габсбургам. Здесь он отличился в войне Фердинанда против Венеции, потом в богемской войне; составив себе состояние в молодости выгодным браком, он еще более разбогател скупкою конфискованных имений в Богемии после Белогорского сражения. Он предложил императору, что наберет 50 000 войска и будет содержать его, не требуя ничего от казны, если ему дадут неограниченную власть над этим войском и вознаградят из завоеванных земель. Император согласился, и Валленштейн исполнил обещание: около него действительно собралось 50 000 людей, готовых идти всюду, где была добыча. Эта огромная валленштейнова дружина довела Германию до последней степени бедствий: овладев какою-нибудь местностью, солдаты Валленштейна начинали тем, что обезоруживали жителей, потом предавались систематическому грабежу, не щадя ни церквей, ни могил; пограбивши все, что было на виду, солдаты

начинали пытать жителей, чтоб вымучить указание на скрытые сокровища, ухитрялись придумывать пытки, одну другой ужаснее; наконец ими овладевал демон разрушения: без всякой пользы для себя, из одной жажды к истреблению они жгли дома, жгли посуду, земледельческие орудия; раздевали мужчин и женщин донага и пускали на них голодных собак, которых водили с собою для этой охоты.

Датская война продолжалась от 1624 до 1629 года. Христиан IV не мог устоять против сил Валленштейна и Тилли. Гольштейн, Шлезвиг, Ютландия были запустошены; Валленштейн уже объявил датчанам, что с ними будет поступлено, как с рабами, если они не изберут Фердинанда II себе в короли. Валленштейн завоевал Силезию, выгнал герцогов Мекленбургских из их владений, которые получил в лен от императора, герцог Померанский также принужден был покинуть свои владения. Христиан IV Датский, чтоб сохранить свои владения, принужден был заключить мир (в Любеке), обязавшись не вмешиваться более в германские дела. В марте 1629 года император издал так называемый *Реституционный эдикт*, по которому католической Церкви возвращались все ее владения, захваченные протестантами после Пассавского договора; кроме лютеран аугсбургского исповедания, кальвинисты и все другие протестантские секты были исключены из религиозного мира. Реституционный эдикт был издан в угоду католической лиги; но скоро эта лига, т.е. ее вождь Максимилиан Баварский, потребовала у Фердинанда другого: когда император изъявил желание, чтоб лига для облегчения Франконии и Швабии вывела оттуда свои войска, то Максимилиан именем лиги потребовал, чтоб сам император уволил Валленштейна и распустил его войско, которое своими грабительствами и жестокостями стремится вконец опустошить империю.

Имперские князья ненавидели Валленштейна — выскочку, который из простого дворянина и предводителя огромной разбойничьей шайки сделался князем, оскорблял их своим гордым обращением и не скрывал своего намерения поставить имперских князей в такое же отношение к императору, в каком французская знать находилась к своему королю; Максимилиан Баварский называл Валленштейна «диктатором Германии». Католическое духовенство ненавидело Валленштейна за то, что он нисколько не заботился об интересах католицизма, о распространении его в областях, занятых его войском; Валленштейн позволял себе говорить: «Уже прошло сто лет, как Рим был в последний раз разграблен; теперь он должен быть гораздо богаче, чем во времена Карла V». Фердинанд II должен был уступить всеобщей ненависти против Валленштейна и отнял у него начальство над войском. Валленштейн удалился в свои богемские

имения, дожидаясь более благоприятного времени; он дождался недолго.

Франция, управляемая кардиналом Ришелье, не могла равнодушно видеть усиление Габсбургского дома. Кардинал Ришелье сначала старался противопоставить Фердинанду II сильнейшего католического князя империи, главу лиги. Он представил Максимилиану Баварскому, что интересы всех немецких князей требуют сопротивления возрастающей силе императора, что лучшее средство для поддержания германской свободы состоит в отнятии императорской короны у Австрийского дома; кардинал убеждал Максимилиана занять место Фердинанда II, стать императором, ручаясь в помощи Франции и ее союзников. Когда глава католической лиги не поддался обольщениям кардинала, последний обратился к протестантскому государю, который один хотел и мог вступить в борьбу с Габсбургами. То был шведский король Густав-Адольф, сын и преемник Карла IX.

Энергический, даровитый и отлично образованный Густав-Адольф с самого начала своего царствования вел успешные войны с соседями, и эти войны, развивая его военные способности, усилили его стремление к роли более значительной, чем та скромная роль, которую играли в Европе его предшественники. Выгодным для Швеции Столбовским миром кончил он войну с Россией и считал себя вправе объявить шведскому сенату, что опасные московитяне надолго оттолкнуты от Балтийского моря. На престоле польском сидел его двоюродный брат и смертельный враг Сигизмунд III, у которого он отнял Ливонию. Но Сигизмунд как ревностный католик был союзник Фердинанда II, следовательно, могущество последнего усиливало и польского короля и грозило Швеции большою опасностью; родственники Густава-Адольфа, герцоги Мекленбургские, были лишены своих владений, и Австрия благодаря Валленштейну утверждалась на берегах Балтийского моря. Густав-Адольф понимал основные законы европейской политической жизни и писал к своему канцлеру Оксенштирне: «Все войны европейские составляют одну громадную войну. Выгоднее перенести войну в Германию, чем потом быть принуждену защищаться в Швеции». Наконец, религиозные убеждения налагали на шведского короля обязанность предотвратить уничтожение протестантизма в Германии. Вот почему Густав-Адольф охотно принял предложение Ришелье действовать против Австрийского дома в союзе с Францией, которая между тем постаралась уладить мир между Швецией и Польшею и таким образом развязала руки у Густава-Адольфа.

В июне 1630 года Густав-Адольф высадился на берега Померании и скоро очистил эту страну от императорских войск. Религиозность и дисциплина шведского войска представляли разительную противоположность с разбойничьим характером войска лиги и императора, поэтому народ в протестантской Германии

принял очень радушно шведов; из князей протестантской Германии сторону шведов приняли герцоги Люнебургский, Веймарский, Лауенбургский и ландграф Гессен-Кассельский; но курфюрсты Бранденбургский и Саксонский очень неохотно смотрели на вступление шведов в Германию и оставались до последней крайности в бездействии, несмотря на увещания Ришелье. Кардинал советовал всем германским князьям, католикам и протестантам, воспользоваться шведскою войною, соединиться и вынудить у императора мир, который бы обеспечивал их права; если они теперь разделятся, одни станут за шведов, другие за императора, то это поведет к окончательной гибели их отечества; имея один интерес, они должны действовать сообща против общего неприятеля.

Против шведов выступил Тилли, теперь начальствовавший войсками лиги и императора вместе. Осенью 1631 года встретился он с Густавом-Адольфом у Лейпцига, потерпел поражение, потерял 7000 своего лучшего войска и отступил, давая победителю открытую дорогу на юг. Весною 1632 года произошла вторая встреча Густава-Адольфа с Тилли, который укрепился при впадении Леха в Дунай. Тилли не мог защитить переправы чрез Лех и получил рану, от которой скоро умер. Густав-Адольф занял Мюнхен, между тем как саксонские войска вступили в Богемию и овладели Прагою. В такой крайности император Фердинанд II обратился к Валленштейну. Тот заставил долго себя упрашивать, наконец согласился снова создать войско и спасти Австрию с условием неограниченного распоряжения и богатых земельных вознаграждений. Как скоро разнеслась весть, что герцог Фридрихландский (титул Валленштейна) снова начал свою деятельность, то со всех сторон устремились к нему искатели добычи. Вытеснив саксонцев из Богемии, Валленштейн двинулся к границам Баварии, укрепился недалеко от Нюрнберга, отбил нападение шведов на свой лагерь и бросился в Саксонию, по-прежнему как саранча опустошая все на своем пути. Густав-Адольф поспешил за ним для спасения Саксонии. 6 ноября 1632 года произошла битва при Лютцене: шведы победили, но потеряли своего короля.

Поведение Густава-Адольфа в Германии после Лейпцигской победы возбудило подозрение, что он хочет утвердиться в этой стране и получить императорское достоинство: так, он в некоторых местностях приказывал жителям присягать ему на верность, не возвратил Пфальца прежнему его курфюрсту Фридриху, уговаривал немецких князей вступить в шведскую службу; говорил, что он не наемник, одними деньгами удовлетворяться не может, что протестантская Германия должна отделиться от католической под особым главою, что устройство Германской империи устарело, что империя—это ветхое здание, годное для крыс и мышей, а не для человека.

Усиление шведов в Германии особенно встревожило кардинала Ришелье, который в интересах Франции не хотел, чтоб в Германии был сильный император, католический или протестантский. Франция хотела воспользоваться настоящею смутою в Германии для увеличения своих владений и дала знать Густаву-Адольфу, что хочет возвратить себе наследие королей франкских; на это шведский король отвечал, что он пришел в Германию не как враг или изменник, но как покровитель, и потому не может согласиться, чтобы хоть одна деревня была у нее отнята; он не хотел также позволить, чтоб французская армия вступила на германскую почву. Вот почему Ришелье сильно обрадовался смерти Густава-Адольфа и записал в своих мемуарах, что эта смерть избавила христианство от многих зол. Но под христианством должно разуметь здесь Францию, которая действительно много выиграла от смерти шведского короля, получивши возможность непосредственнее вмешиваться в дела Германии и почитать от нее побольше одной деревни.

По смерти Густава-Адольфа правление Швеции за малолетством единственной дочери его и наследницы Христины перешло к государственному совету, который решился продолжать войну в Германии и поручил ее ведение знаменитому государственному умом канцлеру Акселю Оксенштирне. Сильнейшие протестантские государи Германии, курфюрсты Саксонский и Бранденбургский, уклонялись от шведского союза; Оксенштирне удалось заключить союз в Гейльбронне (в апреле 1633 года) только с протестантскими чинами Франконии, Швабии, Верхнего и Нижнего Рейна. Немцы внушили Оксенштирне не очень выгодное о себе мнение. «Вместо того, чтобы заниматься своими делами, они только пьянствуют»,—говорил он одному французскому дипломату. Ришелье в своих записках говорит о немцах, что они за деньги готовы изменить самым священным своим обязательствам. Оксенштирна был назначен директором Гейльброннского союза; начальство над войском было поручено принцу Бернгарду Саксен-Веймарскому и шведскому генералу Горну; Франция помогала деньгами.

Между тем Валленштейн после Лютценской битвы стал оказывать гораздо меньше энергии и предприимчивости, чем прежде. Долго оставался он в бездействии в Богемии, потом пошел в Силезию и Лузанию и после незначительных битв заключил перемирие с врагами и вошел в переговоры с курфюрстами Саксонским, Бранденбургским и Оксенштирною; переговоры эти велись без ведома венского двора и возбуждали здесь сильное подозрение. Он освободил из плена графа Турна, непримиримого врага Габсбургского дома, и вместо того, чтобы выгонять шведов из Баварии, опять засел в Богемии, которая страшно терпела от его войска. По всему было видно, что он искал гибели неприми-

римого врага своего, Максимилиана Баварского, и, зная происки врагов своих, хотел этим обеспечить себя от вторичного падения. Многочисленные противники его и завистники распустили слухи, что он хочет с помощью шведов стать независимым королем богемским. Император поверил этим внушениям и решился освободиться от Валленштейна.

Трое значительнейших генералов в войске герцога Фридрихского составили заговор против своего главнокомандующего, и Валленштейн был убит в начале 1634 года в Егере. Так погиб знаменитейший атаман сбродной шайки, каких, к счастью Европы, уже не являлось в ней после Тридцатилетней войны. Война, особенно в начале, носила религиозный характер; но солдаты Тилли и Валленштейна свирепствовали вовсе не из религиозного фанатизма: они истребляли одинаково и католиков, и протестантов, и своих, и чужих. Валленштейн был полным представителем своих солдат, был равнодушен к вере, но зато верил в звезды, усердно занимался астрологиею.

После смерти Валленштейна главное начальство над императорским войском принял сын императора Фердинанд. Осенью 1634 года императорские войска соединились с баварскими и разбили наголову шведов у Нёрдлингена, Горн попался в плен. Курфюрст Саксонский заключил с императором отдельный мир в Праге, его примеру последовал Бранденбург и другие немецкие князья; в шведском союзе остались только Гессен-Кассель, Баден и Виртемберг. Ослаблением шведов после Нёрдлингенской битвы воспользовалась Франция, чтобы явно вмешаться в дела Германии, восстановить равновесие между борющимися сторонами и получить за это богатое вознаграждение. Бернгард Саксен-Веймарский после Нёрдлингенского поражения обратился к Франции с просьбою о помощи; Ришелье заключил с ним договор, по которому войско Бернгарда должно было содержаться за счет Франции; Оксенштирна отправился в Париж и получил обещание, что сильный французский корпус будет действовать заодно с шведами против императора; наконец, Ришелье заключил союз с Голландиею против испанцев, союзников императора.

В 1636 году военное счастье опять перешло на сторону шведов, которыми начальствовал генерал Банер. Бернгард Саксен-Веймарский также счастливо воевал на Верхнем Рейне. Он умер в 1639 году, и его смертью воспользовались французы: они овладели Эльзасом, который прежде обещали Бернгарду, и войско его взяли себе как наемное. Французское войско явилось в Южной Германии, чтоб действовать здесь против австрийцев и баварцев. С другой стороны, французы действовали в испанских Нидерландах: молодой принц Конде начал свое блистательное поприще победою над испанцами при Рокруа. Между тем

в феврале 1637 года умер император Фердинанд II, и при сыне его, Фердинанде III, в 1643 году начались мирные переговоры в Вестфалии: в Оснабрюке между императором и католиками — с одной стороны, и между шведами и протестантами — с другой; в Мюнстере — между Германиею и Франциею. Последняя тогда была могущественнее всех государств Европы, и ее притязания возбуждали справедливые опасения. Французское правительство не скрывало своих замыслов: по мысли Ришелье написаны были два сочинения (Дюпюи и Кассаном), где доказывались права королей французских на различные королевства, герцогства, графства, города и страны; выходило, что Кастилия, Арагония, Каталония, Наварра, Португалия, Неаполь, Милан, Генуя, Нидерланды, Англия должны принадлежать Франции; достоинство императорское принадлежит французским королям как наследникам Карла Великого. Сочинители дошли до смешного, но сам Ришелье, не требуя Португалии и Англии, толковал Людовику XIII об «естественных границах» Франции. «Не надобно,— говорил он,— подражать испанцам, которые всегда стараются распространять свои владения; Франция должна думать только о том, как бы укрепляться в самой себе, надобно утвердиться в Мене и дойти до Стразбурга, но при этом надобно действовать медленно и осторожно; можно думать также о Наварре и Франш-Конте». Перед смертью кардинал говорил: «Целью моего министерства было возвратить Галлии ее древние границы, назначенные ей природою, сравнять новую Галлию во всем с древнею». Неудивительно поэтому, что во время вестфальских переговоров испанские дипломаты начали заискивать у голландских, решились даже сказать последним, что голландцы вели против Испании войну справедливую, ибо защищали свою свободу; но крайне неблагоразумно было бы с их стороны помочь Франции усилиться в их соседстве. Испанские дипломаты обещали двоим голландским уполномоченным 200 000 талеров; король французский писал своим уполномоченным, нельзя ли склонить голландцев на свою сторону каким-нибудь подарком.

В октябре 1648 года переговоры кончились. Франция получила австрийскую часть Эльзаса, Зундгау, Брейзах с сохранением для имперских городов и владельцев их прежних отношений к империи. Швеция получила большую часть Померании, остров Рюген, город Висмар, епископства Бремен и Верден также с сохранением их прежних отношений к Германии. Бранденбург получил часть Померании и несколько епископств; Саксония — земли лужицей (Лаузиц); Бавария — Верхний Пфальц и удержала курфюршеское достоинство для своего герцога; Нижний Пфальц с вновь учрежденным осьмым курфюршеским достоинством отдан сыну несчастного Фридриха. Швейцария и Нидерланды были признаны самостоятельными государствами. Относительно Гер-

мании было постановлено, что власть законодательная в империи, право взимать подати, объявлять войну и заключать мир принадлежит сейму, состоящему из императора и членов империи; князья получили верховную власть в своих владениях с правом заключать союзы между собою и с другими государствами, только не против императора и империи. Имперский суд, решавший споры чинов друг с другом и с подданными их, должен был состоять из судей обоих исповеданий; на сеймах имперские города получили равное право голоса с князьями. Католикам, лютеранам и кальвинистам предоставлена полная свобода религиозная, богослужебная и равенство политических прав.

Следствия Тридцатилетней войны были важны для Германии и для целой Европы. В Германии власть императорская поникла окончательно, и единство страны осталось только по имени. Империя представляла пеструю смесь разнородных владений, имевших между собою самую слабую связь. Каждый князь управлял самостоятельно в своем владении; но так как империя все еще существовала по имени, так как существовала по имени общая власть, которая обязана была заботиться о благе империи, и между тем не было никакой силы, которая бы могла заставить содействовать этой общей власти, то князья считали себя вправе отложить всякое попечение о делах общего отечества и отучились принимать к сердцу его интересы; их взгляды, их чувства обмельчали, отдельно действовать они не могли по бессилию, ничтожности средств своих и отвыкли окончательно от всякого общего действия, не будучи к нему очень привычны и прежде, как мы видели; вследствие этого они должны были преклоняться пред всякою силою. Так как они потеряли сознание высших правительственных интересов, то единственная цель их стремлений состояла в том, чтоб кормиться на счет своих владений и кормиться как можно сытнее; для этого после Тридцатилетней войны они имели полную возможность: во время войны они привыкли собирать подати без спросу с чинами; эту привычку они не оставили и после войны. тем более что страшно опустошенная страна, требовавшая продолжительного отдыха, не могла выставить сил, с которыми бы надобно было считаться, во время войны князья устроили себе войско, оно осталось у них и после войны, усиливая их власть. Так исчезало ограничение княжеской власти чинами, существовавшее прежде, и утверждалась неограниченная власть князей с бюрократиею, что не могло приносить пользы в маленьких владениях, особенно по означенному выше характеру, принятому князьями

Вообще же в Германии развитие материальное и духовное было остановлено на известное время страшным опустошением, произведенным шайками Тилли, Валленштейна и шведскими войсками, которые по смерти Густава-Адольфа стали также

отличаться грабежами и жестокостями, каких наши казаки не придумывали в смутное время: вливание несчастным в горло самых отвратительных нечистот слыло под именем шведского напитка. Германия, особенно на юге и западе, представляла пустыню. В Аугсбурге из 80 000 жителей осталось 18 000, во Франкентале из 18 000 — только 324, в Пфальце осталась только пятидесятая часть всего народонаселения. В Гессене сожжено было 17 городов, 47 замков и 400 деревень.

Относительно целой Европы Тридцатилетняя война, ослабив Габсбургский дом, раздробив и обессилив окончательно Германию, тем самым подняла Францию, сделала ее первенствующей державою в Европе. Следствием Тридцатилетней войны было также и то, что Северная Европа в лице Швеции приняла деятельное участие в судьбе остальных государств и явилась важным членом европейской системы. Наконец, Тридцатилетняя война была последнею религиозною войною; Вестфальский мир, провозгласив равенство трех исповеданий, положил конец религиозной борьбе, порожденной Реформациею. Господство светских интересов над духовными очень заметно во время Вестфальского мира: духовные владения во множестве отнимаются у Церкви, *секуляризуются*, переходят к светским протестантским владетелям; говорили, что в Мюнстере и Оснабрюке дипломаты играли епископствами и аббатствами, как дети играют орехами и бабками. Папа протестовал против мира, но на его протест никто не обратил внимания.

Х. СЕВЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА ДО КОНЦА XVII ВЕКА

В то время как Швеция поднялась так высоко благодаря Густаву-Адольфу и генералам, образовавшимся в его школе, Дания поникла в такой же мере.

Христиан IV имел неосторожность поссориться с Швециею; шведский генерал Торстензон, уже знаменитый успехами своими над австрийскими войсками, обратился против Дании, занял Голштейн и Шлезвиг и принудил Христиана IV к миру. По этому миру, заключенному в Брёмзebro в 1645 году, Дания лишилась островов Эзеля, Готланда, нескольких других земель и принуждена была отказаться от права взимать Зундскую пошлину с шведских подданных. Эти неудачи приписывались тому, что аристократия, забрав всю власть в свои руки, мало обращала внимания на государственные интересы. Королевская власть ограничивалась все более и более: сперва король имел право при замещении должности государственного советника выбирать из двух кандидатов, представленных дворянством; но теперь не король, а государственный совет избирал из нескольких кан-

дидатов, представленных дворянством той провинции, откуда родом был последний государственный советник. Король не мог сам собою назначать на высшие правительственные должности, а выбирал из трех кандидатов, представленных государственным советом; король не мог выехать из государства без позволения государственного совета; наконец, ему было запрещено изменять или останавливать решения государственного совета.

На таких-то условиях по смерти Христиана IV был избран ему в преемники сын его Фридрих III. При этом государе произошел переворот, отнявший прежнее значение у аристократии и отдавший неограниченную власть в руки королевские. Возможность этого переворота для Дании заключалась в постепенном развитии в ней довольно сильного и богатого торгового сословия, что зависело от приморского положения страны. Вследствие новой изнурительной войны со шведами финансы датские находились в самом печальном положении, и для их поправления нужно было приступить к коренным преобразованиям. Дворянство пользовалось исключительным правом брать на аренду государственные земли, и, как оно пользовалось этим правом, видно из того, что при Христиане IV арендная сумма простиралась до 35 000 талеров, а при Фридрихе III — только до 10 000. Крепостные крестьяне дворян платили только своим господам и были освобождены от всяких податей и пошлин. Во время шведской войны при защите Копенгагена, осажденного неприятелем, дворянство не показало большого усердия, тогда как горожане копенгагенские с своим бургомистром Нанзеном были главными помощниками короля в трудную и опасную годину. Они выдвинулись таким образом на первый план, образовали собственное войско, что и дало им возможность произвести переворот в пользу короля, заслужившего своим поведением и характером сильную народную любовь.

В сентябре 1660 года собрались государственные чины для совещания о мерах поправить финансовое положение страны. Низшие сословия подали королю проект улучшения финансов, в котором требовали, чтоб коронные земли и другие доходные статьи отдавались вперед в аренду не одним дворянам, но всякому, кто больше даст, и потом, чтоб с крестьян, живущих на коронных землях, брать оброк, а не принуждать их к барщине. Дворянство было сильно раздражено этими требованиями; оно возражало, что исключительное право пользоваться коронными землями утверждено за ним условиями королевского избрания; депутаты городского сословия не уступали и были очень оскорблены грубыми выходками камергера Крага против бургомистра Нанзена. Так как дворянство основывало свои права на условиях королевского избрания, то низшие сословия, естественно, пришли к мысли переменить избирательный образ правления

в наследственный, причем прежняя аристократическая конституция страны рушилась сама собою и чинам нужно было подумать о новом устройстве. После горячих споров пришли к тому заключению, что король должен быть освобожден от присяги, данной им при избрании, и условия этого избрания должны быть уничтожены.

В октябре условия были торжественно истреблены, и датчане присягнули Фридриху III как наследственному королю; государственный совет был уничтожен, и король получил неограниченную власть, причем учреждено постоянное войско. Новое устройство было утверждено преимущественно деятельностью Шумахера (графа Грейффенфельда), бывшего министром при Фридрихе III и сыне его, Христиане V (вступившем на престол в 1670 году). Для окончательного ослабления дворянства Шумахер ввел разделение его на высшее и низшее, ввел графский и баронский титулы, которые раздавались королем, учрежден был также орден Данеброга; для получения титулов и ордена дворянство должно было обратиться ко двору, искать королевской милости. Шумахер кончил дурно: сверженный своими противниками, он должен был выдержать продолжительное заключение в Норвегии.

В Швеции, как мы видели, Густаву-Адольфу наследовала дочь его Христина, странное существо, полуженщина и полумужчина: с большими претензиями и без всяких существенных достоинств: нигде она не была на своем месте и всего меньше — на престоле. Мы видели, как благодаря Густаву-Адольфу, полководцам, образовавшимся в его школе, и канцлеру Оксенштирне Швеция получила важное значение в системе европейских государств. Но это значение ей было тяжело поддерживать по бедности страны, по малочисленности народонаселения; против желания Германии утвердившись на ее почве, увеличивши свои владения завоеваниями на счет соседей — датчан, поляков и русских и приобретши в них чрез это врагов, искавших первого случая возвратить потерянное, Швеция могла сохранить свое положение только войною, а для войны нужны были деньги, следовательно, нужна была строгая экономия. Но Христина отличалась расточительностью. Обладая сама большою ученостию, Христина была окружена учеными и художниками, но это окружение служило только умственному наслаждению, духовной роскоши ученой королевы, а не содействовало развитию науки и искусства среди шведов. Христина раздаривала государственные имущества своим придворным, ее любимцы жили в изобилии, а сама она нуждалась в деньгах, часто не имела чем заплатить жалованье прислуге. Наконец Христине наскучило царствовать, и в 1654 году она отказалась от престола, приняла католицизм и умерла в Риме (1689) в большой нужде, потому что и в частной жизни была так же расточительна, как на престоле.

Христина назначила себе преемником двоюродного брата (племянника Густава-Адольфа от сестры) Карла-Густава, принца Пфальц-Цвейбрюкен-Клеебургского, который и вступил на престол под именем Карла X. Новый король, обладавший военными способностями, развитыми в Тридцатилетней войне под шведскими знаменами, провел свое царствование в непрерывной войне по страсти и по расчету, ибо выгоднее было ему жить войною за чужой счет, чем объявить себя банкротом: до того дошло расстройство финансов в Швеции! Польский король Ян-Казимир доставил Карлу X предлог к начатию войны, потому что в качестве единственного потомка дома Вазы по мужеской линии протестовал против незаконного занятия шведского престола потомком Вазы по женской линии.

Летом 1656 года Карл провел свое двадцатитысячное войско из шведской Померании в Польшу чрез бранденбургские владения, не обращая внимания, что такое нарушение народного права возбудило всеобщее негодование в Европе. При шведском войске находился поссорившийся с своим королем польский вице-канцлер Радзиевский, у которого была в Польше сильная партия; двое друзей его очистили перед неприятелем дорогу, которую должны были защищать, и шведы беспрепятственно заняли Познань и Калиш; осенью они овладели обеими столицами, Варшавою и Краковом; Ян-Казимир должен был оставить Польшу и укрылся в Силезию под защиту императора Фердинанда III; Карл мог считать себя владыкою всей Польши; вельможи, войско перешли на его сторону, об Яне-Казимире забыли.

Курфюрстом Бранденбургским в это время был Фридрих-Вильгельм, обыкновенно называемый *великим курфюрстом*, потому что он положил начало усилению своего государства. Как владетель Пруссии (Восточной), он находился в вассальных отношениях к Польше, и эти отношения были для него очень тяжелы; так, он должен был ехать в Варшаву и там принести присягу в верности королю, причем обязался запретить в Пруссии публичное отправление богослужения собственным единоверцам, кальвинистам, обязался раздавать должности только католикам и лютеранам; кроме того, курфюрст должен был уплачивать Польше значительные суммы денег. Чтоб иметь возможность усилиться и со временем освободиться от тяжелых вассальных отношений к Польше, великий курфюрст обратил все внимание на улучшение финансов страны, которые дали ему возможность завести постоянное войско. Во время разрыва у Швеции с Польшею войско Фридриха-Вильгельма простиралось до 26 000 человек, что давало курфюрсту важное значение в глазах обеих воюющих держав.

В начале 1656 года Фридрих-Вильгельм заключил договор с шведским королем и стал к нему в вассальные отношения по

Пруссии на том основании, что Польша не может исполнить в отношении к нему своих обязанностей защищать его как вассала. Но между тем поляки, выведенные из терпения грабительством шведов и презрением их к католической религии, вспомнили о Яне-Казимире и начали подниматься против шведов за своего короля и религию. Карл X, где встречался с врагами, там побеждал; но ему трудно было с своим небольшим войском держаться в стране, где скоро все народонаселение было против него. Шведское войско было измучено быстрыми походами и страдало от недостатка в съестных припасах, много его погибло от голода и холода и было побито крестьянами. В таких обстоятельствах Карл X счел за нужное теснее сблизиться с курфюрстом Бранденбургским и в июле 1656 года заключил с ним договор в Мариенбурге, по которому за помощь войском обещал уступить ему из польских владений большую часть воеводств Познаньского и Калишского и другие земли; таким образом, Швеция и Бранденбург впервые договорились о разделе Польши. Но на этот раз до раздела не дошло.

Ян-Казимир успел собрать большое войско, осадил Варшаву и принудил к сдаче шведский гарнизон; Данциг, подкрепленный голландцами, не сдавался шведам, император готов был объявить войну последним. Карл X и курфюрст Бранденбургский, соединив свои силы, двинулись к Варшаве, близ которой ждал их Ян-Казимир с 40 000 войска; у союзников было вдвое меньше, и потому шведский король счел благоразумным предложить польскому королю мирные переговоры; но Ян-Казимир, надеясь на многочисленность своего войска, отверг предложение; следствием этого было сражение, возобновлявшееся три дня сряду (от 27 до 30 июля 1656 года); наконец Ян-Казимир должен был отступить к Люблину, отдавши Варшаву на разграбление шведам и бранденбургцам. Но эта победа не могла поправить положения шведского короля в Польше, ибо, где его не было, там шведские отряды терпели поражение; на курфюрста Бранденбургского нельзя было полагаться: он помогал недействительно и вел подозрительные переговоры с поляками, датчанами и императором; кроме того, русский царь Алексей Михайлович, который, имея виды на Польшу, не хотел уступать ее Швеции, объявил войну последней.

В этих затруднительных обстоятельствах Карл X хотел прежде всего привязать к себе курфюрста Бранденбургского и по договору с ним в Лабиау (конец 1656 года) освободил его от всякой ленной зависимости, вследствие чего Фридрих-Вильгельм стал самостоятельным герцогом Пруссим. Но и этот договор не мог поправить положения шведского короля в Польше, так что Карл X был рад, когда датчане объявили ему войну и таким образом дали ему благовидный предлог отозвать свое войско из Польши, где оно исчезало в неравной и бесконечной борьбе.

Датчане, объявляя войну Швеции, надеялись воспользоваться затруднительным положением Карла X и отобрать у него то, что было уступлено Швеции по миру в Брёмзебро, но обманулись в своей надежде. В то время как датский король ждал шведов с моря, шведские войска летом 1657 года вторгнулись из Гольштинии в Ютландию и без труда завоевали ее; в феврале 1658 года сам Карл X перевел свое войско на остров Зеландию.

Но, как скоро шведы вследствие датской войны очистили Польшу, курфюрст Бранденбургский, видя слабость прежнего союзника, перешел на сторону Польши и Дании; благодаря посредничеству императора и Польша по договору в Велау признала независимость Фридриха-Вильгельма как герцога Прусского. Карл X, угрожаемый со всех сторон врагами, заключил для виду мир с Даниею в Рёскильде (конец февраля 1658 года), но не вывел своих войск из датских владений и в том же году объявил снова войну. Копенгаген был осажден, но отлично защищался: король Фридрих III, сын его Христиан и горожане не знали покоя ни днем, ни ночью; а между тем голландский флот подоспел к ним на помощь. Голландцы могли бы истребить шведский флот, но удержались, потому что им было выгодно держать морские силы прибалтийских государств в равновесии; если они теперь вооружились против Швеции, то именно для того только, чтоб не дать ей господства на северных морях.

В феврале 1659 года Карл X решился штурмовать Копенгаген; но штурм был отбит благодаря помощи, которую оказали осажденным голландцы, которых корабли обмерзли в Копенгагенской гавани, и матросы сошли с них, чтоб биться с шведами. Сильное участие голландцев в войне и выгоды, которые они могли получить от этого, возбудили зависть в англичанах и французах. Англия, Франция и Голландия соединились в 1659 году, чтоб заставить шведов и датчан помириться. С другой стороны, на помощь Дании явились императорские и польские войска; знаменитый голландский адмирал Рюйтер перевез их вместе с датскими войсками на остров Фионию, где в ноябре 1659 года союзники, пользуясь своею многочисленностию, истребили шведский корпус, состоявший из отборных солдат Карла X.

Неудачи заставили Карла X согласиться на мир, предложенный Франциею, Англиею и Голландиею. Мир заключен был в Оливе, недалеко от Данцига, в мае 1660 года между Швециею, Польшею и Бранденбургом: все завоеванное друг у друга было возвращено, Польша отказалась от своих притязаний на Лифляндию, и король польский — от своих прав на шведский престол; немного спустя заключен был мир в Копенгагене между Швециею и Даниею, по которому Швеция приобрела датские провинции Шоонен, Голланд и Блекинген, но возвратила Дании полученные

по Рёскильдскому миру норвежскую провинцию Дронтгейм и остров Борнгольм. Карл X не дождался заключения этих мир-ов: он умер в феврале 1660 года. Ему наследовал сын его, Карл IX, за малолетством которого управляла Швециею мать его и четверо высших сановников королевства. Королева-мать по характеру своему не могла иметь никакого значения, и правление находилось в руках четырех олигархов, которые вместе с своими родственниками и креатурами пользовались государственным имуществом и доходами и наделали множество долгов. Обстоятельства, следовательно, были те же самые, какие мы видели в Дании, и повели к подобным же результатам, причем, разумеется, пример Дании не остался без влияния на Швецию. В 1680 году духовенство, крестьяне, а потом и горожане потребовали *редукции*, т. е. отобрания у дворянства государственных имуществ, которыми оно завладело в прежние времена; эти сословия имели поддержку в короле, который отличался умом, энергиею, твердым и даже жестким характером; войско было ему предано. В декабре 1680 года сейм объявил, что король в своих правительственных мерах не отдает никому отчета; власть его была ограничена только тем, что без согласия сейма он не мог объявлять войну, заключать мир и налагать подати. Таким образом, Швеция стала управляться одним королем, а не королем и государственным советом, как прежде. Сейм 1682 года объявил, что король может и не созывать чины, и если созовет для совета, то в этом окажется его милость.

Карл XI назначил комиссию для редукции. Комиссия начала с 1632 года: все отчужденные с этого года государственные имущества были возвращены короне, и так как дело было исполнено без малейшего снисхождения, то следствием было обеднение богатейших и знатнейших фамилий; досталось не единому дворянству: по предложению крестьянского сословия на сейме духовенство должно было платить подать; сословия действовали друг против друга и тем усиливали власть короля. Карл XI не довольствовался редукциею: он уменьшил внутреннюю ценность монеты; тем, которые дали казне займы деньги за 8 процентов, платил только 5 процентов; уменьшил жалованье служащим; но при этом надобно заметить, что король употреблял такие средства единственно для поправления государственных финансов, соблюдал крайнюю бережливость в отношении к себе и своему семейству. Зная, что Швеция, окруженная со всех сторон врагами, может только войною или готовностью к ней поддержать свое значение, Карл XI употребил собранные деньги преимущественно на устройство войска; это войско было национальное, а не наемное, как у других государств; кроме сухопутного войска Карл XI воссоздал флот и устроил для него Карлскронскую гавань.

Между тем в Дании король Христиан V воспользовался сосредоточением власти в своих руках для расширения своих владений. Обеспечив себя против Швеции и Германии союзом с могущественною Франциею, он начал теснить Голштейн-Готторпский дом, брать себе доход с его владений, препятствовать укреплению города Тённингена. Герцог Голштинский должен был бежать в Гамбург, и Христиан V овладел Шлезвигом. Христиану хотелось также овладеть Гамбургом, но курфюрст Бранденбургский и король шведский помешали ему в этом. Бранденбург, Швеция, Брауншвейг, Англия и Голландия вступились за герцога Голштинского и заставили Христиана V возвратить ему Шлезвиг.

XI. ПОЛЬША ДО КОНЦА XVII ВЕКА

В начале польской истории, именно до принятия христианства, мы встречаем ряд мифов, которые мы не можем оставить без внимания. В этих мифах отражается, с одной стороны, борьба внешняя, с другой — внутренняя. Внешняя борьба — это борьба поляков с немцами, которые теснят западных славян, стараются подчинить их себе, уничтожить их народность, онемечить их. Поляки выставляют сопротивление опасным соседям, мифическая польская княжна Ванда отказывает в руке немцу. Но вместе с внешнею борьбою мифы указывают борьбу внутреннюю: в них выставляются два князя — Попел I и Попел II — как лица, враждебные народу, враждебные началам его быта; народ земледельческий живет под формами родового быта; как у всех славян, так и у поляков члены рода не делятся, но составляют одно; единство рода поддерживается тем, что власть переходит к старшему в целом роде, дядя имеет преимущество перед племянником. Попел I идет против господствующего в народе взгляда, хочет ввести чужой немецкий обычай; он подчиняет сыну своему, Попелу II, его дядей, своих младших братьев.

Попел II идет по следам отцовским: он не имеет народной добродетели, не отличается гостеприимством, прогоняет от себя двоих странников, которые находят гостеприимство у сельчанина Пяста и пророчат его сыну Земовиту престол. Попел хочет отделаться от своих дядей злодейством: созывает их к себе и отравляет; это он делает по совету жены своей, Немуи. Но злодейство наказывается страшным образом: из трупов дядей рождается огромное количество мышей, которые пожирают Попела со всем семейством, и народ выбирает в короли Пяста. Этот миф ясно указывает на противодействие народной массы, сельского населения новизнам, которые вводились по чужеземному немецкому образцу князьями, вождями завоевательных дружин, ибо отец, Попел I, выставляется завоевателем. Миф этот имеет

в наших глазах значение и потому, что явления, им указанные, повторяются впоследствии, во времена исторические.

Достоверная польская история начинается с принятия христианства князем Мечиславом. Мечислав женился на христианке, чешской княжне Домбровке, которая и уговорила мужа креститься. Пример князя действовал, христианство распространилось повсюду в Польше, но поверхностно, не пустило глубоких корней, особенно в низших слоях народонаселения. Подле этого явления видим другое: Мечислав — вассал немецкого императора, и немцы не иначе называют его, как графом только. С восшествием на престол сына Мечислава, Болеслава I Храброго, Польша начинает сильно подниматься: Болеслав, выгнав братьев, стремится подчинить себе Богемию и Русь; ни то, ни другое не удается, но Болеслав выходит из борьбы с богатыми завоеваниями, приобретает от чехов Моравию и Силезию, покоряет также Померанию. Немцы не могут смотреть равнодушно, что сын их вассала стремится стать могущественным и опасным для них государем, основать подле них Славянскую империю, и потому усиленно действуют против Болеслава, мешают его замыслам в Богемии; император Генрих II и непосредственно ведет войну с королем польским, но неудачно.

Царствование Болеслава, его блестящая и обширная военная деятельность, завоевания имели могущественное влияние на внутренний быт Польши: из многочисленных сподвижников, из обширной дружины воинственного короля образовалось сильное высшее сословие, которое владеет землею, занимает правительственные должности, сидит в городах, построенных королем, управляет областями. Государство земледельческое, промышленность и торговля развиты чрезвычайно слабо; нет богатого промышленного сословия, которое бы уравновешивало значение сословия военного или землевладельческого. При Болеславе власть королевская была сильна и сдерживала вельмож благодаря личным достоинствам короля; но если пойдут короли, не похожие на Храброго, то что сдержит их?

Так и случилось. Преемником Болеслава Храброго был Мечислав II, вовсе не похожий на отца. С понижением королевского значения поднимается значение вельмож, а тут еще новые благоприятные для них обстоятельства. Мечислав скоро умирает, оставив малолетнего сына Казимира под опекою матери, немки Риксы. Рикса окружает себя немцами и презирает поляков; польские вельможи сильны и не хотят сносить это презрение, не хотят и делиться с немцами в управлении родною страной. Рикса была выгнана с сыном в Германию. Вельможи овладели верховною властью, но, перессорившись, не могли удержать ее в своих руках; произошла анархия и страшная смута: простонародье поднялось против шляхты, язычество прикрытое, но не исчезну-

внее, поднялось против христианства или, лучше сказать, против духовенства, тяжелого для народа своими поборами; поселянин стремился избавиться от двоих притеснителей, хотевших жить на счет его труда, от пана и ксендза; внешние враги воспользовались смутою в Польше и поднялись против нее, начали ее обрывать. Тогда единственным средством спасения было признано восстановление королевской власти.

Казимир был призван из-за границы на престол отцовский и дедовский. При Казимире Реставраторе (Восстановителе) смута утихла, чехи были сдержаны в своих враждебных замыслах, христианство укреплено. Преемник Казимира, Болеслав II Смелый, был похож на Болеслава Храброго и воинскими подвигами успел поднять значение Польши между соседями, но не мог поднять внутри значения королевской власти: обстоятельства были не те, какие при Болеславе I, аристократия была сильна, и Болеслав II имел еще неосторожность столкнуться с другим могущественным сословием, духовенством, которое примкнуло к вельможам и еще более усилило последних. Краковский епископ Станислав публично порицал поведение короля, Смелый не удержался в гневе и убил епископа. Следствием было изгнание Болеслава, место которого заступил брат его, Владислав-Герман.

Изгнание Смелого было самым благоприятным обстоятельством для усиления власти вельмож, потому что Владислав-Герман был государь неспособный; по смерти его идут усобицы между сыновьями его: законным, Болеславом III Кривоустым, и незаконным, Збигневом; наконец Збигнев был убит, но Болеслав Кривоустый разделил Польшу между четырьмя сыновьями в 1139 году, вследствие чего в Польше между князьями начинаются такие же родовые отношения и усобицы, какие были на Руси со смерти Ярослава I (1054). Но разница в том, что на Руси эти отношения и усобицы начались очень рано, когда еще вельможи не успели усилиться в качестве областных начальников, и князья, сильно размножившись, заняли все значительные города и волости и тем самым положили препятствие усилению вельможества, его самостоятельности; тогда как в Польше со времен Болеслава Храброго мы видим благоприятные обстоятельства для усиления значения вельмож, причем продолжается единовластие, и вельможи управляют областями. А теперь уже в 1139 году, когда власть вельмож чрезвычайно усилилась, прекращается единовластие, начинаются усобицы между князьями, и этими усобицами сильные вельможи пользуются для большего еще усиления своей власти.

Значение вельмож обнаружилось немедленно. Старший сын Кривоустого, Владислав II, под влиянием жены своей, немки Агнессы, хочет восстановить единовластие, прогнать братьев, усилить свою власть; но вельможи и прелаты не желают этого

усиления, принимают сторону младших братьев и выгоняют самого Владислава II; потом изгоняют энергического и потому опасного для них Мечислава III. Таким образом, после Болеслава Храброго мы видим в Польше изгнание четырех государей. Сенат ограничивает совершенно власть государя, который не может ни издать нового закона, ни начать войны, ни дать грамоту на что-нибудь, ни окончательно решить судебного дела. А между тем внешние враги пользуются печальным положением Польши, усобицами ее князей, спорами их с вельможами и прелатами. Польша имела опасных соседей в пруссах, диком литовском племени; доведенные до отчаяния опустошительными набегами пруссов, польские Мазовецкие князья призывают на помощь немцев, именно рыцарей немецкого, или тевтонского, ордена, уступивши им место для поселения. Немецкие рыцари действительно прекращают прусские набеги, мало того, покоряют Пруссию, часть жителей истребляют, часть заставляют бежать в леса, обитаемые единоплеменной литвою, остальных насильно крестят и немечат. Но, утвердившись в Пруссии, немецкий орден в свою очередь становится опасным врагом Польши.

Опасность от немцев для Польши не ограничилась одним немецким орденом. Польские князья в своих усобицах и спорах с вельможами и прелатами, имея надобность в деньгах, занимают их у немцев, отдают им в заклад земли, которые потом остаются у займодавцев, потому что должники не в состоянии их выкупить; так, много польских земель перешло к маркграфам Бранденбургским. Аббаты польских монастырей, родом немцы, населяют монастырские земли своими немцами; при неразвитости между поляками промышленности и торговли немецкие промышленники и купцы наполняют польские города и вводят туда свое немецкое управление (Магдебургское право); польские князья окружают себя немцами, не иначе говорят, как по-немецки, вельможи подражают им, чтоб отличиться от толпы; употребление немецкого языка повсеместно в Силезии и в больших городах: Кракове, Познани.

После долгих внутренних смут и борьбы со внешними врагами одному из князей польских, Владиславу Локетку (Короткому), удалось соединить большую часть польских областей в одно королевство. Чтобы уравновесить власть сената, Локетек в 1331 году созвал первый сейм в Хенцинах, но он мог вельможеству противопоставить только массу вооруженного сословия, шляхту, которая дала сейму характер веча, казацкого круга, начала стремиться к военной казацкой демократии, не дала королю никакой поддержки. Городское сословие, вобравшее в себя много иноземных элементов, оказалось слабым, неспособным уравновешивать власть вельможества и шляхты и давать опору власти королевской; поселяне рабствовали своим землевладель-

цам, и, таким образом, дальнейшая судьба Польши находилась в руках шляхты.

Владислав Локетек оставил престол сыну своему Казимиру, прозванному Великим; но издание уложения или статута (Вислицкого) и основание Краковского университета не могут оправдать этого названия. Казимир старался облегчить участь сельского народонаселения, за что заслужил от шляхты прозвание *мужицкого короля*, но он не мог сделать в этом отношении ничего важного, и вообще в деятельности Казимира нельзя найти столько светлых сторон, чтоб они могли перевесить невыгодное впечатление, какое он производит своею безразличностью и неразборчивостью в средствах при удовлетворении своим страстям. При Казимире Польша уступает пред своими соседями на севере и западе, отказывается от Данцигской Померании в пользу немцев, от Силезии — в пользу чехов; но зато Казимир пользуется смутною в Галицком королевстве и овладевает этою русскою землею (1340). Бездетный Казимир передает престол племяннику своему от сестры, Людовику, королю венгерскому; могущественная шляхта соглашается на эту передачу, потому что Людовик обещал не налагать податей без согласия народа.

Так как Людовик во все свое царствование мало обращал внимания на Польшу, то это, разумеется, повело еще к большему усилению шляхты. Последняя делала, что хотела, и по смерти Людовика, который отдал польский престол одной из дочерей своих, Ядвига; Ядвига долго не приезжала в свое королевство, и без нее происходила смута, сильная борьба могущественных родов Наленча и Гржималы. Наконец молодая королева приехала; надобно было ее выдать замуж, и поляки хотели устроить этот брак как можно выгоднее для себя. Их внимание давно уже было обращено на Восток, на сильную страну, союз с которою один мог дать им средство успешно бороться с немцами. Они предложили руку своей королевы и свое королевство великому князю литовскому Ягайлу, но не с тем, чтобы отдать Польшу в приданое за Ядвигию, но чтобы взять Литву в приданое за Ягайлом. Обольщенный честью быть польским королем, полуварвар и человек очень недалекий, Ягайло согласился на все требования польских вельмож и духовенства, сам принял католицизм, обещал обратиться в христианство по римскому обряду языческую Литву, обещал распространять католицизм и среди своих христианских подданных восточного исповедания, русских и литовцев, обещал присоединить все свои владения к Польше.

Роковой брак был заключен, но немедленно же оказались явления, какие обыкновенно происходят при насильственном соединении двух различных народностей или когда одна народность отдается в приданое. Языческая часть Литвы волею-

неволею была покрещена и присоединена к Западной Церкви; но христиане восточного исповедания, русские и литовцы, не хотели принимать латинства, Великое княжество Литовское не хотело подчиняться короне польской. Вследствие этого при видимом соединении шла сильная борьба. Подробности этой борьбы не принадлежат сюда, касательно собственно польской истории в царствование Ягайла замечательна война с немецким орденом.

Возведение на польский престол великого князя литовского и обращение Литвы в католицизм наносили страшный удар ордену; целью существования ордена была борьба с неверными, с Литвою; для этой цели под знамена ордена стекались воины из всей Западной Европы и содействовали его торжеству и силе; но теперь, когда Литва была обращена в христианство, исчезла цель существования ордена; тщетно орден прибегал ко лжи, старался уверить, что обращение Литвы мнимое, никто ему не верил, никто не приходил к нему на помощь. Бессилие ордена перед Польшею и Литвою оказалось в первой же открывшейся войне: в 1410 году немцы потерпели страшное поражение от польских и литовско-русских войск при Грюнвальде, после чего орден уже не мог прийти в прежнее могущество.

Литовская фамилия Ягеллонов не ограничивается одним польским престолом: сын Ягайла, Владислав III, был избран и в короли венгерские; он был убит в сражении с турками при Варне, и королем польским стал брат его, Казимир, великий князь литовский. При нем жители Западной Пруссии восстали против рыцарей и поддались польскому королю; следствием была двенадцатилетняя война, кончившаяся Торнским трактатом, по которому Западная Пруссия отошла к Польше.

Сын Казимира, Владислав, получил при жизни отца престолы чешский и венгерский. Но, несмотря на блеск Ягеллонской фамилии, королевская власть в Польше все более и более никла перед властью вельмож и шляхты. Казимир был подозрителен для поляков своею привязанностию к Литве, и потому они постановили, чтоб ни одного литвина не было в королевстве, чтоб при короле находились постоянно четыре советника и повеления королевские тогда только исполнялись, когда были подписаны этими советниками.

Сын и преемник Казимира в Польше, Ян Албрехт, по внушениям своего учителя, итальянца Каллимаха (Буонакорзи), задумал было усилить королевскую власть; но он пошел против всей польской истории и вместо достижения своей цели только раздражил шляхту, которая еще с большею силою устремилась к удержанию своей власти на счет короля и других сословий: она отняла у крестьян право пользоваться общим судом, подчинила их суду землевладельца, отняла у них и у городских жителей (мещан) право владеть землею, право достигать архиерейства,

разве только человек не шляхетского происхождения получит докторскую степень.

Царствование слабого Александра, брата Яна Албрехта, ничем не замечательно в истории Польши. В царствование третьего брата, Сигизмунда I, или Старого, немецкий орден окончил свое существование; великий магистр его, Албрехт Бранденбургский, принял протестантизм и стал светским наследственным владельцем Восточной Пруссии с вассальными отношениями к Польше. При Сигизмунде I с Польшею соединилась также Мазовия, в которой вымерли князья из рода Пястов. Мы видели, что при Яне Албрехте итальянец Буонакорзи внушал королю о необходимости усилить королевскую власть; при Сигизмунде I королева Бона, родом также итальянка, Екатерина Медичи Польши, старается поссорить вельмож со шляхтою. Богатейшие землевладельцы хотят подняться над массою шляхты посредством титулов и майората, но шляхта противится этому, хочет равенства. По случаю молдавской войны собравшаяся у Львова шляхта поднимает мятеж, известный под именем *Петушиной войны*, кончившейся тем, что дождь разогнал крикунов — «петухов». Шляхта, впрочем, составила протест, *рокош*, и сдержала аристократические замыслы богатых панов, но и тут за все должно было поплатиться городское и сельское народонаселение: шляхта объявила, что имеет над крестьянами своими право жизни и смерти; старосты притесняли города; депутаты городские были прогнаны с сейма.

Сыном и преемником Сигизмунда I, Сигизмундом Августом, прекратилась династия Ягеллонов, и поляки спешили завершить свою конституцию, провозгласив избирательный образ правления. Довершенная таким образом польская конституция состояла в следующем: избранный король не только не мог назначить себе преемника, но и предложить; не мог без позволения сената ни жениться, ни развестись; без согласия сейма не мог объявлять войны, отправлять послов, налагать новые подати. Король обязан был созывать *сейм* каждые два года, для выбора депутатов или *послов сеймовых* собирались в провинциях сеймики; собранная на этих сеймиках шляхта выбирала депутатов и давала им инструкции, о чем они должны представлять на сейме. Сейм продолжался шесть недель. Дела решались единогласием, а не большинством голосов; каждый депутат, объявивши свое несогласие (*не позволяю* — *liberum veto*), мог останавливать решение сейма. Эта форма решения дел есть общая всем первоначальным народным собраниям, вечам, казачьим кругам. По смерти короля архиепископ гнезненский, примас королевства, провозглашал междуцарствие (*interregnum*) и созывал сейм *конвокационный*, который должен был назначить время для сейма избирательного (елекционного). Новый король

должен был присягать в сохранении всего установленного (присягал в соблюдении *pacta conventa*).

После неудачного выбора французского принца Генриха Валуа сделан был выбор удачный: седмиградский князь, Стефан Баторий, был способен дать Польше первенство на северо-востоке Европы; но вельможи, боявшиеся больше всего усиления власти королевской посредством войны, войска воспрепятствовали намерениям Батория. После него был избран шведский принц, Сигизмунд III (Ваза), вследствие притязаний которого на шведский престол положено было начало несчастной для Польши борьбы с Швециею. Сигизмунд нарушил одну из статей конституции: без позволения сената женился в другой раз на австрийской принцессе, сестре прежней своей жены; следствием было сильное волнение и рокош, но король вышел счастливо из смуты.

По смерти Сигизмунда III избран был сын его, Владислав IV, который хотел употребить беспокойные казацкие силы в войне с турками, но сенаторы не позволяли ему начать войны, и Украина загорелась от восстания Хмельницкого. Владислав умер в это страшное время, и преемником ему был избран брат его, Ян Казимир. При этом короле обнаружилось ясно печальное состояние Польши, в какое повергло ее развитие ее конституции. Шведский король, как мы видели, почти беспрепятственно овладел странюю. Украина отделилась. Хотя Яну Казимиру и удалось снова овладеть престолом, но внутренние беспорядки были страшные. В 1652 году в первый раз был *сорван* сейм, т. е. решение не состоялось, потому что один из депутатов закричал: «Не позволю». После это явление повторялось беспрестанно.

Ян Казимир был последний из знаменитого дома Вазы; жена его, француженка (урожденная Невер), женщина очень энергичная, хлопотала, чтоб преемником ее мужа был французский принц Конде; гетман Любомирский противодействовал королеве, указывая на нарушение конституции, запрещавшей при жизни короля назначение ему преемника; тогда постарались взвести на Любомирского обвинение, что он хочет уничтожить достоинство королевское; Любомирский был осужден заочно, и гетманом был назначен Ян Собеский. Но Любомирский, поддерживаемый великопольскою (познанскою) шляхтою, поднял восстание, и король принужден был мириться с ним. Ян Казимир отказался от престола. В преемники ему был выбран шляхтою назло вельможам бедный и неспособный князь Михаил Вишневецкий, которого отец, князь Иеремия, потерял свои огромные владения в Украине вследствие ее отделения от Польши. Кратковременное царствование Михаила прошло во внутренних смутах и в несчастной войне с турками. Преемником Михаила был избран гетман Ян Собеский.

XII. АВСТРИЯ И ТУРЦИЯ ДО КОНЦА XVII ВЕКА

В Австрии императоры Фердинанд III и сын его Леопольд I оставались верны направлению Фердинанда II: утверждение католицизма посредством иезуитов было главной их целью, и, действительно, католицизм мог служить крепкою связью для разнородных частей монархии Габсбургов. Фердинанд III основал 36 иезуитских коллегий; при Леопольде I иезуиты получили еще большее значение. Извне после Тридцатилетней войны все внимание австрийского правительства было обращено на отношения турецкие.

Мы видели, что турки владели большею частию Венгрии, и князь Трансильванский был их вассалом. В 1658 году трансильванский князь Рагоци восстал против турок; это имело следствием сильные волнения и войны в Трансильвании и Венгрии; явилось несколько искателей трансильванского престола; одни держались Турции, другие просили помощи у Австрии: война между этими двумя державами была неизбежна. В Турции царствовал в это время слабый Магомет IV, но неограниченную власть при нем имели два великих визиря—Магомет Кеприли и сын его, Ахмет Кеприли, умевшие своими талантами поднять в последний раз значение Турции.

В 1664 году огромное турецкое войско перешло через Дунай; 1 августа оно было встречено императорским войском, находившимся под начальством Монтекукули, при монастыре С. Готард (или при Моггендорфе) и потерпело сильное поражение. Несмотря на это, император Леопольд заключил с турками двадцатилетнее перемирие в Васваре на невыгодных для себя условиях: Трансильвания осталась вассальною землею Турции, турецкая граница начиналась не в дальнем расстоянии от Вены. Дело объясняется тем, что императорское войско нуждалось в порохе и провианте, а в казне не было денег; кроме того, венгерские протестанты предпочитали турецкое иго иезуитским преследованиям; наконец, храбрый бан Кроатский, Николай Црини, находился в смертельной вражде с Монтекукули.

Тотчас по заключении Васварского перемирия начались волнения в Венгрии. Венгерцы требовали очищения своей страны от немецких войск и перенесения венгерской короны из Вены в Венгрию. Их требования остались без ответа, и немецкие гарнизоны явились в таких местах, где их прежде не было. Тогда члены венгерской аристократии—Петр Црини, брат умершего Николая, зять Петра Црини, Франц Рагоци, Теттенбах, Франджипани, Нададзи и Стефан Текели—составили заговор против Австрии и вошли в сношения с Турциею. Более четырех лет заговорщики умели скрывать свои замыслы, наконец венский двор узнал об них; Теттенбах первый был схвачен, и в его доме найдено 6000

ружей. Тогда австрийское правительство начало обращаться с Венгрией, как с завоеванной страной: члены высшего сословия подверглись жестоким наказаниям, конфискации имущества, низшие сословия подверглись тяжелым податям и квартированию немецких войск, было введено военное управление, и протестанты подверглись сильному гонению.

Трансильвания наполнилась венгерскими эмигрантами, между которыми виднее других были Франц Рагоци и Эмерих Текели. В 1672 году они собрали несколько войска и вздумали было начать войну с Австрией, но были разбиты, и их неудачное предприятие еще более отягчило участь Венгрии: 69 протестантских пасторов были сосланы на галеры в Триест и Неаполь. Преследуемые бежали в Трансильванию, собрались в Гросвардейской области и делали опустошительные набеги на австрийские владения. Поддерживаемые Францией, они в 1678 году овладели почти всеми горными городами; единственным предводителем инсургентов был теперь Эмерих Текели, потому что Франц Рагоци умер. В австрийских владениях произошло то же самое, что незадолго перед тем произошло в польской Украине: как здесь казацкий гетман Дорошенко, отложившись от Польши, поддался Турции, и следствием было впадение турок в польские владения, взятие Каменца — так теперь Текели поддается также султану, и огромное турецкое войско идет осаждать Вену (1683). Интересы Польши и Австрии были одинаковы: обеим им грозила страшная опасность от турок, и потому император Леопольд заключил с королем Яном Собеским оборонительный и наступательный союз.

Текели с своими венграми шел вперед и указывал великому визирю Кара-Мустафе дорогу к Вене. В июле столица цезарей была со всех сторон заперта турками и татарами; император мог с трудом выехать из нее в Нассау, где мог показываться в народе не иначе, как переодетый, потому что протестантизм, хотя и придавленный иезуитами, еще тлел, как огонь под пеплом; когда Леопольда узнавали, то народ преследовал его насмешками; кричали, что суеверие императора и его потворство иезуитам принудили венгерцев и протестантов к восстанию; иезуиты, бывшие в свите Леопольда, подвергались явному нападению.

Счастьем для Вены служило то, что турки шли к ней чрезвычайно медленно, и это дало возможность укрепить город. Жители защищались упорно и дали время германским войскам соединиться с польскими; последними начальствовал сам король их, Ян Собеский, которому как королю уступлено было начальство и над всеми соединенными войсками, выведенными на поле битвы 12 сентября 1683 года. Поляки занимали правое крыло; на левом находились более тридцати немецких принцев, в том числе

и будущий знаменитый полководец, девятнадцатилетний Евгений Савойский; левым крылом командовал герцог Карл Лотарингский; центр занимали курфюрсты Баварский и Саксонский с своими войсками. После упорного сражения христианское ополчение победило; турки обратились в бегство, оставивши победителям весь обоз и покрывши поле сражения десятью тысячами своих трупов; победители преследовали беглецов и нанесли им новое поражение у Дуная при Парканах.

В следующие года императорские войска продолжали счастливо войну с турками, тем более что Венеция и Россия объявили войну последним; венециане утвердились в южных частях Балканского полуострова; русские своими походами к Крыму лишили турок помощи татар, а впоследствии молодой царь Петр Алексеевич завоевал Азов. Между тем осенью 1686 года императорские и бранденбургские войска овладели Офеном, который долго был оплотом магометанского владычества в Венгрии; в следующем году императорские войска одержали над турками блистательную победу при Могаче. Вследствие этих успехов император Леопольд заставил венгерцев отказаться от двух пунктов своей прежней конституции, по которым Венгрия была избирательным королевством, и венгерцы имели право братья за оружие при первом нарушении своих привилегий. В 1688 году австрийцы овладели крепостию Мункачем, и трансильванский князь Апаффи отложился от Турции и признал себя вассалом императора; в том же году принцы Людвиг Баденский и Евгений Савойский овладели Белградом; в 1689 году Людвиг Баденский одержал две блистательных победы над турками при Паташе и Ниссе.

Между тем в Турции произошел переворот: Магомет IV был свергнут в 1687 году и на его место возведен на престол брат его, Солиман III. Новый султан, подобно предшественнику, не был способен сам поддерживать Турцию, но он нашел способного к тому великого визиря, Мустафу Кеприли, брата знаменитого Ахмета. Мустафа восстановил дисциплину в войске, поправил финансы, помог Текели завоевать Трансильванию, большую часть Венгрии, и в 1690 году отнял у Австрии Белград; но в следующем году Людвиг Баденский нанес туркам поражение при Саланкемене, где сам Мустафа Кеприли был убит. Новый султан, Мустафа II, сам принял начальство над войском и энергически вел войну до тех пор, пока начальство над императорскими войсками не принял принц Евгений Савойский: в 1697 году Евгений нанес туркам страшное поражение при Центе, вследствие которого турки принуждены были заключить с Австриею мир в Карловице (1699): Трансильвания и вся страна между Дунаем и Тейсою отошла к Австрии; Морея и несколько островов уступлены

были Венеции; Россия удержала свои завоевания в устьях Дона. После этого удара, нанесенного Турции союзом четырех соседних государств, Порты никогда уже не поднималась до прежнего своего значения и начала быстро клониться к упадку.

XIII. АНГЛИЯ ПРИ СТЮАРТАХ

В то время, когда церковная реформа и борьба, за нею последовавшая, взволновали Англию и возбудили народные силы; когда со времен Генриха VII парламент получил новое значение, будучи призван к решению важнейших вопросов; когда сильное развитие, промышленное и торговое, увеличив богатство страны, увеличило с тем вместе и значение городского населения; когда среди этого населения усилился протестантизм с демократическими стремлениями, враждебный Высокой, или епископальной Церкви, удержавшей аристократические формы; когда король как глава Церкви был тесно связан с Высокою Церковью, и демократическое протестантское движение необходимо направлялось против него; когда, таким образом, республиканское церковное стремление соединялось с республиканским гражданским стремлением — в это опасное время, требовавшее большей осторожности и ловкости от правителя, на престоле английском является чужая шотландская династия, незнакомая с духом народа, с вековыми преданиями страны.

Стюарты, несмотря на то что с первого взгляда один не был похож на другого, в общем сохраняли шотландский характер, причём нельзя отвергнуть и влияния французской крови; они остались и на английском престоле верны фамильным преданиям: в Шотландии их предки вели борьбу на жизнь и на смерть с вельможами, опираясь на духовенство; в Шотландии Стюарты — враги реформационного движения, и в Англии они сейчас же вступают в борьбу с парламентом за права своей власти; и в Англии они — враги реформационного движения, а под конец возвращаются открыто к религии предков, к католицизму, преданности которому окончательно губят свое дело.

Новый король, Иаков I, отличался самым непривлекательным характером; он был хорошо образован, даже учен, но при мелочности характера ученость превращалась в педантизм; ни наружностью, ни умственными и нравственными качествами он не мог вселить к себе уважения и доверенности. Иаков I возбудил неудовольствие своих новых подданных уже тем, что был окружен шотландцами. Скоро начались у него столкновения с парламентом: отличаясь обширною богословскою начитанностью, Иаков составил себе теорию неограниченной власти государя, чему противоречили парламентские обычаи Англии. Не умея

быть бережливым, Иаков для удовлетворения своим финансовым нуждам прибегал к произвольным поборам, против которых парламент протестовал. Иаков не умел и не хотел улаживаться с парламентом, распускал его при сопротивлении, захватывал его членов и таким образом ожесточил народ, уважения которого не мог приобрести по неимению личных средств; привязанность короля к недостойному любимцу Вилльеру, герцогу Бекингемскому, также возбуждала сильное неудовольствие. Каждый новый парламент высказывал сильнейший дух сопротивления, чем предшествовавший. Англичанам не нравилась и внешняя политика короля, сближение Иакова с католическою Испаниею и нерадение в поддержке зятя своего, несчастного Фридриха V, курфюрста Пфальцкого и эфемерного короля Богемского.

В последние годы царствования Иакова в обеих палатах парламента уже явились люди, которые мечтали о республике. В 1621 году Иаков велел объявить парламенту, что все права и вольности, о которых он так много толкует,— суть милости, дарованные Англии прежними королями; при этом случае Иаков насмеялся над двенадцатью депутатами, явившимися к нему во дворец, посадил их на одинаких креслах с собою и называл двенадцатью королями. Парламент в ответ на королевское объявление внес в протокол, что все права и вольности парламента составляют прирожденное право и наследственную собственность каждого англичанина; что парламент имеет право принимать участие во всех государственных делах и что никто, кроме его самого, не властен над его членами. Это до такой степени раздражало короля, что он вырвал заявление парламента из протокола. В 1622 году два лорда и четыре члена палаты общин были заключены в тюрьму за свои речи в парламенте. Иаков умер в 1625 году, оставив сыну своему, Карлу I, печальное наследство.

Новый король не был похож на своего отца: он отличался величавою, царственною наружностью, твердостью, но эти качества не могли ослабить ожесточения, возбужденного борьбою Иакова I с парламентом: знали, что Карл I наследовал вполне от отца взгляды на отношения свои к подданным; знали, что ему нельзя довериться; видели, что ненавистный любимец Иакова, герцог Бекингем, остается во всей силе и при Карле. С другой стороны, борьба Иакова с парламентом вызвала силы, которые в ней получили упражнение и не могли успокоиться; явились люди, которые поседели в парламентской борьбе с королем, страдали, получили важное значение; им было тяжело потерять это значение с прекращением борьбы; за отсутствием войны оборонительной они готовы были начать и наступательное движение против короля, не обращая внимания на то, что этим наступательным движением начинают революцию, вступают на

тот покатый путь, на котором так трудно остановиться; революционное движение получило новую силу от движения политического, примкнуло к нему, дало ему особую окраску и, в свою очередь, усилило его, повело все дальше и дальше, давая освящение, сообщая борцам политическим значение борцов за дело Божие.

Неудачи ненавистного Бекингема в войне с Испаниею давали возможность к наступательному движению против короля, увлекая и тех, которые вовсе не хотели идти по революционному пути. Палата общин объявила, что Бекингом есть главный виновник всех зол Англии и что его наказание освободит страну от бедствий. Нижняя палата решила начать против него в Верхней палате процесс в государственной измене. Король запретил начинать дело; несмотря на то, в мае 1626 года состоялась конференция между обеими палатами, где двое депутатов, Диггс и Эллиот, отличались особенною резкостью своих выражений против Бекингема, не пощадили и короля. Бекингом воспользовался этим и обвинил, в свою очередь, Диггса и Эллиота в государственной измене, и, несмотря на заявление Верхнего парламента, что они не сказали ничего оскорбительного для короля, король велел схватить Диггса и Эллиота. Тогда Нижний парламент объявил, что он не примется ни за какое дело, если члены его не будут освобождены; король уступил, велел освободить Диггса и Эллиота, но раздражил Верхнюю палату, велевши заключить двоих ее членов, графов Бристоля и Арунделя, за вражду их к Бекингему, и в то же время последний получил новые отличия, что повело еще к сильнейшему раздражению.

Король распустил парламент и обнаружил явное намерение управлять без него. Без парламентского согласия он велел собирать пошлины с привозимых и вывозимых товаров; потребовал от управителей и арендаторов королевских имений больших доходов, высшей платы, обложил земледельцев и купцов новыми податями: один Лондон должен был заплатить 120 000 фунтов. 78 богатых людей отказались платить незаконные в их глазах подати и были посажены в заключение, а между тем религиозная борьба уже примешалась к политической. Один священник объявил в проповеди, что безусловное повиновение каждому королевскому указу есть первая обязанность христианина. Лондонский епископ Лауд, друг короля, но ненавидимый в народе как скрытый католик, одобрил проповедь, но примас, кентербюрыйский архиепископ Аббот высказался против, за что был удален от двора и от управления делами своей епархии. Когда все эти меры возбудили сильнейшее раздражение, король в 1628 году созывает снова парламент: денег, собранных королем означенными выше средствами, было достаточно в мирное время; но когда явилась надобность помочь французским протестантам, то денег недоста-

до, и должно было обратиться к парламенту. Чтоб приобрести его расположение, Карл освободил 78 человек, посаженных в тюрьму за отказ платить подати, возвратил архиепископу Абботу его прежнее значение и позволил графу Бристоллю засесть в Верхней камере.

Но эти примирительные средства не помогли, раздражение было уже слишком велико, и оно усилилось, когда король в речи своей при открытии парламента употребил угрозу, что если парламент не даст ему требуемого вспоможения, то он прибегнет к другим средствам. Ораторы Нижнего парламента начали доказывать, что в Англии никогда не было ничего подобного тому, что позволил себе король. Составлено было изложение всех прав английского народа (*petition of rights*) и представлено королю для утверждения; король отвергнул его в этой форме и подписал в форме прошения об уничтожении всех мер, составляющих предмет распри между королем и парламентом.

Кончилось с одной стороны, началось с другой. Приученный со времен Генриха VIII к участию в решении религиозных вопросов, парламент хотел удержать это новоприобретенное право, а король не хотел ему его уступить; парламент 1629 года вооружился против терпимости правительства относительно арминьян, переселившихся из Голландии, и в то же время вооружился против покровительства, оказываемого правительством католикам. Король запретил оратору (председателю палаты общин) допускать прения по поводу религиозных вопросов; но члены парламента не обращали внимания на это запрещение и, когда оратор встал, чтоб закрыть заседание, его удержали насильно и постановили следующее: 1) папство и арминьянство не должны быть терпимы. 2) Взимание пошлин с привоза и вывоза незаконно, если не утверждено прямо парламентом. 3) Купец, платящий не утвержденные парламентом пошлины, есть изменник правам и вольностям Англии.

Король распустил парламент; депутаты, удержавшие оратора, были посажены в заключение. Мир, заключенный с Франциєю, а потом с Испаниею, освобождал Карла от необходимости созывать новый парламент; кроме того, нашли в архиве, что в старые времена некоторые приморские города выставляли войско и корабли или платили вместо того деньги; теперь эту подать распространили на всю страну под названием «корабельных денег». Королю удалось склонить на свою сторону Томаса Вентворта, самого талантливого и ученого члена оппозиции, человека одаренного, кроме того, необыкновенною силою воли. Карл назначил его обер-штатгалтером в Ирландии. Тотчас по прибытии в Дублин Вентворт начал поступать с Ирландиею, как с покоренною странною, имея в виду ввести сначала здесь абсолютную монархию и образовать войско, которое потом король будет употреблять в Англии.

Здесь несколько лет прошло спокойно без парламента, но в 1637 году Карлу пришла в голову несчастная мысль ввести в Шотландию вновь составленную англиканскую литургию, очень близкую к католической. Ненависть, какую питали шотландцы ко всему, что напоминало им католицизм, вспыхнула. Когда в Единбурге старший пастор явился в новом облачении пред алтарем главной церкви для совершения новой литургии, произошло между присутствующими страшное смятение. Женщины вскочили и закричали: «Папа! Папа!» Все шумели, и никто не хотел обращать внимания на богослужение. Так как король не хотел отменить литургию, то все имевшие влияние в стране люди съехались в Единбург и составили церковно-политическое управление (ковенант). Собранный в Глазгове сейм объявил епископат и новую литургию изобретениями Белиала и постановил, что каждый шотландец под страхом отлучения должен подписать акты ковенанта; Глазговский сейм этим не ограничился, но собрал войско. Это заставило вооружиться и короля, хотя Вентворт, получивший несколько времени спустя титул графа Страффорда, советовал повременить войною, пока англичане попривыкнут платить подати без парламентского согласия, и у короля будет достаточно денег для содержания войска, образованного в Ирландии.

В начале 1640 года Карл принужден был созвать парламент, который не обещал ничего доброго, потому что в него выбраны были именно люди, издавна отличавшиеся борьбою за старые права Англии против короля. Один из них, Пим, в первое же заседание нового парламента в двухчасовой речи исчислил все злоупотребления правительства. Король предложил, что отменит «корабельные деньги», если парламент даст ему нужную сумму денег; парламент не принял этого предложения, был распущен, и король начал всякими средствами собирать деньги с богатых людей.

Война с шотландцами началась несчастливо для короля: войско его было разбито. Король, видя, что главное сопротивление исходит из палаты общин, созвал одну палату лордов в Йорке. Король при этом смотрел на дело по-шотландски, но лорды смотрели на него по-английски и потребовали созвания полного парламента. Король принужден был исполнить это требование и осенью 1640 года созвал знаменитый парламент, известный под именем *Долгого*. Большая часть его членов состояла из так называемых *пуритан*, отвергавших епископат, людей с сильным религиозным одушевлением, готовых свои церковные демократические стремления перенести и на политическую почву, тем более что раздражение, произведенное долгою борьбою с королем, возбуждало желание переменить политические формы.

Особенно сильное раздражение было возбуждено против Страффорда, на которого смотрели как на перебежчика и на

человека, самого опасного по своим талантам. Палата общин обвинила Страффорда в государственной измене. Страффорд, зная ненависть к себе в обеих палатах парламента, просил короля, чтобы он оставил его при войске; но король уговорил его приехать в Лондон, обнадежив, что никогда не выдаст его врагам. Опасения Страффорда оправдались: парламент считал его гибель необходимым для себя обеспечением и действовал настойчиво, с таким сознанием своей силы, что некоторые близкие к королю люди сочли за лучшее удалиться из Англии. Король уступил, составил себе министерство из людей, стоявших за парламент и ненавидевших Страффорда как человека, замышлявшего ниспровергнуть старую конституцию страны. Так как эти замыслы не были явны, то обвинить его в них было нельзя; выставили 28 обвинений, из которых ни одно, взятое порознь, не влекло за собою смертной казни; но объявили, что хотя преступления Страффорда порознь и не заслуживают смерти, но заслуживают ее взятые вместе.

В мае 1641 года Страффорд был казнен. Король не спас его, он делал постоянные уступки требованиям парламента; он согласился, чтоб парламент собирался каждые три года; если сам король будет медлить его созванием, то канцлер и 12 лордов имеют право созвать его и король может распустить парламент не иначе как по прошествии 50 дней после его созвания; наконец король согласился на то, что настоящий парламент не иначе может быть отсрочен или распущен, как только по собственному согласию. Таким образом началась революция: люди ожесточились долгою борьбою и окрепли в ней; чтоб не подвергаться более преследованиям, решились воспользоваться благоприятным временем и начать наступательное движение; при этом наступательном движении, при этом стремлении к получению все больших и больших обеспечений они незаметно перешли границу старого с новым. До сих пор, защищаясь, они обращались к старине, боролись за свои старые права и вольности: но теперь, отнявши у короля право распускать парламент, они ввели необычную новизну и этим самым вступили на покатую революционную дорожку, на которой так трудно было остановиться. У короны отнималось право за правом; парламент, сделавшийся постоянным, начал вмешиваться в дела управления. Оскорбивши таким образом короля, давши ему право действовать враждебно против оскорбителей, парламент, разумеется, теперь уже не мог доверять королю, должен был подозрительно смотреть на каждое его движение и принимать меры для своего собственного охранения; а эти меры должны были состоять все в большем и большем стеснении короля, в отнятии у него средств вредить парламенту. Таким образом волею-неволею пошли к уничтожению королевской власти, и люди, вовсе не хотевшие доходить до

окончательного результата борьбы, должны были пустить на первое место людей, стремившихся к уничтожению королевской власти, потому что это стремление было естественным результатом всего хода борьбы.

Карл I, видя, что вся беда произошла от шотландской войны, хотел окончить ее, удовлетворив всем требованиям шотландцев относительно религии. Для этого он сам отправился в Шотландию в начале августа 1641 года и пробыл там до конца ноября. Парламент поспешил принять меры защиты и под предлогом отсутствия короля избрал из среды себя комитет для управления государством; граф Эссекс назначен был королевским наместником; наконец, парламент учредил для себя особую гвардию. В Шотландии Карл нашел то же самое, что и в Англии: и здесь парламент не хотел выпустить власти из своих рук, и приезд короля только усилил раздражение. В это время вспыхнул мятеж в Ирландии: несколько тысяч англичан-протестантов было истреблено туземцами-католиками.

Король в надежде, что ирландский бунт даст ему возможность поправить свои дела, возвратился в Лондон; но парламент встретил его новыми требованиями и, опасаясь дать королю средства собрать войско против Ирландии, которое могло обратиться и против Англии, собрал от себя войско и назначил начальником его графа Лейчестера без ведома королевского. Между тем борьба парламента с королем расшевелила страсти и вызвала к деятельности людей, ищущих случая, чтоб безнаказанно побушевать и принять видное участие в общественной деятельности, к которой в обыкновенное время они не могли быть призваны. Пуританские проповедники громили в своих проповедях католиков, короля, королеву, епископов, которым грозили в парламенте, которые подвергались оскорблениям на улицах.

Парламентская зала и королевский дворец были постоянно окружены шумною толпою, среди которой раздавались крики против епископов и лордов, и на кого в толпе указывали, как на человека неблагонамеренного, того жизнь не была более в безопасности: епископы, лорды и даже многие члены палаты общин перестали бывать в заседаниях парламента, потому что на дороге к нему подвергались опасности лишиться жизни. Архиепископ йоркский, согласившись с одиннадцатью другими епископами, подал объявление, что они протестуют против всех парламентских решений, которые состоятся в то время, когда они, епископы, будут силою удерживаемы от участия в парламентских заседаниях. За это объявление палата общин велела схватить епископов, посадить их в крепость, а впоследствии издан закон, по которому епископы вообще исключались из парламента.

Заключение епископов раздражало в высшей степени короля и заставило его, с своей стороны, решиться на сильную меру, тем

более что ему дали знать, будто предводители крайней партии в парламенте, настоявшие на захвачении епископов, намерены обвинить в государственной измене королеву. В самом начале 1642 года король послал в парламент с обвинением в государственной измене и с требованием арестования лорда Комболтона и пятерых членов палаты общин: Голлиса, Гаслерига, Пима, Гемпдена и Строде. Парламент не исполнил требования; тогда король явился сам в парламент в сопровождении отряда солдат с тем, чтоб захватить враждебных ему членов; но они, получивши известие из дворца о предстоявшей опасности, не пришли в парламент. «Птицы улетели»,— сказал король и вышел, провожаемый криками: «Привилегия! Привилегия!» Король издал прокламацию, в которой обязывал каждого схватить парламентских членов, обвиненных в государственной измене; парламент готовился отражать силу силою, причем был поддержан лондонским общинным советом и огромною массою народонаселения.

Парламент определил, что король без согласия парламента не может назначать министров и других должностных лиц, что король не имеет верховного начальства над войском, не имеет права назначать штатгалтеров в графства (а штатгалтеры были вместе и начальниками земского ополчения), штатгалтеров назначает парламент, от которого они получают приказания, и король может их удалить не ранее двух лет. Отказ Карла утвердить эти решения был знаком к открытой войне между королем и парламентом. Карл удалился на север, набрал войско из приверженного к нему дворянства (кавалеры) и вызвал к себе из Лондона тех членов парламента, которые стояли за права королевской власти: к нему явилось 32 лорда и более 60 членов палаты общин, которые и составили особый парламент, противоположный лондонскому. Король находил приверженцев только на севере королевства, юг был против него, за парламент.

Первая значительная битва между королевскими и парламентскими войсками произошла в конце октября 1642 года при Еджигилле: обе стороны приписывали себе победу. В следующем году начальство над парламентским войском вместо графа Эссекса принял лорд Файрфакс, у которого адъютантом был знаменитый впоследствии Оливер Кромвель. Одаренный талантами полководца и правителя, Кромвель по убеждению или по расчету или по тому и по другому вместе принадлежал к крайней религиозно-политической партии независимых, которые требовали совершенного равенства в церковном отношении, не допускали ничего похожего на священство, а в политическом отношении стремились к республиканским формам. Кромвель особенно выдвинулся вперед в войске и парламенте, когда противная королю сторона лишилась двоих главных вождей своих, Гемпдена и Пима. По своим талантам Кромвель один стоил целого войска.

Кроме того, парламент, располагая большими деньгами, мог легко находить охотников служить в его войске, не говоря уже о том, что зерно этого войска составляли люди непобедимые в своем религиозном одушевлении, считавшие дело, за которое бились, делом Божиим; в войске королевском не было людей даровитых, не было отчаянных борцов, подобных независимым, и у короля не было денег, посредством которых можно было бы легко вознаграждать потерю ратных людей в битвах.

Летом 1645 года король потерпел страшное поражение от парламентского войска при деревне Назеби (недалеко от Нортгамптона); король видел невозможность держаться долее в Оксфорде, где было до сих пор его главное местопребывание, где находился и его парламент, и решил из двух зол выбрать меньшее: предаться шотландскому войску, в котором не думал найти такого недоброжелательства, как в Лондоне. В мае 1646 года Карл приехал к шотландскому войску и был принят как король, но скоро заметил, что за ним строго наблюдали, не пускали к нему никого из его английских приверженцев; наконец шотландцы согласились продать своего короля английскому парламенту за 400 000 фунтов. Парламентские комиссары взяли Карла и привезли в Англию, где он содержался под почетную стражу.

Но вместе с королем и враждебный ему парламент лишился своей власти и свободы. Война выдвинула на первый план войско, вожди привыкли к первенствующей роли и не хотели преклоняться пред парламентом. Войско взволновалось, когда парламент объявил, что вследствие прекращения войны страна должна управляться старыми законами и войско должно быть распущено. Люди бросили свои промыслы и пошли на войну, где многие получили офицерские места, получали хорошее жалованье, имели значение, а теперь должны превратиться в ничто, снова заниматься работами, от которых уже отвыкли. Кромвель то и дело, что разъезжал то от войска к парламенту, то от парламента к войску: парламент раздражал против солдат, а солдат поднимал против парламента посредством преданных ему агитаторов. У офицеров и солдат кроме военного ремесла было еще другое занятие: они входили на церковные кафедры и проповедовали; это занятие полубилось и мирным гражданам, и они пошли на кафедры; вслед за мужчинами пошли туда и женщины.

Войско, приготовляясь к борьбе с парламентом, образовало у себя свой парламент, или так называемый Военный совет, состоявший из двух палат: в Верхней сидели выборные из офицеров, а в Нижней — из унтер-офицеров, последние и были главными агитаторами, самым удобным орудием в руках Кромвеля. Парламент решился было схватить Кромвеля, но тот был извещен об опасности и ускользнул из Лондона. Депутация от

войска явилась в парламент и объявила исключение одиннадцати враждебных войску членов, так как это требование не было исполнено, то войско двинулось к Лондону. Средства парламента к борьбе оказались недостаточными, городская милиция была за войско; в самом парламенте оказались независимые, которые, естественно, были на стороне войска, где господствовали их единомышленники, а не на стороне парламента, где господствовали теперь пресвитериане. Эти независимые члены парламента ушли к войску, которое беспрепятственно вступило в Лондон: одиннадцать враждебных ему членов парламента принуждены были бежать, а бежавшие прежде к войску члены были с торжеством введены в парламента.

Между тем революционное движение шло все далее к последней крайности; мы видели, что в начале движения против епископальной формы Английской Церкви поднялись пресвитериане, отвергавшие епископов, потом от пресвитериан отделились независимые (индепенденты), которые отвергали и пресвитеров в церкви, а в гражданском отношении стремились к республиканским формам; но на этом движение не остановилось: теперь от независимых отделяются уравниатели (левеллеры), которые не хотят слышать ни о короле, ни о парламенте, ни о генералах, требуют всеобщего равенства. С королем у парламента и войска все шли переговоры, которые, разумеется, не могли ни к чему повести: парламента и войско с целью обеспечить себя требовали от короля слишком многого и сознавали, что король может соглашаться на такие требования только притворно, и, действительно, король всюду искал средств освободить себя из неволи и возвратить себе независимое положение.

В 1647 году Карлу удалось уйти из Лондона, но он был задержан на острове Вайте; здесь в конце года он заключил договор с шотландцами, направленный против Англии. Это произвело сильное раздражение в Англии: парламента постановил, что он не примет более никакого предложения о примирении с королем, и тот, кто посмеет теперь обратиться к королю, будет наказан как изменник. Вследствие этого решения Карла заперли в одну комнату и удалили всех прежних его слуг. Между тем движение шотландцев в пользу короля подняло роялистов в Англии. В августе 1648 года у Престона Кромвель поразил наголову шотландцев, и в то же время Файрфакс разбил английских роялистов на юге; Кромвель вошел в Эдинбург и был с торжеством принят народною массою, которая сочувствовала независимым. В отсутствие Кромвеля с войском в парламенте взяла верх противная войску партия, которая настояла на том, чтоб снова завести переговоры с королем; но возвращение победоносного Кромвеля из Шотландии расстроило дело. Войско вступило в Лондон и выгнало из пар-

ламенты всех противных ему членов; оставшиеся делали все, что было угодно войску, и 23 декабря палата общин постановила, что король должен быть отдан под суд.

1 января 1649 года палата общин объявила, что король виновен в государственной измене, потому что начал войну с парламентом и установленным правительством Англии. Лорды отвергли это обвинение, но палата общин отвечала им новым объявлением, что народ есть единственный источник всякой законной власти, и так как только члены палаты общин избираются народом, то все, исходящее из этой палаты, имеет силу и без согласия короля и палаты лордов. Для суда над королем составлена была комиссия из 150 членов; но так как многие отказались участвовать в комиссии, то она составила только из 68 членов. В девять дней суд покончил свое дело и приговорил короля к смерти, причем присутствовало только 46 членов суда. Приговор был исполнен 30 января; 6 февраля упразднена была палата лордов, а на другой день — королевское достоинство. Все это было делом войска, и следственно самый способный из вождей его естественно выдвигался на первый план.

Составлен был план временного правительства, в котором должны были участвовать парламент и совет из офицеров. Этот план не понравился самой крайней партии, порожденной революционным движением, *уравнителями*, которые и подняли восстание; но Кромвель подавил его и тем много выиграл в глазах людей других партий, более умеренных. Значение Кромвеля должно было все более и более возрастать, потому что новая республика нуждалась в войске и искусном полководце: она должна была вести войны с Шотландиею и Ирландиею, которые провозгласили королем сына казненного Карла I, Карла II. Кромвель в конце лета явился в Ирландии и весною следующего года окончил покорение страны, сопровождавшееся страшным кровопролитием.

В это время англичане, боявшиеся впадения шотландцев и роялистского восстания внутри страны, вызвали из Ирландии Кромвеля, на которого возлагалась главная надежда. В июле 1650 года Кромвель вошел с войском в Шотландию и в начале сентября поразил неприятельское войско при Дунбаре; но, несмотря на эту победу, Кромвель почти год должен был оставаться в Шотландии без решительных результатов. Король Карл II, бывший при шотландском войске, решился покончить борьбу смелым движением во внутренность Англии, где надеялся на помощь роялистов. Кромвель, оставя часть своего войска с генералом Монком в Шотландии, бросился за Карлом и настиг его в начале сентября 1651 года при Ворчестере; здесь король потерпел поражение и, переодетый крестьянином, претерпевая большие лишения и опасности, должен был 40 дней укрываться между

роялистами, пока наконец нашел случай сесть на корабль и отплыть к берегам Франции.

Кромвель после Ворчестерской победы был принят с восторгом в Лондоне, и этот прием заставил задуматься ревностных приверженцев республики. Между тем Монк покорил беззащитную Шотландию и жестокими мерами удерживал ее в повиновении; еще жесточе поступали зять Кромвеля, Иретон, и его преемники в Ирландии с кельтским католическим народонаселением: целые графства были опустошены; народонаселение их переведено в другие земли или продано в рабство на вест-индские острова; отсюда-то такая сильная ненависть ирландцев-католиков к англичанам-протестантам. Кромвель был всемогущ к Англии, Шотландии и Ирландии: его сильной и искусной руке повиновались волею-неволею, но провозгласить королем его не хотели. В ноябре 1651 года созвал он офицеров и членов парламента и предложил им вопрос: должна ли Англия остаться республикою или возвратиться к монархии; военные высказались за республику, юристы и сам Кромвель — за монархию; но когда начали рассуждать, кто же может быть королем, и Кромвель указал на троих братьев Стюартов, сыновей Карла I, то никто не высказался в их пользу, но никто также не назвал и Кромвеля. Кромвель и без титула управлял Англиею по-королевски, и его значение усилилось еще счастливою войною внешнею.

С тех пор как Атлантический океан стал большою дорогою между Старым и Новым Светом, также большою дорогою между Европою и Азиею, Англия по своему положению на этой дороге не могла не получить нового важного значения. Предприимчивый дух народа быстро развился, и Англия стала соперницею первой морской державы — Голландии. Война между двумя республиками началась из-за того, что парламент, желая усилить английскую торговлю, издал так называемый *Акт мореплавания*, по которому иностранным купцам позволено было ввозить в Англию только произведения своей страны, а никак не чужие; так как это постановление сильно стеснило торговлю голландцев, то они и объявили войну Англии. Война, мерило сил народных, показала, что Англия сильнее Голландии.

Между тем внутри Англии возникла снова борьба между властью военною и гражданскою, между войском и парламентом. Военная сила в Англии образовалась вследствие революционного движения, вследствие борьбы с королем; теперь, когда борьба кончилась, присутствие войска народному большинству казалось ненужным и тяжким, было противно всем преданиям и привычкам народа. Парламент, чувствуя на себе всю тягость военного деспотизма, разумеется, не имел никакого побуждения очень заботиться о войске, орудии этого деспотизма. Не получая жалованья, офицеры составили из себя комитет для сношений

с парламентом. Комитет в резких выражениях давал знать парламенту, что если не будут заботиться о войске, то оно само о себе позаботится. Парламент отвечал резким отказом, тогда офицеры объявили, что Долгий парламент уже слишком долго, что для народа невыносимо такое продолжительное отлучение от участия в делах страны. Парламент объявил на это, что тот будет виновен в государственной измене, кто осмелится предложить перемену существующего правительства.

Спор был покончен в апреле 1653 года: Кромвель явился в парламент, оставив в передней комнате приведенных им 300 мушкетеров. Он стал говорить речь, наполненную укоризнами парламенту, и когда ему заметили все неприличие его поступка, то он дал знак мушкетерам войти и закричал: «Теперь, члены парламента, убирайтесь, очищайте места честным людям! Вы больше не парламент, Господь покончил с вами». Члены парламента были разогнаны солдатами. Кромвель уничтожил также и государственный совет, имевший характер министерского совета и находившийся под председательством Брадшау; последний при этом сказал Кромвелю: «Вы ошибаетесь, если думаете, что парламент распущен, никакая сила на земле не может распустить парламент, заметьте это себе». Но люди, которых воображение было слишком разгорячено революционным движением, думали, что Кромвель — пророк, посланный небом для утверждения пятой монархии, царства Христова на земле; друзья Кромвеля утверждали, что он имеет частые сообщения с Святым Духом.

Надобно было устроить новое правительство. Кромвель стал советоваться с офицерами, сколько членов должно быть в будущем государственном совете? Одни говорили, что по образцу европейского санhedрина должно быть 70 человек, другие — что 13 по образцу 12 апостолов с Христом. Последнее мнение превозмогло, и учрежден был государственный совет из четырех юристов и восьми офицеров под председательством Кромвеля. Но Брадшау был прав: огромное большинство английского народа не могло понять правительства без парламента, и Кромвель должен был удовлетворить общей потребности. Чтоб не встретить противодействия в новом парламенте, он велел составить списки людей, отличавшихся благочестием, т. е. фанатиков, самых сильных приверженцев нового порядка, и из них-то составил новый так называемый Малый парламент.

Новый парламент разделился на партии, по сектам, на которые делились фанатики, его составлявшие; перекрещенцы стали против индепендентов — приверженцев Кромвеля. Солдаты разогнали и Малый парламент. «Что вы тут делаете?» — спрашивали полковники, приведшие солдат, у членов парламента. «Мы ищем Господа», — отвечали те. «Лучше сделайте, — сказали на это полковники, — если пойдете за этим в другое место, потому что уже

много лет, как Господь здесь не бывал». После разогнания парламента генерал Ламберт предложил новую конституцию: Кромвель должен быть провозглашен протектором государства; протектор должен раз в три года созывать парламент и не распускать ранее пяти месяцев; все принятые парламентом проекты законов, если протектор не утвердит их в течение 50 дней, и без него получают силу законов; при протекторе должен быть тайный совет, который по его смерти избирает нового протектора; протектор имеет право объявлять войну и заключать мир; законы, им изданные, имеют силу до тех пор, пока парламент не распорядится иначе.

Протектор воспользовался своим правом и в 1645 году заключил мир с Голландиею: голландцы признали за закон английский Навигационный акт, обязались заплатить Англии за военные издержки, обязались в проливе Ламанш спускать флаг пред английскими кораблями, обязались выслать всех членов фамилии Стюарт из своих владений. После этого Кромвель начал войну с Испаниею, которая вовсе не ожидала нападения. Адмиралы Блек и Пенн были отправлены с флотом и войском для нечаянного овладения Гибралтаром, Кадиксом и Большими Антильскими островами. Нападение на Гибралтар, Кадикс и Кубу не имело успеха, англичане успели только овладеть островом Ямайкою. Внутри дела шли для Кромвеля несчастливы.

В сентябре 1654 года созван был парламент, и скоро обнаружилось, что в нем большинство состояло из независимых членов, а не из приверженцев протектора. После четвертого же заседания Кромвель решился на насильственное средство, именно: стал принуждать членов подписывать обязательство быть верными лорду-протектору и не мыслить о перемене установленного правительства. Ревностные республиканцы отказались подписать обязательство, и самый горячий из них, Гариссон, был схвачен и заключен в крепость. Но и после этого Кромвель не нашел в парламенте покорное себе орудие: предложение Ламберта сделать протекторство наследственным в фамилии Кромвеля было отвергнуто двумястами голосов против шестидесяти, и в начале 1655 года парламент был распущен за восемь дней до истечения законного пятимесячного срока. Чтоб сдвинуть сопротивление в областях, Кромвель разделил Англию на одиннадцать военных округов, каждый под начальством генерал-майора, которому были подчинены инспекторы над графствами; генерал-майорам принадлежало окончательное решение дел, суды не были изъяты из-под их влияния, они были уполномочены наказывать противников существующего порядка отобранием имени и вообще исполнять все поручения протектора.

Несмотря на эти меры, старый английский дух, *упорство в законности*, непоколебимая преданность к старым правам

и обычаям не могли быть сломлены военным деспотизмом. Как при Карле I, так и теперь явились люди, которые отказались платить подати, взимаемые произвольно, без согласия парламента. Правительство подвергло штрафу двоих таких смельчаков; они пожаловались в суд, и тот повел дело в их пользу; Кромвель велел заключить адвокатов в крепость, а к судьям обратился с бранью: «Вы, такие и такие, не должны вмешиваться в мои дела. Я знаю очень хорошо, что все, что ни делаю, делаю для безопасности республики. Кто вас сделал судьями? У вас нет другого права судить людей, кроме того права, которое я вам дал. Заботьтесь больше о том, что мне выгодно, и не давайте много болтать этим адвокатам».

В сентябре 1656 года созван был новый парламент. Выборы производились под строгим надзором правительства, все подозрительные люди, ревностные республиканцы, приверженцы Стюартов, католики были под разными предлогами лишены права быть избранными, и после выборов около сотни депутатов было вычеркнуто по неблагонадежности. Кромвель надеялся, что этот парламент провозгласит его наконец королем; для этого он дал ход жалобам и выходкам против генерал-майоров, которые в начале 1657 года должны были отказаться от своих должностей. Предложение депутата Пака о восстановлении двух палат парламента и короля, которым должен был быть Кромвель, прошло, хотя с большим трудом, в парламенте; но офицеры, которые большею частью были республиканцы, подали парламенту прошение, в котором вооружились против восстановления королевского достоинства; близкие родственники Кромвеля были против принятия им короны, представляли ему, что если он это сделает, то погубит себя и своих. Кромвель, видя такое сильное сопротивление, объявил парламенту, что он никогда и не думал о короне.

Кромвель не получил королевского титула, но протекторское значение было усилено: протектору присягали как королю, он получил право назначить себе преемника, назначена была ежегодная сумма для содержания его двора; наконец, он получил право назначить членов *другой палаты*, так называли восстановленную Верховную палату парламента; но в то же время было постановлено, что протектор не может исключать членов парламента и ставить стражу у парламентского здания, не может между заседаниями парламента издавать законов.

В январе 1658 года созван был новый парламент: в него вошло сто членов, прежде исключенных Кромвелем. Немедленно поднялся вопрос о незаконности новой палаты лордов, о незаконности и прежней палаты депутатов, потому что она была неполна вследствие исключения ста членов, поэтому и все действия ее, усиление власти протектора, были незаконны; большинство чле-

нов палаты обнаружило себя против правительства. Едва прошел месяц, как Кромвель насильственным образом закрыл палату. «Да судит Бог между мною и вами!»—сказал Кромвель ее членам при закрытии. В сентябре того же года Кромвель умер, назначивши преемником себе сына своего Ричарда; другой сын его, Генрих, управлял Ирландиею.

Оливер Кромвель достиг власти личными средствами и отношениями своими к войску, которое хотя по своим религиозно-политическим, республиканским убеждениям и воспротивилось восстановлению королевского достоинства в особе Кромвеля, но поддерживало своего знаменитого вождя, искусством которого само поддерживалось при всеобщем к себе нерасположении народа. Новый протектор, Ричард Кромвель, был добрый и честный человек, но без силы характера, без правительственных привычек и способностей; никто не имел ничего против него, но никто не имел побуждений поддерживать его, ибо никому нельзя было за него держаться по причине его слабости; никто не признавал его своим по бесцветности его природы; наконец, к отсутствию личных средств у Ричарда присоединялось и отсутствие материальных средств: у него не было денег.

Нужда в деньгах заставила нового протектора созвать парламент, который и открылся в январе 1659 года. Как при Оливере Кромвеле, так и теперь началась борьба между двумя силами, войском и парламентом, которые никак не могли ужиться вместе: большинство народа и его представители считали войско бесполезною тяжестью для страны. Офицеры и солдаты, не получая от парламента удовлетворения своим требованиям, начали по-прежнему собираться и толковать о распущении парламента. Один из главных вожаков их, Десбара, объявил протектору от имени своих товарищей, что парламент должен быть распущен или им, Ричардом, как гражданской властью, или мечом. «Выбирайте,—говорил Десбара,—если вы решитесь на первое, то войско позаботится о средствах дать вам приличное содержание; если вы предпочтете последнее, то будете предоставлены своей судьбе, и никто не пожалеет о вашем падении». Испугавшись этой угрозы, Ричард только ускорил свое падение, ибо после распущения парламента вся власть перешла к войску, к военному совету, а так как Ричард не имел никакого значения при войске, то и лишился всякой власти. Но и военный совет не мог долго управлять страной, ибо не было человека, который бы, подобно старому Кромвелю, стал в челе его; надобно было созвать парламент, но как это сделать?

За Ричардом Кромвелем уже никто не признавал никакой власти, а военный совет не имел никакого права созывать парламент; обратились к Ленталю, оратору или президенту Долгого парламента, чтоб он снова созвал членов этого

незаконно распущенного парламента, и Долгий парламент снова явился в числе 160 членов. Парламент формально отставил протектора Ричарда Кромвеля, положив ему пенсию в 10 000 фунтов стерлингов; брат Ричарда, Генрих, также должен был отказать от управления Ирландиею.

Борьба между парламентом и войском не замедлила открыться. Явились занять свои места в парламенте те пресвитерианские члены его, которые были исключены войском в 1648 году; но войско и теперь не пустило их в парламент, в коридорах парламентского здания произошли шум и драка. Оттолкнутые депутаты возвратились в свои округа и поджигали жителей против существующего порядка; подняли головы и роялисты, почуяв усобицу между врагами, почуяв, что нет больше сильной руки, которая бы сдерживала эту усобицу. И оставшиеся в парламенте депутаты не замедлили поссориться с войском; они отвергли требования последнего, объявив, что считают ненужным, тяжким и опасным умножение числа генералов.

Генерал Ламберт явился в Лондон с войском, оцепил здание парламента и не пустил туда ни одного депутата. Войско опять захватило всю власть, провозгласило генерала Флитвуда главнокомандующим всеми войсками с неограниченною властью, Ламберта — генерал-майором Великобританского войска; исполнительную власть поручило комитету безопасности. По-видимому, возобновились времена Кромвеля, но Флитвуд нисколько не был похож на Кромвеля: у него не было ни ясной мысли, ни твердой воли. Способнее всех военных начальников был Монк, стоявший с войском в Шотландии и управлявший этою странюю. Монк охотно подчинялся Кромвелю, признавал его превосходство, но не хотел подчиняться какому-нибудь Флитвуду, которого считал ниже себя.

Таким образом, усобица между генералами была необходима. Но чем же она должна была окончиться? Победит ли Монк своих соперников и станет в положение Кромвеля? Но судьба старого Оливера не могла прельстить Монка: столько талантов первоклассных, столько трудов и усилий — и цель не была достигнута; постоянно должен был он опираться на фанатическую часть войска и в ней же находил сильное препятствие к осуществлению своих замыслов. Монк ясно видел, что Англия недолго уживется с войском, что она неодолимо стремится к восстановлению старины, и потому решил приобрести важное значение, служа этому стремлению, удовлетворяя общему желанию. Монк двинулся из Шотландии с войском к Лондону для освобождения столицы от военного деспотизма. Титул, принятый Монком, титул «защитника старых законов и свобод земских», возбуждал радостные надежды народа и доставил Монку всюду восторженный прием. Сопротивления не было; в Лондоне царствовала

смута: горожане ссорились с солдатами, солдаты — с своими офицерами, власть не имела силы и значения.

В феврале 1660 года Монк вступил в Лондон и объявил, что созывает свободный парламент. При открытии этого парламента Монк держал речь, где говорил, что для Английского государства всего приличнее республиканское, а для Английской Церкви — пресвитерианское устройство; но в то же время дал знать королю Карлу II, чтоб он из Испании переехал в Голландию. Назначенный главнокомандующим всеми войсками в Англии, Шотландии и Ирландии, Монк распорядился таким образом, что роялисты здесь получили наибольшее влияние; полки, отличавшиеся республиканским духом, он разбросал на дальнее друг от друга расстояние, взял под свое начальство лондонскую милицию, которая особенно отличалась враждою к республике; в Верхнюю палату допущены были все старые лорды. Когда все было готово, король Карл прислал письма, адресованные к обеим палатам парламента, к войску, флоту и городовому совету; в письмах обещалось забвение прошедших неприятностей и полное восстановление старых прав и вольностей. Обе палаты издали объявление, что по старым фундаментальным законам Англии правление принадлежит королю и парламенту, потом прислали Карлу приглашение приехать в Англию и принять корону, принадлежащую ему по праву рождения.

В мае 1660 года Карл II высадился на берега Англии и был принят с восторгом. Восторг усиливался еще тем, что характер нового короля на первых порах как нельзя больше приходился по той реакции, которая теперь происходила в Англии. Военный деспотизм и господство мрачной фанатической секты сильно прискучили большинству, которое хотело вздохнуть на свободе, хотело из Англии сделать снова *веселую* Англию, как ее прежде называли; а Карл II был именно человек веселый, обходительный, производящий на первый раз самое приятное впечатление, душа общества, неутомимый в остроумном разговоре, искусный рассказчик анекдотов. Но после внимательного наблюдения оказывалось, что под блестящею оболочкою скрывалась пустота, отсутствие всяких убеждений и совершенная неспособность ко всякому серьезному делу.

В жилах Карла II текла шотландская кровь с примесью французской (по матери); как все Стюарты, он был чужд Англии, не понимал ее; воспоминания молодости не могли внушить ему привязанности к этой стране, а лучшие годы жизни были проведены им в изгнании, в чужих странах, в праздном ожидании благоприятных событий. Возвратясь в Англию, Карл II спешил пользоваться средствами своего положения для того только, чтоб жить весело, не заботясь о завтрашнем дне, об общественном мнении, о требованиях нравственности, причем неимение

детей еще более усиливало в нем эгоистические стремления, нерадение о будущем. Ученик материалиста Гоббеса, Карл II был равнодушен к религии вообще, но отдавал преимущество католицизму; как пошел впрок уроки наставника, видно было из отзывов Карла II, что он не верит ни в целомудрие женщин, ни в добродетель мужчин и не ожидает ни от одного человека истинной верности или приверженности. С таким взглядом на людей мог ли Карл считать себя чем-нибудь обязанным в отношении к людям? Мог ли иметь побуждения заслуживать их уважение?

В двух первых парламентах, созванных Карлом II, он не встретил сопротивления, благодаря особенно искусству канцлера Гейда, графа Кларендона, автора важного сочинения об английской революции («История бунта», как он его озаглавил). Но с течением времени основной характер короля и его стремления все более и более уяснились и стали возбуждать сильное неудовольствие. Нуждаясь постоянно в деньгах, расточаемых на постыдные удовольствия, Карл II не постыдился брать пенсию от французского короля Людовика XIV; из Франции же получались деньги на подкуп английских избирателей и членов парламента. Тесная связь короля с Францией, где Людовик XIV обнаруживал стремления, совершенно противоположные порядку вещей, господствовавшему в Англии, должна была возбуждать здесь опасения. Дело дошло до того, что Карл II продал Людовику XIV два города — Дюнкирхен и Мардик, принадлежавшие со времен Кромвеля Англии. Вследствие столкновения между двумя торговыми державами, стремившимися к господству на море, началась в 1665 году война у Англии с Голландиею; сначала война шла счастливо для Англии, но в 1667 году голландские адмиралы Рюйтер и Корнелий де Витт вошли с флотом в Темзу, истребили магазины и верфи, сожгли три линейных корабля первого класса.

Эти потери и позор усиливали нерасположение к королю, который деньги, назначенные парламентом на войну, употребил на свои удовольствия, и страна осталась беззащитною. Страшный пожар опустошил значительную часть Лондона, моровая язва истребляла тысячами его жителей — все эти бедствия вместе ожесточали народ. Преданный одним удовольствиям, король, разумеется, любил окружать себя людьми, одинаково с ним смотревшими на цель жизни; между близкими к Карлу людьми был только один честный и серьезный человек, канцлер граф Кларендон, разделявший с ним изгнание и верно служивший отцу его. Честный и деловой старик был нестерпим королю и его любимцам, тем более что был горд и властолюбив, опираясь на родственные связи с королевским домом: дочь его была замужем за наследником престола, герцогом Йоркским. В 1667 году враги Кларендона обвинили его пред парламентом в государственной

измене. Нижняя палата была против Кларендона, Верхняя вступилась за него; чтоб положить конец борьбе палат, король дал повеление канцлеру отправиться на континент, и старик, которому Карл был так много обязан, умер в изгнании.

По удалении Кларендона образовалось министерство из людей, менее всего заботившихся об интересах Англии; эти люди были: Клиффорд, Ашлей, Бекингам, Арлингтон и Лаудердал; по начальным буквам их фамилий министерство их получило название Кабаль-министерства. Вместо сближения с Голландиею, необходимого для противодействия Франции, стремившейся к господству в Европе, Бекингам употребил все усилия, чтобы раздражить Карла II против Голландии. В 1669 году наследник престола, брат короля, герцог Йоркский, явно перешел в католицизм. Карл II все более и более сближался с французским правительством, от которого брал деньги, обещаясь перейти в католицизм и уничтожить парламентскую форму правления в Англии. Карлу хотелось и того, и другого; но это было бессильное желание, ибо ни Карл, ни министры его не имели ни нравственных, ни материальных средств, чтоб сделать что-нибудь для осуществления своих мечт. Они не могли воспрепятствовать парламенту принимать оборонительные меры в виду грозящей опасности, не могли воспрепятствовать парламенту издать в 1670 году билль против *неконформистов* (не принадлежащих к Англиканской Церкви): закон налагал денежный штраф на людей, присутствующих при богослужении не англиканском, и на духовенство, отправляющее такое богослужение. Король вздумал было объявить, что имеет право освобождать диссидентов и преимущественно католиков от штрафа или уменьшать его, но после сильной бури, поднятой по этому случаю в парламенте, должен был отказаться от своих притязаний.

Парламент продолжал принимать меры против католиков; издан был закон, известный под именем Test-act, по которому для занятия военной или гражданской должности необходимо было присягнуть в послушании королю как главе Церкви и приобщиться Святых Таин по учению и обычаю Англиканской Церкви. Вследствие этого закона герцог Йоркский должен был сложить все свои должности (он был, между прочим, генерал-адмиралом), и католик Клиффорд — выйти из министерства, которое окончательно распалось в 1674 году; самый даровитый из его членов, граф Шефтсбюри (Ашлей), перешел к оппозиции.

В 1678 году, когда общественное мнение все более и более настраивалось против католических стремлений короля, разнесся слух о страшном папистском заговоре. Тит Оат, выгнанный из иезуитской коллегии, донес о заговоре, в котором будто бы участвовал и герцог Йоркский. Теперь донос считают ложным, но современники верили ему, и парламент поднял гонение

на католиков: 2000 человек, между ними лорды, были заключены в темницы, еще большее число было выгнано из Лондона, многие католические священники казнены смертью; Тест-акт получил страшнейшее приложение, и все католики потеряли право быть членами парламента. Король распустил парламента, но эта мера оказалась для него бесполезною: новый парламента (1679) явился с тем же антикатолическим направлением, и король принужден был выслать брата, герцога Йоркского, за границу и составить министерство соответственно господствующему направлению в парламенте; самыми видными членами нового министерства были Темплъ и Шефтсбюри, прославившие себя изданием знаменитого *Habeas-Corpus-act*: по этому акту никто не мог быть схвачен без письменного объявления причины ареста, арестованный должен в известный срок (три дня) быть поставлен перед судом и не может быть нигде заключен, кроме своего графства.

Министерство и парламента продолжали гнать католиков и настаивали на отрешении герцога Йоркского от престолонаследия. Этот вопрос о престолонаследии заставил многих задуматься; опасно было иметь королем католика, ждать возобновления времен Марии Тюдор, видеть торжество ненавистного папизма, но еще опаснее казалось для многих порвать законный порядок престолонаследия, ступить на страшный революционный путь, дать повод к злой усобице; как ни были недовольны поведением Карла II, как ни боялись герцога Йоркского, но больше всего боялись возвращения смуты. Этот страх пред революциею при порвании законного порядка престолонаследия заставил многих не одобрять поведения парламента и министерства; образовались два направления, две партии: одна из страха пред революциею хотела укрепить монархическую власть, провозглашая начало безусловного повиновения ей, как происходящей от Бога; другая смотрела на государственное устройство как на взаимный договор между королем и народом, и если король нарушит договор, то народ имел право сопротивления. Первая партия получила название тори, вторая — виги. Противоположные взгляды, разделяющие эти две партии, обозначились в Англии при Стюартах, в революционное время. Английская конституция образовалась в средние века путем факта; первый король из шотландской династии, Иаков I Стюарт, выставил теорию королевской власти; по этой теории права английского народа были дарами верховной власти. Ответом на теорию Иакова I была революция, во время которой народу было внушено, что он имеет право не только восстать против короля, но судить и казнить его.

Казнь Карла I произвела сильное и скорбное впечатление на континенте; знаменитый филолог Салмазий, профессор Лейденского университета, написал сочинение «Защита короля Карла

1-го», где обвинял английский народ в несправедливом и преступном убийстве короля. Ему отвечал английский поэт Мильтон, автор *Потерянного рая*. Учение Мильтона о происхождении власти состояло в следующем: «Люди по природе свободные существа, сотворены по образу и подобию Божию, и Бог дал им власть над всякою тварию. Когда люди размножились и стали притеснять друг друга, то почувствовалась нужда в общественной жизни, в городах. Увидали необходимость установить власть и дать ей силу охранять мир и право и наказывать их нарушителей. Установили власть, чтоб иметь людей, уполномоченных судить и рядить по правде, а не для того, чтоб иметь над собою господ и хозяев. Для избежания произвола изданы были законы, ограничивающие людей, которым вверена была власть. Народ, от которого первоначально исходит всякая власть, имеющая целью служить его благосостоянию, народ имеет право избирать королей и низвергать их».

Еще задолго до Мильтона иезуит Беллармин высказал положение: «Власть первоначально находится в руках народа, который передает ее одному лицу или многим, и, если найдется справедливая причина, может народ монархию превратить в аристократию или демократию». Учение Беллармина не могло обратит на себя такого внимания, как учение Мильтона, явившееся в защиту событий английской революции.

Но если революция и республика нашли защитника в республиканце Мильтоне, то королевская власть нашла себе защитника в англичанине же, роялисте Гоббесе, который издал два важных политических сочинения: 1) о Гражданине; 2) Левиафан. Гоббес рассматривает государство как искусственное произведение. По его мнению, натуральное состояние человека до государства была *война*, вследствие эгоистических стремлений каждого. То, что каждый считает для себя полезным, то и делается для него мерилom права, и так как в это время каждый есть судья в собственном деле, то люди беспрестанно ссорятся друг с другом и прибегают к оружию для решения споров, и так *война всех против всех* есть естественное состояние человечества. Чтоб выйти из такого невыносимого положения, люди стараются обезопасить и усилить себя взаимным союзом. Страх пред бедствиями натурального состояния есть настоящая причина происхождения государства, и цель государства, в противоположность натуральному состоянию войны всех против всех, есть *мир*. Но для поддержания мира необходимо, чтоб единичные воли слились в единую общую волю, а это возможно только тогда, когда каждый подчиняет свою волю воле одного человека или одного собрания: так происходит искусственное лицо, которое мы называем государством. Верховная власть,

по Гоббесу, необходимо должна быть неограниченная. Верховный властитель один сохраняет первоначальное право над всем, право, от которого отказались другие. Если верховная власть будет ограничена, то государственное единство рушится, и в столкновении необузданных сил возобновится прежнее состояние войны всех против всех. Кто хочет ограничивать верховную власть, тот должен сам иметь высшую власть. Верховный властитель не может быть уподоблен главе в государственном теле, но душе в теле. Так в политической литературе Англии вследствие революции образовались две противоположные теории, которые легли в основание воззрений двух знаменитых политических партий.

Виги (Шефтсбюри с товарищами), настаивая на удалении от престола герцога Йоркского, выставляли кандидатом на престол герцога Монмута, побочного сына короля Карла II, но это революционное стремление вигов вызвало противодействие со стороны людей, боявшихся более всего революции; опираясь на это противодействие, Карл II получил возможность бороться с вигами, с парламентом, находившимся под их влиянием. В половине 1679 года он распустил парламент. Шефтсбюри и Темплъ вышли из министерства; король образовал другое министерство (Галифакс, Зандерланд, Гейд, Годольфин), которое содействовало к постепенному повороту общественного мнения. Герцог Йоркский возвратился из-за границы, хотя и отправлен был в Шотландию. Монмут, наоборот, должен был удалиться на твердую землю. Парламент, созванный в октябре 1679 года, был опять отсрочен на целый год; герцог Монмут по вызову Шефтсбюри явился опять в Англии, и вся страна пришла в сильное движение; к королю посылались просьбы и адреса с жалобами на отсрочку парламента; казалось, приближается новая революция. Но тут-то и обнаружился страх перед революциею: король стал получать просьбы другого рода, его стали просить, чтоб он держался при своем праве отсрочивать парламент; высказывались против Шефтсбюри и Монмута, благодарили за возвращение герцога Йоркского. Но эта консервативная партия не имела большинства в парламенте, собравшемся в октябре 1680 года; здесь большинство было опять за билль об удалении герцога Йоркского от наследства престола; билль прошел в палате общин, но был остановлен в палате лордов.

После этого палата общин действовала так, что все более и более страшала возобновлением революции и этим усиливала консервативную партию; палата общин требовала удаления некоторых членов королевского тайного совета, и когда разнесся слух об отсрочке парламента, то объявила, что люди, советующие королю эту отсрочку, суть изменники королю, религии и отечеству, работающие в интересах Франции и получающие за

это от нее жалованье. Парламент был распущен в начале 1681 года, и новый должен был собраться не в Лондоне, а в Оксфорде. Между тем король, желая обеспечить себя насчет денег, чтоб не зависеть от парламента, заключил тайный договор с французским королем Людовиком XIV: последний обещал прислать Карлу II два миллиона ливров в 1681 году и по полмиллиона — на два следующие года; Карл II за это обязался не заступаться за Испанию. В Оксфорде король предложил парламенту следующую сделку: по его смерти герцог Йоркский будет королем только по имени и не будет жить в Англии; его именем будет управлять старшая дочь его Мария, жена штатгалтера голландского, Вильгельма III Оранского, а после нее — сестра ее Анна; но парламент не согласился, продолжая настаивать на безусловном исключении герцога Йоркского из престолонаследия, и был распущен.

А между тем консервативная партия усиливалась все более и более и поддерживала короля, который счел возможным возвратить брата в Англию (май 1682 года). Это возвращение заставило противную партию составить заговор, главою которого был Шефтсбюри, а главными участниками — Ессекс, Грей, Россель, граф Лейчестер и брат его Сидней — люди, напитанные понятиями древности, мечтавшие о римской свободе. Целью заговора было возбуждение всеобщего восстания в Англии и Шотландии, но заговор был открыт, Шефтсбюри спасся бегством в Голландию, где скоро умер, Россель и Сидней были схвачены и казнены (1683). Основные положения обеих партий, вигов и тори, высказались в этом деле: лорд Россель на суде защищал учение, что подданные не обязаны повиновением государю, который нарушил свои обязанности в отношении к ним, но в день казни Росселя оксфордские богословы издали эдикт о страдательном повиновении подданных государю; они высказали в этом эдикте, что противно христианскому богословию утверждать, что светская власть основывается не на божественном праве государя, а на каком-то договоре между народом и правителем, на каком-то договоре, по которому государь теряет свое право, если управляет не так, как следует. На этот раз в Англии большинство было за оксфордское положение.

Тори торжествовали. Герцог Йоркский получил свою прежнюю должность великого адмирала и место в тайном совете. Под предлогом веротерпимости король явно покровительствовал католикам, парламент не созывался. Среди полного спокойствия умер Карл II в феврале 1685 года; среди полного спокойствия вступил на престол герцог Йоркский под именем Иакова II; католик стал главою Английской Церкви!

Спокойствие было условлено тем, что многие либералы, видя торжество противной стороны в последнее время Карла II,

удалились из Англии и наполняли города нидерландские. По смерти Карла II они решились высадиться в Англию и произвести здесь восстание против короля-паписта; вождем их был герцог Монмут. Недовольные шотландцы также поднимались под начальством герцога Аргилия. Но эмигранты, как обыкновенно бывает с ними, имели дурное понятие о положении дел в Англии и в пламенном желании возвратиться поскорее в отечество преувеличивали свои средства, число своих соумышленников на острове. В Англии предпочитали короля-паписта революции, тем более что Иаков еще не успел показать себя, и когда в мае 1685 года созван был парламент, то он наполнился роялистами, которые дали королю денег больше, чем тот требовал, и когда пришло известие, что Монмут высадился на берега Англии, то парламент дал королю 400 000 фунтов на ведение войны против мятежников, объявил Монмута государственным изменником и назначил цену за его голову.

11 июня высадился Монмут в Англию; 6 июля был наголову разбит и взят в плен королевскими войсками, бывшими под начальством Чорчиля (впоследствии знаменитого герцога Марльборо); та же участь еще в июне постигла и Аргилия в Шотландии. Тщетно Монмут унижался пред дядею, на коленях со слезами умолял о прощении: его казнили. Иаков поступил как истый шотландский король, не знавший пощады врагам в кровавой усобице; он поручил преследование врагов своих верховному судье Джефрею, который приговорил к смерти более 300 человек и более 650 человек — к ссылке в Вест-Индию, где их продавали в рабство; другие были приговорены к телесному наказанию.

Истребляя и ссылая приверженцев Монмута, король этим самым уменьшал число ярых противников католицизма, которому начал прокладывать дорогу к господству. Первым очень искусным шагом к тому было стремление провозгласить терпимость всех вероисповеданий, ибо как скоро все исповедания получат одинакую свободу, то должен будет получить такую же свободу и католицизм, которому при свободе легко будет приобрести средства и к господству. При таком стремлении Иакова найти себе поддержку в протестантских исповеданиях, даже самых крайних, чтоб сломить исключительное господство Англиканской Церкви, королевскою милостию пользовался и Вильям Пенн, глава секты квакеров, который населил ими в Северной Америке провинцию, получившую по его имени название Пенсильвания.

Но самым важным средством для короля достигнуть своей цели было иметь преданное ему постоянное войско. У Карла II было 6000 войска, Иаков увеличил его до 20 000, но для содержания войска нужны были деньги, а за деньгами надобно было обратиться к парламенту. Король созвал парламент в 1685 году

и объявил ему, что нуждается в деньгах для войска и что в это войско назначил он офицеров-католиков. Иаков рассчитывал на преданность парламента и обманулся: стоило только указать на постоянное войско и на офицеров-католиков, и в парламенте образовалась оппозиционная партия. Протестанты начали покидать королевскую службу. Иаков не обращал внимания на эти опасные признаки и действовал все открытее в пользу католицизма: с особенным уважением обращался с папским нунцием и велел своему посланнику, назначенному к римскому двору, с торжеством въехать в Рим.

Парламент дал только половину требуемой суммы на содержание постоянного войска и протестовал против назначения католиков-офицеров. Иаков, по примеру предшественников, отсрочил парламент и начал распоряжаться как глава Церкви, стал сдавать приходы и епископства Англиканской Церкви католикам. Лондонский епископ отрешен был от должности, католики назначены членами тайного королевского совета; иезуиты, францисканы и монахи других орденов, которым законом воспрещен был доступ в королевство, явились повсюду и начали строить церкви и монастыри даже в самом Лондоне; в Ирландии отставляли протестантских офицеров и формировали католическое войско, которое хотели употребить в Англии. Все это Иаков делал, опираясь на право монарха разрешать и такие вещи, которые запрещены законом (диспензационное право).

Видя, что нет никаких средств вытребовать у парламента уничтожение Тест-акта, король в 1687 году издал *объявление о снисхождении*, по которому уничтожались постановления, направленные против людей, не соблюдавших английские церковные законы (нонконформисты); потом позволено было католикам и протестантам — неангликанским — отправлять общественное богослужение. Министерство Иакова состояло уже из католиков; главным руководителем короля был иезуит, патер Петре. Англичане, не хотевшие терпеть такого порядка вещей, бежали из отечества в Нидерланды к Вильгельму Оранскому, который уже давно имел тайные сношения с недовольными в Англии, главным посредником между этими недовольными и Вильгельмом был епископ Барнет.

У Иакова были только две дочери: Мария, замужем за Вильгельмом Оранским, и Анна — за принцем Георгом Датским; обе принцессы упрочивали протестантское наследство для Англии. Но в июне 1688 года у Иакова родился сын, которого отец, разумеется, должен был воспитать в католицизме. Это заставило приверженцев протестантизма действовать скорее и решительнее, причем пошли слухи, что новорожденный принц подставной. В ноябре 1688 года Вильгельм высадился на берега Англии. Иаков выехал из Лондона, чтоб принять начальство над своим

войском, которое превосходило числом неприятельское, но со всех сторон начал он получать известия, что офицеры и генералы его переходят к Вильгельму. Когда испуганный король возвратился в Лондон, то и вторая дочь его, Анна, с мужем, принцем Георгом Датским, отправилась к Вильгельму Оранскому. Иаков видел, что он покинут всеми, тогда как Вильгельм медленно близился к Лондону. В таких обстоятельствах король видел единственное средство спасения в бегстве и в декабре выехал из Лондона, потом возвратился опять, но снова, убедившись, что все потеряно, отправился во Францию, где и провел остальное время жизни.

В январе 1689 года собрался парламент (называвшийся *конвентом*, потому что парламент мог созывать только король). Престол объявлен был праздным на том основании, что Иаков оставил его добровольно. Но кто же должен быть королем? Одни утверждали, что королевой имеет право быть только Мария, дочь Иакова, жена Вильгельма; другие хотели передать правление вместе Марии и Вильгельму. Последний не очень нравился англичанам: он был похож на своего знаменитого предка, Вильгельма Молчаливого; при светлом уме и твердой воле он был холоден, необщителен, не внушал сочувствия; притом он был иностранец, явно тянул более к Голландии, чем к Англии; боялись, что он как штатгалтер голландский будет предпочитать голландские интересы английским, будет по своим континентальным отношениям и видам вовлекать Англию в чуждые для нее и бесцельные предприятия. Вильгельм покончил споры, объявив, что если его не провозгласят королем, то он сейчас же возвратится в Голландию и предоставит Англию себе самой. Эта угроза подействовала.

Вильгельм был провозглашен королем, но при этом было постановлено, что «король не имеет власти останавливать действие законов или освобождать кого-нибудь от обязанности исполнять их. Всякое право исходит из народа. Король не может без парламента взимать какие-нибудь деньги, не может в мирное время держать войско. Суды присяжных не должны состоять из людей, не имеющих качеств, требуемых законом. Парламентские выборы и речи, произносимые в парламенте, не должны подвергаться никакому стеснению». Шотландия последовала примеру Англии, но Ирландию Вильгельм должен был силою заставить отказаться от Стюартов.

XIV ФРАНЦИЯ ОТ СМЕРТИ КАРДИНАЛА РИШЕЛЬЕ ДО СМЕРТИ КАРДИНАЛА МАЗАРИНИ

Ришелье придавил беспокойных вельмож, разнуздавшихся в малолетство Людовика XIII, отнял силу и у протестантов, которые также служили орудием для честолюбия вельмож. Силь-

ный духом министр действовал за слабого короля в интересах королевской власти, поддержал и укрепил ее. Ришелье держал в руках и парижский парламент, стоявший во главе могущественного чиновничества и которому, по старому обычаю, предлагались все законы и распоряжения для занесения их в реестр. Парламент присвоил себе право отказываться вносить в реестр законы, которые почему-нибудь казались ему неудобными. Только тогда, когда король сам являлся в заседание парламента и приказывал внести закон в реестр, парламент не смел ослушаться. Ришелье учреждением чрезвычайных судов сузил круг парламентской деятельности; учреждением *интендантов* (областных управителей), зависевших от министров, сосредоточил власть в руках королевских, ослабив областную самостоятельность. Ришелье обратил внимание и на литературное движение, которого не хотел оставить без руководства: он основал из 40 членов Французскую академию, которой обязанность состояла в наблюдении за чистотою вкуса и языка. Наконец, при нем основана была еженедельная газета (*Gazette de France*). Вместе с тем Ришелье придал блеск своему правлению внешнею деятельностью: своею искусною политикою он нанес страшный удар Габсбургскому дому во времена Тридцатилетней войны, довершил раздробление, следовательно, слабость Германии, дал возможность Франции подчинить эту страну своему влиянию, поднял французское влияние и в Италии.

Таким образом, благодаря Ришелье Франция достигла заветной цели своих стремлений, стала первенствующею державою в Европе; со всех сторон она была окружена слабыми соседями. Испания все более и более предавалась тяжелому сну; раздробленная Италия и Германия не имели сил противиться французскому влиянию; Голландия имела слишком ничтожные сухопутные средства; Австрия была слаба своим пестрым составом и не могла скоро оправиться после Тридцатилетней войны; Англия вступала в долгий период внутренних смут. Во внешней деятельности своей Ришелье имел сначала главного сотрудника в ловком монахе, патере Иосифе, а потом — в итальянце Мазарини.

В конце 1642 года умер знаменитый кардинал — предмет удивления, страха и ненависти для короля и народа. В мае 1643 года умер и король Людовик XIII, человек без больших пороков и без добродетелей, совершенно заслоненный для современников и потомства колоссальною фигурою Ришелье. Сын покойного короля, Людовик XIV, был малолетен, и Франции опять приходилось испытать регентство с неизбежными смутами. Правительницею была провозглашена мать малолетнего короля, Анна Австрийская, сестра испанского короля Филиппа IV.

На сорок втором году Анна была еще хороша собою; к приятной наружности присоединилось чрезвычайно приличное

и привлекательное обращение; сочувствие к королеве усиливалось еще печальной судьбою ее при жизни не любимого ею и не любившего ее мужа. Анна была женщина религиозная, страстная, стойкая в своих привязанностях, не разбиравшая иногда средств для достижения цели по отсутствию хорошей нравственной школы при католических дворах, властолюбивая и вместе с тем ленивая, следовательно, нуждавшаяся в человеке, на которого могла бы сложить бремя власти. Ловкий Мазарини овладел привязанностию Анны, и эта привязанность не остывала с годами, но усиливалась. Таким образом для Мазарини очевидно было место Ришелье. Новый правитель Франции [обладал] большими дипломатическими способностями, во внешней политике взгляд его отличался большою ясностию, он не был мастером во внутренней и не умел загладить недостатка своего иностранного происхождения глубоким изучением Франции; он был ловок, хитер, увертлив, способен, если выгонят в одни ворота, проложить себе дорогу в другие, но не имел нисколько всеокрушающей силы своего предшественника, а если в конце остался победителем, то не сломил препятствий, а обежал их, пользуясь слабостию врагов, которые не имели ясно осознанной цели для борьбы.

Когда отнялась сильная рука Ришелье, то сжатое при нем снова пришло в движение. Вельможи опять выступили с своими претензиями, но в чем состояли эти претензии? В том, чтоб играть видную, блестящую роль, красоваться, пользоваться настоящим днем, не думая о завтрашнем, руководясь личною враждою, личными привязанностями, не имея никаких общих целей и планов для основного изменения своего положения, для определения своих отношений к королевской власти; поднимался парламент, поднялось парижское народонаселение; в этом движении слышались отрывочно какие-то новые слова, новые желания и требования, но все это высказывалось бессознательно, бессвязно; представления из мира древнего, классического смешивались с представлениями, взятыми из событий, происходивших в соседней Англии; своего, выросшего на своей почве и потому крепкого, ничего не было, и из всего этого вышла одна суматоха, вышла детская игра, так называемая *Фронда*, которым словом и характеризуется смутное время в малолетство Людовика XIV.

Мазарини не чувствовал в себе способности держать всех в руках, подобно Ришелье, и потому кроме королевы искал подпоры в членах королевского дома, или в принцах крови, как называли их во Франции. Первым принцем крови был родной дядя короля, Гастон Орлеанский, человек ничтожный, заслуживший презрение поступками своими при Ришелье, но по своему положению могший быть опасным для правительства орудием в чужих руках. Гастона купили обещаниями провинции в управле-

ние. Еще легче было купить второго принца — Конде, у которого корыстолюбие было господствующею страстью. Но у Конде был сын, Людовик Бурбон, герцог Анжуйский, молодой человек, с которым правительство должно было больше всего считаться по его блестящим военным дарованиям.

Положение правительства было опасно: у него не было Ришелье, тогда как недовольное вельможество и парламент могли собраться около герцога Ангьенского, героя, какого Ришелье не имел никогда против себя; можно было опасаться, что сын Конде начнет играть роль Гизов, но разница состояла в том, что способности герцога Ангьенского были односторонни: на войне это был первоклассный полководец, во всем другом — посредственность. Так как у французов в это время продолжалась война с испанцами, то умирающий Людовик XIII поручил начальство над Фландрскою армиею герцогу Ангьенскому, который, как мы видели, начал свое военное поприще блистательною победою при Рокруа (май 1643 года); победителю было только 22 года.

За принцами крови стояла толпа вельмож, которые подняли головы после Ришелье и с которыми также надобно было считаться правительству. Мазарини, не имея силы сокрушать, естественно, был склонен подкупать, и возвратилось время правления Марии Медичи: все стали просить, и никому не было отказа; когда в казне не осталось денег, начали раздавать привилегии, монополии; одной даме дали право собирать пошлины с обеден, служившихся в Париже. Сначала все были довольны, только и слышалось при дворе: «Королева так добра!» Но когда просить и получать стало уже труднее и когда в то же время заметили, что дают не по одной доброте, а по болезни и слабости, то начали презрительно обращаться с человеком боязливым и слабым — с Мазарини; начали показывать итальянцу, что он лишний во дворце, должен уступить место и влияние другим, познатнее его, и когда увидели, что королева упрямится, хочет непременно удержать при себе Мазарини, то и она перестала быть «такою доброю».

Самый видный между вельможами был герцог Бофор, побочный внук Генриха IV, красивый, но дерзкий и пустой человек. Скоро он нашел случай достойно выступить на поприще. Две дамы, соперницы по красоте, перессорились между собою; королева взяла сторону обиженной и удалила обидчицу в деревню. Бофор, который волочился за обидчицею, пришел в ярость и составил заговор убить кардинала Мазарини; шпионы известили первого министра об опасности; Бофор был заключен в крепость, родные и друзья его должны были оставить Францию.

Казалось, дело кончилось благополучно. Правительство действовало решительно, показало свою силу. Но опасность более страшная начала грозить ему с другой стороны: то было

финансовое расстройство. Благодаря войнам и внутренней широкой деятельности Ришелье финансы и при нем находились далеко не в удовлетворительном положении. Доходы отдавались на откуп за несколько лет вперед, а Анна Австрийская при вступлении своем в управление в 1643 году нашла, что доходы издержаны за три года вперед. Расточительность правительницы увеличила расходы: в 1632 году они простирались до 99 миллионов, в 1643 году зашли за 124 миллиона, а между тем войску платили хуже, чем при Ришелье. Из 124 миллионов 68 шли мимо контроля, потому что помещались в *секретные* расходы. Виновником зла считали Мазарини: он был покровителем генерал-контролера Емери, пользовавшегося очень незавидною репутациею. Крестьяне, обремененные налогами, начали волноваться. Заводчиков мятежа хватали и вешали, но это не избавляло правительство от финансовых затруднений. Оно увеличило пошлины на вино, учредило и продало 200 новых должностей, заняло 12 миллионов за 25 процентов, наконец, выкопало старинное предписание, запрещавшее строить дома в парижских предместьях: владельцы уже построенных домов должны были или сносить их, или отплачиваться деньгами. Домовладельцы обратились к парламенту, и парламент заступился за них. Правительство завело переговоры с парламентом и уступило: взяло один миллион вместо ожидаемых семи или осьми. Но, уступивши парламенту и парижанам, правительство усилило подати с сельского народонаселения.

Тягость народная, с одной стороны, стала причиною неудовольствия людей честных, а с другой — люди и целые корпорации, желавшие выдаться вперед, в тягости народной нашли лучший предлог для сопротивления правительству. В 1647 году подати достигли небывалой цифры. В начале 1648 года в Париже по ночам слышались выстрелы: горожане, раздраженные новым налогом, пробовали ружья; чиновники, которым не выплачивалось жалованье, обратились к парламенту, который заступился за них и постановил, чтоб все судебные и финансовые палаты соединились для защиты общего дела. Государственный совет кассировал это постановление, и членам парламента велено было явиться во дворец. Они пошли туда пешком, по дороге громадная толпа окружала их, и тысячи голосов умоляли их соединить свое дело с делом бедного, так страшно угнетенного народа. Угрозы, которыми королева встретила членов парламента, не произвели на них никакого действия: члены соединенных палат продолжали совещаться вместе и говорить зажигательные речи, в которых слышалось что-то «древне-римское», по свидетельству современников.

Двор испугался и посредством герцога Орлеанского вошел в сношения с парламентом, но это усилило только его смелость;

раздались крики: «Дело идет не об нашем интересе, но об интересе общем: надобно хлопотать об облегчении народа, надобно уничтожить беспорядки в государстве!» Все злоупотребления были перебраны, ни дела, ни лица не были пощажены, толковали о средствах начать наступательное движение против министерских злоупотреблений и восстановить значение высшей магистратуры.

Королева была склонна к энергическим мерам против этих «канальев», как она называла членов парламента и других палат, не могла выносить мысли, чтоб эти люди ограничивали королевскую власть; но Мазарини боялся сил соединенной магистратуры. Само правительство посредством продажи мест и наследственности их создало это опасное для себя войско, сделавши судебные должности и управление финансами собственностью известного числа фамилий: теперь в целой Франции число этих фамилий простиралось до 50 000, которые имели самое важное значение в городах, заправляли остальным их народонаселением. Ришелье чувствовал опасность и хотел умерить одну силу другою, поднявши в городах класс торговых и промышленных людей против наследственного чиновничества, но среди войн ему не достало досуга привести в исполнение свои планы, и теперь его преемник должен был иметь дело с опасным сословием, которое поддерживалось множеством недовольных, ждавших зачина движения, чтоб броситься в него с «французским бешенством» — *furia francese*.

Двор уступил по настоянию Мазарини, согласился уменьшить налоги, отозвать королевских интендантов из провинций, управление финансами было взято у Емери; но, как обыкновенно бывает в подобных случаях, уступки с одной стороны вели к усилению требований с другой, тем более что сторона победившая, естественно, должна была желать обеспечения для достигнутых ею результатов, должна была желать, чтоб то, против чего она восстала, не повторялось более, а этого обеспечения не было. Пылкая королева, с большою горечью в сердце согласившаяся на уступки, теперь, видя, что уступки не помогают, упрекала Мазарини в трусости и требовала решительных мер против бунтовщиков. Положено было арестовать несколько советников парламента, и в том числе старика Брусселя, пользовавшегося особенною популярностью в Париже. В городе вспыхнуло сильное волнение, когда узнали, что «защитник народа» схвачен правительством.

В это время выступает на сцену человек, который давно уже ждал случая начать тревожную деятельность главы партии в смутах народных, деятельность, вполне соответствующую его характеру: то был Павел Гонди, викарий парижского архиепископа, известный в истории под именем кардинала Реца, оставивший

знаменитые во французской литературе записки о своем времени и о своей деятельности. Когда народное восстание за Брюсселя становилось все сильнее и сильнее, Гонди является к королеве и начертывает страшную картину возмущения. Анна, заподозрив викария в умышленном преувеличении, рассердилась. «Вам бы хотелось, чтоб я возвратила свободу Брюсселю,—закричала она с угрожающим жестом,—да я скорее задушу его собственными руками, и всех тех, кто!!..» Мазарини поспешил остановить ее и успокоить, министр упросил Гонди пойти к народу и обещать освобождение Брюсселя, если только положить оружие. С большим трудом викарию удалось исполнить это поручение. Когда он возвратился во дворец и объявил, что Париж покорен в надежде на исполнение обещания, то королева отвечала ему с насмешкою: «Ступайте, отдохните после такой работы!» У ней было другое на уме, а не освобождение Брюсселя.

На другой день на рассвете войска правительства расположились около Пале-Рояля, где жил тогда король с матерью. Но это не испугало, а только раздражило народ: в минуты улицы наполнились вооруженными толпами. в минуты по ним протянулись цепи и поднялись баррикады. Королева уступила. Брюссель возвратился и с неслышанным торжеством вступил в парламент, сам удивляясь, за что ему такая честь. Баррикады и вооруженные толпы исчезли.

Брюссель был знаменит в народе как ненавистник налогов, а налоги не уменьшались; [началось] новое волнение, теперь уже против парламента: зачем медлит облегчением народа. Парламент уступил мятежу, королева должна была уступить представлениям парламента; со слезами на глазах она подписала декрет, который называла «умерщвлением королевской власти». Налоги были значительно сбавлены, на четыре года король отказался от права налагать новые подати, учредить новые должности; определено, что впредь каждый может быть наказан только по законным формам, и ни один чиновник не может быть потревожен в отправлении своих обязанностей королевским предписанием (*lettre de cachet*) или иначе.

Одержали победу, вытребовали уступки. Но надолго ли? Не воспользуется ли двор первым случаем, чтоб «возвратить умерщвленную королевскую власть»? Оскорбили двор, ждали мщениа и тревожились. При дворе всем заправляет итальянец Мазарини, человек, на которого ни в чем нельзя положиться, человек, который «не уважает никакой добродетели и не ненавидит никакого порока». Значение Мазарини упало совершенно, потому что он оказался слаб, уступчив, на него сыпались насмешки, на нем безнаказанно вымещали все, что имели против власти. Сам по себе Мазарини подняться не мог, он должен был искать силу, на которую можно было бы опереться; эту силу представлял моло-

дой герой, герцог Ангьенский, принявший теперь по смерти отца титул принца Конде. Конде надавали богатых владений, и он обещал поддержать двор.

В начале 1649 года королева со всем двором внезапно выехала из Парижа в С.-Жермен, и скоро в Париже узнали, что около него собирается войско, которое прервет все сообщения столицы, если парижане не подчинятся вполне королевской власти. Страшное ожесточение овладело Парижем при этом известии, и парламент объявил кардинала Мазарини ведомым заводчиком смуты, врагом короля и государства и предписал ему немедленно оставить двор и Францию. Город стал готовиться к защите, начали собирать деньги и жалованье ратным людям. Ратные люди явились, как скоро было жалованье; явились и генералы из недовольных вельмож: герцог Эльбёф, принц Конти (младший брат Конде) с зятем своим (мужем сестры), герцогом Лонгвилем, которого жена принимала деятельное участие в движении, герцог Бульон, маршал Ла-Мотт-Гуданкур, герцог Бофор предложили свои шпаги на службу «парламенту и публике», после перешел на сторону Фронды и брат герцога Бульонского, знаменитый маршал Тюренн.

Конти был провозглашен генералиссимусом с зависимостью от парламента. Парламент распорядился деятельно, укреплял предместья, запретил под смертною казнию удаляться из столицы. Города Прованса и Нормандии стали за парижан. Вместе с тем началась война памфлетами и стихами, но в этих произведениях заметна большая разница с подобными же произведениями эпохи религиозной борьбы (лиги); тогда религиозное одушевление, с одной стороны, опасность от гибельной усобицы и вмешательства иностранцев — с другой, вообще сильно разгоревшиеся страсти высказались и в литературных произведениях серьезных и страстных; но памфлеты и песенки Фронды своею легкостью соответствуют характеру движения, не имевшего серьезного политического исхода; в этих произведениях (мазаринадах) чаще говорится об итальянском произношении Мазарини, чем о народных бедствиях.

Но война велась не одними перьями: между парламентскими и королевскими войсками происходили частые стычки в окрестностях Парижа; многочисленность парламентского войска перевешивалась тем, что на стороне королевской был великий Конде, с которым генералы Фронды не решались вступить в серьезное дело. Но они решились вступить в сношения с заклятыми врагами Франции, испанцами, и заключить с ними тайный договор, по которому испанские войска должны были вступить в пределы Франции. Парламент с отвращением смотрел на это дело и желал как можно скорее примириться с двором, тем более что известие о казни английского короля Карла I произвело самое

неблагоприятное впечатление на континенте, и представители среднего сословия во Франции боялись вести дело, которое уподобляло их английским царевичам. В марте 1649 года в Рюеле последовало примирение между парламентом и двором, который признал действительными все меры, принятые в 1648 году. Фрондеры в парламенте, фрондеры-генералы и фрондеры из других слоев общества были очень недовольны тем, что депутаты парламента поспешили примирением; но первый президент парламента, Матвей Молэ (Большая Борода, как его обыкновенно звали в народе), неустрашимо выдержал бурю, не смущаясь никакими криками и угрозами; между криками слышалось слово «республика».

Республика оставалась на словах, но и Рюельское примирение не могло быть продолжительным. У королевской власти были отняты прежние ее средства относительно наполнения казны и не были заменены новыми; деятели Фронды остались нетронутыми и не были удовлетворены, поэтому не думали успокаиваться, а между тем испанцы, пользуясь смутю, приняли успешное наступательное движение. Войско, выставленное против них Мазарини на последние деньги, не могло сделать ничего важного, потому что Конде отказался им предводительствовать; после Рюельского мира он подпал влиянию своей сестры, герцогини Лонгвиль, которая незаметно приучала его отзываться о Мазарини с таким же презрением, как и фрондеры. Кардиналу наскучила зависимость от такого тяжелого человека, как Конде, и он сблизился с враждебными последнему герцогами Вандомами, выдавши племянницу за одного из них (герцога Меркера). Конде, упрекая Мазарини в неблагодарности, удалился от двора.

Франция находилась в самом печальном положении в 1649 году. Прежнее самодержавное правительство было подорвано, а новый порядок вещей установлен не был; анархия сменила прежнее фискальное тиранство; за 20 верст от Парижа не платилось более никаких податей и пошлин, сборщики не смели показываться в деревнях; правительство, доведенное до последней крайности, не могло ни выплачивать жалованье войску, ни содержать двор, так что пажей разослали по родным, не имея чем кормить их; провинции волновались, требуя прежних прав, прежней независимости. В Париже публично только и говорили, что о республике и свободе, ссылаясь на пример Англии, говорили, что монархия слишком устарела и пора с нею покончить. Pamфлеты вышли из всяких пределов приличия.

Между тем Конде торговался с Мазарини: он требовал для зятя своего, герцога Лонгвиля, губернаторства в Пон-де-Ларш — места чрезвычайно важного в стратегическом отношении. Мазарини счел крайним неблагоприятием отдать такое место в руки фрондеру и лично отказал Конде. Тот вышел из себя, сделал такой жест рукою, как будто хотел задеть кардинала по носу,

и удалился, закричавши ему: «Прощай, *Марс!*» Фрондеры пришли в восторг при вести об этом разрыве и спешили предложить свои услуги Конде; Мазарини был почти всеми оставлен, потому что никто не считал возможным, чтоб кардинал восторжествовал в борьбе с Конде. Мазарини испугался и помирился с принцем на тяжелых условиях, обязался не предпринимать ничего важного, не раздавать никаких значительных мест и не удалять никого от двора, не женить своего племянника и не выдавать замуж племянниц без согласия Конде.

Здесь высказался вполне характер Конде, он не был способен находиться во главе партии, еще меньше — во главе управления; это был совершенный образец старинного дворянина, который был способен только воевать и всякое другое занятие считал ниже себя, для всякого другого занятия годились такие мелкие люди, как Мазарини с товарищами: пусть их работают, но чтоб не могли поднимать нос и делать что-нибудь без его согласия. Взгляд Конде на Мазарини, этого человека, не умеющего владеть оружием и осмеливавшегося противоречить ему, принцу и герою, вполне выразился в презрительном восклицании: «Прощай, *Марс!*» Желая не управлять, а господствовать, желая, чтоб все безусловно подчинилось его прихотям, Конде явился для всех невыносимым деспотом, как для врагов, так и для друзей. Один из самых пустых людей при дворе, маркиз Жарзе, вздумал волочиться за королевою, и Конде решился содействовать успеху маркиза; и когда королева прогнала Жарзе, то Конде поднял шум и заставил королеву простить Жарзе и допустить его снова во дворец.

Королева и Мазарини до времени затаили свои чувства к тирану; но фрондеры не хотели дожидаться и подняли волнение на улицах. Мазарини уверял, что движение направлено против Конде; тот для проверки отправил свою карету и людей, раздались выстрелы, и один из лакеев принца был ранен. Раздраженный Конде подал жалобу в парламент. Тогда вожди Фронды, преследуемые за покушение на жизнь принца, решились сблизиться с двором против общего врага. Гонди, переодетый, ночью явился во дворец для переговоров с королевою и Мазарини, и дело было улажено: викарий поручился, что Париж не тронется, если правительство арестует Конде, Конти и Лонгвиля. И действительно, когда в Париже разнеслась весть, что эти три человека схвачены во дворце и отведены в крепость (Венсенн), то улицы были иллюминированы: город праздновал заточение своего героя как великую победу; в парламенте не было речи о том, что захваченные принцы должны быть судимы по законам. Гонди и Бофор объявили, что они совершенно примирились с двором, и в народе говорили: «Значит, не нужно более ненавидеть кардинала, если он перестал быть Мазарином» (1650).

Но поднялась новая Фронда. За Конде вооружились герцог Бульон, маршал Тюренн и другие друзья принца; энергическая красавица герцогиня Лонгвиль, сестра Конде, была душою движения. Не одна, впрочем, герцогиня Лонгвиль внесла свое имя в летопись Фронды: многие другие знатные дамы стали знамениты своими похождениями, сильным участием в интригах и волнениях эпохи; характер движения согласовался как нельзя больше с женским характером, взятым не с почтенной его стороны; и мужчины Фронды действовали большею частию как ветреные женщины. Измена казалась делом позволительным; знаменитый Тюренн вместе с герцогинею Лонгвиль заключили договор с испанцами: обязались взаимно не входить в сношение с французским правительством без освобождения принцев и без заключения выгодного для Испании мира. Тюренн соединил свое войско с войсками испанскими, забирал города и намеревался ударить на Венсенн, чтоб освободить Конде. Гонди потребовал у Мазарини, чтоб тот выхлопотал ему кардинальство; Мазарини отказал, тогда Гонди соединился с партией Конде, увлекая за собою и бесхарактерного герцога Орлеанского.

Победа войск правительства над Тюренном не спасла Мазарини от беды, когда против него соединились теперь старая и новая Фронды. В парламенте опять заговорили против правительства, раздались голоса, что «монархия ниже законов». Парламент огромным большинством решил просить короля и правительницу об освобождении знаменитых заключенных; первый президент парламента, Молэ, говорил пред королевою необыкновенно смело, назвал политику Мазарини несчастною и сильно порицал арест Конде. Двенадцатилетний король обнаружил в себе при этом случае будущего Людовика XIV: он сказал матери, что если бы он не боялся навлечь на себя ее неудовольствие, то заставил бы замолчать первого президента и выгнал бы его (начало 1651 года).

Правительство объявило, что соглашается на освобождение принцев, если Тюренн перестанет вести войну. Но уже было поздно: герцог Орлеанский вошел в соглашение с партией Конде, и положено было изгнать Мазарини; почти весь двор покинул дворец, чтоб предложить свои услуги герцогу; огромное число дворян последовало примеру двора; наконец, и духовенство объявило себя в пользу Конде. Мазарини счел нужным для себя выехать из Парижа в С.-Жермен; но парламент, благодаря короля и правительницу за удаление кардинала от двора, просил, чтоб Мазарини был удален за пределы Франции и чтоб вперед ни один иностранец не имел доступа в королевский совет. Анна Австрийская принуждена была согласиться на эту меру; принцы были освобождены. Мазарини выехал за границу, но поселился недалеко от Франции, в городе Брюле, близ Кёльна, дожидаясь

своего времени, зная, что во французских волнениях нет ничего серьезного, что все дело в личных отношениях, которые ежедневно запутываются. Он был робок, трепетал при виде приближающейся беды, но был тверд и стоек в самой беде.

Не успел Мазарини выехать за границу, как уже люди, его изгнавшие, начали ссориться. Вместе с исключением всех иностранцев из королевского совета парламент потребовал исключения кардиналов; духовенство подало королю жалобу на обиду, сделанную Церкви; герцог Орлеанский стал на стороне духовенства, имел в виду кардинальство Гонди. В то же самое время парламент поссорился с дворянством, которое, жалуясь на поспешное ограничение древних прав и вольностей дворянских, жалуясь, что люди меча должны подчиняться людям пера, людям низшего происхождения, требовало созвания генеральных чинов, чтоб прекратить злоупотребления министров и захват власти, какой позволяли себе парламенты. Герцог Орлеанский и Конде не знали, что делать между двух огней, между дворянством и парламентом; положение последнего стало тем опаснее, что дворянство соединилось против него с духовенством. Между тем Конде перессорил новую Фронду с старой и в старой Фронде перессорил двух ее вождей — Гонди и Бофора. Тогда Гонди перешел на сторону королевы, которая обвинила Конде в сношениях с Испаниею. Дело было передано на суд парламента, в залах которого едва не произошло битвы между партией Конде и партией Гонди. Конде выехал из Парижа и явно перешел на сторону Испании. Тогда Мазарини увидел, что его время пришло, и явился во Францию в конце 1651 года с войском, собранным им в Германии и Бельгии; герцог Бульон и маршал Тюренн были теперь на его стороне; тщетно парламент выдал против кардинала яростную прокламацию: она не повела ни к чему, тем более что тринадцатилетний король был провозглашен совершеннолетним, и это стесняло парламент в его действиях.

Людовик XIV выезжал на встречу к Мазарини и вместе с ним поселился в С.-Жермене, а Конде возвратился в Париж, где оставался также и герцог Орлеанский. Но эти принцы недолго могли рассчитывать на парижан: вожди партий высказали ясно своекорыстность своих стремлений, об общем благе, об облегчении народа не было более речи, нерешительное положение всего более тяготило жителей Парижа, которые все сильнее и сильнее высказывали свое неудовольствие на неспособность парламента, который не умел ни возвратить короля, ни прогнать Мазарини; в мае 1652 года в народе раздавались крики: «Мир или война! Мы не хотим более так мучиться!»; кричали в одно время и против Мазарини, и против парламента, и против принцев. Самому Конде пришлось услышать такие крики, которые заставляли его изменяться в лице. Хуже досталось членам парламента в июне:

народ напал на них с кулаками, палками и ружьями, и много было ранено или избито. После этой грубой народной расправы политическая роль парламента кончилась, он уже не собирался более. Двор хотел воспользоваться этою смутю для нанесения решительного удара, и в июле под Парижем произошло кровопролитное сражение между войсками королевскими, которыми предводительствовал Тюренн, и между войсками Фронды, которыми начальствовал Конде. Последний бился с обычным своим искусством и мужеством, был всюду, где грозила большая опасность. «Я видел не одного Конде, но больше двенадцати»,— говорил Тюренн, умевший отдавать должное сопернику.

Несмотря, однако, на все искусство и мужество, победа осталась не за Конде, и только возможность укрыться в стенах Парижа спасла остатки его войска от окончательного истребления. За этою кровавою битвою последовала резня во внутренних Парижа: более тридцати лучших горожан были убиты в ратуше иступленною чернью, напущенною сторонниками принцев; ужас, произведенный этим событием, отдал Париж совершенно во власть принцев, и герцог Орлеанский был провозглашен наместником королевства. Но резня в парижской ратуше произвела сильное негодование в провинциальных городах; дурное поведение вельмож, ссорившихся и дравшихся друг с другом из-за самых вздорных предлогов, лишило их всякого уважения; скоро и парижская чернь должна была опомниться вследствие прекращения торговли и дороговизны всего; большинство народонаселения с радостью готово было прекратить Фронду, эту опасную игру, обходившуюся так дорого; рады были подчиниться безусловно королю, но тяжело было подчиниться Мазарини, которого так долго и безнаказанно оскорбляли; это одно удерживало многих на стороне принцев. Двор поспешил отнять и этот последний предлог к продолжению Фронды: в августе 1652 года Мазарини снова выехал за границу, король объявил всепрощение, и Конде должен был оставить Париж: он поступил в испанскую службу и назначен был генералиссимусом всех войск испанских. Новый генералиссимус начал было забирать французские города по северной границе, но против него выступил Тюренн, а на помощь Тюренну явился кардинал Мазарини в челе 4000 человек, набранных им за границею во французскую службу.

Тюренн начал отбирать города, захваченные Конде, а между тем в Париже власть королевская утверждалась все больше и больше, не встречая препятствий среди народонаселения, истомленного Фрондою. Гонди, теперь кардинал Рец, видя, на чьей стороне сила, вошел в сношение с двором, но по-прежнему стал продавать свои услуги, торговаться насчет вознаграждения всем своим друзьям, участвовавшим в Фронде, двор не соглашался, и Рец по старой привычке стал пересылаться с Конде, явным

изменником. Тогда в декабре 1652 года Рец был схвачен и заперт в Венсенском замке. Напрасно преданное ему духовенство пыталось поднять народ: народ не двигался; напрасно университет, епископы, папский нунций вступились пред королем за Реца: Рец оставался в крепости; после он имел случай убежать в Рим. Так кончилось поприще одного из главных героев Фронды, человека, пронесшегося блестящим метеором, занявшего сильно внимание толпы, но рассыпавшегося бесследно, потому что не имел государственных идей, не имел ясно определенной цели, потому что движение было для него целью, а не средством к установлению какого-нибудь прочного порядка вещей.

Равнодушие народа к судьбе Реца показало двору, что теперь можно на все решиться: в начале 1653 года Мазарини с торжеством въехал в Париж; вечером в честь его сожжен был фейерверк, и через несколько времени город Париж дал ему обед в той самой ратуше, где так недавно происходила резня. Фронда прошла бесследно, оставив Францию в более печальном состоянии, чем то, от которого она, по-видимому, хотела ее избавить. Бесплодность движения, обманутые надежды, естественно, примирали многих с человеком, который был главною жертвою этого движения; в сердце молодого короля, наполненном ненавистью к Фронде, естественно, укоренялась привязанность к Мазарини, который был предметом ненависти фрондеров, ибо естественно любят то, что ненавидят люди, нам противные, поэтому внушения матери, что кардинал был единственною опорю трона против честолюбия принцев и притязаний парламента, находили такой легкий доступ к молодому Людовику, и Мазарини явился при нем с неограниченным влиянием.

Мазарини воспользовался этим влиянием для того, чтоб извне поднять Францию в политическом и военном отношении на ту высоту, на какой она стояла при заключении Вестфальского мира и с которой свела ее Фронда; внутри — для того, чтоб нажить себе громадное состояние, причем первый министр не обращал никакого внимания на улучшение финансового положения Франции. Мало понимая в финансах, Мазарини поручил управление ими Фуке, человеку ловкому, смелому, который умел добывать деньги, не обращая внимания на средства; внутренняя и внешняя торговля сильно страдали от умножения и увеличения пошлин; искали всяких средств усилить доходы, и, между прочим, изобретена была гербовая бумага.

Между тем война против испанцев велась с большею энергиею; Тюренн приобретал все больше и больше славы, и если бы на стороне испанцев не был Конде, то французы явились бы у ворот Брюсселя; на юге, со стороны Пиренеев, они также имели успех. Мазарини хотел добиться выгодного мира; но непременною условием этого мира он хотел поставить брак Людовика XIV на

единственной дочери испанского короля, Филиппа IV, чтоб посредством этого брака соединить две монархии, французскую и испанскую. Разумеется, император Фердинанд III не мог равнодушно смотреть на это стремление: ему хотелось посредством брака сына своего, Леопольда, на инфанте снова соединить испанские и австрийские владения, как было при Карле V. Когда император обнаружил враждебные намерения относительно Франции, то Мазарини начал действовать против него в Германии, заключая союзы с тамошними владельцами.

Фердинанд III умер весною 1657 года, оставив австрийские владения молодому сыну своему, Леопольду. Французским дипломатам не удалось помешать избранию Леопольда в императоры, но им удалось дело более важное: Франция и германские князья, католические и протестантские, составили союз под именем Рейнского, обязавшись взаимно помощь в случае нарушения условий Вестфальского мира; составлена была союзная армия, предводителем которой назначен был князь Сальм, бывший во французской службе. Таким образом, Франция стала самым влиятельным членом союза, долженствовавшего упрочить порядок вещей, созданный Вестфальским миром, т. е. раздробленность Германии, и противопоставила свое действительное влияние на германские дела номинальному значению императора из Габсбургов.

Испания, видя постоянные неудачи, согласилась на мир с Франциею с условием выдачи инфанта за Людовика XIV; ей было легко теперь согласиться на это, потому что у короля Филиппа IV родился сын и, таким образом, инфанта теряла право на наследство испанского престола; но Мазарини считал брак все же выгодным для французских претензий. В ноябре 1659 года был подписан так называемый Пиренейский договор между Франциею и Испаниею: Франция получила им провинции Артуа и Руссильон и части трех других провинций (Фландрии, Гэно и Люксамбурга). Конде получил позволение возвратиться во Францию, был принят королем сначала холодно, но потом с ним начали обращаться, как будто бы ничего не бывало. Парламент, недавно настаивавший на изгнании Мазарини, оценивши его голову, теперь испросил у короля позволение отправить к кардиналу депутацию — благодарить его за великую услугу, оказанную Франции Пиренейским миром. Мазарини принял депутацию, лежа на постели, здоровье его уже было расстроено. В марте 1661 года Мазарини умер. Король созвал министров и статс-секретарей и объявил им: «До сих пор правил моими делами покойный кардинал; с этого времени я сам буду моим первым министром. Вы будете помогать мне своими советами, когда я их потребую; прошу ничего не подписывать без моего приказанья».

XV УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ
В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVII ВЕКА

Обыкновенно думают, что антихристианское, антирелигиозное движение в Западной Европе принадлежит XVIII веку, но это не так. Сомнение и неверие обнаруживаются сильно и в XVII веке; но дело в том, что в XVII веке это движение встретило более охранительных сил, и именно сил нравственных, которые и сдержали его. Мы видели, как в Италии в так называемую эпоху Возрождения знакомство с произведениями древней мысли ослабило, а в некоторых легко увлекшихся людях совершенно искоренило христианские верования.

Протестантское движение отрезвило итальянских католиков, антихристианское движение продолжало высказываться большею частью осторожно; проповедник пантеизма, Джиордано Бруно, был сожжен в 1600 году. Из Италии это движение перешло во Францию и совершалось под тем же влиянием древних идей. Жестокая религиозная борьба между католиками и протестантами, кончившаяся всеобщим истощением, поведшим к сделке, не удовлетворявшей ни ту, ни другую сторону, оттолкнула людей усталых, стремившихся к покою и наслаждениям жизни, от того и другого христианского исповедания, повела к равнодушию, сомнению и неверию. Явились люди «с религиею Лукреция и Плиния». Но кроме этих людей, читавших и писавших серьезные книги, антихристианское направление понаравилось веселой придворной и богатой парижской молодежи, которой приятно было освободиться от строгих правил христианской нравственности и поклоняться доброй богине природе, освящающей материальные наслаждения.

Духовенство подняло тревогу: в 1623 году указывали, что в Париже было 50 000 атеистов; цифра могла быть преувеличена, слово «атеисты» во многих случаях могло быть принято не в настоящем смысле, но все же указание любопытно. Стихи, бывшие в моде между этими господами, были собраны под именем *Сатирического Парнаса*; самым даровитым из поэтов этого направления был Вио. Он был осужден на изгнание, и эта строгая мера заставила людей, подобных ему, быть осторожнее. Еще строже было поступлено с поселившимся во Франции итальянцем Ванিনি, который в 1606 году издал книгу «Об удивительных тайнах природы, царицы и богини смертных», где обожил физическую любовь и все слепые силы природы. Учение Ванিনি также начало распространяться между молодежью, повело к нравственным беспорядкам и обратило на себя внимание правительства; тулузский парламент за атеизм и хулу приговорил Ванিনি к отрезанию языка и сожжению.

В то же время вредила христианству ревность не по разуму католического духовенства, которое вздумало во имя

Священного Писания останавливать успехи научных исследований о видимой природе. Теория Коперника о движении Земли около солнца нашла подтверждение в трудах знаменитых ученых, в «Новой Астрономии» немца Кеплера, в «Звездном Вестнике» итальянца Галилея; иезуиты и доминиканцы соединились под предводительством знаменитого своею ученостью иезуита Беллармина, и в 1636 году учение о движении Земли было запрещено в Риме. Галилей не подчинился этому запрещению; его схватили и в 1633 году перед семью кардиналами заставили отказаться от *ереси* движения Земли. Несмотря на то что бумаги Галилея были сожжены после его смерти, он оставил потомству два великих изобретения — телескоп и микроскоп.

Изучение природы шло быстрыми шагами: англичанин Жильберт нашел земной магнетизм, англичанин Гервей объяснил систему кровообращения, француз Де-Ко указал на приложение пара к механике и дал первый рисунок паровой машины (1615).

Бекон, лорд-канцлер Англии, человек с обширным умом и очень слабою нравственностью, представил общее распределение человеческих знаний, что для них сделано и что предстоит сделать; представил новый умственный инструмент (*novum organum*), новую методу, долженствующую направлять человека при отыскании научных истин. По Бекону, у человека три главные способности: память, воображение, разум; отсюда и деление науки на историю, поэзию и философию. Говоря об истории, он ставит историю литературы выше истории политической, не понимая, что если умственное движение народа имеет влияние на все другие стороны его жизни, то в свою очередь находится в тесной зависимости от развития других сторон его жизни, что для успехов умственного движения народу необходимо иметь самостоятельность, средства для ее сохранения, выгодные условия для материального благосостояния и т. д. И относительно поэзии и философии у Бекона много ошибочных понятий; несмотря на то, его *novum organum* имеет важное значение в истории новой философии. Знаменито его выражение: «Немного философии отделяет от Бога, много философии приводит к нему». Знаменито и другое выражение, хотя неправильное по своей односторонности: «Золотой век впереди, а не позади нас; мы настоящие древние, ибо то, что называют древностью мира, есть его детство». Односторонне это выражение в том отношении, что успех знаний и увеличение удобств жизни, которые Бекон имел право предсказывать, не составляют условий золотого века, как он представляется.

Современником Бекона на континенте был другой знаменитый мыслитель XVII века — француз Декарт. Первое начало философии, по Декарту, состоит в следующем: «Думаю, следова-

тельно, существую; я могу удалить себя от понятий тела и места, но не могу отдалить себя от понятий существований и мышления, ибо, если я не мыслю, ничто мне не докажет, что я существую. Итак, я существо, которого сущность или натура состоит в мышлении и которое для того, чтоб быть, не нуждается ни в месте и ни в чем материальном. Итак, я, то есть душа, посредством которой я есмь то, что я есмь, совершенно отлична от тела и даже ее легче познать, чем тело. Что мне ручается за верность этой первой истины: думаю, следовательно, существую? Представление ясное и раздельное, которое я об ней имею. Такое представление, *очевидность*, составляет, следовательно, критерий основных истин: эти истины не доказываются, их понимают, их видят, но не определяют». До идеи Бога Декарт доходит следующим образом: «Я имею идею совершенства, но я не совершен, ибо я сомневаюсь, а знать — совершеннее, чем сомневаться; я желаю, но обладать — совершеннее, чем желать. Откуда во мне эта идея? Из *ничто*? Невозможно, ибо ничто есть ложь, заблуждение, недостаток, то, чего нет. Идея совершенства вместе с идеєю того, что существует по преимуществу абсолютно положительного, не может проистечь от отрицательного. Проистекает ли идея из меня? Опять невозможно: совершенное не может проистечь из несовершенного, меньшее не может заключать в себе большее. Итак, эта идея вложена в меня вышею натурою; если б я имел сам от себя то немного, чем я причастен существу совершенному, то я мог бы сам по себе получить и остальное, чего мне недостает, чтоб быть совершенным. Какая натура существа совершенного? Я существо сложное, потому что мыслящая натура разделена от телесной; но всякая сложность условияет зависимость, т. е. несовершенство: следовательно, существо совершенное не может быть сложным. Все натуры несовершенные зависят от существа совершенного и без него не могут существовать ни минуты».

Но рядом с этим поднятием духовной половины человека проповедовались учения другого рода: провансалец Петр Гассанди выставил на первый план чувства, утверждая, что они никогда не обманывают, что обманывается разум в своих суждениях насчет свидетельства чувств. Уже известный нам англичанин Гоббес утверждал, что все наши идеи проистекают от ощущений; субстанции бестелесной не существует; нельзя отделить мысли от материи мыслящей. Мир состоит из движения и образов, причина существования которых заключается в материи необходимой и необходимой движимой. К самым печальным результатам пришел Гоббес, говоря о нравственной природе человека: по его мнению, в человеке естественном нет чувства долга, нет любви к ближним, нет божественности; всякий человек есть естественный соперник и враг всякого другого человека; человек есть волк

для человека. Отсюда природное состояние людей есть война; для безопасности люди отказываются от этого природного состояния посредством общественного договора. Но заставить повиноваться этому договору можно только силою, и потому самое совершенное правительство есть чистый деспотизм. Воля сильнейшего составляет право.

Во Франции люди христианского дела и христианской мысли противопоставили свое дело и слово этим темным учениям. В 1576 году у одного гасконского крестьянина родился сын, Вэнсан де Поль; 24 лет он сделался священником, и с тех пор в продолжение 60 лет вся его деятельность была посвящена страждущему человечеству: он старался об устройении вспоможения бедным больным по домам, об утешении и обращении преступников, сосланных на галеры, об улучшении умственного и нравственного состояния духовенства, о физическом и нравственном спасении покинутых детей; все это бедный священник делал без всяких материальных средств, без больших и личных средств, не обладая талантами, но имея в изобилии одну силу — милосердие христианское. Он начал с учреждения женского общества для ухаживания за больными; потом из священников устроил общество так называемых лазаристов, которые должны были распространять религиозное и нравственное просвещение между сельским народонаселением и наставлять тюремных сидельцев; явились госпитали для ссыльных, богадельни для стариков; общество дочерей Креста воспитывало девочек в маленьких городах и селах; женское общество милосердия собирало подкидышей. Когда однажды члены этого общества, не видя ниоткуда помощи, отчаялись и хотели бросить свое дело, Вэнсан де Поль обратился к ним с такими словами: «Сострадание и милосердие заставили вас принять этих младенцев за собственных детей, вы были их матерями по благодати, тогда как матери по натуре их покинули, а теперь и вы хотите их покинуть. Перестаньте быть их матерями и обратитесь в судьи над ними: их жизнь и смерть в ваших руках; я соберу голоса». Все единогласно объявили, что остаются при святом деле. Вэнсан де Поль убедил епископов заняться приготовлением достойных священников, по его внушению установились между священниками конференции об их обязанностях. Подобная деятельность бывает самым сильным противоядием учениям, которые видят одно тело и в человеке видят волка для другого человека.

Улучшению французского духовенства в описываемое время много способствовал орден Оратории (молельни), учрежденный Берюллем в 1611 году. Цель ордена была поднять образование в духовенстве, готовить достойных проповедников, и эта цель была достигнута; в то же время преобразованные бенедиктинцы, или конгрегация святого Мора, посвятили свою деятель-

ность историческим и археологическим изысканиям, которыми заслужили почтенное имя в науке. (Их громадный труд — собрание источников французской истории под названием «Историки Галлии и Франции».)

Но особенно сила западного христианства высказалась в XVII веке в янсенизме. Основателями учения, известного под этим именем, были Корнелий Янсений, епископ ипрский, и Жан Дюверже де Горанн, аббат монастыря С.-Сиран. Видя антихристианские стремления в науке и обществе и признавая несостоятельность католицизма с его иезуитами, они сочли лучшим средством для поддержания религиозного христианского духа обратиться к учению блаженного Августина о предопределении с отрицанием свободной воли человека: кто имеет благодать, тот определен к добру, кто не имеет благодати, тот определен ко злу. (Учение Янсения изложено в книге его «Августин».)

Строгая нравственность отличала последователей Янсения и С.-Сирана, и особенную знаменитость в этом отношении приобрел находившийся под духовным руководством С.-Сирана женский монастырь Пор-Рояль недалеко от Парижа; начальница монастыря, сильная духом Анжелика Арно, увлекла к подвижнической жизни всех своих родственников: мать, братьев, сестер, племянников. Подле женского монастыря образовался мужской с таким же строгим направлением. По смерти Янсения и С.-Сирана их дело продолжал Антоний Арно, неутомимый борец с иезуитами. Янсенисты стали отбивать у иезуитов воспитание детей заведением малых школ и изданием учебников.

Иезуиты употребляли все усилия для подавления соперников, поднимали против них власти, епископов и римский двор; но у янсенистов скоро явился сильный союзник, то был Паскаль. Исцеленный чудесным образом в детстве от тяжелой болезни, Паскаль развился чрезвычайно быстро; двенадцати лет он уже написал небольшой трактат о звуках, шестнадцати — о конических сечениях. Но чем более Паскаль углублялся в знание, тем сильнее чувствовал, что знание, вечно несовершенное, не может удовлетворить его духовной потребности; знание не представляло ему верного, неизменного, к чему он стремился, и это стремление могло найти себе удовлетворение только в религиозном чувстве, и Паскаль заключился в Пор-Рояле. Помощь Паскаля была в это время очень нужна янсенистам, потому что иезуиты одержали над ними победу: в 1653 году папа осудил положения, извлеченные из книги Янсения; Арно, защищавший книгу, был позван на суд пред университет и был осужден после бурных заседаний, поведших к тому, что более 70 докторов покинули богословский факультет, не соглашаясь подписать осуждение Арно.

Уже было дано приказание закрыть малые школы, руководимые пор-рояльскими отшельниками, и отнять у монахинь

воспитываемых ими девочек, как явилась знаменитая книга Паскаля «*Провинциальные письма*». В этой книге Паскаль переменил оборонительную войну на наступательную, напал на врагов яansenизма, иезуитов, и беспощадно разгромил их, разоблачивши всю безнравственность их учения. Завеса спала с глаз у общества: лучшие люди в высшем и среднем сословии стали с этих пор враждебны к иезуитам; с этих-то пор иезуитизм стал синонимом хитрости и неразборчивости средств.

Поразивши иезуитов, Паскаль обратился против других противников — против материализма и рационализма, атеизма и деизма. Чудесное исцеление его племянницы, совершенное посредством веры, дало ему новое одушевление в этой борьбе. Знаменитый ученый идет к вере путем неверия в средства разума и знания, вследствие неудовлетворения этим прогрессом, при котором количество знаний, добытых человечеством в известное время, всегда составляет ничтожную долю в сравнении с бездною знаний, имеющих бесконечно добываться вперед, долю, не обеспечивающую нисколько от заблуждений, тогда как уважающий свое значение человек требует для себя уверенности относительно важнейших вопросов жизни, важнейших отношений своих. Человек хочет знать, откуда он пришел и куда идет: наука не дает ему на это ответа, другие религии не удовлетворяют его; одна Библия может рассеять мрак, царствующий относительно этих вопросов, объясняя величие и ничтожество человека, сотворенного совершенным, падшего и могущего восстановиться только искуплением сверхъестественным.

Чтоб понять впечатление, производимое талантом Паскаля, приведем несколько строк из его описания состояния человека вне христианской религии. «Внутренняя борьба разума со страстями произвела то, что желающие мира разделились на две секты: одни захотели отказаться от страстей и сделаться богами; другие захотели отказаться от разума и сделаться животными. Но ни те, ни другие не могли достигнуть своей цели: нельзя отделаться от разума, который всегда тут с своим суждением низости и неправды страстей, всегда нарушает спокойствие тех, которые им предаются; и страсти всегда живут в тех, которые хотят от них отказаться. Вот чего может достигнуть человек собственными средствами относительно истины и блага. В нас неистребима идея истины, и в то же время непобедимо наше бессилие. Мы желаем истины и находим в себе только сомнение. Мы ищем счастья и находим бедствия. Мы неспособны не желать истины и счастья, и мы неспособны добыть что-нибудь верное и добыть счастье. Человек сознает свое несчастье; он несчастен, потому что это он знает, но в то же время он велик, потому что сознает свое несчастье. Что же это за химера — человек? Что за хаос, что за противоречие? Судия всех вещей, ничтожный земля-

ной червь, хранилище истины, вместилище сомнений, слава и поношение вселенной; станет он хвалиться, я его унижаю; станет он унижаться, я его превозношу и противоречу ему постоянно, до тех пор, пока он поймет, что он чудовище непонятное».

Между тем римский двор и французское правительство считали необходимым употребить строгие меры против яansenизма. Пор-рояльские отшельники были разогнаны, монахи подверглись притеснениям. Паскаль приближался к могиле. Перед смертью его мучило одно, что он окружен удобствами, которых многие умирающие бедняки не имеют, и он уступил свой дом бедному больному, а себя велел перенести к сестре. В августе 1662 года умер один из самых сильных борцов за христианство на Западе, умер в борьбе с западным христианством, прозревая лучшие церковные отношения, которые разделенный Запад мог найти только на Востоке. «Церковь,— говорил Паскаль,— есть единство и множество (народ): паписты исключают множество, протестанты — единство; непогрешимость не в одном, не во множестве».

Эта борьба христианских мыслителей с антихристианскими и антирелигиозными стремлениями изобличает сильное умственное движение во Франции, движение, важное для нас потому, что здесь подготовились то содержание и те формы, благодаря которым французская литература будет иметь такое сильное влияние на умственную жизнь целой Европы. Эпоха Возрождения и религиозные войны сообщили сильное движение умственной жизни во Франции постановкою стольких новых и важных вопросов, и следствием этого было литературное развитие, знаменующее XVII век во Франции. В прежнее время писатели незнатного происхождения находились при королях и знати в качестве домашних слугителей; в описываемое время их положение изменяется: даровитый писатель получает самостоятельное значение, его начинают допускать в общество на равной ноге с знатью. Этим писатели особенно были обязаны кардиналу Ришелье и мадам Рамбулье, которая в своей гостиной соединяла отборное общество Парижа. Писатели и писательницы гостиной Рамбулье хлопотали об очищении французского языка от слов и выражений грубых, но не могли удержаться от крайности: не только вместе с словами грубыми изгнали и слова сильные, выразительные, но и впали в изысканность, натянутость и вычурность. В тридцатых годах века начал свое поприще знаменитый Корнель; в шестидесятых годах стали слышны другие знаменитые имена — Боссюэта, Мольера и Расина.

Часть вторая

ВРЕМЯ ЛЮДОВИКА XIV НА ЗАПАДЕ, ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА ВОСТОКЕ ЕВРОПЫ⁷

I. ВНУТРЕННЯЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДОВИКА XIV В НАЧАЛЕ ЕГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

При имени Людовика XIV мы представляем себе государя, который перешел границу, отделяющую европейского самодержца от азиатского деспота, который, согласно учению Гоббеса, хотел быть не главою государства, а душою его, пред которым, следовательно, подданные являлись существами безличными, бездушными, а государство, животворимое государем, проникнутое им, как тело духом, разумеется, составляло с ним одно существо. «Государство—это я!»—говорил Людовик XIV. Каким же образом один из королей французских мог достигнуть такого представления о своем значении и, главное, не ограничился одним представлением, но прилагал мысль к делу, и прилагал беспрепятственно?

Всегда какое-нибудь народное движение, потрясение, переворот, истомля государственный организм, потрачивая много народных сил, заставляют общество требовать успокоения, требовать сильной власти, которая бы избавила от смуты и дала отдохнуть, собраться с силами, материальными и нравственными. Во время малолетства Людовика XIV мы видим во Франции сильную и продолжительную смуту, которая истомила общество и заставила его желать крепкого правительства. Это требование было тем сильнее, чем бесплоднее оказалось движение, направленное против власти; люди, хотевшие ограничить королевскую власть для того, чтобы, по их словам, вывести народ из невыносимо тяжкого положения,—эти люди, поволновавшись, покричавши и подравшись, не сумели сделать ничего для облегчения народа. Движение, принимавшее было сначала очень серьезный характер, кончилось комически. Такой исход движения, такое разочарование относительно попыток к новому, к переменам надолго отбивали охоту к ним и тем более поднимали значение старого порядка, к которому обращались теперь как к единственному средству спасения. Таким образом двадцатидвухлетний король принимал власть из охладевших рук Мазарини при самых благоприятных обстоятельствах для власти и по характеру своему был вполне способен воспользоваться этими обстоятельствами.

⁷ У С. М. Соловьева после названия части идут слова: «Отдел первый» — *Примеч. сост.*

Людовик XIV вовсе не принадлежал к тем гениальным историческим деятелям, которые творят для своего народа новые средства исторической жизни, которые оставляют потомству богатое наследство в идеях, людях и силах материальных,— наследство, которым народ живет века после них. Напротив, Людовик получил богатейшее наследство; оно состояло в стране, благословенной природою, в энергическом, сильном духовными средствами народе, в чрезвычайно удобно расположенной и округленной государственной области, окруженной слабыми соседями: полумертвою Испанией, раздробленными и потому бессильными Италией и Германией, ничтожною по своим военным средствам Голландией; Англия была занята тяжелою выработкою своих правительственных форм и не могла оказывать влияния на континент; наоборот, король ее позволял себе подчиняться влиянию могущественного государя Франции. Кроме того, богатое наследство Людовика XIV состояло в даровитых людях: знаменитости военные, административные, литературные, которыми блистает царствование Людовика XIV, были унаследованы, а не отысканы им. Но, воспользовавшись богатыми средствами, доставшимися по наследству, Людовик истощил их, а новых не создал и оставил после себя Франции банкротство — банкротство не финансовое только,— деньги дело найитое,— но, что всего хуже, банкротство в людях. У Людовика не было главного дарования государей — отыскивать и готовить людей. Рожденный властолюбивым, он воспитался во время Фронды, когда королевская власть терпела такие сильные оскорбления.

Но люди, оскорблявшие королевскую власть, не сумели сами ничего сделать, и с раздражением, ненавистью к народным движениям, к демагогам в молодом короле соединилось глубокое презрение к ним — вот чувство, которое воспитала в Людовике Фронда. Он был властолюбив, самолюбив и энергичен, приписывал народные движения тому, что вместо короля управлял первый министр, который не мог внушать такого уважения, против которого легко было вооружиться и словом и делом, и потому хотел управлять сам; но, чем долее управлял, тем более привыкал смотреть на себя не как на главу, но как на душу государственного тела, начало животворящее, как на солнце, с которым любил себя сравнивать,— тем более неприятны становились для него люди, которые были также солнца, блистали своим, незаимствованным светом; особенно неприятны были Людовику люди образованные, потому что он сознавал в себе большой недостаток образованности, а чувство превосходства других над собою было для него невыносимо. Но в нерасположении к людям сильным, самостоятельным по характеру, положению в обществе, дарованиям и образованности и причина того, что Людовик не мог заменять сходящиеся с поприща знаменитости другими и завещал Франции банкротство в людях.

А между тем блеск царствования был таков, что ослеплял современников и потомков, и Людовик умел явиться для своего народа великим королем: как же он успел это сделать? Мы видим, что из королей французских двое отличались особенно национальным характером — Франциск I и Генрих IV, но Людовик XIV превосходил их в этом отношении. В описываемое время главные из западноевропейских народов по характеру своей деятельности, по отношению друг к другу могли быть олицетворены таким образом: один — человек очень умный, деятельный и деловой; он постоянно занят, и занят исключительно своими ближайшими интересами, отлично обделал свои дела, разбогател страшно; но он при этом не общителен, держит себя в стороне, неуклюж, не представителен, не возбуждает к себе сочувствия в других, принимает участие в общих делах только тогда, когда тут замешаны его собственные выгоды, да и в таком случае не любит действовать непосредственно, но заставляет работать за себя других, давая им деньги, как разбогатевший мещанин нанимает вместо себя рекрута: таков англичанин, таков английский народ. Другой человек — очень почтенный, но односторонне развившийся, ученый, сильно работающий головою, но еще не могший, по обстоятельствам, укрепить свое тело и потому неспособный к сильной физической деятельности, без средств отбивать нападения могущественных соседей, без средств поддержать свое значение, заставить уважать свою неприкосновенность при борьбе сильных — это немецкий народ. Третий человек, подобно второму, не мог, по обстоятельствам, укрепить свое тело; но южная, живая, страстная натура кроме занятий наукою и особенно искусством требовала практической деятельности. Не имея способов удовлетворить этим потребностям у себя дома, он часто уходит к чужим людям, предлагает им свои услуги, и нередко имя его блещит на чужбине славными подвигами, обширною, славною деятельностью — таков итальянский народ. Четвертый человек смотрит истомленным, но, как видно, он крепкого телосложения, способен к сильной деятельности, и, действительно, он вел долгую, ожесточенную борьбу за известные интересы, и никто в то время не считался храбрее и искуснее его. Борьба, в которую он страстно ушел весь, истощала его физические силы, а между тем интересы, за которые он боролся, ослабели, сменились другими для остальных людей; но он не запаса другими интересами, не привык ни к каким другим занятиям; истомленный и праздный, он погрузился в долгий покой, по временам судорожно обнаруживая свое существование, беспокойно прислушиваясь к призывам нового и в то же время оттягиваясь закоренелыми привычками к старому, — это народ испанский.

Но больше всех этих четырех членов нашего общества обращает на себя внимание пятый, ибо никто из них не одарен

такими средствами и не употребляет таких усилий для возбуждения к себе всеобщего внимания, как он. Энергический, страстный, быстро воспламеняющийся, способный к скорым переходам от одной крайности к другой, он употребил всю энергию на то, чтоб играть видную роль в обществе, приковывать к себе взоры всех. Никто больше и лучше его не говорит; он выработал себе такой легкий, такой удобный язык, что все принялись усваивать его себе, как язык более других общественный. У него такая представительная наружность, он так прекрасно одет, у него такие прекрасные манеры, что все невольно смотрят на него, перенимают у него и платье, и прическу, и обращение. Он весь ушел во внешность; дома ему не живется; долго, внимательно заниматься своими домашними делами он не в состоянии; начнет их улаживать — наделает множество промахов, побурлит, побушует, как выпущенный на свободу ребенок, устанет, потеряет из виду цель, к которой начал стремиться, и, как ребенок, даст себя вести кому-нибудь. Но зато никто так чутко не прислушивается, так зорко не приглядывается ко всему, что делается в обществе, у других. Чуть где шум, движение — он уже тут; поднимется где какое-нибудь знамя — он первый несет это знамя; выскажется какая-нибудь идея — он первый усвоит ее, обобщит и понесет всюду, приглашая всех усвоить ее; впереди других в общем деле, в общем движении, вожак, застрельщик и в крестовом походе, и в революции, опора католицизма и неверия, увлекающийся и увлекающий, легкомысленный, непостоянный, часто отвратительный в своих увлечениях, способный возбуждать к себе сильную любовь и сильную ненависть — страшный народ французский!

Среди угловатого и занятого постоянно своим делом англичанина, ученого, трудолюбивого, но вовсе не привлекательного немца, живого, но неряшливого, разбросавшегося итальянца, молчаливого, полусонного испанца — француз движется неутомимо, говорит без умолку, говорит громко и хорошо, хотя и сильно хвастает, толкает, будит, никому не дает покоя; другие начнут борьбу нехотя, по нужде — француз бросается в борьбу из любви к борьбе, из любви к славе; все соседи его боятся, все с напряженным вниманием следят, что он делает. Иногда кажется, что он утомился, истомленный внешнею борьбой, занялся своими домашними делами; но эти домашние занятия непродолжительны, и неутомимый народ опять является на первом плане и опять волнует всю Европу. Всюду играть самую видную роль, овладевать всеобщим вниманием, приковывать к себе взоры всех, производить самое сильное впечатление — главная цель француза: отсюда — стремление к внешности, к изяществу в манерах, одежде, языке, мастерство показать себя и свой товар лицом,

отсюда театральное мастерство — мастерство играть роль, соответствующую положению. И вот Людовик XIV, истый француз, умеет с неподражаемым искусством разыгрывать роль короля. Прельщенные этою мастерскою игрой, другие государи тщетно стараются подражать великому королю; но никто не в состоянии так наслаждаться мастерскою игрой, мастерскою постановкою пьесы, в таком восторге рукоплескать великому актеру, как сами французы, знатоки и мастера дела. Людовик XIV, полный представитель своего народа, явился в глазах последнего великим королем; блеску и славы было много, Франции дано было первое место, и славолюбивейший, страстный к блеску народ не мог оставаться неблагодарным к Людовику, точно так же как столетие спустя остался прикованным к имени человека, покрывшего славою Францию, хотя исход деятельности того и другого вовсе не соответствовал началу.

Принявши правление с твердым решением никогда не выпускать его из рук, заставляя все относиться к себе, Людовик XIV должен был прежде всего встретиться с явлением, от которого, как он хорошо должен был помнить, пошла Фронда,—с страшным финансовым расстройством, с крайне печальным состоянием податного сословия. Земледельцы страдали от тяжести податей, простиравшихся в 1660 году до 90 миллионов, но не все эти деньги поступали в казну вследствие больших недоимок; у крестьянина, не могшего заплатить подати, брали все и, наконец, кидали его самого в тюрьму, где сотни несчастных погибали от дурного содержания; купцы и промышленники жаловались на высокие пошлины, которыми были обложены вывозимые и ввозимые товары. Главноуправляющим финансами был Николай Фуке, человек блестящий и способный обмануть неопытного своими познаниями и способностями, но в сущности человек вовсе не серьезный, внимание которого обращено было не на то, чтоб улучшить финансы улучшением положения податных людей, но чтобы пользоваться доходами для удержания своего выгодного места. Мазарини поддерживал его как человека, который умел доставать деньги по первому требованию министра, а как Фуке доставал деньги, до этого Мазарини не было никакого дела. Но кроме первого министра Фуке старался на казенные деньги купить себе расположение и подпору всех влиятельных людей: считали, что он ежегодно раздаривал до четырех миллионов. Фуке думал обольстить и короля блестящими проектами, но Мазарини завещал Людовику другого человека, понадежнее Фуке: это был Жан Батист Кольбер.

Кольбер был сын реймского купца (родился в 1619 году) и получил первоначальное образование, какое тогда считалось достаточным для купеческих детей; по-латыни выучился он 50-ти лет, когда уже был министром; не имея времени заниматься дома

латынью, он брал учителя с собою в карету и учился дорогою. Он скоро бросил торговлю и сделался юристом, потом занялся финансами и был представлен Мазарини министром Летеллье. Мазарини взял его к себе в управляющие, поручил ему все свои частные дела, но нередко употреблял его и в делах государственных. Опираясь на доверие кардинала, Кольбер решился начать борьбу с страшным Фукэ, который, чтоб сокрушить противника и его покровителя, решился привести в движение все свои громадные средства, прибегнуть, если бы понадобится, и к новой Фронде, но в это самое время Мазарини умирает. Фукэ вздохнул свободно, но, говорят, что Мазарини, умирая, сказал королю: «Государь! Я всем вам обязан, но я рассчитываюсь с вашим величеством, оставляя вам Кольбера».

Людовик, нисколько не лишая, по-видимому, Фукэ своего доверия, приблизил к себе и Кольбера, который каждый вечер доказывал ему неверность докладов, подаваемых Фукэ по утрам. Король решился отделаться от Фукэ, но должен был долго хитрить, притворяться, приготавливаться: так был страшен главноуправляющий финансами! Наконец во время путешествия Людовика в Бретань Фукэ, сопровождавший короля, был арестован в Нанте и отвезен в замок Анжер. Людовик объявил, что принимает на себя управление финансами при помощи совета, составленного из людей честных и способных; председателем совета по имени был назначен маршал Вилльруа, делал же все Кольбер под скромным званием управляющего (*intendant*); только в 1669 году он получил звание статс-секретаря с департаментом, в котором соединились разнообразные ведомства: морское, торговли и колоний, управление Парижем, церковные дела и т. д. Знаменитые деятели обладают обыкновенно историческим смыслом, умеют соединять настоящее с прошедшим, соединять свою деятельность с деятельностью славных предшественников: так и Кольбер изучал деятельность Ришелье и питал глубокое уважение к знаменитому кардиналу. В совете при рассуждении о важных делах он всегда обращался к памяти Ришелье, и Людовик подсмеивался над этою привычкою Кольбера: «Ну вот сейчас Кольбер начнет: «Государь! Этот великий кардинал Ришелье и проч.»».

Вскоре после арестования Фукэ король учредил следственную комиссию для открытия всех злоупотреблений, вкравшихся в финансовое управление с 1635 года. В указе об учреждении комиссии говорилось, что финансовые беспорядки, как удостоверился король, были причиною всех бедствий народа, тогда как небольшое число лиц незаконными путями нажило быстро громадные состояния, почему король решился строго наказать хищников, истощавших финансы и разоривших провинции. Шестая часть штрафов назначена доносчикам. Люди, участвовавшие

в прежнем финансовом управлении, предложили 20 миллионов, чтобы только не начинали следствия; вопреки мнению нового финансового совета Людовик не согласился на эту сделку и приобрел большую популярность в низших слоях народонаселения. В церквах читались увещания: требовалось от всех верных, чтобы они под страхом отлучения доносили о финансовых злоупотреблениях. Между тем начали процесс Фукэ: в бумагах его захвачена была не только политическая и любовная переписка, выставившая в невыгодном свете столько знатных мужчин и женщин, но и план открытого возмущения, относившийся к 1657 году, когда он ждал арестования от Мазарини.

Людовик, который благодаря впечатлениям Фронды приходил в болезненное состояние при слове «возмущение», был страшно раздражен и принял слишком большое для короля участие в следственном деле; притом молодые силы впервые расправились в борьбе; Людовику приятно было показать свою власть, свое неумолимое правосудие и вместе показать народу, что чего не умели сделать восстанием против власти, то сделает власть и освободит народ от людей, съедавших его достоинство. Фукэ нашел многочисленных защитников: за него было судебное сословие, ревнивое к своей независимости и понявшее направление молодого короля; за него были придворные, привыкшие к щедрости Фукэ и боявшиеся скупости Кольбера; за него были люди, им облагодетельствованные, потому что его щедрость не всегда имела корыстные побуждения; за него были литераторы, художники, женщины, начиная с королевы-матери; за него были Тюренъ и Конде; наконец, многим из тех, которые сначала восхищались строгими мерами короля, стало жаль Фукэ, доброго, симпатичного Фукэ, в характере которого не было черт, особенно оскорбляющих — скупости, надменности, достоинства и недостатки которого были так национальны. Но это восстание за Фукэ могло только заставить Людовика сильнее против него действовать.

Фукэ перевели в Бастилию, пред которою уже повесили одного из его сообщников, и это не была единственная жертва страшной комиссии. Фукэ ловко защищался пред судом, складывая всю вину на Мазарини. Наконец, дело решилось: суд приговорил Фукэ к вечному изгнанию с конфискацією имущества, но король вместо смягчения наказания заменил изгнание вечным и тяжким заточением в крепости. Комиссия продолжала свое дело, и цена взысканий достигла громадной цифры — 135 миллионов.

Правительство не ограничилось вскрытием и наказанием финансовых злоупотреблений. В отдаленных от правительственного центра провинциях землевладельцы, жившие в своих имениях, позволяли себе всякого рода насилие над *подданными* своими (sujets), застрашенные или подкупленные судьи были на их сторо-

не⁸. В некоторых странах еще существовало крепостное право. В 1665 году назначена была в Клермоне комиссия с правом решать в последней инстанции все гражданские и уголовные дела, наказывать злоупотребления и проступки, уничтожать дурные обычаи⁹. Страх напал на землевладельцев: одни бежали из Франции, другие скрывались в горах, некоторые начали задабривать крестьян, унижаться пред ними, и крестьяне подняли головы и не полагали границ своим притязаниям и надеждам; в одной местности крестьяне купили себе перчатки и думали, что не должны более работать и что король имеет в виду только их одних. Так как землевладельцы, особенно отличавшиеся своим насилием, скрылись из Франции, то 273 человека были осуждены заочно на смерть, на изгнание или на галеры, замки их были разрушены, имения конфискованы. Один из них, барон Сенега, был осужден за то, что вооруженною рукою собирал деньги с отдельных лиц и с общин, препятствовал сбору королевских доходов, требовал с крестьян неположенных работ, сломал церковь, чтоб воспользоваться материалом для своего дома, убил несколько людей; маркиз Канильяк держал у себя 12 разбойников, которых называл своими двенадцатью апостолами, и собирал с крестьян десять податей вместо одной. В том же году по плану Кольбера учрежден был совет юстиции, при открытии которого Кольбер обратился к Людовику XIV с увещанием ввести во всем королевстве одни законы, одну меру и один вес; но эта мера не была приведена в исполнение. Относительно юстиции при Людовике XIV замечательно смягчение наказаний для колдунов: в 1670 году руанский парламент захватил 34 колдуна и четвертых осудил на смерть; королевский совет переменял смерть на изгнание; после смертная казнь была удержана только за святотатство, колдунов же предписано всюду наказывать изгнанием, причем жестоким наказанием грозило правительству тем людям, которые обманывали невежд и легковерных мнимыми магическими действиями.

Освободив народ от насилия¹⁰ сильных, хотели направить его к торговой и промышленной деятельности, поднять средства и благосостояние Франции в уровень с средствами и благосостоянием самых цветущих государств Европы, именно Голландии и Англии. В 1669 году издан был знаменитый указ о лесах и водяных сообщениях, восемь лет приготовлявшийся Кольбером в комиссии из 22 членов; означено было качество лесов

⁸ В некоторых местах Оверни землевладельцы претендовали еще на *ius pignae noctis*, и новобрачные должны были откупаться

⁹ Комиссия носила название *Les Grands-Jours*

¹⁰ В память *Grands-Jours* была выбита медаль с надписью *Provinciae ab impis potentiorum vindicatae* *Провинции, освобожденные от насилия сильных*

и пространство, ими занимаемое, указаны меры для сохранения и умножения лесов, правила для рубки и продажи: все эти заботы имели главною целию сохранение материала для кораблестроения. Прорыты были Лангедокский канал для соединения Атлантического океана с Средиземным морем, канал Орлеанский — для соединения Луары с Сеною. Кольбер, как все государственные люди того времени, отправлялся от той мысли, что народы богатеют от торговли и мануфактурной промышленности, и потому задал себе задачу: восстановить упавшие и падающие отрасли промышленности; создать новые, всевозможные виды фабричной промышленности; образовать из купцов и промышленников сильную фалангу, покорную разумному направлению сверху, для обеспечения Франции промышленного торжества посредством порядка и единства деятельности, для получения самого прочного и самого красивого качества в товарах, а этого хотели достигнуть, предписывая работникам одинакие приемы, которые знатоки признали лучшими; отстранить фискальные препятствия, дать Франции надлежащее ей участие в морской всемирной торговле, дать ей возможность перевозить собственные произведения, тогда как до сих пор эта перевозка была в руках соседей, преимущественно голландцев; увеличить и усилить колонии, заставить их потреблять только произведения метрополии и сбывать свои произведения только в метрополию; для поддержания торгового могущества Франции создать военный флот в самых обширных размерах.

С этими целями учреждена была *Вест-Индская* компания, которой правительство уступило на сорок лет все французские владения в Америке и Африке, ибо вторая снабжала первую черными работниками; учреждена была также *Ост-Индская* компания с позволением утвердиться на Мадагаскаре, с которым соединяли блестящие надежды, называя его африканскою Франциею; надежды не осуществились, и французские колонии на острове скоро исчезли, но *Ост-Индская* компания удержалась. Вытребованы были у Порты новые преимущества для французов, и чрез это усилена левантская торговля. Чтоб иметь всегда хороших матросов для военных кораблей, Кольбер придумал такое средство: взяты были все матросы в целой Франции и разделены на три класса; один класс служил год на королевских кораблях, а два других года на купеческих, потом делал то же второй и третий класс, и наконец очередь возвращалась к первому классу служить на королевских кораблях и т. д.; под страхом жестоких наказаний запрещено было французам вступать в военную службу других государств. Для приготовления морских офицеров учреждена была компания гардемарин (род морской военной школы). Спешили воспользоваться всеми успехами, сделанными в Англии и Голландии относительно кораблестроения,

и старались превзойти соседей гигантскими размерами судов; в 1671 году число военных кораблей простиралось до 196. В 1664 году Франция была разделена на три больших торговых округа, и в каждом из них были ежегодные собрания из купеческих депутатов, выбранных по два от каждого приморского или торгового города: собрания имели целью рассмотреть состояние торговли и промышленности и донести о результатах своих наблюдений королю.

В 1664 году Людовик объявил намерение уничтожить зависимость своих подданных от иностранцев относительно мануфактурных произведений, и в следующем же году фабрики возникают со всех сторон. Тариф 1664 года увеличил вывозную пошлину с грубых материалов и удвоил пошлину с привозимых из-за границы мануфактурных произведений, чтоб дать французским фабрикантам дешевые сырые произведения и освободить их от соперничества произведений иностранных; пересмотрены были правила старых цехов, установлены новые цехи, указом определена была длина, ширина и доброта сукон и других шерстяных, шелковых и льняных тканей. Промышленность быстро процвела; толчок, данный энергическим правительством энергическому и даровитому народу, произвел сильное и благодетельное движение, несмотря на односторонность и лишнюю регламентацию. Современники, самые нерасположенные к Людовику XIV, не могли не отдать справедливости этому первому, кольберовскому периоду царствования: «Все процветало, все было богато: Кольбер высоко поднял финансы, морское дело, торговлю, промышленность, самую литературу». Ближайшие потомки по причинам, о которых будет речь после, отнеслись враждебно к деятельности Кольбера, но теперь, после спокойного изучения дела, признано, что целью кольберова управления было создать работающий народ; он говорил, что для него нет ничего драгоценнее в государстве человеческого труда.

«Науки служат одним из величайших украшений для государства, и обойтись без них нельзя»,— сказал Ришелье; Кольбер не говорил ничего, не призвавши наперед имени знаменитого кардинала; неудивительно поэтому, что Людовик XIV считал науки и литературу вообще одним из величайших украшений для престола. Это украшение не нужно было создавать, как фабрики или флот: таланты были готовы, стоило только приблизить их к престолу, привести в непосредственную зависимость от него пенсиями, и в 1663 году был составлен первый список литературских пенсий, в который внесено было 34 писателя; Корнель назван первым драматическим поэтом в свете, а Мольер—превосходным комическим поэтом. Король объявил себя покровителем академии и дал право ее членам приветствовать его в торжественных случаях «наравне с парламентом и другими высшими

учреждениями». Академия надписей и литературы получила в это время свое начало в виде придворного учреждения: Кольбер образовал подле себя совет из знающих людей, которые должны были сочинять надписи для памятников, медалей, задавать задачи артистам, сочинять планы для празднеств и их описания, наконец, заниматься составлением истории настоящего царствования. В 1666 году основана Академия наук, хотя в этом отношении Англия предупредила, потому что здесь еще в 1662 году основано такое же учреждение, знаменитое Королевское общество. Академия живописи и скульптур, основанная при Мазарини, получила новый устав; академия архитектуры основана в 1671 году. В следующем году устроена обсерватория. Королевские beneficia не ограничились одними французскими писателями; французские посланники при иностранных дворах должны были доставить своему двору сведения о писателях, пользующихся наибольшим почетом, и одни из них привлечены во Францию предложением выгодных должностей, как знаменитые астрономы голландец Гюйгенс, итальянец Кассини, датчанин Ремер; другие получили пенсии, некоторые временные подарки, иные пошли в тайные агенты французской дипломатии; данцигский астроном Гевелиус потерял свою библиотеку от пожара: Людовик XIV подарил ему новую, и вот по всей Европе раздались хвалебные гимны в честь французского короля; двенадцать панегириков ему было произнесено в 12 городах итальянских.

Разработка источников французской истории, начатая прежде при Ришелье, получила теперь новое оживление. Стефан Балюз, библиотечкарь Кольбера, издает и объясняет множество важных исторических актов; самый замечательный его труд — это сборник законодательных памятников времени франкских королей («*Capitularia regum Francorum*», 1677); в 1667 году начинается громадная деятельность монаха *Мабильона*, знаменитого изданием памятников и установлением правил, как поверять достоверность исторических источников. Карл Дюфрен Дюканж в 1678 году издал «Словарь средневековой латыни», необходимый для понимания памятников этого времени, потом издал словарь и средневекового греческого языка. Истории еще нет; для нее только приготавливаются материалы, но некоторые вопросы, особенно раздражающие любопытство, уже начинают исследоваться, и здесь, разумеется, слышен еще только лепет младенческой науки, не имеющей средств освободиться от разных посторонних влияний, и прежде всего от ложно понимаемого национального чувства. Начали с вопроса о происхождении народа. Как у нас в России при младенческом состоянии исторической науки национальное чувство никак не позволяло принять ясного свидетельства летописца о скандинавском происхождении варягов-руси и заставляло всеми неправдами толковать это сви-

детельство в пользу славянского происхождения, так и во Франции в описываемое время исследователи никак не хотели признать франков враждебными немцами, завоевавшими Галлию, но старались доказать, что франки были галльской колонией, поселившейся в Германии и потом возвратившейся в прежнее отечество. Поддержкою Кольбера пользовался и знаменитый Гербело, собравший в лексиконной форме множество исследований по истории и литературе магометанского Востока (Восточная библиотека, *Vybliotheque orintale*).

Но гораздо сильнее, чем пенсии иностранным и своим литераторам и ученым, гораздо сильнее, чем означенные труды, славе Людовика XIV и распространению французского влияния в Европе содействовало образование французского языка и обогащение его литературными произведениями. В эпоху Возрождения необразовавшийся еще французский язык и молодая народная французская литература должны были подвергнуться сильному напору чуждых элементов; под их влиянием язык быстро изменялся. Монтань говорил о своих опытах: «Я пишу книгу для малого числа людей, для малого числа годов: чтобы сделать ее более долговечною, следовало бы написать ее на языке более твердом. Смотри на непрерывное изменение, которому подвергался наш язык до сих пор, кто может надеяться, что в настоящем своем виде он продержится еще 50 лет? На моей памяти он изменился наполовину». Такая анархия вызвала потребность в правилах: явилось множество грамматик, рассуждений об орфографии, произношении, происхождении языка. Началась сильная борьба между приверженцами той или другой системы: одни утверждали, что надобно писать, как говорят (*tete, onete, oneur*), другие требовали удержания прежнего правописания (*teste, honneste, honneur*); противники не щадили бранных выражений, называли друг друга ослами и кабанами; некоторые предлагали доделать язык, дать ему формы, которых, по их мнению, ему недоставало (например, сравнительную степень: *belieur, grandieur*, и превосходную: *belissime, grandissime*). С одной стороны, ученые и учащиеся подчинялись влиянию латыни; с другой стороны, обнаруживал сильное влияние язык итальянский вследствие богатства своей литературы, вследствие первенствующего значения, какое имела Италия в эпоху Возрождения, наконец, вследствие моды, господствовавшей при французском дворе.

Молодая французская литература никла под тяжестью этих двух влияний; бедная крестьяночка, по выражению одного писателя, не знала куда деваться в присутствии знатных, разряженных дам. Но гордость народная не вынесла унижения, патриоты поднялись против чуждых влияний, обезоруживающих язык, началась борьба, и застрельщицей выступила насмешка, сатира. Еще Раблэ подсмеялся над студентом, который искажал свою

речь латынью. «Что болтает этот дурак? — говорит Пантагрюель. — Мне кажется, что он кует какой-то дьявольский язык». «Государь, — отвечает ему один из служителей, — этот молодец считает себя великим оратором именно потому, что презирает обыкновенный французский язык». Труднее было насмешке сладить с итальянским влиянием, потому что оно поддерживалось модою, проводилось женщинами, двором; это было влияние живого языка, живой блестящей литературы, высоко развившегося искусства. Когда осьмидесятилетний Леонард да Винчи явился при дворе Франциска I, то восторг французского общества не знал пределов. С прибытием Екатерины Медичи итальянское влияние стало господствующим при дворе и отсюда проникло и в другие слои общества; французская речь самым смешным образом запестрела итальянскими словами, вносимыми в нее без всякой нужды. Но скоро сатира начала бичевать и эту нелепость, причем особенно сильно ратовал Ганри Этьен («Dialogue du francais italianise»). Эта борьба французской сатиры с итальянским влиянием любопытна для нас еще тем, что напоминает борьбу русской сатиры, борьбу наших Сумароковых, Фон-Визинных и Грибоедовых с французским влиянием; приемы французских и русских сатириков одни и те же.

Французские сатирики-патриоты восторжествовали над чуждым влиянием, отстояли свой язык, который стал образовываться, определяться и, в свою очередь, стал стремиться к господству в Европе, благодаря преимущественно знаменитым писателям, которые сообщили ему особенное изящество в своих произведениях. Время было самое благоприятное: Европа стремилась к окончательному определению своих форм жизни, стремилась образовать ряд крепких, самостоятельных народностей, которые, однако, должны были жить общею жизнью; самостоятельность народов, политическая и духовная, требовала развития отдельных народных языков и литератур; но общая жизнь европейских народов требовала также общего языка для международных и ученых сношений. До сих пор для этого употреблялся язык латинский; но потребности нового общества, новые понятия и отношения требовали и языка нового, живого, тем более что люди эпохи Возрождения насмеялись над средневековою латынью, которая все-таки была порождением новых, живых потребностей. Объявивши средневековую латынь явлением безобразным, ученые обратились к цинеровской латыни; на короткое время можно было поработить ей народы еще молодые, с языками и литературами новорожденными; но эти народы начали расти не по дням, а по часам, и скоро узки им стали пеленки речи чуждой, речи народа отжившего, имевшего свой особый строй понятий, непригодный для новых народов.

Таким образом, латинский язык не мог служить более языком, общим для европейских народов; нужен был язык современный,

живой. Время языков итальянского и испанского прошло; литературная деятельность народов, ими говоривших, прекратилась, политическое значение ослабело, а между тем Франция выступила на первый план; на французском языке говорил представитель самого сильного государства в Европе, на этом языке говорили при самом блестящем европейском дворе, к которому стремились подражать другие дворы, и главное — этот язык окончательно сформировался, отличался легкостью, доступностью, ясностью, точностью, изяществом, которые дал ему целый ряд знаменитых писателей.

Из этих писателей мы остановимся только на тех, сочинения которых уясняют состояние современного им общества, — прежде всего остановимся на Мольере. Галлы, по словам Катона, страстно любили сражаться и острить; французы наследовали эти две страсти от предков, и ни одно крупное явление в их общественной жизни не проходило без того, чтобы они не подметили в нем такой стороны, которая дала бы пищу их остроумию. Новорожденная французская поэзия подле любовной песенки (*chanson*) представляла сатирическую (*sigvente*). Сильным нападкам сатиры подверглось духовенство: насмешка находит обильную пищу, когда люди ведут себя несоответственно своему возрасту, полу, званию, — следовательно, обильную пищу находили в средние века сочинители французских народных песен в поведении тогдашнего духовенства, вовсе не соответствовавшем христианскому учению, ибо духовенство, по словам песен, «всегда желало брать, ничего не давая, покупать, ничего не продавая». Сатира защищала в народе дело Филиппа Красивого против папы и тамплиеров; она громила папские претензии при Карле V; она громко смеялась над великим расколом в Западной Церкви, когда несколько пап спорили за престол святого Петра. «Когда же кончится этот спор?» — спрашивала сатира и отвечала: «Когда не будет больше денег». Она не щадила вооруженной силы, подмечая в ней хвастовство и буйство вместо храбрости; не щадила новой денежной силы, которая начала соперничать с силою меча. Сатира нашла себе самое широкое поприще на театральных подмостках: сюда вывела она все сословия, все классы общества и за свою смелость и цинизм часто подвергалась сильным преследованиям; кроме того, в эпоху Возрождения ей был нанесен удар стремлением подражать античной комедии: здесь бедная крестьяночка должна была уступить знатной барыне. Но холодные подражания латинской, а потом испанской комедии не могли долго продержаться на сцене; французское общество требовало живой народной комедии, и для удовлетворения этой общественной потребности явился Мольер.

Мольер был дитя народа: сын обойщика, долго странствующий актер, он стал известен комедиею «*Precieuses ridicules*»

(1659), где насмеялся над искусственностью, чопорностью, донкихотством в чувствах, отношениях и языке; комедия эта имела важное значение как протест против ложного, неестественного, ходульного во имя истины, простоты и жизни. Мольер приобрел себе покровителя в знаменитом Фукэ; но падение Фукэ не повредило ему: он успел приобрести благосклонность самого Людовика XIV. Понятно, что положение комического поэта в царствование Людовика было очень затруднительно: он должен был ограничиться изображением общечеловеческих слабостей, слабых же сторон современного французского общества он мог касаться очень осторожно, и только таких слабостей, над которыми было угодно посмеяться королю. Людовик XIV позволил Мольеру выводить на сцену маркизов в смешном виде, потому что король не был охотник до людей, думавших, что они имеют значение помимо его. Но опасность была для Мольера не со стороны одного короля: это обнаружилось, когда он поставил на сцену «Тартюфа», в котором представил святошу, позволяющего себе разные гнусности. Поднялась буря: архиепископ парижский издает послание против комедии; первый президент парламента запрещает ее представление в Париже; знаменитый проповедник Бурдалу громит ее с церковной кафедры; Людовик испуган, колеблется, позволяет, запрещает, наконец снова разрешает представление комедии.

«Вот комедия,— говорит сам Мольер о «Тартюфе»,— которая наделала много шума, которая долго была преследуема, и люди, в ней представленные, доказали, что они могущественнее во Франции всех тех, которых я представлял до сих пор. Маркизы, gresieuses, рогносыцы и медики спокойно сносили, что их вывели на сцену, и показывали вид, что вместе со всеми забавляются своим изображением. Но лицемеры разгневались и нашли странным, как я осмелился представить их гримасы и насмеяться над промыслом, которым столько порядочных людей занимаются. Это — преступление, которого они не могли мне простить, и вооружились против моей комедии с страшным бешенством. Следуя своей похвальной привычке, они прикрыли свои интересы интересами Божиими, и «Тартюф», по их словам, оскорбляет благочестие; пьеса с начала до конца наполнена нечестием, и все в ней достойно огня. Я бы не обратил внимания на их слова, если б они не постарались вооружить против меня людей, которых я уважаю, привлечь на свою сторону людей действительно благонамеренных. Если бы взяли труд рассмотреть добросовестно мою комедию, то, без сомнения, нашли бы, что мои намерения невинны и что в ней нет насмешек над тем, что достойно уважения. Эти господа внушают, что нельзя в театре говорить о подобных вещах; но я их спрашиваю: на чем они основывают такое прекрасное правило? Если цель комедии — исправлять людские

пороки, то я не вижу причины, почему между пороками должны быть привилегированные; а порок, о котором идет речь, вредит государству более, чем всякий другой. Меня упрекают, что я вложил благочестивые слова в уста моего лицемера; но разве я мог без этого верно представить характер лицемера?— Но, говорят, он в четвертом акте проповедует гибельное учение: но разве это учение содержит в себе что-нибудь новое?»

Во втором обращении к королю по поводу «Тартюфа» Мольер высказывается откровеннее о причинах, поднявших бурю: «Напрасно я поставил комедию под названием «Лицемера» и передел действующее лицо в платье светского человека, напрасно я надел на него маленькую шляпу, длинный парик, шпагу и кружева по всему платью; напрасно исключил я старательно все то, что могло бы дать хотя тень предлога к придирке знаменитым оригиналам портрета, мною нарисованного: все это ни к чему не послужило». В этих словах объяснение всего дела: «Тартюф» есть продолжение старинных сатирических песенок и театральных представлений, осмеивавших духовенство, недостойные члены которого необходимо являлись лицемерами. Мольер боялся одного — оскорбить «деликатность души королевской относительно предметов религиозных», как сам выражается, и потому передел своего аббата в светское платье; но маска была надета не очень плотно: все догадались в чем дело, и заинтересованные подняли шум, тем более сильный, что Мольер был известен как воспитанник Гассанди, как член небольшого общества новых эпикурейцев, которые стремление к наслаждению соединяли с неверием, знали, следовательно, что Мольер осмеивал лицемерие вовсе не в видах нравственности и религии, вовсе не хотел выставить в «Тартюфе» атеиста, надевшего маску религиозности, а просто хотел посмеяться над своими врагами, сказавши им: вы не лучше нас, у вас такие же страсти и стремления удовлетворять им, вы еще хуже нас, но свои дурные дела делаете втихомолку, а кричите против нас во имя требований вашей религии.

Мольер победил в борьбе, потому что если враги его, оригиналы портрета, начертанного им в «Тартюфе», пользовались деликатностью души королевской относительно предметов религиозных, то он нашел еще более чувствительную сторону в душе королевской, чтобы побудить Людовика XIV снять запрещение с комедии. В конце ее говорится: «Успокойтесь: мы живем под государем — врагом неправды, под государем, которого очи проникают в глубину сердец, которого не может обмануть все искусство лицемеров».

Мольер имел полное право говорить, что порок, выведенный им в «Тартюфе», вредит государству более, чем всякий другой. Действительно, человек замаскированный есть самый опасный член общества, которое для правильности всех своих отношений

и отправлений требует правды, открытости. Но добросовестный писатель должен касаться лицемерия с большою осторожностью, ибо часто принимается за лицемерие совершенно другое. Есть люди с высшими стремлениями, послушные призыву религии, старающиеся сообразовать свои поступки с ее требованиями, и вот эти люди как люди не всегда выходят победителями в борьбе с искушениями, падают; они несчастны от сознания своего падения и при этом имеют еще слабость всеми средствами скрывать это падение от других; но когда скрыть его не могут, то со всех сторон раздаются крики: лицемер! обманщик! фарисей! Крики раздаются тем громче, что толпа людей мелких рада падению человека, выходявшего из ряду; нравственное превосходство его кололо ее, и она теперь с торжеством заявляет, что и этот человек такой же, как и все, а только притворялся лучшим, святошею — из корыстных целей. В человеке чистые побуждения бывают так переплетены с нечистыми, что сам он с большим трудом может различить их и определить долю участия тех или других в известном поступке; отсюда — частые ошибки поэтов и историков в представлении характеров, — ошибки, состоящие в стремлении дать единство побуждениям, окрасить действующее лицо одною краскою: это гораздо легче, проще, но истина при этом страдает, и высокая цель искусства — сказать нам правду о человеке — не достигается.

Но в то время, когда во Франции столько даровитых людей устремились высказать правду о человеке самым наглядным образом, выставляя человека действующим пред глазами зрителей, причем явилась необходимость соединения двух искусств: искусства авторского и искусства сценического, в то самое время явился сильный протест против этого наглядного способа высказывания правды о человеке — протест против театра. Протест последовал во имя религии и со стороны католического духовенства, и со стороны янсенистов Янсенист Николь высказался так: «Комедия, говорят ее защитники, есть представление действий и слов — что ж тут дурного? Но есть средство предохранить себя от всякого заблуждения на этот счет — это рассматривать комедию не в химерической теории, но на практике, в исполнении которой мы бываем свидетелями. Надобно обратиться к тому, какую жизнь ведет актер, какое содержание и цель наших комедий, какое влияние производят они на тех, которые их представляют, и на тех, которые присутствуют при их представлении, и потом исследовать, имеет ли все это какое-нибудь отношение к жизни и чувствам истинного христианина. Зрелище не может обойтись без артиста; чувства обыкновенные и умеренные не поразят; таким образом, чувства не только оболочены внешностью, но душа подвергается нападению со всех чувствительных сторон».

Разумеется, мы не можем согласиться с суровым янсенистом в том, что верное изображение человека с его страстями может действовать развращающим образом на человека; но, с другой стороны, мы не можем не признать, что в его словах есть значительная доля правды: так, он имел полное право указать на безнравственную жизнь актеров, которые бывали вместе и сочинителями пьес; можно ли было ожидать, чтобы такие люди имели в виду нравственные цели? Противники театра особенно могли указать на то, что театр сделал с женщинами, которые посвящали себя ему,—в каком виде явился этот образчик женского труда, женской общественной деятельности? Противники театра имели право утверждать, что высокое значение театра держится только в теории, а на практике театр служит забавою для толпы, и забавою часто безнравственною, особенно в комедии, где старались понравиться толпе циническими выходками, от которых и Мольер вовсе не был свободен.

Янсенист Николь, мнение которого о театре мы привели, принадлежит к числу так называемых моралистов, проникательных наблюдателей над явлениями мира внутреннего и внешнего, изложивших выводы из своих наблюдений в форме кратких заметок мыслей или правил. Выводы Николая, как и выводы Паскаля, проникнуты религиозно-нравственным взглядом; он указывает на несовершенство явлений внутреннего и внешнего мира, но вместе с тем успокаивает и возвышает душу указанием на высшее, религиозное стремление. Но между французскими моралистами описываемого времени есть один, отличающийся тонкостью в наблюдениях и часто верною в выводах и вместе с тем оставляющий в душе читателя самое безотрадное впечатление, потому что у него выставляется в человеке только одна темная сторона, а для всего хорошего, возвышенного выискиваются дурные, мелкие, своекорыстные побуждения; вы слышите хохот демона над тем, что человек привык любить и уважать; автор «ничего во всей природе благословить не хочет».

Этот автор есть знаменитый герцог Ларошфуко, принимавший деятельное участие в движениях Фронды. Из этих движений, кончившихся ничем, из этого раздражения без удовлетворения Ларошфуко вынес истомленную душу, исполненную неверия в нравственное достоинство человека; все люди являлись ему в виде героев Фронды: «Когда великие люди падают под бременем несчастий, то открывается нам, что мы переносим эти несчастия только благодаря силе своего самолюбия, а не благодаря силе своего духа и что, исключая великое тщеславие, герои сделаны из такой же глины, как и остальные люди. Презрение к богатству было у философов тайным желанием отомстить за свои достоинства несправедливой судьбе презрением тех благ, которых она их лишила. Ненависть к фаворитам есть не иное что,

как любовь к фавору; люди, не добившиеся фавора, утешают себя презрением к тем, которые его добились. Любовь к правосудию в большинстве людей есть не иное что, как боязнь потерпеть несправедливость; то, что люди называют дружбою, есть уважение к интересам друг друга, мена услуг, общение, при котором самолюбие имеет всегда в виду что-нибудь выиграть. Люди не жили бы долго в обществе, если бы не обманывали друг друга. Старики любят давать хорошие наставления, чтоб утешить себя в невозможности давать дурные примеры. Постоянство в любви есть всегдашнее непостоянство: сердце постепенно привязывается то к одному, то к другому качеству особы, и выходит, что постоянство есть непостоянство, которое вращается в одном и том же предмете. Добродетель не шла бы так далеко, если бы тщеславие ее не сопровождало. Великодушные презирают все, чтоб иметь все. Отчего любовники и любовницы не скучают быть вместе? Оттого, что постоянно говорят друг о друге». Презрение к нравственному достоинству человека вело естественно к материализму, и Ларошфуко утверждает между прочим, что «сила и слабость духа суть выражение неправильное: в сущности это хорошее или дурное расположение органов тела»; или: «все страсти суть не иное что, как различные степени теплоты крови».

Таким образом, сын Фронды Ларошфуко является продолжателем того темного направления, которому янсенизм со своими Паскалями и Николями был противодействием¹¹. Но янсенизм был явлением опальным из Западной Церкви, которая в описываемое время выставила во Франции более правоверного представителя в знаменитом Боссюэте. В самый разгар Фронды, когда в гостиных и на улицах раздавались громкие крики против верховной власти, молодой духовный говорил сильную проповедь на текст «Бога бойтесь, царя чтите». Этот молодой духовный был Боссюэт. Фронда стихла, истомленное ею общество вызывало крепкую власть, и Боссюэт является подле Людовика XIV с тем же текстом, который развивает не в одной проповеди, но проводит чрез целый ряд сочинений, носящих печать сильною таланта и потому имеющих сильное влияние на общество. Людовик XIV не хочет ограничиться только своим временем, не хочет воспользоваться только известным расположением общества, чтобы на деле усилить свою власть, устранить здесь и там разные препятствия для нее: в ранней молодости своей он был свидетелем сильного волнения, был свидетелем, как власть колебалась, преклонялась пред народными требованиями, слышал зловещее слово «республика», а с той стороны пролива приходили страшные вести, что трон низвержен и король погиб на плахе; Людовик XIV в молодости пережил страшное время,

¹¹ Об янсенизме см. мой «Курс Новой истории» Ч I

страшную борьбу, пережил внимательным зрителем, сильно заинтересованным участником; чувство и мысль его были напряжены; он видел близко опасность и знал, что для борьбы с нею недостаточно одной материальной силы, недостаточно тех субсидий, которые он давал английским королям для противодействия либеральным стремлениям по ту сторону пролива,— Людовик искал других средств, хотел составить для себя и для потомков своих правила, теорию, науку и противопоставить это учение другому, которое шло с опасного острова.

Теория Людовика XIV, составившаяся под впечатлениями английской революции и французской Фронды, вторит английским охранительным теориям, которые явились вследствие стремления противодействовать революционным движениям. Вот основания этой теории: «Франция есть государство монархическое в полном смысле этого слова. Король представляет здесь всю нацию, и каждый частный человек представляет только самого себя пред королем, следовательно, вся власть находится в руках короля и не может быть никаких других властей, кроме установленных им. Нация во Франции не составляет отдельного тела: она пребывает вся в особе короля. Все, что находится в нашем государстве, принадлежит нам бесспорно. Деньги, которые находятся в нашей казне и которые мы оставляем в торговле наших подданных, должны быть одинаково ими оберегаемы. Короли суть полновластные господа и распоряжаются неограниченно всеми имуществами, которые находятся во владении как духовных, так и светских людей, смотря по надобности».

Боссюэт подкрепляет эту теорию. «Закон,—говорит он,— есть вначале условие или торжественный договор, в котором люди, по соизволению государей, определяли, что необходимо для образования общества. Это не значит, что сила законов зависит от согласия народов, но значит только, что государю помогают самые мудрые люди из народа. Первая власть есть власть отеческая в каждом семействе; потом семейства соединились в обществе под властью государей, которые заменили им отцов. Вначале было множество маленьких владений; завоеватели нарушили это согласие народов. Монархия есть форма правления самая обыкновенная, самая древняя и самая естественная. Из всех монархий лучшая наследственная. Что касается других форм правления, то вообще государство должно оставаться при той форме, к которой привыкло. Кто намеревается разрушить законность форм правления, каковы бы они ни были, есть не только общественный враг, но и враг Божий. Власть государева неограниченна. Государь в своих приказах не должен отдавать отчета никому. Государь—от Бога и участвуют, в некотором смысле, в божественной независимости. Против власти государя нет другого средства, кроме той же власти

государя. Государя, впрочем, не освобождены от повиновения законам (по праву, на самом же деле никто не может принудить их повиноваться закону). Власть государя подчинена разуму. Подданный может послушаться государя только в одном случае: когда государь приказывает что-нибудь против Бога (но и в этом случае сопротивление должно быть страдательное). Подданные обязаны платить дань государю (т. е. согласие народа не нужно для взимания податей). Государь должен употреблять свою власть для истребления в своих владениях ложных религий. В нечестивом заблуждении находятся те, которые отвергают право государя употреблять принудительные меры в деле религии на том основании, что религия должна быть свободна».

Людовик XIV сначала не шел так далеко в этом отношении, как Боссюэт; около 1670 года он писал: «Мне кажется, что люди, желавшие употреблять насильственные меры против протестантизма, не понимали свойства этого зла, произведенного отчасти умственною горячкою, которой надобно дать пройти нечувствительно, а не поджигать сильным противодействием, бесполезным в том случае, когда язва не ограничивается известным числом людей, но распространена по всему государству. Лучшее средство уменьшить мало-помалу число гугенотов во Франции — это не отягощать их никакою новою строгостию, соблюдать права, данные им моими предшественниками, но не уступать им ничего более и самое соблюдение дарованных прав ограничить возможно узкими пределами, которые предписываются правосудием и приличием. Что касается милостей, зависящих от меня одного, то я решил не давать им никакой: пусть им приходит от времени до времени на ум, согласно ли с рассудком добровольно лишаться выгод. Я решил также наградами привлекать тех, которые окажутся покорными, воодушевлять, по возможности, епископов, чтоб они заботились об их обращении; назначать на духовные места только людей испытанного благочестия, трудолюбия, знания, способных своим поведением уничтожить в Церкви те беспорядки, которые произошли вследствие недостойного поведения их предшественников».

Людовик старался вначале употреблять сильные меры против протестантизма, потому что эта язва была распространена по всему государству; но была другая язва, ограниченная небольшим числом людей, с которою поэтому не нужно было церемониться, то был янсенизм. Гугенотская ересь была ересь старая; Людовик не был виноват в том, что предшественники его надавали ей прав; но янсенизм была ересь *рождающаяся*, по выражению Людовика; обязанность короля состояла в том, чтоб истребить ее в зародыше; папа и король приказывали еретикам опомниться, но они не слушались. Но если у янсенистов были сильные враги, то были и сильные покровители, которые желали путем мирных соглашений удержать при католической Церкви

даровитых и энергических борцов. Еретик-янсенист Николь ревностно защищал против протестантов догмат пресуществления.

Печальные результаты движения на покатоми пути отрицания,— движения, начавшегося с ютеровои реформы, тревожили все более и более протестантов, желавших остаться христианами, но не чувствовавших под собою твердой почвы, а тут выступает Боссюэт со своим «Изложением католической веры», написанным с большим талантом и умеренностью. «Можно,— говорит Боссюэт,— сохранить последовательность, установить единство в плане учения, когда или совершенно предаются вере, как католики, или совершенно предаются разуму человеческого, как неверующие; но когда хотят смешивать то и другое, то приходят к мнениям, противоречия которых указывают на явную фальшивость дела». Протестантов поражала умеренность, с какою было написано «Изложение католической веры». «Это не папское учение,— кричали пасторы,— папа не утвердит его». Но папа имел благоразумие утвердить. Протестанты начали обращаться в католицизм; сильное впечатление было произведено обращением Тюрення, между гугенотами уже почти не было людей из знатных фамилий.

II. ВОЙНЫ ФРАНЦИИ С ИСПАНИЕЮ И ГОЛЛАНДИЕЮ —
ЗАХВАТЫ В ГЕРМАНИИ — ИЗГНАНИЕ СТЮАРТОВ
ИЗ АНГЛИИ — ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПРОТЕСТАНТОВ
ВО ФРАНЦИИ — СМЕРТЬ КОЛЬБЕРА — МЕНТЕНОН. —
УНИЧТОЖЕНИЕ НАНТСКОГО ЭДИКТА — СТОЛКНОВЕНИЕ
ЛЮДОВИКА XIV С ПАПОЮ. — БОССЮЭТ И ФЕНЕЛОН —
ПЕЧАЛЬНОЕ ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ ФРАНЦИИ
В КОНЦЕ XVII ВЕКА — ВЕЛИКИЙ СОЮЗ ПРОТИВ НЕЕ —
РИСВИКСКИЙ МИР

Мы видели средства Людовика XIV и видели, что слабость соседних государств влекла славолюбивого короля воспользоваться своими средствами для расширения границ Франции, для приобретения первенствующего, заправляющего значения в Европе, игемонии. Мы видели, что еще при Мазарини в Германии образовался Рейнский союз, в котором Франция имела заправляющее значение. В 1664 году союз распространился присоединением к нему Вюртемберга, Дармштадта, Пфальц-Цвейбрикена, Базеля, и хотя впоследствии союз рушился, но это не уменьшило влияния Франции в Германии; деньги были главным проводником этого влияния: и знаменитый курфюрст Бранденбургский, великий курфюрст Фридрих Вильгельм, брал французские деньги, саксонский курфюрст Иоганн Георг II за 200 000 талеров, получаемых ежегодно от Людовика XIV, обязался на сеймах подавать всегда голос за Францию.

Германия, таким образом, не могла представить препятствий для осуществления честолюбивых замыслов; еще менее могла представить их Испания, и на нее-то молодой французский король прежде всего должен был обратить свое внимание, ибо ее провинции, прилегавшие к Франции с северо-востока, представляли легкую и богатую добычу. Но покушения со стороны Франции на южные, испанские Нидерланды должны были встревожить Нидерланды северные, или Голландскую республику. Эта маленькая, но цветущая республика господствовала на морях, славилась громадным богатством, которое давало ей важное значение в европейских делах, она смело мерялась силами в морских битвах с своею соперницею Англиею; но положение обеих морских держав было далеко не одинаково выгодное. Англия была отделена морем от европейского материка и, не боясь ниоткуда нападения, могла спокойно развивать свои морские силы, свою промышленность, формы своего правления, тогда как Голландия, завоевав свою область у моря, была приклонена к континенту, легко подвергалась нападениям сильнейших государств. Вследствие этого двойственного положения Голландии, с одной стороны, как державы морской, занятой преимущественно промышленными и торговыми предприятиями, а с другой стороны, как державы все же континентальной, обязанной заботиться о средствах защиты,—вследствие этого двойственного положения в Голландии боролись две партии: республиканская, члены которой ревниво берегли свою свободу и поэтому больше всего боялись сухопутной войны, войска, полководцы, и партия штатгалтерская, или оранская, приверженная к потомству Вильгельма Молчаливого, которое постоянно давало Голландии вождей для ее защиты в опасное время.

Главою республиканской партии в описываемую эпоху был самый видный в семи соединенных провинциях человек, пенсионарий Голландии Иоанн де Витт: так как Голландия занимала первенствующее положение среди других провинций, то ее пенсионарий, заправлявший иностранными делами, имел решительное влияние на дела штатов. Личные достоинства де Витта давали ему право на первое место; он был отлично образован и учен (был знаменит как математик), отличался нравственною чистотою, необыкновенною простотою жизни. первый человек в самом богатом тогда государстве жил в маленьком доме, вся прислуга состояла из лакея и кухарки; в тогдашнем обществе, находившемся под влиянием классического образования, де Витт представлялся гражданином лучших времен античного мира, и легко понять, как это представление помогало ему быть во главе республиканской партии, боровшейся с государскими стремлениями оранской, княжеской партии. Де Витт добился того, что ему было поручено воспитание малолетнего Вильгельма

ма, единственного представителя знаменитого оранского дома, де Витт дал Вильгельму отличное образование, но республиканцем его не сделал

Де Витт с своею партией находился в описываемое время в крайне затруднительном и опасном положении: по своему промышленному и торговому характеру республика Соединенных Штатов необходимо сталкивалась с Англиею, быстро стремившеюся ко владычеству на морях и в мире промышленном, соперничество, ненависть между двумя торговыми государствами необходимо вели к ожесточенным войнам, что, разумеется, было как нельзя выгоднее для Франции. Говоря о царствовании Карла II в Англии, мы уже упоминали о войнах ее с Голландиею, ведшихся с переменным счастьем. Республиканская партия в Соединенных Штатах не боялась этих морских войн, имевших притом ясный, определенный смысл — поддержку своего могущества на море; тем более она боялась сухопутной войны, бесцельной, разорительной, опасной по неимению своего сухопутного войска и по тому значению, какое мог получить полководец. Вот почему республиканская партия должна была стараться жить в мире с могущественною Франциею и искать ее союза; но с Франциею вследствие ее честолюбивых стремлений долго нажить в мире было нельзя; нужно было ставить против нее оплот посредством союзов слабейших держав, и прежде всего посредством неестественного союза Голландии с Англиею. Этого де Витт с своею партией сделать не мог; могла сделать это только оранская партия, если бы получила сильного личными средствами представителя.

В то время как Англия и Голландия тратили свои силы в жестокой борьбе, в то время как Голландия на сухом пути не могла собственными средствами отбиться даже от ничтожного войска мюнстерского епископа, Людовик XIV создавал сильное войско и флот, Кольбер давал ему финансовые средства и стремился к тому, чтобы сделать Францию морскою державою и соединить с могуществом сухопутным сильное развитие промышленное и торговое. Наконец, бесплодная борьба, стоившая Голландии четыре с половиною миллиона гульденов, наскучила обеим сторонам, и в 1667 году Англия и Соединенные Штаты заключили мир в Бреде. Но в том же году началась война у Франции с Испаниею движением французских войск на испанские Нидерланды. Людовик начал войну по праву сильного, но придуман был благовидный предлог: мы знаем, что Людовик был женат на испанской принцессе, дочери Филиппа IV от первого брака, причем она отказалась от всех претензий на испанские земли, но теперь Людовик объявил, что жена его имеет право на известную часть Нидерландов и Фландрии на основании какого-то местного, брабантского обычая, соблюдавшегося при наследовании

частных людей. Секретарь Тюренна Дюган написал «Трактат о правах французской королевы на различные области испанской монархии». Трактат оканчивался словами: «Король уверен, что эти народы (жители Бельгии) не забудут, что французский король был их прирожденным государем, когда еще кастильских королей не существовало, и что они пожелают возвратиться в недра древнего отечества».

Опасаться сильного противодействия со стороны Испании Людовик не мог: здесь по смерти Филиппа IV, умершего в 1665 году, вступил на престол сын его, Карл II, болезненный, полумертвый ребенок, именем которого управляла мать его, королева Мария Анна, дочь германского императора Фердинанда III; правительница находилась совершенно под влиянием своего духовника, немца Нитарда, который не имел правительственных способностей и руководился только своими частными интересами. Благодаря такому положению дел Испания была беззащитна; с востока Людовик XIV был обеспечен Рейнским союзом; Голландия и Англия, хотя и примиренные, но отдохавшие после тяжелой войны и слабые своими сухопутными средствами, не могли возбудить никакого опасения. Французское войско под начальством Тюренна начало забирать города, на которые была объявлена претензия по «дореволюционному праву», как называлось мнимое право французской королевы на наследство после отца; сам Людовик находился при войске, чтоб играть роль завоевателя, так привлекательную для французов; но Людовик, выставляя права своей жены, называл поход в Нидерланды не иначе как *путешествием*.

Успехи Людовика, разумеется, должны были сильно встревожить Англию и Голландию; английский король Карл II и де Витт поневоле должны были вмешаться в дело и заступиться за беззащитную Испанию. Сперва хотели они достигнуть своей цели дипломатическим путем; но завоеватели, пока не истощатся, не любят слушать представления слабых. Французы продолжали свои завоевания, и надобно было приняться за обычное средство европейской политики: поддержать равновесие союзом слабых против сильного. Благодаря стараниям английского дипломата Темпля в начале 1668 года заключен был союз между Англиею и Голландиею, к которому пристала и Швеция, отчего союз носит название *Тройного* (Triple-alliance); союзники решили уладить дело так, что Испания должна сделать некоторые уступки Франции, а последняя должна ими ограничиться и прекратить войну; в противном случае союзники вооружались. Разумеется, морские державы не могли вести сухопутной войны, а должна была вести ее Швеция, получавшая большие субсидии. Союз достиг своей цели: в апреле того же года Людовик заключил в С.-Жермене мир с Испаниею, по которому получил двенадцать

из завоеванных им городов с округами; с Англиею, Голландиею и Швециею Франция немного спустя заключила мир в Ахене; с императором Леопольдом заключен был секретный договор, по которому Людовик и Леопольд, как женатые на родных сестрах, испанских принцессах, в случае смерти Карла делили между собою испанские владения.

Сильный завоеватель был сдержан союзом слабых, следовательно, политика его должна была состоять в том, чтобы растраивать эти союзы и предупреждать их образование. Людовик видел, что на континенте опаснее всех держав для него Голландия не по военным своим средствам, но по богатству, которое давало ей возможность составлять союзы против Франции, давать большие субсидии бедным и жадным правительствам, покупать чужое войско; золото доказало, что может успешно бороться против меча: отсюда сильное желание Людовика сокрушить прежде всего Голландию, порвать этот узел союзов против Франции, усмирить дерзких торгашей, лавочников, которые осмеливаются мешать замыслам великого короля, и тогда эти замыслы осуществятся беспрепятственно. Де Витт, занятый преимущественно внутреннею борьбою своей партии с оранцами, считавший последних опаснее французов, не сделал Тройного союза постоянным после Ахенского мира. Этим воспользовался Людовик, чтоб уничтожить возможность будущего союза в преднамеренной им войне с Голландиею. Отвлечь Англию было нетрудно: король Карл II и его партия питали сильное сочувствие к Франции, ибо от нее одной могли ожидать деятельной помощи для усиления своей власти на счет парламента и для введения католицизма, что и было обещано Людовиком; со стороны последнего не были пощажены никакие средства для упрочения союза с английским королем: ко двору его была отправлена девица Керуай, которая должна была овладеть Карлом II и привязать его к французской политике; Керуай, впоследствии герцогиня Портсмутская, отлично исполнила свое поручение.

В Швеции бедная аристократия не могла устоять от искушения при виде французских денег, и в апреле 1672 года был заключен договор между Франциею и Швециею, по которому вторая обязалась в продолжение трех лет вести войну с теми из немецких князей, которые подадут помощь Голландии во время войны ее с Франциею: договор был направлен прямо против курфюрста Бранденбургского. Французские деньги имели силу и при дворе германского императора. Министры Леопольда I (Лобкович, Ауерсберг и Ламберг) успели уговорить этого слабого государя заключить тайный договор с Франциею, по которому он обязался не помогать ни Англии, ни Швеции, ни Голландии в случае войны их с Людовиком. Заключены были союзы с Ганновером, Оснабрюком, Кёльном и Мюнстером.

Таким образом Голландия была окружена цепью французских союзов; где не действовали деньги или где французским деньгам противодействовали голландские, там Людовик бесцеремонно употреблял силу: так, герцог Франц Лотарингский обязался было составить войско для Голландии, но французское войско явилось в Лотарингию и заняло страну; герцог принужден был бежать. Людовик попробовал действовать деньгами и в самой Голландии, предложив де Витту сто тысяч гульденов, но предложение было отвергнуто. Де Витт находился в самом затруднительном положении. Страшная опасность, которая, видимо, грозила Голландии от Франции, слабость, бессоюзие Штатов необходимо поднимали оранскую партию, которая требовала назначения молодого принца Вильгельма III штатгалтером с целью создания внутренних средств защиты. Республиканская партия по обстоятельствам не могла прямо воспрепятствовать этому и мешала только косвенно, возражала, что Вильгельм не достиг еще полных двадцати двух лет, требуемых законом для штатгалтерской должности; потом тянули время при составлении инструкции штатгалтеру, которого власть старались как можно более ограничить; наконец, тянули переговоры с курфюрстом Бранденбургским, который предлагал войско за субсидию: республиканская партия боялась родства курфюрста с принцем Оранским. А между тем в апреле 1672 года король французский и английский объявили войну Штатам — под предлогом каких-то оскорблений, которых долго сносить будто бы не было для них возможности.

Вслед за объявлением войны 120 000 французского войска явилось на Рейне и Маасе, и вели это войско Тюренн и Конде; при войске же находились военный министр Лювуа и знаменитый строитель и разрушитель крепостей Вобан; завоеватель — Людовик, — разумеется, был тут же. Французы без сопротивления занимали провинции Соединенных Штатов, проникали в Голландию, и здесь республиканская партия решилась купить необходимый ей мир деньгами и пожертвованием крепостей; но завоеватель предложил такие тяжкие условия, что голландцы должны были предпочесть им самые отчаянные меры для защиты. При этом вражда партий разыгралась кровавою игрою; оранская партия как партия войны взяла теперь верх; принц Вильгельм провозглашен был штатгалтером и генерал-капитаном. Амстердамцы с чрезвычайными усилиями отлично укрепили свой город, грозили, прорвавши плотины, затопить всю окрестную страну и решились скорее сесть на корабли и переселиться в Батавию, чем подчиниться французским требованиям. Но торжествующая партия хотела прежде всего избавиться от главы противной партии Иоанна де Витта и брата его, адмирала Корнелия. На Иоанна напали четверо убийц, но он успел спастись от них, отделавшись ранами; потом его обвинили в казнокрадстве,

но человеку, знаменитому своим бескорыстием, легко было оправдаться; тогда нашелся доносчик, который показал, что Корнелий де Витт подговаривал его убить принца Вильгельма; Корнелия подвергли пытке, он выдержал ее, не повинившись; осудить его было нельзя, но толпа разъяренной черни день и ночь окружала его темницу, требуя своей жертвы, и жертва была выдана, и не одна: обманом был привлечен к брату в темницу Иоанн де Витт, обоих вывели к народу, и обоих растерзал народ. Принц Вильгельм запятнал себя раздачею наград убийцам.

Между тем война начала принимать благоприятный для Штатов оборот: курфюрст Бранденбургский заключил с ними союз, уговорил приступить к нему и императора, так что Людовик XIV должен был отделить часть своего войска для действия в Германии; Испания также пристала к союзу. Голландцы исполнили свои угрозы, открыли шлюзы и затопили окрестную страну, не обращая внимания на страшные убытки, причиненные этим потопом. Принц Вильгельм Оранский, ободренный особенно тем, что при французском войске, оставленном в Нидерландах, не было более ни Конде, ни Тюренна, предпринял наступательное движение. Но если дела пошли дурно для французов в Нидерландах, то они могли с успехом действовать в Германии благодаря слабости тамошних мелких владельцев, сеймовым проволочкам и продажности австрийских министров. В 1674 году принц Оранский, провозглашенный наследственным штатгалтером в Голландии, Зеландии и Утрехте, решился померяться с великим Конде; начальствуя императорским, испанским и голландским войсками, он встретился с французами при деревне Сенефе (недалеко от Лувэна). Страшная резня кончилась только с истощением сил у обеих сторон; французы приписали победу себе. Решительнее была победа Тюренна над императорскими войсками при Зинсгейме, после которой победитель варварским образом опустошил Пфальц, процветавший под правлением курфюрста Карла Людвига; курфюрст в отчаянии вызвал Тюренна на поединок, но получил уклончивый ответ. Бранденбургские войска под предводительством самого великого курфюрста Фридриха Вильгельма в соединении с императорскими перешли на левый берег Рейна, но несогласие между союзниками дало возможность Тюренну одержать еще несколько побед и заставить неприятеля перебраться на правый берег Рейна.

В 1675 году великий курфюрст должен был оставить Западную Германию и спешить на защиту своих владений, в которые вторглись шведы, союзники Франции. Он напал на превосходного числом неприятеля при Фербеллине и одержал блистательную победу, после которой шведское войско рассеялось; в том же году французы потеряли Тюренна, убитого при Засбахе в сражении с императорскими войсками. Но у Людовика XIV остались

еще люди и средства, и Вильгельм Оранский терпел постоянные неудачи в битвах с французами, которые овладели Валансьеном, Камбрэ, С.-Омером. «Принц Оранский,—говорили остряки,— может хвастаться, что в такие молодые лета ни один генерал не снял столько осад и не проиграл столько битв, как он». Молодой Вильгельм совершенно напоминал собою своего знаменитого предка Вильгельма Молчаливого; так же не отличаясь блестящими способностями, он брал спокойствием, холодностию, скрытностью, ровностию духа в беде и удаче, что помогало ему после поражения являться снова на сцену с новыми средствами и внушать к себе полное доверие в людях, которые поручали ему свою судьбу.

Несмотря на свои неудачи, молодой Вильгельм Оранский желал продолжения войны, которая поддерживала его власть, делала ее необходимою; но он должен был уступить общему требованию, требованию мира; соединенные провинции принесли всевозможные жертвы; их торговля терпела страшный ущерб, особенно от французских корсаров. Людовик XIV, также не хотевший мира, принужден был приступить к соглашениям благодаря отпадению Англии, которая в начале 1674 года заключила отдельный мир с Голландиею; мало того, Вильгельм Оранский обручился с племянницею английского короля Мариєю, дочерью герцога Йоркского, и в начале 1678 года заключен был оборонительный союз между Англиєю и Соединенными Штатами.

Людовик спешил новыми завоеваниями в беззащитных испанских Нидерландах приобрести выгоднейшие мирные условия: его войско овладело Гентом и Ипром; с другой стороны, он был в сношениях с республиканскою партиєю в Соединенных Штатах, которая боялась чрезвычайного усиления власти штатгалтера, особенно была напугана браком Вильгельма на английской принцессе и потому желала как можно скорее заключить мир с Франциєю. Мир был наконец заключен в Нимвегене в 1678 году Франциєю, Голландиею и Испаниею; все выгоды получили сильные державы—Франция и Голландия, все невыгоды пали на долю слабой Испании: Голландия получила назад все города и земли, занятые французами, Испания должна была уступить Франции Франш-Контэ, Валансьенн, Камбрэ, С.-Омер, Иперн и несколько других менее значительных городов. После этого империя не могла долго бороться с Франциєю, несмотря на успех курфюрста Бранденбургского и союзницы его Дании против шведов, союзников Франции: курфюрст и датский король должны были исполнить требования Людовика XIV возвратить шведам все у них завоеванное.

Таким образом, несмотря на сильный, по-видимому, союз против Франции, ее король вышел из войны со славою и добычею; пример Швеции показывал, что с могущественным королем

французским выгодно быть в союзе: союзник его ничего не потеряет, несмотря на все неудачи; унижительное положение Бранденбурга и Дании, обязанных выйти из войны ни с чем, несмотря на все удачи, показывало, как опасно идти наперекор великому королю. Но за видимое могущество и славу своего короля Франция уже начинала дорого платить: финансы ее истощались; что всего важнее, она теряла людей, которые давали ей победы и давали средства к победам, которых великий король не умел заменить другими равными им; все блистательные успехи он начинает приписывать себе, начинает считать себя выше всех по способностям, гонит неприятную мысль, что он может нуждаться в людях самостоятельных, получивших дарования «Божиею милостию», окружает себя слепыми орудиями, не имеющими своей мысли и воли, людьми, обязанными всем только «королевской милости».

Сходят со сцены Тюренн, Кондэ — и не заменяются. Умирает Кольбер и умирает в горе от немилости королевской. Для голландской войны Кольбер должен был приготовить 45 миллионов. Средствами, соответствовавшими его системе, например, уменьшением числа чиновников и т. п., Кольбер не мог этого сделать и должен был прибегнуть к отчуждению государственных имуществ; Кольбер не хотел слышать о займах, но соперник его Лювуа осилил, и назначен был заем. «Итак, дорога к займам открыта, — сказал Кольбер. — Какое же теперь останется средство остановить короля в его издержках? По заключении займов понадобятся налоги для их выплачивания, и если займы не будут иметь границ, то и налоги также не будут их иметь». Война разгорелась; королю внушают, что для ведения ее с успехом надобен чрезвычайный расход в 60 миллионов ежегодно. «Неоткуда взять столько денег!» — с ужасом говорит Кольбер. «Подумайте, — отвечает король, — есть человек, который возьмется достать эту сумму, если вы отказываетесь».

Жестокое слово произвело желанное действие: Кольбер не отказался и стал думать, но эта дума провела глубокие морщины на его челе, которое потом не разглаживалось более. До сих пор он садился за работу с веселым лицом, потирая руки от удовольствия; до сих пор он был доступен, быстр в исполнении: с этих пор он стал мрачен, недоступен, нерешителен, начал садиться за рабочий стол не иначе как с озабоченным лицом, со вздохами. Надобно было приниматься за старину, за чрезвычайные средства: восстановлены были для продажи упраздненные должности по юстиции и по финансовому управлению, учреждены новые, в высших судебных палатах увеличено число членов, проданы привилегии на продажу известных товаров, продано некоторым лицам право освобождения от податей; но от этих продаж, от стеснений, которые начинает претерпевать народ,

уменьшаются доходы, — следовательно, надобно увеличить подати, надобно прибегнуть к ненавистному для Кольбера займу. Он учреждает ссудную кассу, куда частные люди могут помещать свои деньги за пять процентов и с правом брать всю сумму назад, когда захотят. Увеличена была пошлина на соль, табак сделан монополиею; гербовая бумага, введенная при Мазарини и потом уничтоженная, восстановлена, причем нельзя было писать на листе больше положенного числа строк; наложена пошлина с клейма оловянной посуды, употребляемой в простонародье. Но все эти меры могут возбудить сопротивление в парламенте. В 1673 году вышел манифест, в котором король повелевал парламенту вносить беспрекословно в реестр все указы с правом делать после свои представления королю насчет неудобства этих указов, которые между тем уже получили силу закона.

Парламент замолчал, но восстание вспыхнуло в Бордо, клейменная оловянная посуда полетела в воду, дома финансовых чиновников разграблены, советники парламента умерщвлены; в Ренне склады гербовой бумаги и табак были разграблены, причем дело не обошлось без кровопролития; в Бретани толпы вооруженных крестьян преследовали финансовых чиновников и дворян, замки горели, и владельцы их висели на колокольнях; заводчики смуты в Бордо сносились с голландцами, звали их на помощь. Волнения в Бордо были усмирены сильными средствами; войска правительства так вели себя в этом городе, что лучшие жители покинули его и торговля надолго упала; в Бретани виднелись повсюду виселицы и колеса, из Ренна были выгнаны все жители целой большой улицы. Но королевские экзекуции не уничтожили причину волнений: в 1675 году губернатор Дофинэ писал Кольберу, что торговля совершенно остановилась в его провинции и что большая часть жителей должна была питаться зимою хлебом из желудей и корней, а весною есть траву и древесную кору. С начала войны арендная плата за земли уменьшилась наполовину; крестьянские избы поражали путешественника своим печальным видом, да и замки мелкого дворянства не отличались роскошью.

Наконец война прекратилась, Кольбер уже хлопотал, как бы восстановить народное благосостояние, уменьшить налоги, поддержать кредит; он представляет королю необходимость уменьшить расходы, король соглашается, постановлено ограничить расходы 78 миллионами, и, несмотря на то, в 1680 году издержано 90 миллионов, только двумя миллионами меньше, чем в 1679-м. Все же меньше, но в 1682 году издерживается 100 миллионов — во время мира! На что же идут теперь деньги? Строили Версаль, новую резиденцию короля, которому не нравился Париж. Были другие постройки, на которые не менее жаловался Кольбер: знаменитый Вобан построил и перестроил триста крепостей.

Укреплялись границы государства со всех сторон, но откуда могущественнейший из государей Европы мог ожидать нападения? Но одно государство порознь не в состоянии предпринять наступательное движение на Францию, разве составится новый, более могущественный союз; но для этого Франции должно предпринять наступательное движение и заставить слабых соединиться для отпора. Людовик действительно не намерен прекратить наступательное движение, удержаться от захвата чужих земель. Он расширил свои владения на счет слабой Испании; теперь хочет расширить их на счет слабой Германии, сделать завоевания без войны: он учреждает на северо-востоке со стороны Германии в парламенте Мецком и верховном совете Эльзаском в Безансоне так называемые Камеры Соединения (Chambres de Reunion), которые должны были отыскать и присоединить к Франции все земли, когда-либо зависевшие от Эльзаса и трех епископов (Меца, Тула и Верденя).

Приводим пример, как действовали Камеры Соединения: несколько городов и деревень было присоединено к Франции на том основании, что они некогда зависели от монастыря Вейсенбургского, основанного королем Дагобером, и не могли быть отчуждены, говорили французские юристы, потому что церковные имущества неотчуждимы. Притянуто было и герцогство Цвейбрикенское, принадлежавшее шведскому королю; от Карла XI потребовали, чтоб он дал Людовику XIV вассальную присягу за это герцогство; тот не согласился, тогда Людовик конфисковал Цвейбрикен и отдал его в вассальское владение князю Биркенфельдскому, герцог Виртембергский, город Страсбург стали вассалами французского короля по землям, притянутым к Франции Камерами Соединения. И сам Страсбург, обхваченный французскими владениями, не долго мог сохранять свою независимость как вольный немецкий город: он составлял предмет давнишнего желания Франции, которая без Страсбурга не могла быть покойна относительно Рейна и Эльзаса. Положение между Францией и Германией повело в этом вольном городе к образованию двух партий: французско-католической и немецко-протестантской.

Перевес Франции в Европе после Нимвегенского мира, естественно, дал перевес французской партии в Страсбурге и облегчил Людовику XIV присоединение этого важного города. Ночью в конце сентября 1681 года французское войско явилось под городом, началом которого получило приглашение признать Людовика XIV своим государем, «потому что Камера Соединения подчинила королю весь Эльзас, а Страсбург составляет часть последнего». Крики незначительного меньшинства, требовавшего сопротивления, были заглушены благоразумным большинством, которое считало сопротивление бесполезным. Страсбург

был присоединен к Франции, и великий король с торжеством въехал в город, овладение которым не стоило ему ни одного выстрела. Страсбургский епископ приветствовал его словами Симеона: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко!» Радость прелата была искренняя: до сих пор он жил вне города, а теперь переехал в Страсбург и начал служить в знаменитом соборе, отнятом у протестантов. На юге герцог Мантуанский сдал французам крепость Казале, и таким образом Людовик получил ключ к Милану, к итальянским владениям Испании.

Как же смотрели в Европе на эти завоевания во время мира? Волнение было сильное. Германия, где при недостатке политической деятельности начала сильно развиваться деятельность научная, наблюдение за политическими явлениями издали и свысока, соображения по поводу их и многообразные разносторонние рассуждения, часто переходившие во многоглаголанье и многописание,— Германия подняла тревогу насчет готовящейся всемирной монархии, выпустила множество исторических диссертаций, полемических трактатов, памфлетов и пасквилей. Но это умственное возбуждение не могло иметь важных последствий при отсутствии политического единства и происходившей отсюда слабости Германии. Император был занят турецкими отношениями, у него было много дела на Дунае, и потому он не мог обращать надлежащее внимание на то, что делалось на Рейне; значительнейший из владельцев немецких, особенно по личным средствам, знаменитый курфюрст Бранденбургский Фридрих Вильгельм, раздосадованный тем, что в предшествовавшей войне не дали ему отнять у Швеции ее германских владений, и тем, что Голландия и Испания перестали ему платить субсидии, видя притом слабость Европы перед Францией, решился усилиться с помощью последней, заключил союз с Людовиком XIV и, поставленный этим союзом между двух огней, между интересами Германии и Франции, когда последняя так бесцеремонно захватывала земли у первой, должен был хлопотать о том, чтобы не доводить дело до войны, улаживать, примирять; но при этом примирении сильная Франция, разумеется, выходила с выгодой, а слабая Германия с ущербом.

Швеция, которой король был раздражен конфискацией своего Цвейбрикенского герцогства, становилась теперь во враждебное положение к Франции, но вследствие этого самого непримиримый враг Швеции Дания становилась на сторону Франции. Постоянным врагом Людовика, главным деятелем при составлении союзов против него, был Вильгельм Оранский. После Нимвегенского мира он заявил желание войти в милость великого короля, но получил высокомерный ответ: «Если принц своим поведением подтвердит искренность своих чувств, то его величество увидит, что нужно сделать». Оттолкнутый таким образом, Вильгельм

начал опять действовать враждебно против Франции; Людовик отомстил ему, велевши разрушить укрепления его наследственного городка Оранжа; Вильгельм, услышавши об этом, сказал: «Французский король узнает когда-нибудь, что значит оскорбить принца Оранского».

Но это «когда-нибудь» было еще далеко. Вильгельм встречал постоянное препятствие своим планам у себя в Голландии, которая уклонялась от войны, а без Голландии другим державам нельзя было воевать, потому что у нее, как тогда выражались, был *нерв войны* — деньги. Старались сдерживать Людовика, заключая с ним мирные договоры; Людовик соглашался обыкновенно на мир, потому что каждый раз при этом что-нибудь выигрывал на счет Испании или Германии; но мир не мешал ему предъявлять новые притязания. Так, он объявил свои притязания на счет Пфальца во имя жены брата своего герцога Орлеанского, урожденной принцессы Пфальцской. Эти притязания повели опять к составлению союзов против Франции, причем опять действовал преимущественно Вильгельм Оранский. Голландия решилась отсчитать курфюрсту Бранденбургскому требуемые им деньги и возобновила с ним союз, заключила союз и с королем шведским, который с своей стороны вступил в союз с курфюрстом Бранденбургским для поддержания Вестфальского и Нимвегенского миров; курфюрст Бранденбургский вступил в союз с императором; наконец, в 1686 году заключен был между многими государствами так называемый Большой Аугсбургский союз для поддержания существующих отношений против французских завоевательных движений. Началась так называемая Орлеанская война (по претензиям, предъявленным именем герцогини Орлеанской); Людовик XIV опустошил Германию, когда в 1689 году произошла вторая английская революция; союзник Людовика Иаков II Стюарт был свергнут, и на английский престол вступил заклятый враг Людовика Вильгельм Оранский.

Это событие было поворотным в истории времени Людовика XIV: сопротивление замыслам его в Европе усилилось вследствие того, что Вильгельм Оранский стал королем английским, не переставая быть штатгалтером голландским. Разумеется, стремление нового короля втянуть Англию в континентальные дела, в наступательную войну, стремления всегда антинациональные в Англии, должны были бы встретить здесь самое сильное сопротивление, если б не был задет живой интерес торжествующей партии тем, что Людовик принял сторону изгнанных Стюартов; опасность от замыслов французского короля для торговых интересов Англии возбудила против него здесь всех и заставила продолжать борьбу с Людовиком и по смерти Вильгельма. С другой стороны, Священный союз между Россиею, Польшею, Австриею и Венециею остановил напор турок и развязал руки

Австрии действовать на западе; сюда же присоединились и счастливые случайности: австрийские войска, во все времена славные своими неудачами, получили полководца, который дал им способность к победам, именно Евгения Савойского; такого же полководца получили и английские войска в Марльборо. Таким образом, на стороне государств, соединившихся для борьбы против французской игомнии, все средства к успеху, а на стороне Людовика XIV — ослабление этих средств. Как же произошло такое ослабление?

Имена Людовика XIV и Кольбера так неразлучно соединены в нашей памяти, а между тем стремления того и другого были крайне противоположны, сознательно или бессознательно для них самих — все равно. У Кольбера была задача сделать из Франции морскую державу, не идеальную какую-нибудь, а такую, какая была перед глазами, — Голландия. Нет денег в государстве: как их добыть, как сделать государство богатым? Ответ ясен: делать то, что делали государства разбогатевшие, именно морские, Голландия, Англия, тогда преимущественно первая; все внимание, следовательно, должно быть обращено на торговлю, мануфактурную промышленность, колонии, флот. И благодаря средствам народа и страны Кольбер в короткое время успел сделать много для достижения своей цели. Но Кольбер был министром короля, у которого были другие континентальные стремления и цели. Эти цели — поддержать и по возможности усилить значение своего государства среди других государств, причем постоянная обязанность — стоять настороже, ибо и другие государства имеют те же самые цели; стоять настороже — значит иметь наготове всегда войско, войско надобно содержать, и вот вечный вопрос первой важности для континентальных держав — отношение войска к финансовым средствам страны, вечная забота, от которой зависят важнейшие явления в народной жизни. Кольберу, чтоб уравнять Францию с Голландиею, нужен прежде всего мир; ему удалось увеличить количество капиталов до такой степени, что он мог установить законный процент — 5 на 100; но это только во время мира, как только война, процент поднимался, а в Голландии он был 3 на 100! Людовик XIV или вел войну, или готовился к ней: надобно поднять значение Франции, для этого надобно и укрепить, расширить до известных мест ее границы, округлить их и не воспользоваться для этого слабосилием соседа было бы странно — самые естественные побуждения для славлюбивого государя славлюбивейшего из народов. После этого могла ли существовать Франция Людовика XIV рядом с Франциею Кольбера, т. е. с Франциею, похожею на Голландию?

Кроме войны, кроме Версаля и необычайного великолепия, которым был окружен великий король, образец монархов, Людо-

вик нанес удар системе Кольбера гонением протестантов. Нантский эдикт не был результатом установления принципа веротерпимости, а был только временною сделкою: истомленное усобицею, католическое большинство должно было сделать эту уступку королю, который, в угоду ему, из протестанта сделался католиком и должен был показать своим единоверцам, что он в своем отступничестве не покинул их, но выговорил для них чрезвычайно выгодные условия, какими иноверцы не пользовались нигде в Европе. Следовательно, французские протестанты, обязанные своим положением стечению особых обстоятельств, должны были ждать, что с изменением этих обстоятельств изменится и положение их. Счастье продолжало им благоприятствовать; сначала смуты в малолетство Людовика XIII, потом правительство Ришелье: кардинал Римской Церкви хотя нанес им сильный удар, однако не тронул их существенных прав, ибо в его расчеты не входило возбуждение сильной внутренней борьбы, когда Франция была занята важною внешнею борьбою, а у первого министра лично было и так много внутренних врагов поопаснее протестантов; наконец, смуты в малолетство Людовика XIV также не дали возможности думать о протестантах. С прекращением Фронды кончилось золотое время для протестантов, особенно когда Людовик вступил в самостоятельное управление, обеспеченный относительно внутреннего спокойствия усталостию всех классов народонаселения от смут.

Людовик не мог благосклонно относиться к людям, которые так резко нарушали государственное единство, которые своим существованием в государстве показывали фальшивость знаменитого выражения: «Государство — это я». Стараясь помочь Стюартам сломить английскую конституцию низложением протестантизма и поднятием католичества, ведя ожесточенную борьбу с протестантскою Голландиею, с ее штатгалтером, героем протестантизма, христианнейший король должен был знать, что часть его подданных не может желать ему успеха, должен был знать, что протестанты разных стран находятся в опасной связи и при случае готовы помогать друг другу даже явным образом; если Людовик в своих действиях против большинства английского народа мог рассчитывать на сочувствие и помощь католического меньшинства, то должен был естественно заключать, что английское большинство найдет всегда сочувствие и помощь во французском протестантском меньшинстве. Понятно, что при таком отношении к протестантским своим подданным Людовик был легкодоступен всем внушениям о необходимости и обязанности употреблять меры для уничтожения ереси, он был тем более доступен таким внушениям, что дело казалось легким: протестанты потеряли своих вождей в высших слоях общества,

протестантизм сделался в это время *мещанскою* верою и в этом значении мог найти только нерасположение и презрение у людей, окружающих короля.

Сначала Людовик не думал о явном гонении на протестантов, об уничтожении Нантского эдикта: он хотел уменьшать число протестантов, осыпая наградами тех из них, которые переходили в католицизм, и отказывая во всякой милости тем, которые оставались в ереси. Но духовенство не было довольно таким способом действия: Боббюзет называл нечестивыми тех, которые желали, чтоб государь щадил еретиков. Прежде гонения начались стеснения: протестантам запрещено было собирать национальные синоды, какие бывали прежде каждые три года, велено ограничиться синодами провинциальными; запрещено было протестантам, обратившимся в католицизм, снова обращаться в протестантство; запрещено католическим духовным обращаться в протестантство, и этим отнятием у французов права выбора между двумя исповеданиями нарушена была основа Нантского эдикта. Начали стеснять доступ протестантов в цехи; постановили, что дети протестантов, мальчики с 14, а девочки с 12 лет, могли переменять исповедание без согласия родителей и покидать последних, которые, однако, обязаны были давать на их содержание; протестантам не позволяли заводить высшие школы. Тогда значительное число протестантских фамилий покинули Францию. Кольбер вступился в дело, выставил вред этих мер против протестантов для государства, для народной промышленности и на время успел остановить стеснительные постановления. Но с 1674 года они возобновились. Чтоб подвинуть дело обращения еретиков, король назначал значительные суммы для раздачи новообращенным. Кроме политических соображений король начинал уже теперь руководиться и религиозною ревностью, усилившеюся в нем под влиянием знаменитой Ментенон.

Любовница короля Монтеспан сблизила его с бедною вдовою, оставшеюся после шутовского поэта Скаррона. Вдова Скаррон была гувернанткою при побочных детях Людовика от Монтеспан. Сначала Скаррон не нравилась королю, который находил ее очень церемонною и педантичною; но потом мало-помалу он стал находить удовольствие в обществе умной, спокойной, приличной, нравственной, набожной, пожилой, но сохранившей красоту женщины. Новость явления возбуждала любопытство, противоположность с Монтеспан, которая уже наскучивала своею стремительностию, усиливала расположение. Людовик стал ухаживать, и тут постоянно сильный отпор, но не окончательное отвержение превратил склонность в страсть. Воспитанники Скаррон были объявлены законными детьми короля и представлены королеве, а гувернантка их получила титул маркизы Ментенон. Это было в 1675 году, а в 1679-м Ментенон писала: «Король

сознается в своих слабостях, раскаивается в своих ошибках; он серьезно думал об обращении еретиков, и скоро будут над этим сильно работать».

Некоторые правительственные лица требовали, что надобно употреблять против протестантов преимущественно нравственные средства, стараться прежде всего об улучшении нравов и образовании в низших слоях католического духовенства, которое не может соперничать с протестантскими пасторами; тщетно представляли, что протестантизм есть крепость, которую нельзя брать приступом, но надобно постепенно подкапываться: люди противоположных убеждений, утверждавшие, что надобно понудить еретиков войти в царство небесное, взяли верх. 22 протестантские церкви были разрушены в 1679 году; были уничтожены судебные палаты, составленные смешанно из католиков и протестантов; запрещены всякие протестантские собрания для церковных дел без королевского позволения и присутствия королевского комиссара; запрещено протестанткам быть повивальными бабками; протестантов запрещено определять в служебные должности, но протестантам, желающим обратиться в католицизм, позволено три года не платить долгов; запрещены браки между католиками и протестантами. Военному министру Лювуа захотелось взять дело обращения еретиков в свои руки, и он предписал расположить по протестантским домам *постоем* кавалерию. Солдаты, поощряемые интендантами и чиновниками, подстрекаемые ревностными католиками, стали обращаться с своими хозяевами, как с неприятелями; чтоб избавиться от постоя, множество протестантов обратилось в католицизм, множество других собралось оставить Францию; но тут вступился в дело Кольбер, и в последний раз король послушал своего старого министра: обращение еретиков *постоем* было прекращено.

Но духовные и светские ревнители указали королю, как опасно прекращение строгих мер: протестанты, обратившиеся было в католицизм, толпами начали возвращаться к прежней ереси, как только избавились от постоя. Ментенон писала в 1681 году: «Король серьезно начинает думать о спасении своем и своих подданных. Если Бог сохранит его нам, то во Франции будет только одна религия. Таково желание Лювуа, и я думаю, что он ревностнее в этом отношении, чем Кольбер, который думает только о своих финансах и почти никогда не думает о религии». В том же году постановлено, что дети протестантов могут обращаться в католицизм против воли родителей не с 12 или 14 лет, как было постановлено прежде, но с семилетнего возраста. Выселение протестантов из Франции начало совершаться в самых обширных размерах, несмотря на бдительный надзор, усвоенный правительством на границах; впрочем, пасторов не задерживали, напротив, понуждали выселяться. Кольбер не мог

более защищать протестантов. Враги дошли до того, что стали обвинять его в пагубных замыслах, и эти обвинения имели влияние на короля, на его отношения к министру. В 1683 году Кольбер умер 63 лет с горькими упреками человеку и без надежды на Бога. Он говорил перед смертью: «Если бы я сделал для Бога столько же, сколько сделал для этого человека (Людовика), то я был бы спасен десять раз, а теперь я не знаю, что со мною будет». Знаменитого министра должны были похоронить ночью из опасения, чтобы народ не оскорбил его останков; толпа привыкла думать, что каждый министр финансов заботится только о том, чтоб всеми средствами выжимать деньги из народа, и все тяжести последнего времени приписывали Кольберу.

По смерти Кольбера министерства морское, торговли, двора и церковных дел перешли к сыну его, Сеньелэ, молодому человеку, очень живому, способному, хорошо приготовленному, но не имевшему отцовской серьезности; финансы получил Пеллетье, которого рекомендовали Людовику как человека мягкого, способного, как воск, принимать тот отпечаток, какой угодно будет королю дать ему. Иностранными делами заведовал брат покойного Кольбера, Кольбер де Круасси, человек, ничем особенно не замечательный и уступивший Лювуа большое участие в направлении внешней политики. Лювуа с должностию военного министра поспешил соединить заведование публичными заведениями и вообще художественными работами, ибо страсть короля к постройкам давала этой должности большое значение. Лювуа, разумеется, старался угождать этой страсти, вследствие чего расходы на постройки, простиравшиеся при Кольбере в 1682 году до 6 миллионов, в 1686 году возросли до 15 миллионов.

Скоро совет министров Людовика XIV получил нового деятельного члена: то была маркиза Ментенон. В год смерти Кольбера умерла и королева Мария Терезия, по своей простоте совершенно исчезающая среди блестящих женских фигур, наполнивших двор великого короля. В следующем, 1684 году Людовик тайно обвенчался с Ментенон, которая была старше его несколькими годами (ей было под 50 лет). Все влияния должны были уступить теперь место влиянию Ментенон. Король уже не стеснялся более в своей привязанности и работал с министрами в ее комнате; когда вопрос был труден для решения, король говорил: «Посоветуемся с разумом», и, обратясь к Ментенон, спрашивал ее: «Как думает об этом Ваша Солидность (Votre Solidite)?» Легко понять, что вопрос протестантский мог быть решен «ее Солидностью» не в пользу Нантского эдикта. В год королевского брака на Ментенон уже видим сильные меры против протестантов: храмы их закрывались беспрестанно под самыми пустыми предложениями, потом протестантам запрещено быть адвокатами и медиками, содержаниями типографий и книжных лавок, запрещено пропо-

ведовать и писать против католицизма; протестантам тех местностей, где храмы были разрушены, запрещено присутствовать при богослужении в тех местностях, где оно еще продолжалось. Чтобы ускорить дело обращения протестантов, Лювуа присоветовал королю *показать им войско*. Войско было показано и произвело сильное впечатление. завидев красные мундиры и высокие шапки драгун, цехи и целые города протестантские слали к интендантам с просьбою, чтоб их приняли в лоно католической Церкви; которые не спешили обращаться, те подвергались разного рода притеснениям и мучительствам, между прочим, придумана была такая пытка: солдаты не давали несчастным спать по целым неделям. Употреблялись и другие средства: агенты правительства признавались, что раздача денег привлекла много душ к Церкви.

Людовик, от которого скрывались подробности и представлялись одни результаты, был в восторге Ментенон писала: «Нет ни одного курьера, который бы не радовал короля известием об обращениях протестантов тысячами», об искренности обращения не заботились. «Если отцы притворяются, то дети по крайней мере будут католиками», — писала Ментенон. Наконец, в 1685 году было решено отменить Нантский эдикт. Наследник престола представил, что отмена эдикта опасна: протестанты могут взяться за оружие, но если бы этого и не последовало, то много их покинет государство, что повредит торговле и промышленности. Король отвечал, что против бунтовщиков у него есть войско и хорошие генералы; материальные же интересы не стоят внимания в сравнении с выгодами отмены Нантского эдикта, которая возвратит религии ее блеск, государству — спокойствие, власти — все ее права

Нантский эдикт был уничтожен, и престарелый канцлер Ле Теллье, один из самых ревностных поджигателей гонений, подписывая уничтожение эдикта, воскликнул: «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко!» Вследствие уничтожения эдикта разрушены все протестантские храмы; запрещено собираться для богослужения в частных домах или где бы то ни было под страхом ареста и лишения имущества; повелено всем протестантским пасторам в 15 дней оставить Францию, запрещены частные школы для протестантских детей; дети, имеющие родиться у протестантов, будут крещены приходскими священниками и воспитаны в католическом исповедании; снова запрещено протестантам выезжать из Франции под страхом галер для мужчин, ареста и конфискации имущества для женщин Впрочем, протестантам было обещано, что их не будут беспокоить по поводу религии

Благодаря этому обещанию уничтожение Нантского эдикта было принято протестантами больше как благодеяние, чем как последний удар: по крайней мере они избавлялись от

притеснений и могли спокойно окончить дни свои в вере отцов; новообращенные начали раскаиваться и перестали ходить к обедне. Тогда католические ревнители завопили об ошибке правительства, и Лювуа поспешил успокоить их, повелевая действовать по-прежнему. «Его величеству благоугодно,— писал он,— чтоб люди, не желающие исповедовать одну с ним религию, испытали на себе крайнюю строгость: солдатам позволяется жить *очень свободно*». Солдаты начали жить очень свободно, и протестанты испытали крайнюю строгость: для их обращения употребляли поджаривание ног и другие пытки; матерей привязывали к кроватям, а грудные младенцы их перед ними терзались в муках голода. В это время умирает канцлер Ле Теллье, и в надгробной речи ему Боссюэт распространяется о благочестии Людовика, которого называет новым Константином, новым Феодосием, новым Карлом Великим, восхваляет его за утверждение веры, за истребление еретиков.

Все сословия и палаты, академии, университеты соперничают в похвалах новому Константину: медали представляют короля, увенчанного религиею за возвращение двух миллионов кальвинистов в лоно Церкви; воздвигаются статуи «истребителю ереси». Каждый писатель считает своею обязанностью принести дань хвалы Людовику «за самое великое и прекрасное дело, какое когда-либо придумано и совершено». В Париже и Версале восторженные похвалы и ликования, а к границам пробираются толпы богомольцев, нищих, странствующих ремесленников обо-его пола: все это протестанты, это «бегство Израиля из Египта»; некоторые из них в самые темные зимние ночи решаются плыть по Атлантическому океану или Ламаншу в утлых судах, чтоб достигнуть берегов корыстно-гостеприимной Англии, жаждущей воспользоваться плодами их искусства. До 250 000 протестантов покинули таким образом отечество; промышленные города Франции обеднели, лишенные трудолюбивых и искусных рук, города Англии, Голландии и Бранденбурга разбогатели от французских переселенцев.

Мы видели главных деятелей при уничтожении Нантского эдикта, но не упоминали о внушениях из Рима, от главы католицизма, который должен был более всех радоваться расширению своей паствы чрез обращение французских еретиков. Папа показывал радость, но поневоле, потому что был в ссоре с Людовиком и большинством французского духовенства. Великий король, требуя, чтоб подданные не разнились с ним в вероисповедании, с другой стороны, естественно, не хотел, чтоб они в деле религии слишком часто обращали взоры на другого владыку, царствовавшего за Альпами, в Риме. Кольбер и Боссюэт, так расходившиеся во взглядах относительно протестантов, действовали заодно относительно ограничения папского влияния на дела француз-

ской Церкви. Дело началось ученою богословскою борьбою: парижский богословский факультет отвергал непогрешительность папы, признавал власть собора выше папской, требовал независимости светской власти от духовной, утверждал, что папа не имеет права произвольно низлагать епископов; в Риме, разумеется, эти положения подвергались запрещению. Но скоро дело перешло на практическую почву: в большинстве французских епархий по смерти епископа король имел право собирать доходы и распоряжаться бенефициями до тех пор, пока присяга в верности нового епископа не будет заявлена в Счетной Палате. Четыре большие южные провинции были изъяты из этого права, но Людовик XIV отменил изъятие. Тогда двое из южных епископов протестовали против новизны и перенесли дело к папе. Папа Иннокентий XI вступился за епископов и отправил к королю два сильных послания против пагубных советов его министров. Людовик не обратил внимания на два послания, папа прислал третье с угрозою отлучения. Церковный собор, созванный в 1680 году, написал королю, что скорбит о таком поступке папы, и прямо протестовал против бесцельных предприятий святого престола.

Борьба началась: папа отлучал духовенство, повиновавшееся новым королевским распоряжениям; парижский парламент, называя папские указы пасквилями, писал, что просвещение людей, угрожаемых отлучениями, обеспечивает их от папских перунов, гремящих по-пустому в продолжение веков. Умы сильно волновались: одни имели в виду поддержать национальную независимость, другие — избавиться от тяжелых повинностей относительно Рима; иные с жаром бросились на безнаказанную борьбу с духовною властью уже и потому, что борьба со всякою другою властью не могла быть безнаказанна; школьники обрадовались случаю пошуметь против учителя, зная, что инспектор, сердитый на учителя, не накажет их, а, пожалуй, еще и наградит. Янсенисты думали, что Церковь не выиграет от освобождения от Рима, т. е. от подчинения Версалю, и стояли за папу; но другие толковали о необходимости совершенного отделения от Рима, о необходимости французского патриаршества. Боссюэт явился примирителем, указывая средний путь между ультрамонтанством и совершенным отделением от Рима; он имел в виду главного врага Церкви — неверие и сдерживал рьяных противников Рима указанием на вольнодумцев, гоняющихся за обманчивую прелесть новизны.

В 1682 году появилось составленное Боссюэтом «Объявление французского духовенства о церковной власти»; здесь говорилось, что святой Петр и его преемники получили от Бога власть только в духовных, а не в мирских делах, ибо Господь сказал: «Царство Мое несть от мира сего», следовательно, глава Церкви не может ни посредственно, ни непосредственно низлагать госу-

дарей и разрешать подданных их от присяги, папа имеет главное участие в решении религиозных вопросов, но его мнение имеет силу только тогда, когда подтверждено согласием Церкви.

Рим был так слаб, а король французский так могуществен, что Боссюэт мог свободно и безопасно утверждать учение Галликанской Церкви. С одной стороны, этим учением Боссюэт доставлял протестантам более удобства к обращению в католицизм, отстраняя главный камень преткновения — ультрамонтанское представление о папской власти; с другой стороны, Боссюэт старался разъяснить протестантам несостоятельность их собственного учения, что сделано им в двух сочинениях: «Изложение учения о Церкви» и «История изменений протестантских церквей». Наступательное движение со стороны знаменитого католического писателя вызывало ответы протестантских богословов, изгнанных из Франции, это изгнание, разумеется, увеличивало горечь полемики. Выбываемые из своего невыгодного положения могущественным противником, протестанты тем легче устремлялись по покатоуму пути сомнения и отрицания, уже отворенному для Западной Европы в протестантизме. Таким образом, Боссюэт своим сильным наступательным движением, нравственным и материальным против протестантов ускорял развитие того, чего более всего боялся, — развития антихристианских стремлений. Но стремления не были бы опасны, если бы католицизм имел побольше Боссюэтов и если бы эти Боссюэты не слишком полагались на материальные средства, не слишком часто обращались за помощью к власти от мира сего, ибо за эту помощь католицизм делался участником и ответчиком в злоупотреблениях мирской власти.

В ином духе действовал другой знаменитый епископ Французской Церкви — Фенелон, *лебедь* камбрэйский (епархия Фенелона), которого противопоставляли *орлу* из Мо (епархия Боссюэта). Фенелон как священник стал известен своею деятельностью по утверждению в католицизме новообращенных протестантов; но его деятельность этим не ограничивалась: он скоро заявляет себя как замечательный писатель, испытывающий свои силы в разных родах, пишет философско-богословский трактат о бытии Божию, разговоры о красноречии, трактат о воспитании девиц. Для нас особенно замечательно последнее сочинение Фенелона. Несмотря на сильное движение науки с начала так называемой новой истории, вопрос об учении, о воспитании разрешался очень медленно, хотя лучшие умы и затрагивали его. Знаменитый Монтань писал о школах своего времени: «Родители и вожди народа! Посмотрите, как воспитывают ваших детей в школах! Всюду вы увидите учителей, раскрасневшихся от злости, несколько не сдерживающих себя в своей раздражительности, повсюду услышите вы бесконечные крики детей, поражаемых ударами

учителя. Неужели такими средствами можно внушить молодым людям расположение к учению и неужели невозможно руководить их без розги?» Лютер сильно хлопотал о распространении школьного образования в своей стране и писал германским властям: «Тратят столько денег на оружие, дороги, плотины: отчего же не тратят столько же на воспитание наших детей, на образование хороших учителей? Главное дело — изучение языков латинского, греческого, еврейского: без них смысл Св. Писания будет затемняться все более и более. Я не думаю, что каждый проповедник должен читать Священное Писание в подлиннике; но надобно, чтоб у нас были ученые, способные восходить к источникам». Но когда требование реформаторов было исполнено, школы основались, то Лютер же должен был заняться вопросом о том, как учить; он вооружился против учителей, которые преподавали детям в одно время немецкий, греческий и еврейский языки; по Лютеру, надобно было ограничиться одним латинским. Лютер коснулся и обхождения с учениками: «Надобно наказывать детей, но не ожесточать их: в противном случае они станут питать ненависть к отеческому дому; ребенок, напуганный жестоким обращением, теряет решительность; тот, кто привык трястись перед отцом и матерью, будет всю жизнь трястись от малейшего шума».

Крайности протестантизма вызвали католическую реакцию, произведением которой явились иезуиты. Почтенные отцы при основании школ также обратили внимание на то, как воспитывать: они нашли, что самое сильное побуждение к успеху — это соревнование; каждый ученик должен иметь соперника, который наблюдает за ним и доносит на него. Как Лютер с своими последователями, так и иезуиты имеют одинаково в виду латинскую школу; Лютер требовал, чтоб учитель иначе не говорил, как по-латыни, и заставлял учеников говорить на том же языке; иезуиты наказывали учеников за употребление родного языка; они-то придумали хорошо известный нам в детстве *язык*, т. е. кусочек ткани, который надевали на провинившегося в употреблении родного языка, причем виноватый для избежания наказания должен был стараться поймать одного из своих товарищей в том же преступлении и накинуть на него *язык*.

Карл Борromeо в XVI, Каласенц (оба в Италии) — янсенисты и Жан Батист Деласалль в XVII веке заводят народные школы для бедных детей; в школе янсенистов учение начинается с родного языка, а не с латинского, а в христианских школах Деласалля изучение латинского языка строго запрещено. Так образование проникало и в низшие слои общества, но еще не затрагивался вопрос о женском воспитании: его затронул Фенелон. «Женщины, — по словам Фенелона, — должны выполнять обязанности, которые служат основанием всей человеческой жизни

Они устраивают домашнюю жизнь, и от них преимущественно зависят хорошие или дурные нравы общества. Женщина разумная, занятая и религиозная есть душа целого дома; она устраивает в нем порядок для блага временного и для спасения душевного. Напротив, дурное воспитание женщин гораздо вреднее, чем дурное воспитание мужчин, потому что безнравственная жизнь мужчин происходит от дурного воспитания, полученного ими от матерей, и от страстей, внушаемых им другими женщинами в летах зрелых. Невежество девицы имеет самые пагубные следствия, ибо заставляет ее скучать. В девицах всего опаснее тщеславие, ибо они рождаются с сильным желанием нравиться. Для образования женщины, согласно с ее призванием, надобно с малолетства приучать девиц к управлению домом, поручая им известные домашние занятия. Необходимые для женщины знания суть: правильное чтение и письмо, знание четырех первых правил арифметики, умение вести книгу приходам и расходам; хорошо также ей знать основные законы и порядок гражданского управления; женщина, владеющая землею, должна иметь понятие о сельском хозяйстве; наконец, женщина должна уметь устроить маленькую школу, завести какую-нибудь мелкую промышленность для уменьшения бедности, должна обладать и другими средствами для вспоможения бедным и больным. После этих знаний, которые должны быть на первом плане, можно занимать девиц чтением светских книг, как-то: греческой и римской истории, особенно же истории отечественной. Можно позволить им чтение поэтических произведений, но соблюдая большую трезвость. Относительно музыки и пения должно соблюдать такую же осторожность. К какому бы состоянию ни принадлежала девушка, она должна бояться и избегать праздности; воспитание, равно как и занятия ее, должно быть принаровлено к среде, в которой она должна жить; опасно выводить девушку из сферы, ей предназначенной».

Во Франции того времени девушки обыкновенно воспитывались в монастырях: Фенелон вооружился против этого воспитания. «Если монастыри,—говорил он,—отличаются мирским характером, то в них составляет слишком привлекательное понятие о мире; если же в них ведут суровую жизнь, то они не могут приготовить к мирской жизни, при входе в которую монастырская воспитанница ослепляется как человек, выходящий из пещеры на свет». Фенелон не одобряет и ученого воспитания для женщины. «Женщина,—говорит он,—должна сохранять относительно знаний стыдливость столь же деликатную, как и ту, которую внушает отвращение пред пороком».

После уничтожения Нантского эдикта Фенелон отправился миссионером в Пуату для обращения протестантов: это был почти единственный миссионер, который, благодаря своей крото-

сти достиг прочного успеха. Наконец, друзья Фенелона сблизили его с Ментенон, с содействием которой он был назначен воспитателем герцога Бургундского, внука королевского, сына дофина. Будущий наследник престола должен был воспитаться совершенно в иных правилах, чем те, которыми руководится дед его. Но Фенелону хотелось перевоспитать и старого короля, и потому в 1693 году Людовик получил безымянное письмо, в котором изображалась печальная картина его царствования; в письме говорилось: «Вы родились, государь, с сердцем правым, но воспитатели ваши вместо искусства управлять народом вложили в вас подозрительность, зависть, удаление от добродетели, боязнь перед всякою блестящею заслугою, высокомерие и внимание к одному только вашему интересу». Затем следовали упреки в деспотизме министров, в обеднении Франции для удовлетворения безумной роскоши придворной; имя Франции и короля ее стало ненавистно для всех соседних народов. Голландская война была несправедлива, и потому все приобретения, сделанные по ее поводу, также несправедливы; хищничеством и насилием представлены присоединения, сделанные после Нимвегенского мира. «Вся Франция представляет громадную больницу, но лишенную необходимых припасов. Народ, который прежде так любил вас, начинает терять привязанность, доверие и даже уважение к вам. Народные волнения становятся часты. Вы поставлены в печальную необходимость или оставлять бунты безнаказанными, или избивать приведенный вами в отчаяние народ, ежедневно погибающий от болезней, последствий голода. Бог подымает над вами Свою карающую десницу, но Он медлит ударом, ибо милосердует о государе, который всю жизнь свою окружен льстецами, и потому еще медлит, что ваши враги суть вместе и Его враги (протестанты). Но Он сумеет отделить Свое правое дело от вашего и уничтожить вас для вашего обращения, ибо только в уничтожении вы сделаетесь христианином. Вы вовсе не любите Бога, вы Его боитесь, но боитесь рабским страхом, вы боитесь ада, а не Бога. Ваша религия состоит в суевериях, в исполнении мелких обрядов. Вы все относите к себе, как будто бы вы были земным богом».

Легко понять, каксе впечатление должно было произвести это письмо на великого короля. Людовик не имел кротости Давида и в чаду от фимиама лести мог только гневно отнестись к пророку, проповеднику покаяния, увидеть в нем человека, враждебного себе или подставленного людьми враждебными, желавшими во имя религии нарушить покой государя и обозвать грехами великие дела, совершенные для славы и могущества Франции; проповедь покаяния производила тем слабейшее впечатление, что заключалась в безымянном письме: сам пророк не решился явиться пред царем. Для нас это письмо важно в том отношении, что

показывает, в каком духе должен был воспитывать Фенелон внука Людовика XIV.

В сочинениях, написанных для воспитанника, Фенелон возражал против военного деспотизма, «правления варварского, где нет законов, кроме воли одного человека»; он осуждает завоевания, причем обязанности в отношении к целому человеку ставит выше обязанностей к своему народу: «Все войны суть войны междоусобные; для каждого человека обязанности в отношении к человеческому роду, этому великому отечеству, бесконечно выше, чем обязанности к частному отечеству, в котором он родился». Такие мысли, которые за Фенелоном будут повторять мыслители XVIII века, явились вследствие недостатка точного, правильного определения прав личности в отношении к обществу, точно так, как и прав отдельного народа, народной личности в отношении к целому человечеству. Это обращение к отвлеченному представлению человечества было следствием недовольства отношениями, господствовавшими тогда между народами: почти до половины XVII века в отношениях между народами, государствами, в столкновениях между ними господствовал высший духовный интерес, религиозный; потом этот интерес ослабел, и на первом плане явились чисто материальные стремления отдельных государств к усилению себя на счет других; войны принимают именно этот древний, языческий, неприятный для разумного и нравственного существа, для христианина характер, характер простого насилия, завоевания, порабощения, и хотя дело шло во имя интересов известного народа, однако государи, и особенно самый видный из них, великий король французский, внутри и вне вели себя так, что на виду имелся их личный интерес и произвол без обращения внимания на интересы народа. Отсюда мыслителям естественно было обратиться к интересам человечества, нарушаемым в их глазах государями во имя интересов отдельных народов или государств.

Таким образом, поведение Людовика XIV, его стремление к преобладанию в Европе, следствием чего было истощение французского народа, печальное состояние страны,— это поведение вызвало протест в области мысли, литературы; протест был высказан епископом, человеком, сознававшим свою обязанность проповедовать против уклонений от высших нравственных начал. Фенелоном начинается этот ряд протестов против злоупотреблений власти, начинается эта протестующая, обличительная литература XVII века. Фенелон был епископ, был воспитатель королевского внука, будущего короля, и потому обратил все свое внимание на то, чтоб действовать на государей, дать иное, лучшее направление их деятельности, их хорошо воспитывать, приготавливать к правительственной деятельности; Фенелон имел в виду усилить власть нравственными средствами; но уроки его не

пошли впрок, опыт перевоспитания наверху не удался, и протест пошел вниз, усиливаясь все более и более, принимая все более и более отрицательный характер, отрешившись от охранительной и положительной сферы религиозной.

Книгою, которою Фенелон более всего надеялся подействовать на своего воспитанника, был знаменитый *Телемак*, поэма в прозе, имеющая целью показать, как должен воспитываться образцовый царь. Автор постоянно вооружается против порядка вещей, господствовавшего при Людовике XIV, и указывает своему воспитаннику на необходимость другого порядка; Фенелон внушает герцогу Бургундскому, что он должен отдать строжайший отчет Богу, чем дед его, потому что воспитан в познании истины, а дед не получил хорошего воспитания и избалован счастьем; в случае непослушания советам мудрости Фенелон грозит революцией, которая выхватит власть из рук государя, употребляющего ее во зло. Людовик не мог не сведать, что Фенелон воспитывает его внука в правилах, противоположных его собственным. Король пожелал поговорить с Фенелоном и после этого разговора произнес такое решение: «Я говорил с человеком, у которого самый блестящий и самый химерический ум в целом королевстве». Фенелона удалили от герцога Бургундского.

Но этим дело не кончилось: лебедю предстояла борьба с орлом. Фенелон по природе своей был склонен к тому духовному праздношатанию, которое называется мистицизмом. В описываемое время мистическим направлением своей жизни и своих сочинений была знаменита молодая и хорошенькая вдова Гюйон: «Души — суть потоки, истекшие из Бога: они не знают покоя до тех пор, пока не возвратятся к своему источнику, что возможно и в этой жизни. Душа при таком погружении в океан Божества видит Бога не отдельно от себя, не вне себя, но имеет Его в себе; тут не более желаний, любви, знания, но тождество; все для такой души одинаково — Бог, она не видит ничего, кроме Бога, как Он был до творения; это не пророческий экстаз, усложняющий потерю чувств, ибо такой экстаз показывает, что душа не довольно крепка, чтоб могла снести Бога: душа, достигшая совершенства жизни, находится в экстазе без усилия, постоянно, а не на короткое время; душа в таком состоянии непогрешительна».

Фенелон сблизился с Гюйон и подчинился ее влиянию. Ментенон также была на первых порах очарована восторженною проповедницею постоянного восторга, и через нее книги Гюйон дошли до короля, но Людовик не понял ничего в этих мечтаниях; скоро наскучили они и Ментенон, она обратилась за советом к Боссюэту, Бурдалу и другим знаменитым писателям церковным; все высказались против мистицизма. Гюйон подверглась преследованиям, была заперта в крепости. Боссюэт написал про-

тив нее сочинение, в котором старался определить границы между истинным благочестием и опасными заблуждениями. Фенелон отвечал книгою, в которой оправдывал мистические учения. Борьба разгоралась. Книга Фенелона была отдана на суд папский; в Риме мнения разделились, но Людовик настаивает, чтобы папа непременно осудил книгу, и папа осудил ее, не употребивши, однако, слова «ересь». Фенелон подчинился папскому решению, не отказываясь от своих убеждений.

Боссюэт торжествовал; но он не мог успокоиться в своем торжестве, потому что поднимались другие враги: вольнодумцы под покровительством людей высокопоставленных проникают ко двору, окружают дофина, ученика Боссюэтова, забывшего наставления учителя; а тут из среды протестантизма, искорененного, изгнанного из Франции, является сильный талантом человек, который своим скептицизмом подкапывает все верования, все учения,— Бэль, сын французского протестантского пастора, нашедший убежище в Голландии. Смерть родного брата, протестантского пастора, погибшего в жестоком заключении после уничтожения Нантского эдикта, побудила Бэля вооружиться в своих сочинениях против порядка вещей, господствовавшего во Франции в правление короля, которого величали Великим, побудила вооружиться против нетерпимости; но, вооружаясь против нетерпимости, Бэль стал проповедовать индифферентизм, выставляя спорность религиозных вопросов и утверждая, что нельзя преследовать человека за то, что неверно, потому что не всеми признано. Верующие протестанты, разумеется, встретили мудрования Бэля так же враждебно, как и католики, и Бэль отплатил им тою же монетою. Покончивши с католицизмом и с протестантизмом, Бэль занялся обширным научным делом, составлением «Исторического и критического словаря», в котором во всей силе высказалось разрушительное начало сомнения, стремящееся подорвать все и вместо стройных зданий представить груду развалин, хаос.

Боссюэт предвидел, что обращение Бэля к индифферентизму не останется долго без отзыва; перед смертью он говорил: «Я предвижу, что вольнодумцы потеряют кредит не потому, что возбудят ужас к своим взглядам, но вследствие равнодушия ко всему, кроме удовольствий и забот житейских». Боссюэт умер в 1704 году. Фенелон пережил его, чтобы быть свидетелем исполнения своих пророчеств, быть свидетелем страшных бедствий, постигших Францию в конце царствования великого короля, и подал свой голос с указанием средств поправить дело. В политическом плане Фенелона выразилась аристократическая реакция, естественная вследствие неудач системы Людовика XIV. Мы видим, что аристократия проиграла свое дело во время Фронды, чем и воспользовался Людовик XIV, чтобы сломать всякую ари-

стократическую оппозицию и самовластно управлять страну посредством министров и интендантов, взятых из низших рядов общества. Во время блеска и славы царствования недовольная знать должна была затаить свое недовольство; но когда начались бедствия, то естественно было явиться мнению, что вся беда произошла от того, что люди знатные удалены от правления, которое отдано людям худородным. Фенелон требует уничтожения министров и интендантов: государственный совет, находящийся под постоянным председательством короля, и несколько других советов, составленных из знати, должны управлять государством. Дворянству должны быть отданы все придворные места, и всюду дворянин должен предпочитаться недворянину; для поддержания дворянства должны быть установлены майораты; запрещены неравные браки; всюду, по возможности, надобно заменять гражданских чиновников военными; продажность должностей должна быть уничтожена.

Для восстановления финансов Фенелон требует возобновления законов против роскоши, предлагает отказаться от всех издержек на искусства и постройки до тех пор, пока долги будут уплачены; отказаться от уплаты известной доли долга; уничтожить разные налоги и установить общую подать: король требует известную сумму, провинциальные чины (земства) разложат и собирают ее; обсудить в собрании государственных чинов и провинциальных, нужно ли удерживать пошлины с привозимых и вывозимых товаров; заводить фабрики, но без запрещения иностранных товаров; должна быть свободная торговля с Англией и Голландией; для обогащения Франции достаточно продажи ее собственных произведений. Относительно всех этих мер чины и королевский совет должны сообразоваться с мнением коммерческого совета. Государство должно ссужать деньгами тех, которые хотят торговать и не имеют нужных для этого капиталов. Что касается Церкви, то, по мнению Фенелона, она во Франции в известных отношениях менее свободна, чем церкви, только что терпимые в странах некаатолических, ибо эти церкви свободно избирают, низлагают и собирают своих пастырей. Во Франции на практике король более глава Церкви, чем папа; галликанские права и вольности суть права и вольности в отношении к папе и рабство в отношении к королю. Церковь может отлучить государя, государь может казнить смертью пастыря Церкви; Церковь не имеет права избирать и низлагать королей.

Но что же повергло Францию в то печальное состояние, из которого Фенелон хотел ее вывести посредством предложенных мер? В последнее десятилетие XVII века Франция должна была готовиться к страшной войне, а финансовые средства оказывались недостаточными. От смерти Кольбера до конца 1688 года годовой долг возрос до 3 700 000 франков, а издержки — на семь

миллионов. Скромный и честный генерал-контролер Лепеллетье сознал неспособность свою вести дело при таких обстоятельствах и вышел в отставку. Преемник его, Поншартрэн, был человек противоположного характера — блестящий, смелый, с высоким мнением о своих способностях. Чтоб добыть деньги, он считал все средства позволенными: старая монета была перелита в новую с произвольным возвышением номинальной цены на десять процентов; частный человек, принесший для перелива старую монету, получал новой только 9/10 против прежней; десятая часть шла правительству. Все получили приказание приносить на монетный двор серебряную посуду и вещи. Король подал пример, отославши на перелив серебряные вещи высокой работы; искусство здесь было гораздо ценнее материала, и потому получено было менее трех миллионов за то, что стоило десять. Большая часть церковного серебра имела ту же участь. Если бы Людовик не тратил по два миллиона в год на бриллианты, то не был бы принужден уничтожить художественные произведения.

Возобновлено было множество ненужных штатных должностей для продажи, и каждая находила покупателя между тщеславными мещанами, которые непременно хотели быть чиновниками, принадлежать к привилегированному классу. Поншартрэн цинически говорил королю: «Всякий раз, как ваше величество создаете должность, Бог создает дурака, который ее покупает». Но, занимаясь выдумыванием новых должностей, Поншартрэн превратил в продажные и наследственные и те немногие должности, которые оставались выборными в торговых и промышленных корпорациях, чем наносил удар кольберовой системе; нанесен был удар и городскому самоуправлению, потому что учреждены коронные меры и ассесоры мера; хотя некоторые выборные должности и остались, но выбирать на них должно было только из ассесоров мера. Альзас откупился от новых должностей, заплативши 600 000 ливров. Но в то время как старались всеми средствами увеличить доходы, казна сильно страдала от дурного способа взимания доходов: сборщики, страшно притесняя податных людей, в то же время представляли правительству трудность собрать доходы и запрашивали отсрочки в платежах; этими отсрочками пользовались, чтоб отдавать собранные деньги взаймы за большие проценты, и оканчивали тем, что при платеже доимок еще запрашивали большие сбавки.

Коснулись и земледелия: чтоб чаще получать пошлины при заключении договоров между землевладельцами и фермерами, ограничили арендные сроки девятью годами, т. е., отнявши у фермеров возможность долго пользоваться землею, отняли у них побуждения прилагать труд и капитал для ее улучшения, в Англии в то же время фермерские сроки простирались от 14 до

28 лет, и это различие было одною из причин земледельческого процветания Англии и упадка Франции. Наконец, кофе, чай, шоколад были отданы на откуп, как и табак. И, несмотря на подобные меры, чистый доход не увеличивался, а уменьшался: в 1693 году он простирался до 108 миллионов, а в 1694-м — до 103. Это заставило прибегнуть к новым средствам вроде прежних: продали 500 дворянских грамот по 2000 червонных за штуку, установили должность титулярных губернаторов по годам и т. п.

Но все было мало. Тогда добрые люди присоветовали королю приказать сделать подробное исследование о состоянии Франции, потому что без этого нельзя было принять действительных мер для улучшения этого состояния. Все интенданты должны были представить записки о состоянии вверенных им провинций. Из этих записок оказалось, что к началу XVIII века во Франции было 19 миллионов жителей, в Париже — 720 000; оказалось, что мосты и дороги находятся повсюду в жалком состоянии; доходы землевладельцев уменьшились в некоторых областях на треть и на десятую долю; некоторые города почти опустели; в Руанском округе из 700 000 жителей только 50 000 спали не на соломе. В Туре вместо прежних 80 000 жителей оказалось только 33 000; Турская область со времени голландской войны потеряла четвертую часть своего народонаселения и половину скота. Лион потерял 20 000 жителей; Дофинэ потеряла осьмую часть народонаселения со времени уничтожения Нантского эдикта; в Орлеанском округе насчитывалось шесть тысяч купцов на семь тысяч чиновников. Почти на каждой странице интендантских записок попадается эта печальная однообразная песня: «Война, смертность, стоянки и беспрестанные движения войск, милиция, большие пошлины и удаление гугенотов разорили страну».

Знаменитый Вобан, обстроивший Францию крепостями, думал, что одною этою внешнею защитою нельзя предохранить страну от беды и во время беспрестанных разъездов своих в продолжение двадцати лет собирал всевозможные сведения о состоянии Франции, особенно низших классов народонаселения. Вобан нашел, что десятая часть народа доведена до нищенства, из девяти остальных частей пять не могут помогать этой десятой; три части находятся в очень недостаточном состоянии, девятая часть содержит в себе не более ста тысяч семейств, и из них не более десяти тысяч пользуются хорошим достатком. В своих записках, составленных о разных предметах, Вобан требовал уничтожения привилегии дворянства и духовенства не платить податей; требовал общего налога с доходов (королевскую десятину, *dime royale*). Но такие широкие преобразования приходились не по нраву Людовику XIV, состарившемуся, испорченному лелью: ему естественно невыносимы были заявления, что в его

правление Франция далеко не благоденствует; человеку, привыкшему считать себя солнцем, все освещающим и согревающим, нестерпимы были люди, толковавшие, что нет ни света, ни тепла и что надобно делать иначе, чем делалось прежде по воле великого короля.

Какой неохотник был Людовик XIV до составителей проектов улучшений, доказывает судьба Расина. Знаменитый поэт по религиозным побуждениям отказался писать для сцены, на которую, как мы видели, Церковь смотрела враждебно; но чрез несколько времени он опять принялся за перо также по религиозным побуждениям. Мадам Ментенон подле Версаля в Сен-Сире устроила заведение для воспитания дочерей бедных дворян и занималась им с чрезвычайною внимательностию. По примеру иезуитских коллегий Ментенон ввела в свое училище сценические представления и однажды заставила воспитанниц разыграть Расинову трагедию «Андромаха». Но пьеса оказалась слишком страшною, и Ментенон обратилась к автору «Андромахи» с предложением написать пьесу религиозного содержания собственно для представления на сенсирской сцене. Расин согласился и написал две знаменитые трагедии — «Есфирь» и «Аталию». Чрез это Расин сделался своим человеком у Ментенон. Однажды он разговаривал с нею о народных бедствиях, причем предлагал и средство облегчить их. Ментенон предложила ему дать ей свои замечания на письме, что он и сделал, и Ментенон имела неосторожность показать эти замечания королю. «Что он умеет писать стихи, так думает, что умеет и все делать! Что он славный поэт, так задумал министром быть!» — сказал Людовик. Расину дали знать, чтобы не являлся более к Ментенон. Бедняжка не вынес удара, стал страдать болезнию печени и через год умер.

Планы широких преобразований не нравились. «Думают уничтожить зло, умалчивая о нем», — писала Ментенон. Принимались некоторые полумеры, которые также не уничтожили зла. Поншартрэн, боясь ответственности, поспешил променять место генерал-контролера на место канцлера. Преемником ему был назначен Шамильяр, заслуживший благосклонность Людовика уменьем играть на бильярде и благосклонность Ментенон усердным управлением делами Сен-Сира. При таких-то внутренних условиях оканчивался для Франции XVII век. Мы видели, что в 1688 году, когда войска Людовика XIV опустошали Германию, заклятый враг великого короля, Вильгельм Оранский, выгнал из Англии Иакова Стюарта и сам сделался королем английским, не переставая быть и штатгалтером голландским, соединяя таким образом обе морские державы. Людовик не поддерживал на престоле Иакова II, своего естественного союзника, своего вассала, можно сказать; но он дал ему приют во Франции, поместил его в С.-Жермэне, окружил почетом, как единственно законного ко-

роля Англии. Поддерживая этим надежды приверженцев изгнанного короля в Англии, Людовик вооружил против себя господствующую страну, давшую торжество Вильгельму, и таким образом помогал последнему затягивать Англию в континентальные дела, в союз против Франции,—говорим *затягивать*, ибо политика вмешательства, трата денег на континентальные войны никогда не были популярны в Англии.

На первое время, когда Вильгельм был занят и в Англии, и в Ирландии, у Людовика были руки свободны, и он мог беспрепятственно продолжать опустошение прирейнских областей, чтобы после не дать возможности союзникам вести здесь войны. В начале 1689 года был разрушен Гейдельберг и опустошена окрестная страна; потом были разрушены и выжжены Мангейм, Шпейер, Вормс, после того как у жителей отобраны были все ценные вещи. Эти действия французов возбуждали в Германии сильное негодование, но вследствие бессилия разъединения страны негодование это выражалось только на словах и на бумаге; действовал Вильгельм III, король английский и штатгалтер голландский, который уже в мае 1689 года положил основание Великому союзу, долженствовавшему соединить всю Европу против Франции. Сначала союз был заключен между императором Леопольдом и Голландиею; в конце года пристал к нему Вильгельм III как король английский; в половине следующего 1690 года присоединился Карл II, король испанский; владельцы германские, Савойя, Дания также в разные времена приступили к союзу. Союзники уговорились не полагать оружия до тех пор, пока не будет восстановлено то положение Европы, в каком она находилась по Вестфальскому и Пиринейскому мирам. Кроме того, союзники обязывались не допускать Людовика XIV посадить сына своего на испанский и императорский престолы. Но результаты не соответствовали обширности союза, потому что у Людовика XIV еще оставались даровитые полководцы, а у врагов его их не было. Союзники потерпели неудачи в Нидерландах и Пьемонте, потому что в Нидерландах французскими войсками командовал герцог Люксамбур, а в Пьемонте — Катина, превосходный полководец и человек. Но успехи Люксамбура и Катины не могли вознаградить Людовика за потерю, которую он потерял в июле 1691 года: умер Лювуа, а замены не было.

В 1692 году Вильгельм III сам принял начальство над войсками союза в Нидерландах, но потерпел поражение от Люксамбура. Катина действовал победоносно в Италии и в 1693 году; со стороны Германии сопротивление французам было слабое, и они по-прежнему пустошили страну от Штутгарда до Дармштадта. Но среди успехов в 1695 году опять сильная потеря для Людовика: умирает Люксамбур. А между тем приближался к разрешению вопрос первой важности для Западной Европы — вопрос об

Испанском наследстве, потому что болезненный Карл II должен был умереть бездетным. Надобно было подготовиться к решению этого вопроса, и Людовик начал входить в мирные переговоры с членами Великого союза. В 1696 году заключил отдельный мир с Францией герцог Савойский, Виктор Амедей II: он получил все места, прежде уступленные им Франции, и выдал дочь свою за внука французского короля.

В 1697 году открылась конференция о мире между уполномоченными Франции, Англии, Голландии, императора и Испании в Рисвике в Голландии, и мир был заключен осенью. Голландия получила много торговых выгод; Вильгельм III был признан от Франции королем английским, внакладе остались слабейшие — Испания и Германия: первая должна была уступить Франции 82 местности в Нидерландах, вторая окончательно отказалась от Эльзаса и Страсбурга. Война кончилась, настало затишье перед бурей.

III ВОЙНА ЗА ИСПАНСКОЕ НАСЛЕДСТВО

В первой половине XVII века Вестфальским миром окончился для Западной Европы период религиозных движений и войн, и вторая половина века представила стремление самого сильного государства Западной Европы, Франции, усилиться еще более на счет слабых соседей и получить игемонию. При общей жизни народов, к которой уже привыкла Европа, слабые начинают составлять союзы против сильного с целью сдержать его завоевательные движения. Уже не в первый раз мы видим это явление: в начале новой истории Франция стремилась также усилиться на счет слабых соседей, именно Италии, вследствие чего составлялись также союзы против нее; против нее образовалось даже огромное государство Карла V, обхватывавшее Францию с разных сторон. Но ни внешние препятствия, ни внутренние волнения не помешали росту и усилению Франции, крепкой своею округленностью и сплоченностью, и Людовик XIV явился опаснее Франсиска I, тем более что против него не было могущественного Карла V. Душою союзов против Людовика XIV является Вильгельм Оранский, деятель другого рода, представитель другой силы, чем старый Карл V. Как штатгалтер голландский и король английский вместе Вильгельм сосредоточивал в себе представительство морских торговых держав, которые не были в состоянии бороться большими армиями с крупными континентальными государствами, но у них было другое могущественное средство, нерв войны — деньги. Это средство давно уже явилось в Европе вследствие ее промышленного и торгового развития и стало подле силы меча; морская держава не могла выставить своего большого войска, но могла нанять войско, купить союз

Таким образом, вследствие общей жизни европейских народов в их деятельности, в их борьбе замечается разделение занятий: одни выставляют войско, другие платят деньги, дают субсидии — является в своем роде соединение труда и капитала. Морские купеческие державы не охотницы до войн, особенно продолжительных: такие войны дорого стоят, морские державы воюют только по необходимости или когда того требуют торговые выгоды, для них континентальные войны бесцельны, ибо они не ищут завоеваний на континенте Европы; цель их войны — торговая выгода или богатая колония за океаном. Но теперь для Англии и Голландии было необходимо вмешаться в континентальную войну. Прямое насилие, наступательное движение, захват чужого владения без всякого предложения были неупотребительны в новой, христианской Европе, и Людовик XIV для распространения своих владений изыскивал различные предлоги, учреждал Камеры Соединения. Но и без насилия, завоеваний и юридических натяжек для европейских государств существовала возможность усиливаться, присоединять к себе целые другие государства, именно посредством браков, наследств, завещаний: мы знаем, что таким образом одно время были соединены скандинавские государства, Польша соединилась с Литвою, и особенно знамениты были Габсбурги, которые устроивали выгодные браки и посредством них по завещаниям и наследствам образовывали обширное государство.

Теперь мы, наученные историческим опытом и находясь под влиянием принципа национальности, утверждаем непрочность таких соединений, указываем на кратковременность Калмарского союза, на дурные следствия Ягеллова брака для Польши, на непрочность пестрой монархии Габсбургов; но не так смотрели прежде, да и теперь не совершенно отказываются приписывать важное значение родственным связям между владельческими домами: страшная, истребительная война, которой мы недавно были свидетелями, началась по поводу того, что один из принцев Гюгенцоллернских призывался на испанский престол. Когда счастливый наследник всех своих родных, Карл V, образовывал обширное государство из австрийских, испанских и бургундских владений, никто за это против него не вооружился, его выбрали даже в императоры Священной Римской империи, потому что в его силе видели оплот против французского могущества, но теперь, когда могущественнейший из королей французских, Людовик XIV, обратил свои взоры на Испанское наследство, то Европа не могла оставаться спокойною, ибо против могущества Бурбонов не было равносильного могущества. Голландия не могла быть покойна при мысли, что между нею и страшною Францией не будет больше владения, принадлежащего отдельному самостоятельному государству; что Франция, недавно едва ее не

погубившая, теперь еще более усилится; партия вигов в Англии, изгнавшая Стюартов, не могла быть покойна при мысли, что и без того могущественный покровитель Стюартов будет располагать и силами Испании; в Вене не могли помириться с мыслью, что Испания от Габсбургов перейдет к Бурбонам, что Австрия перестанет быть счастливою на браки (*et tu, felix Austria, pube*) и что счастье перейдет к Франции. Австрия, Голландия и Англия должны были препятствовать Людовику XIV получить Испанское наследство, а штатгалтером в Голландии и королем в Англии был Вильгельм III.

Роковое Испанское наследство должно было повести к страшной, всеобщей войне; но войны не хотели: ее не хотели морские державы по своей всегдашней политике, естественно и необходимо мирной, по естественному отвращению тратить трудовую копейку на войну, которая не принесет непосредственных торговых выгод, непосредственных барышей; ее не хотел император по обычаю невоинственной Австрии, по недостатку денежных средств, по дурной надежде на помощь Германии, по неоконченной, хотя и счастливой, войне с Турциею. Не хотел войны и Людовик XIV: мы видели, в каком печальном состоянии находилась Франция в конце XVII века; с разных сторон слышались голоса о необходимости прекратить воинственную политику и не могли не производить впечатления на короля, как бы ни велико было его самолюбие, как бы ни сильна была привычка презрительно относиться к мнениям, не сходным с его мнениями и желаниями, считать эти мнения фантазиями; притом последняя война, кончившаяся не так, как бы хотелось Людовику, показывала ему, что не очень легко бороться с коалициями. Все, таким образом, боялись войны и потому придумывали разные средства решить трудное дело дипломатическим путем.

Испанское наследство открывалось вследствие того, что король Карл II, болезненный, не развитой душевно и телесно, доканчивал свое существование бездетным, и с ним прекращалась Габсбургская династия в Испании. Претендентами на престол были: Людовик XIV, сын испанской принцессы и женатый на испанской принцессе, от которой имел потомство; император Леопольд I, представитель Габсбургской династии, сын испанской принцессы; он в первом браке имел испанскую принцессу, сестру королевы французской, дочь Филиппа IV, Маргариту, на которую отец на случай пресечения мужеской линии перенес наследство испанского престола, тогда как старшая сестра ее, выходя замуж за Людовика XIV, отреклась от этого наследства. Но Маргарита умерла, оставив Леопольду одну дочь, Марию Антонию, которая вышла замуж за курфюрста Баварского и умерла в 1692 году, оставив сына; этот-то ребенок был третьим претендентом и на основании завещания Филиппа IV имел боль-

ше всех других права на испанский престол; притом этот баварский принц удовлетворял интересам морских держав и политическому равновесию Европы. Но Людовик XIV не хотел отказываться от Испанского наследства, только для сохранения политического равновесия и удовлетворения интересам морских держав предлагал следующие уступки: Испания, переходя к Бурбонской династии, должна была иметь отдельного от Франции короля в особе одного из внуков Людовика XIV; для обеспечения Голландии Испания должна отказаться от своих Нидерланд, которые перейдут во владение курфюрста Баварского, причем Голландия удержит право иметь свои гарнизоны в бельгийских крепостях, как до сих пор имела; морские державы получают стоянки для своих судов на Средиземном море; Дюнкирхен будет возвращен Англии для обеспечения ее берегов от французской высадки.

Но война не избегалась этой сделкою: курфюрст Баварский мог удовлетвориться испанскими Нидерландами, но другой могущественнейший претендент, император Леопольд, не получал никакого удовлетворения. И вот Вильгельм III для удовлетворения и третьего претендента предлагает разделить испанскую монархию: внук Людовика XIV возьмет Испанию и Америку, курфюрст Баварский — Нидерланды, а император — итальянские владения Испании.

Западные историки, которые так много говорят против раздела Польши, обыкновенно или умалчивают о разделе Испании, или стараются показать, что это не был собственно раздел, подобный разделу Польши; выставляют, что между частями испанской монархии не было национальной связи, но вопрос о национальной связи есть вопрос нашего времени; что между Испаниею и Южными Нидерландами была крепкая связь и помимо национальной доказывает то, что они не отделились от Испании, когда отделились от нее Северные Нидерланды; бесспорно, что между Испаниею и ее владениями в Италии и Нидерландах было гораздо больше связи, чем между Западною Россиею и Польшею, между которыми существовал антагонизм вследствие различия народности и веры.

Людовику XIV не нравилось предложение Вильгельма отдать императору испанские владения в Италии, ибо непосредственное увеличение государственной области считалось гораздо выгоднее, чем посажение родственника, хотя и очень близкого, на испанский престол, следовательно, Австрия получила более выгод, чем Франция. Людовик соглашался уступить Испанию, католические Нидерланды и колонии баварскому принцу, с тем чтобы Франции были уступлены Неаполь и Сицилия, а император взял бы один Милан. Такое соглашение действительно последовало осенью 1698 года.

Когда в Испании узнали, что ее хотят разделить, то король Карл II объявил наследником всех своих владений принца

Баварского, но этого наследника в феврале 1699 года уже не было в живых, и снова начались хлопоты о роковом наследстве. Людовик XIV хлопотал об округлении Франции Лотарингиею и Савойею, с тем чтоб герцоги этих земель получили вознаграждение испанскими владениями в Италии. В конце 1699 года состоялось второе соглашение: Испания и католические Нидерланды должны были перейти ко второму сыну императора Леопольда, а Франция получила все испанские владения в Италии. Впрочем, император постоянно уклонялся от вступления в эти соглашения.

Но в Мадриде по-прежнему не хотели раздела монархии. Из двух теперь кандидатов, внука Людовика XIV и сына императора Леопольда, надобно было выбрать того, который подавал более надежд, что удержит Испанию нераздельною; французский посланник Гаркур умел убедить мадридский двор, что таким кандидатом был именно внук Людовика XIV, и Карл II подписал завещание, по которому Испания переходила ко второму сыну дофина, герцогу Филиппу Анжуйскому; за ним должен был следовать брат его, герцог Беррийский, за этим — эрцгерцог Карл австрийский; если все эти принцы откажутся от наследства или умрут бездетными, то Испания переходит к савойскому дому; ни в каком случае Испания не должна быть соединена под одним государем ни с Франциею, ни с Австриею.

Расчет заставлял Людовика XIV принять это завещание: хотя непосредственно увеличение Франции известными частями испанской монархии и было для него выгоднее, однако, отказавшись от завещания Карла II, с тем чтобы привести в исполнение договор о разделе, заключенный с Вильгельмом III, Людовик должен был вступить в войну с императором, которого сын получал всю испанскую монархию нераздельно и мог надеяться на сильную поддержку испанского народа, отвергавшего оскорбительную для себя мысль о разделе; на поддержку морских держав была плохая надежда, потому что огромное большинство в Голландии и особенно в Англии расходилось с Вильгельмом III во взгляде, считая возведение на испанский престол одного из внуков Людовика XIV менее опасным для Европы, чем усиление Франции в Италии; все партии в Англии считали диким и невероятным делом, чтоб Англия помогала Франции добыть Италию.

В ноябре 1700 года в Англии узнали о завещании Карла II. Вильгельм ждал, что со стороны Франции будут соблюдены хотя приличия и начнутся переговоры по этому делу в связи с прошлым договором. Но Франция хранила глубокое молчание, и Вильгельм в сильном раздражении написал человеку, вполне разделявшему его взгляды, голландскому ратпенсионарию Гейнзиусу, жалуясь на французское бесстыдство, на то, что Людовик

его провел; он жаловался также на тупоумие и слепоту англичан, которые очень довольны, что Франция предпочла завещание договору о разделе. Действительно, в Англии, где более всего имели в виду торговые выгоды и более всего жалели денег на континентальную войну, раздавались по поводу договора о разделе Испании громкие жалобы на внешнюю политику короля, на те страшные потери, которые итальянская и левантская торговля должна потерпеть вследствие утверждения французского владычества в обеих Сицилиях. Уже несколько раз тори поднимали в парламенте бурю против неблагонамеренных советников короля, и договор о разделе испанской монархии составлял предмет сильных парламентских выходов.

Таким образом, известие, что испанская монархия всецело достается одному из бурбонских принцев, принято было с радостью в Англии; даже министры прямо говорили королю, что они считают это событие милостию неба, ниспосланною для избавления его, короля, из затруднений, в которые поставил его договор о разделе; договор этот так неприятен народу, что король был бы не в состоянии привести его в исполнение и он причинил бы ему много забот и горя. Многочисленные брошюры, появившиеся по этому случаю, смотрели на дело точно так же, утверждая, что от посажения Филиппа на испанский престол могущество Франции нисколько не увеличится; одни восхваляли мудрость Карла II, другие — умеренность Людовика XIV. Виги не смели ничего сказать против этого. И действительно, трудно было сказать что-нибудь, кроме того, что рано было хвалить умеренность Людовика XIV, что посажение Филиппа на испанский престол собственно не усиливало могущества Франции; но Франция и без того была могущественна, и король до сих пор не разбираал средств для увеличения своих владений, а теперь, в случае войны с ним, испанские Нидерланды будут в его распоряжении, и эти Нидерланды — ключ к независимым Нидерландам. Так смотрела на дело в Нидерландах воинственная штатгалтерская партия, в челе которой стоял личный друг Вильгельма, голландский ратпенсионарий Антон Гейнзиус; но большинство депутатов соединенных провинций смотрело на воцарение герцога Анжуйского в Испании как на желанный исход дела. Впрочем, и друзья английского короля были не за раздельный трактат: они не могли не сознавать, что трактат этот был ошибкою со стороны Вильгельма; Гейнзиус знал, какое отвращение питают испанцы к мысли о разделении их государства, и потому хотел безраздельного перехода испанских владений только не к бурбонскому, а к габсбургскому принцу: для этого, по его мнению, надобно было поднять в Испании национальное движение в пользу Габсбурга и выставить 70 000 войска для поддержки императора, которого побуждать немедленно вступить в Италию и заключить

союз с Даниею, Польшею, Венециею, Савойею и со всеми другими государствами против Франции.

Но без Англии нельзя было ничего начинать, а в Англии дело шло дурно для Вильгельма. Министры из вигов боролись с враждебным большинством в нижней палате и с товарищами своими торийского направления, которые недавно были призваны в кабинет. Таким образом, в правительстве был раздор. В стране торийское направление усиливалось. На новых парламентских выборах тори взяли верх, потому что обещали сохранение мира. Но Людовик XIV спешил оправдать политику Вильгельма III и вигов. 1 ноября 1700 года умер Карл II испанский; наследник его, Филипп Анжуйский, отправляясь в Испанию, передал деду своему, Людовику XIV, управление бельгийскими делами, французские войска немедленно перешли бельгийские границы и захватили по крепостям голландские гарнизоны, причем в свое оправдание Людовик объявил, что он поступил так для предупреждения направленного против него вооружения Штатов.

Еще прежде занятия Бельгии французские войска перешли Альпы, утвердились в Милане и Мантуе. Виги в Англии подняли головы, их летучие политические листки призывали патриотов вооружиться для охраны голландских границ, протестантских интересов, равновесия Европы. Лондонские купцы встревожились не опасностью, грозящею протестантским интересам и равновесию Европы, они встревожились слухами, что Людовик XIV намерен запретить ввоз английских и голландских товаров в испанские колонии. В таком случае война явилась для миролюбивых англичан уже меньшим злом. От ужаса на несколько времени остановились в Лондоне все торговые сделки. Тори в свою очередь должны были приутихнуть. Но у них было большинство в парламенте; весной 1701 года парламенту был передан мемориал Голландской республики, в котором говорилось, что Штаты намерены потребовать от Людовика XIV ручательства своей будущей безопасности, но не хотят начинать дела без согласия и содействия Англии; так как из этих переговоров могут возникнуть серьезные столкновения с Франциею, то Штатам желательно знать, в какой мере они могут полагаться на Англию. Парламент согласился на то, чтобы английское правительство приняло участие в голландских переговорах, не предоставив, однако, королю права заключать союзы, настаивая на сохранении мира.

В том же месяце начались переговоры в Гааге. В первой конференции уполномоченные морских держав потребовали очищения Бельгии от французских войск и, наоборот, права для Голландии и Англии держать свои гарнизоны в известных бельгийских крепостях; кроме того, потребовали для англичан и голландцев таких же торговых привилегий в Испании, какими пользовались французы. Уполномоченный Людовика XIV, граф

д'Аво, отверг эти требования и стал хлопотать, как бы поссорить англичан с голландцами, начал внушать голландским уполномоченным, что государь его может заключить с их республикою договор и на выгоднейших условиях, если только Англия будет отстранена от переговоров; в противном случае грозил соглашением Франции с Австриею и образованием большого католического союза. Но голландцы не дались в обман: чувствуя опасность, они стояли твердо и единодушно. Голландское правительство сообщило английскому о внушениях д'Аво, причем объявило, что оно будет крепко держаться Англии. «Но,—говорилось в грамоте Штатов,—опасность приближается. Нидерланды окружены французскими войсками и укреплениями; теперь дело идет уже не о признании прежних договоров, а об их немедленном исполнении, и потому ждем британской помощи».

В палате лордов, где первенствовали виги, на грамоту Штатов отвечали горячим адресом королю, уполномочивая его заключить оборонительный и наступательный союз не только с Голландиею, но с императором и другими государствами. В палате общин, где господствовали тори, не разделяли этого жара, не хотели войны, боясь, что при ее объявлении ненавистные виги станут опять в челе управления. Но делать было нечего: народ высказывался громко за войну, потому что опасения за торговые выгоды все более и более усиливались: приходили известия, что во Франции образовались общества для захвата испанской торговли, составила компания для перевоза негров в Америку. Все торговое сословие Англии возопило об необходимости войны, в печати появились ругательства на депутатов, их обвиняли в забвении своих обязанностей, в измене. Тори видели, что если они еще далее будут противиться войне с Франциею, то парламент будет распущен и при новых выборах виги непременно возьмут верх. Таким образом, и нижняя палата принуждена была объявить, что готова выполнить прежние договоры, готова подать помощь союзникам и обещает королю поддерживать европейскую свободу.

Но морские державы одни не могли поддержать европейской свободы: им нужен был союз континентальных европейских держав, и преимущественно самой сильной из них, Австрии. Мог ли император Леопольд допустить, чтоб испанская монархия всецело перешла от Габсбургов к Бурбонам, и в то время, когда Австрия находилась в самых благоприятных обстоятельствах? Благодаря *Священному союзу* между Австриею, Венециею, Россиею и Польшею, Турция, потерпев сильные поражения, должна была сделать союзникам важные уступки. Австрия по Карловицкому миру приобрела Славонию, Кроацию, Трансильванию, почти всю Венгрию; но, кроме этих приобретений, Австрия приобрела еще ручательство будущих успехов — хорошее войско и пер-

вокласного полководца, принца Евгения Савойского; наконец, торжество Австрии над Турцией, блестяще выгодный мир были чувствительным ударом для Франции, потому что Порта была ее постоянною союзницею против Австрии, и Карловицкий мир был заключен при сильном содействии морских держав вопреки старанию Франции поддержать войну. Все поэтому обещало, что Австрия, развязав себе руки на Востоке, ободренная блестящими успехами здесь, немедленно обратит свое оружие на Запад, примет самое деятельное участие в борьбе за Испанское наследство. Но это участие Австрия приняла очень медленно. Такое поведение ее зависело, во-первых, от всегдашней медленности в политике, отвращения к решительным мерам, от привычки выжидать, чтобы благоприятные обстоятельства сделали для нее все без сильного напряжения с ее стороны.

Австрийские министры, скорые в составлении планов и медленные, когда надобно было приводить их в исполнение, боялись приступить к испанскому вопросу, заключавшему в себе действительно большие трудности. Им казалось гораздо выгоднее присоединить часть испанских владений непосредственно к Австрии, чем воевать для исключения Бурбонов из Испанского наследства и для доставления ее всецело второму сыну императора Леопольда, Карлу; за все испанские владения в Италии они соглашались уступить остальное внуку Людовика XIV, даже и католические Нидерланды, что так противоречило выгодам морских держав, а Людовик XIV гакже не считал для себя выгодным уступить Австрии все испанские владения в Италии.

В Вене очень хотелось приобрести что-нибудь, не дать всей испанской монархии Бурбонам, и в то же время не могли прийти ни к какому решению, выжидая, по привычке, благоприятных обстоятельств. Во-вторых, поведение Австрии зависело от характера императора Леопольда, человека недаровитого, медленного по природе, подозрительного и находившегося в сильной зависимости от духовника; медленность всего лучше выражалась в его речи, отрывочной, бессвязной; самые важные дела по неделям и месяцам лежали на столе императора без решения, а в настоящем случае на решительность императора имели еще влияние иезуиты, которым очень не нравился союз Австрии с еретиками — англичанами и голландцами; иезуиты, наоборот, хлопотали о сближении католических держав Австрии, Франции и Испании, чтоб их соединенными силами восстановить Стюартов в Англии.

При венском дворе была, впрочем, партия, требовавшая решительного действия, требовавшая войны: то была партия наследника престола, эрцгерцога Иосифа, и принца Евгения Савойского; но против нее действовали старые советники императора, боявшиеся, что с началом войны все значение перейдет от них

к воинственной партии Иосифа. В таких колебаниях и выжиданиях венский двор был потревожен известиями, что Карл II умер, что новый король, Филипп V, с торжеством принят в Мадриде, что с такою же радостью признали его и в Италии, что французские войска уже вступили в эту страну и заняли Ломбардию, что конференции в Гааге могут кончиться сделкою между Франциею и морскими державами, причем Австрии не достанется ничего. В Вене задвигались. В мае 1701 года австрийский посланник в Лондоне предложил королю Вильгельму, что император будет доволен, если ему уступлены будут Неаполь, Сицилия, Милан и Южные Нидерланды. Последнее требование вполне совпадало с интересами морских держав, которым нужно было, чтоб между Франциею и Голландиею было владение сильной державы. В августе морские державы сделали венскому двору последнее предложение, которое состояло в следующем: оборонительный и наступательный союз против Франции; если Людовик XIV откажет Австрии в земельном вознаграждении и морским державам — в известных ручательствах их безопасности и выгод, то союзники употребят все усилия, чтоб овладеть для императора Миланом, Неаполем, Сицилиею, тосканскими приморскими местами и католическими Нидерландами; для себя Англия и Голландия представляют завоевание заатлантических испанских колоний. На этом основании в следующем месяце заключен был Европейский союз между императором, Англиею и Голландиею: Австрия выставила 90 000 войска, Голландия — 102 000, Англия — 40 000; Голландия — 60 кораблей, Англия — 100.

В то самое время, когда в Гааге скреплялся великий союз, Людовик XIV своими распоряжениями как будто хотел ускорить войну; он нанес англичанам два чувствительных удара: первый был нанесен их материальным интересам запрещением ввоза английских товаров во Францию; другой удар был нанесен их национальному чувству провозглашением по смерти Иакова II сына его королем английским под именем Иакова III, тогда как незадолго перед тем парламентским актом было утверждено протестантское наследство: по смерти вдового и бездетного короля Вильгельма III на престол входила его свояченица, младшая дочь Иакова II Анна, жена принца Георга Датского, после же нее престол переходил к курфюрсте Ганноверской, внучке Иакова I Стюарта от его дочери Елизаветы, жены курфюрста Фридриха Пфальцского (эфемерного короля богемского).

Вследствие этих оскорблений со стороны Франции Вильгельм III получил от своих подданных множество адресов с выражением преданности; страна громко требовала немедленного объявления войны Франции и распускания невоинственного парламента. При новых выборах торийские кандидаты успели удержаться только тем, что громче своих соперников, вигов, кричали против

Людовика XIV, громче требовали войны. В январе 1702 года король открыл новый парламент речью, в которой напоминал лордам и общинам, что в настоящую минуту взоры всей Европы обращены на них; мир ждет их решения; дело идет о величайших благах народных — свободе и религии; наступила драгоценная минута для поддержания английской чести и английского влияния на дела Европы

Это была последняя речь Вильгельма Оранского. Он давно уже не пользовался хорошим здоровьем; в Англии привыкли видеть его страдающим, окруженным врачами; но привыкли видеть также, что по требованию обстоятельств он премогался и быстро приступал к делам. В описываемое время он ушибся, упав с лошади, и этот, по-видимому, легкий ушиб приблизил Вильгельма к могиле. Король говорил близким людям, что чувствует, как силы его ежедневно уменьшаются, что нельзя более на него рассчитывать, что он покидает жизнь без сожаления, хотя в настоящее время она представляет ему более утешения, чем когда-либо прежде. 19 марта Вильгельм умер. Свояченица его Анна была провозглашена королевою

Новейшие историки прославляют Вильгельма III как человека, окончательно утвердившего свободу Англии в политическом и религиозном отношении и в то же время много потрудившегося для освобождения Европы от французской игомнии, связавшего интересы Англии с интересами континента. Но современники в Англии вовсе не так смотрели на дело. Против воли, вынуждаемые необходимостью, они решились на революционное движение 1688 года и недовольными глазами смотрели на его следствие, когда должны были посадить на свой престол иностранца и не принадлежавшего к господствовавшей епископальной Церкви. На голландского штатгалтера смотрели подозрительно, боялись его властолюбия, боялись и того, что он вовлечет страну в континентальные войны, будет тратить английские деньги для выгод своей Голландии; отсюда — недоверие парламента к королю, противоборство его намерениям со стороны обеих партий — и тори, и вигов, скупость в даче субсидий на войну. Вильгельм, постоянно раздражаемый этим недоверием и препятствиями своим планам, не мог любезно относиться к своим подданным, да и от природы не отличался любезностию: скрытый, молчаливый, необходимый, окруженный постоянно только своими голландскими любимцами, с ними думавший и о важнейших английских делах, Вильгельм никак не мог быть популярен в Англии. Тем охотнее народное большинство увидало на престоле королеву Анну.

Новая королева не отличалась видными достоинствами: воспитание ее было пренебрежно в молодости, а в годах зрелых она ничего не делала для восполнения этого недостатка; духовная

вялость высказывалась в нерешительности и неспособности к напряженному труду; как скоро вопрос выходил из ряда ежедневных явлений, то она уже приходила в смущение. Но чем более нуждалась она в чужом совете, чем менее была самостоятельна, тем более хотела казаться такою, ибо считала самостоятельность необходимою в своем царственном положении, и горе неосторожному, который бы слишком явно захотел навязать королеве свое мнение. Горячо приверженная к англиканской Церкви, Анна с одинаковым отвращением относилась и к папизму, и к протестантской ереси, почему и показала нашему Петру Великому «истинною дочью православной Церкви», по его собственному выражению. Недостатки Анны не могли резко выразиться до вступления ее на престол: видны были ее добрые качества, ее безупречная супружеская жизнь; но, разумеется, самое драгоценное ее качество было то, которого именно недоставало Вильгельму: она была англичанка и отличалась приверженностию к англиканской Церкви.

Что касается политических партий, то восшествие на престол Анны было встречено тори с радостными надеждами, а вигами с недоверием. Виги подозревали Анну в привязанности к отцу и брату; виги действовали враждебно против Анны при Вильгельме и были виновниками сильной ссоры между ними; виги поднимали вопрос: не следует ли престолу по смерти Вильгельма прямо перейти в ганноверскую линию? Тем ревностнее стояли за Анну тори. Так как было вкоренено убеждение, что сын Иакова II, провозглашенный на континенте королем под именем Иакова III, был подставной, то строгие ревнители правильного престолонаследия считали Анну законною наследницею престола тотчас по смерти Иакова II, а на Вильгельма смотрели только как на временного правителя. Привязанность Анны к англиканской Церкви делала ее идолом для всех приверженцев последней, оскорбленных тем, что король Вильгельм не принадлежал к их числу, был еретиком в их глазах. Оба университета, Оксфордский и Кембриджский, отличавшиеся всегда усердием к англиканской Церкви, приветствовали Анну пламенными адресами; оксфордские богословы провозглашали, что теперь только, с восшествием на престол Анны, Церковь обеспечена от вторжения ереси, теперь настала для Англии новая, счастливая эпоха.

Кроме вигов и тори в Англии существовала партия якобитская, которая видела законного короля в молодом Иакове III, и эта партия не относилась враждебно к Анне, потому что Иаков III был еще очень молод и не мог сам немедленно явиться в Англию для возвращения себе отцовской короны, и вожди его партии сочли самым благоразумным дожидаться; расстроенное здоровье тридцатисемилетней королевы не обещало продолжительного царствования, притом знали, что Анна терпеть

не может своих ганноверских родственников, и тем более могли рассчитывать на привязанность ее к брату. Но чем более было надежд у якобитов, тем более страха у приверженцев революции 1688 года, особенно они боялись влияния графа Рочестера, дяди королевы с материнской стороны, сына знаменитого лорда Кларендона. Рочестер был известный якобит, и боялись, что он поднимет наверх людей себе подобных, которые изменят и внешнюю политику, отторгнут Англию от великого союза и сблизят с Францией.

Но страх был напрасен: новая королева немедленно дала знать голландскому правительству, что будет неуклонно держаться внешней политики своего предшественника; то же было объявлено в Вене и другим дружественным державам. Партия, сознававшая необходимость принятия деятельного участия в войне против Франции, была, по известным нам причинам, также сильна в первые дни Анны, как и в последние дни Вильгельма; и хотя вмешательство в континентальные дела, война за тамошние интересы, трата денег на войну, не обещавшую непосредственных выгод, никогда не могли быть популярны на острове, и партия мира должна была взять верх при первом благоприятном случае и развязаться с войною, однако такого благоприятного обстоятельства теперь еще не было. Что же касается королевы, то самое сильное влияние на нее имел в описываемое время представитель партии войны, лорд Джон Черчилль, граф Марльборо.

Сильное влияние на королеву имел и сам граф Марльборо, но еще сильнее пользовалась жена его, которую тесная дружба связывала с Анною, когда еще обе не были замужем. У друзей были противоположные характеры, потому что графиня Марльборо (урожденная Сара Дженингс) отличалась чрезвычайною энергиею, выражавшеюся во всех ее движениях, во взгляде, в сильной и быстрой речи, была остроумна и часто зла. Неудивительно, что ленивая по уму принцесса сильно привязалась к женщине, которая избавляла ее от обязанности думать и говорить и так приятно развлекала своею подвижностью и своею речью. Анна Стюарт вышла замуж за ничтожного Георга Датского, а Сара Дженингс — за самого видного из придворных герцога Йоркского, полковника Джона Черчилля. Трудно было найти мужчину красивее Джона Черчилля. Он не получил школьного образования, должен был приобретать нужные сведения сам, но ясный ум, необыкновенная память и умение пользоваться общением с замечательнейшими лицами, с которыми беспрестанно встречался по своему положению, помогли ему в деле самообразования. Чрезвычайная точность и выдержливость во всяком деле рано выдвинули его из толпы и показали в нем будущего знаменитого деятеля; но при этом выдвигении из толпы ловкий

честолюбец умел никого не толкнуть, не колол глаза своим превосходством, жил в большой дружбе с сильными земли. Но холодный, расчетливый, осторожный и ловкий со всеми другими, Черчилль совершенно терял самообладание относительно своей жены, влиянию которой подчинялся постоянно и в ущерб своей славе.

Военную деятельность свою Черчилль начал в нидерландских войнах семидесятых годов под глазами французских полководцев. Иаков II возвел его в звание лорда, и в 1685 году лорд Черчилль оказал королю важную услугу укрощением восстания Монмута; но когда Иаков стал действовать против англиканской Церкви, то Черчилль, ревностный привереженец этой Церкви, отстал от него, и его переход на сторону Вильгельма Оранского условил скорый и бескровный исход революции. Черчилль был возведен за это в графы Марльборо, но скоро не поладил с Вильгельмом, особенно когда жена его была оскорблена королевою Мариею, и последовал разрыв между королевским двором и принцессою Анною. Недовольный Марльборо вошел в сношения с своим старым благодетелем, Иаковом II, и даже сообщил подробности о предприятии англичан против Бреста. Впрочем, впоследствии он снова сблизился с Вильгельмом и был посвящен во все замыслы короля относительно внешней политики. Вильгельм поручил ему начальство над вспомогательным английским войском в Нидерландах и окончательное закрепление континентальных союзов; король видел в нем человека, соединявшего с самою холодною головою самое горячее сердце.

Легко понять, что Марльборо ничего не проиграл с смертью Вильгельма и восшествием на престол Анны, которая смотрела на него, как на самого преданного себе человека. Лорд Марльборо немедленно получил высший орден (Подвязки) и начальство над всеми английскими войсками, а жена его — место первой статс-дамы. Марльборо, собственно, не принадлежал ни к какой партии, а между тем обе партии имели основания и выгоду считать его своим: тори рассчитывали на его привязанность к англиканской Церкви, на его связи, на гонение, которое он претерпел во время господства вигов при Вильгельме, и надеялись иметь его на своей стороне по всем вопросам внутренней политики; виги, со своей стороны, видели, что леди Марльборо находится в близкой связи со всеми главами их партии, что отъявленный виг, лорд Спенсер — зять Марльборо; наконец, виги стояли за войну, почему интерес их сливался с интересами главнокомандующего всеми английскими войсками, и виги заявили ему, что, хотя они и не надеются занимать правительственные места в настоящее царствование, тем не менее будут содействовать всему, что будет делаться для блага нации.

Первым делом Марльборо было отправиться в Голландию для скрепления союза между обеими морскими державами,

необходимо ослабевшего по смерти короля и штатгалтера. Присутствие в Голландии человека самого влиятельного в английском правительстве было необходимо и потому, что Людовик XIV старался оторвать Голландию от великого союза обещаниями очистить Бельгию и сделать другие уступки, вследствие чего некоторые депутаты в Соединенных Штатах начали склоняться к миру с Франциею. Марльборо торжественно, в присутствии иностранных послов объявил, что королева свято исполнит союзный договор, вследствие чего Штаты окончательно отвергли предложение Франции. Между тем в Англии Рочестер, пользуясь отсутствием Марльборо, спешил дать окончательное торжество торийской партии и успел образовать министерство из ее членов; мы видели отношение Марльборо к тори, и он спешил уверить Штаты, что перемена в английском министерстве не будет иметь никакого влияния на ход внешних дел. Но леди Марльборо приняла сильное участие в борьбе с дядею королевы, ставши за вигов. Здесь в первый раз друзья столкнулись: королева Анна заметила резкое различие между почтительным языком всех других, обращавшихся к ней по этому делу, и бесцеремонным, требовательным языком, каким по старой привычке говорила с нею леди Сара: с этих пор между друзьями началось охлаждение.

Но как бы то ни было, в обществе господствовало такое же убеждение в необходимости войны с Франциею для охранения английских интересов, как и в последнее время царствования Вильгельма, и потому перемены в министерстве не могли остановить дела. Национальный взгляд высказался в государственном совете, созванном для окончательного решения вопроса о войне; послышались голоса: «Для чего такое дорогое и тяжкое вмешательство в континентальные смуты? Пусть английский флот находится в хорошем состоянии; как первый флот в Европе пусть он охраняет берега и покровительствует торговле. Пусть континентальные государства терзают друг друга в кровавой борьбе; торговля и богатство центральной Англии тем более будут усиливаться. Так как в континентальных завоеваниях Англия не нуждается, то ей следует помогать своим союзникам только деньгами, а если уже непременно надобно воевать, то должно ограничиться морской войною; для выполнения союзных обязательств с Голландиею надобно вступить в войну в значении только помогающей державы, но никак не самостоятельно». Все эти мнения как выражение основного национального взгляда были очень важны для будущего, ибо должны были взять верх при первом удобном случае; но теперь этого удобства для них не было при убеждении большинства в необходимости сдерживать страшное могущество Франции, и война была объявлена.

В начале этой войны, именно летом 1702 года, политический и военный перевес вовсе не был на стороне союзников, несмотря

на громкое имя Европейского союза. Северные державы отказались от участия в войне против Франции; в восточных областях Австрийской монархии готово было вспыхнуть восстание; в Германии Бавария и Кёльн были на стороне Франции, прикрытой Бельгиею, Рейнскою линиею, нейтральною Швейцариею и располагавшей силами Испании, Португалии, Италии. Союзники должны были выставить 232 000 войска, а в действительности они могли располагать гораздо меньшим числом, так что силы Людовика XIV и его союзников превосходили на 30 000 человек. Доходы Франции (187 552 200 ливров) равнялись сумме доходов императора, Англии и Голландии; кроме того, в своих распоряжениях Людовик не был стеснен никаким парламентом, никакими провинциальными чинами, никакими отдельными национальностями; наконец, владения континентальных союзников были открыты, тогда как Франция была защищена сильными крепостями.

Действительно, два первых года войны (1702 и 1703) далеко не могли обещать Европейскому союзу благоприятного исхода, несмотря на то, что и со стороны Франции ясны были признаки дряхлости — следствие непроизводительной в материальном и нравственном отношении системы Людовика XIV. Союзник Франции, курфюрст баварский Макс Эммануил взял важный имперский город Ульм; в Италии полководец императора, принц Евгений Савойский, не мог сладить с французами, бывшими под начальством Вандома, должен был снять осаду Мантуи. Австрия вследствие недостатков внутреннего управления не могла вести войны с достаточною энергиею. «Непонятно,— писал голландский посланник,— как в таком обширном государстве, состоящем из столь многих плодородных провинций, не могут найти средств для предотвращения государственного банкротства». Доходы колебались, потому что отдельные области давали то больше, то меньше; иногда отдельные области получали право не платить ничего год или долее. Ежегодный доход простирался до 14 миллионов гульденов: из этой суммы в казну приходило не более четырех миллионов; государственный долг простирался до 22 миллионов гульденов. Продолжительная турецкая война сильно способствовала финансовому расстройству. Чрезвычайных податей правительство налагать не решалось из страха довести до отчаяния крестьян и без того находившихся в жалком положении и потому предпочитало занимать деньги с уплатою от 20 до 100 процентов. Но такое финансовое расстройство не удерживало императора Леопольда от больших издержек, когда дело шло о придворных удовольствиях, или когда затрагивали его религиозное чувство.

Казну съедало огромное количество чиновников, получавших жалованье, а войскам во время походов жалованье доставлялось

или очень поздно, или вовсе не доставлялось, так что полководцы по окончании кампании, а иногда и среди похода были принуждены оставлять армии и ехать в Вену, чтоб ускорить высылку денег. Между полководцами и чиновниками придворного военного совета (гофкригсрата) господствовала постоянная ненависть; особенно все генералы смотрели на президента гофкригсрата, как на своего смертельного врага; старший сын императора, римский король Иосиф, указывал на управляющих военными и финансовыми делами в Вене, как на виновников всякого зла. Императорский генералиссимус узнавал о политических переговорах и военных событиях только из венской газеты. Производство в войске шло вовсе не по способностям, и послы иностранные при венском дворе более всего поражались циническою откровенностию, с какою каждый офицер отзывался о неспособности и бессовестности своих товарищей и генералов.

При венском дворе существовала и реформационная партия: она состояла из принца Евгения, принца Сальма, графов Кауница и Вратислава, во главе ее был римский король Иосиф; но все ее стремления разбивались о неодолимое недоверие императора к новым людям и к новым мыслям. Голландский посланник отзывался, что скорее можно море выпить, чем действовать с успехом против толпы иезуитов, женщин и министров Леопольда. К этому расстройству правительственной машины в Австрии присоединялись еще беспокойства в Венгрии и Трансильвании, где поднялись крестьяне, обремененные налогами, и эти восстания могли усиливаться, ибо восточная часть государства вследствие войны на западе была обнажена от войска. Сначала венгерские волнения не имели политического характера, но дело переменилось, когда восставшие вошли в сношение с Францом Ракочи, жившим в Польше в изгнании. Люди благоразумные требовали, чтобы венгерские волнения были прекращены как можно скорее или милостию, или строгостию; но император предпочел полумеры — и огонь разгорелся, а вместе с тем затруднительное положение Австрии в европейской войне достигло высшей степени: армия не получала рекрут, солдаты были голодны и холодны. Это положение должно было повести к переменам в Вене: президенты военного и финансового советов лишились своих мест, финансы были вверены графу Штарембергу, военное управление поручено принцу Евгению.

Таким образом, в первое время войны Австрия по состоянию своего управления не могла энергически содействовать успехам союзников. Морские державы, Англия и Голландия, также не могли вести войну успешно в испанских Нидерландах. Здесь две кампании 1702 и 1703 годов кончились неудовлетворительно; Марльборо, начальствовавший союзными войсками, был в отчаянии и справедливо складывал вину неуспеха на республику

Соединенных Штатов, которая мешала ему купеческою бережливостию относительно людей и денег; кроме того, партии, борющиеся в соединенных провинциях, оранская и республиканская, раздирали и войско, генералы ссорились и отказывали друг другу в повиновении. Полководец стеснялся так называемыми «походными депутатами», которые находились при нем с контрольным значением: они заведовали продовольствием войска, назначали комендантов в завоеванные места, имели голос в военных советах с правом останавливать их решения, причем депутаты эти были вовсе не военные люди. Наконец, в Голландии высказывалось недоверие к иностранному полководцу; в печати появлялись памфлеты против Марльборо и его смелых планов. А между тем в Англии вследствие неудовлетворительности двух кампаний поднимали голову люди, бывшие против континентальной войны.

Больших успехов для Англии и Голландии можно было ожидать от морских предприятий против Испании. Мы видели причины, почему Испания к концу XVII века заснула мертвым сном. События, последовавшие в начале XVIII века, должны были разбудить ее: действительно, народ взволновался, прослышав, что ненавистные еретики, англичане и голландцы, задумали разделить испанские владения, и поэтому вступление на престол Филиппа V с речательством нераздельности находило сильное сочувствие в Испании. К несчастью, новый король не был способен воспользоваться этим сочувствием. Испанская инфанта, на которой Мазарини женил Людовика XIV, как будто принесла Бурбонской династии печальное приданое: потомство, происшедшее от этого брака, обнаруживало черты той дряхлости, которою отличались последние Габсбурги в Испании. Таким-то дряхлым юношею явился на испанском престоле и Филипп V, для которого корона была тяжестью и всякое серьезное занятие — наказанием; умные, красноречивые наставления и письма деда он принимал с равнодушною покорностию, возлагая на других обязанность отвечать на них и вести всю переписку, даже самую секретную. Точно так же поступал Филипп и во всех других делах.

Было ясно, что король с таким характером нуждался в первом министре, и Филипп V нашел себе первого министра в шестидесятипятилетней старухе, которая в противоположность молодому королю отличалась юношескою живостию и мужскою силою воли: то была Мария Анна, по второму браку итальянская герцогиня Брачьяно-Орсини, дочь французского герцога Нуармутье. В Италии она сохранила связь с своим прежним отечеством и была в Риме агентом Людовика XIV, сильно хлопотала при переходе Испанского наследства в Бурбонскую династию при заключении брака между Филиппом V и дочерью герцога Савойского, и, когда невеста отправилась в Испанию, отправилась

вместе с нею и принцесса Орсини как будущая обер-гофмейстерина. Много людей хотело овладеть волею молодого короля и королевы; но Орсини одолела всех соперников и привела Филиппа V и жену его в полную от себя зависимость. Из партии при мадридском дворе Орсини выбрала самую полезную для страны — партию национал-реформационную — и стала во главе ее.

Людовик XIV хотел посредством Орсини управлять Испаниею как вассальным королевством; но Орсини не хотела быть орудием в руках французского короля, и пусть руководилась она при этом побуждениями собственного властолюбия, только ее поведение, стремления, чтобы в поступках испанского короля не было заметно влияния государя иностранного, совпадали с благом и достоинством страны и содействовали утверждению Бурбонской династии на испанском престоле. Но понятно, что при таком стремлении сделать себя и вообще правительство популярным Орсини должна была необходимо столкнуться с французскими послами, которые хотели господствовать в Мадриде.

При таких-то условиях Испания должна была участвовать в войне, которую Западная Европа вела из-за нее. В 1702 году намерение англичан овладеть Кадиксом не удалось, но они успели захватить испанский флот, шедший из американских колоний с драгоценными металлами. Опаснейшей борьбы должна была ожидать Испания от того, что Португалия приступила к Европейскому союзу, и в Вене решились отправить на Пиренейский полуостров эрцгерцога Карла, второго сына императора Леопольда, как претендента на испанский престол; надеялись, что в Испании много приверженцев Габсбургской династии, много недовольных, желающих перемены вообще, и что при этих условиях Филипп V легко может быть смещен Карлом III. Этот Карл был любимый сын императора Леопольда, потому что был похож на отца, тогда как старший, Иосиф, по несходству характера и стремлений стоял в отдалении от отца и даже в оппозиции. Благонамеренный, добросовестный, но вялый, неразвитый, оснадцатилетний Карл должен был отправиться в отдаленное предприятие — на завоевание испанского престола, окруженного партиями, среди которых мог пробиваться только какой-нибудь посевший в интригах кардинал или придворная дама. После долгих сборов и препятствий только в марте 1704 года англо-голландский флот привез в устье Таго «католического короля не Божиею, а еретическою милостию», как говорилось в якобинских памфлетах в Англии.

При выходе на берег Карл получает весть, что невеста его, принцесса португальская, умерла от оспы, и отец ее, Дон Педро, впал в глубокую меланхолию. В Португалии не было ничего готово к войне, войско не получало жалованья, не умело владеть оружием, не хотело сражаться; все сколько-нибудь годные лоша-

ди были вывезены в последнее время или в Испанию, или во Францию; народ не хотел войны и с ненавистью смотрел на еретические иноземные полки. Как бы то ни было, Португалия была крепко завязана в союз торговым договором с Англиею, по которому португальские вина должны были сбываться в Британии, где с них брали пошлины третью менее против французских вин, за что Португалия обязалась не пропускать к себе никаких шерстяных товаров, кроме английских.

Кроме Португалии союз приобрел еще члена — герцога савойско-пьемонтского. Держа в своих руках ключи к Италии и Франции и находясь между владениями двух могущественных династий, Бурбонской и Габсбургской, герцоги савойско-пьемонтские издавна должны были напрягать все свое внимание, чтоб сохранить независимость в борьбе сильнейших соседей и усиливаться при каждом удобном случае, пользуясь этою борьбою; поэтому они отличались бережливостию, ибо должны были держать всегда значительное войско, отличались также самою бесцеремонною политикою: находясь в союзе с одною из воюющих сторон, они всегда вели тайные переговоры с тою, против которой должны были воевать. Во время полного могущества Людовика XIV Пьемонту приходилось плохо: он был почти вассальною землею Франции. Но когда властолюбие Людовика стало вызывать коалиции, когда Вильгельм Оранский сделался королем английским и начала двигаться тяжелая на подъем Австрия, положение Пьемонта облегчилось: Людовик XIV начал заискивать в его герцоге Викторе Амедее II и, чтобы привязать последнего к себе, женил двоих своих внуков на двух его дочерях. Виктор Амедей как тесть Филиппа V Испанского, естественно, должен был находиться в союзе с ним и с его дедом; мало того, при открывшейся войне за Испанское наследство Людовик XIV передал свату главное начальство над соединенными франко-испано-пьемонтскими войсками. Но это был один только пустой титул: французские полководцы, зная пьемонтскую политику, смотрели на распоряжения Виктора Амедея с крайнею подозрительностию и вовсе не считали себя обязанными повиноваться ему; также относился к нему и французский посланник в Турине. Высокомерное обращение зятя, короля испанского, при личном свидании с ним должно было еще более увеличить раздражение Виктора Амедея. Жалобы герцога Людовику оставались без последствий на деле: король отовсюду слышал вопли о вероломстве своего свата, о необходимости без церемоний отделаться от неверного союзника.

Уже в мае 1702 года голландский посланник извещал из Вены, что императорские министры завязали сношения с герцогом Савойским и в то же время Виктор Амедей сделал запрос в Лондоне, будет ли английское правительство помогать ему

в получении Милана. Целый год тянулись переговоры: Виктор Амедей все торговался, все выторговывал себе побольше земли и приводил в отчаяние союзников, которые призывали мщение неба и презрение человечества на бесстыдного, подозрительного и жадного савояра, и Виктор Амедей все запрашивал земли, как вдруг, наконец, в сентябре 1703 года он был потревожен в своей торговле вестию, что французы удостоверились в его измене. Вандом захватил многих пьемонтских генералов, обезоружил некоторые кавалерийские полки и потребовал сдачи двух крепостей как ручательство за верность герцога. Тогда Виктор Амедей прямо объявил себя против Франции и перешел к Великому союзу, взявши, что дали, т. е. Миланскую и Мантуанскую области, с видами на большие вознаграждения в случае успешного окончания войны.

Решительный успех на стороне союза обнаружился в 1704 году, когда Марльборо решился соединиться с принцем Евгением в Баварии. Следствием этого соединения была 13 августа блистательная победа союзников над франко-баварским войском, бывшим под начальством курфюрста Баварского и французских генералов Тальяра и Марсэна: победа эта носит двойное название: по деревне Бленгейм или Блиндгейм, где победили англичане, и по местечку Хохштедт, где победили немцы; союзники заплатили за победу 4500 убитыми и 7500 ранеными. Французы и баварцы из 60 000 войска едва спасли 20 000, маршал Тальяр и до 11 000 войска были взяты в плен. Здесь резко обнаружился характер французов: задорные в наступлении, они невыдержливы, скоро теряют дух при неудаче и позволяют брать себя в плен целыми полками. Вследствие этого блиндгеймское поражение имело страшные последствия для французов: несмотря на тяжкие потери, они могли бы еще подержаться в Баварии, и курфюрст Макс предлагал это; но французы с своим генералом Марсэном совершенно потеряли дух; бегство казалось им единственным средством спасения, и беглецы остановились только на левом берегу Рейна; таким образом, вследствие одного поражения французы очистили Германию, одно поражение сокрушило славу французского войска, которое привыкли считать непобедимым; особенно сильное впечатление произвела эта сдача в плен большими толпами на поле сражения, и, насколько упали духом французы, настолько поднялись их враги.

Победители хотели воздвигнуть памятник в честь блиндгеймской победы и написать на нем: «Да познает наконец Людовик XIV, что никто прежде смерти не должен называться счастливым или великим». Но Людовик по крайней мере перенес свое несчастье с достоинством; во всей переписке своей, самой секретной, он умел сохранить ясность и твердость духа, нигде не унизился до бесполезных жалоб, имея в виду одно — как бы

поскорее поправить дела. Он выражал только сожаление о маршале Тальере, сочувствие его горю и потере сына, павшего в гибельной битве; еще более король выказывал сожаление о своем несчастном союзнике, курфюрсте Баварском, он писал Марсэну: «Настоящее положение курфюрста Баварского озабочивает меня более, чем моя собственная участь; если бы он мог заключить договор с императором, обеспечивавший его семейство от плена и страну от опустошения, то это нисколько бы меня не огорчило; уверьте его, что мои чувства к нему от этого не изменятся и я никогда не заключу мира, не озаботившись возвращением ему всех его владений». Курфюрст Макс платил Людовику тою же монетою: когда Марльборо уговорил принца Евгения предложить ему возвращение всех его владений и ежегодно значительную сумму денег, если он обратит свое оружие против Франции, то курфюрст не согласился.

Кампания, заключающаяся такою блестящею победою, дорого стоила Марльборо: здоровье его сильно пострадало от страшного напряжения. «Я уверен,— писал он друзьям,— что при нашем свидании вы найдете меня постаревшим десятью годами». Весть о блиндгеймской победе была принята с восторгом в Англии и во дворце, и в толпах народных; посреди этого восторга слышались и отзывы враждебной партии. Перед победою люди, бывшие против континентальной войны, громко порицали движение Марльборо в Германию, кричали, что Марльборо превысил свою власть, бросил без защиты Голландию и подвергает английское войско опасности в отдаленном и опасном предприятии. Победа не заставила умолкнуть порицателей: «Мы победили — бесспорно, но победа эта кровавая и бесполезная: она истощит Англию, а Франции не причинит вреда; у французов много взято и побито народу, но для французского короля это все равно, что взять ведро воды из реки». Марльборо отвечал на это последнее сравнение: «Если эти господа позволят нам взять еще одно или два такие ведра воды, то река потечет покойно и не будет грозить соседям наводнением».

Особенно была враждебна Марльборо та часть партии тори, которая носила название якобитов, т. е. приверженцев претендента, Иакова III Стюарта. Понятно, что эти якобиты должны были смотреть неблагоприятно на победу, унижавшую Францию, ибо только с помощью Франции они могли надеяться на возвращение своего короля, Иакова III. Досаду на славу блиндгеймского победителя, тори старались противопоставить ему адмирала Рука, которого подвиги в Испании были более чем сомнительны; одно можно было выставить в его пользу — это содействие ко взятию Гибралтара. Взятие было облегчено тем, что испанский гарнизон состоял менее чем из 100 человек. Англичане взяли Гибралтар не у Филиппа V в пользу Карла III: они взяли его для

себя и удержали навсегда за собою этот ключ к Средиземному морю.

Отношения к английским партиям могли только заставлять Марльборо усерднее трудиться в пользу продолжения и успешного продолжения войны. Самым слабым местом союза была Италия, где Виктор Амедей не мог сопротивляться лучшему французскому генералу, герцогу Вандому, где Турин готов был сдать. Отделить в Италию часть войска, бывшего под начальством Марльборо и принца Евгения, было нельзя без вреда военным действиям в Германии; нового войска от императора нельзя было требовать, потому что австрийские войска были заняты против венгерских мятежников. Марльборо смотрел всюду, где бы достать войска, и остановился на Бранденбурге, которого курфюрст Фридрих принял титул короля прусского. Марльборо сам отправился в Берлин: здесь были очень польщены учтивостями знаменитого блиндгеймского победителя и дали ему 8000 войска за английские деньги.

В Венгрии дела шли удачно для императора: мятежники, грозившие сначала Вене, потерпели сильное поражение, но Рагоци все еще держался. Марльборо очень хотелось прекратить эту вредную для союза войну, и он настаивал, чтоб император дал своим венгерским подданным полную религиозную свободу; но император под влиянием иезуитов никак не хотел на это согласиться; иезуиты видели, что они были вправе бояться союза с еретиками. Но и Людовик XIV, раздувавший венгерское восстание, видел подобное же явление в собственных владениях, где в Севенских горах восстало протестантское народонаселение. Вследствие гонений религиозный энтузиазм достиг здесь высшей степени: явились пророки, дети пророчествовали; правительство усилило гонения, но гонимые воспользовались войною, выходом гарнизонов из городов Лангедока и восстали, начали партизанскую войну; вождями отрядов были пророки (*vouyants*); важнейшее место получал тот, кто отличался большею степенью вдохновения; одним из главных вождей был семнадцатилетний мальчик Кавалье, самым главным вождем был молодой человек 27 лет Ролан, соединявший с диким мужеством что-то романтическое, поражавшее воображение. У Ролана скоро набралось 3000 человек войска, которые сами себя называли детьми Божиими, а католики называли их камизарами (рубашечниками) по белым рубашкам, которые они надевали ночью, чтобы узнавать друг друга¹². Пещеры в горах служили им крепостями и арсеналами; они разрушили все церкви и священнические дома в Севенских

¹² Так обыкновенно объясняют, но известно, что сектанты, отличающиеся подобным настроением духа, любят употреблять белые рубашки в своих собраниях

горах, перебили или прогнали священников, овладели замками и городами, истребили высланные против них отряды войска, собрали подати и десятины.

Лангедокские чины собрались и положили созвать милицию. Когда в Париже узнали об этих событиях, то Шамильяр и Мен-тенон сговорились сначала скрыть их от короля; но долго скрывать было нельзя, когда восстание распространилось, когда генерал-губернатор Лангедока, граф Брольи, был разбит камизарами. Король послал против мятежников маршала Монревеля с 10 000 войска; Монревель разбил Ролана и хотел сначала потушить мятеж кроткими средствами; но когда камизары перестреляли тех из своих, которые приняли амнистию, то Монревель начал свирепствовать. Католические крестьяне также вооружились против камизаров под начальством какого-то пустынника. Эта святая милиция, как выражался папа, начала так разбойничать против своих и чужих, что Монревель должен был усмирять ее; камизары не стихали; между ними творились чудеса: один пророк для поддержания веры своих взошел на пылающий костер и сошел с него невредим. Но 1704 год был несчастен для камизаров: Кавалье принужден был войти в соглашение с правительством и оставил Францию; Ролан был разбит и убит; после Блиндгеймской битвы обширный заговор камизаров не удался; оставшиеся вожди их были сожжены, повешаны, и восстание затихло, тем более, что правительство, занятое страшною войною внешнею, смотрело сквозь пальцы на протестантские религиозные собрания.

Война с камизарами прекратилась очень кстати в 1704 году, потому что к следующему году Людовику XIV нужно было подумать о войне оборонительной! Первые дни 1705 года в Лондоне происходило торжество по случаю приезда Марльборо с трофеями и знатными пленниками. Палата общин представила королеве адрес с просьбою увековечить славу великих заслуг, оказанных герцогом Марльборо. Герцог получил королевское имение Вудсток, где построили замок и назвали его Бленгейм. Император дал Марльборо титул князя и также имение в Швабии. Один только Оксфордский университет, принадлежавший к партии тори, оскорбил Марльборо, поставивши его в своих торжественных речах и стихах совершенно наравне с адмиралом Руком.

Марльборо еще в 1704 году уговорился с принцем Евгением насчет кампании 1705 года, уговорился напасть на Францию со стороны Мозеля, где она была менее укреплена; раннею весною обе армии должны были начать действия осадю Саар-Люи, причем должны были войти в сношение с герцогом Лотарингским, только поневоле бывшим за Францию. Людовик XIV также не терял времени, готовился и весною 1705 года мог писать:

«У неприятеля нет столько пехоты, сколько у меня во Фландрской, Мозельской и Рейнской армиях, хотя в коннице он почти равен со мною». Но главное преимущество Людовика XIV состояло в том, что он мог распоряжаться своими относительно многочисленными войсками как хотел, тогда как Марльборо весной 1705 года тратил время в Гааге, уговаривая нидерландское правительство согласиться на его план. Когда он наконец вынудил это согласие и явился с войском на Мозеле, то нашел перед собою большое, достаточно снабженное всем нужным французское войско под предводительством хорошего генерала-маршала Виллара, тогда как у него самого не было знаменитого товарища Блиндгеймской битвы: император перевел принца Евгения в Италию для поправления тамошних дел, и вместо Евгения Марльборо должен был иметь дело с маркграфом Людовиком Баденским, который не двигался с места, отговариваясь то болезнью, то недостаточным снабжением своих войск.

Весть о смерти императора Леопольда (5 мая н. с.) подала английскому полководцу надежду, что при энергическом преемнике его, Иосифе I, дела пойдут живее. Как мы видели, Иосиф обещал быть энергическим государем, когда был наследником, когда был главою воинственной партии, главою оппозиции отцовскому министерству, отцовской системе. И действительно, сначала в Вене было что-то похожее на энергическое действие; но скоро потом все пошло по-старому, вследствие чего ни Марльборо на Мозеле, ни Евгений в Италии не могли ничего сделать в продолжение всего 1705 года; только в Испании союзники были счастливее: Барселона сдалась эрцгерцогу Карлу; в Каталонии, Валенции, Арагонии его признали королем. В 1706 году дела шли также успешно в Испании для союзников: Филипп V должен был оставить Мадрид. С другой стороны, дела пошли неудачно для французов на севере со стороны Нидерландов: здесь в мае месяце Марльборо поразил курфюрста Баварского и маршала Вильруа при Ромильи, недалеко от Лювэна, вследствие чего французы были вытеснены из Бельгии; наконец, они были вытеснены из Италии; и хотя в конце года дела в Испании приняли благоприятный оборот для Франции, благодаря народному восстанию в пользу Филиппа V из ненависти к еретикам, поддерживавшим Карла III, однако этот успех не мог вознаграждать за потери в Италии и Бельгии, и Людовик XIV начал думать, как бы покончить несчастную войну на счет народа, который так усердно защищал престол его внука: он предложил раздел испанских владений, Испанию и Америку уступал Карлу III, Бельгию — Голландии, удерживая для Филиппа V только итальянские владения. Но союзники отвергли предложение.

Кампания 1707 года началась блистательною победою франко-испанских войск над союзными (английскими, голландскими

и португальскими), одержанною при Алманце герцогом Бервиком (побочным сыном Иакова II Стюарта). Со стороны Германии французы также предприняли успешное наступательное движение и проникли до Дуная; но зато австрийские войска овладели Неаполем, а с другой стороны проникли в Прованс, хотя скоро и должны были оставить его. Франция держалась после Хохштедта и Ромильи, держалась благодаря сильному правительству, но это правительство истощало последние средства страны. С 1700 года число чиновников почти удвоилось вследствие усиленного созидания новых должностей на продажу; перелили монету, подняли ее цену, но этим доставляли только выгоду иностранцам; выпуск неоплачиваемых ассигнаций подрывал кредит, а между тем расходы, простиравшиеся в 1701 году до 146 миллионов, в 1707-м достигли до 258. Начали брать пошлины с крещения, браков, похорон бедные начали сами крестить детей без священника, начали венчаться тайком, а между тем в замках знатного дворянина делали фальшивую монету и при дворе жились по-прежнему роскошно.

Знаменитый Вобан издал в 1707 году книгу, в которой предложил план необходимых финансовых преобразований. Книга была найдена возмутительною, пятидесятилетняя служба человека, которого имя было известно каждому образованному человеку в Европе, была забыта, и книгу Вобана прибили к позорному столбу; через шесть недель после этой книжной экзекуции автор умер 74 лет от роду. Но главный контролер Шамильяр, не видя никакой возможности вести дело при громадных военных издержках, отказался от своей должности. В беде вызвали на его место племянника Кольбера Демаре, бывшего двадцать лет в немилости. Поручая Демаре новую должность, король сказал ему: «Я буду вам благодарен, если вы можете найти какое-нибудь средство, и не буду удивлен, если дела будут идти день ото дня все хуже и хуже». Демаре отчаянными средствами добыл денег на продолжение войны, он удвоил пошлины с провоза товаров сухим путем и по рекам, что нанесло решительный удар торговле.

Деньги, добытые таким образом, потрачены были на несчастную кампанию. на севере Марльборо опять соединился с Евгением, и между обоими полководцами по-прежнему господствовало полное согласие, тогда как между французскими полководцами, выставленными против них,— внуком короля, герцогом Бургундским, и герцогом Вандомом— господствовало полное несогласие. Следствием было то, что французы потерпели поражение на Шельде при Уденарде и потеряли главный город французской Фландрии, Лилль, укрепленный Вобаном. К этому присоединилось бедствие физическое: в начале 1709 года наступили страшные холода по всей Европе, не исключая и южной; море замерзло

у берегов Франции, почти все плодовые деревья погибли, самые крепкие древесные стволы и камни трескались; суды, театры, конторы запирались, остановились дела и удовольствия; бедняки целыми семьями замерзали в своих избах. Холода прекратились в марте месяце; но знали, что семена вымерзли, жатвы не будет и цены на хлеб поднялись. В деревнях мерли с голода спокойно; в городах бунтовали и на рынках вывешивали бранные выходки против правительства. Смертность удвоилась против обыкновенных лет, потеря скота не вознаградилась и в пятьдесят лет.

В марте 1709 года Людовик XIV возобновил мирное предложение: он соглашался, чтобы Филипп V получил только Неаполь и Сицилию. Но союзники требовали всей испанской монархии для Карла III, не соглашались возвратить Лилль и относительно Германии требовали возвращения к Вестфальскому миру. Людовик XIV созвал свой совет, но советники на вопрос о средствах спасения отвечали слезами; Людовик согласился на требования союзников, просил одного Неаполя для внука, и с этими предложениями тайком отправился в Голландию сам министр иностранных дел Торси. Он кланялся Гейнзиусу, принцу Евгению, Марльборо, предлагал последнему четыре миллиона — и все понапрасну: союзники потребовали, чтоб внук Людовика XIV оставил Испанию в два месяца, а если не исполнит этого до истечения означенного срока, то французский король и союзники сообща примут меры для исполнения своего договора; французские торговые суда не должны показываться в испанских заморских владениях и т. п. Людовик отверг эти условия и разослал губернаторам циркуляр, в котором говорилось: «Я уверен, что мой народ воспротивится миру на условиях, равно противных справедливости и чести имени французского». Здесь Людовик в первый раз обратился к народу и встретил в этом разоренном и голодном народе самое живое сочувствие, дававшее возможность поддержать честь французского имени.

Особенно оскорбительны были своею бессмысленностью требования союзников, чтоб он, Людовик, приносивший такие жертвы для мира, должен был продолжать войну для изгнания своего внука из Испании, и война была необходима, потому что Филипп чувствовал себя крепким в Испании благодаря расположению народного большинства и, конечно, под диктовку энергической жены и энергической гувернантки писал деду: «Бог возложил на меня испанскую корону, и я буду сохранять ее, пока одна капля крови останется в моих жилах» Поэтому Людовик имел право говорить: «Лучше же мне вести войну с своими неприятелями, чем с своими детьми»

Но для спасения Франции нужно было продолжить ее разорение. В армии было достаточно людей, потому что крестьянин и горожанин, спасаясь от голода, шли в солдаты, но зато кроме

людей ничего уже больше не было в армии—ни хлеба, ни оружия. Французский солдат продавал ружье, чтоб не умереть с голоду; а у союзников всего было в изобилии; таким образом, голодные должны были воевать против сытых, сытые наступали, голодные защищались, и защищались хорошо, потому что Марльборо и Евгений купили победу при Мальплаке потерей более чем 20 000 народа. Но все же союзники победили, и Людовик решил опять просить мира, соглашался на все, лишь бы только не заставляли его еще воевать, и воевать со внуком. В ответ союзники потребовали, чтоб Людовик взялся один выгнать внука из Испании.

Война продолжалась. В 1710 году Марльборо и Евгений опять сделали несколько приобретений во французской Фландрии. Людовик XIV потребовал десятую часть дохода со всех принадлежащих к податным и неподатным сословиям; но вследствие истощения страны и недобросовестности в платеже казна получила не более 24 миллионов. Средства к кампании 1711 года были приготовлены, но год начался мирными переговорами, и предложение о мире шло на этот раз не из Франции. В январе аббат Готье, тайный корреспондент французского министерства иностранных дел в Лондоне, явился в Версаль к Торси с словами: «Хотите мира? Я привез вам средство заключить его независимо от голландцев». «Спрашивать французского министра, хочет ли он мира, это все равно, что спрашивать у больного долгою и опасною болезнью, хочет ли он вылечиться»,— отвечал Торси. Готье имел поручение от английского министерства предложить французскому правительству, чтоб оно начало переговоры. Англия заставит Голландию окончить их.

Мы видели, что национальная политика Англии состояла в невмешательстве в дела континента, если только не затрагивались торговые интересы Англии. Эти торговые интересы были затронуты перед начатием войны за Испанское наследство, когда соединение Испании с Францией грозило отнять у Англии возможность торговать в обширных и богатых владениях испанских. Тут мирная партия, т. е. партия, державшаяся национальной политики, должна была умолкнуть, и войну начали. Но эта партия, смолкнувшая на время, поднялась при первом удобном случае и была уверена, что встретит сильное сочувствие в народе, как скоро опасения его относительно своих интересов рассеются, ибо народу были противны трата денег на войну, ведущуюся за чужие интересы, увеличение войска и усиление его значения, усиление значения победоносного полководца, который возбуждал неприятное воспоминание о Кромвелях и Монках. Война затянулась надолго, потратили на нее множество денег, цель была достигнута: страшная до сих пор Франция доведена до последней крайности, доведена до такого изнеможения, после

которого долго не будет в состоянии оправиться и снова начать грозить английским торговым интересам; средств у старого честолюбивого короля, не дававшего покоя Европе, нет более, и дни его изочтены; родственная связь испанских королей с французскими не опасна по смерти Людовика XIV, и не стоит тратить столько денег и людей для того, чтоб навязать испанцам Карла III вместо Филиппа V, лишь бы Гибралтар и торговые выгоды в Америке остались за Англиею; еще страннее вести войну за выгоды Голландии, этой опасной соперницы в торговом и промышленном отношениях, тратить английскую кровь и английские деньги для того, чтоб обеспечить голландскую границу со стороны Франции. Таким образом, успехи союзных войск и явное истощение Франции усилили в Англии партию мира, партию тори. Эта партия усиливалась, потому что ее стремления и взгляды совпадали с национальными стремлениями и взглядами; некоторые люди, понявшие в чем дело, могли выдвинуться, проводя национальные стремления и взгляды, и могли заключить мир.

Эти люди, соединившие свои имена с окончанием войны за Испанское наследство, были Гарлей и С.-Джон. Роберт Гарлей в 1701 году является оратором или президентом палаты общин, а в 1704 году, благодаря дружбе с Марльборо, становится министром иностранных дел. Новый министр принадлежал к умеренным тори и отличался искусством лавировать между партиями и влиятельными лицами. Марльборо и его друг, министр финансов (лорд-казначей) Годольфин, сами не привязанные крепкими убеждениями ни к какой партии, думали, что Гарлей будет их покорным слугою; но Гарлей, не привязанный ни к кому и ни к чему нравственно, преследовал свои цели, и требовательность Марльборо и Годольфина, в которой Гарлей видел посягновение на свою независимость, только раздражала его и заставляла сильнее желать избавления от деспотизма друзей-покровителей. Королева начала заметно охладевать к герцогине Марльборо, и у ней оказалась другая фаворитка, Абигаиль Гилль, или, по мужу, Мешем, родственница герцогини Марльборо, которая и пристроила ее ко двору. Гарлей сблизился с Мешем, что, разумеется, сильно раздражало Марльборо и Годольфина, заставило их высказывать свою ревнивость и требовательность, заставляло их подозревать Гарлея во влиянии на такие неприятные для них решения королевы, в которых он и не участвовал. Гарлей клялся, что он останется верен своему постоянному принципу — соединения умеренных тори с умеренными вигами так, чтобы ни одна партия не преобладала решительно; королева держалась того же самого принципа и потому любила Гарлея, любила его и за то, что он являлся ревностным приверженцем англиканской Церкви. И Марльборо с Годольфином были вовсе не против

принципа, выставяемого Гарлеем, если бы Гарлей был во всем их покорным орудием. Но, подозревая его в измене, они соединились с вигами для его низвержения; Гарлей должен был оставить министерство и, естественно, переходил на сторону тори.

Вместе с Гарлеем должен был выйти в отставку Генрих С.-Джон, управлявший военным министерством. Подобно Гарлею, С.-Джон считал партию только средством играть важную роль в управлении страны. Аристократ по происхождению, он отличался красотою, блестящими способностями и самою разгульною жизнью; у него была необыкновенная память, изумительная быстрота соображения и столь же изумительная легкость в устном и письменном изложении мысли; эти способности делали для него возможным при занятии важной должности, при серьезных работах отдавать много времени женщинам, игре, вину и беседам со всеми литературными знаменитостями времени. В самом начале века двадцати с чем-нибудь лет С.-Джон явился членом палаты общин, и так как большинство талантов было на стороне вигов, то он стал на стороне тори и сейчас же обратил на себя внимание как первоклассный оратор. Чтоб выставить свой талант во всем блеске, он затрагивал нарочно самые трудные вопросы, которых избегали другие ораторы. С.-Джон гремел против континентальной войны, против бесполезных издержек на нее. Но Марльборо понял, что эти громы исходят не из горячих убеждений, и предложил громовержцу управление военным департаментом. С.-Джон, получивши такое важное и трудное, особенно тогда, место, не изменил своего образа жизни, но удивил всех умеренностию своих речей; он явился самым ревностным приверженцем Годольфина и страстным поклонником Марльборо. Но потом вместе с Гарлеем он перешел на сторону леди Мешем и тогда должен был оставить свое место, которое перешло к знаменитому впоследствии Роберту Вальполю.

Торжество вигов не могло быть продолжительно. Королева против воли рассталась с Гарлеем, была оскорблена уступкою, которую должна была сделать вигам, Годольфину и Марльборо; к этим личным отношениям присоединялся еще интерес высший: раздавались вопли, и преимущественно из Оксфордского университета, об опасности, которою грозили виги англиканской Церкви, а к этим воплям Анна по своим убеждениям была очень чутка. Самыми сильными выходками против принципов революции, которых держались виги, отличался проповедник Сечьеверель, отрицавший законность сопротивления какой бы то и было тирании. Он вооружился против диссидентов, против терпимости относительно кальвинизма, терпимости, которая грозит страшною опасностью Английской Церкви, не удерживался и от намеков на лица, особенно на Годольфина. Виги забили тревогу, и Сечьеверель был предан суду по определению палаты общин;

тори сочли своею обязанностью заступиться за проповедника; палата лордов незначительным большинством признала его виновным; но, когда дело дошло до определения наказания, то положено было только запретить ему проповедовать три года и публично сжечь две последние его проповеди. Такое легкое наказание было поражением для вигов, затеявших дело, и торжеством для тори, и это торжество увеличивалось сочувствием, которое высказывалось к Сечьверелю: женщины толпами стекались в церкви, где он служил (ибо ему запрещено было только проповедовать), его пригласили крестить детей, в честь его делали иллюминации, жгли фейерверки; когда он поехал в Валлис, то по дороге в городах делали ему торжественные встречи (1710).

Королева, руководимая леди Мешем, которая в свою очередь была руководима Гарлеем, показывала ясно, что не хочет более иметь между своими министрами вигов; так, она уволила сначала самого рьяного вига, Сандерленда, управлявшего иностранными делами, женатого на дочери Марльборо; тори были в восторге и говорили Анне: «Ваше величество теперь настоящая королева». Виги снесли терпеливо это поражение, что, разумеется, придало духу их противникам, и королева сделала решительный шаг — уволила Годольфина; Гарлей был опять введен в кабинет и сделан лордом-казначеем, С.-Джон получил заведование иностранными делами. Парламент был распущен, и при новых выборах в него тори взяли перевес.

Новый парламент, открывшийся в ноябре 1710 года, отвергнул предложение поднести благодарственный адрес Марльборо за последнюю кампанию; из министров С.-Джон был не прочь от союза с «великим человеком», как величали Марльборо, под условием, чтоб герцог отстал от вигов и сдержал ярость своей супруги; но Гарлей не хотел этого союза. В декабре Марльборо приехал в Лондон, был встречен горячими приветствиями от народа, был принят ласково, но холодно королевою. Анна сказала ему: «Желаю, чтобы вы продолжали служить мне, и ручаюсь за поведение всех моих министров относительно вас; я должна просить вас не позволять никаких благодарственных адресов вам в парламенте в нынешнем году, потому что мои министры будут этому противиться». Герцог отвечал: «Рад служить вашему величеству, если недавние происшествия не отнимут у меня возможности к этому». Анна была не против герцога, но против герцогини и требовала, чтобы последняя отказалась от всех своих придворных должностей, а герцогиня желала во что бы то ни стало сохранить их.

В начале 1711 года Марльборо подал королеве письмо от жены, написанное в самом смиренном тоне, но Анна, прочтя письмо, сказала: «Я не могу переменить своего решения». Блен-

геймский победитель стал на коленях умолять королеву умиловаться, но Анна была неумолима. Сам герцог и после этого остался на службе и отправился к войску на твердую землю, но министерство хлопотало о средстве не нуждаться более в службе Марльборо: это средство было заключение мира, и Готье отправился в Париж. Скоро новое обстоятельство должно было еще более охладить Англию к Великому союзу: в апреле 1711 года умер император Иосиф I, не оставив детей мужского пола, так что все его владения переходили к брату его, Карлу, королю Испанскому,—нарушение политического равновесия Европы более сильное, чем занятие испанского престола принцем бурбонского дома. Гарлей, возведенный в герцоги Оксфордские, и С.-Джон продолжали мирные переговоры с Людовиком XIV: они отправили для этого во Францию своего друга Приора, который должен был объявить, что Англия не будет настаивать на отнятии Испании у бурбонского дома, и в сентябре французский уполномоченный Менаже подписал в Лондоне прелиминарные статьи, после чего дело было сообщено голландскому правительству. Штаты были очень недовольны, но должны были согласиться вести и с своей стороны мирные переговоры, для которых был выбран город Утрехт. Еще недовольнее была Австрия; были недовольные и в Англии, вследствие чего началась, по обычаю, жестокая война памфлетами в прозе и стихах.

Вопрос о мире был соединен с другим вопросом—о протестантском наследстве; виги боялись, что мир поведет к сближению с Францией, даст королеве и ее министрам возможность действовать против протестантского ганноверского наследника в пользу Иакова III Стюарта. В декабре 1711 года собрался парламент, и начались жаркие споры. Виги провозгласили, что мир не может быть безопасен и почетен для Великобритании и Европы, если Испания с ее заатлантическими владениями останется за Бурбонскою династиею; то же самое утверждал Марльборо. Но против Марльборо нашлось страшное средство: он был обличен в огромных взятках, полученных с подрядчика в армию, и на этом основании королева уволила его от всех занимаемых им должностей, а чтоб упрочить за собою большинство в верхней палате, Анна воспользовалась правом английских королей и назначила 12 новых лордов. Так начался 1712 год.

Испанский король Карл III, владеющий теперь австрийскими землями и избранный императором под именем Карла VI, отправил в Лондон принца Евгения на помощь вигам, но он приехал слишком поздно и, проживши понапрасну два месяца в Лондоне, возвратился на твердую землю, чтобы приготовиться к будущей кампании, которую должен был совершить один, без Марльборо. Между тем в январе открылись конференции в Утрехте: они велись на языке побежденной Франции, хотя

и было объявлено, что это не должно вести ни к каким последствиям, ибо уполномоченные императора должны говорить только по-латыни; но мертвому языку трудно было бороться с живым в таких животрепещущих вопросах. Во Франции возрождалась надежда, что страшные бедствия приближаются к концу: мир никак уже не мог быть заключен на таких позорных условиях, какие предлагались прежде. Внутри Франции произошла перемена, также успокоивавшая насчет будущего. дофин, отличавшийся совершенно бесцветным характером, умер; наследником престола был провозглашен старший сын его Людовик, герцог Бургундский, воспитанник Фенелона, молодой человек строгой нравственности, религиозный, энергичный и даровитый, жена его, Мария Аделаида Савойская, своею живостию и обворожительным обращением с каждым приводила в восторг французов. Но среди этих восторгов и надежд Мария Аделаида вдруг занемогла оспою и скончалась двадцати шести лет; чрез несколько дней последовал за нею и дофин, заразившийся от жены; тою же болезнию занемогли двое их маленьких сыновей, и старший умер. Эти страшные удары, постигшие королевский французский дом, замедлили мирные переговоры, потому что явилась возможность Филиппу V испанскому занять французский престол, и Англия начала требовать гарантии, чтоб этого никогда не было. Филипп V отрекся навсегда от французской короны. Англия требовала, чтоб отречение Филиппа было скреплено государственными чинами Франции; но Людовик XIV не мог слышать о государственных чинах и отвечал: «Значение, какое иностранцы приписывают чинам, неизвестно во Франции». Он обещал только принять отречение Филиппа, велел его обнародовать и внести в протоколы парламентов.

Между тем в мае открылись военные действия, и французы взяли верх, потому что английские войска отделились от немецких и голландских. С.-Джон, теперь уже носивший титул виконта Болинброка, приехал во Францию для ускорения мирных переговоров. Но не ранее апреля 1713 года был заключен мир между Франциею, с одной стороны, Англиею, Голландиею, Португалиею, Савойею и Пруссиею (отдельно от Германии)—с другой: Франция уступила Англии в Америке земли Гудзонова залива, остров Ньюфаундленд, полуостров Акадию и право торговать неграми в испанских колониях (*assiento*); в Европе она потерпела значительные потери во Фландрии и должна была срыть укрепления Дюнкирхена. Виктору Амедею Франция возвратила Савойю и Ниццу. Австрия продолжала войну и в 1713 году, но успешные действия маршала Виллара, последнего из искусных генералов Людовика XIV (ибо Вандом умер незадолго перед тем), показали ей невозможность одной вести войну даже и с истощенною Франциею. Император уполномочил принца Евгения начать пе-

реговоры с Вилларом в Раштадте. Карл VI отказался от испанского престола в пользу Филиппа V, но Испания все же была поделена. Австрия получила испанские Нидерланды, что считали необходимым для обеспечения Голландии со стороны Франции, получила также испанские владения в Италии, кроме острова Сицилии, который получил Виктор Амедей Савойский, принявший вследствие этого титул короля сицилийского; курфюрсты Баварский и Кельнский получили обратно свои владения.

Так кончилась знаменитая война за Испанское наследство, т. е. война Великого европейского союза против Франции, стремившейся к преобладанию. Могущество Людовика XIV было сломлено, как было сломлено прежде могущество Карла V и Фердинанда II. Но сокрушение могущества обоих названных Габсбургов имело следствием усиление Франции, тогда как после войны за Испанское наследство мы не видим в Западной Европе ни одного государства, которое было бы сильнее всех других и могло бы представлять опасность для ее свободы. Франция была унижена и страшно истощена, Бурбонская династия осталась в Испании, и не было недостатка в людях, которые, расхваливая Людовика XIV как великого короля, указывали, что, как бы то ни было, он умел достигнуть своей цели, посадить и удержать внука на испанском престоле. Но мы видим, что, во-первых, Людовик несколько не был виноват в этом успехе и, во-вторых, Франция ничего от этого не выигрывала. Австрия, по-видимому, получила богатую добычу, но эта добыча, увеличившая национальную пестроту монархии Габсбургов, разумеется, несколько не прибавила ей силы, а блеск побед иностранного полководца, Евгения Савойского, дал только мгновенную славу, ибо по смерти Евгения австрийские войска обратились к старой привычке «битыми быть», по выражению Суворова.

Еще более благодаря Марльборо выдвинулась Англия, но могущество этой державы было одностороннее, по своему островному положению она не могла и не хотела принимать деятельного участия в делах континента, не могла в отношении к нему играть роль Франции. При заключении Утрехтского мира был подан первый пример раздела государства во имя политического равновесия Европы: проект Вильгельма III был приведен в исполнение — Испания поделена. Что же касается до неожиданного окончания войны, то мы уже видели, что его нельзя приписывать ни разрыву королевы Анны с Марльборо, ни интригам Оксфорда и Болинброка. Война кончилась, потому что не было более причин вести ее. Франция не представляла более опасности, а вести войну для того, чтоб Испанию силою привести не только под власть одной династии, но и одного государя с Австриею, не имело смысла.

Несмотря на эту естественность и необходимость мира, он стал благодаря борьбе партий предметом злых нареканий

в Англии. Это нареkanie шло от вигов, потому что мир был заключен ториями. Раздражение по вопросу о прекращении или продолжении войны за Испанское наследство усиливалось тем, что в связи с этим вопросом, как уже было сказано, находился другой важнейший вопрос об Английском наследстве,— вопрос о том, кто будет преемником Анны, близкая смерть которой была несомненна. Мы видели, что было утверждено протестантское наследство, т е в случае смерти бездетной Анны престол переходил к курфюрсту Ганноверскому, потомку Елизаветы Пфальцской, дочери Иакова I Стюарта; но, несмотря на это постановление, и кроме католиков было много людей, которые были против такого престолонаследия. Постановление о Ганноверском наследстве было делом, следствием революции, а мы знаем, как враждебно англичане относились к революции, как боялись нарушением установленного порядка — законного преемства — подвергнуть страну новым смутам и переменам.

Удаление Стюартов являлось только необходимою для охранения национальной Церкви, для избежания папского ига. Но неужели при вступлении на престол сына Иакова II нельзя получить достаточных гарантий в пользу национальной Церкви? А если можно, то для чего нарушать законное преемство, подвергать страну смутам, служить революции? Сюда присоединялся страх снова получить короля-иностранца, чужого человека для Англии, немецкого владельца, который будет непременно втягивать Англию в континентальные дела. Характер Вильгельма III и его холодные отношения к Англии и англичанам, его постоянное обращение внимания на голландские интересы, разумеется, не могли помирить англичан с мыслию о подобном же чужом короле. Другие стояли твердо за протестантское наследство: они не хотели слышать о Стюартах не потому только, что Стюарты как католики грозили национальной Церкви, но и потому, что Стюарты постоянно грозили английской конституции; король-иностранец был им менее опасен именно потому, что не мог сблизиться с англичанами, приобретать расположение многих; народное удаление и холодность к иностранцу для ревнителей свободы служили лучшими гарантиями против усиления королевской власти. Так устанавливались взгляды на будущее Англии в двух противоположных лагерях.

Но было много людей, которые находились в середине, которые или не были способны к решению подобных вопросов и оставались равнодушны к ним, будучи готовы пристать к той стороне, на которой будет успех, или не могли успокоиться на том или другом решении. К числу таких людей могли принадлежать в Англии описываемого времени люди самые видные, даровитые. Чтоб быть решительным приверженцем Ганноверского наследства или Стюартов, нужно было человеку иметь сильное чувство,

сильную привязанность к одному и сильную вражду к другому. Только такое чувство могло заставить решительного вигу отрицать в Стюартах всякую способность к уступке национальным требованиям, видеть в сыне Иакова II непримиримого врага парламентской формы и англиканской Церкви; такое же сильное чувство привязанности и вражды могло заставить человека из противоположного лагеря решительно действовать против ганноверского курфюрста в пользу Иакова III. Но люди, которые спокойно относились к делу, не могли решить для себя вопрос о том, при ком будет лучше Англии, при короле из Стюартов или из ганноверского дома, и решали его по личным отношениям, рассчитывали, при ком будет лучше для них самих; некоторые же, видя, что при положении партий и массы народонаселения нет возможности решить, на чьей стороне будет успех, старались для соблюдения своих интересов войти в соглашение с обеими сторонами, заискивали и в Ганновере, и у претендента Иакова III. Они могли думать, что обязаны служить Англии, не обращая большого внимания на лиц, которые будут в ней царствовать, ибо права этих лиц не уяснены.

Это неуяснение прав производило смуту, колебание, шатание, перелетство, какое было у нас в России в смутное время, когда не знали, кто был прав: царь ли Василий Шуйский, неизвестно каким образом вступивший на престол, или тот, кто называл себя царем Димитрием, и потому некоторые считали себя вправе перелетать из Москвы в Тушино и обратно, смотря по тому, где лучше. К английским перелетам описываемого времени принадлежал и знаменитый Марльборо, постоянно тяготившийся вопросом о престолонаследии и борьбою партий, мешавшею ему действовать. В 1713 году он писал курфюрсту Ганноверскому о своей готовности жертвовать имением и жизнью на службе ему и в том же году уверял агента Иакова III, что скорее отрубит себе руки, чем сделает что-нибудь против королевского дела.

Виги вопили против Утрехтского мира, потому что он сблизил Англию с Францией, поправлял дела Людовика XIV, представителя неограниченной монархии, покровителя Стюартов, которые с его помощью хотели уничтожить парламентскую форму и ввести католицизм в Англии. Виги вопили против главы министерства, лорда-казначея Оксфорда и министра иностранных дел Болинброка как виновников постыдного мира. Мир не был постыден; Оксфорд и Болинброк не были изменниками, не продали ни чести, ни выгод Англии; но против них легко было кричать, легко обвинять во всем, потому что оба не пользовались чистою репутациею, никто не мог назвать их честными, крепкими в своих убеждениях людьми. За Оксфордом нельзя было признать и отличных способностей, это был человек, тратившийся на мелкие средства, мелкие интриги, совершенно отдавшийся злобе

дня, хотевший плыть по ветру, ждатель, чем разрешится смута, имевший в виду одно: чтобы при каком бы то ни было решении не потерять своих выгод, поэтому не способный ни к какому решительному действию, когда, по его мнению, было еще рано действовать, отделявшийся от нетерпеливых людей словами: «Не беспокойтесь, все пойдет хорошо», заслуживший даже от друзей своих название величайшего кормителя завтраками в мире.

У Болинброка никто не мог отнять блестящих способностей, но никто не мог назвать его человеком нравственным. Этот ревностный теперь тори отличался вольнодумством, отвергая в жизни нравственные начала, как в сочинениях своих старался подкопаться под основу нравственности — христианство. Он хотел быть Алкивиадом нового времени, человеком удовольствий и человеком труда в одно и то же время: проводил одну ночь в самом сильном разгуле, а следующую проводил за изготовлением дипломатической бумаги, от которой зависела судьба Европы; то говорил громоносную речь в парламенте, то нашептывал нежность какой-нибудь красавице. Но среди такого ревностного служения двум господам он терял всякое достоинство, всякую правду, всякое соответствие между словом и делом своим. Виги имели право предполагать, что Оксфорд и Болинброк ведут интригу в пользу Стюартов, и Утрехтский мир служит им для этого мостом. Действительно, еще в 1710 году Оксфорд сносился с маршалом Бервиком, побочным братом претендента, насчет восстановления Стюартов с гарантиями для Английской Церкви и свободы. Но это было только на всякий случай: Оксфорд не имел ничего и против ганноверского курфюрста в случае успеха, только в успехе он не был уверен и потому дожидался, не желая содействовать успеху той или другой стороны, из страха рисковать.

Болинброк, отличаясь другим характером, неугомонною деятельностью, хотел быть во главе движения в пользу одной из сторон и выбрал Стюартов; при этом он вовсе не руководился обычным побуждением, заставлявшим других англичан действовать в пользу Иакова III: преданностию к законной династии, уважением к божественному праву; он вовсе не имел этих побуждений, но зато вовсе не имел и тех побуждений, которые заставляли других требовать ганноверского курфюрста, не имел горячей преданности политическим правам английского народа и протестантскому исповеданию. Болинброк руководился своими определившимися уже отношениями к партиям, своею привязанностию к Франции, расчетом, что партия Стюартов сильнее ганноверской. В 1713 году один из самых ревностных приверженцев последней говорил ганноверскому посланнику: «Большая часть провинциального дворянства скорее против нас, чем за нас,

и если дела пойдут все так же, как теперь, то курфюрст не получит английской короны, разве явится с войском». На площадях народ с громкими криками одобрения жег вместе фигуры дьявола, папы и претендента (Иакова III), и между тем большинство народных представителей в палате общин вовсе не было за ганноверскую династию, которая считала более приверженцев в палате лордов. Это последнее обстоятельство также объясняет поведение Болинброка, который в самом начале стал на стороне тори, желая быть здесь на первом плане, тогда как между вигами он должен был со многими считаться. Если бы Иаков III был способен последовать примеру Генриха IV французского — переменить веру, — то успех его был бы несомненен.

В начале 1714 года Оксфорд дал знать претенденту, что если он хочет обеспечить себе английский трон, то должен скрыть, что исповедует католицизм, или торжественно приступить к англиканской Церкви; но пока он будет оставаться католиком, королева ничего не может для него сделать. Болинброк выразился в том же смысле; он говорил, что если курфюрст Ганноверский вступит когда-нибудь на английский престол, то виноват в этом будет претендент, отказавшись от поступка, совершенно необходимого для привлечения сердец народа и отстранения всех опасных. Даже вожди католической партии в Англии советовали претенденту то же самое. Но Иаков, как писал в манифесте своим приверженцам, не хотел ни притворяться, ни переменять веры.

Это решение должно было иметь влияние на разрыв между главами английского министерства. Не надеясь на верный успех дела Иакова, когда последний оставался католиком, Оксфорд продолжал находиться в выжидательном положении, а Болинброк хотел действовать и, видя, что от лорда-казначей нельзя ничего добиться в пользу своего дела, решился вытеснить его из министерства. Он сделал это посредством придворной интриги, которую вела та же леди Мешем; претендент дал знать королеве о своем желании, чтоб лорд-казначей был удален, и в конце июля 1714 года Оксфорд вышел из министерства. Вся власть перешла теперь в руки Болинброка, который поспешил заняться составлением министерства из решительных якобитов, т. е. приверженцев претендента Иакова III. Но эти приготовления к торжеству Стюартов были вдруг остановлены тяжкою болезнью и смертью королевы Анны, последовавшею 1 августа 1714 года. Болинброк был поражен этою нечаянностью, а с ним и все сочувствующие Иакову III; их было много, но у них был один вождь, Болинброк, который должен был действовать за всех; в этом состояла слабость партии, тогда как вожди вигов, хотя и не могли соперничать в блеске талантов с Болинбромом, но их было несколько, и при умении действовать дружно в опасное время их успех был обеспечен.

Болинброк не считал возможным провозгласить Иакова III в минуту смерти Анны, а виги провозгласили Георга I Ганноверского, и это провозглашение было с восторгом принято народом, быть может, потому только, что было единственное. Новый король назначил людей, которые должны были управлять Англией до его приезда, и между этими именами не было герцога Марльборо. Георг I был хороший человек, но не имел никаких сколько-нибудь выдающихся способностей; у него не было никакой представительности; дикий, угловатый, некрасивый, он произвел неприятное впечатление на толпу; люди образованные отталкивались его необразованностью, совершенным равнодушием к науке и искусству; люди государственные жаловались на его упрямство и узкость взгляда; на английском престоле он остался небольшим немецким владельцем — и не мудрено: ему уже было 54 года, когда он сделался английским королем; он уже окреп в немецких привычках и не знал ни слова по-английски. Эти обстоятельства еще более усиливали его неловкость и нерасположение к нему англичан. Как обыкновенно бывает с людьми вроде Георга I, он боялся умных и знающих людей, окружал себя людьми мелких способностей, среди которых ему было свободно, которые не стесняли его своим превосходством.

Георг, естественно, составил свой кабинет из вигов, и первым министром считался лорд Тауншенд, человек честный, но незначительных способностей. С Марльборо обходились очень почтительно, он носил титул генерал-капитана, т. е. главного начальника всей британской армии, но не имел никакого значения в управлении; даже места в войске он должен был выпрашивать через других, причем прибавлял: «Не говорите, что это для меня, ибо когда я прошу, то наверно мне откажут». И генерал-капитан британской армии продолжает сноситься с претендентом, посылает ему деньги. Кавалер святого Георгия, как обыкновенно называли претендента, узнав о смерти сестры, поспешил было приехать из Лотарингии в Версаль, но здесь получил вежливое внушение оставить французские пределы. Скоро, впрочем, из Англии начали приходиться благоприятные для него вести. Торжествующие виги не хотели оставить в покое своих противников, требовали суда и наказания дурным советникам покойной королевы. Болинброк убежал из Англии к претенденту и стал его министром. Оксфорд был заключен в крепость. Это преследование заставило тори защищаться; в разных местах вспыхнули восстания.

Из Шотландии претендент получил горячие приглашения приехать; английские друзья писали ему, что у них из десяти человек девять против короля Георга, но для начатия дела в пользу короля Иакова требовали, чтоб Франция прислала им три или четыре тысячи войска, денег, оружия. Министры Людовика XIV

отвечали, что не могут нарушить мира с Англиею отправлением войска против существующего в ней правительства, но дадут тайную помощь деньгами, оружием; Людовик, не имея сам денег, заставил мадридский двор дать претенденту 1 200 000 франков, снарядил корабль, собрал офицеров, приготовил оружия на 10 000 человек. Такая помощь не могла остаться тайною, и дело шло к открытой войне между Англиею и Франциею. Понятно, что Людовику хотелось блестящим делом восстановления Стюартов, которые, разумеется, должны были чем-нибудь вознаградить его за помощь, смуть бесчестие последней войны; но эта новая война была ли по силам Франции?

В 1715 году во Франции не было уже более ни общественного, ни частного кредита: имея нужду в 8 миллионах, правительство должно было выдать за них 32 миллиона билетами; ростовщики царствовали, в народе и войске вспыхивали мятежи из-за хлеба; фабрики или были заперты, или едва шли; города были наполнены нищими, деревни опустели, поля остались необработанными по недостатку земледельческих орудий, удобрения, скота; дома развалились. К этим общим материальным бедствиям для протестантов присоединились еще гонения. Во время войны им дали некоторый отдых; с заключением мира преследования возобновились: на третий день опасной болезни медик должен был отказываться лечить, если ему не представляли свидетельств духовника, что больной исполнил христианские обязанности по уставу католической Церкви. В марте 1715 года король объявил, что так как нет более протестантов во Франции, то человек, умерший без таинств церковных, этим самым доказал, что он впал снова в ересь и потому не может быть удостоен христианского погребения, точно так же как человек, не обвенчавшийся в церкви, вовсе не вступал в брак, и потому дети его незаконны. Янсенистов также не оставили в покое: знаменитый Порт-Рояль был разрушен, покойников вырыли из могил и снесли на деревенское кладбище. Людовик XIV требовал у папы осуждения книги Кенеля, вождя янсенистов после Арно; книга носила заглавие: «Нравственные размышления о Новом Завете».

Папа осудил книгу в знаменитой булле: Unigenitus¹³; осутил, т. е. иезуиты осудили сто одно положение, извлеченное из книги Кенеля; между прочим, осуждено было, например, такое положение: «Нет Бога, нет религии там, где нет любви». Или: «Чтение Св. Писания доступно для всех; христиане должны освящать воскресный день чтением Св. Писания; опасно лишать их этого». Или: «Страх пред несправедливым отлучением от Церкви не должен мешать нам исполнять свои обязанности». Пятнадцать французских епископов протестовали против буллы, за них стояли

¹³ Папские буллы обыкновенно называются по начальному своему слову

главные монашеские ордена, ученые Сорбонны, парижское духовенство, и в этой оппозиции обнаружился дух национальной, Галликанской Церкви. На этот раз одряхлевший король, находившийся под влиянием духовника, иезуита Летелье, сгнал за папу, и только смерть помешала ему употребить насильственные меры даже против архиепископа парижского, кардинала Ноаля.

Людовик пережил свою славу, потому что пережил людей, составивших славу его царствования. 25 августа он почувствовал себя дурно; торжественно простился с приближенными, спокойно распорядился тем, что надобно было сделать после его смерти, причем несколько раз вырывались у него слова: «В то время, как я был королем...» Что он не был более королем — это доказывало удаление от него людей самых близких, в том числе и Ментенон. 1 сентября умер Людовик XIV, семидесяти семи лет, после семидесятидвухлетнего царствования и пятидесятичетырехлетнего самостоятельного управления.

Почти в одно время умерли после продолжительного царствования блестящий Людовик XIV во Франции и после кратковременного царствования незначительная Анна в Англии. Мы видели борьбу Франции и Англии в эти царствования; теперь взглянем на другого рода отношения между ними, проистекшие из развития их внутренней жизни, и рассмотрим, какое влияние эти отношения имели на общую историческую жизнь Европы. Это мы должны сделать прежде, чем обратимся к Восточной Европе, к России, ибо мы должны узнать, в какой именно жизни эта держава приняла участие, каким влияниям подвергалась.

IV УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XVIIII ВЕКА

I В Англии

Мы видели, в каком тяжелом состоянии находилось английское общество пред вступлением на престол Ганноверской династии. Одни из страха за национальную Церковь и за свободу Англии, другие из страха только за Церковь, третьи из страха только за свободу решились скрепя сердце призвать на престол иностранца. Понятно, что при этом они постарались принять все меры, обеспечивавшие насчет невыгод этого явления. Было постановлено, чтобы будущий король непременно принадлежал к англиканской Церкви; что английский народ без согласия парламента не может быть вовлечен в войну для защиты владения, не принадлежащего английской короне; никто, родившийся не в трех соединенных королевствах или во владениях, к ним принадлежащих, не может быть членом Тайного совета при короле,

или членом той или другой палаты парламента, или занимать какое-нибудь важное место, военное или гражданское, не может получить от короны земель во владение или пользование. Было постановлено также, что человек, занимающий какое-нибудь коронное место или получающий пенсию от короны, не может быть членом палаты общин; но это постановление скоро было отменено.

Важные гарантии для англичан с восшествием Ганноверской династии заключались в двух обстоятельствах: во-первых, в этом самом иноземстве Георга I и даже преемника его Георга II,—иноземстве, которое связывало короля, делая его чужим, одиноким в народе, не давая ему возможности приобрести популярность; второе обстоятельство заключалось в личности королей новой династии: по своей невидности во всех отношениях эти короли не могли препятствовать развитию английской конституции. Мы знаем, что шотландское происхождение Стюартов имело сильное влияние на их отношения к английским подданным, но шотландцы Стюарта не считались иностранцами и могли казаться своими. В описываемое время, когда Стюарты лишились навсегда английской короны за верность их своему шотландскому характеру, своему шотландскому прошедшему, был нанесен решительный удар политическому и национальному различию между англичанами и шотландцами слиянием обоих королевств, последовавшим в царствие Анны: парламенты обеих стран слились, т. е. шотландский парламент потонул в английском.

Во время заключения Утрехтского мира народонаселение Англии не могло быть больше пяти миллионов, в Шотландии не могло быть больше одного миллиона, в Ирландии двух. Национальный долг при восшествии на престол Анны простирался до 16 000 000 фунтов стерлингов; в 1714 году он взрос до 52 миллионов; война за Испанское наследство стоила Англии 69 миллионов. Эти расходы, увеличение национального долга, разумеется, давали возможность тори всего сильнее и доказательнее вооружиться против войны. «Высокие союзники разорили нас»,— писали они. Виги, разумеется, должны были утверждать противное. Так, в 1716 году Стенгоп, министр Георга I, говорил аббату Дюбуа: «Как ни велик наш национальный долг, он, без сомнения, будет все более и более увеличиваться, и поверьте мне, он не причинит и впоследствии большого затруднения для правительства и большого неудобства для народа, как не причиняет теперь».

Борьба партий по поводу самых важных вопросов должна была вызвать политическую литературу. Лучшие литературные таланты участвуют в борьбе, поддерживая ту или другую из господствующих партий. Вследствие сильного политического

движения, вследствие участия народа в правлении страной чрез выборы своих представителей в парламент оказывалось необходимым действовать на избирателей и избранных посредством убеждения. Поэтому в Англии ранее, чем где-либо, государственные люди поняли, что авторский талант есть могущество, и поспешили сблизиться с обладателями этого таланта и пользоваться ими для проведения своих начал. Изложение речей, произносимых в парламенте, было почти неизвестно в описываемое время: ежедневные газеты не сообщали их; таким образом, парламентские речи Болинброка, о которых современники не могли говорить без восторга, не дошли до потомства. Лица, не принадлежавшие к членам парламента, гораздо чаще исключались из заседания, чем теперь; вопросы внешней политики всего чаще обсуждались при закрытых дверях. В 1714 году палата общин распорядилась, чтобы в известное заседание в ней не присутствовал никто, кроме депутатов, даже не исключая и пэров. Раздосадованные пэры хотели было распорядиться у себя таким же образом, чтобы не было никого чужих, не исключая и депутатов; но один из лордов остановил решение, сказавши: «Честь нашего знаменитого собрания требует показать, что мы лучше воспитаны и больше учтивы, чем депутаты». Известия о подаче голосов также не публиковались. Однажды палата общин объявила, что обнародование имен членов меньшинства есть нарушение привилегии и губительно для свободы и прав парламента.

Такое отношение парламента к публике и публичности тем более требовало особой политической литературы для обсуждения важных вопросов, волновавших общество, и вожди партий не только покровительствовали литературным талантам, бравшим на себя это обсуждение, не только щедро награждали их, но и сблизжались с ними дружески, поднимали их значение в обществе. На стороне тори самым видным политическим писателем был Свифт, на стороне вигов — Аддисон; кроме периодических изданий, партии вели ожесточенную борьбу отдельными памфлетами. Так как большинство землевладельцев принадлежало к тори, а денежная аристократия к вигам, то у политического писателя первой партии, Свифта, неудивительно найти следующие слова: «Я всегда гнушался стремлением противопоставлять денежный интерес земельному, ибо я всегда считал вернейшим правилом нашего правительства то, что землевладельцы могут всего лучше обсудить, что выгодно и невыгодно для государства». Свифт считается величайшим сатириком в своей стране; но в нравственном отношении он представлял такое же печальное явление, как и Болинброк. С блестящим талантом литературным он соединял все те пороки, которые, к сожалению, обыкновенно любят приписывать во все времена издателям газет и журналов: он был дерзок, мстителен, бессовестен, редко сдерживался дели-

катностью или состраданием: он имел обширное познание в дурных наклонностях человеческой природы, потому что сам обладал ими. Неудивительно, что при таких качествах и в такое время Свифт был перелет. Воспитанный как виг, покровительствуемый вигами, печатно хвалившийся своим вигизмом, Свифт вдруг без малейшего нравственного предлога перешел к противоположной партии, когда последняя взяла верх. После этого, как обыкновенно бывает с подобными людьми в подобных положениях, он жестоко напал в своих памфлетах на старых друзей: человек, который прежде величался как новый Аристид, назывался теперь обманщиком и негодяем. Новые друзья-покровители — Оксфорд и Болинброк — наградили ренегата доходным церковным местом. Но в Аддисоне английская литература описываемого времени выставяла человека с другим, более почтенным характером.

Легко понять, что вначале новая сила, печатное обличительное слово должно было производить очень неприятное впечатление на лиц, которых оно затрагивало, тем более что это были лица сильные, не привыкшие к тому, чтобы с ними так бесцеремонно обращались публично, и тем более что вначале не привыкшее к этому явлению общество не могло спокойно относиться к нему, давало печатному слову слишком большое значение, не умело еще критически обращаться с ним. Вследствие этого авторы не подписывали своих имен под обличительными статьями и памфлетами, ибо если сочинение было направлено против господствующей партии, то последняя или чрез королевскую власть, или чрез ту или другую палату парламента поднимала преследование против автора, и если автор нельзя было отыскать, то подвергали штрафу и тюремному заключению типографщика. Эти преследования заставляли людей, сочувствующих литературному движению, говорить: «Несчастливая судьба писателей: если они приятны, то оскорбляют, если тупы, то умирают с голоду». Марльборо не мог выносить печатных выходок против себя, признавался в своих письмах, что эти выходки поражают его в сердце; однажды он требовал у Болинброка, чтобы тот запретил одному журналу говорить о нем дурно. Болинброк отвечал: «Можете быть уверены, что я готов служить вам постояннно и буду рад видеть вас (что в вашей власти) предметом общей похвалы... Я позаботился сделать внушение журналу».

Женщины также приняли участие в сочинении памфлетов, и нельзя сказать, чтобы отличались большою сдержанностию и чистотою. Так, из-под женского пера вышел памфлет «Новая Аталантида»: здесь народное дело на втором плане; на первом — знатные барыни, и прежде всего герцогиня Марльборо, их любовные приключения в подробностях, и, что всего хуже, приключения выдуманнные. Автора (госпожу Менлей) посадили

в тюрьму. Знаменитый писатель Болинброк, будучи министром, неутомимо преследовал публицистов и их сочинения: в один день он захватил двенадцать книгопродавцев и издателей памфлетов, направленных против администрации. В начале 1712 года от имени королевы он жаловался в палате общин на «великое своеволие в издании лживых и скандалезных памфлетов, и что существующие законы бессильны обуздать такое зло». Палата, находившаяся в это время совершенно под влиянием Болинброка и товарищей его, отвечала жалобами, что издаются не одни лживые и скандалезные памфлеты против правительства ее величества, но печатаются страшные хулы против Бога и религии; палата просила уверить королеву, что употребит все усилия найти лекарство, равносильное болезни. Лекарство было найдено и состояло в том, что газеты и памфлеты были обложены огромною пошлиною; лекарство было сильно, но все же не достигало цели, потому что в нужном случае оппозиция не жалела расходов на издание.

Кроме статей в периодических изданиях и памфлетов, оппозиция пользовалась и художественными произведениями для возбуждения в публике чувств, неблагоприятных господствующей партии; так, виги в 1712 году воспользовались трагедиею Аддисона «*Катон*»: знаменитый охранитель древнеримской свободы являлся проповедником вигских начал, тогда как цезарь и его приверженцы напоминали тори, стремившихся к деспотизму.

Путешествие на континент не было еще в это время в Англии таким обычным явлением, как теперь: нельзя было выехать за море без королевского позволения; пошлина с заграничного папорта была в шесть фунтов стерлингов — сумма по тому времени очень значительная. Несмотря на то, французское влияние давало себя чувствовать и при дворе, и в литературе. При дворе оно началось с Реставрации, с приезда Карла II и продолжалось постоянно, и хотя при дворе немногие могли говорить сносно по-французски, но английскую свою речь, устную и письменную, наполняли галлицизмами: можно подумать, что письма Марльборо писал француз. На лучших писателях Англии заметно также сильное французское влияние. Мы упомянули об Аддисоновом «*Катоне*»: если сравним это произведение с произведениями, почти тождественными по содержанию, с «Юлием Цезарем» Шекспира и «Цинною» Корнеля, то увидим, что Аддисон не имеет ничего общего с своим великим соотечественником и приближается к французскому образцу. Но английские писатели, подчиняясь французскому влиянию со внешней стороны, со стороны формы, имели могущественное влияние на французских писателей со стороны внутренней, относительно идей.

Такое явление легко объясняется из различия направлений в развитии французского и английского общества во вторую

половину XVII века,—различия, естественно определившего и последующее, вытекшее из него литературное движение XVIII века. Во Франции бессмысленный исход движения Фронды, необходимое вследствие того усиление монархической власти, блестящее царствование великого короля, первенствующая роль Франции — все заставляло литературные таланты сосредоточиваться около великолепного двора, служить господствующему началу; многообразия политических вопросов не было, борьбы партий и оппозиции правительству не существовало, и потому литературные произведения должны были ограничиться чисто художественною сферою, писатели должны были иметь в виду преимущественно внешнее — форму. Цель была достигнута: французский язык усовершенствовался, получил определенность, точность, легкость, гибкость — качества, которые вместе с другими благоприятными условиями дали ему значение общего европейского языка, дали возможность произведениям французской литературы оказывать сильное влияние на литературы других народов, не исключая, как мы видели, и английской. Но английская литература давно уже получила другое направление: давно уже она служила для народа выражением его политических и церковных интересов, тесно, впрочем, друг с другом связанных, служила выражением борьбы партий, борьбы основных начал их.

Раннее обращение английской мысли на практические интересы, на политические вопросы, тесно связанные с материальными выгодами — платить или не платить, платить по первому востребованию власти или платить с правом получать отчет в употреблении платимого, раннее сознание, что наука есть могущество в жизни, — дали английской философии практический характер, заставили мыслителей обратить преимущественное внимание на способы приобретения точных и верных познаний видимого, приложимого. Мы видим уже это направление у Бекона.

В конце XVII века, когда Ньютон подмечал закон тяготения, Локк работал над своим знаменитым «Опытом исследования человеческой познавательной способности», посредством наблюдения, опыта старался определить отношения видимого мира к тем средствам, посредством которых человек овладевает этим видимым миром. Локк по своему направлению имел право сказать: «Я чувствую, следовательно, существую», в противоположность словам Декарта: «Я мыслю, следовательно, существую». Согласно такому направлению Локк отнесся и к христианству: он берет доказательство в пользу христианства как божественного откровения из сущности и действия учения и отвергает доказательство посредством чудес и сверхъестественного действия, отделяет учение от евангельской и апостольской истории, подчиняя последнюю исторической критике. Философ-либерал, отвергая сверхъестественное, вел прямо к материализму, ибо

заставлял рабствовать духовный мир миру видимому, подмеченным в последнем законе; уничтожал свободу Бога и свободу человека, свободу отношений между Богом и человеком: отсутствие веры в могущество веры, в силу молитвы ведет необходимо к уничтожению той и другой, ибо призывание Бога в помощь, требование Его действия, Его вмешательства в дела физической природы и в нравственный мир человека есть требование сверхъестественного.

Относительно различия вер Локк требует неограниченной свободы, требует, чтобы еврей, язычник и магометанин были совершенно сравнены с христианином в гражданских правах. Но кто дал философу право предполагать, что еврей, язычник и магометанин отличаются философским равнодушием к своей вере, что их религиозные взгляды не будут иметь никакого влияния на их гражданские отношения к единоверцам и разноверцам? Если философ предполагал начало христианской любви, требующей снисхождения, терпимости к заблуждающемуся брату, то он, разумеется, мог предполагать это только относительно христиан различных исповеданий, а не требовал христианских взглядов от язычника и магометанина. Начало терпимости должно быть выставлено необходимо в христианском обществе, но применение этого начала должно быть предоставлено государственной мудрости, ибо нельзя во всякое время проводить его безусловно; нельзя терпеть того, что вредно; нельзя порицать соотечественников Локка за то, что они не хотели слышать об уравнении прав католиков до тех пор, пока имели основание считать католические стремления вредными для установления и развития своего государственного устройства. Относительно политических учений Локк развивал взгляд вигов, высказанный уже, как мы видели, у Мильтона; он утверждает в книге своей «О гражданском управлении» первоначальную свободу человека и происхождение первой общественной связи между людьми, следовательно, всякого правительства — из договора. В лагере противоположном утверждали, что каждое правительство ведет начало от родительской власти, что, следовательно, абсолютная монархия божественного происхождения и человек не рождается свободным.

Далее своего учителя пошел ученик Локка лорд Шефтсбюри, у которого уже встречаем выходки против христианства и всякой положительной религии; предоставленный самому себе, чуждый предрассудков и систем, направленный единственно к полезному или приятному, разум есть единственный непогрешительный путеводитель жизни: но где найти такой разум — об этом Шефтсбюри не говорит. На этом покатоми пути не умели останавливаться, один забегал далее другого: Толанд называет суеверием веру в личное божество, отдельно от сотворенного существующее, веру в бессмертие души. К этому же разряду принадлежит

целая толпа писателей — Коллинс, Тиндаль, Волластон, Морган и другие; к этому же разряду писателей по своим религиозным взглядам принадлежал уже известный нам по своей политической деятельности С.-Джон, лорд Болинброк, но он важнее для нас как исторический и политический писатель.

Мы видели, как сильное политическое движение в Англии, пошедшее к двум революциям, как тяжелая борьба для сохранения и развития старой конституции должны были отразиться в литературе, породить политическую литературу; но политические писатели не долго могли обходиться без истории: они, естественно, обратились к ней за объяснением и поучением. Первый, взглянувший таким образом на историю, был Болинброк. В преклонных летах, испытав страшные превратности судьбы, Болинброк изложил в форме письма свои мысли *«Об изучении истории»*. Любовь к истории кажется ему необходимым свойством человеческой природы, неразлучным в человеке с любовью к самому себе. Мы воображаем, что явления, нас занимающие, должны занимать и потомство. Мы стремимся сохранить по мере возможности память о случившемся с нами, о случившемся в то же время и во время предшествовавшее; для этой цели складываются грубые груды камней, складываются грубые песни народами, не имеющими искусства и письменности. Страсть к этому растет у народов образованных по мере приобретения средств к ее удовлетворению. С другой стороны, с самых ранних пор действует любопытство: ребенок слушает с наслаждением сказки своей няни; он выучился читать и пожирает легенды и повести; в летах более зрелых он бросается на историю или на то, что считают историею; даже в старости желание знать, что случилось с другими людьми, уступает в человеке только желанию рассказать, что случилось с ним самим.

Природа дала нам любопытство для возбуждения деятельности нашего ума, но удовлетворение любопытства вовсе не есть единственная цель умственной деятельности. Настоящая собственная цель этой деятельности есть постоянное усиление добродетели в частной и общественной жизни. История есть философия, научающая посредством примеров. Таково несовершенство и слабосилие человеческого разума, что отвлеченные и общие положения, хотя и вполне верные, часто являются нам темными и сомнительными, пока не будут уяснены примерами. Школа примеров есть мера, учителя в этой школе — история и опыт. Гений предпочтительнее обоих, но желательнее соединение всех трех вместе: ибо, как бы велик гений ни был и сколько бы нового света и силы ни приобрел он в быстром прохождении своего поприща, верно то, что он никогда не явится в полном сиянии, никогда не окажет вполне влияния, какое способен оказать, пока он к собственному опыту не придаст опыта других

людей и других веков. Гений без опытности подобен комете, метеору, неправильному в движении, опасному в приближении. Кто имеет опытность без знания истории, гот недоучен в науке о человеке; и если знает историю без опытности, то хуже, чем невежда, ибо тогда он педант; человек же, соединяющий гений с опытностию и знанием истории, есть честь своей страны и благословение Божие для нее.

Болинброк признал влияние изучения истории на расширение умственного горизонта, вследствие чего человек, введенный в общество многих народов, получивший возможность сравнивать их деятельность, быт и характеры, освобождается от предрассудков, необходимых при обращении в тесном кругу одного своего народа. В резких словах Болинброк вооружается против смешного тщеславия, по которому известный народ предпочитает себя всем другим, делает свои собственные нравы, обычаи и мнения мерилом истины и лжи, справедливости и неправды; но, с другой стороны, изучение истории усиливает патриотизм, который не есть что-либо инстинктивное, но есть следствие убеждений разума: примеры, находимые в истории, живо представленные и сопровождаемые верным приговором историка, действуют гораздо сильнее, чем декламация оратора, или стихотворения, или сухое философское поучение.

Болинброк так описывает расширение умственного горизонта, производимое изучением истории: «Мы живем с людьми, которые жили прежде нас; мы обитаем в странах, которых никогда не видали. Место расширено, время продолжено; человек, который рано занялся изучением истории, приобретает в небольшое число лет не только большее познание человечества, но и опыт большого числа веков, чем сколько видел кто-либо из патриархов, и все это прежде, чем вступить в свет». Но чтоб история приносила пользу в указанном им смысле, т.е. как философия, научающая посредством примеров, Болинброк требует, чтоб она изучалась философски, чтобы мы восходили от частных к общему, чтобы мы приготавливали себя к общественной жизни и к общественным обязанностям, приучали свой ум размышлять над характером исторических лиц и над ходом событий; если изучение истории вместо того, чтобы сделать нас более разумными и полезными гражданами и лучшими людьми, делает из нас только антиквариев и школяров-педангов, в этом история не виновата.

Кроме приложения в практической жизни Болинброк настаивает на образовательное или приготовительное значение истории. Изучение геометрии рекомендуется и тем людям, которые не хотят быть геометрами: они могут забыть все проблемы и решения их, но у них останется привычка неуклонно следить за длинным рядом идей; они привыкнут проникать чрез софизмы

и открывать сокрытую истину там, где люди, не имеющие этой привычки, никогда ничего не откроют. Точно таким же образом изучение истории приготавливает нас к действию и наблюдению. Наблюдая чрезвычайное разнообразие отдельных характеров и событий, исследуя удивительную связь причин, различных, отдаленных и, по-видимому, противоположных, которые часто соединяются в произведении одного следствия; наблюдая также изумительную плодущность единственной и однообразной причины в произведении множества следствий, различных, отдаленных и, по-видимому, противоположных; заботливо подмечая едва заметное обстоятельство или в характере деятелей, или в ходе действий, от которого, однако, зависит успех дела, человек изощряет свою проницательность, приобретает внимательность, дает твердость своему суждению, приобретает способность яснее различать и дальше видеть.

Имея в виду практическую пользу от истории, Болинброк естественно предпочитает изучение новой истории изучению древней. Он советует спешить от отрывочных преданий древности к более цельным и достоверным историям новейшего времени: в последних мы находим полный ряд событий с их непосредственными и отдаленными причинами, рассказанных вполне со всеми подробностями обстоятельств и характеров, что дает возможность внимательному читателю перенестись назад в описываемое время, сделаться участником в советах и действии. Таким образом, история становится тем, чем должна быть — наставницею жизни (*magistra vitae*); в противном случае она только вестница древности (*nuntia vetustatis*), старинная газета или сухой перечень бесполезных анекдотов. Целые томы достоверных известий египетских, халдейских, греческих, латинских, галльских, британских, франкских, саксонских для Болинброка не имеют никакой цены, потому что не служат к нашему улучшению относительно мудрости и добродетели, если они содержат только династии и генеалогии, сухой перечень замечательных событий в хронологическом порядке, подобный журналам, хронологическим таблицам или сухим летописям. Эта выходка Болинброка направлена против исторических сочинений его времени, авторы которых были или сокращателями, или компиляторами.

Современными историческими сочинениями Болинброк не мог быть доволен; для практических целей, для назидания он требовал живого, осмысленного взгляда на события, на связь их, чего эти сочинения не давали; оставалось обратиться к историческим произведениям классической древности; но будет ли и здесь удовлетворен Болинброк? Легко понять, какая эпоха в древней истории должна была преимущественно занимать Болинброка и пошедших за ним писателей, которые от прошедшего потребовали поучения для настоящего. Высший интерес для них

заклучался в вопросе об отношении власти к свободе. Англия для разрешения этого вопроса выдержала две революции, и многие из англичан считали вопрос еще не решенным; движение, происшедшее по этому поводу в Англии, начиналось и на континенте. Умственное движение и здесь и там вело свое начало от эпохи Возрождения, продолжало воспитываться на открытой в эту эпоху древности; но пресловутая древность представляла любопытное явление; республика в Риме перешла в монархию, и монархию неограниченную. Как же это случилось?

Люди, занятые политическими вопросами настоящего и ставшие объяснять настоящее прошедшим, неодолимо влеклись ко времени перехода Римской республики в монархию и к истории последней, к истории падения Рима, ибо история падения Греции казалась слишком простою: раздробленная на маленькие республики, истощавшие друг друга в усобицах, Греция естественно должна была пасть от напора воинской силы, тогда как Рим, могущественный Рим, покоривший весь свет, какой воинской силе мог уступить? В каком могуществе после того заключается для государства ручательство против падения? И, кроме того, задолго до падения Рим должен был отказаться от свободы. Болинброк не может утешиться в потере подробных известий о переходе Римской республики в монархию: «Какая школа частной и общественной доблести открылась бы для нас в эпоху Возрождения, если бы последние историки Римской республики и первые историки монархии дошли до нас в целости! Немногое, что дошло до нас от этого времени, хотя в отрывках, составляет лучшее достояние исторической науки,—единственное, что заслуживает быть предметом изучения. Признаю, я бы с радостью отдал то, что мы имеем от Ливия, за то, что потеряно из его истории: последняя часть не только любопытнее и достовернее первой, но имеет более непосредственное и важное приложение к настоящему состоянию Британии. Но она потеряна: потеря невознаграждаемая!»

Как государственный деятель, желающий непосредственно извлечь из истории пользу для настоящего, Болинброк предпочитает новейшую историю древней, в древней—известную эпоху другим; но сильный ум провидит значение истории как науки о человеке: «Человек есть предмет истории, и, чтобы знать его хорошо, мы должны видеть его и рассматривать его, как одна история может нам его представить во всяком возрасте, во всяком состоянии в жизни и смерти. История всякого рода, цивилизованных и не цивилизованных, древних и новых народов,—всякая история, представляющая достаточные подробности человеческих действий и характеров, служит к ознакомлению нас с человеком, с нами самими. Мы не только странники в этом мире, но и совершенные иностранцы. Наши путеводители

часто невежды, часто лжецы; но с помощью ландкарты, которую история развертывает перед нами, мы можем отыскать дорогу. История есть собрание журналов, веденных людьми, которые путешествовали по той же самой стране и подвергались тем же самым случайностям, что и мы; их удачи и неудачи одинаково для нас поучительны»

Но, сделавши это заключение, Болинброк все же обращается к мысли, что преимущественно надобно изучать новейшую историю, именно с XVI века, и это понятно. История каждого способного к полному развитию народа, как история каждого человека, состоит из двух главных периодов: в первый период народ живет преимущественно под господством чувства, во второй — под господством мысли. Но на первый период не должно смотреть как на период детства, слабости во всех отношениях потому только, что нет науки или слышится ее начальный лепет, нет чудес цивилизации: в этом периоде, благодаря зиждательной силе чувства, выковываются сильные народные и государственные тела, крепкие общественные строи; но, с другой стороны, нельзя безусловно и восхищаться всеми явлениями этого периода: хотя религиозное чувство господствует, но вера, при слабой деятельности ума, при отсутствии знания, легко переходит в суеверие и религиозный фанатизм, порождает печальные явления. Наконец, вследствие естественного роста, естественного развития народов, при известных благоприятных обстоятельствах народы переходят во второй период: мысль начинает свою работу, умы пробуждаются, науки цветут, но и этот период далеко не без тени, не без печальных сторон: разум усиливается на счет чувства, сомнение, исследование более или менее ошибочное, более или менее одностороннее подкапывают древнее верование, основу всего нравственного, а следовательно, общественного и государственного строя; религия слабеет, и зло, происходившее от господства чувства, суеверие, заменяется злом, происходящим от господства мысли, — неверием.

В этот второй период или возраст народы Западной Европы вступили в так называемую эпоху Возрождения, когда знакомство с произведениями древней мысли разбудило их умы, породило сомнение во всем том, во что до сих пор верилось; мы знаем, что необходимым следствием этого была церковная реформа, но на церковной реформе движение не остановилось; требование поклонения разуму человеческому, требование признания только того, что доступно разуму, вера в могущество разума, который может сделать человека совершенным и устроить его блаженство, — эти требования, эта вера становятся все сильнее, характеризуют XVIII век и поведут естественно и необходимо во время французской революции к видимому поклонению разуму, богине разума. Понятно, что люди трех первых

веков так называемой новой истории, находясь под господством нового начала, питая в него полную веру, поклоняясь ему, должны были отнестись враждебно к началу, господствовавшему в первом периоде, к чувству и ко всем его следствиям; понятно, что под влиянием этой враждебности первый период или так называемые средние века не могли быть понятны и оценены как следует: это были века варварства, господства попов, фанатизма, они исключались из истории, достойною изучения считалась история древних *образованных* народов, служивших разуму, да новая история, когда снова началось это служение. Понятно, что и Болинброк рекомендует изучение истории с XVI века: «С этих пор мы перестаем быть флибустьерами, какими были прежде, война перестает быть главным или даже единственным нашим занятием; мирные искусства усиливаются; мы становимся сельскими хозяевами, мануфактуристами, купцами и соревнуем соседним народам в литературе: с этих-то пор мы должны изучать свою историю со всевозможным прилежанием».

Приступая к этому изучению новой истории, Болинброк сейчас же бросает яркий свет на ее явления, дает им смысл: образовались две могущественные державы, Франция и Австрия, и между ними естественно началось соперничество: в интересе соседей стало вооружиться против сильной и более предприимчивой из них и быть в мире и дружбе с слабейшею. Отсюда явилось понятие о европейском равновесии, от которого должны зависеть безопасность и спокойствие всех народов. Нарушить равновесие есть цель каждой из двух соперничающих держав; препятствовать этому нарушению, не допуская, чтобы слишком много тяжести падало на одну чашку весов, сделало основным началом мудрой политики европейской. Относительно Франции и австрийского дома, начиная с XVI века до настоящей минуты, Болинброк делит новую историю на три периода: 1) от XV до конца XVI века; 2) от конца XVI века до Пиренейского мира; 3) от Пиренейского мира до настоящего времени. Деятельность Карла V и Филиппа II была главным предметом внимания и заботы европейских дворов в первом периоде: честолюбие Фердинандов, второго и третьего, было таким же предметом во второй период; противодействие возрастающей силе Франции или, собственно говоря, страшное честолюбие Бурбонского дома были главным явлением третьего периода.

Относительно изображения характеров исторических лиц и значения их деятельности приведем несколько отзывов Болинброка о деятелях новой французской истории: «Ришелье составил великий план и положил основание зданию; Мазарини продолжал дело и возвел здание. Если я не ошибаюсь самым грубым образом, в истории мало явлений, более заслуживающих внимания, как поведение первого и знаменитейшего из этих министров.

Замечательно, как он всюду запутывает дела, вмешивается в споры между Италией и Испанией, в Валтелинское и Мантуанское дела, не отвлекается, однако, от другой великой цели своей политики — подчинения Рошеля и обезоружения гугенотов. Заметьте, как, исполнивши это, он обращается к тому, чтобы остановить успехи Фердинанда в Германии...»

Или вот изображение исторического деятеля, ближайшего к автору, — Людовика XIV: «Людовик вступил в управление делами в цвете молодости, причем соединял (что с государями редко случается) выгоды молодости с выгодами опыта. Он получил дурное образование, иногда сам смеялся над своим невежеством; были и другие недостатки в его характере, проистекавшие от воспитания, которых он не замечал. Но Мазарини посвятил его в таинства своей политики. Он получил привычку к тайне и методу в делах, к сдержанности, приличию и достоинству в поведении. Если он не был величайшим из королей, то никто не превосходил его в умении разыгрывать роль величества на троне. Он был окружен великими полководцами, воспитавшимися в прежние войны, и великими министрами, воспитывавшимися в одной с ним школе. Те, которые работали при Мазарини, работали по тому же плану и при Людовике; они имели преимущество таланта и опытности пред большею частию министров других стран; они имели пред ними и то преимущество, что служили монарху, которого неограниченная власть была установлена; наконец, они имели преимущество своего положения, которое позволяло им употреблять всю свою способность беспрепятственно, преимущество, которое они имели, например, над лордом Кларендоном в Англии и де Виттом в Голландии. Между этими министрами особенно надобно упомянуть о Кольбере, потому что порядком, внесенным в финансовое управление, поощрением торговли и промышленности он увеличил богатство, а следовательно, и могущество Франции. Почва, климат, географическое положение Франции, способности, деятельность, живость ее обитателей, возможность обойтись без произведений других стран, тогда как другие страны не могут обойтись без ее произведений, дают Франции средство обогащаться на счет других народов, если только она не в войне со всеми своими соседями, пользуется внутренним спокойствием и сносным управлением».

Приведенных мест из Болинброка, кажется, достаточно для уяснения его значения в истории исторической науки. Он не понимал первой половины жизни новых европейских народов, так называемой средней истории, враждебно относился к ней, что было понятно в его время, время горячей веры в разум человеческий, который, разгоняя всякую тьму, должен был установить на земле царство истины и правды, и непонятно в наше время, когда подобная вера в разум человеческий утратилась, и ее

стараятся заменить печальной верою в вечный прогресс, т. е. верою в вечное несовершенство, вечную неправду, вечное заблуждение. Взгляд Болинброка односторонен и отрывочен, но нельзя не признать, что он именно пролил свет на новую политическую историю европейских народов, уяснил связь явлений, указав на основные из них, достиг своей цели, доказал поучительность, необходимость изучения истории для настоящего. До него история была предметом простого любопытства, изучение ее было следствием неясненного стремления в человеке, история была достоянием одной школы, людей ученых, которые, не отличаясь даровитостию, разбрасывались в частностях; работы над общеою историею ограничивались сокращениями и компиляциями с характером сборников, сухих газетных известий о событиях: под пером Болинброка история явилась стройным, живым, проникнутым мыслью изложением прошедших явлений в тесной связи их с настоящим как результатом их, изложением доступным и поучительным для всякого мыслящего человека. Болинброк есть глава исторической школы XVIII века: Вольтер, Юм, Робертсон, Гиббон идут по дороге, им проложенной.

Мы уже сказали, что Болинброк принадлежал к ряду тех английских писателей конца XVII и первой половины XVIII века, которые провозглашали поклонение разуму человеческому. Легко понять, в какое отношение поклонение это ставило их к религии, к вере в существо высшее, духовное, непостижимое, которого отношения к человеку необходимо должны представлять ряд явлений, также непостижимых для разума человеческого, для разума существа ограниченного. Свои философские взгляды Болинброк изложил в письме к другу своему, поэту Попу. Здесь Болинброк проповедует естественное богословие, или теизм, и естественную религию, или нравственное учение, разумея под первым такое знание о божестве, какое может быть получено человеческими средствами, а не сверхъестественное и откровенное, ибо знание как знание должно идти не сверху, а снизу, от достижимого нами. Этот приятель Болинброка, поэт Поп, втроем с Арбутнотом и Свифтом также хлопотал об отнятии наук из рук ученых педантов, о распространении ее в обществе в легких, доступных формах. Они восстали против школьной науки своего времени за ее неприменимость к требованиям жизни. Но, восставая против странного обоготворения древности в школах на счет живых и полезных знаний, они не избежали увлечений, уже слишком упрощая общее образование. Чтобы подорвать старое здание, они употребляли самое сильное средство — насмешку; взявши за образец знаменитую сатиру Сервантеса, Арбутнот написал ученого Дон-Кихота — «Мартинус Скриблерус», где осмеял педантов своего времени и книги их.

Произведения самого Попа имели важное значение в Англии и на континенте по изяществу или, лучше сказать, по гладкости

и лоску формы и по задорности содержания, вовсе не отличавшегося, впрочем, поэтичностью. Самое важное для нас его сочинение — это длинное рассуждение в стихах «Опыт о человеке», где изложено учение английских поклонников разума. Сам автор признается, что содержание, мысли принадлежат не ему, а Болинброку, который был для поэта предметом благоговейного удивления и подражания. Но что же мы узнаем о человеке из опыта Попа о человеке? То, что в детском возрасте для него нужны игрушки, в зрелом — мундиры и орденские ленты, а в старческом — молитвенники, и все это имеет одно и то же значение. Развитие человека начинается с подражания животным, которые учат его искусствам, а религиозное чувство есть произведение страха. Деспотизм и свобода имеют один источник — себялюбие; в человеческой природе господствуют два начала — себялюбие и разум; себялюбие побуждает, а разум сдерживает.

Учение Болинброка и писателей его кружка, проповедуемое талантами более или менее сильными, не могло встретить противодействия из среды английского духовенства, обедневшего талантом и ревностью. До нас дошли жалобы, что английское духовенство описываемого времени вело себя прилично, но не образцово; что большинство его представлялось лучшим людям безжизненным телом; что духовные лица вместо того, чтобы одушевлять друг друга, укладывали друг друга спать. Духовный собор (конвокация) 1711 года в докладе своем королеве жаловался на явное усиление безнравственности и иррелигиозности, на упадок церковной дисциплины. Сюда присоединялся еще разлад между духовенством и правительством, имевший следствием разлад между высшим и низшим духовенством. Большинство духовенства относилось неприязненно к переходу английского престола в Ганноверский дом и стояло за Стюарта как законного короля. Таким образом, новый король из Ганноверского дома должен был назначать епископов из небольшой части своих приверженцев, и от этого произошло, что большинство низшего духовенства было на одной стороне, а большинство епископов — на другой. Но в сильном народе была живуча религиозная потребность, для удовлетворения которой явился методизм.

В конце XVII и начале XVIII века в графстве Линкольнском жил священник Уеслей, человек благочестивый и ученый, но с чрезвычайно страстной природою. До какой степени борьба политических партий действовала на подобные природы, всего лучше показывает следующее событие в жизни Уеслея. Однажды, заспорив с женою о правах короля Вильгельма III и найдя, что она не вполне убеждена в этих правах, он поклялся, что не будет жить с нею вместе, пока она не переменит своих мнений, и действительно сейчас же покинул дом и не возвращался до смерти короля, которая, впрочем, случилась очень скоро. У этого-то

Уеслия родился в 1703 году сын Джон, который с ранней молодости обнаружил религиозное стремление. В Оксфорде, где он воспитывался, около него собралось еще несколько молодых людей с одинаковыми наклонностями, за которые и получили от своих товарищей разные прозвища: их называли сакраментариями за еженедельное приобщение, методистами за их правильную, методическую жизнь; последнее название они впоследствии приняли и сами для себя. Вступивши в духовное звание, Уеслий отправился в североамериканские колонии проповедовать христианство туземцам, но распущенная жизнь колонистов была сильным препятствием для проповеди.

Миссионер возвратился в Англию и нашел здесь много людей, почти столь же мало знакомых с христианством, как индейцы, но более способных к обращению. Он стал проповедовать низшим слоям народонаселения на открытых полях, и жар его проповеди привлекал огромное количество слушателей: по двадцати тысяч народа, большею частию угольщиков, теснилось около проповедника, который с восторгом видел, как на их черных щеках образовывались от слез белые полосы. И одними слезами дело не ограничивалось: между слушателями, особливо между слушательницами, обнаруживались сильные нервные припадки. Уеслий сначала осуждал проповеди в чистом поле, пока не почувствовал недостатка в кафедрах: сначала также он не соглашался позволить мирянам проповедовать, но, когда увидал, что очень мало людей из духовенства расположены идти по его стопам, то мало-помалу согласился на то, чтобы миряне проповедовали, но не священнодействовали. Проповедники были большею частию люди простые, неученые, взятые от сохи; недостаток образования, ученого приготовления они пополняли ревностью, энтузиазмом; в своих проповедях, отличавшихся особенным жаром, они позволяли себе такие вещи, каких сам Уеслий не мог одобрить; зато они не знали усталости, вели чрезвычайно строгий образ жизни, не позволяли себе никаких так называемых невинных удовольствий и, будучи ниже Уеслия по происхождению и воспитанию, тем беспрекословнее повиновались ему.

Конференции, собиравшиеся ежедневно и состоявшие из проповедников, назначенных Уеслием, были главными административными советами и давали силу его решениям; повсюду методисты были разделены на классы, каждый класс имел своего вождя и свое еженедельное собрание; член, уличенный в преступлении, исключался из общества, что поддерживало нравственную чистоту последнего. Английские историки, которые готовы осудить методистов за суеверие, вредный энтузиазм, запрещение невинных удовольствий, тем не менее признают, что деятельность Уеслия и его последователей пробудила дремлющее духовенство господствующей Церкви, внесла в нее новую жизнь,

поставила преграду неверию, распространявшемуся с чрезвычайною быстротою, увлекала тысячи людей на путь религии и нравственности. Таким образом, в методизме мы видим стремление сильного народа возбуждением религиозного чувства противодействовать вредной односторонности, обнаруживавшейся в учении поклонников разума человеческого.

2 Во Франции

Мы оставили Францию при могиле великого короля, при которой последний из знаменитых проповедников французских, Массильон, воскликнул: «Бог один велик, братья!» Но эти слова не выражали убеждения французского образованного общества, которое готово было отвечать Массильону: «Один разум человеческий велик!» Мы знаем, что во Франции, как и в других странах Западной Европы, с XVI века обнаружилось стремление к одностороннему развитию мысли в ущерб чувства, и при этом с ослаблением религиозного чувства, с критическим отношением к христианству, поднимавшему духовную, нравственную сторону, естественно являлось стремление к материализму, к чувственности, к поклонению доброй матери-природе, к эманципации тела¹⁴. Но тут же в народном организме и высказалось противодействие такой односторонности, способной нарушить здоровье организма. Это противодействие высказалось в янсенизме; но и католическая Церковь во Франции выставила ряд духовных лиц с сильными талантами, способных противодействовать антихристианскому направлению поклонников разума и матери-природы. Сильное правительство Людовика XIV также сдерживало это направление; но такая сдержка средствами внешними обыкновенно не уничтожает зла, а заставляет его притаиваться до поры до времени и потом, при отнятии внешнего давления, отрыгнуть с большею силою.

Со смертью Людовика XIV начинается приготовление к тому явлению, которое мы называем французскою революцией. Если сильная власть Людовика XIV была естественным следствием неудавшейся революции, Фронды, показавшей несостоятельность людей и целых учреждений, хотевших произвести какой-то переворот, то перешедшие границу стремления великого короля усилить свою власть и печальное положение, в котором он оставил Францию, должны были, естественно, произвести недоверие к началам, которыми руководился Людовик, — народ начал искать иных. В это время, разумеется, важное значение должна была иметь личность нового короля. Вместо короля, который

¹⁴ См. об «умственном движении во Франции в XVII веке» мой «Курс новой истории»

умел так несравненно представлять короля, играть роль государя и этим очаровывать свой народ, страстный к великолепным представлениям, к искусному разыгрыванию ролей, вместо короля, который оставил много славы, много блеска, много памятников искусств и литературы, вместо такого короля явился король, соединявший в себе все способности к тому, чтоб уронить королевскую власть.

Не говоря уже о чувственности, в которой преемник Людовика XIV перешел пределы, где возможно было снисхождение, ибо не было слабости только, а был разврат, уничтожающий достоинство человеческое,— Людовик XIV представлял совершенное бессилие нравственное. У него не было недостатка в ясности ума и благонамеренности; но бессилие воли было таково, что при полном сознании необходимости какого-нибудь решения Людовик соглашался с решением противоположным, какого хотели его министры или любовницы. Было известно, что в совете, когда король заявлял какое-нибудь мнение и советники начинали его оспаривать, то Людовик соглашался с ними, зная, что соглашается с мнением несправедливым, и только для оправдания себя шептал: «Тем хуже, они так хотят». Принужденный своею любовницею Помпадур отставить морского министра Машо, он писал своей любимой дочери, герцогине Пармской: «Они принудили меня отставить Машо—человека, который был мне по сердцу; я никогда не утешусь в этой потере». Другая любовница королевская, Дюбарри, вместе с герцогом д'Эгильоном хлопотала о свержении Монтейнара, военного министра, и король говорил: «Монтейнар падет непременно, потому что я один только его поддерживаю».

Отсутствие воли сделало из неограниченного монарха притворщика и обманщика, интригана, любящего мелкие средства и извилистые дороги. Ежедневно оберполицеймейстер подавал ему рапорты, в которых часто заключались предметы, наименее достойные королевского внимания, но которые нравились испорченной чувствительностью натуре Людовика; кроме того, в Париже и Версале у него были агенты, которые доносили о политических интригах и тайнах частной жизни. Каждое воскресенье начальник почтового управления докладывал королю об открытиях «черного кабинета», где распечатывали письма и списывали интереснейшие из них.

Таким образом, в долгое царствование преемника Людовика XIV со стороны короля было сделано все, чтоб уронить монархическое начало, образовать наверху пустоту, к которой общество не могло остаться равнодушным. Подле французских королей Франция и вся Европа привыкли видеть блестящую аристократию; как великолепный король Франции служил образцом для государей Европы, так блестящее, рыцарственное дво-

рянство Франции служило образцом для дворянства остальной Европы. Воинственная и славолюбивая нация достойно представлялась своим дворянством, которое выставило столько героев, прославивших французское оружие, и приобрело значение первого войска в мире; такое достойное представительство нации поддерживало и первенствующее значение французского дворянства внутри, как бы ни были здесь неправильны его отношения к другим сословиям. Но по замечательному соответствию падение монархического начала во Франции вследствие слабости преемников Людовика XIV последовало одновременно с нравственным падением французского дворянства, с помрачением славы французского войска.

Людовик XIV, который наследовал своих знаменитых полководцев от времени предшествовавшего, не воспитал новых, несмотря на свои частые войны: доказательство, что война может служить школою для существующих талантов, но не создает талантов, когда круг, из которого они могут явиться, ограничен и потому легко истощается частыми войнами. После Людовика XIV до самой революции французское войско не выставляет замечательных полководцев, хотя две большие войны (за Австрийское наследство и Семилетняя) могли бы выдвинуть таланты. Французское войско и тут имело несколько блестящих успехов, но кому было обязано ими? Иностранцу, саксонскому принцу Морицу. Нигде так ясно, как здесь, в военном деле, не выказалось падение французского дворянства, сословия преимущественно военного. Фридрих II заметил это явление и записал в «Истории моего времени»: «Этот век бесплоден относительно великих людей во Франции». Заметил это и Людовик XV. Этот век, по его словам, «не обилен великими людьми, и было бы для нас большое несчастье, если бы это бесплодие поразило одну Францию». Таким образом, две силы, действовавшие постоянно в челе народа и достойно его представлявшие, короли и дворянство, отказываются от своей деятельности.

Отказывается от своей деятельности и третье сословие — духовенство, которое не выставляет более из своей среды Боссюэтов и Фенелонов, не может единственно достойными его нравственными средствами бороться против врагов, которых постоянно имел в виду Боссюэт, поклонников разума человеческого, старается употреблять против них только материальные средства, средства светского правительства, что, разумеется, могло только содействовать падению духовного авторитета. Можно писать большие книги о причинах французской революции, подробно исчислять все злоупотребления, всю неправильность отношений между различными частями народонаселения, но этим явление вполне не объяснится, ибо нет такого злоупотребления, нет такой неправильности, которые не могли бы быть

отстранены сильным и разумным правительством, умеющим извлекать и собирать около себя лучшие силы народа. Дело в том, что во Франции XVIII века прежде действовавшие на первом плане силы отказываются от своей деятельности, являются несостоятельными, вследствие чего и начинается болезненный переворот, перестановка сил, называемая революцией. Это приготовление естественно обнаруживается в отрицательном отношении к тому, что имело авторитет и что представлялось теперь формою без содержания, без духа, без силы.

В организме французского общества в это время происходило то, что происходило во всяком организме, где известный орган омертвевает или в организм втеснится какое-нибудь чуждое тело: в организме тогда чувствуется тоскливое желание освободиться от такого омертвевшего органа или чуждого тела, не участвующих в общей жизни, ничего не дающих ей. Это отрицательное отношение к старым авторитетам необходимо должно было отразиться в общественном слове, разговоре, который становился все громче и громче. Прежде высоко поднимался двор, блестящий, несравненный двор Людовика XIV; здесь было серьезное величие, внушавшее уважение,— сила, с которою каждому надобно было считаться; в этом храме действительно обитало божество, перед которым каждый преклонялся. Внимание всех было обращено туда, к этому действительному средоточию силы и власти. Но после Людовика XIV двор потерял это значение, это обаяние; от него мало-помалу начали отворачиваться, и то, что прежде было сосредоточено здесь, разделилось на несколько кругов, которые размножились все более и более. Вместо одного двора явилось много дворов. Явилось несколько кружков, несколько салонов, где сходились, чтобы свободно и весело провести время; национальная страсть играть роль, блистать, овладеть вниманием, нравиться получила полную возможность развиваться.

Но чем же блистать, возбуждать внимание, нравиться? Движение прекратилось: нет больше религиозной борьбы; нет более борьбы партий вследствие честолюбивых стремлений принцев крови, могущественных вельмож, нет более таких сильных лиц, которые, привязавшись к народному неудовольствию, могли поднять движение вроде Фронды; нет более того сильного внутреннего, и особенно военного, движения, какое было поднято великим королем и так поразило воображение народа, так заняло его внимание, нет и тех печальных, страшных минут, какие пережила Франция в последнее время Людовика XIV. Нет жизни, нет движения, нет серьезных вопросов, к решению которых призывалось бы общество. Делать нечего, да и говорить серьезного нечего,— говорить так, чтобы слово переходило непосредственно

в дело. Оставалось относиться враждебно к этому недостатку жизни и движения, к этому отсутствию интересов; но и здесь серьезное отношение, вдумывание в причины зла и придумывание средств к его исправлению возможно были лишь для немногих; для большинства же неприязненное отношение к настоящему должно было выражаться в насмешке над ним, которой помогал и склад французского ума, и самая постановка окружающих явлений, где форма не соответствовала более содержанию, дела не соответствовали значению лиц, их совершавших, а такое несоответствие именно и возбуждает насмешку.

Таким образом, большинство, праздное от серьезной мысли и дела, осуждено было забавляться на счет настоящего насмешками над ним; люди, которые хотели выказаться, блистать, обращать на себя внимание, должны были забавлять именно этим средством, и вот вместе с салонностью, людскостью, изяществом манер развилось остроумие, становившееся синонимом злоязычия. Остроумие не щадило ничего. Мы знаем, в каком периоде находилось французское общество с эпохи Возрождения — с эпохи развития ума на счет чувства; уже шел третий век, как ум новых европейских народов, возбужденный к деятельности расширением сферы знания, возбужденный силою древней мысли, стал критически относиться к тому, чем до сих пор жилось, во что верилось: с этого времени, времени поклонения чуждому гению, гению древности, столь могущественному, так поразившему воображение памятниками искусства и мысли, начинается отрицательное отношение к своему прошедшему, к средним векам, из которых вытекло настоящее, отрицательное отношение, к своему периоду чувства, к религиозному чувству, господствовавшему в этот период, и к результатам этого господства. Враждебность начала, стремившегося господствовать, к прежде господствовавшему началу, мысли к чувству выказывалась очевидно; все, что напоминало чувство, основывалось на нем, происходило от него — все это было объявлено предрассудком. Предрассудком являлось все прежнее и потому подлежало уничтожению; после этого уничтожения должен был явиться новый мир отношений человеческих, основанный на законах и требованиях одного разума человеческого.

Понятно, что, несмотря на такое одностороннее направление французского общества в описываемое время, в нем были люди дельные, которые понимали, к чему ведет такая односторонность; но их голос был голосом в пустыне. Так, один из самых замечательных министров Людовика XV, Даржансон, оставил нам о своем времени следующие любопытные строки: «Сердце есть способность, которая исчезает в нас каждый день по недостатку упражнения, тогда как ум все более и более обтачивается и завастривается. Мы становимся существами исключительно

составленными из одного ума ... но, вследствие исчезновения способностей, идущих от сердца, Франция погибнет, я это предсказываю. У нас нет более друзей, мы равнодушны к любимой женщине, как же мы будем любить отечество?.. Мы каждый день теряем прекрасную часть самих себя — ту, которую называют чувствительностию... Любовь, потребность любить исчезают с земли... Расчеты интереса поглощают теперь все минуты: все посвящено интригам... Внутренний огонь погасает по недостатку питания. Мы страдаем параличом сердца... Тридцать лет наблюдаю я постепенное ослабление любви и предсказываю ее скорое уничтожение».

Понятно, что такое направление общественной мысли должно было отразиться в общественном слове, в литературе, и здесь самым видным, самым блестящим выразителем господствующего настроения явился Вольтер. По воспитанию своему Вольтер принадлежал к тому темному направлению в нравственной жизни французского общества, которое выражалось в поклонении доброй матери-природе и которое встретило сопротивление в яansenизме, в сильном церковно-литературном движении при Людовике XIV, в религиозности великого короля, встретило сопротивление, но не исчезло, продолжало жить втихомолку, дожидаясь своего времени. В самом нежном возрасте Вольтер уже напился неверием, и человек, который накормил его этою пищею, был аббат. Тот же аббат ввел его к знаменитой жрице «доброй матери-природы», Нинон Ланкло, которая сейчас же увидала, что от мальчика будет прок, и назначила ему стипендию на покупку книг.

Вольтер окончил свое образование в иезуитской школе и тем же добрым аббатом был введен в разные общества поклонников «доброй матери-природы», где и довершил свое воспитание. В то самое время, как Людовик XIV сходит в могилу, Вольтер, представитель другого могущества, начинает действовать. Он начинает легкими сатирическими стишками, и эти проказы молодости сейчас же ведут его к столкновению со властью: его сначала выслают из Парижа, потом сажают в Бастилию — и на этот раз понапрасну, потому что без исследования приписывают ему стихи против покойного короля, вовсе не им написанные. Освободившись из Бастилии, 24 лет он ставит на театре свою первую пьесу «Эдип», возбуждившую сильное внимание и начавшую новую эпоху во французской и в европейской литературе. Время чистого искусства — время Корнеля и Расина — прошло для Франции. Мы видели, как в Англии политические идеи вторглись в область искусства, как политические партии в стихах поэта, произносимых со сцены, в речах римлян, выведенных им в своей пьесе, видели указания на борьбу политических партий в Англии. Теперь то же самое видим и во французской литературе.

Мысли, которые занимают общество, которые составляют предмет разговоров в гостиных, входят в литературу, в публичное слово; разумеется, в публичном слове они не могли высказываться в тогдашней Франции с полною свободою — они должны были являться в виде намеков; сочинения же, в которых они высказывались с полною свободою, или ходили в рукописях, или печатались за границею. То сочинение могло рассчитывать на верный успех, где общество встречало мысли, которые его занимали, а сочинения Вольтера наполнены этими мыслями или намеками на них. То, что в гостиных и кафе, вошедших тогда в моду, высказывалось отрывочно, смутно, то даровитый автор обрабатывал в стройное целое, уяснял примерами, излагал увлекательно, остроумно, не глубоко, но легко, общедоступно; что было предметом сильных желаний, что могло откровенно высказываться в своем кружке, в стенах гостиной, то вдруг слышали произносимым в звучном стихе при многочисленной публике, на театральной сцене. Впечатление было громадное, и автор приобретал чрезвычайную популярность, общество было благодарно своему верному слуге, глашатаю своих мыслей и желаний, удивлялось его смелости, геройству, решимости публично высказывать то, о чем другие говорили только втихомолку.

Успех Вольтера был обеспечен тем, что он явился верным слугою направления, которое брало верх, для большинства было модным, явился проповедником царства разума человеческого и потому заклятым врагом, порицателем того времени, в которое господствовало чувство, заклятым врагом духовенства, христианства, всякой положительной религии. В «Эдипе» поклонники разума уже рукоплескали знаменитым стихам, в которых под языческими жрецами ясно выставлялось современное духовенство: «Наши жрецы вовсе не то, что простой народ о них думает,— наше легкоеверие составляет всю их мудрость». Что в театральной пьесе являлось только намеком, то высказано было прямо автором в стихотворном «Послании к Урании». Змей подползает к женщине и обдаёт ее хулами на все то, что она привыкла считать святым, что особенно было потребно ее сердцу; искуситель ловко, остроумно подбирает черты, которые особенно могут озадачить неопытное существо: он не требует от нее, чтоб она перестала верить, но чтоб отвергла только положительную религию и избрала другую — естественную, которую Всемогущий начертал в глубине ее сердца.

Но сочинения, подобные «Посланию к Урании», могли ходить только в рукописи, что давало мало известности автору. Вольтер пишет поэму из нового времени с классическою обстановкою, то было неприятным анахронизмом, но для автора форма не была главным делом: ему нужно было под прикрытием провести свои любимые мысли, свои выходки против духовенства, против

фанатизма, заклеить людей, для которых религиозный интерес был выше всего, прославить человека, знаменитого своим равнодушием к вере, три раза по обстоятельствам ее переменявшего. Герой поэмы — Генрих IV. Еще при жизни последнего Валуа Генрих отправляется послом к английской королеве Елисавете, потому что французский Эней должен рассказать английской Дидоне историю религиозной борьбы во Франции, где он должен объявить, что одинаково равнодушен к католицизму и протестантизму и сделать сильную выходку против религиозной ревности. «Бесчеловечная религиозная ревность заставила всех французов взяться за оружие. Я не отдаю предпочтение ни Женеве, ни Риму, — и с той и с другой стороны я видел обман и неистовство. Моя обязанность защищать государство, а небо пусть само мстит за себя. Да погибнет навсегда гнусная политика, которая захватывает деспотическую власть над сердцами, которая хочет обращать смертных с оружием в руках, которая орошает алтари кровию еретиков». Герой, проповедник религиозного равнодушия, ведет борьбу с адским чудовищем, «самым жестоким тираном царства теней» — с фанатизмом, при описании действий которого автор истощает все свое искусство, и конец поэмы — торжество Генриха IV над фанатизмом.

Вольтер приобрел день ото дня более знаменитости; общество нашло в нем блестящего, остроумного выразителя мыслей, взглядов, бывших в ходу, а так как писатель несколько не рознился в нем с человеком, так как автор «Эдипа» и «Генриады» был блестящим и остроумным собеседником, то понятно, что он был желанным гостем в модных гостиных. Чтоб яснее понять связь между писателем и обществом, мы обратимся к тому же внимательному наблюдателю, слова которого об ослаблении чувства мы уже прежде привели. Даржансон замечает, что «общество сильно изменилось против прежнего, что оно отказалось от пьянства, предоставив его ремесленникам и лакеям, и вообще нравы смягчились самым очевидным образом. Меньше кланутся, не богохульничают хладнокровно и с сердечною радостью, говорят тише и спокойнее, не злословят ближнего с яростию и злобою, боятся последствий, стали осторожны, избегают и легких столкновений из страха, чтоб они не превратились в серьезные ссоры. Быть может (сознаемся втихомолку), мы стали потрусливее, но когда кто, по несчастю, труслив, то лучшее средство не казаться трусливым — это избавиться столкновений, а для этого надобно предвидеть их издалека.

Наши предки были бесспорно храбры и отважны, но мы гораздо общительнее их. Между нами бывают только легкие перебранки, насмешки, которые легко переносятся, когда умеют на них отвечать. В старину мы пожирали друг друга, как львы и тигры; теперь мы играем друг с другом, как молодые собачки,

которые слегка покусывают, или хорошенькие кошечки, которых царпанья никогда не бывают смертельны. Мы отказались от многих дикостей, от пустого волокитства, от славы успеха с женщинами. Не знаю, выиграла ли от этого нравственность, потому что, с другой стороны, бросились в разврат с потерянными женщинами. По крайней мере в этих непродолжительных связях нашли больше свободы, больше спокойствия духа; действительно, издержки здесь не так велики. Теперь расточительность такая же, как и прежде, но предметы роскоши другие, более издерживают на удовольствия, на опрятность, на приличие, отказались от позолоты, от вышитого платья и т. п. Пятьдесят лет тому назад публика не обнаруживала никакого любопытства относительно государственных дел. Теперь всякий читает «Парижскую газету» даже в провинциях. Толкуют вкось и вкривь о политике, но толкуют. Английская свобода получила к нам доступ, более наблюдают за тиранством; оно, по крайней мере, обязано теперь скрывать свои ходы и говорить другим языком...»

Но что касается языка общества, то Даржансон не может указать здесь ничего утешительного. «Разговор состоит в одних эпиграммах, в смешных историйках, в злостных выходках, иногда в присутствии заинтересованных лиц. Жалуются, что нет более разговора во Франции в наши дни, и я знаю причину; терпение слушать уменьшается с каждым днем у наших современников. Слушают плохо, или, лучше сказать, вовсе не слушают. Кто-нибудь меня спрашивает, я ему добросовестно отвечаю, а он уже завязал разговор с другим. Только слышны общие места, фразы, не идущие к делу, которые, возбуждая сомнение, отдаляют от истины: всеми овладела лень рассуждать, потому что потеряна привычка слушать; неодолимые предрассудки, презрение ко всему, неразумная критика — вот век! Слушайте щебетанье птиц в роще, которые поют все разом. Часто я бываю гораздо уединеннее в обществе, чем в своем кабинете с книгами. Хотите вы исчерпать предмет в разговоре, развить подробно известную мысль — ждите перерывов, криков, всего того, что отзывается дурным обществом и что в наше время допущено в лучшее. И нечего оскорбляться: я видел такое вавилонское смешение у самого короля; сам король не мог сказать слова — его ежеминутно прерывали. Наши умники отличаются такою злостиею, что находят удовольствие только в бедствии ближнего и в смуте рода человеческого. Я говорил одному моему приятелю, отличавшемуся в этом сатирическом роде хорошего тона: «Как мне вас жаль! Когда вы хотя раз посмотрите на что-нибудь с удовольствием?» Дело в том, что чем невежественнее становится век, тем сильнее становится в нем привычка все критиковать. Никогда так мало не читали, как теперь, никогда менее серьезно не занимались изучением истории и литературы; никогда так

спешно не произносили своего суда над людьми и явлениями. Знание стремится узнавать все более и более; невежество уходит ко всему с презрением и невниманием. Так вот до чего мы дошли во Франции. Занавес опускается, зрелище исчезает, слышатся одни свистки. Скоро у нас не будет красноречивых собеседников в обществе, ни трагических и политических авторов, ни музыки, ни живописи, ни архитектуры—будет одна критика повсюду. Теперь появляется более периодических изданий, чем новых книг. У сатиры нет более пищи во рту, но она все жует».

Допустив даже некоторые преувеличения, некоторую густоту красок, мы должны признать, что сущность господствовавшего тогда во французском обществе направления указана верно Даржансоном, верно указана эта привычка, эта мода отрицательно относиться ко всему, господство легкой, поверхностной критики и отсутствие критики серьезной, серьезного, строгого вопроса каждому явлению; для такой критики у большинства, у толпы не было средств, и она тешилась злоязычием, балаганною критикою, глумлением над тем, пред чем прежде преклонялась; толпа тешилась свободою от авторитетов, свободою от обязанности слушать и слушаться и, разумеется, с восторгом приветствовать блестящего писателя, который так верно служил модному направлению, разрушению авторитетов, глумлению над предметами прежнего поклонения.

Но в обществе, среди которого вращался Вольтер и модному направлению которого так усердно услужил, в этом обществе, как обыкновенно бывает в переходные времена, существовало двуверие—поклонение старым и новым богам. Люди, которые служили новому направлению, вопили против старых предрассудков, охотно обращались к этим предрассудкам, к старым средствам, когда это было им выгодно, служило для удовлетворения их страстей. Вольтер испытал это на себе. Привыкнув к дружескому обращению людей знатных, он думал, что старые предрассудки действительно исчезли и водворилось полное равенство между людьми, знатными по таланту и знаменитыми по происхождению. Столкнувшись в чем-то с кавалером Роган-Шабо, он отделал его колкими словами; тот, не умея сражаться таким же оружием, вспомнил старые предания о том, как знатные люди отделяли грубых мужиков. Однажды, когда Вольтер обедал у герцога Сюлли, Роган вызвал его под каким-то предлогом на улицу, где лакеи Рогана бросились на него и избili. Вольтер вызвал его на дуэль, но Роган предпочел отделаться от дерзкого мужика административным порядком и выхлопотал у правительства приказ посадить Вольтера в Бастилию, и, хотя через несколько времени его выпустили оттуда, но с приказанием оставить Париж, Вольтер уехал в Англию

Даржансон видит во французском обществе своего времени явные признаки английского влияния. Французы в своих стремлениях, начавшихся по смерти Людовика XIV, волею-неволею беспрестанно обращались к знаменитому острову, о свободных учреждениях и богатстве которого рассказывали чудеса; все это сильно должно было подстрекать бедных свободою и деньгами французов. Самый громкий глашатай общественных стремлений, Вольтер, рано должен был высказать свое сочувствие к Англии. Мы видели, что он в своей поэме отправляет Генриха Бурбона в Англию, чтобы заставить его рассказать королеве Елисавете о Варфоломеевской ночи, как Эней рассказывал Дидоне о разрушении Трои. Но по этому поводу автор высказывает свои мысли, т. е. мысли своего общества, об Англии. Он говорит, что «Елисавета заставила неукротимого англичанина полюбить свою власть,—англичанина, который не умеет ни рабствовать, ни жить в свободе». Это выражение, которое так шло к французам, особенно после 1789 года, в первой четверти XVIII века французский поэт употребляет относительно англичан, недавние революционные волнения на острове и неоконченная борьба между двумя династиями давали ему на это право. Тут же Вольтер распространяется о богатстве и могуществе Англии: ее луга покрыты бесчисленными стадами, ее житницы наполнены хлебом, моря покрыты ее кораблями; ее боятся на суше, она царит на водах. Лондон, некогда город варварский, теперь стал средоточием искусств, магазином мира и храмом Марса; но единственная причина изобилия, царствующего в этом неизмеримом городе,—свобода; в стенах Вестминстера являются вместе три власти, удивленные своим союзом: депутаты народа, вельможи и король, разделенные интересами, соединенные законом, три священные члена непобедимого тела, опасного самому себе, страшного соседям

Таким образом, Вольтер прежде своей высылки из Франции был предрасположен в пользу Англии вместе со всем французским обществом, в среде которого вращался; Англия, следовательно, не могла порадовать его противоположностью своего государственного быта быту Франции. Пребывание Вольтера в Англии было важно в истории его деятельности тем, что он поближе познакомился с учением поклонников разума человеческого или так называемых деистов, Локка с товарищами, и по возвращении из Англии популяризировал это учение для Франции и для целой Европы. Понятно, что в этой усиленной, теперь систематической проповеди поклонения разуму, следовательно, проповеди против господствовавшего в средние века начала, чувства религиозного, Вольтер должен был напасть на авторитет, стоявший ему на дороге,—авторитет Паскаля; но этого мало: в своем увлечении проповедью поклонения разуму он надругался над

самым священным явлением французской истории, потому что это явление выходило из области религиозного чувства,—надругался над Орлеанскою девственницею. Знаменитая «Pucelle» была знаком полного разрыва новой Франции, поклоняющейся разуму, с древнею Франциею, служившею религиозному чувству, разрыва, совершенного со всем увлечением и легкостью французской природы.

2 Во Франции (продолжение)

За Вольтером в Англию на поклонение ее учреждениям явился Монтескье. Недовольство, отрицательное отношение к своему долгу было прежде всего высказываться в сатире на современное состояние общества, на существовавшие учреждения; умы более сильные не могли останавливаться на отрицании; в искании чего-нибудь положительного, более питательного для мысли они обращались к истории, именно к древней, потому что знали ее лучше и потому что видели в ней явление, противоположное явлениям своего настоящего. Но древняя история не могла удовлетворить их, и в настоящем они влеклись к острову, знаменитому своими свободными учреждениями, своим благосостоянием и результатами свободного движения мысли.

Монтескье начал сатиру на французское государство и общество, потом остановился на древней истории, на самом любопытном вопросе: как возникла и почему пала древняя свобода, древняя республика, и наконец написал знаменитый «Дух законов», отправившись от английских учреждений, для которых начертал теорию. Трех юности Монтескье—это «Персидские письма», сатира в очень замысловатой, удобной форме: человек из совершенно другого мира, азиатец, персиянин приехал в Париж, наблюдает и описывает то, что особенно поразило его внимание. Что же особенно поразило персиянина, т. е. что особенно было на сердце у тогдашних либералов, к которым принадлежал автор «Персидских писем»?

Если сильная власть Людовика XIV была естественною реакцией смутам Фронды, то либеральные движения французского общества в описываемое время были реакцией злоупотреблениям власти при великом короле, и сатира, явившаяся выражением этих либеральных движений, разумеется, не отнесется благодушно к человеку, злоупотребившему своею властью. Персиянин приехал во Францию в последнее время царствования Людовика XIV и пишет: «Французский король стар; говорят, что он в высочайшей степени обладает талантом заставлять повиноваться себе; он часто говорит, что изо всех образов правления турецкий или персидский более всего ему нравится». Персиянин

нашел неразрешенными противоречия в характере Людовика: «У него министр 18 лет, а любовница — 80; он любит свою религию, но не терпит таких, которые говорят, что надобно соблюдать ее во всей строгости; он бежит шума городов и мало общителен, а между тем с утра до ночи занят только тем, чтобы заставлять говорить о себе; он любит трофеи и победы, но точно так же неприятно видеть ему хорошего генерала в челе своих войск, как и в челе неприятельских; только ему удалось в одно время иметь столько богатств, сколько ни один государь не может надеяться иметь, и быть угнетенным такою бедностию, какой частный человек не может выдержать. Он любит награждать людей, которые ему служат; но он гакже щедро награждает усердие или, лучше сказать, праздность своих придворных, как и трудные походы своих генералов; часто он предпочитает человека, который его раздевает или служит за столом, другому, который берет неприятельские города или одерживает победы. Он не думает, что верховная власть должна чем-нибудь стесняться в раздаче милостей, и, не обращая внимания на то, достоин ли тот человек, осыпaeмый его милостями, думает, что его выбор делает его достойным. Он великолепен, особенно в своих постройках: в садах его дворца больше статуй, чем граждан в большом городе».

Выходку против уничтожения Нантского эдикта автор прикрывает следующим письмом персиянина: «Ты знаешь, мирза, что министры шаха Солимана приняли намерение изгнать из Персии всех армян или заставить их обратиться в магометанство, думая, что государство наше будет постоянно осквернено, если сохранит в своих недрах этих неверных. Неизвестно, как дело не удалось; случай занял место разума и политики и спас государство от опасности большей, чем если б оно потерпело три поражения и потеряло два города. Изгнанием армян Персия в один день лишилась бы всех купцов и всех ремесленников. Я уверен, что великий шах Аббас скорей отрубил бы себе обе руки, чем подписал бы такой указ, и, отсылая к Моголу и другим владельцам Индии самых промышленных своих подданных, он счел бы, что отдает им половину своего государства. Уже и так преследования, которые терпели у нас гебры, заставили их толпами бежать в Индию и лишили Персию трудолюбивого народа, который один был в состоянии победить бесплодие нашей почвы. Оставалось благочестию нанести второй удар: уничтожить промышленность, а через это государство падало само собою, и с ним необходимо падала та самая религия, которую хотели сделать цветущею».

Тут автор сходит с высоты терпимости и унижается до соображения, что различие религий полезно для государства: «Замечено, что жители, исповедующие веру терпимую, бывают полезнее своему отечеству, чем те, которые исповедуют веру

господствующую, ибо, удаленные от почестей, имея возможность отличиться только богатством, они стараются приобрести его трудом и потому не избегают занятий самых трудных. Так как все религии содержат правила, полезные для общества, то хорошо, когда эти правила ревностно соблюдаются; но самое лучшее средство возбудить эту ревность — многообразие религий. Исповедующие разные религии — это соперники, которые не прощают ничего друг другу. Каждый боится сделать что-нибудь бесчестное для его партии и выставить ее на позор предметом порицания для партии противной. Пусть говорят, что не в интересах государя терпеть многие религии: если бы секты всего мира собрались в одно государство, то они не повредили бы государству, потому что каждая из них предписывает повиновение властям. Правда, что история наполнена религиозными войнами, но они проистекали не от многообразия религий, но от духа нетерпимости религии господствующей».

Мы видим еще здесь детскую поверхностность взгляда при решении одного из самых важных вопросов в жизни человечества; поклонник разума совершенно равнодушен к религии, чужд религиозного чувства, а между тем позволяет себе толковать о религии и сейчас же, разумеется, несет наказание искажением истории, на которую решился сослаться: как будто новая религия, проповедники которой отличаются сильным убеждением, может оставить в покое другие религии, пока не приобретет господства, пока не утвердит, по убеждениям ее поклонников, истинного отношения человека к Богу; да и эти самые господа — проповедники поклонения разуму человеческому, требовавшие сначала только терпимости, жаловавшиеся на гонение от церковной и светской власти, — ведь они требовали ни больше ни меньше как права проповедовать свое учение, разрушающее все религии, а разве неизвестно, что они наконец приобрели господство, и что же, отличались они терпимостию во время этого господства? Эти люди не хотели понять, что если бесчестно требовать от отдельного человека полного равнодушия и спокойствия, когда в его глазах принимаются все меры против его благосостояния и существования, то также бесчестно требовать этого и от целых учреждений.

По поводу смерти Людовика XIV персиянин пишет: «Нет более монарха, который царствовал так долго; при жизни он заставлял много говорить о себе, все смолкли при его смерти». По поводу преемника Людовика XIV персиянин указывает на одно из самых сильных зол, которым страдала дряхлая французская монархия: «Говорят, что нельзя узнать характер западного короля до тех пор, пока он не прошел чрез два великие испытания — любовницу и духовника. В молодости короля эти две силы

соперничают друг с другом, но они примиряются и заключают союз во время его старости. Когда я приехал во Францию, то покойный король находился совершенно во власти женщин. Я слышал, как одна женщина говорила: «Неприменно надобно сделать что-нибудь для этого молодого полковника, его храбрость мне известна, я поговорю о нем с министром». Другая говорила: «Удивительно, что об этом молодом аббате забыли; ему надобно быть епископом, он из хорошей фамилии, и я ручаюсь за его нравственность». И не воображай, чтоб эти дамы были в большой милости у короля: они, может быть, во всю жизнь не говорили с ним двух раз. Дело в том, что каждый человек, занимающий сколько-нибудь значительную должность при дворе, в Париже или в провинциях, имеет женщину, чрез руки которой он получает все милости и которая защищает его от последствий делаемых им несправедливостей. Эти женщины находятся в сношениях друг с другом и образуют род республики, которой члены, вечно деятельные, помогают и служат друг другу. Кто видит деятельность министров, начальствующих лиц, прелатов и не знает женщин, которые ими управляют, все равно что видит машину в ходу, но не имеет понятия о пружинах, приводящих ее в движение».

Но от Монтескье с товарищами как от поклонников разума мы должны ждать самых сильных выходов против другой власти, другого авторитета — церковного. Персиянин называет французского короля великим волшебником, потому что он может заставить своих подданных верить, что одна монета имеет ценность двух таких же; но есть еще волшебник посильнее — папа, который может заставить народ верить вещам менее имоверным. В этих выходах Монтескье для исторического изучения важны не пошлые выходы против христианства и религии вообще, но выходы против тех слабых мест современной Французской Церкви, которые защитники религии защищать не могли и которые увеличивали силу враждебного Церкви направления. Епископы, пишет персиянин, когда находятся в соборании, то поставляют религиозные правила, когда же действуют порознь, то занимаются только разрешениями от соблюдения этих правил. Монтескье, разумеется, не упустил случая посмеяться на самом твердом основании насмешки: на противоположности слова и дела, проповеди и проповедника. Персиянин не мог не заметить толстеного человека в черном платье, но печальный цвет одежды находился в противоположности с веселым видом и цветущим лицом господина, причесанного с большею тщательностию, чем причесывались дамы; персиянин пишет, что этот господин отлично знает слабости женщин, и женщины знают его собственную слабость.

Персиянин заметил, что гуляки содержат во Франции огромное количество женщин вольного поведения, а люди набожные

содержат великое множество дервишей, у которых три обета — повиновение, бедность и целомудрие, но из этих обетов соблюдается только первый; скорее султан откажется от своих великолепных титулов, чем французские дервиши от титула бедности, ибо титул бедных служит им главным препятствием быть действительно бедными. Персиянин заметил и метко описал это печальное состояние общества, когда многие, не отказываясь от религии, перестали быть религиозными: «Я не заметил между христианами этого живого религиозного убеждения, которое господствует между магометанами. Религия у них составляет для всех предмет спора; придворные, военные, даже женщины поднимаются против духовенства и требуют у него доказательств тому, во что решились не верить. Это решение составилось не вследствие убеждений разума, не вследствие того, что они потрудились исследовать истину или ложность отвержаемой ими религии,— это бунтовщики, которые почуествовали иго и свергли его прежде, чем сознали. Поэтому они так же слабы в своем неверии, как и в своей вере; они живут в приливе и отливе, которые носят их от одного к другой».

Персиянин заметил отсутствие жизни и в другом сословии, которое прежде стояло наверху по своим личным качествам, а теперь, утратив эти качества, старалось напомнить о своем значении внешними приемами, способными производить сильное раздражение и ускорить переворот. Приятель персиянина сказал ему, что повезет его к одному из самых знатных и представительных людей. «Что это значит? — спросил мнимый азиатец. — Это значит, что он учтивее, ласковее других?» — «Нет, — отвечает приятель, — это значит, что он дает чувствовать каждую минуту свое превосходство над всеми теми, которые к нему приближаются». — «Я увидал, — пишет персиянин, — маленького человечка, которому не мог не удивиться: так он был горд, с таким высокомерием нюхал табак, так громко сморкался, с такою величественною медленностию плевал, ласкал своих собак так оскорбительно для людей! Надобно нам иметь слишком гадкую натуру, чтобы позволить себе делать сотню маленьких обид людям, которые ежедневно приходят к нам с заявлением своего доброго расположения». Не пощажена и новая денежная аристократия. Персиянин осведомляется у своего приятеля: «Кто это человек, который так много говорит об обедах, данных им знати, который так близок с вашими герцогами, который так часто говорит с вашими министрами? Должно быть, это человек очень значительный; но у него такая пошлая физиономия, что не делает чести людям значительным, к тому же это человек невоспитанный». — «Это откупщик, — отвечал приятель, — он настолько выше других по своему богатству, насколько ниже по происхождению. Он большой наглец, как вы видите, но у него превосходный повар,

и он ему благодарен: вы слышали, как он целый день его расхваливал?»

Но всего лучше вскрыта одна из главных причин приближавшего переворота в указаниях на безнравственность тогдашнего французского общества. Персиянин разговорился с одним из господ, счастливых с женщинами. «У меня нет другого занятия,—говорил этот господин,—как привести в бешенство мужа или привести в отчаяние отца; нас несколько таких молодых людей, и мы разделили Париж, который интересуется нашим малейшим приключением».—«Что сказать о стране,—пишет по этому поводу персиянин,—что сказать о стране, где терпят подобных людей, где неверность, похищение, вероломство и неправда ведут к знаменитости, где уважают человека, который отнимает дочь у отца, жену у мужа? Здесь мужья смотрят на неверность своих жен, как на неизбежные удары судьбы. Ревнивый муж считается помехою всеобщего веселья, безумцем, который хочет пользоваться солнечным светом за исключением всех других. Игра в общем употреблении, быть игроком—значит иметь почетное положение в обществе. Женщины особенно склонны к игре».

Персиянин указывает признак гниения общества в толпе людей праздных, живущих болтовней, занятых только деланием визитов и посещением публичных мест. Один из таких людей умер от усталости, и на могиле его была начертана следующая эпитафия: «Здесь покоится тот, кто никогда не знал покоя: он присутствовал на 530 похоронах, на 2680 крестинах; пенсии, с которыми он поздравлял своих друзей, простираются до 2 600 000 ливров; путь, который он совершал по мостовой, до 9600 стадий, за городом до 36 000. Разговор его был занимателен; он имел в запасе 365 рассказов, кроме того, 118 апофтегм, заимствованных из творений древних».

Персиянин неблагоприятно отнесся к литературе и литературам. Понятно, что отрицательному отношению к общественному строю должно было соответствовать отрицательное отношение к литературе, выражавшей этот строй и служившей ему; вызывалась новая литература, которая должна была выражать и служить новым потребностям,—литература с новыми политическими тенденциями, стремящаяся разрушать старое, пересоздать общество на новых началах; литература, писатели, не имевшие таких тенденций, считались пустыми, а имевшие тенденции другого рода—вредными. Персиянин оскорбляется тем, что люди, считающие себя умниками, не хотят быть полезными обществу и упражняют свои таланты в пустяках; например, персиянин застал их в пылу спора о самом пустом предмете, именно о степени достоинства одного старого греческого поэта, которого родина и время смерти не известны; спор шел о степени достоинства,

ибо все были убеждены, что это поэт превосходный. Выходка Монтескье против споров о достоинстве Гомера была выходкою против всего того направления, которое господствовало с эпохи Возрождения, когда древняя греко-римская жизнь и литература были на первом месте. «Страсть большей части французов,— пишет персиянин,— быть умниками и составлять книги, тогда как ничего не может быть хуже этого. Природа мудро распорядилась, чтобы человеческие глупости были преходящими, а книги дают им бессмертие! Глупцу мало того, что наскучивает всем тем, которые живут вместе с ним: он хочет мучить все будущее поколение, он хочет, чтобы потомство знало, что он жил и что был глуп».

Но больше всего в «Персидских письмах» достается поэтам, и понятно почему: никто так не прославил неприятного теперь века Людовика XIV, как поэты; их произведения сделались неотъемлемым достоянием народа, его красотою и гордостью, а что сделали они для того воспитания или перевоспитания народа, какого хотел Монтескье с товарищами? В одном обществе персиянин встретил человека дурно одетого, делающего гримасы, говорящего каким-то странным языком. Когда он осведомился, кто это, то ему отвечали: поэт, а поэты — самые смешные люди на свете, поэтому их не щадят, их обдают презрением. В другой раз персиянин вошел в библиотеку; провожатый указал ему на отдел книг и сказал: это все поэты, т. е. авторы, которых ремесло состоит в том, чтобы мешать здравому смыслу и обременять ум украшениями, как некогда обременяли женщин нарядами; провожатый сделал особенно злую выходку против лирических поэтов, которых искусство, по его словам, состоит в гармонической бессмыслице.

Кроме общих причин, заключавшихся в характере времени, собственная природа Монтескье участвовала в составлении такого отзыва о поэтах. Несмотря на легкий, насмешливый характер «Персидских писем», в их авторе виден уже человек, который не может освободиться от серьезных вопросов, от серьезных дум над общественными явлениями. Он уже возбуждает вопрос о пользе и вреде цивилизации и старается разрешить его. Один персиянин оспаривает пользу цивилизации. «Я слышал,— пишет он,— что изобретение бомб отняло свободу у всех народов Европы: государи, не будучи более в состоянии вверять охрану крепости гражданам, которые сдались бы при первой бомбе, получили предлог содержать регулярные войска, с помощью которых поработили потом своих подданных. После изобретения пороха нет более неприступных крепостей, т. е. нет более на земле убежища против несправедливости и насилия. Я трепещу при мысли, что откроют еще новое средство истреблять людей и целые народы. Ты читал историков; обрати внимание на то, что

все государства основались во время невежества и пали вследствие излишнего занятия искусствами. Недавно я в Европе, но уже слышал от разумных людей о свирепствах химии: это четвертый бич, истребляющий людей, но истребляющий постоянно, тогда как война, мор и голод истребляют большие массы, но после долгих промежутков времени. К чему послужило изобретение компаса и открытие стольких новых народов, которые сообщили нам более свои болезни, чем богатства? Это изобретение было гибелью для открытых стран: целые народы были истреблены, оставшиеся обращены в рабов».

«Или ты не думаешь того, что говоришь,— отвечает другой персиянин,— или ты поступаешь лучше, чем думаешь. Ты покинул отечество для науки—и ты презираешь просвещение? Подумал ли ты о варварском и несчастном положении, в какое мы повергнуты потерей образования? Ты боишься, что выдумают какое-нибудь новое средство истребления. Нет: если пагубное изобретение явится, то оно будет запрещено народным правом, и единодушное соглашение народов погубит его. Для государей нет выгоды делать завоевания подобными средствами: они должны искать подданных, а не земли. Ты жалуешься, что нет более неприступных крепостей: значит, ты жалеешь, что теперь войны оканчиваются скорее, чем прежде. Ты должен был заметить, читая историю, что, со времени изобретения пороха, битвы стали менее кровопролитны, чем прежде, ибо почти не бывает более рукопашных боев. Когда говорят, что искусства делают людей изнеженными, то здесь речь не идет, по крайней мере, о людях, которые занимаются искусством, ибо они никогда не бывают праздны, а праздность более всех пороков истребляет мужество. В стране образованной люди, которые пользуются удобствами от известного искусства, принуждены заниматься другим искусством, если не хотят видеть себя в постыдной бедности, следовательно, праздность и изнеженность несовместимы с искусствами. Париж, быть может, самый чувственный город в мире, нигде более не утончают удовольствий; но в нем же ведут и самую трудовую жизнь. Чтоб один человек жил роскошно, сотня других должна работать без усталости. Одна женщина вздумала, что ей надобно явиться в известном обществе в таком-то наряде, и вот с этой минуты пятьдесят ремесленников уже не спят более и не имеют более времени есть и пить; она приказывает—и ей повинуются скорее, чем нашему монарху, ибо интерес есть самый могущественный монарх на свете. Эта страсть к труду, страсть к обогащению идет из сословия в сословие, от ремесленников до вельмож, овладевает целым народом, среди которого только и видишь труд, промышленность. Где же изнеженный народ, о котором ты толкуешь?» Дело начато слабо, поверхностно, но начато.

Будущий автор «духа законов» делает сильную выходку против господства римского права во Франции, выходку, также знаменующую пробуждение народности «Кто может подумывать,— пишет персиянин,— чтобы королевство самое древнее и самое могущественное в Европе уже десять веков руководилось чужими законами? Если бы еще французы были покорены, то это легко было бы понять, но они завоеватели. Они покинули древние законы, изданные их первыми королями в общих собраниях народа, и, что всего страннее, римские законы, которые они приняли вместо своих, были изданы в то же время. И чтобы заимствование было полное, и чтобы весь здравый смысл пришел изчужа, они еще взяли все папские постановления и сделали их частью своего права: новый вид рабства. Это обилие чужих натурализованных законов подавляет правосудие и судей; но эти томы законов ничто в сравнении с страшным войском глоссаторов, комментаторов, компиляторов,—людей столь же бедных здравым смыслом, сколько богатых числом своим».

Автор по поводу исторической библиотеки, которую показывают персиянину, делает краткий очерк или, лучше, краткий отзыв об истории европейских государств. О Германии автор выражается так: «Это единственное государство в мире, которое не ослабевает от разделения, которое укрепляется по мере потерь своих; медленное в пользовании своими успехами, оно становится неодолимым вследствие своих поражений». В истории Франции Монтескье видит только историю усиления королевской власти. В английской истории он видит «свободу, постоянно порождающуюся из огня междоусобий и мятежей, короля, постоянно колеблющегося на престоле непоколебимом; народ нетерпеливый, мудрый в самом бешенстве своем». Польша так дурно пользуется своею свободою и правом избрания королей, что как будто хочет этим утешить соседние народы, потерявшие и ту, и другое. О государствах скандинавских ни слова в этом очерке, по неумению сказать о них хотя что-нибудь; но России, благодаря Петру Великому, посвящено целое письмо, полученное персиянином, находящимся в Париже, от приятеля, находившегося по дипломатическим поручениям в России.

Собравши кой-какие сведения, казавшиеся ему характеристичными для изображения допетровской России, Монтескье говорит о Петре: «Царствующий государь захотел все переменить; у него были большие столкновения с подданными насчет бороды, с духовенством и монахами—насчет их невежества. Он старается о процветании искусств и не упускает ничего, чтобы в Европе и Азии прославить народ свой, до сих пор забытый. Беспокойный, в беспрестанном волнении, блуждает он в областях своего обширного государства, оставляя повсюду следы своей врожденной строгости. Он покидает свою землю, как будто бы она была

тесна для него, и ищет в Европе других областей, других государств».

«Персидские письма» были напечатаны в Голландии в 1721 году. Во Франции автор, молодой президент бордосского парламента, не был обеспокоен: Франциею правил в это время регент, герцог Орлеанский, который не чувствовал в себе никакого побуждения восставать ни за духовенство, ни за память Людовика XIV. В 1729 году, когда Монтескье понадобилось вступить в члены французской академии и когда автор «Персидских писем» должен был ожидать препятствий от правителя с другим характером, от кардинала Флери, он приписал выходки против религии вине голландских издателей и представил Флери очищенный экземпляр. Монтескье продал свое место президента в парламенте, предпринял после этого долгое путешествие по Европе и по возвращении во Францию в 1734 году издал «Рассуждение о причинах величия и падения римлян». Здесь Монтескье указал на значение хорошего воспитания, хорошей школы для народа, значение постоянного труда, постоянного напряжения сил, развивающего их, хотя и не мог освободиться от одно-стороннего взгляда, что только бедность поддерживает нравственность народную, а богатство ведет неминуемо к падению; он указывает на пользу для римлян от продолжительности войн, которые должны были вести они с соседними городами, от упорного сопротивления последних. «Если бы римляне быстро покорили все соседние города, то они были бы уже испорченным народом во время нашествия Пирра, галлов и Аннибала и, по общему закону, слишком быстро перешли бы от бедности к богатству, от богатства к порче нравов. Но Рим, делая постоянно усилия и находя постоянно препятствия, давал чувствовать свое могущество, не имея возможности распространять его, и в небольшой сфере упражнялся в добродетелях, долженствовавших стать столь пагубными для вселенной».

Переходя к внутренним причинам силы Рима, Монтескье забывает то, что говорил прежде в «Персидских письмах», о пользе цивилизации, о значении труда и его усилении при разделении занятий, о том, что праздность более всего портит нравы. Теперь он говорит, что сила древних республик основывалась на равном разделении земель, на том, что большинство народонаселения состояло из воинов и земледельцев, что увеличение числа ремесленников вело к порче, ибо ремесленники — народ робкий и испорченный, причем не отделяет рабов от ремесленников. При объяснении борьбы между патрициями и плебеями Монтескье обходит все необходимые подробности и объясняет дело просто завистию и ненавистию простого народа к знати. Причиною падения Рима было, во-первых, то, что легионы, начавши вести войну вне пределов Италии, потеряли

гражданский характер и стали смотреть на себя как на войско того или другого полководца; во-вторых, вследствие того, что право римского гражданства было распространено на италийские народы, Рим наполнился гражданами, которые принесли свои гений, свои интересы и свою зависимость от какого-нибудь государственного патрона. Город потерял свою целостность; Рим перестал быть тем для своих граждан, чем был прежде; римский патриотизм, римские чувства исчезли. Честолюбцы приводили в Рим целые города и народы для произведения смут при подаче голосов; народные собрания получили вид заговоров.

При настоящем состоянии исторической науки исследование Монтескье представляется трудом очень легким, поверхностным; но не надобно забывать, что это была первая попытка вдуматься в причины явления. Мысль, возбуждаемая настоящим неудовлетворительным состоянием Франции, ищет разрешения важных вопросов настоящего в прошедшем, наиболее известном, ищет причин величия и гибели государств, имея в виду заветную цель — определение отношений свободы и власти, определение удовлетворительное, т. е. способное охранить государство, и среди объяснений поверхностных мыслитель приходит иногда к выводам, которые становятся ценным вкладом в науку. Таков, например, следующий вывод: «То, что называют единством, есть нечто очень неопределенное относительно тела политического. Истинное единство есть единство гармонии, состоящее в том, чтобы все части, как бы они противоположны ни казались, содействовали благу общему, как диссонансы в музыке содействуют общему согласию. Может существовать единство в таком государстве, которое, по-видимому, находится в беспокойном состоянии, тогда как в видимом покое азиатского деспотизма заключается действительное разделение: земледelec, воин, купец, начальствующее лицо, благородный связаны так, что одни притесняют других без сопротивления, и если здесь видят единство, то здесь не граждане соединены, а мертвые тела, погребенные одни подле других».

Так же точно можно найти много недостатков и в самом знаменитом сочинении Монтескье — «*О духе законов*», вышедшем в 1748 году; можно с некоторым основанием упрекнуть и его в поверхностности, в стремлении построить систему, не заботясь при этом о собрании материалов. Но такой приговор будет крайне односторонен, если мы не прибавим, что книга заслужила свою громадную репутацию тем, что впервые в таких широких размерах представила различные формы государственного устройства, причины их происхождения, их историю у различных народов, древних и новых, христианских и не христианских; легкость, доступность изложения расширяли круг читателей и увеличивали полезность книги; то же самое производили

умеренность, сдержанность, научно-историческое уважение к каждой форме, как происшедшей не случайно, не произвольно, стремление известными объяснениями, известными указаниями привести к правильному пониманию человеческих отношений и содействовать благополучию человеческих обществ, какие бы формы для них ни выработала история.

Книга Монтескье небывалою широтою плана, возбуждением стольких важных исторических и юридических вопросов производила могущественное влияние на умы современников, породила целую литературу и в то же время имела важное практическое значение, изменяя взгляды на существующие отношения, изменяя их ко благу народов и достигая этого указанною выше умеренностию, сдержанностию, не пугая правительства революционными требованиями, но указывая им средства содействовать благосостоянию подданных и при существующих основных формах, ибо ничто так не вредит правильному, свободному развитию человеческих обществ, как революционные требования, пугающие не правительство только, но и большинство, заставляющие его опасаться за самые существенные интересы общества: человек убежден в необходимости выйги из дому подышать чистым воздухом, но, испуганный ревом бури, ливнем и холодом, спешит затворить окно и предпочитает остаться в душной атмосфере своей маленькой комнаты.

Автор книги «О духе законов», разумеется, должен был начать определением закона: «Законы в самом строгом смысле слова суть необходимые отношения, проистекающие из природы вещей, и в этом смысле все существующее имеет свои законы. Сказавшие, что «слепой случай произвел все видимое нами в мире», сказали великую нелепость, ибо что может быть нелепее утверждения, что слепой случай мог произвести разумные существа? Следовательно, есть первоначальный разум, и законы суть отношения между ним и различными существами и отношения этих различных существ между собою. Бог относится ко вселенной как творец и охранитель; законы, по которым Он создал, суть законы, по которым Он охраняет; Он действует по этим правилам, потому что Он их сознает; Он их сознает, потому что они Его создание; Он их создал, потому что они имеют отношение к Его мудрости и могуществу. Существа отдельные, разумные могут иметь законы, которые они сами составили, но они имеют также законы, не ими составленные. Прежде появления существ разумных они были возможны, следовательно, они имели возможные отношения друг к другу и, следовательно, законы возможные. Прежде появления законов существовали возможные отношения юридические. Сказать, что нет ничего справедливого и несправедливого, кроме того, что повелевают или запрещают положительные законы, это все равно сказать,

что прежде начертания круга все радиусы не были равны между собою. Следовательно, необходимо признать отношения правды прежде закона, их устанавливающего».

Переходя к объяснению происхождения государства, Монтескье отрицает, что одноличное управление есть наиболее соответствующее природе, ибо природа установила родительскую власть; он указывает на то, что государство необходимо заключает в себе соединение многих семейств. У него другое мнение относительно естественности: форма правления наиболее соответственная природе есть та, которая наиболее удовлетворяет свойствам народа, ее установившего. «Закон вообще есть человеческий разум, во сколько он управляет всеми народами мира, а законы политические и гражданские суть особенные случаи, к которым прилагается этот человеческий разум. Они должны быть такою собственностью народа, для которого изданы, что удивительную случайность представит явление, если законы одного народа будут пригодны для другого. Они должны соответствовать природе и принципу правления установленного или которое хотя установит, будут ли это законы, устанавливающие его, как законы политические, или поддерживающие его, как законы гражданские. Они должны соответствовать физическому виду страны, климату холодному, жаркому или умеренному, качеству почвы, положению страны, ее величине, образу жизни народонаселения землепашеского, звероловного или пастушеского. Они должны соответствовать степени свободы, допускаемой конституциею, религии жителей, их склонностям, их богатству, их числу, их торговле, нравам и обычаям. Наконец, они имеют отношения друг к другу, к своему происхождению, к цели законодателя, к порядку вещей, на котором они основываются. Их надобно рассматривать во всех этих отношениях. Такое рассмотрение я предпринял сделать в предлагаемом сочинении. Я исследую все эти отношения, все вместе они образуют то, что называется *духом законов*. Прежде всего я исследую отношения законов к природе и принципу каждого образа правления; так как этот принцип имеет на законы главное влияние, то я постараюсь получить с ним познакомиться».

Исследование начинается известным тройственным делением правительственной формы на республиканскую, монархическую и деспотическую и подразделением первой на аристократию и демократию. Самую важную часть исследования составляет определение монархического правления: «Власти посредствующие, подначальные и зависимые составляют натуру монархического правления, т. е. такого, где один управляет посредством основных законов. Самая естественная, посредствующая, подчиненная власть есть власть дворянства; оно входит в сущность монархии, основное правило которой: «Нет монарха — нет дворянства; нет

дворянства — нет монарха, а вместо его — деспот». Уничтожьте в монархии преимущества вельмож, духовенства, дворянства и городов — у вас очутится или республика, или деспотизм. Не достаточно, чтобы в монархии были посредствующие члены, — нужно еще хранилище законов. В государствах, где нет основных законов, нет и хранилища. Вот почему в этих странах религия имеет обыкновенно такую силу, а куда не простирается влияние религии, там действуют обычаи, имеющие силу законов».

Это различие двух форм — монархической и деспотической — имеет важное историческое значение, ибо здесь впервые указана отличительная черта новых европейских государств, обозначившаяся при самом их происхождении и условившая все дальнейшее их развитие, всю их историю: это более сильное развитие, большая сложность организма сравнительно с государствами восточными, древними и новыми. Новое европейское государство при самом рождении своем представляло уже тело высшего организма, имевшее уже несколько сильно развитых органов, и дальнейшее определение отношений между ними представляет главное явление, главный интерес европейской истории: это — то *Монтескье* и указал в своих посредствующих властях, и преимущественно в дворянстве, которого восточные государства не имеют.

За этим указанием следует указание на принципы или пружины трех правительственных форм: для республики — добродетель, для монархии — честь, для деспотии — страх. Легко понять, что указание на эти принципы встретило самые сильные возражения, и, несмотря на все старание самого *Монтескье* оправдаться и старание других оправдать его, принципы эти не могут быть приняты. Добродетель, или политическая добродетель, как хочет *Монтескье* выражаться, т. е. патриотизм, желание истинной славы, самоотречение, способность жертвовать самыми дорогими интересами на пользу общую одинаково необходимы как для республики, так и для монархии; как в той, так и в другой люди, обладающие этими качествами, не представляются толпами. Политическая добродетель во всей силе обнаруживается обыкновенно в опасные для государства времена, и государство спасается, если имеет достаточный запас этой добродетели; в противном случае оно гибнет.

То, что *Монтескье* назвал честью и выставил как принцип или пружину монархии, есть та же политическая добродетель, та же способность выполнить свою обязанность, сделать то, что признается хорошим и полезным для общего блага, и, наоборот, не сделать ничего такого, что признается дурным, несмотря на требование одного сильного человека или на требование толпы, на требование могущественной партии, — все равно, какая бы ни была правительственная форма. Это видно

из примера, приводимого самим же Монтескье. После Варфоломеевской ночи Карл IX предписал всем губернаторам умерщвлять гугенотов. Виконт Ортес, начальствовавший в Байоне, отвечал: «Государь, между подчиненными мне жителями и военными я нашел только добрых граждан, храбрых солдат и ни одного палача; поэтому они и я умоляем ваше величество употребить наши руки и нашу жизнь на какое-нибудь другое дело, которое можно исполнить». Если бы Монтескье остался верным историческому взгляду, то господство так называемой чести в новых европейско-христианских обществах он приписал бы тому же развитию последних, судействованию сильных самостоятельных органов, которые он называет посредствующими властями.

Но главный источник ошибки Монтескье заключался в условиях времени. Государство, среди которого жил Монтескье, представляло наверху крайнее оскудение политической добродетели; сохранились только известные принятые приличия, так называемые требования чести. Монтескье ужасными красками описывает нравы придворных своего времени: «Честолюбие в праздности, низость в гордости, страсть к обогащению без труда, отвращение к правде, лесть, измена, коварство, невнимание к обязательствам, презрение обязанностей гражданина, страх иметь добродетельного государя, упование, полагаемое на его слабость, и, что хуже всего, постоянная насмешка над добродетелью». Мы считаем это описание верным, ибо проверка налицо — революция, а революция обыкновенно готовится не снизу, ибо здесь всегда требуется твердая и разумная власть, а сверху, если здесь ищется способность доставлять народу эту необходимость, т. е. твердую и разумную власть, и происходит болезненное движение с целью восполнить эту способность. Но Монтескье не думал, что начертанное им состояние нравственности наверху французского общества необходимо условливало революцию; он думал, что государство может продолжать свое существование при таких условиях с одною только пружиною — честью, ложною честью, как сам признается.

Печальное состояние французского правительства внушило, впрочем, Монтескье несколько мыслей, которые не остались без действия в других концах Европы, как увидим в своем месте: «Монархия погибает, когда государь думает, что он показывает более свое могущество в перемене известного порядка вещей, чем в его соблюдении; когда он отнимает у одних естественно принадлежащие им должности, чтобы произвольно отдать другим. Монархия погибает, когда государь, относя все единственно к себе, сосредоточивает государство в своей столице, столицу — в дворе, а двор — в собственной особе. Монархия погибает, когда государь не понимает значения своей власти, своего положения,

любви подданных, когда не понимает, что монарх должен считать себя в безопасности, точно так, как деспот должен считать себя в постоянной опасности. Принцип монархии искажается, когда наивысшие достоинства суть знаки наибольшего рабства; когда отнимают у вельмож уважение народов, когда их делают позорными орудиями произвола. Он искажается еще более, когда честь приводится в противоречие с почестями, когда можно быть покрытыми в одно время знаками отличия и бесславием. Он искажается, когда государь переменяет правосудие на жестокость, когда он принимает грозный и страшный вид, который Коммод приказывал давать своим статуям. Принцип монархии искажается, когда подлые души хвастаются величием своего рабства и думают, что, получивши все от государя, могут освободить себя от всех обязанностей к отечеству».

Заметим и следующие положения Монтескье относительно внешней политики: «Когда в соседстве находится государство, клонящееся к своему падению, то не должно ускорять этого падения, ибо не должно лишать себя положения самого счастливого, какое только может быть для государя: нет ничего удобнее как находиться подле другого государя, который принимает на себя все удары и все обиды судьбы. И редко завоеванием подобного государства настолько же усиливается действительное могущество, насколько теряется могущество относительное». Это замечание грешит односторонностью, безусловностью. Для государства, разумеется, всегда выгодно, если оно окружено слабыми или, по крайней мере, слабейшими государствами. Такою выгодою до последнего времени отличалось положение Франции между слабою Испаниею и слабыми, по разделению своему, Германиею и Италиєю; так было выгодно положение Русской империи после Петра Великого между Швециєю, Польшею и Турциєю. Но если соседнее государство, клонящееся к падению, представляет безопасность само по себе, то по слабости своей оно может усилить другого соседа, который захочет увеличить свои средства на его счет, — другие соседи не могут этого позволить, и таким образом падающее государство становится предлогом постоянной борьбы между ними; его слабость уничтожается пространством, разделяющее сильные государства, по его поводу они приходят в постоянные столкновения друг с другом, следовательно, существование между ними слабого государства не приносит им никакой выгоды; напротив, гранича непосредственно друг с другом, они имели бы менее причин к вражде. Соседство с слабым государством принуждает сильного, не имеющего никаких побуждений к завоеваниям, решаться поневоле на дело насилия против слабого из самосохранения, чтобы не дать другому сильному усилиться еще более на счет слабого.

Вообще нельзя полагать большего счастья для государства в слабости соседей, ибо самое верное ручательство для

государства состоит не в чужой слабости, а в собственной внутренней силе, которая дает возможность иметь всегда прямую, честную политику, возможность не бояться чужой силы, не стараться без разбора средств обеспечивать себя физически захватом чужого, округлением своей государственной области, ибо для безопасности государства требуются прежде всего силы нравственные. Окружение слабыми соседями дурно воспитывает народ, приучает к драчливости, вселяет завоевательный дух; окружение сильными соседями воспитывает хорошо, сдерживает, внушает уважение к чужим правам, заставляет хлопотать о внутренней силе, о правильности внутреннего развития, как о главном средстве безопасности. Вероятно, Монтескье, пиша свои замечания, хотел показать, что сильным невыгодно пользоваться слабостью слабых, хотел высказаться против завоевательных стремлений и вместе высказаться против политики своего отечества. Вслед за тем автор требует также, чтобы завоеватели умеряли свои стремления и чтобы кротко обходились с покоренными, по требованиям благоразумия. «Монархия может делать завоевание только в естественных границах; благоразумие требует остановиться, как скоро эти границы перейдены. При этих завоеваниях нужно оставлять все в том положении, в каком найдено, оставлять прежние судилища, прежние законы, прежние обычаи, прежние привилегии; перемениться должны только войско и сам государь. С завоеванными областями должно обходиться чрезвычайно кротко».

Самая знаменитая часть сочинения Монтескье, о которой до сих пор наиболее идет речь в литературе государственного права,—это одиннадцатая книга, трактующая «о законах, которые образуют политическую свободу в связи с конституцией». Здесь излагается теория разделения властей: в каждом государстве существуют троякого рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная.

Основываясь на примере Англии, автор требует разделения этих властей, как необходимости для политической свободы, а политическая свобода, по мнению Монтескье, состоит для гражданина в спокойствии духа, происходящем от уверенности в своей безопасности. Против этого требования разделения власти вооружаются в науке настоящего времени: Монтескье упрекают за то, что он слишком много обращает внимания на государственный механизм, дает слишком много значения механическому действию деления властей, слишком мало внутренней, живой силе; упрекают его за то, что он на цель государства смотрит со внешней, отрицательной стороны, полагая ее в безопасности отдельного лица, а не в положительном благе, не в совершенстве общественного состояния. Но для историка со-

вершено понятна такая точка зрения, ибо эта безопасность отдельного лица была всего важнее для француза времен Монтескье; понятно, как Монтескье пришел к убеждению в необходимости, чтоб одна власть сдерживала другую для безопасности гражданина, в необходимости разделения властей: если, разделяя, властвуют, то, разделяя же власть, становятся свободными (*dividendo imperant et dividendo liberi fiunt*).

Для нас важнее, чем спорное требование разделения властей, указание Монтескье на историю происхождения представительной формы, на попытку отыскать ее в начале средневековой истории, на попытку сравнить явления этой истории с явлениями истории древней. Мы теперь не можем удовлетвориться объяснениями Монтескье, но не можем не признать, что положено было начало правильному пониманию дела, что дан был смысл, значение этим средним векам, к которым до сих пор относились так неприязненно; образованные люди Западной Европы переставали бредить греками и римлянами и начинали обращать внимание на свою собственную древнюю историю, которую называли среднею, в ней искать твердой почвы для дальнейших государственных построек, ею объяснять свое настоящее. Понятно, что при новости дела, при отсутствии достаточных сведений в истории средних веков, достаточной вдуманности в ее явления неизбежны были ошибки, которые мы находим у Монтескье; но дело было им начато, указание было сделано громко, на всю Европу, и произвело сильнейшее впечатление. Важен был прием, постоянно употребляемый Монтескье указавши на происхождение средневековой монархии в Западной Европе, *готического правления*, по выражению автора, он сейчас же указывает на значение царей героического периода греческой истории, на значение римских царей, на положение Рима, на разделение властей после изгнания царей.

Неоспоримо и влияние двенадцатой книги, где говорится о законах, составляющих политическую свободу по отношению к гражданину. Безопасность гражданина всего более подвергается нарушению в обвинениях публичных и частных. Свобода торжествует, когда уголовные законы извлекают наказания из самой природы преступления. Несмотря на ошибки в объяснении частных случаев, книга должна была производить благотворное впечатление, выставляя неразумность и недействительность жестоких наказаний и разных правительственных мер для предотвращения преступлений. Автор указал, как осторожно надобно поступать с обвинениями в оскорблении величества, когда оскорбление состоит в словах, ибо дело не в словах, а в тоне; иногда молчание выражает более, чем разговор. Где из слов делают преступление, там нет и тени свободы. Слова, соединенные с действием, принимают природу этого действия. Так,

человек, который на площади возбуждает подданных к мятежу, виновен в оскорблении величества, ибо здесь слова соединены с действием. Монтескье с негодованием приводит манифест русской императрицы Анны против Долгоруких, где один из этих князей осуждается на смерть за то, что произнес неприличные слова об особе государыни; другой — за то, что злобно толковал ее мудрое распоряжение. Но мы должны прибавить, что другая русская императрица под влиянием книги Монтескье запретила обращать внимание на слова, которые до нее вели к розыскам «тайной канцелярии».

«Государь,— говорит Монтескье,— должен обходиться с подданными прямо, откровенно, доверчиво. Человек озабоченный, боязливый и подозревающий—это актер, затрудненный своею ролью. Когда государь видит, что законы исполняются, пользуются уважением, то может считать себя безопасным. Только бы он не боялся, и тогда увидит, до какой степени народ склонен любить его. Да и за что бы его не любить? Он есть источник почти всего хорошего, что делается в государстве, а наказания относятся на счет законов. Когда министр отказывает, то воображают, что государь исполнил бы просьбу. Даже в общественных бедствиях не обвиняют особу государя, а жалуются, что он не знает, что делается, что он окружен людьми порочными. «Если бы государь знал!»—говорит народ. Власть королевская—это великая пружина, которая должна двигаться легко и без шума. Есть случаи, где верховная власть должна действовать во всей своей силе; есть случаи, где она должна действовать умеренно. Высшее искусство в управлении—это знать, какое в известных случаях участие должна принимать власть, большое или малое. В наших монархиях счастье подданных состоит в мнении, какое они имеют о кротости правления. Неискусный министр всегда вам напоминает, что вы рабы, тогда как он должен был бы скрывать это, если бы и в самом деле так было. Государь должен только поощрять, грозить же должны только законы. Нравы государя столько же помогают свободе, сколько и законы; он может, подобно законам, делать людей зверями и зверей людьми. Если он любит души свободные, он будет иметь подданных; если он любит души низкие, то будет иметь рабов. Хочет ли он знать великое искусство управления—да приблизит к себе честь и добродетель, да приблизит к себе достоинство личное, да не боится соперников, которых называют людьми достойными: он равен с ними, когда их любит. Пусть охотно выслушивает он просьбы и будет тверд относительно требований; да знает, что придворные пользуются его милостями, а народ получает выгоду от его отказов. Монархи должны быть чрезвычайно сдержанны относительно насмешки. Она льстит, когда умеренна, ибо вводит в фамильярность; но колкая насмешка позволительна государям

менее, чем кому-либо из подданных, потому что она одна ранит всегда смертельно. Еще менее должны они позволять себе явное оскорбление: их обязанность — прощать, наказывать, но никогда не оскорблять. Они должны восхищаться тем, что имеют подданных, которым честь дороже жизни, ибо честь есть такое же побуждение к верности, как и к мужеству».

В научном отношении большое значение имеет книга четырнадцатая, где говорится о законах в связи с природою страны, с ее климатом. «Если справедливо, что свойства разума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны быть в связи с этим различием страстей, с этим различием свойств». Мысль о значении природы не была нова, но Монтескье принадлежит особенное ее развитие, как на него же падает и ответственность за односторонность, ибо он не указал на другие могущественные влияния: на племя, к которому принадлежит народ, и на историю или воспитание народа.

Односторонне смотрит Монтескье и на происхождение рабства, когда находит для него естественную причину существования в жарких странах, не обращая внимания на степень экономического развития у народов. В принципе он вооружается решительно против рабства, называя его явлением противуестественным; но допускает исключение для некоторых стран; потом, хотя и с оговоркой, с колебанием, доходит до верного вывода, что никакой климат не делает рабства вечною необходимостью: «Надобно ограничить рабство известными странами, в остальных же, как бы тяжелы ни были некоторые работы, можно все их исполнять свободными людьми. Вот что меня заставляет так думать: прежде чем христианство уничтожило в Европе гражданское рабство, работы в рудниках считались столь тяжкими, что употребляли для них только рабов или преступников. Но известно, что теперь люди, работающие в рудниках, живут счастливо. Нет такой тяжелой работы, которую бы нельзя было привести в соответствие с силами работника, если при этом действует рассудок, а не алчность. Можно машинами восполнять труд, какой в других местах налагают на рабов. *Не знаю, ум или сердце диктует мне этот параграф. Быть может, нет на земле климата, который бы не допускал работы свободных людей. Ежедневно мы слышим разговоры, что хорошо было бы иметь рабов.* Но, чтобы хорошо обсудить это дело, нечего исследовать, полезно ли рабство для небольшой утопающей в роскоши части народа; без сомнения, оно ей полезно. Но, приняв другую точку зрения, я не думаю, чтобы каждый из этого меньшинства захотел бросить жребий для решения, кому быть свободным и кому рабом. Те, которые громче других говорят за рабство, больше других от него в ужасе, и люди самые несчастные пришли бы от него в такой же ужас. Крик за рабство, таким

образом, есть крик роскоши и страсти к наслаждениям, а не крик любви к общему благу. Кто сомневается, что каждый человек в частности был бы очень доволен, если бы мог располагать имуществом, честью и жизнью других, и что все его страсти поднимаются при этой мысли? В этих вещах, если хотите знать, законны ли желания каждого — разузнайте желания всех».

Величие научной задачи, которую взялся выполнить Монтескье, удивительным образом отрезвило его и укрепило, сделало мужем из легкомысленного юноши, каким он является в «Персидских письмах». В этих письмах он, следуя моде времени, забавляется бросанием камней в общественные основы, забавляется легким делом отрицания, разрушения, бросает камни в религию вообще и в христианство. В «Духе законов» Монтескье является с положительным направлением, указывает, как строится общественное здание, какие крепкие материалы должно употреблять для его фундамента, и потому с благоговением относится к христианству, ратует против людей, которые толковали, что христианство, отвлекая помыслы людей к иной, будущей жизни, не способно к установлению их жизни на земле. «Удивительное дело,— говорит Монтескье,— христианская религия, которая, кажется, имеет в виду только блаженство будущей жизни, составляет наше счастье и в этой жизни. Бэль, опорочивши все религии, отнимает значение и у христианства: он осмеливается сказать, что истинные христиане не в состоянии образовать государства, могущего существовать. Это почему? Это были бы граждане, вполне сознающие свои обязанности и самые ревностные их исполнители; они отлично понимали бы права естественной защиты. Правила христианства, неизгладимо начертанные в сердце, были бы действительнее всей этой ложной чести в монархиях, этих человеческих добродетелей в республиках и рабской боязни в государствах деспотических»¹⁵. В другом месте он говорит: «Человек благочестивый и атеист говорят постоянно о религии: один говорит о том, что он любит, а другой о том, чего он боится».

Мы не можем расстаться с Монтескье, не приведши несколько его мыслей и заметок, которые или имеют общее значение, или относятся к истории его времени и его страны. Из первых заметим следующее: «Признаюсь, что я не так смиренен, как атеисты. Я не знаю, как они думают, но я ни за что не променяю идеи моего бессмертия на идею однодневного блаженства. Я прихожу в восторг от мысли, что я бессмертен, как сам Бог. Независимо от идей, данных откровением, идеи метафизические вселяют в меня твердую надежду моего вечного блаженства, от которого я не откажусь. Я говорил с мадам Шателз: вы уничтожаете свой сон

¹⁵ Ср. об этом предмете мою статью «Прогресс и христианство» в «Журнале Министерства Народного Просвещения» 1868 года.

изучением философии; наоборот, надобно изучать философию, чтобы приобрести умение спать.— Успех в большей части дел зависит от знания, сколько нужно времени для успеха.— Не должно достигать законами того, что можно достигнуть нравами.— Если бы хотели быть только счастливыми, то этого бы скоро достигли, но хотят быть счастливее других, а это почти всегда трудно, ибо мы считаем других счастливее, чем они на самом деле.— Различия между людьми так ничтожны, что нечего много ими хвастаться: у одних подагра, у других камень; одни умирают, другие приближаются к смерти; у всех одна душа для вечности, и различие только на четверть часа.— Наблюдения составляют историю естественных наук, системы соответствуют баснословным сказаниям.— Когда хотят унижить полководца, то говорят, что он счастлив; но хорошо, когда его счастье составляет счастье общественное».

Из заметок второго рода приведем следующие: «Франция погибнет от военных людей. Люблю земледельцев: они не довольны учены для того, чтобы умствовать превратным образом.— Я заметил, что для успехов в свете надобно быть мудрым с наружностью дурака.— Известный дух славы и мужества мало-помалу исчезает между нами; философия взяла силу: древние идеи героизма и новые рыцарства потеряны. Места гражданские заняты людьми богатыми, а военные потеряли важность, будучи заняты бедняками. Наконец, равнодушие к вопросу принадлежать тому или другому государству. Установление торговли публичными фондами, громадные дары государей позволяют большому числу людей жить в праздности и приобретать даже значение своею праздностию; равнодушие к будущей жизни, которое влечет за собою изнеженность, слабость в жизни настоящей и делает нас нечувствительными и неспособными ко всему тому, что предполагает усилия; менее случаев отличаться; известный методический способ брать города и давать сражения: все дело в том, чтобы сделать брешь и сдать, когда она сделана; война состоит более в искусстве, чем в личных достоинствах людей, которые бьются, при каждой осаде знают заранее, сколько будет потеряно людей; дворянство не сражается более целыми корпусами.— Когда в государстве становится выгоднее подольщаться к сильным людям, чем исполнять свою обязанность, то все погибло.— Нравиться в пустой болтовне — теперь единственная заслуга; для этого судья покидает изучение законов, медик считает унижительным изучение медицины, бегут, как от погибели, от всякого серьезного занятия. Смеяться над вздором и носить этот вздор из дома в дом называется знанием света. Боятся потерять это звание при стремлении получить другое. Я помню, как однажды взяло меня любопытство считать, сколько раз я услышу маленькую историю, не стоящую того, чтоб ее рассказывать; три недели она занимала весь образованный круг, и я слышал ее ровно 225 раз».

Обязанные остановить особенное внимание на книге Монтеスキё, которая имела и до сих пор еще имеет значение не для одной Франции, но и для целой Европы, мы не можем пройти молчанием тех учено-политических вопросов, которые были подняты в описываемое время и касались собственно Франции, вызванные тем движением, которое в ней совершалось. В самом конце царствования Людовика XIV ученый Фрере был посажен в Бастилию за диссертацию о происхождении франков, оскорбившую ложный патриотизм тем, что основателями французского государства являлись немцы. Фрере, благодаря этой первой неудаче в занятиях французской историей, бросился в самую глубокую древность, как более безопасную, и своими исследованиями, методом, в них употребленным, оказал важные услуги исторической науке. Но ни эти исследования, ни смелая попытка Бофора, француза, эмигрировавшего в Голландию, указать на баснословность древней римской истории,— попытка, пролагавшая дорогу Нибуру, не могли в это время обратить на себя большего внимания. Вышло иначе, когда граф Булэнвильер вопрос о происхождении французского государства и первоначальных, основных отношениях в нем свел с чисто ученой почвы на политическую в двух сочинениях своих: «История древнего правления во Франции» и «Письма о парламенте».

В то время, когда высший слой французского общества терял свое значение вследствие потери нравственных сил, чем приготовлялась перестановка сил, революционное движение, Булэнвильер, почуяв беду, решился объявить неприкосновенность прав высшего сословия, решился во имя истории сделать вызов революционному движению, показать его незаконность, показать незаконность и прежних движений в ущерб дворянству, происходивших то в пользу королевской власти, то в пользу низшего сословия, ибо значение дворянства как сословия высшего, властвующего основывалось на праве завоевания галлов франками, от которых французское дворянство происходит. Булэнвильеру отвечал аббат Дюбо; этот, желая подорвать основное положение Булэнвильера, впал в противоположную крайность: он старался доказать, что не было никогда завоевания галлов франками, что франкская, или французская, монархия мирным образом наследовала права Римской империи над галлами, а феодализм установился гораздо позднее путем насилия. Несмотря на то, что в этом споре история находилась в зависимом, служебном отношении, однако она не осталась без выгод: в сочинении Дюбо было указано, что франкское завоевание вовсе не уничтожило прежнего чисто римского строя.

Против Булэнвильера и против существовавшего тогда способа управления во Франции резко высказался человек, стоявший высоко по происхождению и по должности, маркиз и министр

Даржансон в своем сочинении «Размышление о французском правительстве». Даржансон хочет сохранить во всей полноте власть королевскую, считая разделение властей делом противуестественным, но он сильно вооружается против централизации. Вся верховная власть, все государственные отправления должны быть в руках короля и лиц, им поставленных, но местная жизнь должна быть предоставлена сама себе; он не допускает разделения Франции на провинции, участки слишком обширные и иногда опасные для центральной власти; он требует разделения на департаменты, состоящие из двухсот приходов, не больше; каждый департамент должен быть поручен интенданту и его помощникам, избираемым на три года; они должны избирать муниципальное начальство из людей, представленных общиною, иметь также власть и отрешать их. Муниципальное начальство (по крайней мере по пяти человек на общину) имеет в своем заведовании администрацию, финансы, полицию. Соседние общины могут администрировать для рассуждения об общих интересах с позволения интенданта. Даржансон первый выставил в пользу децентрализации доказательства, которые потом повторялись ее приверженцами: все делается дурно и дорого чиновниками королевскими; публичные работы будут производиться лучше и дешевле, когда не нужно будет ждать разрешения сверху на всякую пустяжную поправку и проч. Даржансон требует свободы торговли внутри и вне, требует уничтожения продажи должностей, требует стремления к равенству, требует, чтобы каждый был сыном своей собственной деятельности, но оговаривается, что это идеал, которого вполне достигнуть нельзя.

Дух времени и стремление заниматься политическими вопросами повели к образованию общества, так называемого Антрезольного клуба, члены которого сходились в назначенное время слушать записки по разным вопросам и толковать по их поводу. Клуб был учрежден аббатом Алари, и это английское слово «клуб» впервые введено было во Франции. Самым деятельным членом клуба был аббат Сен-Пьер, неутомимый в составлении записок по многообразным вопросам — и по вопросу о всеобщем мире с помощью европейского конгресса, и по вопросу о податях, о единстве уложения, об усовершенствовании воспитания и проч. Правительство нашло клуб опасным и закрыло его; но движение не остановилось в обществе, ибо правительство поддерживало его своею собственною остановкою. Вольтер, который сам изменил прежний характер литературных произведений, наполнив их политическими намеками, Вольтер в начале второй половины века жалуется, что грация и вкус исчезли из Франции, уступив место запутанной метафизике, политике мечтателей, длинным рассуждениям о финансах, торговле и народонаселении, которые не прибавят государству ни одного эку и ни одного лишнего человека.

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

I СТО СВАДЕБ В АСТРАХАНИ

Была страшная для Москвы осень 1698 года: на Красной площади, на зубцах городской стены, гнили трупы казненных стрельцов; слышались жалобные причитания женщин перед изуродованными телами мужьев, отцов и братьев. Одна из этих несчастных, поплакавши над трупами мужа и деверя, заходила вместе с сыном в дом Федора Лопухина к человеку его, Терентию Андронову. Там в разговорах с женой Терентия она отводила душу в жалобах, которым встречала сильное сочувствие: дом Федора Лопухина был опальный; царь Петр недавно развелся с Лопухиной, отослал ее в монастырь. «Жаль стрельцов,— говорила жена Андронova стрельчихе,— разослали их с Москвы, а теперь настала служба и новая вера, велют носить немецкое платье». Сын стрельчихи Степан внимательно прислушивался к жалобам женщины; у него была одна крепкая дума: отомстить за отца и дядю, но как отомстить? В ушах у него раздавались слова Андроновой: «Новая вера, немецкое платье».

В Москве нечего было делать Степану: здесь нельзя было поднять стрелецкого дела. Степан решился идти в Астрахань, там раздуть мятеж, поднять Поволжье за старую веру и старое платье, идти к Москве, разорять и побивать правителей государственных и офицеров, особенно иноземцев, мстя за то, что стрельцы казнены, и бить челом государю, чтобы велеть быть старой вере, чтобы немецкого платья не носить и бород не брить. У Степана был в живых еще дядя, который жил в Коломне; к этому-то дяде зашел он на перепутье и встретил полное сочувствие своему замыслу; старик был грамотный, ловкий на разного рода дела; он написал племяннику две грамотки: одна была — проезжее воровское письмо, в котором говорилось, что Степан отпущен из Коломны в Астрахань для свидания с братом; другая — подметное, возмутительное письмо, в нем говорилось, что государя на Москве нет, пошел с полками против шведов, и хотят российское государство разделить на четыре части

Пришедши в Астрахань, Степан стал сблизяться с людьми, которые были склоннее к старине, которые имели причины не

любить нового, стал ходить к раскольникам, к стрельцам и толковать с ними о новой вере, о немецком платье, о владычестве немцев над Россией. Иные притакивали ему: «Правда, правда! Все это сбудется!» Другие сомневались, противоречили Степану, но тот говорил все громче и громче, а громкое слово — страшная сила в обществе, подобном астраханскому в начале XVIII века, и вот около Степана начали собираться люди, вполне ему верившие. Так прошло несколько лет; Степан увидал, что дело подготовлено, и в июне 1705 года пронеслась площадная молва, что государя не стало и потому воевода Тимофей Ржевский и начальные люди веру христианскую покинули, начали бороды брить и в немецком платье ходить. Распустив этот слух, Степан ушел на задний план; вперед выступили другие люди, более способные сделать из слова дело. Четверо посадских — Быков, Шелудяк, Колос и Носов — стали сходиться у церкви Николы в Шипилове слободе и рассуждать, как бы вступить за христианскую веру; заводчиком у них был Носов. Однажды, когда они толковали о своем деле, вышел к ним пономарь Никольской церкви Василий Беседин с книгой в руках. «Православные! — начал ученый муж. — Послушайте, что написано в книге о брадобритии!» — и стал читать, какой грех брить бороду. «Погоже, — говорил Беседин, — за это и постоять, хотя бы и умереть пришлось; вот об этом и в книге написано». В книге написано! Дело кончено: чего же больше думать? Какая была эта книга, никому не пришло в голову спросить у Беседина.

С Ильина дня уже все народом говорили о брадобритии и что надобно постоять за христианскую веру. Слухи росли, росли, и однажды на торгу кто-то объявил, что будет запрещено свадьбы играть семь лет, а в это время все будут принуждены выдавать дочерей и сестер за немцев. «Где же немцы?» — «Идут из Казани». Когда говорилось только о брадобритии, то можно было еще толковать и ждаты, но теперь ждаты стало нельзя, у кого дочь была и в несовершеннолетних летах, и ту сговорили за первого попавшегося: не отдавать же за иноземца. И вот в воскресенье 29-го числа церкви были отперты, венчали свадьбы, в один день повенчали сто пар. Но в то самое время, когда одни приготавливались идти под венец, Носов исповедовался у соборного попа Василья Колмогора и сказал ему, что хочет с товарищами постоять за бороду, духовник ему этого не похулил.

Свадьбы, хотя и сыгранные второпях, при печальных обстоятельствах не могли, однако, обойтись без пирушек, к ночи гости охмелели. Надеясь на этот хмель и на подготовку толпы, заговорщики в четвертом часу ночи собрались у Никольской церкви в числе трехсот человек и вломились в Белый город через Пречистенские ворота, у ворот этих стоял московского полка русский офицер, Носов схватил его и заколол копьем; трое матросов-

иноземцев и караульный капитан родом грек имели ту же участь. Загудел набат, в город сбежались стрельцы и толпы разного рода людей. Первым делом заговорщиков, увидавших успех замысла, было отыскать воеводу Ржевского, но тот успел скрыться; искали его на воеводском дворе — не нашли, бросились на архиерейский — не нашли и там; схватили на архиерейском дворе полковника Никиту Пожарского и несколько обер-офицеров и всех перекололи.

Утром в понедельник 30 июля шумел круг: выбирали старшину; выбрали в атаманы Якова Носова, сыскали Ржевского, поставили на круг и убили. На третий день присяга: присягали всеми полками за старую веру и друг за друга стоять до смерти; уговаривали стрельцов, обещали дать им денег по десяти рублей на человека; посылали подговаривать бурлаков, давали им деньги из таможенных и кабацких доходов, пожитки побитых делили по себе; разослали письма на Дон, Терек, Яик и Гребени; писали, что воевода и начальные люди наложили на Астрахань новые поборы, велели брить бороды, носить немецкое платье и кланяться болванам; для доказательства послали на Терек и в Гребени резной болван с личинкой, с накладными волосами.

Царь Петр находился в Митаве, когда получил весть из Москвы об астраханских событиях с дополнениями: красноярские и черноморские стрельцы также взбунтовались, к Царицыну приступили, но были отбиты; встали терские стрельцы и гребенские казаки, на Тереке полковника Некрасова убили; воевода успел уйти из города с верными людьми, собрал к себе татар и черкес и усмирил бунтовщиков, некоторых казнил, заводчиков послал в Москву. Озабоченный трудною войною шведскою, царь отправил в Астрахань грамоту, писал, чтоб от бунта отстали и заводчиков прислали в Москву, не опасаясь гнева его величества. Посланный с этой грамотой астраханец Кисельников приехал в Астрахань 3 января 1706 года; собрал круг, грамоту приняли в кругу и послали за митрополитом Самсоном. Когда пришел митрополит, стали читать грамоту и, выслушав, пошли в церковь молебствовать за здоровье государево, стреляли из пушек. Самсон начал увещевать астраханцев, чтобы принесли повинную государю; митрополит был старик дряхлый, но у него был хороший помощник, Георгий Дашков, строитель Троицкого монастыря, присланный туда из большого Троицкого Сергиева монастыря, от которого астраханский зависел. Дашков «знатную службу показал в увещании бунтовщиков», и 13 января митрополит привел всех к присяге, причем астраханцы положили: если от этого числа кто-нибудь покажет какую-нибудь неверность, то с ним поступить по указу, чего будет достоин; выбрали восемь человек и послали с Кисельниковым к государю с повинною.

Между тем Петр, не зная, какой оборот примет дело в Астрахани, отправил туда фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева с войском. 9 марта, когда Шереметев стоял в урочище Кичибургский Яр, явился к нему архимандрит астраханского Спасского монастыря Антоний и подал письмо от митрополита Самсона и от Георгия Дашкова, который давно уже находился в переписке с фельдмаршалом; теперь Дашков писал, что в Астрахани опять смута и несогласие: одни остаются верны, другие снова склоняются к возмущению, и от того между ними идет распря; Дашков просил, чтобы Шереметев поскорее шел в Астрахань.

Шереметев сперва попробовал уговорить астраханцев и послал к ним для этого сызранца, посадского человека Данила Бородулина. Посланца ввели в круг, где сидел за столом атаман Носов, который сказал Бородулину: «Здесь стали за правду и за христианскую веру, когда-нибудь нам всем надобно же будет умереть, только бы не совсем и не так бы, как теперь нареченный царь; называется он царем, а христианскую веру порушил; он уже умер душой и телом, не всякому бы так умереть». В это же время читали в кругу письмо, присланное из Черного Яра: черноморцы просили прислать силы на помощь, потому что на них идет с войском князь Петр Хованский. Когда грамоту прочли, Носов, опершись локтем на коробью и наклонясь к Бородулину, сказал ему: «Ведь мы не просто зачали, это дело великое; есть у нас в Астрахани со многих городов люди, и не одно черноморское письмо, что там в кругу прочитали, есть у нас письма из Московского государства, от столпа, от сущих христиан, которые стоят за веру же христианскую». Кто и о чем именно писал, того Носов не сказал, а Бородулин не спросил, боялся, чтоб его не убили, потому что обступили его кругом и расспрашивали с великим криком. Потом Носов с товарищами, с старшинами, человек с сорок принесли в круг хлеба, вина, пива, и Носов поднес Бородулину ковш вина; тот, взявши ковш, сказал: «Дай, Боже, благочестивому государю многолетно и благополучно здравствовать!» На это отозвался один из старшин, Иван Луковников, московский стрелец: «Какой он государь благочестивый, он нечестливый, полатынил всю нашу христианскую веру». Бородулин заметил Носову: «Для чего этот старшина такие нечестивые слова говорит?» Атаман рассмеялся и отвечал: «Не все перенять, что по Волге плывет; мужик он простой, что видит, то и бредит». Но Луковников был только запевалой; ему начали подтягивать со всех сторон, кричали: «Не сила Божия ему помогает, ересями он силен, христианскую веру обругал и полатынил, обменный он царь. Идти ли нам, нет ли до самой столицы, до родни его, до Немецкой слободы, и корень его весь вывести; все те ереси от еретика Александра Меншикова». На третий или на четвертый

день пришли к Бородулину на постоянный двор Носов с старшинами и потчевали его вином; Бородулин, взявши ковш, опять говорил: «Дай, Господи, великому государю на много лет здравствовать!» — и, выпивши, стал подносить Носову; но тот сказал: «Я про его государево здоровье пить не стану; пора вам образумиться, ведь и вы все пропали, обольстили вас начальные люди милостию, пропали вы душой и телом». Отпуская Бородулина назад к Шереметеву, Носов говорил ему: «Бог тебе помочь, поезжай; вот тебе подводы, управляйтесь с князьями и боярами, а в городах — с воеводами, а на весну и мы к вам будем».

Между тем фельдмаршал приближался к Астрахани. На Волге, против урочища Коровьи Луки, за 30 верст от города, увидел он пеструю толпу, идущую к нему навстречу; впереди шли Воскресенского монастыря архимандрит Рувим и Георгий Дашков, за ними стрелецкие пятидесятники и десятники, потом армяне, индийцы, бухарцы, юртовские татары, человек с сорок. Шереметев объяснил им, что государь их простил, но чтоб они вины свои заслужили. На 11 марта фельдмаршал пришел ночевать на Долгий остров, в десяти верстах от Астрахани; сюда ночью приехали к нему бурмистры и донесли, что они ушли из Астрахани, где стрельцы волнуются и не хотят пускать его в город. Шереметев придвинулся еще ближе, стал на Балдинском острове, в двух верстах от Астрахани, и послал к ее жителям последнее увещательное письмо. Ответа не было, а пришли дворяне с вестью, что астраханцы зажгли слободы, перебрались в город, расставили и зарядили пушки, собрали гуляющих людей, роздали им ружья и порох и написали между собою письмо, чтобы стоять всем вместе.

Шереметев немедленно отправил полк в Ивановский монастырь, чтобы спасти от пожара его и магазины с провиантом, бывшие подле монастыря; а 12 марта приехал сам в монастырь; астраханцы осадили его здесь, кинули три бомбы, но были отбиты. Между тем подошли остальные полки и начали строиться. Астраханцы сделали вылазку за реку Кутумову, но от первого залпа побежали, покинув пушки и знамена, засели в Земляном городе и начали стрелять с вала. Солдаты взяли вал приступом и гнались за астраханцами до Каменного города к самым Вознесенским воротам. Но астраханцы сильно отстреливались из Кремля. Шереметев, чтобы не трогать людей, велел полкам отступить от Кремля, поставил их в Земляном городе по улицам, послал увещание к астраханцам и для подкрепления его велел метать бомбы из мортир в Кремль. Увещание подействовало: вечером же 12-го числа явились пятидесятники и десятники с повинною, а 13 марта вышли начальники Яков Носов, атаман из донских казаков Елисей Зиновьев и в винах своих просили прощения. Шереметев велел им положить оружие, а печать

и ключи городские отдать митрополиту. Они все это исполнили и вынесли к Вознесенским воротам топор и плаху, 13 же марта Шереметев пошел строем в город; по обеим сторонам улицы, по которой шло войско, астраханцы лежали на земле, покорно ожидая казни или милости. У Пречистенских ворот Каменного города фельдмаршал был встречен митрополитом Самсоном и пошел в церковь к молебну. Носов с товарищами, 273 человека, были посажены за крепкий караул и потом отправлены в Москву. Усмирение бунта стоило Шереметеву 20 человек убитыми и 53 ранеными.

II БУЛАВИН И ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДОНУ

В Астрахани смута была задавлена, ибо ее завел только один город, вставши за старину и приглашая встать за нее и других, приглашая казаков без указания на другие, более побудительные причины. Приглашение астраханцев застало всех врасплох, не были готовы, а главное, не было предводителя: обыкновенно смута на окраинах разгоралась сильно, когда начиналась у казаков, когда известный предводитель под своим или вымышленным именем поднимал знамя за казацкие интересы. Таково было и Булавинское восстание на Дону.

Из далеких времен нашей истории слышатся нам отголоски борьбы за право, за возможность ухода. Со стороны людей знатных много было неудовольствий и жалоб, когда само собой прекращалось право: «Боярам и слугам вольным воля». Прекращалось это право само собою, потому что не к кому стало переходить боярам и слугам вольным: один стал государь на всем государстве. В других сферах, в городах и селах государство должно было бороться с тем же стремлением уходить, переходить и этим уходом и переходом отбывать от исполнения обязанностей, налагаемых государством. Громадность государственной области и бедность народонаселения, бедность промышленного развития, бедность, ничтожность города и преобладание села были причиною этой постоянной борьбы. Потребности государственные росли все более и более, тяжелые войны истощали казну, доходов не доставало; государство стремилось поэтому взять как можно больше податей с промышленного городского жителя, но посадским при бедности их промыслов платить было тяжело, и они бежали из своих городов или закладывались за сильных людей, чтоб отбывать податей, которые с большею тяжестью, разумеется, ложились на остававшихся, не говоря уже о том, как эта тяжесть увеличивалась еще московскою волокитой и злоупотреблениями воевод и приказных людей; а тут еще те, которые бежали из государства в степи

и стали вольными казаками, возвратились в начале XVII века с самозванцами и литвой, но явились для жителей Московского государства, для людей, живших честным трудом, «грубнее литвы и немцев, разоряя все и муча людей такими муками, о каких и в древние времена было не слышно»

Государство оправлялось с трудом, оно требовало средств, чтобы поправиться, но разоренные городские жители разбегались или закладывались, чтоб отбыть от податей; нужно было вести продолжительные и тяжелые войны, а ратные люди жаловались, что им жить и служить нечем, крестьяне бегут из их поместий к землевладельцам, могущим дать большие льготы, чем они. И вот против этого стремления уйти, разбрестись розно, по тогдашнему выражению, государство принимает свои меры, оно ставит заставы, ловит беглецов, выводит их из закладничества, усаживает на одних местах, прикрепляет

Но понятно, что такими средствами нельзя было уничтожить зла, уничтожить побегов, надобно было другое средство, оно обстояло в том, чтобы поднять труд, обогатить трудящегося человека и дать ему возможность удовлетворять требованиям государства. Но как было это сделать? Как было поднять материальное благосостояние народа, нераздельное с благосостоянием нравственным? Перед глазами были на западе Европы государства богатые, государства поморские, разбогатели они от торговли, от промышленности, от моря, от городов, которые у них так сильно развились, в противоположность государствам Восточной Европы, государствам сельским по преимуществу

В настоящее время некоторые писатели Западной Европы жалуются на это усиленное развитие города в ущерб селу у них, находят здесь односторонность, вредную крайность. Мы не будем защищать никакой односторонности, никакой крайности, которая всегда вредна; но мы заметим одно, что если в Западной Европе было чрезмерное развитие города, то в Европе Восточной была крайность противоположная, слабое развитие города и господство села, что крайне вредило народному развитию вообще, производило эту отсталость Восточной Европы перед Западной, бедность, застой жизни народной. Понятно, что народ русский как народ исторический, способный к развитию, должен был чувствовать эту страшно вредную односторонность в своей жизни и, чтобы дать ей большую правильность, стремиться к уравновешению начал. Это стремление высказалось уже давно в лучших людях, высказалось как главное стремление правительства. Приобрести морской путь и усилить промышленность, торговлю, приобрести то, чего было так много на западе Европы и недоставало на востоке, уничтожить вредную односторонность, отнять у России характер чисто сельского государства и дать надлежащее развитие городскому началу — стало задушевно

мыслию исторических деятелей, задушевною мыслию величайшего из них, которого по преимуществу называют Преобразователем; в страстном стремлении Петра к морю высказалось стремление исторического народа к тому, чего именно недоставало ему для продолжения исторической жизни и что условило такое блестящее развитие западноевропейских народов. Приобрести море, усилить город, промышленность, торговлю, сделать свой народ богатым и через то доставить государству средства к беспрепятственному достижению своих целей, дать народу средства, умение сделаться богатым, то умение, которым в этом отношении отличались западные европейцы, заставить, выучить народ работать, промышленять, торговать так, как это делали иностранцы,— вот программа деятельности Петра Великого. Но выполнение этой программы требовало новых тяжких жертвований со стороны бедного народа, который хотели сделать богатым или выучить, как сделаться богатым.

Чтобы приобрести море, прежде всего нужно было вести тяжелую, продолжительную войну. «Денег как можно более доставать, ибо деньги суть артерию войны»,— предписывал Петр новоучрежденному своему Сенату. Это доставание денег для войны и доставание людей для трудной военной службы тяжело падало на народ, и вот начинается усиленное бегство в степи, к казакам для отбывания от тяжелой службы и податей! Но Преобразователь менее всякого другого был способен хладнокровно смотреть на это отбывание от службы и податей, смотреть, как у него вырываются из рук средства для выполнения его программы.

В конце 1707 года он отправил полковника князя Юрия Владимировича Долгорукого с командою на Дон отыскивать беглецов и высылать на прежние жилища. Долгорукий отыскал уже 3000 беглых, но в это время между казаками начала ходить грамота с увещанием не допускать Долгорукого до исполнения его наказа и бить сыщиков. Начались волнения, и бахмутский старшина Кондратий Булавин нечаянно ночью напал на отряд Долгорукого и истребил его вместе с предводителем. Впоследствии брат убитого, князь Василий Владимирович Долгорукий, спрошенный о причинах мятежа, прямо отвечал обвинением старшины Войска Донского, атамана Лукьяна Максимова с товарищами: «Атаман Лукьян Максимов с товарищи, отправив брата моего и дав ему четырех человек из старшин для будто изволения Его Величества указу, послали помянутые воры указ на Бахмут к атаману тамошнему Булавину, чтоб он брата убил, а их воровской умысел для того был, закрывая свое воровство, что многие тысячи людей беглых приняли, и умысел их воровской был такой: когда брата убьют, то тем воровство их закрыто будет и, видя в то время Его Величество в войне великой со шведом,

рассудили, что за помянутою войною оставлено их воровство будет».

Но если бы даже и Петр за войной хотел оставить это дело, то не хотел оставлять его Булавин. Чтобы выгородить себя, старшины хотели заковать его и отослать для розыска; но Булавин по привычной для казака дороге бежал с Дона в Запорожье. Дело, казалось, этим кончилось; но 8 февраля 1708 года киевский воевода, князь Дмитрий Михайлович Голицын получает от ахтырского полковника Федора Осипова донесение, что Булавин, вышедши из Сечи, с большою силою стоит на реке Вороной, ниже Кодака. Гетман войска запорожского Иван Степанович Мазепа немедленно отправил в Сечь запрос, что это там такое делается? И получил успокоительный ответ, что из Коша с Булавиным никто не пошел, что его самого в Сечи нет, и когда приходил, то с бесчестьем был отпущен, и если опять придет, то его немедленно пришлют к гетману. Но Булавиному уже не нужно было опять приходиться в Сечь. Знамя было уже поднято, предводитель явился, и по всей Украине пошли «прелестные» письма нового Разина: «От Кондратя Булавина и всего съездного войска походного донского в русские города начальным добрым людям, также в села и деревни посадским и всяким черным людям челобитье: ведомо им чинят, что они всем войском единодушно вкупе в том, что стоять им со всяким раденьем за дом пресвятой Богородицы и за истинную веру христианскую, и за благочестивого царя, и за свои души и головы, сын за отца, брат за брата, друг за друга и умирать за одно; а им, всяким начальным добрым людям и всяким черным людям, всем также с ними стоять вкупе за одно, и от них они обиды никакой ни в чем не опасались бы, а которым худым людям, и князьям, и боярам, и прибыльщикам, и немцам за их злое дело отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводят всех в эллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными; а между собою добрым начальным, посадским и торговым, и всяким черным людям отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и буде кто станет кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которым городам по тюрьмам есть заключенные люди, и тех заключенных из тюрем выпустить тотчас без задержания; да еще им ведомо чинят, что с ними, казаками, запорожские казаки и Белгородская Орда и иные многие орды им, казакам, за душами руки задавали в том, что они рады с ними стать заедино. А с того их письма списывать списки, а подлинного письма отнюдь бы не потерять и не затаивать, а будет кто то письмо истеряет или потаит, и они того человека найдут и учинят смертную казнь. У того письма походного войскового атамана Булавина печать».

Булавин рассылал свои грамоты с Хопра, из Федосеевской станицы. 18 марта явился в Тамбове, Тамбовского уезда села Княжова церковный дьячок и рассказывал: «Был я в Пристановском городке; воры говорят, чтоб им достать козловского воеводу князя Григория Волконского; Булавин идет к нам, тамбовцам, с силою; при нем 17 000 войска; а с другой стороны ждут они каракалпаков; намерение воровское—собраться всем, идти в Черкасск; воры говорят: дело нам до бояр, да до прибыльщиков, да до подьячих, чтобы перевести их всех». Запорожцы и калмыки уже начали разорять деревни в Тамбовском уезде, грозилась идти к Тамбову и к Туле, а у тамбовского воеводы Данилова не было и ста человек войска; он послал повестки, чтобы шли все в город для осадного сиденья, но никто не пошел; между тамбовцами слышались речи: «Что нам в городе делать? Не наше это дело!» Воевода велел бить в набат, палить из пушек; по набату пришло в город городских людей с 300 человек; воевода обрадовался, раздал им порох и свинец; пошли все в церковь к молебну, но еще не кончили молебен, как в городе не было уже ни одного человека из получивших свинец и порох.

Около Булавина на Хопре сталпливалось все более и более народу: много приставало к нему по охоте, иных брали неволей: из Федосеевской станицы пристали к нему человек с 30, да товарищ его Лучка Хохлач прибрал к себе на Бузулуке человек с 300; начались уже и казни подозрительным и непокорным, в верхних городах Булавин троим велел отсечь головы. Пристановский городок на Хопре с 500 казаками взял сторону вора, который велел силою забрать в свою шайку рабочих, готовивших на Хопре лес в отпуск Азову; начальные люди их были побиты. В Пристановском городе был у казаков круг; пришел Булавин, вынул саблю и говорил: «Если своего намерения не исполню, то этою саблей отсеките мне голову». В хоперские городки разослал он грамоты, чтобы никто не пахал и хлеба не сеял и никуда не отлучался, чтобы все были в собрании и к службе готовы, а пришлых с Руси людей принимали безвозвратно. Мятеж ширился; степная половина Тамбовской области пустела: волостные люди с своими пожитками убирались в леса за Цну-реку. Как обыкновенно бывало в подобных случаях, лучшие люди стояли за правительство, объявляли, что они к бунту не склоняются, требовали, чтобы воеводы шли с полками немедленно к Пристановскому городку, дабы поддержать тех казаков, которые пристали к Булавину поневоле.

Но где было взять полков воеводам царским, тогда как полки и союзники Булавина увеличивались час от часу? Жители деревень Тамбовского уезда Корочина, Грибановки склонились к воровству, выбрали между собою атаманов и есаулов расправу чинить по казачьей обыкности. Воры разорили новонаселенные

деревни в Тамбовском уезде по реке Вороне, людей, которые им противились, побили, другие пристали к ним волей и неволей. 30 марта 200 человек воров прошло на Битюг, засели отрог, воеводу, попа, подьячих и лучших людей разграбили, воеводу держали в оковах и сбирались повесить. Зашатался Козловский уезд: воры многих здесь склонили в свое согласие, привели к присяге, выбрали атамана и есаулов.

Наконец обнаружилось движение и со стороны правительства. Воевода Степан Бахметев с одною старинною дворянскою конницею переправился за реку Битюг и 28 апреля на речке Курлаке встретился с ворами, которых было 1500 человек из хоперских, медведицких и бузулуцких городков; атаманом у них был товарищ Булавина Лукьян Хохлач. Воры толковали: «Если побьем полки, то пойдем на Воронеж, тюремных сидельцев распустим, а судей, дьяков, подьячих и иноземцев побьем». После упорного боя войска правительства разбили воров и гнали их на 20 верстах, взяли в плен 143 человека, три знамени. Но дальнейших успехов ожидать было нельзя: у Бахметева не было ни драгун, ни солдат, не было ни пушек и никаких полковых запасов, не было лекаря, и раненые гибли без помощи. Бахметев получил «преlestное» письмо, в котором уговаривали его быть заодно с булавинцами, стоять за веру христианскую, а им, булавинцам, нет дела ни до бояр, ни до торговых людей, ни до черни, ни до солдат, только им нужны немцы-прибыльщики.

В то время как Бахметев по печальному состоянию своего отряда не мог воспользоваться победой над Хохлачом, Булавин торжествовал над войсками правительства. Азовский губернатор Толстой выслал против него полковника Николая Васильева, который, соединившись с донским атаманом Лукьяном Максимовым, 8 апреля встретил Булавина выше Паншина, на речке Лисковатке, у Красной Дубравы. Полковник и атаман хотели немедленно вступить в бой; но казаки верховных городов стали говорить, что надобно переслаться с казаками Булавина, надобно разузнать дело, доискаться, кто же виноват? Атаман Лукьян Максимов говорит, что Булавин сам собою затеял бунт, а Булавин клянется, что атаман прислал ему грамоту, в которой приказывалось убить князя Долгорукого; если окажется, что Булавин на самом деле виноват, то пусть казаки его выдадут, если же виноват Лукьян Максимов, то обоих сковать и отослать к великому государю. На другой день, 9 апреля, пришел от Булавина казак и говорил, чтобы кровопролития не начинать, а сыскать виноватых между собою, да чтоб атаман Максимов отправил к Булавину на разговор старшину Ефрема Петрова. Петров отправился и, возвратившись назад, созвал казаков в круг, чтоб отдать отчет в своем посольстве; но в то время как казаки толковали в кругу, а царский полковник стоял спокойно, надеясь,

что дело кончится без битвы, Булавин напал на войска правительства жестоким боем, верховые казаки немедленно изменили, соединились с ворами и вместе с ними обратили свои ружья на царские полки, которые потерпели поражение, оставили в руках Булавина четыре пушки, порох, свинец и 8000 рублей денег. Лукьян Максимов ушел к Черкасску, полковник Васильев — к Азову. Победители дуванили добычу: досталось по два с гривной на человека.

Но важнее добычи было впечатление, произведенное в казачьих городках вестью о победе при Лисковатке: весь Хопер, Бузулук и Медведица отложились и начали собираться около Булавина: по Хопру было 26 городков, в них 3670 человек казаков; по Бузулуку 16 городков, в них 1490 человек; по Медведице 14 городков, в них 1480 человек; пристали к Булавину 10 городков от Донецкого городка (на Северном Донце) до Голубинского, в них 6900 казаков; пристали 33 городка от Голубинского до Черкаска, в них 6470 человек; за Максимова стоял главный город Черкасск с 5000 жителей да по Дону 5 городков с 1780 человек. Северный Донец с 12 городками и 1680 человеками жителей весь отложился и начал собираться около булавинского полковника Семена Драного.

После сражения при Лисковатке Булавин отправился вниз по Дону к Черкасску, и поход его был торжественным шествием: сопротивления нигде не было; охотники приставали к нему толпами, и число булавинского войска дошло до 15 000 человек; казаки из станиц вывозили с каждого двора по хлебу да по чаше пшена, а иной привозил всякий запас и живность. 28 апреля Булавин осадил Черкасск; суток с двое Максимов со своими приверженцами отстреливался от осаждающих, но безуспешно: Рыковская, Тютерева и Скородумовская станицы сдались Булавину, сдались и на Черкасском острове станицы Дурная и Прибылая, мосты по-прежнему сделали, а между тем из Черкаска приезжали в воровские полки для разговоров двое братьев: Василий Большой да Василий Меньшой Поздеевы. Разговоры эти кончились тем, что в Черкасске положили выдать Булавину атамана Лукьяна Максимова и старшин Ефрема Петрова, Абросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина. 1 мая отправился в Черкасск Игнатий Некрасов, взял Лукьяна Максимова с товарищами, отвел в Рыковскую станицу и развел по избам за крепкими караулами.

Булавин стоял за Рыковскою станицею на Буграх; сам он не двигался с места, а для всяких дел в Черкасск, Рыково и Скородумову станицу рассылал беспрестанно Некрасова и Драного; близ Скородумовой станицы шумели круги, толковали об участи Максимова с товарищами и наконец решили и приговорили: атамана и старшин побить до смерти. Но прежде еще исполнения

приговора привели Максимова и Ефрема Петрова в круг, приехал Булавин и велел их бить плетьюми, допрашиваясь денег и пожитков. 6 мая собрались для казни: атаман Максимов молча положил голову на плаху, но Ефрем Петров сказал: «Хотя я от вас и умру, но слава моя не умрет; вы этот остров такому вору отдали, а великому государю остров знатен, реку великий государь всю очистит и вас, воров, выведет». Булавина не было при казни.

На место Максимова атаманом был выбран Булавин. Новый атаман писал государю, что собрались казаки по Дону, Донцу, Хопру и Медведице для перемены и выбора новых старшин, пришли в Черкасск и убили до смерти атамана Лукьяна Максимова и старшину Ефрема Петрова с товарищами за их неправды, за то, что они не давали в *дуван* царского годового жалованья, не дали 20 000, присланных за астраханскую службу, и 10 000, присланных в нынешнем году. Тут же Булавин бил челом, чтобы жену его и сына из Валук отпустили к нему в Черкасск. Казаки послали от себя грамоту, в которой также прописывали вины Максимова с товарищами: «Царского жалованья в *дуван* не давали; множество новопришлых с Руси людей принимали и о займке юртов без нашего войскового ведома письма давали и за те письма многие взятки себе брали; по твоему государеву указу не одних пришлых с Руси людей, но множество и старожилых казаков, которые пришли лет двадцать тому назад и больше, всех неволею в Русь высылали, ради бездельных своих взятко в воду сажали, по деревьям за ноги вешали, женщин и младенцев между колод давили и всякое ругательство чинили, городки многие огнем выжгли. Князя Юрия Долгорукого убил не один Кондратий Булавин, убили его с общего ведома, потому что у розыска поступал не по твоему государеву указу; от тебя, великого государя, мы никуда не откладываемся, твоих украинских городов не разоряли и отнюдь разорять не будем; желаем тебе служить по-прежнему всем войском донским и всеми реками всеусердно. И чтобы твои полководцы к городкам нашим не ходили, а будет они насильно поступят и какое разоренье учинят, в том воля твоя: мы реку Дон и со всеми запольными реками тебе уступим и на иную реку пойдем».

Понятно, что ни угроза оставить Дон, ни уверение в готовности служить после «прелестных» писем Булавина и движений в степных областях государства не могли произвести выгодного для казаков впечатления на правительство. В тот самый день, как Булавин осадил Черкасск, Петр назначил брата убитого мятежниками Долгорукого, князя Василия Владимировича, главным начальником войск, отправленных против Булавина; предписал, чтобы все украинские воеводы были ему послушны. Но судьба Булавина решилась еще прежде прибытия Долгорукого. Как

всегда, так и теперь казачье общество делилось на две стороны: казаков старых, домовитых, которые хотели сохранять крепкую связь с государством, и казаков молодых, новых или голутвенных (голи, голытьбы), этого сброда со всех сторон, ненасытных искателей зипунов, которых самые деятельные товарищи Булавина *Гольй*, *Драный* были полными представителями по имени и на деле. Старые казаки уступили на время толпам Булавина, но они были твердо уверены, что предсмертное пророчество Ефрема Петрова исполнится. Уже в первых числах мая казаки начали советоваться, как бы схватить Булавина и переслать в Азов. У самого Булавина и его приверженцев вовсе не было крепкой надежды сладить с войсками правительства; мы видели, что в грамоте к царю они грозили не сопротивлением, а бегством, и действительно 19 мая получены были вести с Дона, что Булавин хочет бежать на Кубань, куда отправил письмо к Гуссейн-паше, что если государь их не пожалует против прежнего, то они от него отложатся и станут служить султану; а султан бы государю не верил, что с ним в мире: государь и во время мира многие земли разорил, также и на султана корабли и всякий воинский снаряд готовит.

Между тем движения неприязненных Булавину казаков продолжались; к несчастью, они не успели еще хорошенько сговориться и сосредоточиться около одного вождя, а между тем, полагаясь на свою многочисленность и силу, начали давать волю языку. Однажды в конце мая собрался большой круг из всех станиц; Булавин приехал и начал говорить многие непристойные слова; тут раздались голоса между казаками верховных городков: «Ты много говоришь, а с повинною к великому государю не посылаешь; не всех перекуешь! Теперь нас в согласии много, можем тебя и в кругу поймать». Булавин велел взять за караул крикунов и стал осторожнее, завел при себе караул человек из восьми.

Но не караул, а только один успех против войск царских мог поддержать Булавина. Узнав о приближении этих войск под начальством бригадира Шидловского и полковника Кропотова, Булавин выслал против них Семена Драного с 5000 донских и 15000 запорожских казаков. 1 июля в урочище Кривая Лука Драный встретился с войсками правительства, бой продолжался три часа дня и два часа ночи; казаки потерпели совершенное поражение и потеряли Драного. Вслед за известием о поражении и гибели Драного пришла к Булавину другая печальная весть. Он отправил под Азов 5000 человек под начальством Лучки Хохлача, Карпунки Козанкина, Ивашки Ганкина; против них вышел уже известный нам полковник Николай Васильев, но не имел успеха; воры наступали с *великою наглостью* и пришли к Матросской слободе; тут на помощь к Васильеву явились четыре солдатских

роты и поправили дело: воры, теснимые с одной стороны войсками Васильева, с другой осыпаемые ядрами с Азовской крепости и с кораблей, обратились в бегство и были преследуемы до реки Коланчи.

Эти две неудачи решили участь Булавина. Старые казаки взяли верх; 7 июля к куреню, где жил Булавин, явились они под начальством Ильи Зершикова. Булавин заперся и начал отстреливаться, убил двух человек у осаждающих, наконец, видя невозможность отсидеться, застрелил себя из пистолета. Хохлач, прибежавший из-под Азова в Черкасск, был убит, Зершиков провозглашен атаманом. 26 июля к реке Аксаю подошел главный начальник войск правительства князь Долгорукий и поставил полки свои во фронт. Приехал Илья Зершиков с старшиной и лучшими казаками: все сошли с лошадей, приклонили знамена и пали на землю, прося милосердия. На другой день царские ратные люди вступили в Черкасск; казаки привели в обоз к Долгорукову сына Булавина Никиту, брата Ивана да Михайлу, сына Семена Драного, всего двадцать шесть человек, близких к Булавину людей; а на другой день, 28 июля, все казаки присягнули вперед не бунтовать.

Но смертью Булавина и покорностью Черкаска дело не кончилось. Мы видели, что волнение начало распространяться в разных местах степных украинских областей Московского государства. Еще весною при жизни Булавина и Хохлача, когда мятеж был силен на Дону, возмутились жители Камышина, убили воеводу и десять начальных людей и приняли к себе Хохлача; шайка воровских казаков и калмыков продолжали разорять села и деревни, разорили Мокшанск, убили подьячего, которому был приказан город. Никита Гольй рассылал прелестные письма: «Нам до черни дела нет, нам дело до бояр и до тех, которые неправду делают; а вы, голудьба вся, идите со всех городов, конные и пешие, нагие и босые, идите, не опасайтесь, будут вам кони, ружье, платье и денежное жалованье; а мы стали за старую веру, за дом пресвятой Богородицы, за вас и за всю чернь, чтоб нам не впасть в эллинскую веру. А вы, стольники и воеводы и всякие приказные люди! Не держите чернь, по городам не хватайте и пропускайте всех к нам в донские городки; а кто будет держать чернь и не отпускать, тем людям смертная казнь».

Воры овладели было и Царицыным, где казнили воеводу Афанасия Турчанина, но держали город только три дня: явились государевы ратные люди, присланные Апраксиным из Астрахани, и отняли Царицын у воров; Хохлач попытался овладеть Саратовом, но неудачно; отступив от города, он стал дожидаться Некрасова, но в тот самый день, как Некрасов соединился с Хохлачом, явились под Саратов бузовые калмыки и начали просить-

ся у саратовцев, чтобы впустили их в город; саратовцы отказали, тогда калмыки опрокинулись на казаков Хохлача и Некрасова и убили у них человек с сотню, казаки бросились бежать. Между тем по Волге пошла весть, что идут царские войска под начальством боярина князя Петра Ивановича Хованского. Казаки стали покидать Камышин и бежать на Дон, им последовали многие камышинские жители; тогда остальные камышинцы и бурлаки стали говорить казакам: «Для чего забунтовали, а теперь бежите на Дон!» Они схватили атамана Кондратия Носова в круг, допросили, где девал порох и свинец, вынули у него бочку пороха и принесли в круг. Тут атаман Иван Земин, увидав, что казакам приходится плохо, стал сулить бурлакам бочку вина и по полтине денег; бурлаки не выдержали искушения и отправились вместе с казаками, побравши пушки и порох; которые камышинцы не хотели с ними идти, тех били и грабили.

Пора была бежать казакам. Хованский занял Саратов и отправил саратовцев и калмыков к перекопскому казачьему городку: городок был взят, казаки побиты, дома их выжжены и разорены без остатка. Услыхав об этом, казаки все выбрались из Паншина городка с женами и детьми, но следом за ними шли товарищ Хованского Дмитриев-Мамонов и калмыки. 23 августа он нагнал беглецов ниже Паншина, верстах в пяти у Дона: у ворот было 4000 человек, кроме жен и детей, обозу у них было 1000 телег; после *великой баталии* воры потерпели совершенное поражение, очень мало ушло их в двух полках; жены, дети их и пожитки достались царским ратным людям и калмыкам. После этой победы, по распоряжению Хованского, запылало восемь городов казачьих, тридцать девять городков добились челом и присягнули.

В том же августе поднимались шестнадцать станиц, казаки укладывали имение на телеги, женщины и дети собирались в дорогу, и скоро 3000 казаков с семействами столпились в Есаулове городке; пришли они сюда по письмам Некрасова, который обещал быть к ним в Есаулов с Ивашкою Павловым, Сережкой Беспалым, Лоскутом и другими предводителями голутвенных. Чтобы не допустить Некрасова к Есаулову, Долгорукий, бросив пехоту и обоз, с одною конницей пустился к Есаулову, куда пришел 22 августа; воры сели в осаде, поджидая Некрасова; монах раскольник Кирилл пел молебен о победе казаков над государевыми людьми: этот Кирилл, не будучи попом, исправлял в Есаулове все священнические требы, исповедовал, причащал, крестил. 23 числа Долгорукий повел приступ, но приступ не удался. Несмотря на то, осажденные потеряли надежду отсидеться и дожидаться выручки от Некрасова; они прислали повинную к Долгорукову и присягнули не бунтовать. Началась расправа; атаман Васька Тельной и монах Кирилл с товарищем своим,

другим монахом-раскольником, были четвертованы; других, с десятка по человеку, перевешали кругом городка; иных, поставя виселицы на плотах, пустили вниз по Дону. Таким образом казнено было больше двухсот человек. Тогда, отчаявшись в своем деле, Некрасов с 2000 казаков побежал на Кубань и поддался султану.

Но не отчаивался Голый. По письму донецкого атамана Колычова, 18 сентября он пришел в Донецкую станицу, войска с ним было тысячи с четыре; и здесь, как в Есаулове, казаки были с женами, детьми и скотиной. Недели с полторы после прихода Гоголя в Донецкую станицу показались на Дону будары¹: то шел провиант в Азов, провожал его полковник Илья Бильс с солдатским полком. Когда будары пристали к станице, Голый и Колычов явились с хлебом и солью на поклон к Бильсу; немец, не подозревая, что за люди перед ним, отплатил честью за честь, потчевал их и, как добрым подданным царским, позволил ходить по бударам и осмотреть пушки, свинец, казну. Давши Бильсу провожатых, воровские атаманы отпустили его Доном вниз, а сами пошли за бударами следом по берегу, чтобы воспользоваться первым случаем и захватить лакомую добычу. Случай не заставил себя долго ждать: в урочище за бурунами поднялась погода, будары разнесло, многие сели на мель; Голый и Колычов были тут: Голый закричал с берега, чтоб Бильс приставал с своею бударой слушать государев указ; полковник послушался, пристал, вору бросились на будару, схватили Бильса, офицеров перевязали и посадили в воду, солдат забрали к себе в таборы, государеву казну и солдатские пожитки *раздувалили* между собою.

Вору ликовали, тем более что пришла весть, что Долгорукий, считая дело конченным в Черкасске и Есаулове, распустил войско и стоит в малолюдстве. Казаки решили: жен и детей развести по городкам, а самим идти под крайные города. «Если Долгорукого разобьем,—говорили они,—то в городах чернь к нам пристанет, пойдем прямо к Москве, побьем бояр, немцев и прибыльщиков». Но недолго они радовались: Долгорукий знал уже обо всем, что случилось с Бильсом, и двинулся из Острогужска в Коротояк, куда пришел 15 октября, и 26-го стоял под Донецкою станицей. Голый и Колычов выбежали на устье Хопра еще до прихода Долгорукого; но 1000 человек казаков и бураков решились остаться и отстреливались без умолку часа с полтора, но не спасли городка; скоро на его месте чернелись одни обгорелые развалины и возвышалось сто пятьдесят виселиц. Голый и тут еще не хотел уступить: около него собрались последние силы мятежа, 7500 казаков, с которыми он засел в Решотовой

¹ Лодки для перевозки грузов — *Примеч соств*

станции. 4 ноября Долгорукий явился и сюда; воры вышли на бой, но не выдержали натиска царских войск и обратились назад в городок; победители ворвались и туда по пятам, выбили казаков из городка, гнали до Дона, рубя без милосердия 3000 человек пало трупом, много потонуло, иных на плаву пристреливали, а которым и удалось переплыть, то померзли. Голый ушел сам-третий; Решотова станица запылала, но это был уже последний пожар. Дон стихнул.

III МАЗЕПА

В то время как на Дону Булавин и товарищи его открыто схватились с государством в интересах *голутьбы*, поднявши раскольничье знамя, в казачестве малороссийском гетмане и старшины без спору с большинством народонаселения тайком задумали отложиться от Московского государства, чтоб уйти от неприятных для них преобразований, замышляемых Петром. Несмотря на видимое сходство целей в том и другом предприятии, различие в интересах, взглядах и приемах главных деятелей огромное. На Дону чисто казацкие интересы, взгляды и приемы, прямое обращение к голутьбе, открытое действие в шумных кругах, открытое употребление силы, начальники предприятия — отчаянные бойцы, полные представители голутвенных людей, для которых, по народному выражению, жизнь копейка. В Малороссии, наоборот, дело делается в глубочайшей тайне, в темноте, ночью, долго тянутся совещания, пересылки; начальник предприятия — колеблющийся старик, который ждет успеха только от хитрости, тайны, соображения обстоятельств, который хвалится не храбростью своею, не отвагой впереди полков, но тем, что он «искусная, ношенная птица»

Ни один гетман малороссийский не пользовался такой доверенностью московского правительства, как умный, образованный, любезный старик Иван Степанович Мазепа. Царь Петр вполне полагался на его приверженность к себе, не верил доносам на него, и действительно, по свидетельству самых близких к гетману людей, он был верен царю. В 1705 году Мазепа стоял обозом под Замостьем; сюда тайком пробирается к нему из Варшавы Францишек Вольский с секретными *прелестными* предложениями от польского короля Станислава Лещинского. Мазепа спокойно выслушивает Вольского, но, выслушав, немедленно сдает его под караул царскому чиновнику Анненкову, велит подвергнуть пытке, потом в оковах отправляет в Киев к тамошнему воеводе князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, а письма пересылает к царю. Но вот верность гетмана подвергается искушению: в Дубне, где он стоял на зимних квартирах, получает

он длинное письмо от наказного гетмана прилуцкого полковника Дмитрия Горленко, стоявшего с своим и Киевским полками под Гродно на службе царской; гетман кличет писаря Орлика и велит читать ему письмо; Орлик читает горькие жалобы; подробно описывал Горленко обиды, поношения, уничижения, досады, коней разграбление и смертные побои казакам от великороссийских начальных и подначальных людей. «Меня, наказного гетмана,— пишет Горленко,— с коня спихнули, из-под меня и из-под прочих начальных людей кони на подводы забраны!» Тот же курьер, который привез письмо от Горленко, подал другое — от полковника Ивана Черныша, также находившегося в Гродне; Орлик распечатал и нашел копию с царского указа, которым будто бы приказывалось Киевскому и Прилуцкому полкам идти в Пруссию для научения и устройства их в драгунские регулярные полки. Выслушав письма, Мазепа сказал: «Какого же нам добра вперед надеяться за наши верные службы и кто ж был бы такой дурак, как я, чтобы до сих пор не приклонился к противной стороне на такие предложения, какие прислал ко мне Станислав Лещинский?» Скоро после этого приезжает сам Горленко в Дубну к Мазепе и объявляет, что притворился больным из страха, чтоб его не послали с полками в Пруссию и не устроили в драгуны. «Я бы ведь этим возбудил против себя ненависть целого войска,— говорил Горленко,— все бы стали говорить, что от меня пошло начало регулярного строя у нас; вот я и притворился больным и отпросился у генерала Рена в отпуск будто домой, подарил ему за это коней добрых да 300 ефимков».

В то время как гетман смущен был рассказами и жалобами Горленко, краковский воевода князь Вишневецкий прислал звать его к себе в Белую Криницу, просил быть крестным отцом у его дочери; крестною матерью была мать князя, княгиня Дольская. Несколько дней пировал Мазепа на крестинах и, возвратившись в Дубну, велел Орлику написать благодарственное письмо княгине Дольской и послать к ней ключ цифирный для будущей переписки. Ответ не замедлил: через несколько дней приносят от княгини маленькое письмецо, написанное цифрами. «Я уже послала куда следует с известием о истинной приязни вашей милости»,— писала княгиня. В 1706 году, будучи в Минске, Мазепа получил от Дольской другое маленькое письмо цифирью с известием, что какой-то король посылает к нему письмо. Когда Орлик разобрал письмо, то Мазепа засмеялся и сказал: «Глупая баба! Хочет через меня царское величество обмануть, чтоб его величество, отступая от короля Августа, принял в свою протекцию Станислава и помог ему утвердиться на польском престоле, а он обещает помочь государю в войне шведской; я об этом ее дурачеств уже говорил государю, и его величество посмеялся».

Но долго притворяться было нельзя перед Орликом; в Киев пришло третье письмо от Дольской: княгиня писала прямо,

чтобы Мазепа начинал преднамеренное дело и был бы надежен на скорую помощь от целого шведского войска; был бы также уверен, что все желания его исполнятся, на что присланы будут к нему ручательства королей шведского и польского. Когда Орлик разобрал письмо, Мазепа вскочил с постели в страшном гневе и начал кричать: «Проклятая баба обезумела! Прежде меня просила, чтобы царское величество принял Станислава в свою протекцию, а теперь другое пишет, беснуется баба, хочет меня, искусную и ношенную птицу, обмануть; погубила бы меня баба, если б я дал ей прельстить себя; возможное ли дело, оставивши живое, искать мертвого и, отплывая от одного берега, другого не достигнуть. Станислав и сам не надеется царствовать в Польше, республика польская раздвоена; какой же может быть фундамент безумных прельщений этой бабы? Состарился я, служа верно царскому величеству, и нынешнему, и отцу его, и брату; не прельстили меня ни король польский Ян, ни хан крымский, ни донские казаки; а теперь, при конце века моего, баба хочет меня обманывать». Мазепа сжег письмо Дольской и велел Орлику написать ответ: «Прошу вашу княжескую милость оставить эту корреспонденцию, которая меня может погубить в житии, гоноре и субстанции; не надейся, не помышляй о том, чтоб я при старости моей верность мою царскому величеству повредил». Дольская действительно приостановила переписку на целый год.

Но в 1706 году случилось много событий, которые возобновили переписку между кумом и кумою. Приехал царь Петр в Киев. Гетман задал в честь его большой пир; вино развязало язык царскому любимцу Меншикову, который после стола взял гетмана за руку, посадил подле себя на лавку и, наклонясь к нему, сказал на ухо, но так громко, что стоявшая подле старшина могла все слышать: «Гетман Иван Степаныч! Пора теперь приниматься за этих врагов». Старшина и полковники, видя, что любимец царский хочет вести тайный разговор с гетманом, хотели было отойти прочь, но Мазепа дал им знак рукой, чтоб остались, и отвечал Меншикову также на ухо, но громко, чтобы все могли слышать: «Не пора!» Меншиков сказал на это: «Не может быть лучшей поры, когда здесь сам царское величество с главною своею армией». «Опасно будет,— отвечал Мазепа,— не кончив одной войны с неприятелем, начинать другую, внутреннюю». «Их ли врагов опасаться и щадить,— продолжал шумный Меншиков,— какая в них польза царскому величеству? Ты прямо верен государю, но надобно тебе знамение этой верности явить и память по себе в вечные роды оставить, чтоб и будущие государи знали и имя твое ублажали, что один такой был верный гетман Иван Степанович Мазепа, который такую пользу государству Российскому учинил». В это время государь поднялся с своего места и пресек разговор. Проводивши царя, Мазепа отвел старшину и полковников во внутреннюю комнату

и спросил: «Слышали все? Вот всегда мне эту песню поют, и на Москве, и на всяком месте; не допусти им только, Боже, исполнить то, что думают». Между полковниками начался сильный ропот.

До сих пор сам гетман лично еще не был задет, но вот опять является та же искивательница, княгиня Дольская; приходит письмом из Львова цифирью; княгиня описывает, как она была у кого-то восприемницей вместе с фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым, за столом сидела между ним и генералом Реном и в разговоре с последним случайно упомянула имя Мазепы с похвалою. Рен на ее слова отозвался так же хорошо о гетмане и прибавил: «Сжался, Боже, над этим добрым и разумным господином! Он, бедный, не знает, что князь Александр Данилович Меншиков яму под ним роет и хочет, отставя его, сам быть гетманом в Украйне». Шереметев будто бы подтвердил слова Рена, Дольская спросила: «Для чего же никто из добрых приятелей не предупредит гетмана?» «Нельзя,— отвечал Шереметев,— мы и сами много терпим, да, делать нечего, молчим». Когда Орлик кончил разбор этой цифири, Мазепа сказал: «Знаю я и сам очень хорошо, что они о вас и обо мне думают: хотят меня уконтентовать княжением Римского государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города под свою область отобрать и воевод или губернаторов в них поставить, а когда вы воспротивились, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, как Меншиков мне на ухо говорил: пора теперь за этих врагов приняться! Слышали вы и то, как тот же Александр Данилович публично просил себе Черниговского княжества, а чрез это стелет он путь к гетманству». Соединив таким образом свое дело с общим, перекинувши свой страх на всю старшину, Мазепа распространился о собственных обидах. «Вот,— говорил он,— царь послал Меншикова с кавалерией на Волынь, а мне приказал идти за ним следом и что его светлость повелит — исполнить. Не обидно бы еще мне было, если бы меня отдала под команду Шереметеву или другому какому-нибудь великоименитому и от предков заслуженному человеку, а то Меншикову! Тот же Александр Данилович уговорился выдать за племянника моего Войнаровского сестру свою; я несколько лет дождался, не сватал невесты племяннику, а когда наконец напомнил Меншикову об уговоре, то он отвечал: теперь уже нельзя, потому что царское величество сам хочет жениться на моей сестре». Во сколько все это было справедливо? Во сколько сам царь входил в планы своего честолюбивого любимца и во сколько был способен подчиняться его желаниям? Этих вопросов не задал ни Мазепа, ни Орлик; никто из них не предложил вопроса: «Что же, разве Меншиков получил Черниговское княжество? Разве царь женился на его сестре?» «Свободи меня, Господи, от их господства»,— покончил Мазепа свои жалобы и велел Орлику

написать Дольской ответ с благодарностью за приязнь и предостережение.

А между тем для Малороссии наступила тяжелая пора: страшный враг был близко; началось сильное движение, шли партии рекрут, мчались начальные люди, тянулись длинные обозы, в Киеве спешили укреплениями. Полковники беспрерывно приходили к гетману с жалобами: приставы у крепостного строения казаков палками по головам бьют, уши шпагами обсекают; казаки, оставивши дома свои, сенокосы и жнитво, терпят на службе царской зной и всякого рода лишения, а там великороссийские люди дома их грабят, разбирают и палят, жен и дочерей насилуют, коней и скотину и всякие пожитки забирают, старшину бьют смертными побоями. Сильнее всех раздавались голоса полковников, миргородского Апостола и прилуцкого Горленка. «Очи всех на тя уповают,—говорил миргородский Мазепе,—не дай, Боже, над тобою смерти! Тогда мы останемся в такой неволе, что и куры нас загребут». Прилуцкий говорил еще сильнее: «Как мы за душу Хмельницкого всегда Бога молим и имя Его блажим, что Украйну от ига лядского освободил, так, напротив, и мы, и дети наши в вечные роды душу и кости твои будем проклинать, если нас по смерти своей в такой неволе оставишь».

В 1707 году царь созвал в Жолкве военный совет; гетман войска запорожского был на совете и возвратился мрачнее тучи: к царю на обед не поехал, дома целый день не ел; что такое там было на совете, никто не знал; Мазепа никому ничего не рассказывал, сказал только: «Если б я Богу так верно и радетельно служил, то получил бы наибольшее мздовоздаяние, а здесь хотя бы в ангела пременился, не мог бы за службу и верность мою никакой получить благодарности». На другой или на третий день приносят к Мазепе бумагу: то был приказ от Меншикова к полковнику компанейскому Танскому, чтобы тот шел к нему с полком. Мазепа в бешенстве вскочил с места и закричал: «Может ли быть большее поругание, посмеяние и уничтожение моей особе: всякий день князь Меншиков со мною видится, всякий час со мною разговаривает и, не сказавши мне об этом ни одного слова, без моего ведома и согласия посылает приказания людям, мне подчиненным! И кто же там Танскому без моего указа выдаст месячные деньги и провиант? И как он может без моей воли идти куда-нибудь с полком своим, которому я плачу жалованье? А если бы пошел, то я бы его велел как пса расстрелять. Боже мой! Ты видишь мою обиду и уничижение!»

В это время как нарочно является иезуит Заленский с предложениями перейти на сторону непобедимого короля шведского; Мазепа начинает с ним тайные совещания; «искусная, ношенная птица», гетман недоволен Москвой, но боится Петра, боится в то же время и Карла, не надеется, чтобы Петр сладил с ним, и хочет пробраться между двух огней, не обжегшись.

А между тем ропот полковников усиливался все больше и больше. Возвратившись в Киев, Мазепа получил царский указ об устройстве казаков в пятаки, наподобие слободских полков², между полковниками только и было разговору, что выбор пятаков — ступень к преобразованию казаков в драгуны и солдаты; начался сильный ропот, недовольные собирались у обозного Ломиковского, особенно же у полковника миргородского, и советовались, как бы предупредить беду, защитить свои вольности. Мазепа не принимал никакого участия в этих совещаниях. 16 сентября 1707 года поздно вечером к нему принесли письмо от Дольской и вместе письмо от польского короля Станислава Лещинского. Прочтя это письмо, Мазепа от страха выронил его из рук и закричал: «Проклятая баба! Погубит меня!» Долго сидел он после того молча, в глубоком раздумьи, наконец начал говорить Орлику: «С умом борюсь, посылать ли это письмо к царю или нет? Завтра об этом посоветуемся, а теперь ступай в свою квартиру и молись Богу, да яко же хочет устроит вещь; может, твоя молитва приятнее Богу, чем моя, потому что ты по-христиански живешь. Бог знает, что я не для себя делаю, а для вас всех, для жен и детей ваших». Мазепа и Орлик жили в Печерском монастыре. Орлик, возвратившись на свою квартиру, взял два рубля денег и вышел, чтобы раздать старцам и старицам, нищим и калекам, которые лежали в куцах на улице и жили в богадельнях печерских: писарь надеялся этим добрым делом умилистить Бога, чтоб Он спас его от страшной беды и отворил сердце Мазепы от лукавого предпрятия. Старцы и старицы сначала поднимали брань, когда он толкался в их кущи: они вовсе не надеялись получить милостыни в такое позднее время, а скорее боялись воровства; но потом успокаивались, слыша ласковые, не воровские слова, отворяли дверь и принимали милостыню.

На другой день рано поутру Орлик пришел к Мазепе и застал его сидящим в конце стола и перед ним крест с Животворящим древом; увидавши Орлика, гетман стал говорить: «Так как вчера дело мое через присылку письма от Лещинского открылось перед тобою, то перед всеведущим Богом протестуюся и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высших гоноров, не для большего обогащения и не для иных каких-нибудь прихотей, но для вас всех, для жен и детей ваших, для общего добра матки моей отчизны, бедной Украины, всего войска запорожского и народа малороссийского, для повышения и расширения прав и вольностей хочу, при помощи Божией, так сделать, чтобы вы ни от московской, ни от шведской стороны не погибали. А если б я для каких-нибудь приватных моих прихотей дерзнул это сделать, то

² Слободские казацкие войска были под командованием воеводы — *Примечание*

побей меня, Боже, и невинная страсть Христова на душе и на теле». Сказавши это, Мазепа поцеловал крест и потом опять обратился к Орлику: «Крепко я надеюсь, что ни совесть твоя, ни добродетель, ни природная кровь шляхетская не допустят тебя изменить мне, пану своему и благодетелю, однако для лучшей конфиденции присягни». Орлик присягнул, но не мог удержаться, чтобы не сказать: «Если виктория будет при шведах, то вельможность ваша и мы все будем счастливы; если же при царе, то и мы пропадем, и народ погубим». «Яйца курицу не учат,— отвечал Мазепа,— или я дурак, что прежде времени отступлю без крайней нужды? Тогда передамся шведам, когда увижу, что царское войско не будет в состоянии оборонить не только Украины, но и своего государства от шведской потенции. Я говорил в Жолкве царю: если король шведский и Станислав с войсками своими разделятся и первый пойдет в государство Московское, а другой в Украину, то мы не можем обороняться нашим войском слабым, истощенным частыми походами; я просил царя, чтоб оставил нам на помощь хоть 10 000 своего регулярного войска; что ж мне отвечал? Не только десяти тысяч, и десяти человек не могу дать, обороняйтесь сами, как можете! Это меня и заставило послать ксендза тринитара, капеллана княгини Дольской, в Саксонию, чтобы там, видя какую ни есть мою к себе инклинацию (склонность, расположение), по-неприятельски с нами не поступали. Однако же верность мою к царскому величеству буду продолжать до тех пор, пока не увижу, с какою потенциею Станислав к границам украинским придет и какие будут прогрессы шведских войск в государстве Московском, и если не в силах будем защищать Украины и себя, то зачем же сами в погибель полезем и отчизну погубим?»

Согласно с этим планом действий Мазепа отвечал королю Станиславу 18 сентября, что указ его не может исполнить и никаких дел не может начинать по следующим причинам: 1) Киев и другие крепости в Украине осажены великими гарнизонами, под которыми казаки, как перепела под ястребами, не могут голов поднять. 2) Все силы уже сосредоточены в Польше, недалеко от Украины. 3) В Украине начальные и подначальные, духовные и мирские, как разные колеса, не в единомышленном находятся согласи: одним хорошо в протекции московской, другие склонны к протекции турецкой, третьи любят побратимство татарское по природной к полякам антипатии. 4) Самусь с прочими полковниками, по недавних бунтах опасаясь от войск польских мести, навряд склонятся к Речи Посполитой, и потому надобно сперва стараться войско и целый народ к единомыслию приклонить по обеим сторонам Днепра. 5) Он, Мазепа, имеет постоянно подле себя несколько тысяч регулярного великороссийского войска, которое бодрым оком смотрит на все его поступки. 6) Республика польская раздвоена еще. Мазепа обещал

только не вредить ни в чем интересам короля Станислава и войскам шведским.

Мысль, что сношения его с неприятелем по неосторожности Станислава известны хотя одному человеку на Украине, Орлику, тревожила Мазепу; на присягу последнего он не вполне полагался и потому хотел еще действовать угрозами. «Смотри, Орлик,—говорил он генеральному писарю,—додержи мне верность; знаешь ты, в какой я милости у царя, не променяют там меня на тебя; я богат, а ты беден, а Москва гроши любит; мне ничего не будет, а ты погибнешь». Угроза действовала на Орлика, с другой стороны, сильно связывала данная Мазеле клятва; постоянно приходил также на мысль повойный Мокриевич, который, будучи подобно Орлику генеральным писарем, обвинил гетмана Демьяна Многогрешного в измене и какую потом за это получил честь? Гетман Самойлович лишил его писарской должности, его вытеснили из Украины, и везде, во все продолжение жизни был он укоряем и поносим от мирских и духовных лиц, особенно от архиепископа черниговского Лазаря Барановича, который, где бы ни встретил Мокриевича, в церкви или в гостях, прямо в лицо ему и всем вслух называл Иудею, предателем пана своего, ехидниным порождением, а когда антидор³ ему давал, то обыкновенно говорил: «И Христос Иуде хлеб дал, и по хлебе вниде в он сатана». Наконец, Орлику приходило в голову и то, что, по великороссийскому уложению, доносчику—первый кнут. В то время как он колебался таким образом, решилось дело Кочубея, и Мазепа получил сначала в царском письме к нему, а потом в публичных грамотах милостивое обнадеживание, что не будет дано веры никаким клеветам на непорочную верность гетмана и всякий клеветник воспримет достойную казнь. Это царское обнадеживание окончательно отвратило Орлика от мысли о доносе.

Мазепа полагал свое спасение в хитрости, тайне, выжидании, но старшина не давала ему покою, торопя к действиям более решительным. В Белой Церкви пришли к нему обозный Ломиковский, полковники миргородский, прилуцкий и лубенский и объявили, чтоб он промышлял о своей и общей безопасности, обещая стоять до крови за него и за свои права и вольности, в чем и клятву дали; Мазепа, с своей стороны, присягнул им в тех же выражениях, в каких присягнул Орлику в Печерском монастыре. Вот почему, когда царь требовал несколько раз, чтобы гетман арестовал давно уже подозрительного ему полковника миргородского, Мазепа не исполнял этого требования, всячески защищая полковника. Мазепа все еще надеялся, что туча пройдет мимо, Украина останется вне военных действий и ему не нужно будет

³ Церковная просфора.— *Примеч. сост.*

решиться на страшный шаг, прежде чем успех ясно обозначится на той или другой стороне; но вот приходит весть, что Карл XII от Смоленска повернул к Украине. «Дьявол его сюда несет! — сказал при этом Мазепа. — Все мои интересы перевернет, войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит на последнюю ее руину и на погибель нашу».

Ожидания сбылись: приходит царский указ, чтобы гетман шел с войском для соединения с генералом Инфлянтом, посланным для пожжения в Стародубском полку некрепких городков, сел, гумен и мельниц. Но Мазепа, и без того подозрительный, а теперь знавший за собою страшное дело, понял указ иначе: он подумал, что его хотят приманить к Инфлянту и прибрать к рукам. Он велел полковникам миргородскому, прилуцкому и лубенскому собраться к обозному Ломиковскому и послал к ним Орлика с вопросом: как думают, идти ли ему на соединение с Инфлянтом? Все отвечали единогласно, что не идти; напротив, пусть немедленно же посылает к шведскому королю с прошением о протекции и старается соединиться с ним на границах, чтобы не допустить войск великороссийских в Украину; притом они просили гетмана объявить им, чего им надеяться от шведской протекции и на каком фундаменте заложил он всю эту махину? Мазепа осердился за эту просьбу и при первом свидании сказал им: «Зачем вам об этом прежде времени знать? Положитесь на мою совесть и на мой подлый разумишко, не бойтесь, он вас не сведет с хорошей дороги; у меня одного, по милости Божией, больше разума, чем у вас всех; у тебя, Ломиковский, разум уже устарел, а у тебя, Орлик, он еще молод; а к королю шведскому сам знаю, когда посылать». Потом вынул из шкатулки универсал короля Станислава, принесенный Заленским, и велел Орлику читать; все были довольны обещаниями королевскими.

Между тем положение гетмана вследствие его выжиданий затруднялось все больше и больше. Из Глухова, где находился двор, приходило к нему письмо за письмом, чтобы, сдав команду над войском какому-нибудь верному человеку, сам приезжал в Глухов; но эти призывы Мазепа считал западней, тем более что из Польши дали ему знать, что там всем известно о его сношениях с королем Станиславом. Чтобы не ехать в Глухов, он притворился больным. Однажды вечером, осенью 1708 года, он послал Орлика к Ломиковскому, у которого собрались полковники, спросить, посылать ли к шведскому королю или не посылать. Ломиковский от имени всех отвечал жалобами на медлительность и нерадение гетмана. «Несмотря на наши частые предложения и просьбы, — говорил обозный, — он не снесся с королем на границах и этою своею медленностью впровадил все силы российские в Украину на разорение и всенародное кровопролитие; а теперь, когда уже шведы под носом, неведомо

для чего медлить». Самолюбивый Мазепа, считавший себя умнее всех, сильно рассердился на эти нарекания. «Знаю я, что все это переговаривает лысый черт Ломиковский,—сказал он возвратившемуся Орлику,—позови их ко мне!» Старшины пришли. «Вы не советуете,—встретил их Мазепа,—а только обо мне переговариваете, черт вас побрал! Я, взявши Орлика, поеду ко двору царского величества, а вы хоть пропадайте». Старшины молчали, Мазепа поуспокоился и спросил: «Посылать к королю или нет?» «Как же не посылать!—отвечали все.—Нечего откладывать!»

Мазепа тут же велел позвать Быстрицкого, заставил его при всех присягнуть на секрет, Орлику велел написать ему инструкцию к графу Пиперу на латинском языке, аптекарь гетманский перевел ее на немецкий язык, и с этим переводом без подписи, без печати Быстрицкий отправился на другой день в шведский лагерь. В инструкции Мазепа изъявил великую радость о прибытии королевского величества в Украину, просил протекции себе, войску запорожскому и всему народу освобождения от тяжкого ига московского, объяснял стесненное свое положение и просил скорой присылки войска на помощь, для переправы которого обещал приготовить паромы на Десне, у пристани Макошинской. Быстрицкий возвратился с устным ответом, что сам король обещал поспешить к этой пристани в будущую пятницу, то есть 22 октября. Мазепа в тревожном ожидании стоял в Борзне, откуда послал в Глухов войскового канцеляриста Болбота как будто с письмами, а в самом деле наведаться, как о нем там разумеют? Когда Болбот возвратился, то Мазепа объявил всей старшине, что один из министров царских, а другой из канцелярии, истинные его приятели, предостерегли его, чтобы не ездил ко двору, а старался бы о безопасности собственной и всего народа малороссийского, ибо царь, видя шаткость на Украине, задумал о гетмане и о всем народе что-то недоброе. Но это была ложь: после в Бухаресте Болбот, готовясь постричься в монахи, объявил Орлику, что он в Глухове ничего подобного не слышал, напротив, князь Григорий Федорович Долгорукий велел сказать Мазепе, чтобы ничего не опасался и как можно скорее приезжал в Глухов, предлагая и душу, и совесть свою в заклад, что царь никакого сомнения в его верности не имеет и не слушает никого, кто на него наносит.

Прошло 22 октября: о короле шведском не было слуха. 23-го приезжает в Борзну Войнаровский и объявляет, что ушел тайком от Меншикова, который завтра будет в Борзне к обеду, и что какой-то немецкий офицер говорил другому в квартире его, Войнаровского: «Сжался, Боже, над этими людьми: завтра они будут в кандалах». Мазепа «порвался как вихрь»: в тот же день поздно вечером был уже в Батурине, на другой день рано пере-

правился через Сейм, вечером прибыл в Короп, где переночевал, и на другой день, 24-го числа, ранним утром переправился через Десну, а ночью за Орловкой достиг первого шведского полка, стоявшего в деревне на квартирах. Отсюда отправил к королю Ломиковского и Орлика, а за ними отправился и сам.

Мы видели, как неохотно решился Мазепа объявить себя в пользу шведов прежде решительного перевеса на их стороне. Когда он узнал о взятии и сожжении Батурина Меншиковым, то сказал: «Злые и несчастные наши початки! Знаю, что Бог не благословит моего намерения; теперь все дела инако пойдут, и Украина, уstraшенная Батуриным, будет бояться стать с нами заодно».

Предвидения «искусной, ношенной птицы» сбылись: Украина, уstraшенная не Батуриным, но мыслию о союзе с поляками и шведами, не стала заодно с Мазепою, и при Полтаве Карл XII проиграл первенствующее значение Швеции на севере, а Мазепа — гетманство малороссийское.

IV ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО⁴

1

31 марта 1725 года в Петербургской крепости, в Петропавловском соборе, при гробе *первого императора*, как обыкновенно в народе звали Петра Великого, шла всенощная. Среди службы вдруг вошел в церковь и стал подле правого клироса Ягужинский, один из птенцов Петра, тот, кого он вывел из ничтожества и сделал генерал-прокурором. Ягужинский был расстроен, в сильном волнении; при виде гроба своего благодетеля он не мог удержаться, позабыл, что стоял в церкви, и, указывая на гроб, стал говорить: «Мог бы я пожаловаться, да не услышит, что сегодня Меншиков показал мне обиду, хотел мне сказать арест и снять с меня шпагу, чего я над собою отроду никогда не видал».

«Мог бы я пожаловаться, да не услышит», — говорил Ягужинский. Жалобы продолжали раздаваться и при гробе великого императора, который так много наслушался их при жизни своей. Вопли о великих обидах раздавались и при колыбели Петра; к жалобам русских людей присоединялись жалобы всеславянские. Все славянство плакалось на великую обиду; было оно бедно, слабо, грубо, порабощено, поругано от иноземцев, гордых своим богатством, силою, наукою; восток Европы, бедный, обделенный природой-мачехой, обделенный историей, жаловался на великую обиду от Запада. «Стали мы укоризною всем народам: одни нас жестоко обижают, другие презирают, третьи изъедают наше

⁴ Цифра «IV» у С. М. Соловьева отсутствует — *Примеч. сост.*

добро пред глазами нашими и, что всего тяжелее, хулят и ненавидят нас, зовут варварами, считают более животными, чем людьми».

Великий человек родился и вырос среди этих воплей; он чувствовал, что должен быть мстителем за обиду, восстановителем чести и славы народной. Он спросил: что за причины обиды и унижения, которые его народ терпит от других народов? Ему отвечали: «Первая причина есть наше невежество, наше нерадение о науках; вторая причина есть наше чужебесие, глупость, по которой мы терпим, что иноземцы нами повелевают, нас обманывают и делают из нас все, что хотят». Но легко было понять и невеликому человеку, что вторая причина есть следствие первой. «Наши люди,— продолжались жалобы,— наши люди тупы разумом, сами ничего не выдумают, если им другие не покажут; у нас нет никаких книг о промыслах, как у других народов; наш народ ленив, непромышлен, сам себе не хочет добра сделать, если не будет силою принужден».

Программа деятельности великого человека была начертана. «Учитесь! Работать! — воскликнул он своему народу. — Я показываю пример, восстановим нашу честь и славу, выучимся побеждать иноземцев, чтоб они не смели презирать нас; возьмем у них науку, благодаря которой они так превосходят нас; приобретем морские берега, обогатимся торговлею, заведем промыслы, проложим дороги, пророем каналы, переведем все их хорошие книги на свой язык».

Что же значил этот призыв народа к труду? Эта открытая, сильная, кровавая борьба против ленисти, косности, тунеядства? Что значила эта неутомимая, неслыханная в истории деятельность Петра? Она выражала великий переворот, великое движение в жизни народной, стремление отделаться от начала общества варварского и усвоить себе начала общества цивилизованного. Ибо что такое общество варварское и общество цивилизованное? Какое существенное различие между ними? Основной признак варварства есть лень, стремление самим не делать ничего или делать как можно меньше и пользоваться плодами чужого труда, заставлять другого трудиться на себя. Так живут все варварские, исторические народы: цель их кратковременной деятельности — добыча, нападение на другой народ и отнятие у него плодов его труда; приобретя добычу, варвар предается бездействию и вследствие того коснеет умственно и нравственно, личное развитие прекращается, чужое добро впрок не идет; варвар живет в бездействии до тех пор, пока нужда не заставит его снова напасть на это непроизводительное для него чужое добро; нападая на чужой народ, любит он особенно приобретать живую добычу, *ясырь*, пленных, чтоб отвести их к себе и сделать рабами, заставить их работать на себя, а самому

предаваться совершенному бездействию, коснеть; таким образом добыча, мертвая и живая, приносит наказание, проклятие хищнику, осуждая его на коснение, на жизнь животную. Общество выходит из состояния варварства, когда является и усиливается потребность в честном и свободном труде, стремление жить своим трудом, а не на счет других; человек растет нравственно трудом, общество богатеет и крепчает, рабство естественно исчезает, как помеха труду, помеха развитию, преуспеянию.

Тем общество совершеннее, развитее, чем сильнее в нем стремление к труду; тем оно слабее, чем более между его членами стремления жить на чужой счет. Наша Россия была именно слаба этим присутствием в ней варварского начала, начала косности, которое порождало стремление жить чужим трудом и в свою очередь поддерживалось этим стремлением. Это было видно в печальном состоянии сельского народонаселения, в бедности городов, в отсутствии промышленности, незначительности торговли, в сильном холопстве, в привычках значительного человека окружать себя толпою лиц для личных услуг; в стремлении закладываться, которое, с одной стороны, происходило из желания жить попокойнее, в большей праздности, с другой — обличало то, что свободный труд не пользовался надлежащим покровительством в обществе; в стремлении обманом взять за свой труд больше, чем сколько он стоит; наконец, в сильном взяточничестве и в стремлении выходить из промышленного сословия в приказные люди, чтобы с меньшим трудом жить на чужой счет.

Но если сильны были черты варварства в древнем русском обществе, то общество все же не было варварским: это выражалось в постоянном поступательном движении при всевозможных препятствиях, в сознании тех недугов, от которых должно освободиться для дальнейшего исторического движения. Когда в обществе усиливаются болезни без сознания их и при отсутствии сил к их излечению, то общество падает; если же болезни накапливаются, но вместе с тем является сознание болезней и чувствуются силы для борьбы с ними, то происходит переворот, общество сотрясается, и это сотрясение вызывает новые силы, необходимые для уничтожения накопившихся недугов и продолжения исторической жизни. Переворот совершается или установленною властью, когда эта власть крепка, или, в случае ее слабости, разнузданными силами народа. Русский переворот конца XVII и начала XVIII века произошел первым путем. Как обыкновенно бывает при переворотах, общество с усиленною быстротой должно было броситься к тому началу, которое было создано как лекарство против господствующей болезни. Болезнь русского общества заключалась в варварском начале косности, в стремлении как можно меньше делать и жить на чужой счет: отсюда главный деятель переворота Петр явился

олицетворением противоположного начала, начала труда, явился *вечным работником на троне*, по выражению поэта; отсюда ожесточенное преследование праздности, тунеядства, отбывания от службы.

Произнося страшное слово *переворот*, мы уже необходимо предполагаем неестественное, напряженное состояние общества, упорную борьбу здоровых начал с застарелыми, накопившимися болезнями, борьбу нового со старым, схватку их представителей на жизнь и на смерть, причем такое широкое поприще насилую сильного, так мало пощады побежденному. Переворот петровский не был исключением. В старину выходили книжки под заглавием: *Цветущее состояние России при Петре Великом*, но теперь, когда историческая наука возмужала, подобные книжки невозможны; теперь при слове *переворот* исчезает мысль о цветущем состоянии и напуганному воображению уже представляются кровавые картины людского ожесточения. Историк не станет любоваться этими картинами, не расцветит их и не сгладит резкостей, но в то же время не позволит себе вооружиться против великого начала, осилившего в перевороте и выведшего народ в новую историю, к новой жизни; не позволит себе вооружиться против великого человека, провозгласившего это начало и давшего себя ему в вечное служение.

Переворот начался страшно кровавою схваткой с стрельцами. За что же поднялись стрельцы, чего хотели они? Борода, старое платье, старые обычаи были знаменем; сущность дела заключалась в нежелании служить трудную службу, к которой Петр призывал всех русских людей, чтоб избавиться им от великой обиды и позора. А одно время с стрельцами волновались казаки, потом вставала Астрахань, поднимался Дон с своим Булавиным; но что представляло древнее казачество, зачем там упорно враждовало с государством? За право жить на чужой счет, хищничеством «добывать себе зипуны». В степях, в привольи хищников обычай жить на чужой счет господствовал без прикрытий, здесь говорилось прямо, что надобно вольному казаку; но подобный же обычай был крепок и внутри государства, хотя прикрывался, не казался кичливо на свет Божий, пробирался мимо закона, как степной хищник пробирался между крепостями, выставленными государством, чтобы напасть на беззащитное народонаселение. Петр сладил с сопротивлением, прямо высказывавшимся, победил везде, где было место борьбе с оружием в руках; сладил с стрельцами, с казаками, победил внешнего врага, шведа, который загораживал ему дорогу к морю, в Европу; но нелегко было сладить с сопротивлением, которое не выступало открыто, но которое залегло глубоко в обществе, коренилось в привычках и взглядах, накопленных веками. Петр призывал всех к труду неумолимо, ко всевозможным жертвованиям; но не должно

забывать, что он призывал к труду, к жертвованиям обществу, в котором главный недуг состоял именно в стремлении многих и многих трудиться как можно менее и жить на чужой счет, в стремлении жить особо, и в происходящем от того равнодушии к общим интересам; и вот на призыв к труду, имевшему искупить народ от господства варварского начала, от другого, более тяжкого ига, татарского, слышались из разных углов жестокие слова против призывающего к труду: «Мироед, весь мир переел!» — слышалось из одного угла; «Подметный царь, антихрист!» — кричали из другого. Но эти вопли людей, потревоженных в своем печальном покое, в своей обычной обстановке еще не были самым печальным явлением.

Гораздо печальнее было то, что люди, вопившие издавна против притеснений, освобожденные теперь от старых притеснителей, получившие средства устроить свои дела, как им было надобно, поспешили нажить себе новых притеснителей из своей среды; гораздо печальнее было то, что люди, повторявшие за Петром новые правила, никак не могли применить их к делу, при котором сейчас же являлись наружу старые привычки и взгляды. Мы очень хорошо знакомы с двуверием: оно долго обнаруживалось в России как в сфере религиозной, так и в гражданской. Долго после принятия христианства в народе, особенно в низших слоях его, оставались еще старинные языческие верования и обряды, что и называлось двуверием; то же самое обнаруживалось и в сфере гражданской в эпоху преобразования и долго после нее; слова и дела не ладили между собою: на словах — правила, почерпнутые из мудрости старших братьев по цивилизации, на словах — горячее усердие к общему благу, презрение частных корыстных целей, принесение всего на жертву высшим интересам — на деле иное, противоположное. Как и в XI веке русский человек, помолвившись в церкви христианской, спешил в лес, чтобы под старым дубом принести жертву старому Перуну, так в XVIII веке русский человек, нащеголявшись во французском кафтане, наговоривши на разных языках множество прекрасных, истинно гражданских вещей, приезжал домой — и начинал поклоняться насилью, хищничеству, туеядству и разным другим степным божествам, которых тщетно старались заклясть указы Петра I и Екатерины II.

Призывая русский народ к усиленному труду, посредством которого только и мог он сравниться с богатыми и сильными народами, зная, что богатство и сила государственные зиждутся на труде промышленном и торговом, Петр не мог не стараться обеспечить этот труд. Главными препятствиями для развития промышленного и торгового труда были: бедность капиталов, неумение соединять их, неумение вести дела сообща, отсутствие образования в торговом и промышленном классе, проистекающая

отсюда мелкость взглядов и приемов, притеснения воевод и приказных людей. Стремление противодействовать всем этим препятствиям Петр выразил в знаменитом изречении своем: «Собрать рассыпанную храмину купечества». Для этого собрания купечество изъято было из ведомства воевод, получило собственный суд и управление посредством городских магистратов и главного магистрата. Теперь посмотрим, как же воспользовались торговые люди новым положением своим, созданным для них Преобразователем.

Преобразователь должен был выслушать вот какого рода донесения о собирании храмины: «Купечество в Москве и городах само себе повредило и повреждает: из них сильные на маломочных налагают поборы несносные паче себя, а иные себя в том и обходят, зачем маломочные и паче приходят в скудость и безторжицу; к тому у них отняты всякие промыслы и прочие торги, кои за ними издревле бывали, а и в рядах уже стало больше вотчин и всяких торговых мест за беломестцы, нежели за купечеством. А иные купцы, и сами отбывая платежей и постоев, покиня, а другие, распродав беломестцам в слободах жилища свои, разошлись в другие чины, в артиллерию, в извозчики и воротники, также записались в Покровское и Тайнинское, еще ж в защиту разных господ на дворы их московские и загородные, и своей братьи, и других разных чинов в домах нанимая места и избы особые за Земляным городом, мимо настоящих своих слобод, постройка дворов, живут; еще ж якобы за долги старыми переводы у разных и в закладе не токмо сами, но и с торгами своими и винными заводы в защитех. А иные подлогом якобы за скудостью и болезнями и в богадельни вошли, а иные — на заводы и на промыслы в прикащики и сидельцы, и работники, которые и свое имение довольное имеют. Дорогомилдовской слободы ямщики, по прозванию обыденки, довольные богатством, покиня гоньбу и отбывая с торгу платежей, записались пролазом своим, подлогом чрез Полибина, в сенные истопники к комнате царевны Натальи Алексеевны, которые и поныне под тою опекой имеют торги и лавки немалые, а иные ушли в другие губернии и в Сибирь. Купецкие ж, кои вышли из слобод, покиня свои прежние жилища, и донны налицо живут явно в Москве на господских дворах слободами, например за одною Москвою-рекой на Пятницкой и Ордынке, на Офросимове и Ржевском дворах, еще же и за Мясницкими на Шейнском и Долгорукове, и за Арбатскими на Головкине дворах и у прочих таких же, а в слободы на тяглые свои жилища не идут, а старосты и другие, видя сие, для своих польз, в том им и упуcaют».

Исчезает очарование, произведенное Полтавой, Ништадтским миром, внутренними преобразованиями, водворением науки, всем тем, что, по-видимому, проводит такую резкую границу между новою и древнею Россией: мы опять в XVII веке, во

временах царей Михаила и Алексея, ибо слышим те же самые жалобы на отбывание от податей и на закладничество, но даже и тут, в XVII веке, не видим таких проделок, как в царствование Петра: при отце и деде его не встречаем, например, чтоб ямщики пролазом приписались истопниками к комнате царевны!

А наши старые знакомцы воеводы, на которых древняя Россия накопила столько жалоб? Неужели мы опять услышим эти жалобы, после того как Петр по любимой своей мысли о коллегиальном устройстве велел «учинить ландратов в больших губерниях по 12, в средних по 10, в меньших по 8, чтобы они все дела с губернатором делали и подписывали, и губернатор у них не яко властитель, но яко президент и никакого дела без оных не делает, и выбирать ландратов в каждом городе или провинции всеми дворянами за их руками». Неужели мы встретим старинные жалобы после того, как Петр изъял купечество из-под суда и ведения губернаторов и воевод и даже половину фискалов приказал выбирать купечеству из своей среды? Неужели встретим известия о той же усобице сословий, о которой с ужасающей наивностию говорят грамоты царя Михаила, повелевающие приказным людям оберегать горожан от сильных людей и от бояр?

Послушаем, что скажет нам уже приведенное донесение: «Торговать уже за нападками небезопасно, например, и один Волынский, будучи в Персиде, с прикащиков Евреинова и прочих с немалым притеснением насильно обрал боле 20 000 рублей, якоб на государевы нужды, ажно на свои прихоти, и бить челом не смеют, понеже с торгом своим его правления Астрахани, и его им миновать нельзя, о чем и вышним господам известно, да молчат». «Купечество весьма мало, и можно сказать, что уже нет, ибо все торги отняты у купцов, и торгуют высокие персоны и их люди, и крестьяне,— говорит другой любопытный памятник петровского времени.— Извольте, ваше величество, спросить новых всероссийских купцов, то есть князя Меншикова, сибирского губернатора князя Гагарина и им подобных, могут ли они прокормить многое число разоренных чрез отнятие торгов?»

Таков был ответ Преобразователю на его призыв к труду, на его стремление разбудить заснувшие силы народные. Но и этот печальный ответ не должен смущать нас, не должен наводить на мысль, что тщетен был подвиг, бесплоден тяжкий переворот или что совершалось дело иначе, чем следовало, и потому имело так мало успеха. Чтоб уяснить себе ход нашей истории, как древней, так и новой, мы должны освободиться от мысли, что общественное развитие может совершаться и достигать высокой степени независимо от материального благосостояния народа. Известно, что общественное движение, высшие общественные формы являлись тогда, когда народ начинал богатеть. Вследствие самых неблагоприятных условий для развития народного богатства

Московское государство было самым бедным из государств европейских при редкости народонаселения на огромных пространствах, при больших огороженных селах вместо городов, при отсутствии промышленности и торговли (сравнительно с западными государствами Европы). Потребности государства постоянно не были в уровень со средствами, доставляемыми ему народом. Вспомним, какую громадную пограничную линию должно было оберегать это беднейшее, малолюднейшее государство!

Сколько было говорено о *кормлении*, этой язве Московского государства! Но откуда это кормление? Мы видим его при начале государств, то есть при их крайней бедности, когда нечем удовлетворить первой нудящей потребности, потребности защиты, нечем содержать войско: ратным людям, дружинникам, раздают или земли, или правительственные и судебные должности в кормление. Если у нас кормление оставалось так долго, укоренилось — ясный признак, что народ оставался бедным; а кормление, следствие бедноты, неразвитости народной, как обыкновенно бывает в истории, содействовало, в свою очередь, усилению народной бедности. Бедность государства и необходимость содержать огромное войско, защищать огромную пограничную линию, отбиваться со всех сторон от врагов — вот два тяжкие условия жизни Московского государства.

А крепостное право — откуда оно? Все от той же бедности. Крестьянина прикрепили, чтоб он кормил помещика, ратного человека, которого иначе бедное государство содержать не могло. Тяжелым игом лежало кормление войска на народе, но оно избавляло от ига татарского, от поляков, от шведов. И чтобы понять, как необходимо было военное преобразование, почему надобно было начинать с него, почему в этом отношении нужны были еще новые пожертвования, новые напряжения бедного государства и народа, чтобы понять, оценить военную деятельность и заслугу Петра, надобно только вспомнить, какое количество пленных выводили крымские татары из России, и без того бедной народонаселением, надобно читать описания тяжкой участи этих несчастных, наполнявших восточные рынки, надобно вспомнить, сколько денег нужно было употреблять бедному государству для выкупа пленных.

Но кроме войска нужно было народу кормить еще непосредственно дьяков и подьячих, вследствие той же бедности. В XVII веке лучшие люди сознавали эту язву и предлагали средства для ее излечения. «Отчего дьяки и подьячие берут взятки?» — спрашивали они и отвечали: «Оттого, что получают малое жалование, недостаточное для их содержания; дайте им больше жалованья, и они перестанут брать взятки». Но советодатели не справились: откуда московскому правительству было

взять денег для увеличения этого жалованья? Их поражала бедность народа, но они забыли, что правительство бедного народа не могло быть богато. У варварского народа все члены его — воины, не воины — рабы. Как скоро начинается развитие, начинается разделение занятий, является различие между воинами и не воинами, и определение отношений между этими двумя частями народонаселения становится одною из самых важных задач всей последующей жизни государства; во времена варварские или очень близкие к варварству, например в начале средних веков в Европе, военная часть народа стремится господствовать над невоенною, забрать себе все права; но благодаря разным благоприятным условиям развития масса невоенная не коснеет в своем страдательном положении, посредством промышленного труда приобретает материальные и нравственные средства, вследствие чего силы обеих частей народонаселения начинают более или менее уравниваться. Так было в западных государствах: в Польше при неблагоприятных условиях развития для невоенных классов народонаселения военная часть народонаселения, шляхта, налегла на массу невоенную, взявши себе все права и отнявши у верховной власти значение посредствующего начала,— и мы знаем следствия.

В самом восточном европейском государстве, в России, условия для развития промышленного труда, для развития невоенных классов народонаселения были крайне неблагоприятны; отсюда бедность народа и все ее печальные следствия, о которых уже было упомянуто. Но в России и военная часть народонаселения вследствие известных причин также не получила сословного развития, а между тем увеличивались силы правительственного начала; пользуясь этою-то силой, Петр произвел переворот, имевший целью поднять силы народа во всех отношениях: поднять войско, его победами поднять значение государства извне и добыть море и в то же время поднять промышленные силы народа, отнять у государства Русского исключительно земледельческий характер, сделать его богатым, следовательно, уничтожить те печальные явления, которые были следствием его бедности. Мы видели, какие страшные препятствия встретил Петр при достижении своей цели: в течение нескольких лет нельзя было переменить утвердившихся веками привычек и взглядов; учреждением магистратов нельзя было вдруг обогатить купцов, вдруг приучить их к широкой, дружной и разумной деятельности; выучивши волею-неволею служилого человека грамоте, цифири и геометрии, нельзя было вдруг вдохнуть в него ясное сознание гражданских обязанностей; несмотря на множество видимых изменений, нравственное состояние народа мало изменилось к лучшему. Но народ безвозвратно выдвинулся на новый путь, путь единственный для выхода, для избавления себя от тяжких обид, на которые

жаловались лучшие люди XVII века, путь тяжелый бесспорно — но что же делать, когда в запасе у истории нет других путей для народов?

Как взволнованное море, шумела Россия глухим шумом и ропотом, когда Преобразователь лежал в гробе величавый, грозный и скорбный. Птенцы Петра провозгласили царицей его жену-спутницу. При этой новой новизне, женском царствовании, слышался ропот наверху и ропот внизу: наверху ропот несбывшихся надежд, ропот на светлейшего князя; внизу повторялись пословицы, в которых высказывался невыгодный взгляд предков на женщину, пословицы и присловицы:

Каковы в народе издавна словом употреблялись,

И яко в волне морской, тако в молве мирской разглашались.

Но среди этого ропота слышались другие голоса, к которым мы и прислушаемся преимущественно.

Между сенаторами — сильное движение, толки, споры, пишутся мнения. Что же их так занимает? Старый вопрос: казна истощена, крестьяне разорены, войско и приказные люди тяжело лежат на народе. Первым делом преобразования было создание постоянного войска, в котором чувствовалась нудящая потребность, но чем содержать его? Разумеется, первая мера в бедном, неразвитом государстве — отдать войско на непосредственное кормление народу. Но легко понять, какого рода была эта новая тягость; история хорошо знает, что такое постоянная вооруженная сила, непосредственно кормящаяся на счет народа. Для России наступили времена, которые Западная Европа переживала при франках, готах и свевах⁴ или когда в Польше войска, не получая жалованья, хозяйничали в стране. Крестьяне бежали толпами в степи, за границу, средства государства истощались; надобно было помочь беде.

«Несколько лет, — говорили одни, — как хлебный недород учинился, а в нынешнем 1725 году в жатвенное время от непрестанных дождей едва не везде хлеба не сняты, и многие проросли. Платежом подушных денег земские комиссары и обретающиеся на вечных квартирах штаб- и обер-офицеры так принуждают, что не токмо пожитки и скот распродавать принуждены, но многие и в земле посаженный хлеб за бесценок отдают, и оттого необходимо принуждены бегать за чужие границы, а особливо из низовых провинций и сибирских городов — в башкиры, а из других — в Польшу. От 1719-го по нынешний год взято в рекруты более 70 000 человек, сколько же в те шесть лет умерших как натуральною смертию, так и от хлебного недорода, также беглых и написанных в оклад старых, дряхлых, увечных и младенцев, от

⁴ Свевы — группа племен древних германцев. — *Примеч. сост.*

которых нет никакой работы, токмо требуют хлеба, и за всех тех подушные деньги правят на наличных! От такого несносного отягощения принуждены побегамии друг за другом следовать и многие тысячи уже за чужие границы побежали, и никакими крепкими заставами удержать их от того не можно».

«Вовсе уж не так тяжело крестьянам,— говорили другие,— неурожай не был повсеместный; в иных местах рожь родилась средняя, а яровой везде родился изрядно, и пред прошлыми годами хлеб везде дешевле. Что крестьяне бегают, то заставами их удержать нельзя, а можно вот как: надлежит из них выбрать сотников, пятидесятников, десятников и перепоручить всех круглою порукою, о чем из военной коллегии указами объявлено, а ныне надобно о том вторично подтвердить, отчего побегии весьма удержать возможно, что может быть крепко караулов, понеже все крестьяне друг друга караулить будут принуждены, для того что невозможно тому стать, чтобы друг о друге крестьяне были неизвестны, ибо, кто преднамерится бежать, те пред побегом своим спроваживают из домов в другие способные к побегу их места скот и животы и с собою берут жен и детей, а иные пред побегом все продают».

Думали целый год. Осенью 1726 года Меншиков, Остерман, Макаров и Волков подали одно общее мнение, которое также может объяснить, почему Петр взял этих людей из толпы и поставил так высоко: «Как вредительно государству несогласие, о том упоминать не надлежит; сие показывается не токмо в духовных и других государственных делах, но и при бедных российских крестьянах, которые не от одного хлебного недорода и от подати подушной разоряются и бегают, как от несогласия у офицеров с земскими управителями, и у солдат с мужиками. И понеже армия так нужна, что без нее государству стоять невозможно, того рода и о крестьянах попечение иметь надлежит, ибо солдат с крестьянином связан как душа с телом и, когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата.

Для скорейшего облегчения крестьян в платеже подушной подати на 1727 год дать сроку до сентября месяца. Ныне над крестьянами разве десять и больше командиров находится, вместо того, что прежде был один, а именно из воинских, начав от солдата до штаба и до генералитета, а из гражданских от фискалов, комиссаров, вальдейстеров и прочих до воевод, из которых иные не пастырями, но волками, в стадо ворвавшимися, называться могут; тому же подобные и многие прикащики, которые за отлучением помещиков своих над бедными крестьянами чинят что хотят. Того ради видится весьма потребно, чтобы всему генералитету, офицерам и рядовым, которые у переписки и ревизии и на экзекуции, велеть ехать немедленно к своим командам, ибо мужикам бедным страшен один въезд и проезд офицеров

и солдат, комиссаров и прочих командиров, кольми же паче страшны правез и экзекуция, о которых уже и так доносят, что крестьянских пожитков в платеж тех податей недостает и что крестьяне не только скот и пожитки продают, но и детей закладывают, а иные и врознь бегут. И надлежит особливо при сем деле примечать, что хотя, правда, и прежде сего бывало, что крестьяне бегали, однако ж бегали в своем государстве от одного помещика к другому, а иные бегут в Польшу, в башкиры, в Запорожье и в раскол, и тако нашими крестьянами удовольствуем не только Польшу, но и собственных своих злодеев. И сверх того часто переменные командиры такое разорение не чувствуют, ибо никто ни о чем больше не думает, кроме чтоб у крестьянина последнее в подать взять и тем выслужиться, не уважая о том, что после крестьянин без ничего останется или и вовсе куда убежит.

Доимки платить помещикам в генваре, марте и апреле месяцах 1727 года, а которые помещики не заплатят, на тех доправить с процентом. Сборы поручить воеводам, которым на помощь дать по одному штаб-офицеру в каждую провинцию, один штаб-офицер за свою провинцию лучше может ответ дать, чем многие, и вместо 500 командиров будет 50 штаб-офицеров; чтоб у воевод не было распри с этими офицерами, дать воеводам ранг полковничий на время воеводства. Понеже крестьяне ничем так не скудны, как деньгами, того ради положить платеж подушного оклада наполовину деньгами или две трети, а другу половину или треть платить провиантом или фуражом. Две части офицеров, урядников и рядовых, которые из шляхетства, в дома отпустить, а третью долю оставить при полках, иноземцев и беспоместных, которые без жалованья прожить не могут, отчего будет двойная прибыль: жалованье их в казне останется, деревни свои осмотрят и в порядок приводить станут. Поставить полки на квартирах в хлебных местах и, чтобы не разорять крестьян, селить их слободами при городах. Купечество в Российском государстве едва не вовсе ли разорено, и, понеже оно воли требует, того ради рассмотреть в комиссии, не полезнее ли будет купечеству дать волю туда торговать, куда ему способно, и для того отворить порт архангельский.

Лишних управителей и канцелярии и конторы, земских комиссаров, вальдмейстеров и прочих тому подобных вовсе отставить, равно и мануфактур-коллегию. Вместо мануфактур-коллегии можно определить из больших фабрикантов без жалованья, которые хотя на один месяц для совета в Москву съезжаться и без приговоров и протоколов коллежских все неважные определения учинить и о важных доносить могут. При сем нельзя не упомянуть, что кроме статую одним отставным и к сборам определенным солдатам жалованья около 70 000 рублей идет; сего

прежде не бывало, и пользы от того никакой нет, кроме ссор и кражи, и для того не лучше ли положить все эти сборы на магистраты?»

В этом мнении было указано на необходимость упразднить некоторые учреждения, обременительные для бедного государства. Головкин пошел далее в своем мнении: «Все дела управлять воеводам под надзором губернаторов, а губернаторам, чтобы не злоупотребляли, дать в товарищи ассессоров, человека по три или по четыре; на губернаторов апелляция в юстиц-коллегию».

Князь Дмитрий Михайлович Голицын пошел еще далее, коснулся одного из самых существенных установлений Петра: «Пристойно мнится мне быти, когда б и посадские по городам были в ведении губернаторов, ибо они ныне никого себе защитителя и охранителя не имеют, наипаче от проезжающих в постоях и других таких же нападках; сие не для извержения магистрата, ибо оные о всяких своих нуждах рапортовать станут главному магистрату». Но, отдавая торговых людей в ведение губернаторам, Голицын в то же время требовал вольной торговли: «Торговля в государстве довлеет быть вольная в народе, и в одни руки ее отнюдь допускать не надобно, также и государевы торги прибыльнее, мноу, пресечь и отдать в народ же, а оному пока позволить всюду в государстве и за рубеж торговать, ибо интерес государства равен есть, где бы торговля ни отправлялась, лишь бы государство от того обогащение себе имело; и для распространения торгу в Петербурге довлеет умалить пошлину, также и торгующим, а паче приезжим иноземцам показывать всякие льготы и приманки и в торгах безопасность от всяких убытков».

Немедленно приступили к делу: генералитет, офицеры и рядовые отставлены от переписей, ревизий и сборов, которые поручены воеводам при помощи одного штаб-офицера. Полки велено селить слободами при городах. Но вместе с этим приняты мнения Головкина и Голицына: вся расправа и суд положены на губернаторов и воевод, им же подчинены и городские магистраты. Голицын хотел дать в воеводе защитника посадским людям, каковы были эти защитники — хорошо знала древняя Россия; что же касается до новой России, то приведем мнение торговых людей из второй половины XVIII века, мнение, из которого мы ясно увидим значение петровских преобразований относительно рассыпанной храмины. Купцы просят, чтобы городская полиция оставлена была, на основании регламента Петра Великого, главному магистрату, и прибавляют: «И ныне тоже всеми теми великими монархами (Петром, также Анною и Елизаветою, восстановившими учреждения Петровы) купечество от канцеляриев почти и совсем отрешено, однако же великое претерпевает от них притеснение и обиды, которых избегнуть никак не можно, кольми же паче когда совсем канцеляриям отдано под

власть будет; тогда купцам останется делать только то, чтоб, никуда от домов не отлучаясь, оберегать дома и домашних своих, всех торгов лишиться и придти в отчаяние».

Среди этих голосов, раздававшихся в Сенате и в новоучрежденном Верховном тайном совете, послышался голос Георгия, архиепископа ростовского, но смолк, неподдержанный. «Яко самому Богу, так и вашему величеству служу верно,— писал Георгий императрице.— Того для не могу умолчать, чтоб не донести вашему величеству. Понеже происходит о духовных такой непорядок, какова искони не бывало, у архиереев, у монастырей, с церковью собирающиеся сборы, так и деревни отрешают, а определяются на правителей, вновь определенных, на приказных, на чужестранных, на госпитали, на богадельни, на нищих. И то правда, церковное имение нищих — имение для государственной славы. И как видно, что судей и приказных не накормить и иностранных не наградить, а богаделен и нищих не обогатить; а дома и монастыри, уже инде и церкви, чуть не богадельни стали. Також архиереи и прочие духовные бродят так, как бывало иностранные, или и хуже, ибо служителей и треб до церковной службы довольства не имеют и приходят в нищие. А деревенские священники и хуже нищих. Понеже многих из данных денег на правезах бьют, что и оплатиться не могут. И того б надлежало рассмотреть, чтоб было к государственной пользе, но токмо то затмилось».

Мы выслушали мнения современников о внутреннем состоянии России после великого переворота, выслушали мнения птенцов Петровых; теперь послушаем голосов их на другом поприще, из-за границы. Ништадтским миром Петр покончил дела свои в Европе. Все внимание его преемницы было обращено на то, чтоб избегать войны, сохранить приобретенное. Но вот в одной из соседних стран поднимался вопрос о наследстве, а мы знаем, что значит в европейской истории вопрос о наследстве, сколько обыкновенно являлось охотников наследовать и какие ожесточенные войны вели народы, чтобы не дать той или другой державе усилиться на счет других благодаря наследству. Конечно, теперь дело шло не об Испанском и не об Австрийском наследстве, а только о *Курляндском*: тем не менее и это маленькое наследство могло повести Россию к серьезным столкновениям, к войне, которая была ей вовсе не по времени. Петр в разгар борьбы с Швециею за море, за существование России как европейской державы очень выгодно для своих соображений выдал замуж двух племянниц своих: Анну — за герцога курляндского и Екатерину — за мекленбургского. «1) Веру и закон, в нем же родилася, сохрани до конца неотменно. 2) Народ свой не забуди, но в любви и почтении имей паче прочих. 3) Мужа люби и почитай яко главу и слушай во всем, кроме вышеписанного». С таким

кратким, но многозначительным наставлением отпуская Петр племянниц своих в чужую сторону.

Муж Анны, герцог Фридрих Вильгельм Курляндский, скоро умер; правление перешло к дяде его Фердинанду, который при том же находился в таких отношениях к курляндцам, что все время должен был жить за границею; но герцогиня-вдова Анна Иоанновна оставалась в Курляндии. Этим обстоятельством вопрос о Курляндском наследстве, разумеется, усложнялся: претенденты на герцогство становились вместе и женихами герцогини. Еще при жизни Петра в 1720 году посол русский в Вене Ягужинский писал царю, что герцог Александр Виртембергский хочет жениться на герцогине Анне и с русскою помощью достать Курляндию; потом сватался за Анну герцог Саксен-Вейсенфельский. В описываемое время был третий претендент и жених — знаменитый впоследствии граф Мориц Саксонский, побочный сын курфюрста Саксонского и короля польского Августа II. Курляндцы желали видеть Морица своим герцогом, Анна была согласна выйти за него замуж; королю Августу II хотелось пристроить сына так выгодно, но не того хотелось Речи Посполитой. Курляндия по договору с первым Кетлером была вассальным владением Польши, которая потому считала себя вправе требовать, чтобы по пресечении Кетлерова дома страна эта отошла к ней в виде провинции.

При такой разности стремлений борьба была необходима, но был еще вопрос первой важности: как будет смотреть на дело могущественная соседка — Россия? Позволит ли она Польше увеличить свои владения присоединением Курляндии и потому как будет смотреть на желаемого курляндцами Морица по отношению к герцогине Анне, царевне русской? Русским послом в Польше был в это время князь Василий Лукич Долгорукий, один из лучших дипломатов Петровой школы. По мнению Долгорукого, для России в курляндском вопросе было важно одно, чтобы Курляндия не присоединялась к Польше, не была разделена на воеводства, как все остальные польские провинции; что же касается до того, кто будет преемником Кетлеров в Курляндии, — это для России вопрос вовсе не важный; не нужно России явно связываться с тем или другим искателем курляндского престола, чтоб это лицо не мешало ей в переговорах с Польшею, не мешало достижению главной цели — не допустить присоединения Курляндии к Польше.

В этом смысле Долгорукий составил свое донесение императрице от 7 мая 1726 года. «Ежели ваше императорское величество соизволите графа Морица в князи курляндские допустить вначале, чтобы тем Курляндию до раздела воеводства не допустить, также б им, Морицом, короля и партию его не только от противностей за то удержать, но еще бы склонить к тому, дабы в том

деле вспомогали: в таком случае, как мне мнится, нужно, чтобы то соизволение вашего императорского величества было содер-
жано zelo секретно, и хотя повелите г. Бестужеву⁵ или иному
кому курляндцам дать знать, что особа его, Морицова, вашему
императорскому величеству не противна, однако ж то учинить
zelo тайно; также ни в какие письменные обязательства о том
деле не входить, разве с одним королем польским, ежели б похотел.
Все вышедонесенные осторожности, как мне мнится, нужны
для того, ежели он, Мориц, будет князем курляндским, а Речь
Посполитая будет тому сильно противиться, тогда может слу-
читься, что от стороны вашего императорского величества мож-
но будет вступить с Речью Посполитою в договоры о том
и согласиться, что ваше императорское величество изволит для
Речи Посполитой не дать ему, Морицу, протекции, а Речь бы
Посполитая за то обязалась Курляндии на воеводства не делить,
а допустить в Курляндию иного князя вместо его, Морица, и хотя
то будет и с злобою его, Морицевою, однако ж в таком случае
для пользы вашего императорского величества его, Морица,
делать не для чего, и можно будет его, Морица, и оставить, и на
его место сделать князем иного; ибо вашего императорского
величества главный интерес только, чтоб Курляндии до раздела
(на воеводства) не допустить, а курляндским князем кто ни будет,
от того никакой худобы не видно, только бы кто был не сильный
и не мог бы быть сам и его наследники наследниками какого
иного владельца, ибо сильного допустить в соседи видится про-
тивно интересам вашего императорского величества. Однако же
для всякого случая надобно, прежде нежели допустить Морица
на то княжение, обязать его письменно, чтобы доходы государы-
ни-царевны с той земли не престали. Ежели приезд Морицов ко
двору вашего императорского величества не потребен, извольте
повелеть министру польскому Лефорту отписать к нему, чтобы
не ездил. По польским жалобам на подданных вашего импера-
торского величества справедливости чинить не надобно, и чтоб
пограничные вашего императорского величества управители им
сказывали, что справедливости только не чинят затем, что
о здешнюю сторону справедливости не чинят; тем способом
скорее можно здесь исходатайствовать справедливость; того для
я дерзнул писать о том в Ригу, в Киев и Смоленск, дабы по указу
вашего императорского величества справедливости полякам не
чинили; а что поляки отговариваются, что не могут по се время
комиссаров назначить для того, что сеймы здешние до конца не
доходят, может быть, что здешние сеймы лет десять до конца не
дойдут, но ваше императорское величество подданных разорение
для здешних сеймов терпеть не должны».

⁵ Русскому резиденту в Митаве при герцогине Анне

Петербургский двор не вошел в виды посла: Долгорукий должен был переехать в Митаву, отстранять Морица и поддерживать других искателей. Это бы еще ничего, но Долгорукий по смыслу получаемых им приказов видел, что в Петербурге какое-то странное двоевластие, видел, что подле правительства находится какое-то лицо, не столько сильное, чтоб заправлять всем и открыто, исключительно стремиться к исполнению своих желаний, и вместе лицо настолько значительное, что правительство, государственные люди считают необходимым уступать ему, ставить его интересы подле интересов правительственных. То получит Долгорукий приказание настаивать на избрании в герцоги курляндские князя Меншикова, и в то же время шлетя ему инструкция проводить других кандидатов, желаемых правительством императрицы, без малейшего упоминания о князе Меншикове! Так, от 25 июня императрица писала Долгорукому: «Понеже из последней реляции тайного советника Бестужева усмотрели мы, что чины курляндские, по воле королевской, более соглашаются о Морице, что есть с нашим интересом весьма несходно: того для паки вам напоминаем, дабы вы имели старание о князе голштинском⁶, и ежели на то не будут склонны, то представьте им двух братьей, гесенгомбургских князей⁷, дабы они из них которого одного себе избрали, и о том также приложите свое старание, в чем на вас надеемся».

А между тем Мориц был тут, в Митаве: Мориц успел приобрести всеобщее расположение, и 17 июля сейм провозгласил его герцогом. Но вот является в Митаву сам светлейший князь Меншиков и объявляет, что русский императорский двор весьма недоволен элекциею [избранием] графа Морица и на оную соизволить не может, яко противную правам Речи Посполитой Польской, без соизволения которой не может быть приступлено к избранию владетеля в стране вассальной. Объявление было чрезвычайно искусное, против него не могло быть возражений; но в то же самое время Меншиков, желая сам быть выбранным в герцоги курляндские, впадал в страшное противоречие, требуя, чтобы немедленно был созван новый избирательный сейм, требуя, следовательно, опять такого же нарушения прав Речи Посполитой, против которого вооружился в первом объявлении. 3 июля отправил Меншиков к императрице письмо, в котором описывал свое поведение в Митаве, как он объявил чинам о неудовольствии императрицы и как принудил их держать новый сейм. Но в то же самое время скакал другой курьер в Петербург с письмом от Морица к вице-канцлеру Остерману; Мориц описывал, какими средствами Меншиков принуждал к созванию

⁶ Двоюродном брате мужа царевны Анны Петровны

⁷ Принцы гесен-гомбургские, вступившие в русскую службу в 1721 году

нового сейма в десять дней: грозил сослать членов правления в Сибирь, грозил ввести в Курляндию 20 000 войска. Светлейший пошел дальше: чтобы выжить Морица, он осадил его в его квартире вооруженными людьми, но Мориц велел своим отстреливаться, убил 16 человек осаждающих, 60 ранил, гвардия герцогини Анны должна была выручать Морица.

В Петербурге видели, какого дипломата отправили в Митаву в лице Меншикова, и поспешили отозвать его назад. 11 июля императрица писала ему: «Письмо ваше от 3-го июля получили мы исправно, и из оного усмотрели о тамошних поведеньях курляндских, и что надлежит до того, что графу Морицу и курляндским чином объявлено, что мы элекциею его, графа Морица, весьма недовольны и на оную, яко противную правам Речи Посполитой, соизволить не можем, а то весьма изрядно, и мы опробуем. Но что надлежит до того, что вы их принудили держать новый ландтаг, дабы учинить избрание вновь и, по предложению князя Василия Лукича, то мы не знаем, будет ли то к пользе к нашим интересам и к нашим намерениям, понеже мы избрание графа Морица наипаче тем опорочили, что оное учинено противно правам Речи Посполитой; а ежели ныне от нас также без ведома и опробации Речи Посполитой чином курляндским принуждение будет к учинению новой элекции, то и Речь Посполитая за то на нас может озлобиться, и курляндские чины станут говорить, что будто оные неволею к такой новой элекции от нас принуждены, и чтоб от того пуще нашим намерениям остановки и безвременные ссоры с королем и с Речью Посполитою вдруг не учинить. Того для пока вы там побудете, надлежит вам в том зело рассуждать и советовать с князем Васильем Лукичом, который о состоянии того дела в Польше лучше может быть известен, и поступайте в том с общего с ним согласия как наилучшее ко интересам нашим полезно будет, и чтоб безвременно с Речью Посполитою в ссору не вступать, и ежели о такой новой элекции может быть противность Речи Посполитой, то не лучше ли будет сперва трудиться в Польше, дабы Речь Посполитую к нашим намерениям склонить, ибо потом легко будет чинов курляндских и добрым способом к чему к интересам нашим потребно будет привести. И хотя вы пишете, дабы вам побыть еще там, пока оный ландтаг окончается, и то бы не худо, однако и здесь вам не без нужды для советов о некоторых новых и важных делах, а особливо о шведских, ибо имеем ведомость, что Швеция к ганноверцам пристае и что к первому числу сентября там сейм нечаянно назначен; а к тому же может быть, что тамошние (курляндские) чины съездом своим умедлят, того для вам долго медлить там не надлежит, но возвращайтесь сюда».

Меншиков возвратился. В Швеции действительно дела принесли неблагоприятный для России оборот; туда отправился

князь Василий Лукич Долгорукий, а на его место в Польшу хлопотать по курляндскому делу поехал другой знаменитый дипломат петровского времени, Ягужинский, повез 6000 червонных, да мехов на 3000.

Удивительное зрелище для русского дипломата, не бывавшего в Польше, представлял сейм Речи Посполитой, созданный теперь в Гродне, один из самых шумных сеймов благодаря курляндскому делу. Ягужинский стал прислушиваться к этому шуму, к борьбе партий. С одной стороны — король, которому очень хотелось поместить сына в Курляндию; с другой — епископ краковский, заводчик часов, по выражению Ягужинского. Епископ требовал присоединения Курляндии к Польше и в то же время фанатически преследовал диссидентов. На сейме страшные крики, проекты сыплются как дождь, но огромное большинство ясно высказывается за епископа, за присоединение Курляндии. Король уступает, боится показать, что интерес сына предпочитает интересам Речи Посполитой, обещает выдать все оригинальные документы о курляндских делах, но у Морица сильная поддержка при дворе отцовском: две женщины — Белинская, жена маршалка, и Поцейха (как называет ее Ягужинский), жена гетмана, со слезами бросаются к Августу: «Удержитесь, ваше величество, не выдавайте документов курляндских! Такою слабостию вы обесславите себя во всем свете. Чего вы боитесь? Споров и криков на сейме? Не обращайтесь на это внимания: покричат, да и перестанут». Но на деле вышло иначе: ожесточение против Морица усиливалось все более и более: требовали, чтоб отправлена была в Курляндию комиссия для разбора дела, и на последней сессии подконюший литовский предложил послать к французскому послу депутацию и объявить Морица бесчестным, чтоб он не был терпим и во Франции, где имел полк.

Ягужинский находился в самом затруднительном положении; с одной стороны, он должен был настаивать, чтобы не было подтверждено избрание Морица, чего было еще легко достигнуть; но с другой — не должен был допускать, чтобы приведено было в исполнение намерение большинства — присоединить Курляндию к Польше и разделить ее на воеводства. Тщетно представлял он польским министрам, что *ratio status* [принимая во внимание существующее положение] не позволяет соседним государствам согласиться на перемены в Курляндии, пусть делают кого хотят герцогом, только не Морица. «Поляки упрямятся, — писал он своему двору, — и потому единственное средство помешать делу — порвать сейм». Но это было трудно сделать: королевские сторонники употребляли все усилия, чтобы не допустить до порвания сейма, и для этого жертвовали Морицом, имея в виду, как догадывался Ягужинский, другие интересы; они обнадеживали сейм, что король не постоит ни за что, все

курляндское дело и самого Морица отдаст в руки Речи Посполитой, пусть, что хочет, то и делает с ним и с Курляндиею. Ягужинскому оставалось, «сколько смысла и силы имел», мешать сейму, длить время. Какую же, между прочим, силу мог иметь Ягужинский в прибавок к смыслу? «Многokrатно меня просил барон Лось,—пишет он к Макарову,—чтоб ее императорское величество пожаловать изволила кавалерию после дяди его, графа Фицтума; о том же и обер-шталмейстер Ракниц многократно просил. Еще же доношу, что здешние дамы к сибирским шелкам великую охоту имеют, того ради не худо, когда бы изволили ее величеству донести, что сюда прислать такожде и несколько из мехов лисьих, горностаевых и овчинных. Что же до короля, то он великий охотник до завесов китайских и до всяких обоев персидских, и то потребно признаваю из таких вещей несколько же сюда прислать. Бесстыдный воевода троицкий Огинский непрестанно, когда со мною увидится, спрашивает, не прислали ль ко мне мехи, и удивляется, что ее величество его в забвении оставила; я токмо тем отговариваюсь, что сибирские караваны всегда зимою приходят, а ныне еще не прибыли».

Легко понять, с каким вниманием следили за ходом сейма в Курляндии. Герцогиня Анна сильно беспокоилась; дело шло уже не о Морице: сейм грозил нарядить комиссию, которая должна была привести в ясность положение Анны относительно Курляндии. Анна обратилась к Ягужинскому: «Как здесь слышу, что курляндское дело в Польше весьма худо идет, и поляки комиссию сюда отправлять хотят для счету моих деревень и моей претензии, и ежели до того допущено было, то б великое предосуждение российским интересам было, також слышно, что князю Фердинанду хотят лен дать, и то такоже против российских интересов, из чего здешняя земля в великую конфузию и в дешперацию [в смуту и совершенное разорение] приходит и сие все делается чрез здешних плутов Костюшки гофемберховой фамилии и Буххолца и Рацкова, которым представителем великий канцлер Шамбек; я вас прилежно прошу, приискав к тому удобные способы, до того не допустить, а паче до отправления сюда комиссии, чем меня вовеки одолжите и за что, доколе жива, вашу любовь буду в памяти носить и пребываю вам всегда доброжелательная Анна».

Курляндия действительно была в великой *конфузии и дешперации* и не подавала признаков жизни в то время, когда вопрос шел о том, иметь ли ей по-прежнему своих герцогов или сделать ее польскою провинцией? В Петербурге видели, как невыгодны для русских интересов эти конфузия и дешперация; но хорошо видели также, как неловко с русской стороны возбуждать курляндские чины к деятельности после недавних поступков Мен-

шикова в Митаве. «Я весьма удивляюсь,— пишет Остерман Бестужеву в Митаву 29 октября,— что с курляндской стороны ничего не происходит и не слышать, чтоб оные в свою пользу и для препятствования того разделения какой поступок учинили. Иное дело есть учиненная элекция Морицова, иное дело разделить Курляндию в воеводства, и в сем последнем могут оные стоять твердо, понеже ведают довольно, что и нашим и короля прусского интересам такое разделение противно. *Последние в Курляндии происшедшие дела все сие так испортили*, что воистинно с довольным деликатством ныне в поправлении онного поступать невозможно; первое, надлежит, чтобы курляндцы с резонном и твердостью, однако со всякою умеренностию, свое право доказали; второе, потребно искать время получить; сие есть мое малоумное мнение».

Это малоумное мнение вполне разделял Ягужинский. Сейм кончился 30 октября: король уступил в деле Морица, *кассировал его элекцию* [отменил его избрание], и назначена была комиссия, которой так боялась герцогиня; члены комиссии были: Шамбек, бискуп варминский, Денгоф, воевода полоцкий, Хоментовский, воевода мазовецкий, и Огинский, воевода троицкий. Комиссары, остановившись на границе курляндской, должны были публиковать, что избрание Морица уничтожено, и требовать у курляндских чинов ответа: зачем они в такую своевольную элекцию вступали? Потом уж они должны были трактовать с курляндцами о форме правительства по смерти Фердинанда. Эта комиссия не очень беспокоила Ягужинского, потому что комиссары могли приехать в Курляндию не раньше мая или даже июня, следовательно, оставалась еще целая зима; надобно было только воспользоваться этим временем; Ягужинский предложил, как им воспользоваться: «В Курляндию тайно кого послать и с курляндцами согласиться, как они в том поступать хотят; ежели бы под рукой их склонить к императорскому величеству депутацию отправить и просить от польского насилия обороны и в удержании их прав защиты, и чтоб императорское величество их правам гарантиры были: сие, мнится, может поляков к некоторому рассуждению привести; не худо б была притом прусская гарантия. Не упуская времени с курляндцами, согласиться о Морицовой персоне, також надобно помыслить, когда уж от поляков он весьма низвержен и живот его не вовсе безопасен, а он бы для своего безопасения в Российскую империю поехал, чтобы тем паче в подозрение у поляков не придти, ибо и так великое имели подозрение, что с нашей стороны под рукой Морицу помогается. Я буду стараться, чтоб еще какого из наших приятелей в комиссары присовокупить, чтобы помощь какая-нибудь нам была, только надобна на то подсыпка, и та может курляндскою казною чиниться, а первоначенные комиссары все лакомы и только бы

взять, а ничего не сделать, а особенно Денгоф и Огинский: тем, хотя по все дни давать, то без стыда брать и просить будут, а дела, однако ж, надежно от них ожидать не можно».

Вместе с серьезными предложениями Ягужинский писал императрице (23 декабря): «Посылаю вашему императорскому величеству для забавы пророчества польские на несколько в предыдущие лета, в которых пророчествуют быть на королевстве из народу северного; ежели бы то могло стать—не худо бы было!» Это пророчество на 1729 год: «Год сей страшен и ужасен в Польше видим будет, понеже приидут от востока, запада и севера монархи, где с обидою людей пребывание свое возымеют, и не един там восплачется, и польские знатнейшие дамы и отцы и с матерями своими всячески в тесных местах уюиваться (иметь прибежище, успокоиваться) будут, ожидая себе помощи от другой области, которую хотя они и получают, однако ж от оной мужа, жены и дети в великом утеснении пребудут, а потом полнощный король на престоле польском сядет и государствовать будет, так что никто его до страшного суда не опровергнет. Сверх того духовные тамошние персоны всякие свои прибитки и доходы потеряют, и уже не в силах своих, но токмо по милости королевской жити имеют».

Но не пророчества и даже не курляндское дело особенно занимали Ягужинского: его беспокоила постоянная уступка короля сейму сосчет Морица; он видел, что главная цель королевской партии состояла в том, чтобы привести сейм к утверждению прежних договоров с австрийским двором; цель не вполне была достигнута, потому что сейм дозволил только вступить в конференцию с австрийским послом и результаты ее предложить на будущем сейме. Но что всего хуже было для России, это стремление короля сблизиться с Швецией. На сейме предложено было о вступлении с Швецией в конференции; многие закричали: *згода!* Другие начали представлять, что хотя они всегда желают быть в доброй дружбе со Швецией, но в Польше нет министра от шведского двора, и потому они не могут понять, откуда могло явиться такое предложение. На этом дело остановилось, и пошли слухи, что короли польский и шведский имеют между собой конфидентную корреспонденцию. Ягужинский был уверен, что тут посредником служит литовский подскарбий Понятовский, который во время Северной войны держался шведской стороны. Эти подозрения подтвердились для Ягужинского тем, что, по его заключению, король не оказывал склонности к России. Раза два при удобных случаях он зондировал Августа II, куда в курляндском деле намерение его клонится и как в том поступать впредь мыслит? Ответ был один: «Не могу я в этом ничего ни делать, ни советовать, потому что как скоро поляки увидят мое желание, то не миновать конфедерации; а если бы Морицу с русской стороны

помогали, тому я был бы рад и, сколько возможно, в том под рукою помогал». Ягужинскому хотелось большей откровенности со стороны короля, но он не мог ее добиться, а генерал Флюг по дружбе за секрет сообщил ему, что король, разговаривая однажды о России, выразился: "Ich traue den Russen nicht" (русским я не доверяю).

Ягужинский знал хорошо, что такое была Польша и что такое было польское правительство, знал, как всякое дело совершалось здесь медленно, вяло, без единства и энергии; он знал, что никакое недоброжелательство не устоит против энергичного действия со стороны России, которая, по его мнению, должна была твердо действовать в Польше и мягко, ласково — в Курляндии; но, к отчаянию своему, Ягужинский видел, что со стороны России нет никакого решительного действия, что он оставлен без дальнейших инструкций, должен ограничиться одними словесными представлениями, которые в Польше не имели никакого действия. Он обратился к кабинет-секретарю Макарову, писал ему (7 января 1727 года), что Польша силою не может принудить курляндцев ни к чему и уже действует убеждениями; Россия с своей стороны должна обнадеживать курляндцев в сохранении их прав и никак не должна пугать их, чтобы не заставить броситься к Польше.

«Остался в сем курляндском деле только сей ласковый способ. Мне не без удивления, — продолжает Ягужинский, — что понеже все сие неоднократно донесено и явно все дело изображено, что мне не придется указу, как далее поступать, а по данной мне инструкции более делать нечего, ибо поляки, видя словесные наши токмо представления, а действия по них никакого не опасаясь, не могут приведены быть к резону; мне бы хотя то в прибавок здесь говорить повелено было, что ежели не отменять своего намерения, то силою мы будем удерживать и комиссаров в Курляндию не пустим. Так поступает с ними цесарь: ежели на пограничные обиды поляки не учинят сатисфакции, то пошлет в те места, откуда обида сделана, полк или два и учинит сам себе сатисфакцию; не ныне, а по времени не миновать и с нашей стороны того. Князь Иван Юрьевич пишет ко мне из Киева, чтоб я о обидах тамошних здесь жаловался, ибо уж приходят нестерпимы. А здесь сколько жалоб не приносить, то исходатайствовать только, что назначат комиссаров для разводу пограничных ссор, а когда съедутся, то Бог весть, а между тем обиды как чинятся, так чинятся; к тому же интересован каждый шляхтич в наших обидах, понеже беглые наши русские почитай у всякого есть, греческого ж исповедания церковей множество в партикулярных шляхетских добрах (имениях), то кто их приведет добровольно к учинению сатисфакции? А как ни рассуждать, приступать будет за цесарской образец. Изволили вы упоминать о кавалерии

Манденфелю; тому она не надобна, понеже уж польскую носит, и Флеминг никакою иной не носит, кроме польской; к тому же ни Манденфеля, ни Флеминга тем не склонить, ибо старый дух противный еще в них, и, когда бы не страх от нас, давно бы в Ганноверский (то есть союз) саксонцы стали склоняться. Впрочем, оставляю то в глубочайшее рассуждение другим, которые только любят попереk въезжать, ведаючи и не ведаючи состояния».

Ягужинский кончил в Польше тем же, чем начал в Петербурге, в Петропавловском соборе — жалобою на Меншикова; в Петербурге жаловался он на личную обиду, в Польше — на обиду государству, на презрение государственных интересов, которые так ясно понимали все дипломаты — Остерманы, Долгоруки, Ягужинские, Бестужевы, и которых не хотел понимать один Меншиков, дерзко *въезжая попереk им*.

И князь Василий Лукич Долгорукий, которому Ягужинский отдавал первенство над собой, называя человеком «бывалым и искусным», и князь Василий Лукич должен был кончить тем же. Его, как мы видели, отправили уполномоченным на другой пост, более опасный, в Стокгольм. Швеция, лишенная Петром своего прежнего значения, потерявшая столько земель на восточном берегу Балтийского моря, Швеция, разумеется, не могла дружелюбно относиться к России; не мог дружелюбно относиться к ней и король, имевший себе полноправного соперника в герцоге Голштинском, зяте императрицы русской, которого права русское правительство обязалось поддерживать еще при Петре Великом. Понятно, что при таких отношениях Швецию легко было привлечь во враждебный для России так называемый Ганноверский союз между Англией, Францией, Нидерландами, Данией; на противной стороне находились Австрия, Испания и Россия. Что бы не допустить Швецию приступить к Ганноверскому союзу, и отправили в Стокгольм князя Василия Лукича. Долгорукий отвез 18 000 ефимков на раздачу кому надобно, да получил позволение давать обещание знатным особам на 100 000 рублей и больше.

Приехавши в Стокгольм, Долгорукий прежде всего должен был позаботиться о церемониале: надобно было поступить так, чтобы, с одной стороны, не унизить своего достоинства, с другой — не усилить своими требованиями раздражения против России, не ослабить и без того уже слабую русскую партию. Долгорукий, два раза бывший в Польше, привык к тому, что тамошние сенаторы, министры, гетманы, также саксонские министры и фельдмаршал Флеминг первые делали ему визиты; теперь в Швеции, думал он, такое же правление, как и в республике Польской, а министры всех республик монаршеским министрам первое место дают; конечно, по всем церемониалам и резонам

надлежало бы здешним сенаторам первые визиты мне отдать: но как бы не повредить делам в нынешнем столь деликатном случае и не умалить кредита доброжелательной партии? Долгорукий ухитрился так: не посылая никому сказывать о своем приезде и о своем характере, отправился с визитами по всем сенаторам не в своей карете, на лакеях не было его ливреи. Сделавши эти визиты, которые не могли быть сочтены церемониальными, Долгорукий послал к первому министру с торжественным объявлением о своем приезде, а потом отправился и сам к нему с первым визитом. Русский уполномоченный немедленно же разузнал о состоянии дел, о положении партии и нашел, что в доброжелательной к России партии нет никого «великой остроты». Главный из них — Цедергельм — показался ему «остроты не пущей», как называют — «человек добрый»; «Гёпкин его острее», узнал, что королева «русского народа зело не любит».

Долгорукому передали разговор короля с одним сенатором: король просил сенатора рассказать ему всю правду относительно партий, против него направленных, и какими способами русская императрица хочет лишить его шведского престола. Сенатор отвечал, что ничего не знает, ничего не слышал. «Ваше императорское величество посему извольте усмотреть,— писал Долгорукий от 25 ноября 1726 года,— какие от вашего императорского величества опасности королю внушены и, коли такое мнение имеет, как его склонить к постоянной с вашим императорским величеством дружбе? Я для сего намерен после аудиенции всяко искать, чтобы мне чаще короля видеть, и, познавши способы, какими лучше могу, буду искать случаев, чтобы мне безопасность от вашего императорского величества ему внушить и тем бы то мнение, которое о вашем императорском величестве имеет, отнять; и потом, ежели усмотрю, что возможно и резоны показать, какая опасность ему от короля аглинского, только, как я слышу, его величество природы мнительной и верит мало знающим людям, которые при нем; с чужестранными в разговоры глубокие не входит, только разве что выслушивает; однако я буду случая искать ему все самому донести, а через людей — невозможно доброжелательным от меня того сказывать его величеству, а противные или убавят, или прибавят; к тому же я еще никого не знаю, кого с кем послать; да и, кроме того, я по всем резонам рассудил, что лучше мне самому то его величеству внушить. Я надеюсь, что аудиенцию мою здесь не замедлят и что я успею съездить с визитами не токмо к мужчинам и к дамам и, отдав визиты, могу их звать к себе; и для того намерен я был вчерашнего числа торжествовать тезоименитство вашего императорского величества и делал к тому приуготовление, а особливо намерен был для подлого народу пустить вина; некоторые из здешних мне сказывали, будто король для того аудиенциею медлит, дабы я того

торжества не чинил, а особливо, чтоб подлого народа тем не ласкал, и хотя я о том королевского намерения подлинно и не ведаю, однако ж как скоро я о том услышал, тотчас пропустил голос, что я торжество отложил после аудиенции ден на десять и буду торжествовать, хотя и не в самый тот день, и правда, что иного мне сделать невозможно, ибо ни одна дама ко мне не поедет, пока я визитов им не отдам, а прежде аудиенции сего мне сделать невозможно».

2 декабря Долгорукий имел аудиенцию; чтобы произвести выгодное впечатление щедростию, он подарил золотую шпагу с своим вензелем капитану, который привез его на яхте, капитан-поручику подарил серебряную посуду, рядовым матросам дал по два червонных, унтер-офицерам — по шести. Цель была достигнута: все остались очень довольны, и Долгорукому рассказывали, что король приказал принести к себе шпагу и рассмотреть ее.

Долгорукий начал хлопотать, нельзя ли сблизиться с Горном, главою противной партии, нельзя ли короля и Горна *умягчить*, чтобы по крайней мере в нынешний сейм не сделали акцессии (приступления к Ганноверскому союзу). Король обходился милостиво с русским уполномоченным, больше всех с ним разговаривал — но о посторонних делах; Долгорукий два раза был у жены Горна, однажды начал было говорить с мужем о деле, но не мог кончить. Явился новый опасный противник — барон Спар, шведский министр при английском дворе, он нарочно приехал из Англии для сейма и, как дали знать Долгорукому, привез от английского короля (Георга Ганноверского) 5000 фунтов стерлингов, чтобы склонять к акцессии. Долгорукий познакомился с Спаром; они обеживали друг у друга, и у них бывали «разговоры более часа и споры великие». Но тут новая беда: противная акцессии сторона начала подозрительно смотреть на сближение Долгорукого с королем, Горном и Спаром. Заметив это, он стал внушать главным лицам партии, что прислан не праведных спасти, но грешных: «Не возмогу их к моей стороне отвратить, может быть, наведу им подозрение от их стороны тем, что они со мною ласково обходятся; ежели же ни того, ни другого не сделаю, я тем ничего не утрачу, ибо я все способы употреблю к отвращению акцессии».

Долгорукий все более и более убеждался, что бой далеко не равный; противная сторона сильна была двором и Горном: «Горн, человек острый и лукавый, надобно будет обходиться с ним с умением и зацеплять его тем, к чему он сроден и что ему надобно, а силою одолеть его зело трудно». Сколько было силы у партии короля и Горна, столько же слабости у партии противной, то есть доброжелательной к России: «Доброжелательная партия зело слаба и не смела, для того и принужден здесь острее

делать и говорить, ибо они говорить не смеют, главные более других опасаются». Сейм показался Долгорукому ярмаркой: «Все торгуют, и один про другого сказывает кому что дано: только смотрят, чтобы судом нельзя было изболочить, для того что та вина смертная». Английские деньги раздавались на этой ярмарке большими суммами; рассказывали, что сам король получает пенсию от короля английского, Горну дано 160 000 рублей на русские деньги.

Долгорукий исполнил обещание: 13 и 15 декабря отпраздновал именины императрицы вместо 24 ноября; 13-го обедали сенаторы, чужестранные министры и другие знатные особы с женами; 15-го — бал и *машкура*; начался в 5 часов пополудни, кончился в 5 часов поутру; приглашены были все те, которые могут входить в знатные компании; гостей набралось человек с 500, и все ужинали; королевой была графиня Горн, вице-королевой — графиня Деллагарди, друг и родня жены Горна: она ее и выбрала; обе дамы выбрали в короли маршалка Плата, а в вице-короля — племянника князя Долгорукого. По окончании бала хозяин хотел поднести подарки графиням Горн и Деллагарди и подослал спросить их — примут ли? Обе дамы отвечали, что отнюдь не могут принять.

Все средства были истощены к *умягчению* противной партии. Долгорукий потребовал конференции. Ему назначили графа Деллагарди, графа Банира, графа Экеблата, канцлера Дибина, статс-секретаря Гепкина и канцелярии советника фон Кохена: все, кроме Гепкина, противной партии. Своею акцессией к Ганноверскому союзу заставляя Россию быть осторожною, припасать средства к защите, члены конференции эту самую осторожность с русской стороны выставили как причину своего враждебного расположения к империи: зачем, говорили они, нынешний год вы так сильно вооружили флот свой? Зачем приведено 40 000 войска в Петербург? Вы с такою поспешностью готовили сухари, что ни одного из лучших домов не оставлено, чтобы сухарей не пекли. Слышим здесь не только словесные, но и письменные угрозы со стороны императрицы. Праздник Рождества прервал конференции; но Долгорукий не ждал от них ничего хорошего, потому что Деллагарди и фон Кохен с товарищами «как раскольщики за английского короля хотя живые сжечь себя дадут». Ему объяснили причину такого усердия: Деллагарди получал от английского короля ежегодную пенсию в 4000 фунтов. Горн поехал в деревню на три дня и взял с собою двоих лучших членов секретной сеймовой комиссии — Белке и Левенгаупта; говорили, что первому обещает он за акцессию деревню в Бремене в 30 000 рублей, а второму — фельдмаршалский жезл.

Употреблены были все средства, чтобы склонить секретную комиссию к акцессии, вооружив против России и ее приверженцев:

громко начали разглашать, что существует умысел свергнуть короля и королеву с престола и возвести герцога Голштинского; в залу, где заседала секретная комиссия, подкинут был список лиц, желающих этого переворота. Начали застрашивать: одному сенатору скажут, что в случае успеха предприятия его имение уже назначено таким-то лицам, другому — что будет лишен чинов. Долгорукий не имел никаких средств противодействовать таким усилиям ганноверской партии; он видел большую разницу между польским и шведским сеймом: в последнем все важные дела производились в секретной депутации и секретной комиссии, а говорить с членами их никак нельзя; под присягою обязывались они не вступать в разговоры с иностранными министрами; король также никак не хотел вступать с Долгоруким в рассуждение о важных предметах; что же касается до вельмож ганноверской партии, то, по словам Долгорукого, «легче было турецкого муфтия в христианский закон ввести, нежели их от акцессии отвратить: надобно искать способов из закоулков всякое дело и слово провести до того места, где оно надобно».

Долгорукий вместе с цесарским послом Фрейтагом употребил последние средства: предложили, что оба императорские двора будут давать Швеции ежегодно в продолжение трех лет субсидии по 200 000 рублей. Все напрасно! Акцессия была принята окончательно. Долгорукий писал от 28 марта: «По всем поступкам королевским и Горновым и их партии видится, что они мыслят о войне против России; и ежели они вскоре войны не начнут, то, конечно, за недостатком и за невозможностью, однако ж и на то вовсе обнадеживаться невозможно для того, что, как я слышу и вольно и неусыпно трудятся, чтоб им экономиию и государственные доходы как возможно лучше исправить, войска, флот и прочее, потребное к войне, в доброе состояние привести. Того для, для всякого опасного случая, нужно Выборг гарнизоном утвердить, также артиллерию, амуницию и провиант довольные к обороне в нем иметь». По получении этого донесения Верховный тайный совет 11 апреля определил, чтобы Долгорукий, призвавши членов доброжелательной к России партии, изъяснил им, что акцессия заставит Россию принять сильные меры, и требовал, чтоб они для предупреждения войны старались сами вместе с ним, Долгоруким, о распущении сейма: Англия грозит выслать эскадру в Балтийское море, следовательно, Россия должна привести себя в оборонительное состояние; это вооружение не должно беспокоить шведов, если они сами на начнут ничего враждебного.

Один только голос раздался против решения совета, голос князя Меншикова, и Долгорукий немедленно донес, что в Швеции не боятся России; шведский министр в Петербурге Цедеррейц донес, что при императорском дворе между некоторыми из

главных особ великие несогласия; частные письма из Петербурга подтверждают то же самое; Горн и его партия внушают всякому, что за акцессию со стороны России не может быть ничего. Шведов успокаивал не один Цедеркрейц; их успокаивал сам светлейший князь, писал к сенатору Дикеру, уверял его, что с русской стороны, несмотря на угрозы, Швеции нечего опасаться, потому что власть над войском в его руках, а он за эту услугу требует себе помощи от Швеции в случае нужды, потому что императрица тяжело больна. Таким образом, и Долгорукий, оставленный в своей деятельности, имел право, подобно Ягужинскому, жаловаться на человека, который *въехал поперек* и в шведские дела.

2

Мы познакомились с некоторыми из птенцов Петра Великого, видели их на дипломатическом поприще и при решении важных вопросов внутренних; теперь мы должны взглянуть, как они действовали при решении других вопросов, самых для них близких.

По известному закону жизни человеческих обществ, всякое сильное движение, явление нового начала в жизни производит разделение, борьбу. Борьба эта бывает более или менее ожесточенная, происходит с большим или меньшим выбором средств, смотря по силе движения и по нравственному состоянию общества, по степени его просвещения, не говоря уже о других условиях, например о народном характере. Движение, переворот, перелом, который испытала Россия в конце XVII и начале XVIII века, был один из самых сильных, какие только знает история. Долговременная неподвижность и застой условливали необычайную силу, стремительность, порывистость движения, как скоро в обществе была признана необходимость выхода, необходимость нового. То, что другие народы принимали и переваривали, так сказать, постепенно, в продолжение многого времени, вся эта масса новых явлений и понятий нахлынула внезапно на русского человека и овладела его нравственным существом; другие племена, более слабые, не выдерживают подобного натиска, вымирают; крепкая натура нашего народа выдержала, но понятно, чего же это должно было ему стоить? Если он не пал от удара, то должен был сильно покачнуться, ошеломленный. Влияние, произведенное на голову русского человека приплывом массы новых понятий, разумеется, сейчас же обозначилось в языке, который неприятно задрезжал, как расстроенный инструмент, потерял прежний склад и лад, зазвучал множеством чужих звуков. Любопытно видеть, какое впечатление сильный прилив новых понятий производил на лучшие головы еще в XVII веке: знаменитый

Ордин-Нащокин один из первых подпал влиянию нового, чуждого, и какую странную, тяжелую, темную речь употребляет он! Ему было тем труднее изворачиваться, что он не употреблял иностранных слов.

Этому состоянию умственному русского человека в эпоху преобразования соответствовало состояние нравственное. Всеми признана, хотя некоторыми и неохотно, неудовлетворительность нравственного состояния древнего русского общества: против стольких и таких свидетельств о ней спорить невозможно. Но понятно также, что движение, начавшееся в обществе во второй половине XVII века, и борьба, вследствие того происшедшая, могли только ухудшить нравственное состояние. Как ни печально бывает нравственное состояние в известном обществе, но, если последнее живет, не рушится, значит, существуют известные нравственные сдержки и связи, которые не дают ему окончательно распасться; но если это общество двинется, взволнуется в сильном перевороте, то связи необходимо ослабевают, иногда совершенно рушатся и общество подвергается сильному нравственному колебанию, шатости, смуте, пока нравственные связи снова окрепнут или заменятся новыми. Отсюда историческое положение, что переходное время есть самое печальное для общественной нравственности.

Для России это переходное время, время шатости и смуты, началось не с политических преобразований, но с церковных, предшествовавших политическим. До второй половины XVII века авторитет Церкви признавался всеми непреложно: выходки какого-нибудь князя Хворостинина были исключением. Но вот Церковь делает необходимый шаг на пути исправлений, в установлении наряда богослужебного, в проповеди, наконец, в пересмотре, проверке книг, — и следствием этого движения явился сильный упор в отстаивании старины, явилось разделение, борьба ожесточенная. Часть духовенства и мирян объявила поведение высших пастырей Церкви незаконным, отказала им в повиновении, произвела раскол, и смутное время началось. Как в начале века господствовала смута политическая вследствие того, что законность московского царя была заподозрена, подле царствующего града явился враждебный стан Тушинский; так теперь подле правительства церковного явился враждебный стан раскольнический, где порицалось, отвергалось это правительство, как незаконно действующее. Как во время смуты политической народ зашатался, когда явились «два царя и двои люди несогласием», и не знали, кому и чему верить; так теперь смутился, зашатался народ, когда встало сопротивление правительству церковному. Следствия раскола не ограничились одним кругом явно отколовшихся от Церкви: недоумения и холодность к Церкви стали овладевать массами, не могшими дать себе ясного ответа в том, на чьей стороне правда?

Точно так, как прежде недоумение, равнодушие овладело массою, не знавшею, кто прав — царь ли Василий Шуйский или тот, кто воюет с ним под именем Димитрия? На эту шатость и равнодушие к Церкви вследствие раскола указывают современники Петра, которые хвалят его за то, что он мирскими средствами заставлял охладевших быть внимательными к Церкви и ее требованиям. А тут еще новые неблагоприятные условия: прежде учительство вообще принадлежало исключительно духовенству, а теперь раскольники взяли себе других учителей; для нераскольников же явились учителя иностранные с своими религиозными воззрениями. Прежде высшее относительно знание принадлежало духовенству, сословию по преимуществу грамотному, обязанному быть грамотным; а теперь, вследствие требований Преобразователя, другое сословие — служилые люди также получают обязанность быть грамотными, образованными и, имея более средств приобрести сначала внешний лоск образованности, получают чрез это большее внешнее преимущество пред духовенством. Прежде, когда духовенство было по преимуществу грамотным, образованным сословием, кто мог говорить о невежестве духовенства, кроме пастырей Церкви на соборах? А теперь крестьянин Посошков говорит, что все зло происходит от невежества духовенства.

Древнее русское общество находило нравственные сдержки в родовом быте: член рода чтит своего старшего, находился под его надзором и властью, которая, как знаем, была очень обширна и при случае давала себя тяжело чувствовать послушнику; член рода уважал мнение рода, боялся своим поведением нанести бесчестие ему. Теперь и родовая связь ослабела, а других сдержек на ее место общество еще не выработало.

Древнее русское общество употребляло известные материальные сдержки в помощь нравственным; так, люди знатные и достаточные держали своих жен и дочерей взаперти, в теремах. Теперь женщину выпустили из терема. Но как никакая тюрьма не воспитывает, не приготовляет для свободы, не развивает и не укрепляет сил, так и терем не воспитал русской женщины для ее нового положения, не укрепил ее нравственных сил; а с другой стороны, общество не приготовилось еще к ее принятию, не могло представить ей чисто нравственных сдержек, как не представляло их и для мужчины. Пример исторической женщины, освободившейся из терема, но не вынесшей из него нравственных сдержек и не нашедшей их в обществе, представляет царевна Софья Алексеевна.

От сестры перейдем к брату. В обществе тронувшемся, сорвавшимся с своих старых основ, носившем в себе разделение, борьбу, в обществе, которое мало выработало сдержек для силы сильных, которое имело Иоанна IV, — в этом обществе, на самом

верху его родился человек, одаренный громадными силами. Только такое общество, юное, кипящее неустроенными силами, могло произвести подобного исполина, как юная земля в допотопное время производила громадные существа, скелеты которых приводят в изумление наш мелкий род. Но становится страшно: куда будут направлены эти силы при таком отсутствии умеряющих образовательных начал? Какие нравственные пеленки приготовило общество для Петра, как оно воспитывает, образует исполина? Общество представило Петру в наставники Зотова и для первого сильного впечатления — кровавые сцены стрелецкого бунта! Для Петровых деда, отца, брата недоступный, окруженный священным величием и страхом дворец служил тем же, чем терем для древней русской женщины — охранял нравственную чистоту. Но Петр ребенком еще выбежал из своего терема, который не представлял ему и того, что представлял его братьям, в котором он не видал и человека, подобного Симеону Полоцкому. Не находя никакой деятельности во дворце, Петр выбежал на улицу и кликнул клич по дружину, по новых людей. Бесспорно, что чрез это он расправил свои силы: но какие привычки он приобрел в новой сфере, среди этих новых людей? Справимся с известиями о господствовавших пороках тогдашнего общества, и нам объяснятся привычки Петра, так нам в нем не нравящиеся.

Посреди русской своей дружины Петр не мог удовлетворить жажду знания. для этого он бросился к людям, которые давно уже были призваны, чтоб *учить* русских людей своему искусству, бросился в Немецкую слободу; но известно, какую легкою нравственностью отличались эти кондотьери, у которых там было отечество, где было хорошо; и в Немецкой слободе Петр не мог встретить противодействие привычкам, приобретенным среди русской дружины, а мог только еще усилить их. У Петра был, однако, руководитель, человек, бесспорно, умный, деятельный, по своему времени образованный, могший, следовательно, иметь влияние на ребенка и юношу: то был князь Борис Алексеевич Голицын! Правда, Голицын знал по-латыни, и письма его к Петру обыкновенно начинаются латинскою фразой; но оканчивается одно из них так: «Бориско, хотя быть пьян». *Studia humaniora* (весьма гуманистическое воспитание) несколько не действовало гуманизирующим образом на нашего двубера XVII века, и это должен был испытывать несчастный педагог, взятый Голицыным к своим детям. Таким образом, молодой Петр получил воспитание, в котором удовлетворялись по преимуществу его чувственные наклонности, не сдерживаемые, не уравновешиваемые развитием нравственных сил. А тут еще другие неблагоприятные условия: перед десятилетним ребенком кровавые сцены стрелецкого бунта, копыя, обогранные родною кровью, и семь лет постоянного раздражения, постоянной ненависти к сестре и ее

партии, постоянного опасения: эти чувства не способны действовать умягчительно.

Итак, мы видим, как мало могло дать русское общество конца XVII века для нравственного воспитания Петра. Но что же мы будем обвинять только одно русское общество? Посмотрим на другие, выработавшие, по-видимому, больше разных сдержек: много ли они сдерживали людей, находившихся в положении Петра? За примером ходить недалеко: посмотрим, как воспитывался знаменитый соперник Петра, Карл XII Шведский? Гонять по стокгольмским улицам с толпою людей в одних рубахах, бить стекла в домах, срывать парики с вельмож, бросать их шляпы за окно, выталкивать судки с кушаньем из рук пажей, ломать мебель и выбрасывать по кускам за окна, разломать все скамьи в церкви и заставить стоять во время службы, упражняться в рубке голов живым овцам и телятам одним ударом — вот занятия молодого короля! Шведы с ужасом говорили, что в Карле XII готовится им второй Эрик XIV, русские имели также право бояться, что в Петре I будет иметь второго Иоанна IV, современника и приятеля Эрика XIV: условия природы и воспитания были одни и те же. Но широкая преобразовательная деятельность, открывшаяся Петру после забав молодости, спасла его, возбудив его нравственные силы, дав им удовлетворение, полное развитие. После козюховских забав следовал настоящий поход под Азов, и, что всего важнее, поход неудачный. Неудача отрезвила Петра, в способности не сокрушиться от неудачи и сейчас же заняться приготовлением средств к будущему успеху высказался впервые великий человек.

Необходимым приложением преобразовательной деятельности было путешествие Петра за границу. Оно послужило благодетельным средством к занятию его духа; но, с другой стороны, трактирная жизнь на больших дорогах тогдашней Западной Европы не могла отучить Петра от привычек, приобретенных в московской Немецкой слободе, не могло отучить его от них и близкое знакомство с Августом Саксонским (и Польским), этим германским султаном XVIII века. Но надобно соблюдать справедливость и в отношении к султанам. никакой султан не мог решиться на такие безнравственные удовольствия, какие позволял себе Август. По возвращении из-за границы началась неслыханная деятельность, но вместе с тем и страшная внутренняя борьба, обыкновенно сопровождающая великие перевороты, и борьба эта не могла способствовать к очищению, исправлению испорченной уже в молодости природы, раздражение, ожесточение постоянно поддерживались и усиливались. Разделение, внесенное в общество новым началом, преобразовательным движением, начавшимся еще до Петра, это разделение, усиливаясь, пошло, как обыкновенно бывает, по самым крепким

связям, пошло между мужем и женою, между братом и братом, между отцом и сыном. Резко прошло оно в семействе царском и надолго оставило глубокие следы. Дело царевича Алексея было только прологом к драме, и, когда Петр терзался в предсмертных мучениях, две партии стояли одна против другой, готовые к борьбе.

Еще при жизни Петра вопрос о том, кто будет его наследником, сильно волновал общество; для многих и многих это был вопрос о жизни и смерти, по крайней мере политической. Петр взял на себя право назначить преемника по своему усмотрению — страшное решение, наносившее новый сильный удар уже и без того раскачавшемуся в перевороте зданию; но надобно признать, что это отчаянное решение было для Петра единственным выходом уже потому, что давало возможность подумать, подождать. Он мог надеяться долго еще жить, устроить дочерей, видеть, как вырастет сын Алексей и на кого будет похож, на отца или деда? А между тем страшный вопрос висел над всеми черною тучею: тревожились не одни русские люди, тревожились министры иностранные, ибо могущество новой империи заставляло европейские кабинеты с напряженным вниманием смотреть на Восток. Всякий слух, всякая особенная милость к какому-либо близкому лицу производили волнение, заставляли предугадывать выбор зятя наследника. Особенно волновался министр австрийский: для Австрии важно было, чтобы престол русский перешел ко внуку Петра, племяннику императрицы по матери. Однажды кто-то ему наговорил, что Петр хочет выдать старшую дочь Анну за Александра Нарышкина и объявить его наследником, а младшую Елизавету выдать за герцога Голштинского. Встревожженный посол обратился с жалобою, что «великий князь (Петр Алексеевич) не имеет подобающей эдукации (воспитания), но, между женами только в палате держимый, может быть ни к чему годный сотворится, от чего явно показуется, что его императорское величество не хочет его за наследника объявить, чему никакой добрый воспоследовать имеет конец, а наипаче-де, что союза постановление (то есть российского двора с австрийским) и твердость более в наследствии великого князя состоится».

Но у Петра были другие замыслы относительно судьбы одной из своих дочерей: ему хотелось иметь своим зятем короля французского Людовика XV; это желание не осуществилось в правление герцога Орлеанского: маленького короля сосватали на инфанте испанской, которая и была уже привезена во Францию. Не осуществилось и сватовство за сына герцога Орлеанского. Но русский посол князь Куракин нашел во Франции другого жениха для цесаревны: то был новый правитель Франции герцог Бурбон, хотевший посредством этого брака получить польский престол; маршал Тессе прямо объявил Куракину о желании герцога Бур-

бона и об условии: «Что-де есть та корона (польская) весьма в руках и воле вашего величества, кому-де соизволите отдать, тому и будет»⁸.

Разумеется, при этих сношениях о делах семейных не могла быть забыта политика. *Сердечное согласие* Франции с Англией, которое установил знаменитый регент герцог Орлеанский и как будто бы завещал своей фамилии,— это сердечное согласие сильно не нравилось Петру, по прежним столкновениям не ладившему с королем Георгом I и потому желавшему переворота в Англии в пользу Стюартов. Франция по смерти герцога Орлеанского продолжала держаться его политики относительно Англии; но Куракин, предлагая герцога Бурбона в женихи цесаревне, дает знать, что эта политика должна измениться. «Помянутый дюк,— пишет Куракин,— весьма сильным есть к интересам вашего величества, также и все первые министры, а особливо бискуп Фрежис, учитель королевский, и маршал Девиларс, и от первого теперь все зависит, понеже короля в руках своих имеет; и при сем кратко донесу об одном его разговоре со мною, что между других разговоры о ситуации дел ныне в Европе рассуждая, сказал, что король-де французский по своей консиенции (понятию) и для интересу Франции поздно или рано оставить не может кавалера св. Георгия (претендента Стюарта). Из сего понять можно, какой он партии и намерения, и что все те первые персоны согласно ничего так не желают, чтоб дружбу твердую восставить с гишпанским королем, также и тесные обязательства учинить с вашим величеством». Куракин настаивал на необходимости привязать к себе правителя— герцога Бурбона: «Напоминаю на прежнее мое доношение о супружестве желаемом дюка де Бурбона, что ежели на то вашего величества склонности не будет, мое мнение есть, чтоб его, дюка, содержать при себе склонна, обещать ему корону польскую, к чему он завидость имеет, и ежели на то вашего величества соизволения не будет, чтобы по последней мере, тем его флатировать (прельщать) и негоциацию (сделку) ту продолжать, дабы тем его склоннее к интересам вашего величества содержать, как и Англия покойного дюка д'Орлеанса короною здешнюю при себе в склявстве (рабстве) содержала. И понеже ныне прислан указ вашего величества и велено здесь при дворе предложить и соглашаться о той короне польской, дабы не допустить наследником быть сына короля Августа и прочее, того ради к сему случаю он, дюк де Бурбон, будет более охоты своей иметь»⁹.

Но в то же время Куракин сообщил Петру известие, которое должно было помешать делу Бурбона и затруднить положение

⁸ Письмо Куракина из Парижа 19—22 января 1724 года

⁹ Письмо Куракина 20—23 января 1724 года

русского посланника в Париже: Куракин донес, что свадьба короля на инфанте испанской не может состояться. Петр отписал ему по-своему коротко и ясно: «Пишешь о двух делах: первое, что дюк де Бурбон сватается на нашей дочери; другое, что король не хочет жениться на гишпанской; того ради зело бы мы желали, чтоб сей жених нам зятем был, в чем гораздо прошу все возможные способы к тому употребить».

Куракин должен был употреблять все способы. «Что принадлежит до дюка де Бурбона, о его сватовстве,— писал он,— в этом буду поступать так, как вашего величества мне указ повелевает, отлагательные способы употреблять и прочие ласковые продолжения или двоякого сенсу (смысла) отговорки. Что же принадлежит до королевского намерения, что не склонен жениться и весьма не хочет на инфанте гишпанской, его несклонность донныне есть и не убавляется, но умножается, как пребывающий кругом его довольно от него слышал в разговорах, и по поступкам ясно видят, и так сие здесь предусмотрено, что сия свадьба не состоится и разорвана будет самого его волею королевскою, от чего ни дюк де Бурбон, ни бискуп Фрежис предудержать его не могут быть в состоянии. Ваше величество соизволите повелевать, чтоб мне все свое старание и возможные способы употребить, дабы сей жених зятем вашего величества был. Денно и ночью о том думаю и способы ищу и искать всегда буду, и сколько есть здесь каналов, к тому мне способных чрез друзей моих по моему здесь кредиту, каков имею, начал всячески через себя старым, а через сына своего — молодым, которые кругом короля, внушать и продолжать то буду, а наивпервых то внушение персонально королю надобно вложить, а никому иному, то им сие дело так деликатное, что ваше величество более меня, раба своего, соизволишь знать и рассудить: впервых, чтоб внушение королю учинить, дабы дюк и прочие, которые для своего интересу, менажируя (направляя) двор гишпанский, не увидели до своего времени; второе, чтоб внушение королю было так деликатное, чтоб ему охоту к тому придали и склонна учинили; третье, секрет о сем содержать надобно, как наивозможно. И что принадлежит до сего последнего пункта о секрете, теперь донесу, например, что как открываются такие деликатные дела, а именно: я заверно уведомлен, что посол португальский, дон Луи, для дочери короля своего о том же указ имеет и старается с такою кондициею (условием), чтоб инфанту гишпанскую, которая здесь живет, отдать за сына, на обмен, короля его португальского, который летами с нею сходен; и другой, дюк Лоранский, старается своею дочерью, и тех обоих министры имеют портреты всей фамилии своих государей, и ныне раздадут копии с портретов тех принцесс многим придворным, дабы до виду короля дошли. О сем оставляю в милостивейшее вашего величества мудрое

рассуждение, ежели б не запотребно и нам то же учинить? Но я портретов государынь цесаревен, к моему великому удовольствию и милостивому награждению, по се число еще не имею»¹⁰.

Куракин живо описывает борьбу партий при французском дворе: партии старых государственных людей, которые имеют в виду политические интересы, и партии людей, которые рвутся сменить их, угождая желанию короля; в нескольких словах резко очерчивает характер четырнадцатилетнего короля, будущего версальского султана: «Теперь кратко донесу о интригах в сем деле здесь, при дворе, что партия великая есть тех, которые крутом короля непрестанно бывают для его забав, но в делах никакой силы не имеют, стараются и подтверждают королю, чтоб мариаж с инфантою гишпанской разорвать и на другой-де принцессе женился, на что, видя королевскую склонность, хотя себя в милость привести и вырваться из порабощения ныне правительствующих и сея учинить людьми. Но дюк де Бурбон своими всячески старается короля при нынешнем намерении содержать; и так нам впредь покажет свое время, кто выиграет процесс сей; но все того мнения, что первая партия триумфовать будет; о состоянии короля доношу, что самовластен ныне есть так, что хотя б его прадед был (Людовик XIV); правда, дел правления не перенимает на себя, но для своих забав все повелительно чинит, что никто не смеет чего представлять, ни самый бискуп Фрежис, противного ему; понеже, зная нрав его, опасается, чтоб милости его не потерять».

Толкуя о савостве, Куракин настаивал на необходимости для России примириться с Англией, ибо это облегчит и отношения с Францией, которая не может вдруг отказаться от прежней орлеанской политики, несмотря на сочувствие Стюартам: «Интерес вашего величества есть весьма по требованию здешнего двора примириться с Англиею, которое примирение учинится токмо проформа, как все о том знать могут. И довольно мне дал знать сам дюк де Бурбон в разговорах своих, чтоб примириться с Англиею, и тем бы им дать свободные руки все обязательства истинного их намерения учинить, и что-де ваше величество сие примирение учинить можете токмо одною диссимуляциею или апаренциею (только для видимости). И когда вашего величества к тому примирению склонность будет, мое всепокорнейшее мнение есть, чтоб оную учинить просто так без всяких кондиций и экспликаций (условий и объяснений), токмо что все забвению предать прошедшее со обеих сторон, и министров взаимно к дворам отправить и вновь корреспонденцию возобновить. Что же принадлежит до партии торрисовой (тори) в Англии и претендентовой, чтоб она не ослабела к стороне вашего величества от того

¹⁰ Письмо Куракина 2—13 марта 1724 года

примирения, которая упование всегда имела и имеет на ваше величество к своему авантажу [выгоде] на предбудущее: и оных слабость не будут, но более подтвержена и восставлена будет разыдующим (резидующим) там министрам вашего величества и его с ними повседневым обхождением, и в состоянии двор вашего величества будет лучше при случаях и в потребное время с ними корреспонденцию вести, чрез министра вашего величества, нежели теперь, не имея никого». Из донесений Куракина узнаем, через кого Стюарты вели свои дела. «Четвертого дня,— пишет посланник,— был у меня полковник Добион, или названный Перент, который имел комиссию о известных интересах кавалера св(ятого) Жоржа при дворе вашего величества и отдал мне указ вашего величества от 5 января. Со оным же полковником был у меня генерал Дилон, который здесь при дворе пререгает все интересы помянутого кавалера св(ятого) Жоржа. Они обще предложили мне желание своего государя, дабы я в интересах их всякое вспоможение учинил здесь, при дворе, и объявили мне, что дюк де Бурбон первый министр есть весьма добрым другом их государю и склонным в интерес их: того бы ради с ним, дюком, о интересах их начал говорить, а другим министрам никому о том не сообщать»¹¹.

Куракин действительно завел разговор с Бурбоном о кавалере. «Был я в приватной конференции с дюком де Бурбоном. Впервых, он со всяким благодарением то принял, что ваше величество соизволите свою дружбу продолжать к помянутому кавалеру, и что он, дюк, ему, кавалеру, истинный друг и никогда от дружбы не отстанет и всегда попечение о его интересах имеет и иметь будет, и просил он, дюк, ваше величество обнаддеживать верно, что он, дюк, всякое старание *в свое время* о интересах кавалера иметь будет; что же принадлежит до короля его, также равно и двор французский дружбу неотменную к помянутому кавалеру имеет и никогда его не оставит *в свое время*, но ныне-де по ситуации дел в Европе ничего в интерес его Франция учинить не может, и того ради содержит то свое все доброе намерение к нему в молчании; также Франция в нынешнее время понуждена всячески стараться содержать покой в Европе, а того ради дружбу с королем английским Георгием содержим и стараемся содержать, как наивозможно. Но ежели со стороны Англии оная дружба будет чем начата приходить к разрушению, в таком случае Франция понуждена будет принять свои меры и с вашим величеством вступить в согласие в интерес помянутого кавалера к восстановлению его в королевство Аглинское, что две такие великие потенции, как вашего величества и Франции, легко могут учинить и его, кавалера, восставить на трон аглинский, также

¹¹ Письмо Куракина 27 апреля 1724 года.

дать надобно время королю его, дабы был в состоянии сам примать свою резолюцию в таких великих делах, где касается до войны в Европе. И по окончании тех всех разговоров еще напоминал, чтоб донести вашему величеству, дабы обязательства тесные и альянс с вашим величеством учинить, и что Франция к тому всегда готова, и чтоб реконсiliation (примирение) с Англиею учинить».

В таком положении находились дела с западноевропейскими государствами, связанные с фамильными делами Петра, когда император умер, не распорядившись наследником своим и только успев дать согласие на брак старшей дочери своей Анны с герцогом Голштинским. Еще Петр терзался в предсмертных муках, Екатерина была постоянно при нем, а вельможи решали великий вопрос о престолонаследии. Старинные вельможи стояли за великого князя Петра Алексеевича, но все собственные птенцы Петровы, люди, им выведенные наверх, стояли за Екатерину, и легко было предвидеть, какая сторона будет *триумфовать*, по тогдашнему выражению. Новые люди были сильнее числом, и это численное преимущество поддерживалось личными достоинствами: стоит только сказать, что Меншиков, Толстой, Ягужинский и Макаров действовали всеми силами в пользу Екатерины; за нее же была гвардия; офицеры явились к ней по собственному побуждению, с клятвами в верности, в готовности умереть за нее. Войско было *уcontentовано* (удовлетворено) денежными выдачами. Приверженцы Петра (II) должны были идти на сделку: когда дело дошло до общего совещания, то Голицын, Репнин, Долгоруки, Апраксин (не адмирал, а президент юстиц-коллегии) предлагали объявить великого князя Петра Алексеевича наследником престола, вручив за его малолетством правление императрице Екатерине совокупно с Сенатом; только этим средством, говорили они, можно сохранить спокойствие и предупредить междоусобную войну.

Но противная сторона не шла на сделку: Меншиков, Толстой и Апраксин (адмирал) утверждали, что подобная сделка именно и поведет к несчастию, которого хотят избежать, потому что в России нет закона, определяющего время совершеннолетия государя, который принимает бразды правления в минуту кончины родителя; если великий князь будет провозглашен императором, то это сейчас же привлечет на его сторону часть вельмож и большую часть невежественного народа. В настоящем положении Российской империи надобен государь твердый, привычный к делам, который бы умел поддержать значение и славу, приобретенные долгими трудами Петра Великого, и в то же время благоразумным милосердием умел бы сделать народ счастливым и себе преданным; но все эти добрые качества соединяются в императрице: от своего супруга выучилась она

искусству правления; Петр Великий вверял ей самые важные тайны; она дала неопровержимые доказательства своего героического мужества, своего великодушия и своей любви к народу; была благодетельницею народа вообще и в частности и никому не сделала зла; притом она торжественно коронована, все подданные клялись ей в верности; а какое торжественное объявление в ее пользу учинил император перед коронациею! То же самое повторяли гвардейские офицеры, нарочно поставленные в углу залы, где происходило это совещание, сенаторам шепталось на ухо: «Вы хотите великого князя, а не вы ли подписали смертный приговор его отцу?» Наконец, после крепких споров, продолжавшихся целую ночь, князь Репнин объявил, что он соглашается на представления Толстого, что действительно надобно вручить императрице верховную власть без всякого ограничения, как пользовался ею император. Канцлер Головкин, молчавший до сих пор, пристал к Репнину, а это послужило знаком для всех начать говорить за Екатерину. Тут адмирал Апраксин, как самый старший из сенаторов, велел позвать кабинет-секретаря Макарова и спросил его: «Нет ли какого завещания или распоряжений от умирающего государя относительно наследства?» «Никаких нет»,— отвечал Макаров. «В таком случае,— сказал Апраксин,— в силу коронации императрицы и присяги, которую все чины ей принесли, Сенат провозглашает ее государынею и императрицею всероссийскою с тою же властью, какую имел государь, супруг ее». Написали и подписали акт. Все было кончено, прежде чем Петр испустил дух.

Закрывши глаза покойнику, Екатерина явилась в зал, где собраны были вельможи, с горькими слезами объявила о всеобщей страшной потере. «Я, сирота и вдова,— говорила она,— поручаю себя вам, поручаю вам детей моих, особенно герцога Голштинского, которого считаю за родного сына; надеюсь, что вы по-прежнему будете любить его, как любил его покойный император; надеюсь, что воля покойника относительно герцога будет исполнена». Тут адмирал Апраксин бросается к ее ногам и объявляет решение Сената, и зала оглашается громкими криками гвардии и всех присутствующих. Солдаты кричали: «Мы потеряли отца, но у нас осталась мать!» Офицеры кричали, что разобьют головы всем старым боярам, если они воспротивятся императрице. Генерал-майор Мамонов поскакал в Москву, чтобы поддержать там порядок при этой перемене. Боялись Голицыных, жарких приверженцев великого князя, озлобленных неудачею; боялись особенно фельдмаршала, князя Михайла Михайловича, стоявшего на Украине с войском, которое было ему безгранично предано. Голицыну послали приказ приезжать немедленно в Петербург; многим офицерам было внушено — схватить фельдмаршала, если он обнаружит какое-нибудь покушение против нового правительства.

Провозглашение Екатерины императрицею, по каким бы побуждениям ни действовали провозгласители, действительно подержало спокойствие империи, задержав решение страшного вопроса. Но рано или поздно вопрос надобно было решить, и вот около него сосредоточивается и движение внутреннее, и политика внешняя. Старшая цесаревна Анна Петровна вышла за герцога Голштинского; но этот брак затрагивал самые живые интересы двух соседних дворов — шведского и датского: герцог Голштинский был наследником шведского престола, но между тем имел против себя в Швеции сильную партию; с другой стороны, усиление герцога посредством родственного союза с императорским русским домом было опасно для датского королевского дома, находившегося в извечной, непримиримой вражде с герцогами Голштинскими. Австрийский двор был оскорблен отстранением великого князя Петра Алексеевича, но это отстранение не было окончательным, и потому Австрия не теряла еще надежды успеть в своем деле, дать силу правам племянника своей императрицы, причем с ее интересами тесно связывались интересы Дании, которой нужно было также действовать в пользу Петра, чтобы жена герцога Голштинского или сестра ее не получили русского престола. Во Франции был жених для второй цесаревны Елисаветы, и здесь стремились втянуть Россию в англо-французский союз, который был также противен интересам Австрии. Легко понять после этого, какая дипломатическая борьба должна была происходить в Петербурге и как эта борьба тесно связывалась внутренней борьбой относительно престолонаследия! Птенцы Петра Великого должны были находиться в постоянных столкновениях и сношениях с министрами иностранными, которые подробно изучали их характеры и отношения.

Прежде всего нужно было внимательно приглядеться к светлейшему князю Меншикову. Сын конюха из Владимирской области, Меншиков стал в челе той новой дружины, которою окружил себя Преобразователь, тех *прибыльщиков*, против которых так вооружались приверженцы старины, приписывая все зло им и преимущественно Меншикову. Наружность светлейшего уже останавливала на себе внимание каждого: он был высокого роста, хорошо сложен, художав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; он любил одеваться великолепно и, главное, что особенно нравилось иностранцам, был очень опрятен — качество редкое еще тогда между русскими. Но не одною наружностью мог он держаться в челе *прибыльщиков*: люди внимательные и беспристрастные признали в нем большую проныцательность, удивлялись необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какою умел обделывать всякое дело, за которое принимался, искусству выбирать людей, выбирать себе секретарей неподкупных. Так являлся Меншиков своею

светлою стороною, обратимся к темной. Это была необыкновенно сильная природа; но мы уже говорили, как становится страшно перед сильными природами в обществе, подобном нашему в XVII и XVIII веках, все, что было сказано о Петре, вполне прилагается к его птенцам, его сподвижникам; все это силы, для которых общество выработало так много сдержек; в обществе подобного рода, как в широком степном пространстве, где нет определенных, искусственно проложенных дорог, каждый может раскатываться во всех направлениях. Везде и всегда один и тот же закон: сила не остановленная будет развиваться до бесконечности, не направленная будет идти вкось и вкривь. Что дельвалось обыкновенно в Азии, которой общества, народы выработали мало сдержек для силы сильных? Ответом служит деятельность Киров, Омаров, Чингиз-ханов, Тамерланов, то же самое в Европе, когда для силы римлян остальные народы не могли выставить никакой сдержки; то же случилось, когда Рим одряхлел и не мог выставить никакой сдержки для Гензерихов и Аларихов. Те же самые алариховские и гензериховские силы и стремления являлись и после у Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, но сломились о препятствие, о сдержки, выработанные новым европейским обществом. То же самое и у отдельных народов: если сила сильного не умеряется, не направляется на благо общества — значит, общество юно, незрело или слишком уже дряхло; отсюда цель правительства в обществе зрелом — умерение и направление сил — *moderatio rerum*. У Меншикова и сотоварищей была страшная сила, потому они и оставили свои имена в истории; но где они могли найти сдержку своим силам? В силе сильнейшего? Этой силы было недостаточно: лучшее доказательство тому то, что этот сильнейший должен был употреблять палку для сдерживания своих сподвижников, а употребление палки — лучшее доказательство слабости общества, где она употребляется. Силен был, кажется, Петр Великий лично, силен был и неограниченною властью своею, а между тем мы видели, как он был слаб, как не мог достигнуть самых благодетельных своих целей, ибо не может быть крепкой власти в слабом, незрелом обществе; власть вырастает из общества и крепка, если держится на твердом основании; на рыхлой почве, на болоте ничего утвердить нельзя.

Выхваченный снизу вверх, Меншиков расправил свои силы на широком просторе; силы эти, разумеется, выказались в захвате, захвате почестей, богатства; разнуздание при тогдашних общественных условиях, при этом кружившем голову перевороте, при этом страшном движении, произошло быстро: Меншиков ни перед чем не останавливался; мы видели, как хлопотал он насчет Малороссии; видели, как после Петра, когда ему было еще более

простора, хлопотал он около Курляндии; но и при Петре он уже потерял привычку сдерживаться от высказывания своих желаний в присутствии грозного царя: когда после отречения короля Августа от польского престола Петр обратился к Меншикову за советом, кого бы выбрать на его место, тот, не задумавшись, отвечал: «Меня!» Но есть любопытное известие современников, что та разнузданная сила подстрекалась женщиной: говорят, что на Меншикова имела сильное влияние свояченица его Варвара Арсеньева, возбуждавшая его честолюбие.

После Меншикова из самых жарких приверженцев Екатерины виднее всего был Петр Андреевич Толстой. Происходя из второстепенного московского дворянства, Толстые выдвинулись по родству с Апраксинами, когда царь Федор Алексеевич женился на Марфе Матвеевне. По смерти царя Федора Толстые держались Софьи и Милославских, были главными действующими против Петра, то есть против его матери во время смуты стрельцкой; но Апраксин Федор Матвеевич, державшийся Петра, уговорил своего родственника Петра Андреевича Толстого переменить партию, отстать от Софьи, которой трудно было надеяться на торжество в борьбе с братом. Петр принял Толстого, но никак не мог забыть его предшествовавшей деятельности. Видя эту подозрительность со стороны царя, Толстой употреблял все средства, чтобы показать свое усердие, не дать затерять себя: он едет в Венецию, участвует в Азовском походе, ухаживает за Головиным, который, как говорят, взял с него 2000 золотых червонных и предложил царю отправить его на важный пост посланника в Турцию. Здесь-то случилась эта знаменитая история с секретарем: узнав, что секретарь донес на него в растрате казенных денег, Толстой в присутствии всех членов посольства обвиняет его в сношениях с великим визирем, приговаривает к смерти, велит священнику приготовить его к ней и потом приказывает осужденному выпить яд. Возвратясь из Турции, Толстой дает 20 000 рублей Меншикову и является в числе тайных советников царя. Петр постоянно уступает ходатайствам Апраксина, Головина, Меншикова, ибо сам убежден в обширных способностях Толстого, прямо говорит, что не снимает головы Толстого с плеч потому только, что она очень умна, но не оставляет прежней своей подозрительности. «Петр Андреевич — способный человек, — говорит он, — но когда имеешь с ним дело, то надобно всегда держать камень за пазухой». Но Толстой дождался своего времени, когда Петру понадобилось выманить несчастного царевича Алексея из-за границы. Толстой обделал трудное дело и получил щедрые награды, стал одним из самых приближенных людей к царю, получил 6000 душ из конфискованных по делу царевича имений, Андреевскую ленту, графство; но, разумеется, этим самым Толстой неразрывно связал свои

интересы с интересами Екатерины в ее деле, ибо чего ему было надеяться от сына Алексеева, от внука Лопухиной? И вот при смерти Петра Толстой, как говорят, действовал сильнее всех, одушевлял и Меншикова.

Сильно хлопотал за Екатерину и Ягужинский. Мы уже знакомы с его деятельностью; но при ясности ума и энергии Ягужинский отличался вспыльчивостию, которая доходила до бешенства, особенно после свидания с Ивашкой Хмельницким. Противоположным характером отличался тесть Ягужинского, канцлер Головкин, никогда не выдававшийся вперед при важных вопросах, лодман искусный, тихо и незаметно проводивший свою лодку между отмелями. Старший между вельможами, адмирал Апраксин своими личными достоинствами не мог отбить первого места ни у кого из птенцов Петровых и постоянно держался Толстого. Петр знал неограниченную преданность Апраксина к себе лично, но знал также, что великий адмирал вовсе не горячо предан его делу, делу преобразования.

Из старинных вельмож больше всех влияния по своему уму имел князь Дмитрий Михайлович Голицын. Знаменитый делец петровский, кабинет-секретарь Макаров сохранил и при Екатерине важное значение как человек, пользовавшийся неограниченною доверенностию императрицы, посвященный во все тайны. Между этими знаменитостями петровского времени недоставало одного человека, с которым так часто встречаешься при жизни Петра,— Шафиров. Императрица возвратила Шафирова из ссылки, но он не мог получить прежнего значения: светлейшему князю и Шафирову вдвоем было слишком тесно, да притом Шафиров был такой человек, который мог потеснить и других, кроме Меншикова; Шафирову придумали занятие: поручили писать историю Петра Великого.

Новый историограф подал любопытный доклад: «Доношение, что по повеленному мне сочинению гистории о преславных действиях и житии его императорского величества Петра Великого потребно. 1) Для вспоможения в выписывании и переводе с иностранных языков из гистории прошу, дабы определен был сын мой, Исай Шафиров, который ныне до указа определен в герольдмейстерскую контору. 2) Дабы повелено было барону Гезену да иностранной коллегии гистории описателю, абату Круссали, когда я временем требовать буду для советов или справки, о каких принадлежащих к той гистории делах, оные бы то по требованию моему исполняли. 3) Дабы даны мне были к тому делу: иностранной коллегии студент Алексей Протасов для письма латинского, немецкого и других языков, да для русского письма копиисты. Чтob сыну моему и вышеписанным трем чело-векам жалованье давано было, а о пропитании моем с моею фамилиею предаю во все милостивейшее изволение ее величества;

также прошу, дабы мне со всеми к сочинению той истории потребными людьми определена была удобная квартира вместе и определено б было давать на то потребное число бумаги и чернил. 4) Чтоб повелено было из кабинета, из иностранной коллегии и от барона Гезена те истории ко мне прислать, и поже к сочинению оной истории потребны и другие книги российских великих государей и прочих фамилий российских и летописцы письменные российские древние, которые збираны в кабинет, в иностранную коллегию и в герольдмейстерскую контору и инде. Книги на российском и иностранном языках, взятые в домах моих в С.-Петербурге и в Москве, которые отданы здесь в библиотеку и на Москве, чаю, обретаются в конторе высшего суда; также, чтоб повелено было из библиотеки петербургской, ежели к тому потребны будут какие книги, по письменном моем требовании на время мне давать. 5) Чтоб из разрядных и других записок дано мне было известие о избрании на престол Российского царства Михаила Федоровича и о браках его и о рождении детей его величества, также царя Алексея Михайловича, царя Федора Алексеевича и впоследствиием пред его кончиною стрелецком бунте, и как оный бунт по избрании Петра Великого умножился, и каким образом потом царь Иоанн Алексеевич на престол купно произведен и о всех происшедших делах с рождения его величества по начатии истории, которая в кабинете збирана.—Надлежит иметь по известной истории о последующем известие: 1) Как содержался царь Петр Алексеевич, яко царевич с матерью своею по смерти царя Алексея Михайловича?.. 2) Какою болезнию болезновал царь Федор Алексеевич перед смертию и задолго ль был болен до кончины? И по смерти его как избрание царя Петра Алексеевича впоследствиием и что чинилось по избрании мая по 15 число, когда главный бунт начался? 3) Что во время того бунту с его величеством от бунтующих случилось? 4) Какие внутренние интриги в том и от кого были? 5) Каким образом Хованский казнен и с какого случая? 6) Какие интриги и умыслы на его величество до казни Шекловитого и от кого были? И как они и от кого открылись? И каким образом та перемена учинилась и царевна в монастырь сослана? 7) Каким образом царское величество охоту к воинскому делу и экзерцициям получил и набор Преображенского и Семеновского полков?» и пр.

Перечисляя птенцов Петра, людей, которые должны были иметь самое сильное влияние на судьбу России по его смерти, мы до сих пор не встречались ни с одним иностранным именем. Действительно, несмотря на упреки в пристрастии Преобразователя к иностранцам, при Петре и по смерти его вся власть находилась в руках русских людей, и мы знаем, что Петр поступал в этом отношении совершенно сознательно; он привлек к себе

в службу даровитых иностранцев, отличал, награждал их, но не давал им первых мест; привязанность к Лефорту была грехом юности, который не повторился в возрасте зрелом. Несмотря на жалобы Паткуля, что русские дипломаты не умеют вести своих дел при иностранных дворах, Петр не принял его совета — назначать иностранцев на дипломатические посты, пока русская молодежь воспитается; воспитывая свое войско не на маневрах, а в настоящей трудной войне с превосходным по искусству неприятелем, Петр хотел точно так же воспитывать и свое дипломатическое войско; он был так велик, что ошибки, неудачи, необходимые при начале каждого дела, нисколько его не смущали; он был так велик, что нарвское поражение признавал благодеянием Божиим для России: так могли ли его смутить первые неловкие шаги русского человека на дипломатическом поприще? Петр был велик глубокою верой в способности своего народа, умением выбирать людей способных и воспитывать их для известного рода деятельности.

Но великий человек умер слишком рано. Сосредоточение, напряжение сил немедленно стали ослабевать, немедленно оказалась неверность гениальным и патриотическим приемам Петра. Птенцы его сами раздвинули свои ряды для иностранца, дали последнему больше значения, чем сколько хотел уступить Петр иностранцам. Петр употреблял для дипломатических дел иностранца, одаренного большими способностями: то был Остерман. Но, несмотря на важные услуги, оказанные Остерманом, несмотря на то, что эти услуги были вполне оценены Петром, Остерман, по смерти императора, был так одинок, так затерян среди русских, что о нем не слышно; но уже с самого начала легко было видеть, что Остерман получит важное значение, сделается необходимым при дипломатических вопросах: юные, широкие натуры птенцов Петровых были не способны к постоянному, усидчивому труду, к соображению, изучению всех подробностей дела, чем особенно отличался немец Остерман, имевший также огромное преимущество в образовании своем, в знании языков немецкого, французского, итальянского, усвоивший себе и язык русский. И вот при каждом важном, запутанном деле барон Андрей Иванович необходим, ибо никто не сумеет так изучить дело, так изложить его, и барон Андрей Иванович незаметно идет все дальше и дальше; его пропускают, тем более что он не опасен, он один, он не добивается исключительного господства, где ему? Он такой тихий, робкий, сейчас и уйдет, скроется, заболит; он ни во что не вмешивается, а между тем он везде, без него пусто, неловко, нельзя начать никакого дела; все спрашивают: где же Андрей Иванович? Для министров иностранных это человек важный, ибо опасный: он при обсуждении дела не закричит так против Англии, как неистовый Ягужинский, не вооружится так

сильно и решительно против австрийского союза, как Толстой; но он тихонько подвернет такую штучку, что испортит все дело уже решенное: и Ягужинский, и Толстой замолчат.

Был при Петре еще доверенный человек не из русских, но и не совсем чужой, не немец, как тогда называли еще всех иностранцев,—Савва Владиславич-Рагузинский. Савва не потерял своего значения и при Екатерине I, для которой был необходим, ибо имел способность прежде других знать все; он был другом Апраксина и Толстого: это было немудрено, потому что Апраксин и Толстой были один человек, но в то же время Савва был другом и Голицына, был другом Макарова, пользовался и расположением Меншикова. Французский посланник Кампредон отозвался о Савве, что он имеет ловкость грека без дурных качеств, свойственных этому народу. Ловкий Савва обогнал, кажется, и француза; сам Кампредон продолжает тут же: «Мало чего я не могу узнать и внушить царице чрез Савву». Дипломату XVIII века казалось только ловкостью, без примеси дурного качества,—служить иностранному двору! Савва питал особенную нежность к версальскому двору со времени путешествия своего во Францию.

В начале царствования Екатерины Савва действительно мог думать, что союз России с Францией и, разумеется, с Англией — дело очень возможное. Две соперничающие державы постоянно добивались союза новой империи, Франция и Австрия. Но если Австрия так сильно добивалась, чтобы русский престол достался великому князю Петру Алексеевичу, то понятно, в каком отношении должны были находиться к австрийскому двору люди, употребившие все старание, чтобы Петр был отстранен от престола в пользу Екатерины, и, разумеется, должны были хлопотать, чтобы это отстранение из временного сделалось вечным в пользу дочерей Петра Великого. Нерасположение к Австрии, естественно, сближало с Францией. Но союз с последнею встретил сильные препятствия по двум причинам: во-первых, союз с Францией был вместе союз с Англиею, что возбуждало сильное отвращение в некоторых птенцах Петра, преимущественно в Ягужинском, который видел здесь уклонение от политики великого императора, неуважение к его памяти; потом Россия не иначе принимала союз, как с условием, чтобы Франция приняла на себя все обязательства России относительно герцога Голштинского в Дании и Швеции, на что Франция никак не могла решиться. Если Ягужинский так сильно противился франко-английскому союзу, то в пользу его был Толстой, сильно недолюбливавший Австрии по делу царевича Алексея. Вельможи разделились: на стороне франко-английского союза вместе с Толстым были неразлучный с ним Апраксин, Меншиков, Остерман и, что всего удивительнее, Голицын; против него — Головкин, Долгорукий,

Репнин и Ягужинский. Споры были жаркие: после одного из этих споров Ягужинский, выпивши, как говорят, лишнюю рюмку у герцога Голштинского, наговорил сильных оскорблений Меншикову и Апраксину и побегал в Петропавловский собор жаловаться перед гробом Петра Великого... Уже и прежде, тотчас по смерти Петра, чтобы поддержать согласие между приверженцами Екатерины, Бассевич, министр герцога Голштинского, помирил Меншикова с Ягужинским. Теперь новая ссора, и опять герцог Голштинский просит императрицу простить Ягужинскому с тем, чтоб он просил извинения у Меншикова и Апраксина и дал письменное обещание не напиваться, а если ему случится в другой раз, напившись, оскорбить кого-нибудь, тогда он поплатится и за прежние грехи.

Ягужинский напрасно очень горячился: франко-английский союз не мог состояться по несогласию Франции принять на себя все обязательства относительно герцога Голштинского, хотя и был уже составлен список лиц, которых французскому посланнику надобно было подкупить для приведения дела к желаемому концу. Ничем кончились и хлопоты Куракина о браке цесаревны Елизаветы с одним из французских принцев. 17 мая 1725 года он уведомил императрицу, что на брак с самим королем нечего больше рассчитывать: «Понеже супружество короля французского уже заключено с принцессою Станислава (Мариєю Лещинскою), и так сие сим окончилось, теперь доношу и напоминаю прежнее желание дюка де Бурбона, который требовал себе в супружество цесаревну Елизавету Петровну». Только в сентябре был послан к Куракину давно желанный портрет цесаревны, причем Макаров писал посланнику: «Зело сожалею, что умедлил оным портретом живописец, ибо писал близко году и ныне пред тою персоною государыня цесаревна гораздо стала полнее и лучше». Через год (2/13 сентября 1726) Куракин дал знать о другом женихе: «Пред четырема годами его императорскому величеству было предложено от умершего дюка Дорлеанса о супружестве государыни цесаревны за сына его ныне владеющего дюка Дорлеанса, первого принца крови и наследника короны французской, ежели король детей иметь не будет, который (то есть герцог Орлеанский) ныне овдовел. И ежели вашего величества высокое намерение к тому супружеству государыни цесаревны Елизаветы Петровны есть, то велите меня снабдить указами». Но с Франциєю уже покончили: через два месяца (5/16 декабря 1726) последовало и было принято для цесаревны предложение двоюродного брата герцога Голштинского Карла, епископа Любского.

А между тем вопрос о престолонаследии не переставал волновать всех. В народе высказывалось решительное сочувствие к великому князю Петру; приверженцам дочерей Петра надобно было приготовляться к страшной борьбе, только задержанной

малолетством Петра, давшим возможность возвести на престол Екатерину; приверженцам цесаревны надобно было действовать с особенною энергиею и, главное, с единством; но последнее рушилось: от них отстал Меншиков!

В конце 1725 года в Сенате был жаркий спор: читали донесение Миниха, что ему необходимо 15 000 солдат для окончания Ладожского канала. Толстой и неразлучный с ним Апраксин начали поддерживать требование Миниха, представляли всю пользу от канала, упоминали и о том, что предприятие должно быть окончено из уважения к памяти Петра Великого. Меншиков возражал, что солдаты гибнут на работах: не за тем они набраны с такими издержками и заботами, чтобы землю копать. «Но войско должно же быть занято!—отвечали Толстой и Апраксин.— Войско занято, а между тем издержки на наем посторонних работников сохранены». Меншиков встал при этом и сказал: «Объявляю по приказанию императрицы, что этот год ни один солдат не будет употреблен на канале: ее величество назначила для войска другое занятие». Сенаторы замолчали и разъехались недовольные. На другой день Толстой, Головкин, Апраксин, Голицын, Ромодановский, Ушаков съехались для совещания, каким бы способом уменьшить власть светлейшего? Решили не ездить в Сенат за болезнию, а Ромодановскому, более других смелому, поручено было объяснить императрице. Ромодановский действительно схватился с Меншиковым при Екатерине, но она не обратила на это внимания. И вот в январе 1726 года пошли слухи по городу и между иностранными министрами, что готовится перемена: недовольные вельможи хотят возвести на престол великого князя Петра с ограничением власти; австрийский двор благоприятствует делу, движение произойдет из украинской армии, которою начальствует князь Михайла Михайлович Голицын. Действительно, произошла важная перемена, но не в этом роде. Толстой, видя опасность, спешил прекратить неудовольствие между вельможами, разъезжал то к Меншикову, то к Голицыну, то к Апраксину и успел наконец склонить их всех на следующую меру: учредить Верховный тайный совет под председательством императрицы; знатнейшие вельможи будут в нем членами с равными значениями, следовательно, Меншиков не может провести ничего без общего согласия. Оскорбленные самолюбия и честолюбия успокоились: Меншиков, Головкин, Толстой, Голицын, Апраксин засели верховниками, вместе с ними засел и *необходимый* Остерман. Ягужинский был в отчаянии: его не назначили членом Верховного совета, а между тем Сенат потерял свое первенствующее значение, и он, Ягужинский, как генерал-прокурор не будет более оком империи.

8 февраля объявлен указ об учреждении Верховного тайного совета; 18-го верховники узнали, что императрица назначила

к ним нового товарища: то был герцог Голштинский. Меншиков был очень недоволен. При своем неудержимом стремлении к захватыванию власти, к первенству Меншиков необходимо сталкивался с зятем императрицы: и при жизни Екатерины светлейший должен был уступить первенство герцогу как члену царского дома, что же будет по смерти Екатерины, если она назначит преемницею жену герцога Голштинского? При этом столкновении с герцогом утверждение престола за дочерью Петра так же мало стало улыбаться Меншикову, как и вступление на престол сына царевича Алексея. Нашлись люди, которые постарались представить Меншикову, что при известных условиях вступление на престол великого князя не будет иметь для него никаких неудобств, напротив, доставит ему первенствующее положение у трона.

Мы видели, что два иностранных министра особенно должны были хлопотать о том, чтобы преемником Екатерины был объявлен великий князь Петр,— датский и австрийский. Датский— Вестфален внушил австрийскому— Рабутину представить Меншикову, что он, выдав дочь свою за великого князя, может сделаться тестем императора; притом Рабутин от имени своего императора обещал Меншикову первый вакантный фьеф¹² Германской империи. Приманка была так вкусна, особенно при известных отношениях к герцогу Голштинскому и при сильном общественном желании видеть великого князя на престоле, что Меншиков не медлил нисколько. В марте 1727 года разнесся слух, что императрица дала свое согласие на брак дочери Меншикова с великим князем Петром; сначала думали, что слухи распущены нарочно, чтобы позолотить пилюлю, проглоченную Меншиковым: у дочери его взяли жениха графа Сапегу, чтобы женить его на племяннице императрицы, графине Скавронской. Но скоро удостоверились, что дело поважнее, и приверженцы царевен забили сильную тревогу: Толстой в сильных выражениях представил императрице, что она губит дочерей своих, соглашаясь на брак дочери Меншикова с великим князем, что этим она отнимает у верных слуг своих возможность быть ей полезными. «Ваше величество скоро увидите себя покинутою,— продолжал Толстой,— и я признаюсь прямо, что скорее рискну жизнью, чем стану дожидаться гибельных последствий данного вами согласия». «Я не могу переменить моего слова, которое дано по фамильным причинам,— отвечала Екатерина,— брак великого князя на дочери Меншикова не изменит ничего в тайном намерении моем насчет *сукцессии* (наследования престола)». Бассевич носил в кармане речь Толстого и всем читал; но она не могла производить того впечатления, какое производили его речи в пользу Екатерины при ее избрании.

¹² Земельное пожалование — *Примеч сост*

Дело великого князя Петра было делом народным и большей части вельмож: Меншиков, следовательно, стоял на твердой почве; князь Голицын, нисколько не остывший в своей приверженности к Петру, тесно сблизился теперь с Меншиковым; Остерман почуял, где сила, и пристал туда же. Что же делала противная партия? Толстой с товарищами? Их положение было безвыходное. Они не могли уговорить Екатерину, чтоб она не соглашалась на брак великого князя с дочерью Меншикова; императрица объявила, что этот брак не имеет отношения к сукцессии; Толстой очень хорошо знал, что имеет. Что же делать? Уговорить императрицу издать поскорее манифест в пользу одной из цесаревен? Но Екатерина весной 1727 года опасно занемогла. Надобно было ограничиться пока одними словами, желаниями, побуждениями друг друга к решительным действиям. А между тем светлейший зорко следил за подозрительными людьми, и один из них попался; этого было достаточно, чтобы притянуть других и разом от них отделаться. Антон Девьер из португальских матросов, достигший звания генерал-полицеймейстера в Петербурге, враг Меншикова, несмотря на то, что был женат на родной сестре его, Антон Девьер был обвинен в неприличных поступках во дворце во время тяжкой болезни императрицы (16 апреля); он во время общей печали шутил, смеялся, непочтительно вел себя пред царевнами, говорил непристойные и подозрительные вещи великому князю Петру Алексеевичу. При допросе о причинах смеха Девьер показал: «Сего апреля 16-го числа в бытность свою в доме ее императорского величества, в покоях, где девицы едят, попросил он у лакея пить, а помнится, зовут его Алексеем, а он назвал Егором; князя Никиту Трубецкого называли шутя товарищи его Егором, и, когда он, Девьер, у лакея попросил пить и назвал его Егором, а он, Трубецкой, на то слово поворотился к нему, где он сидел с великим князем, все смеялись; великий князь спросил у него: чему вы смеетесь? И он, Девьер, ему объяснил, что Трубецкой этого не любит, и шепнул на ухо, что он к тому же и ревнив». Но Девьера спрашивали: «Ты великому князю говорил: он стоворил жениться, а мы будем за него волочиться, а великий князь будет ревновать?». Девьер отвечал: «Не говорил; а прежде говаривал часто, чтоб он изволил учиться, а как надел кавалерию, худо учится, а еще, как говорит, женится, станет ходить за невестою и будет ревновать — учиться не станет». Но Меншикову было нужно не то, чему Девьер смеялся, а чтоб оговорил своих приятелей, и когда комитет, назначенный для следствия над Девьером, представил его ответы императрице, то получил от ее имени следующее: «Мне о том великий князь сам доносил самую истину; и я сама его (то есть Девьера) присмотрела в его противных поступках и знаю многих, которые с ним сообщники были,

и понеже оное все чинено от них было к великому возмущению, того ради объявить Девьеру последнее, чтоб он объявил всех сообщников». Девьер объявил, что сообщников у него нет, но что он ездил к генералу Ивану Ивановичу Бутурлину и говорил с ним о свадьбе великого князя.

Этого было достаточно. Через Бутурлина притянуты были и другие: Толстой, Скорняков-Писарев, князь Иван Алексеевич Долгорукий, Александр Нарышкин, Ушаков. Девьер был сослан в Сибирь, Толстой с сыном Иваном — в Соловки; Бутурлин — в дальние деревни; Скорняков-Писарев — в ссылку; Долгорукий отлучен от двора, унижен чином и написан в новые полки; Нарышкин должен был жить в деревне безвыездно; Ушакова велено определить к команде, куда следует. Арест Девьера с товарищами уничтожил всякую надежду для царевен относительно *сукцессии*; надобно было хлопотать уже о том, чтобы получить возможно выгодное положение при вступлении на престол великого князя. Об этом принялся хлопотать Бассевич, который был в это время у Меншикова еще «не в худом кредите». Он начал представлять светлейшему «со умилением, дабы он рассудил, что оные обе принцессы Петра Великого суть дети, которым он свое счастье приписать может, и к тому его склонил, что на каждую принцессу по одному миллиону денег выдать и о наследии порядок учинить и трактаты с герцогом подтвердить определил, и, напротив того, чтоб о супружестве младого монарха с принцессою князя Меншикова в том завещании утверждено было, и токмо того искали, каким бы способом оное произвесть в действо, и кто оное завещание сочинять имеет, в которое дело никто мешаться не хотел. Я не мог того вытерпеть (продолжал Бассевич в своем показании), чтоб его королевское высочество (герцог) и обе принцессы в крайнюю нищету пришли, в самой скорости помянутое завещание сочинил, прочее же в его княжее рассуждение оставил».

Так кончился вопрос о престолонаследии. 6 мая 1727 года Екатерина скончалась, и вступил на престол Петр II. Меншиков был всемогущим правителем; благодаря делу Девьера он избавился от Толстого с товарищами его; без суда раскидал по дальним местам людей, которые вздумали мимо его стать сильными посредством личного расположения молодого императора. Немедленно же правитель постарался освободиться и от герцога Голштинского: Меншиков послал сказать ему чрез Бассевича, чтоб он изволил в свои земли ехать, «ибо ему яко одному шведу не доверяют, и сим подобные поносительные речи были». Герцог отправился в свою землю, две сестры-цесаревны расстались. Вот письмо Анны к Елизавете из Кия: «Государыня дорогая моя сестрица! Доношу вашему высочеству, что я, слава Богу, в добром здравье сюда приехала с герцогом и здесь очень

хорошо жить, потому что люди очень ласковы ко мне, только ни один день не проходит, чтоб я не плакала по вас, дорогая моя сестрица! Не ведаю, каково вам там жить? Прошу вас, дорогая сестрица, чтоб вы изволили писать ко мне почаще о здравии вашего высочества. При сем посылаю к вашему высочеству гостинец: опахало, такое, как здесь все дамы носят, мушечную каропку¹³, зубчистку; готовальню (на) орехи; прислала б здешних фруктов, только невозможно; крестьянское платье, как здесь (носят), а шапку прошу вашего высочества отдать Миките Волоките и белую шляпу. Впрочем, рекомендую себя в неотменную любовь и остаюсь верная до гробу сестра и служница Анна. Прошу ваше высочество отдать мой поклон всем петербургским, а наши голштинцы приказали отдать свой поклон вашему высочеству».

Несмотря на то, однако, что светлейший князь достиг правительства, положение его было гораздо опаснее, чем прежде: в предшествовавшие царствования он был крепко сильною привязанностию к нему и Петра, и Екатерины; но эта привязанность вовсе не перешла по наследству к сыну царевича Алексея. Пока император по молодости, по привычке, подчинялся еще влиянию Меншикова, но Петр не всегда будет молод; он еще не женился на дочери Меншикова, да если б и женился? История царицы Евдокии Федоровны и Лопухиных была у всех в свежей памяти. Случай ускорило столкновение и развязку: Меншиков летом же 1727 года опасно заболел и должен был выпустить из глаз молодого императора, который вышел на волю, подчинился другим влияниям, которые давали приятнее себя чувствовать. Выздоровев, светлейший захотел опять натянуть ослабевшие бразды, но тут начались столкновения; не велит Меншиков исполнять приказания молодого человека и услышит слова: «Я тебя научу помнить, что я император».

Мы видели, как Меншиков избавился от Толстого, но оставался еще *беспокойный* человек, не попавший в девьеровское дело: то был Ягужинский. Меншиков решился выжить и его из Петербурга; но тут, когда дело пошло о родном человеке, обнаружил движение и уклончивый Головкин, тесть Ягужинского. Император, отправляясь в Петергоф, заезжает по дороге к Головкину; тот рассыпается в жалобах на Меншикова по поводу удаления Ягужинского. Петр принял к сердцу дело и, приехав в Петергоф, настойчиво говорил Меншикову, чтоб Ягужинский был оставлен в Петербурге, но Меншиков не согласился; после молодого императора Меншиков имел крупный разговор с Головкиным и также не уступал; Ягужинский отправился в украинскую армию. Тут князь Алексей Долгорукий, угрожаемый тем же, потому что

¹³ Коробочка для мушек

зашел в расположение императора дальше, чем хотел того Меншиков, князь Алексей Долгорукий истощает все средства, чтобы заставить Головкина, Голицына и Апраксина действовать решительнее против Меншикова. Вельможи тайно совещаются, а между тем Меншиков облегчает им труд, опять раздражает императора. Он поехал к себе в Ораниенбаум, где должно было происходить освящение церкви, и прислал звать на это торжество государя, но не прислал приглашения цесаревне Елизавете, к которой Петр был сильно привязан. Император рассердился, послал сказать Меншикову, что не будет по причине болезни, и в ту же минуту уехал на охоту с цесаревною. По возвращении Петра II в Петербург над светлейшим разразилась опала.

Меншиков был свергнут, сослан; многим и многим стало легко от падения этого нового Голиафа, как они выражались; радовались в Петербурге, радовались и в Киле; цесаревна Анна писала сестре: «Что изволите писать об князе, что его сослали, и у нас такая же печаль сделалась об нем, как у вас». Но скоро произошло явление, естественное в государстве, подобном Русскому первой половины XVIII века. Сильный человек, как Меншиков, забравший власть в свои руки по упомянутому выше отсутствию сдержек, слишком тяжело давал чувствовать эту власть; а когда эта сила отстранялась, то вследствие той же слабости, неразвитости общественной, непривычки к правильным, определенным движениям происходит смута, разброд, *конфузия*, как выражались люди описываемого времени; эта *конфузия*, борьба отдельных сил с необращением внимания на интересы общественные и частные обыкновенно заставляют скоро жалеть о прежней силе, несмотря на то, что она очень тяжело относилась к обществу. Теперь по свержении Меншикова началась *конфузия*. Теперь не было более партий, связанных с вопросом о престолонаследии, как при кончине Петра Великого, партий, имевших важное значение для целого общества, действовавших во имя его интересов. При вопросе о том, кто будет на престоле: великий князь или одна из дочерей Петра, при вопросе о влиянии, которое будет иметь муж императрицы или бабка императора (бывшая царица Лопухина), при этих вопросах люди, не имевшие никаких отношений к Толстому или Голицыну, не знавшие их вовсе, могли, однако, сильно сочувствовать тому или другому, с напряженным вниманием следить за их движением, радоваться успеху, печалиться при неудаче; борьба поэтому принимала величавый народный характер. Но теперь вопрос о престолонаследии был решен, и если малолетство императора допускало борьбу партий, то это были мелкие партии известных фамилий, не имевшие отношения к общему интересу: кто победит, Долгорукий или Голицын? Этот вопрос мог занимать только приверженцев той или другой фамилии. Борьба пошла теперь за

фавор, и, что всего хуже, за фавор у государя несовершеннолетнего, нуждавшегося в строгих воспитателях и наставниках, а не в фаворитах, гибельных и взрослым, тем более несовершеннолетним монархам.

Не знаем, насколько мы должны верить вышеприведенным жалобам австрийского посланника на то, что воспитанием маленького Петра пренебрегали при жизни его деда. Быть может, эти жалобы заставили Петра Великого обратить внимание на этот предмет и с настойчивостью требовать в наставники к внуку иностранца Зейкина, которого «искусство и добрая совесть» были известны императору. Зейкин, несмотря на понятное нежелание быть наставником у сына Алексеева, был определен, и в 1724 году Девьер уведомлял Екатерину: «Ее высочество, всемиловитейшая государыня цесаревна Наталия Петровна (младшая дочь Петра от Екатерины) и великий князь с сестрицею (то есть Петр с сестрою Натальею Алексеевною) обретаются в добром здравии и охотно всегда в учении пребывают». И вслед за тем Девьер писал: «Великий князь и великая княжна изволили писать по-немецки письма собственными своими руками, из которых изволите усмотреть, кто лучшее писал, и изволите о том отписать особое письмо на то имя со благодарением; дабы могли впредь наилучшее писать и читать, и друг другу будут ревновать, и от ревности лучшее станут трудиться». Но мы видели, что после тот же самый Девьер свидетельствует, что Петр «как надел кавалерию, худо учится». Девьер говорил, что учење пойдет еще хуже, когда ребенка обручат, но он ошибся. Меншиков честно исполнил свои обязанности относительно государя и нареченного зятя, и падение Меншикова было гибельно для Петра. Люди, которые употребили молодого государя орудием для низвержения тяжелого им правителя, этим самым преждевременно высвободили незрелые силы из-под необходимой для них опеки, оставив правильное их развитие. После Меншикова никто не имел силы заставить Петра закончить свое образование; напротив, для приобретения фавора прибегли к прислужничеству, к развращению. Попытки воспитателя Остермана напомнить о необходимости доучиться, а не спешить жить остались тщетны, и легко было видеть, кто победит в борьбе: князь Дмитрий Голицын, по своей постоянной и открытой смелой преданности Петру имевший более всех право на первенство, не получил фавора, потому что по характеру своему был менее всего способен прислуживаться; получили фавор князья Долгорукие, князь Алексей Григорьевич и сын его, пустой молодой человек князь Иван, решившиеся забавлять молодого государя.

Стали жалеть о Меншикове; и первый должен был пожалеть о нем Остерман, которому начала грозить опасность, что его перестанут считать *необходимым*. Канцлер Головкин однажды

обратился к нему с такими словами: «Не правда ли, странно, что воспитание нашего монарха поручено вам, человеку не нашей веры, да, кажется, и никакой?» Головкину приписывали намерение заменить Остермана своим сыном. Барон Андрей Иванович начал употреблять все средства к спасению; завел переписку с бабкою Петра Евдокией Федоровною, переведенною Меншиковым из Шлиссельбурга прямо в Москву, в Новодевичий монастырь, без свидания со внуком. Евдокии сильно хотелось поскорее увидеться с внучатами; она часто писала к императору, к Остерману письма по старине, все в одних и тех же выражениях; приведем замечательнейшие к Остерману: «Андрей Иванович, здравствуй и с женою, а я помощью нашего Бога и внучат своих приизнию еще жива. Благодарствую, что ты внуку моему и нам верно служишь, за что тебе заплатит Бог, чего мы не можем вам заплатить; а что ты пишешь об своей службе, что известный мой внучата, а ваши государи, и я велми радуюсь и молю Бога, кто им верно служит и нам. Еще же вас благодарствую, что ты по мне прислал новосочиненную службу в день рождения внука моего и абрис фейферка и о короновании его манифест. Еще же ты упоминаешь, что будто ясно не пустыми словами, и я истинно о вас ничего пуста не слыхала и кроме всякой услуги ко внуку моему и ко мне, и кто мне говорил и у меня никогда етова не бывало, чтоб мне верить и впредь не будет, что я вижу от вас услугу к нему и к себе, и как ты начал служить, так и служи и храни его здоровье, и я чаю, что ты не на ково ево здоровье не променяешь, и надеюсь на тебя крепко. *Царица*. 2 ноября 1727».

В другом письме пишет: «Андрей Иванович! Долго ли вам меня мучить, что по сю пору в семи верстах внучат моих не дадите мне их видеть, а я с печали истинно сокрушилась; прошу вас, дайте, хотя бы я на них поглядела да умерла». В третьем: «А у меня истинно на вас надеяние крепкое, только о том вас прошу, чтоб мне внучат своих видеть и вместе с ними быть, а я истинно с печали чуть жива, что их не вижу, а я истинно надеюсь, что и вы мне будете рады, как я при них буду, а мне истинно уже печали наскучили и признаваю, что мне в таких несносных печалях и умереть, и ежели б я с ними вместе была и я б такие свои несносные печали все позабыла. И так меня светлейший князь 30 лет крушил, а ныне опять сокрушают, и я не знаю, сие чинитца от ково».

Остерман ошибался, думая, что Евдокия может иметь влияние на внука: молодой император остался совершенно равнодушен к бабке, о которой он только слыхал прежде, и слыхал не совсем хорошее. Суздальская история сильно вредила Евдокии; «это та-то, что...» говорили в народе, повторяя провозглашенное Петром о похождениях бывшей жены своей; теперь громко вспоминавшие о манифесте Петра должны были иметь дело с тайною

канцеляриею, но это нисколько не помогало Евдокии: палач тайной канцелярии не мог отбить памяти у народа. Остерман удержался не с помощью Евдокии; он удержался вследствие борьбы, начавшейся между людьми, которые хотели наследовать власть Меншикова. Люди, которые более всего участвовали в падении светлейшего, Долгорукие, Головкин, опасались, что Голицыны, не желавшие самовластия Меншикова, не довольны, однако, ссылкой павшего правителя, с которым у них было намерение породниться. Разнесся слух, что князь Мих(айл) Мих(айлович) Голицын, приехавший из украинской армии, на аудиенции своей у императора заступался за Меншикова. Одно время (осенью 1727 года) боровшиеся за власть вельможи встревожились сильным влиянием, которое приобрела над Петром тетка его Елизавета; ходили слухи, будто члены Верховного тайного совета решились объявить императору, что все выйдут из совета, если он будет продолжать подчиняться влиянию цесаревны. До такой сильной меры, впрочем, не дошло: влияние цесаревны ослабело, и Долгорукие овладели совершенно волею Петра II; фельдмаршал князь Василий Владимирович Долгорукий поддержал Остермана против Шафирова, хотевшего, как прежде при Петре I, заведовать дипломатическими сношениями. Но Остерман поневоле держался при Долгоруких; он видел, как они портят его воспитанника, занимая его только одними удовольствиями, охотою; видел, как вместе с этим портятся русские дела, дела Петра Великого. Сознательного противодействия делу Петра, поворота к старине быть не могло: так оно вытекало из исторической необходимости. Но делу Петра Великого, силе государства наносился удар вследствие равнодушия государя и вельмож к делам правления. Заслуга Остермана состояла в том, что он не мог разделять этого равнодушия; австрийский посол Вратислав по интересам своего двора также не мог равнодушно видеть расстройство, в какое приходила новая империя, и печальное нравственное состояние государя, о возведении на престол которого австрийский двор так хлопотал. Осенью 1728 года Остерман с Вратиславом согласились сделать последнюю попытку, чтобы возвратить Петра в Петербург и заставить его заняться поддержанием дедовского дела: по их научению, родственник государя по бабке моряк Лопухин представил ему, что флот исчезнет вследствие того, что правительство удалилось от моря. Что же отвечал Петр II: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море, но я не намерен гулять по нем, как дедушка». Но исчезал не один флот; исчезало и сухопутное войско: это явление должно было тревожить многих, и вот, как обыкновенно бывает при ослаблении правительственной машины, стараются поправить дело нагромождением учреждения на учреждение. Чтоб уничтожить страшный беспорядок в войске,

весною 1729 года хотели учредить военный совет из фельдмаршала Долгорукого, двоих генерал-лейтенантов, двоих генерал-майоров и подчинить этому совету военную коллегию.

Очевидцы рассказывают любопытный случай, дающий понятие о русском войске в описываемое время: весною 1729 года в Москве в Немецкой слободе случился пожар; гвардейские солдаты с топорами в руках прибежали, как бешеные стали врывать-ся в дома и грабить, грозя топорами хозяевам, которые хотели защищать свое добро; все это происходило перед глазами офицеров. Императора не было в Москве; увидав зарево, он прискакал в слободу, и его присутствие прекратило грабеж, солдаты начали помогать тушить. Петр узнал, что было до него, и велел арестовать виновных, но *фаворит* (князь Иван Алексеевич Долгорукий) постарался замять дело, чтоб пощадить гренадер, которые все были замешаны.

Долгорукий имел власть поднять и замять всякое дело. Посланники, австрийский Вратислав и испанский Лирия, по целым часам дожидались у них в передней, когда они пили кофе. Вратислав и Лирия постоянно ссорились друг с другом. Когда Вратислав заметил, что Лирия вкрался в расположение фаворита, то сейчас же употребил сильное средство: позвал фаворита к себе обедать и подарил ему трех лошадей, стоимших 1000 дукатов. Наконец, узнали, что могущество Долгоруких достигло высшей степени: сестра фаворита, княжна Екатерина Алексеевна, объявлена была невестою императора. Носился слух, что один из Долгоруких, фельдмаршал князь Василий Владимирович, не согласен на этот брак; потом ходила по рукам речь его, которую он произнес княжне Екатерине при поздравлении ее: «Вчера я был твой дядя, нынче ты моя государыня, и я буду всегда твой верный слуга. Позволь в этом качестве дать тебе совет: смотри на своего августейшего супруга не как на супруга только, но как на государя и занимайся только тем, что может быть ему приятно. Твоя фамилия многочисленна, но, слава Богу, она изобилует богатствами и местами правительственными; итак, если тебя будут просить о милости кому-нибудь, то хлопочи не в пользу имени, а в пользу заслуг и добродетели, это будет настоящее средство жить счастливо, чего тебе и желаю».

Желание фельдмаршала не исполнилось: жених заболел опасною болезнью, и пронесся слух, что князь Алексей Долгорукий хочет обвенчать больного Петра на своей дочери.

Действительно, Долгорукие совещались, «чтоб удержать наследство княжне Екатерине для их безопасности». В этом намерении они были ободрены датским посланником Вестфаленом, который забил сильную тревогу, узнав об опасной болезни императора; он бросался то к Голицыным, то к Долгоруким, князю Василию Лукичу говорил: «Слышал я, что князь Дмитрий Голи-

цын желает, чтобы была наследницею цесаревна (Елизавета), и ежели это сделается, то сам ты знаешь, что нашему двору оное неприятно будет; ежели ты не веришь, я тебе письменно о том сообщу, чтобы ты мог о том показать, ежели у вас с кем до разговоров дойдет». Письмо было прислано, в нем говорилось, что «ежели наследство Российской империи будет голштинскому принцу, то нашему Датскому королевству с Россией дружбы иметь не можно, а понеже обрученная невеста фамилии их и можно удержать ее так, как Меншиков и Толстой Екатерину Алексеевну удержали, что и вам по вашей знатной фамилии учинить можно, что вы больше силы и права имеете». Князь Василий Лукич прочел это письмо перед фамилией и взял его себе: дальнейшего рассуждения Долгорукие не имели, потому что императору стало легче. Князь Василий Лукич успокоил Вестфалена, объявив ему (25 января нового стиля 1730 года): «Теперь, слава Богу, оспа высыпала, и есть верная надежда, что император выздоровеет, но если и умрет, то приняты меры, чтобы потомки Екатерины не взошли на престол; можете писать об этом к своему двору, как о вещи несомненной».

Но скоро не только верная, но и всякая надежда на выздоровление Петра исчезла. По призыву князя Алексея Григорьевича все родичи собрались к нему в Головинский дворец, где он жил. Хозяин, лежа на постели, объявил им: «Император болен, худа надежда; не чаю, чтобы жив был, надобно выбирать наследника!» «Кого вы в наследники выбирать думаете?» — спросил князь Василий Лукич. Алексей указал пальцем вверх на покой, где жила его дочь, и сказал: «Вот она!» «Не можно ль, — начал князь Сергей Григорьевич, — не можно ль написать духовную, что будто его императорское величество учинил ее наследницею?» Князь Василий Лукич взял белый лист бумаги и хотел писать духовную, но спохватился — рука будет улюкою! — и сказал: «Руки моей письмо худо; кто бы получше написал?» Взятся писать князь Сергей Григорьевич, а князь Василий Лукич диктовал вместе с князем Алексеем. Когда воровская духовная была написана, князь Иван Алексеевич, фаворит, вынул из кармана измаранный лист бумаги и сказал: «Вот посмотрите письмо государевой и моей руки, что письмо руки моей слово в слово, как государево письмо; я умею под руку государеву подписываться, понеже я с государем, издеваясь, писывал» и подписал — «Петр». Родичи объявили, что сходственно, и решили, чтобы подписал под духовную.

Говорят, что ловкость Остермана воспрепятствовала Долгоруким подsunуть *воровскую* духовную или обвенчать княжну Екатерину с умирающим императором.

18 января Петр II скончался. Собрали совет в Лефортовском дворце: хитрец Остерман, чтоб избежать страшной опасности

при подаче голосов (он подаст голос в пользу одного, а выберут другого,—чего ж ему надеяться хорошего в царствование последнего?), решил извлечь пользу из того, что до сих пор только ему вредило. «Как *иностранец*,—объявил он,—я удаляюсь от совещаний о выборе, а потом дам свой голос тому, кого все выберут». По выходе Остермана начал говорить князь Дмитрий Голицын. «Дом Петра Великого,—сказал он,—пресекается смертию Петра II, и справедливость требует перейти к старшей линии царя Ивана; царевну Екатерину Ивановну трудно выбрать, хотя она и старшая, потому что она замужем за герцогом Мекленбургским, тогда как царевна Анна свободна и одарена всеми способностями, нужными для трона». Все закричали: «Так, так! Нечего больше рассуждать, мы выбираем Анну!» Но этим дело не окончилось, князь Дмитрий Голицын начал опять говорить: «Воля ваша, кого изволите; только надобно нам себе полегчить». Кто-то спросил: «Как себе полегчить?» «Так полегчить, чтобы воли себе прибавить»,—ответчал Голицын. «Хотя и зачем, да не удержим этого»,—возразил князь Василий Лукич Долгорукий. «Правда, удержим!»—ответчал Голицын. Все молчали. «Будь воля ваша,—начал опять Голицын,—только надобно, написав, послать к ее величеству пункты».

С этими словами все вышли в другую комнату, где были собраны сенаторы и генералитет; все согласилось на избрание Анны, предложенное верховниками. Тут Ягужинский подошел к князю Василью Лукичу и сказал: «Батюшки мои! Прибавьте нам, как можно, воли!» «Говорено уж о том было»,—ответчал Долгорукий. Ягужинский обратился с тем же к другому Долгорукому, князю Сергею Григорьевичу. «Мне с миром беда не убыток,—говорил он,—долго ли нам будет терпеть, что нам головы секут; теперь время думать, чтобы самовластиею не быть»¹⁴. «Не мое это дело,—ответчал князь Сергей,—есть больше меня; я в такое дело не плетусь и не думаю». Между тем генералитет стал расходиться. Видя это, князь Дмитрий Голицын сказал: «Надобно их воротить, чтобы не было от них чего»,—и воротил Ивана Дмитриева-Мамонова, Льва Измайлова, Ягужинского и других. «Станем писать пункты,—сказал им Голицын,—чтобы не быть самодержавствию». Пункты были написаны, но подписать их не успели за позднюю порою, подписали на другой день.

«Всемиловнейшая государыня! — писали верховники к Анне в Митаву.—С горьким соболезнованием нашим вашему императорскому величеству Верховный тайный совет доносит, что сего настоящего году января 18, пополудни, в первом часу, вашего любезнейшего племянника, нашего всемиловнейшего государя,

¹⁴ Об этих словах Ягужинского свидетельствовал Долгорукий в своем *предсмертном* показании

его императорского величества Петра II не стало, и как мы, так и духовного и всякого чина светские люди того ж времени заблагорассудили российский престол вручить вашему императорскому величеству, а каким образом вашему величеству правительство иметь, тому сочинили кондиции, которые к вашему величеству отправили из собрания своего с действительным тайным советником, князем Васильем Лукичом Долгоруким, да сенатором, тайным советником Михайлом Михайловичем Голицыным и с генералом-майором Леонтьевым, и всепокорно просим оные собственною своею рукой пожаловать подписать и, не умедля, сюда в Москву ехать и российский престол и правительство воспрять. 19 января 1730». Подписались: канцлер граф Головкин, князь Михайла Голицын, князь Василий Долгорукий, князь Дмитрий Голицын, князь Алексей Долгорукий, Андрей Остерман.

Обязательство, посланное к Анне для подписания, заключалось в следующем: «Чрез сие накрепчайше обещаемся, что наиглавнейшее мое попечение и старание будет не только о содержании, но и о крайнем и всевозможном распространении православной нашей веры греческого исповедания; такожде по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять; еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоят, того ради мы ныне уже учрежденный верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия: 1) ни с кем войны не вчинять; 2) миру не заключать; 3) верных наших подданных никакими податями не отягощать; 4) в знатные чины, как в статские, так и военные сухопутные и морские выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, и гвардии и прочим войскам быть под ведением верховного тайного совета; 5) у шляхетства живота, имения и чести без суда не отымать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) в придворные чины как русских, так и иноземцев не производить; 8) государственных доходы в расход не употреблять и всех верных своих подданных в неотменной своей милости содержать; а буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской».

Но Ягужинский, раздраженный, как говорят, тем, что его не сделали членом Верховного тайного совета, дал знать Анне, что ограничение есть только дело верховников; посланный Ягужинским Сумароков должен был сказать императрице: «Ежели изволит его послушать, то б князь Василий Лукич Долгорукий и которые с ним поехали, что станут представлять, не всему верить до того времени, пока сама изволит прибыть в Москву. Ежели князь Василий Лукич по тем пунктам принуждать будет

подписываться, чтоб ее величество просила от всех посланных трех персон такого посла за подписанием рук их, что они от всего народу оное привезли; ежели скажут, что с согласия народа, а письма дать не похотят, то б объявила, что ее величество оное учинит по воле их, только когда она прибудет к Москве, чтоб оное так было, как представляют. Чтобы было благонадежно; все ее величества желают прибытия в Москву». Анна подписала условия и выехала в Москву.

Февраля 2 числа вышеписанные ее императорского величества всемилостивейшее писание и пункты, писанные января 28 числа, которые присланы с генерал-майором Леонтьевым, Верховный тайный совет, священный Синод, Сенат, генералитет и прочие тех рангов, выслушав, за такую ее императорского величества показанную ко всему государству неизреченную милость благодарили всемогущего Бога, и все согласно объявили, что тою ее императорского величества милостию «весьма довольные и подписуемя своими руками»: Феофан Новгородский, Георгий Ростовский, Игнатий Коломенский, Сильвестр Казанский, Гавриил Рязанский, Леонид Крутицкий, Иоаким Переяславский, граф Иван Мусин-Пушкин, князь Иван Трубецкой, князь Михайла Долгорукий, генерал Матюшкин и т. д. подписи знатного дворянства и архимандритов, подписей 500.

Несмотря на эти подписи, встало сильное волнение и неудовольствие на верховников за их своевольное дело. Верховники должны были уступить и другим право подавать свои мнения относительно новых форм правления. Подано было мнение, под которым подписались генерал 1, генерал-лейтенант 1, статских того ранга 4, генерал-майоров 5, статских того ранга 4, итого 15 человек, которые требовали: 1) к Верховному тайному совету к настоящим персонам мнится прибавить, чтобы с прежними было от 12 до 15; 2) ныне вприбавок и впредь на вакансию в Верховный тайный совет выбирать обществом генералитету, военному и статскому и шляхетскому на одну персону по три кандидата, из которых одного выбрать предоставляется Верховному тайному совету; 3) или выбрать в Верховном тайном совете трех персон и из трех персон баллотировать генералитету, военному и штатскому, и шляхетству не меньше 70 персон, в которой бы одной фамилии более двух персон не было, а которые будут выбирать в кандидаты, тем бы не балантировать, а для балантирования выбрать бы других таким же образом, только бы было не менее вышеозначенного числа. Под вторым мнением подписались: генерал-лейтенантов 3, статских того ранга 4, генерал-майоров 9, статских и придворных того ранга 13, обер-прокурор синодский 1, итого 30 человек. Они требовали: 1) вначале учредить высшее правительство из 21 персоны; 2) дабы оног множеством дел не отягчить, того ради для отправления прочих дел

учинить Сенат в 11 персонах; 3) в высшее правительство, в Сенат, и в губернаторы, и в президенты коллегий кандидатов выбирать и балантировать генералитету и шляхетству, а в кандидаты более одной персоны из одной фамилии не выбирать, а также и при балантировании более двух персон из одной фамилии не быть не меньше 100 персон; 4) в выснем правительстве и в Сенате впредь, кроме обретающихся ныне в Верховном тайном совете, более двух персон из одной фамилии не быть, считая в обоих как в выснем правительстве, так и в Сенате.

Верховники, в ответ на эти мнения, написали свое: «Понеже Верховный тайный совет состоит не для какой собственной того собрания власти, точию для лучшей государственной пользы и управления в помощь их императорских величеств, а впредь, ежели кого из того собрания смерть пресечет или каким случаем отлучен будет, то на те упалые места выбирать кандидатов Верховному тайному совету обще с Сенатом и для опробации представлять ее императорскому величеству из первых фамилий, из генералитета людей верных и обществу народному доброжелательных (не вспоминая об иноземцах). И смотреть того, дабы в таком первом собрании одной фамилии более двух персон умножено не было; и должны рассуждать, что не персоны управляют закон, но закон управляет персонами, и не рассуждать ни о фамилиях, ни же о каких опасностях, то им искать общей пользы без всякой страсти, памятуя всякому суд вышний. Буде же когда случится какое государственное новое и важное дело, то для оногo в Верховный тайный совет имеют для совету и рассуждения собраны быть Сенат, генералитет, коллежские члены и знатное шляхетство; буде же что касаться будет к духовному правлению, то и синодские члены и прочие архиереи по усмотрению важности дела». Верховники уступали относительно числа своих сочленов, соглашались на 12. Стараясь привлечь на свою сторону духовенство, определяли управление именными отдать епархиям и монастырям, а коллегии экономии не быть. «Как архиереи, так и ереи почтение имать будут как служители престола Божия».

В пользу других сословий обещали: «в Сенат, коллегии, канцелярии и все прочие управления выбираны да будут из фамильных людей, из генералитета и из знатного шляхетства достойные и доброжелательные обществу государства, також и все шляхетство содержится быть имеет так, как и в прочих европейских государствах, в надлежащем почтении и в ее императорского величества милости и консидерации (внимании), а особливо старые и знатные фамилии да будут иметь преимущества и снабдены быть имеют рангами и к делам определены по их достоинству. Шляхетство в солдаты, матросы и прочие подлые и нижние чины неволею не определять, а чтобы воинское

дело не ослабевало, для обучения военного учинить особливые кадетские роты, из которых определять по обучении прямо в обер-офицеры и производить чрез гвардию, а в морскую службу чрез гардемаринов. Которые есть во управлении гражданском, хотя и не из шляхетства, а дослужились рангов, также приобщены да будут в общество шляхетства, и определять их к делам, как заблагорассудится. Приказных людей производить по знатным заслугам и по опыту верности всего общества, а людей боярских и крестьян не допускать ни к каким делам. Кто будет казен смертию, после таких у жен, детей и сродников имения не отнимать и тем их не укорять. О солдатах и матросах смотреть прилежно, как над детьми отчества, дабы напрасных трудов не имели, и до обид их не допускать. Лифляндцы и эстляндцы, как шляхетство, так и гражданство, да содержаны будут равную ее императорского величества милостию, как и российские, и во всем поступано будет по их правам и привилегиям; тако ж и к прочим иноземцам, которые ныне имеются, которые и впредь будут в российской службе иметь почтение и склонность ко всякой любви и по контрактам жалованье да будет неотъемлемо. К купечеству иметь признание и отвращать от них всякие обиды и неволи, и в торгах иметь им волю, и никому в одни руки никаких товаров не давать, и податями должно их облегчить, а прочим всяким чинам в купечество не мешаться. Крестьян сколько можно облегчить. Резиденцию, убягая государственных излишних убытков и для исправления всему обществу домов своих и деревень, быть в Москве непременно, а в другое место никуда не переносить».

7 февраля сидели верховники в совете и смотрели манифест печатный о восшествии на престол Анны. Рассуждал князь Василий Владимирович Долгорукий, чтобы в оный внести кондиции и письмо ее величества, чтобы народ ведал ради соблазну. Головкин и оба Голицына говорили, чтоб о кондициях объявление тогда учинить, когда ее императорское величество прибудет, от ее лица для того, чтобы народ не сомневался, что выданы от Верховного тайного совета, а не от ее величества, а когда приедет ее величество, тогда от своего лица ту свою милость объявить изволят. Остерман согласился с ними. Но князь Алексей Григорьевич Долгорукий объявил, что в Москве всемерно подлежит публиковать кондиции, чтоб инако их не толковали.

25 февраля верховники опять сидели в совете и занимались разными делами, не предчувствуя, что сидят в последний раз. Пришел опять Василий Лукич Долгорукий, и с ним все пошли к государыне не на радость себе. Там перед императрицею читалась просьба: «Когда ваше императорское величество всемилостивейше изволили пожаловать всепокорное наше прошение своеручно для лучшего утверждения и пользы отечества нашего

сего числа подписать, недостойных себя признаем в благодарении за так превосходную вашего императорского величества милость. Однако же усердие верных подданных, которое от нас должность наша требует, побуждает нас по возможности нашей не показаться неблагодарными, для того, в знак нашего благодарства, всеподданнейше приносим и всепокорно просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ваши славы и достохвальные предки имели, а присланные к вашему императорскому величеству от верховного совета и подписанные вашего императорского величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнейше ваше императорское величество просим, чтобы соизволили ваше императорское величество сочинить вместо верховного совета и высокой власти один правительствующий Сенат, как при его величестве Петре I было, и исполнить его довольным числом, двадцати одною персоной; также ныне в члены и впредь на упалые места в оный правительствующий Сенат и в губернаторы, и в президенты повелено б было шляхетству выбирать балотированьем, как то при Петре Первом уставлено было; и притом всеподданнейше просим, чтобы по вашему всемилостивейшему подписанию форму правительства государства для предбудущих времен ныне установить. Мы напоследок, ваше императорское величество, всепокорнейшие рабы надеемся, что в благорассудном правлении государство в правосудии и в облегчении податей по природному величества вашего благоутробию презрены не будем, но во всяком благополучии и довольстве, тихо и безопасно житие свое препроводить имеем». Февраля 25, 1730. Подписали: князь Ив[ан] Трубецкой, Григорий Чернышев, Ушаков, Новосильцев, князь Григорий Юсупов, Мих[аил] Матюшкин, князь Алексей Черкасский, Сукин, Олсуфьев, князь Никита Трубецкой, граф Михайла Головкин и т. д., подписей полтора.

«По полудни, в четвертом часу, к ее императорскому величеству призван статский советник Маслов и приказано ему пункты и письмо принести к ее величеству, которые в то же время и отнесены, и ее величеству от господ министров поднесены, и те пункты ее величество при всем народе изволила, приняв, разорвать».

ПЕТР ВЕЛИКИЙ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

В Западной Европе, где очень плохо знают русскую историю, верят или по крайней мере считают полезным для себя верить не хитро придуманному подлогу — завещанию Петра Великого. Мы знаем, что Преобразователь не оставил завещания на бумаге, но великие исторические деятели оставляют завещание на деле: их деятельность, их начинания и указания служат программой, которая выполняется впоследствии, иногда в продолжение очень долгого времени. Дело, начатое великим человеком, оканчивается иногда спустя столетие и более после его смерти. Так, мы другое уже столетие выполняем не на бумаге написанное завещание Петра Великого относительно Востока.

Мы привыкли представлять внешнюю деятельность знаменитого императора, обращенною на Запад, к берегам заветного Балтийского моря, где в устьях Невы он устроил себе *парадиз*. Но при этом Петра нельзя упрекнуть в односторонности: употребляя усилия, чтоб добить шведа и взять у него балтийские берега, Петр не спускал глаз с Востока, ибо знал хорошо его значение для России, знал, как может обогатиться бедный русский народ, если станет посредником в торговом отношении между Европою и Азиею. Утверждаясь на берегах Балтийского моря, Петр рыл канал для соединения его с Каспийским, и, как только прекратилась война на Западе, у Балтийского моря, Петр переносит свою деятельность к Каспийскому. Еще с XVI века, когда русские границы достигли устьев Волги чрез покорение Астрахани, Россия волею-неволею должна была вмешиваться в дела кавказских народов. Интересы трех больших государств — России, Турции и Персии — сталкивались на перешейке между Черным и Каспийским морями, среди варварского, раздробленного, порозненного в вере народонаселения, части которого находились в постоянной борьбе друг с другом. Россия, призываемая на помощь христианским народонаселением, не могла позволить усилиться здесь магометанскому влиянию, особенно турецкому; а теперь, в эпоху преобразования, имевшую целью развитие промышленных сил народа, к интересам религиозным и политическим присоединялся

интерес торговый, стремление обеспечить русскую торговлю в стране, издавна обогащавшей купцов московских.

Туецкая война (1711) и потом беспрестанное опасение, что она возобновится, должны были обращать внимание Петра на Кавказский перешеек. Кубанской орде, зависевшей от султана, хотели противопоставить Кабарду, и с этою целию в 1711 году отправился туда князь Александр Бекович Черкасский, который уведомил Петра, что черкасские владельцы, прочтя царскую грамоту, изъявили готовность служить великому государю всею Кабардой. «По этому уверению,— писал Черкасский,— я их к присяге привел по их вере». Турки действовали с своей стороны. В 1714 году тот же Черкасский дал знать, что посланцы крымского хана склоняют в турецкое подданство вольных князей, владеющих близ гор, между Черным и Каспийским морями, обещая им ежегодное жалованье. В Большой Кабарде ханские посланцы не имели успеха, но князья кумыцкие прельстились их обещаниями, вследствие чего встало волнение в стране. Черкасский писал, что турки намерены соединить под своею властью все кавказские народы вплоть до персидской границы; «и ежели оное турецкое намерение исполнится, то, когда война случится, могут немалую силу показать, понеже оный народ лучший в войне, кроме регулярного войска. Ежели ваше величество соизволите, чтобы оный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под область свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться; а когда уже турки их под себя утвердят, тогда уже будет поздно и весьма невозможно того чинить. А опасности никакой в превращении их не будет, понеже народ тот вольный есть и никому иному не присутствует, но паче вам есть причиненный: напредь сего из тех кумыцких владельцев шевкалов в подданстве для верности вашему величеству и детей своих в аманаты даывали; токмо незнанием или неискусством воевод ваших сей интерес государственный по сие время оставлен. И ежели ваше величество соизволите приклонить тех народов пригорных под свою область, немалый страх будет в Персиде во всей и могут во всем вашей воле последовать».

Черкасский отправился в Хиву и там погиб. В сношениях с народами Кавказского перешейка явился другой, более искусный и счастливый деятель — Артемий Петрович Вольтинский.

В 1715 году Вольтинский отправлен был посланником в Персию, чтоб быть при шахе впредь до указа на резиденции. Он получил инструкцию: «Едучи по владениям шаха персидского как морем так и сухим путем, все места, пристани, города и прочие поселения и положения мест и какие где в море Каспийское реки большие впадают, *и до которых мест по оным рекам можно ехать от моря, и нет ли какой реки из Индии, которая б впадала*

*в сие море*¹, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суда военные или купеческие, також какие крепости и фортеции — присматривать прилежно и искусно и провеживать о том, *а особливо про Гилянъ, и какие горы и непроходимые места кроме одного нужного пути (как сказывают) отделили Гилянъ и прочие провинции, по Каспийскому морю лежащие от Персиды*, однако ж так, чтоб того не признали персияне, и делать о том секретно журнал повседневный, списывать все подлинно. Будучи ему в Персии, присматривать и развеживать, сколько у шаха крепостей и войска и в каком порядке, и не вводят ли европейских обычаев в войске? Какое шах обхождение имеет с турками, и нет ли у персов намерения начать войну с турками, и не желает ли против них с кем в союз вступить? Внушать, что турки главные неприятели персидскому государству и народу и самые опасные соседи всем, а царское величество желает содержать с шахом добрую соседскую приязнь. Смотреть, каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить и нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию. Склонять шаха, чтоб повелено было армянам весь свой торг шелком-сырцом обратить проездом в Российское государство, предъявляя удобство водного пути до самого С.-Петербурга, вместо того, что они принуждены возить свои товары в турецкие области на верблюдах, *и буде не возможет то словами и домогательствами сделать, то нельзя ли дать чего шаховым ближним людям, буде и сим нельзя будет учинить, не мочно ль препятія какова учинить смирскому и аленскому торгам, где и как?* Разведывать об армянском народе, много ли его и в которых местах живет, и есть ли из них какие знатные люди из шляхетства или из купцов, и каковы они к стороне царского величества, обходиться с ними ласково и склонять к приязни, также осведомляться, нет ли каких иных в тех странах христианских или иноверных с персами народов, и ежели есть, каковы оные состоянием?»

В марте 1717 года Волынский приехал в Испагань, претерпевший на дороге большие трудности и неприятности. «Уже меня редкая беда миновала», — писал он канцлеру. В Испагани сначала он был принят недурно, но чрез несколько дней, не объявив ничего, заперли его в доме, приставив такой крепкий караул, что пресекли всякое сообщение, и это продолжалось полтора месяца, а когда узнали о прошлогоднем приходе князя Черкасского на восточные берега Каспийского моря и о строении крепостей, то заперли еще крепче; пошли слухи, что несколько тысяч русского войска впало в Гилянъ и что множество калмыков находится около Терека. Три раза Волынский был у шаха Гуссейна, имел несколько конференций с визирем; с персидской стороны согла-

¹ Напечатанное курсивом написано собственною рукою Петра Великого)

шались, по-видимому, на все предложения посланника, и вдруг позвали его на последнюю аудиенцию и объявили отпуск. Все представления Волынского остались тщетными; он возражал, что не может ехать, не окончив дел; ему отвечали, что дела будут кончены по его желанию, только бы теперь взял шахову грамоту к царю.

«Этому трудно верить,— писал Волынский,— ибо здесь такая ныне глава, что он не над подданными, но у своих подданных подданный и что редко такого дурачка можно сыскать и между простых, не токмо из коронованных; того ради сам ни в какие дела вступать не изволит, но во всем положился на своего наместника Эхтимат-Девлета, который всякого скота глупее, однако у него такой фаворит, что шах у него изо рта смотрит и что велит, то делает. Того ради здесь мало поминается и имя шахово, только его, прочие же все, которые при шахе ни были поумнее, тех всех изогнал, и ныне, кроме его, почти никого нет, и так делает что хочет, и такой дурак, что ни дачею, ни дружбою, ни рассуждением подойти невозможно; как уже я пробовал всякими способами, однако же не помогло ничто. Как я слышал, они так в консилии положили, что меня здесь долго не держать, того ради, чтоб не узнал я состояния их государства; но, хотя б еще и десять лет жить, больше уже не о чем проводить и смотреть нечего и дел никаких не сделать, ибо они не знают, что такое дела и как их делать; притом ленивы, о деле ни одного часа не хотят говорить; и не только посторонние, но и свои дела идут у них беспутно, как попало на ум, так и делают без всякого рассуждения; от этого так свое государство разорили, что, думаю, и Александр Великий в бытность свою не мог войной так разорить. Думаю, что сия корона к последнему разорению приходит, если не обновится другим шахом; не только от неприятелей и от своих бунтовщиков оборониться не могут, и уже мало мест осталось, где бы не было бунта; один от другого все пропадают, а тут и я с ними не знаю, за что пропадаю: не пьянством, не излишеством, но самую нищетою нажил на себя по сие время четырнадцать тысяч долгу. Думаю, меня Бог определил на погибель, потому что и сюда с великим страхом ехал, а отсюда еще будет труднее по здешнему бесстрашию. Поеду чрез Гилян, хотя там теперь и моровое поветрие, поеду, чтоб тот край видеть. Другого моим слабым разумом я не рассудил, кроме того, что Бог ведет к падению сию корону, на что своим безумством они нас влекут сами; не дивлюсь, видя их глупость, думаю, что это Божия воля к счастью царскому величеству, и хотя настоящая война наша (шведская) нам и возбраняла б, однако, как я здешнюю слабость вижу, нам без всякого опасения начать можно, ибо не только целою армиею, но и малым корпусом великую часть к России присовокупить без труда можно, к чему удобнее нынешнего времени не будет,

ибо если впредь сие государство обновится другим шахом, то, может быть, и порядок другой будет».

Волынский выехал из Испагани 1 сентября 1717 года, заключив пред отъездом договор, по которому русские купцы получили право свободной торговли по всей Персии, право покупать шелк-сырец повсюду, где захотят и сколько захотят. Посланник зимовал в Шемахе и здесь имел досуг еще лучше изучить состояние персидского государства и характер его народонаселения. Сознание своей слабости наводило сильный страх пред могущественною Россиею, ждали неминуемой войны и верили всяким слухам о сосредоточении русских войск на границах. В начале 1718 года в Шемахе с ужасом рассказывали друг другу, что в Астрахань царь прислал 10 бояр с 80 000 регулярного войска, что при Тереке зимуют несколько сот кораблей. Шемахинский хан пользовался этими слухами, чтобы не выходить с войском на помощь шаху, и когда Волынский замечал, что хан может поплатиться за это, то ему отвечали: «Хану ничего не будет, у нас никому наказания нет, и потому всякий делает, что хочет: когда нет страха, чего бояться?» В Шемаху приехал к Волынскому грузинец Фарседан-бек, с которым посланник выдался в Испании. Этот Фарседан-бек служил у грузинского князя Вахтанга Леоновича, который, по принятии магометанства, сделан был главным начальником персидских войск. Вахтанг прислал Фарседан-бека с просьбою к Волынскому, чтобы тот благодарил царя за милости, оказанные в России его родственникам, и просил, чтобы православная Церковь не предала его, Вахтанга, проклятию за отступничество: он отвергся Христа не для славы мира его, не для богатства тленного, но только для того, чтобы освободить семейство свое из заключения, и хотя он принял мерзкий закон магометанский, но в сердце остается всегда христианином и надеется опять обратиться в христианство с помощью царского величества. «Пора,—говорил Фарседан,—государственные дела делать, пиши через меня Вахтангу, как ему поступать с персиянами, и если ты пробудешь здесь в Шемахе до осени, то Вахтанг к тому времени совсем управится». Фарседан говорил так, как будто Волынский прислан воевать с персиянами. Посланник заметил ему: «Я прислан не для войны, а для мира; я был бы совершенно сумасбродный человек, если б стал воевать, имея при себе один свой двор». «В Персии не так думают,—отвечал Фарседан,—говорят, что ты и город здесь в Шемахе себе строишь».

В это время в Шемахе узнали, что отправленный Волынским в Россию для доставления государю слона дворянин Лопухин едва спасся от напавших на него лезгинцев, и Фарседан говорил по этому случаю Волынскому: «Конечно, царское величество не оставит отомстить горским владетелям за такую пакость; надобно покончить с этими бездельниками, пора христианам побеждать басурман и искоренять их». Фарседан говорил, что шах

своим войскам денег не платит, отчего они служить не будут, а узбекскому хану послано в подарок 20 000 рублей на русские деньги за то, что узбеки или хивинцы убили князя Александра Бековича Черкасского. Волынский взял письмо от Вахтанга для доставления тетке его, царице имеретийской, жившей в России, но сам остерегся войти в письменные сношения с главнокомандующим персидскою армиею.

В начале 1719 года Волынский возвратился в Россию и в том же году был сделан астраханским губернатором. 22 марта 1720 года новому губернатору Петр дал наказ в следующих пунктах: 1) чтоб принца грузинского искать склонить так, чтоб он в потребное время был надежен нам, и для сей посылки взять из грузинцев дому Арчилова. 2) Архиерея для всяких там случаев, чтоб посвятить донского архимандрита. 3) Офицера выбрать, чтобы, или туды, или назад идучи сухим путем, от Шемахи верно осмотрел путь, удобен ли? Также, живучи в Шемахе, будто для торговых дел (как положено с персы) всего присматривать. 4) Чтоб неудобный путь от Терека до Учи сыскать, как миновать, а, буде нельзя землею, то б морем, для чего там надобно при море сделать крепость и помалу строить магазины, анбары и прочее, дабы в удобном случае за тем не было остановки. 5) Суды наскоро делать прямые морские и прочее все, что надлежит к тому помалу под рукою готовить, дабы в случае ни за чем остановки не было, однако ж все в великом секрете держать.

В сентябре того же года отправлен был в Персию капитан Алексей Баскаков с наказом: «Ехать в Астрахань и оттуда в Персию, под каким видом будет удобнее, и поступать таким образом: 1) ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осматривания пути, удобен ли для прохода войск водами, кормами конскими и прочим. 2) От Шемахи до Апшерона и оттуда до Гиляни смотреть того же, осведомиться также и о реке Куре. 3) О состоянии тамошнем и о прочих обстоятельствах насматриваться и наведываться и все это делать в высшем секрете».

В 1721 году Волынский ездил в Петербург; неизвестно, был ли он вызван или сам приехал, узнавши о возможности прекращения Северной войны и, следовательно, о возможности начать войну персидскую. Как видно, он возвратился из Петербурга в ожидании скорой южной войны и приезда царского в Астрахань, потому что 23 июня писал царице Екатерине: «Вашему величеству всепокорно доношу. В Астрахань я прибыл, которую вижу пусту и совсем разорену, поистине, так, что хотя бы и нарочно разорять, то б больше сего невозможно. Первое, крепость здешняя во многих местах развалилась, а худа вся; в полках здешних в пяти ружьях только с 2000 фузей²

² Фузея — кремневое ружье. — *Примеч. сост.*

с небольшим годных, а прочее никуда не годится; а мундиру как на драгунах, так и на солдатах, кроме одного полку, ни на одном нет, и ходят иные в балахонах, которых не давало лет более десяти, а вычтено у них на мундиры с 34 000 рублей, которые в Казани и пропали; а провианту нашел я только с 300 четвертей. И тако, всемилостивейшая государыня, одним словом донести, и знаку того нет, как надлежит быть пограничным крепостям, и на что не смотрю, за все видимая беда мне, которой и миновать невозможно, ибо ни в три года нельзя привести в добрый порядок; а куда о чем отсюда написано, но ниоткуда никакой резолюции нет, и уже по истине, всемилостивая мать, не знаю, что и делать, понеже вижу, что все останутся в стороне, а мне одному бедному отвечать будет. Не прогневайся, всемилостивейшая государыня, на меня, раба вашего, что я умедлил присылкою к вашему величеству арапа с арапкою и с арапченкою, понеже арапка беременна, которая, чаю, по двух или по трех неделях родит, того ради боялся послать, чтоб в дороге не повредилась, а когда освободится от бремени и от болезни, немедленно со всем заводом отправлю к вашему величеству».

Обезопасив себя этим письмом насчет могущих быть упреков в дурном состоянии вверенного ему города, Волынский продолжал писать Петру о необходимости действовать в Персии и на Кавказе вооруженною рукою, а не политикою. Как видно, в Петербурге внушено было Волынскому, что до окончания шведской войны трудно начать непосредственно войну персидскую, но что он может ускорить распадение Персии поднятием зависевших от нее народов кавказских 15 августа Волынский писал царю: «Грузинский принц (Вахтанг) прислал ко мне и к сестре своей с тем, чтоб мы обще просили о нем ваше величество, дабы вы изволили учинить с ним милость для избавления общего их христианства, и показывает к тому способ: 1) чтоб ваше величество изволили к нему прямо в Грузию ввести войск своих тысяч пять или шесть и повелели засесть в его гарнизоны, объявляя, что он видит в Грузии несогласие между шляхетством, и ежели войска ваши введены будут в Грузию, то уже и поневоле принуждены будут многие его партию взять. 2) Чтоб для лучшего ему уверения изволили сделать десант в Персию тысячах в десяти или больше, чтобы отобрать у них Дербент или Шемаху, а без того вступать в войну опасен [опасается]. 3) Просил, чтоб изволили сделать крепость на реке Тереке между Кабарды и гребенских казаков и посадить русский гарнизон для свободной с Грузиею коммуникации и для его охранения. И, как видится, государь, по моему слабому мнению, все его предполагаемые резоны не бессильны Вахтанг представляет о слабом нынешнем состоянии персидском, и какая будет вам собственная из оной войны польза, и как персияне оружиею вашему противиться не могут;

ежели вы изволите против шаха в войну вступить, он, Вахтанг, может поставить в поле своих войск от 30 до 40 000 и обещает пройти до самой Гиспагани, ибо он персиян бабами называет».

Считая резоны одного грузинского принца не бессильными, Волынский не советовал сближаться с владельцами других иноверных народов Кавказа и указывал на оружие, как на единственное средство держать их в страхе и подчинении русским интересам. О владельце тарковском, шевкале Алдигирее, Волынский писал Петру: «На него невозможно никакой надежды иметь вам, ибо весьма в стороне шаховой; вижу по всем делам его, что он плут, и потому зело опасно ему ваше намерение открывать, чтоб он прежде времени не дал о том знать двору шахову, и для того я не намерен иметь с ним конгресс, как ваше величество мне повелели. И мне мнится, здешние народы привлечь политикою к стороне вашей невозможно, ежели в руках оружия не будет, ибо хотя и являются склонны, но токмо для одних денег, которых (народов), по моему слабому мнению, надобно бы так содержать, чтоб без причины только их не озлоблять, а верить никому невозможно. Также, кажется мне, и Даудбек (лезгинский владелец) ни к чему не потребен: он ответствен мне, что, конечно, желает служить вашему величеству, однако же, чтоб вы изволили прислать к нему свои войска и довольное число пушек, а он отберет города у персиян, и которые ему удобны, то себе оставит (а именно Дербент и Шемаху), а прочие уступает вашему величеству, кои по той стороне Куры реки до самой Испагани, чего в руках его никогда не будет, и тако хочет, чтоб вам был труд, а его польза».

Прежде местность Ендери, слывшая у русских под именем Андреевой деревни, и Аксай принадлежали туркам, но один из шевкалов тарковских поделил их между своими сыновьями, и в описываемое время в Андреевой деревне было семь владельцев, отличавшихся разбойничьим характером.

«Мне мнится,— писал Волынский,— весьма бы надобно учинить отмщение андреевским владельцам, от чего великая польза: 1) они не будут иметь посмеяния (над нами) и впредь смиреннее жить будут. 2) Она причина принудит многих искать протекции вашей, и все тамошние народы будут оружия вашего трепетать и за тем страхом вернее будут. Однако же, видится ныне, к тому уже прошло время, идти туда не с кем и не с чем. Надеялся я на Аюку, хана (калмыцкого), однако ж от него ничего нет, ибо, как вижу, худа его зело стала власть. Також многократно писал я к яицким и к донским казакам; но яицкие не пошли, а донские хотя и были, токмо иного ничего не сделали, кроме пакости; оставя прямых неприятелей, андреевских владельцев, разбили улус ногайского владельца, Салтана Махмута, зело вашему величеству потребного, которого весьма озлобили; потом пошли

в Кабарду по призыву Араслан-бека, и князь Александровых братьев (Александра Бековича Черкасского), понеже у них две партии, и тако у противной разбили несколько деревень, также и скот отогнали, чем больше привели их между собою в ссору, и, в том их оставя, а себя не богаты, возвратились на Дон».

В сентябре Волынский получил известие, которое, по его мнению, должно было непременно побудить царя к начатию войны. Распадение Персии началось и с севера и сопровождалось страшным уроном для русской торговли, в пользу которой Петр хлопотал и дипломатическим путем, в пользу которой единственно готов был и воевать. Мы видели, что лезгинский владелец Даудбек хотел подняться на шаха с помощью России. Но так как Волынский не подал ему никакой надежды на эту помощь, то он решился не упускать благоприятного времени и начать действие с казыкумыцким владельцем Суркаем. 21 июля Даудбек и Суркай явились у Шемахи, 7 августа взяли город и стали жечь и грабить знатные дома. Русские купцы оставались покойны, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут; но вечером 4000 вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостинном дворе, приказчиков прогнали саблями, некоторых побили, а товары все разграбили ценою на 500 000 рублей; один Матвей Григорьевич Евреинов потерял на 170 000, вследствие чего этот богатейший в России купец вконец разорился. От Волынского пошло немедленно письмо к царю: «Мое слабое мнение доношу: по намерению вашему к начинанию законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе, не против персиян, но против неприятелей их и своих; к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатят ваши убытки, то ваше величество паки им отдать можете (т. е. завоеванное), и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину. Также мнится мне, что ранее изволите начать, то лучше, и труда будет меньше, и пользы больше, понеже ныне оная бестия еще вне состояния и силы; паче всего опасаясь и чаю, что они, конечно, будут искать протекции турецкой, что им и сделать, по моему мнению, прямо резон есть; что если учинят, тогда вашему величеству уже будет трудно не токмо чужого искать, но и свое отбирать; того ради, государь, можно начать и на предбудущее лето, понеже не великих войск сия война требует, ибо ваше величество изволите уже и сами видеть, что не люди, скоты воюют и разоряют; инфантерии больше десяти полков я бы не желал, да к тому кавалерии четыре полка и тысячи три нарочитых казаков, с которыми войски можно идти без великого страха, только б была исправная амуниция и довольное число провианта».

Северная война прекратилась, и новому императору ничто не мешало обеспечить русскую торговлю на берегах Каспийского

моря'. В декабре Петр отвечал Волынскому: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Даудбека, и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвечаю, что сего случая не пропустить zelo то изрядно, и мы уже довольную часть войска к вам маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань. Что же пишете о принце грузинском — оного и прочих христиан, ежели кто к сему делу желателен будет, обнадеживайте, но чтоб до прибытия наших войск ничего не зачинать (по обыкновенной дерзости тех народов), а и тогда поступали бы с совету».

В это время Волынского занимали дела в Кабарде, где беспрестанно ссорившиеся друг с другом князьки требовали посредничества астраханского губернатора. От 5 декабря он писал царю: «Я сюда в казачьи верхние гребенские городки прибыл, куда некоторые кабардинские князья еще до меня прибыли, затягивая меня к себе, чтоб противную партию им чрез меня искоренить или, по последней мере, противных князей выгнать вон, а им в Кабарде остаться одним; однако я им отказал, и что я неволею мирить не буду, а призывал противную им партию ласкою, и так сделалось, что приехал и дядя их, с кем у них ссора, и оный первенство во всей Кабарде имеет, которого с великим трудом из Кабарды я выманил, ибо он zelo боялся от того, что крымскую партию держал, также при нем приехали мало не все лучшие уздени; и хотя я сначала им довольно выговаривал, для чего они, оставя протекцию вашего величества, приводили в Кабарду крымцев, однако ж напоследок-то отпустил им и попрежнему милостию вашего величества обнадежил и потом помирил их, однако ж с присягою, чтоб им под протекциею вашею, и притом и со взятием верных аманатов³. И тако вся Кабарда ныне видится под рукою вашего величества; токмо не знаю, будет ли им из моей медиации [посредничество] впредь польза, понеже между ими во веки миру не бывать, ибо житье им самое зверское, и не токмо посторонние, но и родные друг друга за безделицу режут, и я чаю такого удивительного дела мало бывает или и никогда, понеже по исследованию дела не сыскался виноватый ни один, и правого никого нет, а за что первая началась ссора, то уже из памяти вышло, и тако за что дерутся и режутся, истинно ни один не знает, только уже вошло у них то в обычай, что и переменить невозможно. Еще же приводит их к тому нищета, понеже так нищи, что некоторые князья ко мне за тем не едут, что не имеют платья, а в овчинных шубах ехать стыдно, а купить и негде, и не на что, понеже у них монеты никакой нет; лучшее было богатство скот, но и то все крымцы обобрали, и ныне князей кормят уздени, и всего их мерзкого

³ Аманат — заложник — *Примеч сост*

житья и описать невозможно; только одно могу похвалить, что все — такие воины, каких в здешних странах не обретается, ибо что татар или кумыков тысяча, тут черкесов довольно двух сот».

В начале 1722 года, когда двор находился в Москве, получено было известие от русского консула в Персии Семена Аврамова, что афганцы, восставшие против шаха Гуссейна под начальством Магмуда сына Мирвеизова, 18 февраля стояли уже только в 15 верстах от Испагани. Шах выслал против них войско; но оно было поражено, и первый побегал любимец шаха, главный визирь Эхтимат-Девлет; победитель 7 марта подошел к Испагани и расположился в предместьях. Гуссейн, по требованию народа, назначил наместником старшего сына своего, но персияне обнаружили неудовольствие, и шах назначил второго сына; когда и этот не понравился, то назначен был третий сын Тохмас-Мирза. Но эти распоряжения не поправили дела; после второй проигранной битвы персияне совершенно потеряли дух, а жулфинские армяне, называвшиеся так по имени предместья, где жили, все передались на сторону победителя. Потом из Константинополя было получено известие, что афганцы овладели Испаганью и старый шах попался в плен.

При таких известиях медлить было нельзя, тем более что турки прежде всего могли воспользоваться падением Персии и утвердиться на берегах Каспийского моря, которое Петр считал необходимым для Балтийского моря. 18 апреля Петр писал из Москвы к генерал-майору Матюшкину, заведовавшему приготовлением судов на Верхней Волге: «Уведомьте нас, что лодки, мая к пятому числу, поспевают ли, также и ластовых судов к тому времени сколько может поспеть? И достальные ластовые суда сколько, к которому времени могут поспеть — о том чаще к нам пишите и в деле поспешайте».

Матюшкин должен был доставить суда в Нижний к 20 мая, причем обещал и недоделанные суда взять с собою и доделывать дорогою. Часть гвардии отправилась из Москвы 3 мая на судах вниз по Москве-реке. 13 мая выехал сам император сухим путем в Коломну, где соединились с ним генерал-адмирал граф Апраксин, Петр Андреевич Толстой, которого Петр брал с собою для переписки, и другие вельможи; в Коломну же приехала и императрица Екатерина Алексеевна, отправлявшаяся вместе с мужем в поход. Из Коломны Петр со всеми своими спутниками отправился Окою в Нижний, куда приехал 26 мая и пробыл до 30 — дня своего рождения. День этот Петр праздновал таким образом: рано приехал он с своей галеры на берег и пошел к Апраксину в его квартиру; побыл здесь несколько времени, поехал верхом в соборную церковь к литургии; после обедни вместе с императрицею пошел пешком к архиерею при колоколь-

ном звоне, продолжавшемся полчаса; после звона началась стрельба в городе из тринадцати пушек; после городской стрельбы стреляли у Строганова на дворе из нескольких пушек, затем началась пушечная стрельба с судов. Стрельба окончилась ружейным залпом, причем полки расставлены на луговой стороне по берегу. От архиерея император и императрица поехали в дом Строганова, где обедали вместе с прочими господами; после обеда в 6-м часу отправились к купцу Пушникову, а оттуда Петр переехал на свою галеру, и в 9-м часу отправился далее Волгою к Астрахани.

18 июля Петр с Екатериною отплыл из Астрахани и на другой день вышел в море с пехотою, конница шла сухим путем. 27 июля, в день Гангудской победы, войска высадились на берег в Аграханском заливе; Петр ступил на землю первый: его перенесли на доске четыре гребца, потому что за мелководием шлюпка не могла пристать к берегу. На месте высадки немедленно устроили ретраншемент⁴. В тот же день было получено неприятное известие, что бригадир Ветерани, отправленный для занятия Андреевой деревни, был в ущелье осыпан стрелами и пулями неприятельскими; растерявшись, Ветерани, вместо того чтоб как можно скорее выбираться из ущелья, остановился и вздумал отстреливаться, тогда как неприятель, скрытый в лесу на горах, был невидим; вследствие этого потеряно было 80 человек; тогда полковник Наумов, видя ошибку бригадира, согласился с остальными офицерами, бросился на Андрееву деревню, овладел ею и превратил в пепел.

5 августа войско выступило в поход к Таркам, и на другой день Петру был представлен владелец тарковский Алдигирей. Император принял его, стоя перед гвардиею. Алдигирей объявил, что до сих пор служил русскому государю верно, а теперь будет особенно верно служить. Когда бывший господарь, князь Кантемир перевел эти слова, Петр отвечал: «За службу твою будешь ты содержан в моей милости». В тот же день были представлены государю султан Махмуд Аксайский с двумя другими владельцами; увидавши императора, они пали на колени и объявили, что желают быть под покровительством его величества; Петр обнадежил их своею милостию и покровительством. 12 августа войско приблизилось к Таркам с распущенными знаменами, барабанным боем и музыкою и стало лагерем под городом. За пять верст до города встретил государя Алдигирей, когда Петр ехал перед гвардиею в строевом платье. Шевкал сошел с лошади, низко поклонился императору и поздравил с приездом. Государь снова обнадежил его своею милостию и уверял, что подданным его не будет никакой обиды от русского

⁴ Вид оборонного укрепления.— *Примеч сост.*

войска. Потом шевкал подошел к карете императрицы, поклонился низко и поцеловал землю. На другой день Петр ездил для гулянья в тарковские горы в сопровождении трех драгунских рот, осматривая старинную башню, откуда, по просьбе Алдигирея, отправился к нему в дом; сначала гости были в двух больших комнатах с каменными фонтанами, потом хозяин повел их в комнату, где живут жены, убранную коврами и зеркалами; вошли две жены шевкала в сопровождении других знатных женщин, поклонились в землю и целовали правую ногу императора, а после, по их просьбе, допущены и к руке. Принесли скатерть, поставили разные кушанья и фрукты; шевкал налил в чашку горячего вина и поднес государю. Петр сейчас же обратил внимание на множество ценной посуды⁵ в доме шевкала и спросил, откуда ее берут; Алдигирей отвечал, что ее делают в персидском городе Мешете. На прощанье хозяин подарил гостю серого аргамака в золотой сбруе. 14 августа обе жены шевкала были у императрицы, целовали ногу и руку и поднесли шесть лотков винограду. 15 августа, в Успенев день, государь и государыня слушали всенощную и обедню в церкви Преображенского полка; по окончании обедни Петр сам измерил около того места, где стояла церковь, и положил камень; то же сделали императрица и все присутствовавшие, и таким образом быстро набросан был курган в память русской обедни перед Тарками.

16 августа войско выступило в поход к Дербенту. Султан Махмуд Утемишский вздумал сопротивляться, но был поражен и столица его, местечко Утемишь, состоявшее из 500 домов, обращена в пепел; 26 человек пленных казнены смертью. Дербент не сопротивлялся: 23 августа император был встречен наибом дербентским за версту от города; наибом пал на колени и поднес Петру два серебряных ключа от городских ворот. Императрица так описывала Меншикову поход: «Мы от Астрахани шли морем до Терка и от Терка до Аграхани, а там, выбрався на землю, дожидались долго кавалерии, и потом дошли до владенья салтана Мамута Утемышевского. Оный ни чем к нам не отозвался; того ради августа 19 числа поутру послали к нему с письмом трех человек донских казаков, и того же дня, третьего часа пополудни, сей господин нечаянно наших атаковал, которому гостю зело были рады, и, приняв, проводили его наши до его жилища, отдавая контравизит, и, побыв там, сделали из всего его владения фейерверк для утехи им. Марш сей хотя не далек, только зело труден от бескормицы лошадям и великих жаров».

Сенаторы писали Петру из Москвы, что «по случаю побед в Персии и за здравие Петра Великого всерадостно пили». Но Петр, желавший взглянуть на заветный Восток, от которого ждал обогащения для своей России, желавший, как всегда, ознакомить-

⁵ Посуда из фаянса, фарфора высокого качества — *Примеч сост*

ся с делом на месте, не имел намерения долее участвовать в походе: это не была Северная война, которая по своей важности могла извинять долгое отсутствие государя из отечества. Занятие без выстрела Тарок и Дербента подавало надежду, что и Баку последует их примеру, и лейтенант Лукин отправился на шнаве склонять жителей ее к подданству; но затруднительность в продовольствии войска заставила приостановить поход. Надобно было выгрузить муку из 12 ластовых судов; но перед выгрузкою, ночью, встал жестокий северный ветер, от которого суда начали течь; до полудня выливали воду, наконец, потеряли силы, и оставалось одно средство — пуститься к берегу и посадить суда на мель. Суда выгрузили, но мука подмокла и испортилось ее много. Ждали еще из Астрахани 30 судов, нагруженных провиантом; но командовавший ими капитан Вильбоа дал знать, что он пришел в Астраханский залив, а далее идти боится, потому что суда в плохом состоянии и по открытому морю на них плыть трудно. Петр созвал военный совет, на котором было решено, что так как провианта станет только на один месяц, то надобно, оставя в Дербенте гарнизон, возвратиться в Аграхань.

Войска двинулись в обратный поход, в Дербенте оставлен был гарнизон под начальством полковника Юнкера; потом на месте, где река Аграхань отделяется от реки Сулака, Петр заложил новую крепость Святого Креста; крепость эта должна была прикрывать русские границы вместо прежней Терской крепости, положение которой государь нашел очень неудобным. В то время, когда полагалось основание новой крепости, атаман Краснощекый с донцами и калмыками ударил в конце сентября на утемишского султана Махмуда, который не переставал враждовать к России: Краснощекый разорил все, что осталось от прежнего погрома или возникло вновь, много порубил неприятелей, взял в плен 350 человек и захватил 11 000 штук рогатого скота кроме другой добычи. У аграханского ретраншемента Петр сел на суда и отплыл в Астрахань, куда прибыл 4 октября благополучно; но генерал-адмирал, плывший сзади, вытерпел четырехдневный страшный шторм. 6 ноября Петр проводил отряд войска, отплывший из Астрахани в Гилян под начальством полковника Шипова, а 7 числа отправился в Москву, куда 13 декабря имел торжественный въезд.

Вместе с движением войск шли переговоры с персидским правительством. Еще 25 июня в Астрахани Петр велел отправить следующие пункты русскому консулу в Персии Семену Аврамову: «Предлагай шаху старому, или новому, или кого сыщешь по силе кредитива, что мы идем к Шемахе не для войны с Персиею, но для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали, и ежели им (т. е. персидскому правительству), при сем крайнем их разорении, надобна помощь, то мы готовы им помогать

и очистить от всех их неприятелей, и паки утвердить постоянное владение персидское, ежели они нам уступят за то некоторые по Каспийскому морю лежащие провинции, понеже ведаем, что ежели в сей слабости останутся и сего предложения не примут, то турки не оставят всею Персиею завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но себе оною владеть; однако же, не имея с ними (персиянами) обязательства, за них вступить не можем, но токмо по морю лежащие земли отберем, ибо турок тут допустить не можем. Еще же сие им предложи: ежели сие вышеписанное не примут, какая им польза может быть, когда турки вступят в Персию? Тогда нам крайняя нужда будет берегами по Каспийскому морю владеть, понеже турков тут допустить нам невозможно, и так они, пожалев части, потеряют все государство».

Аврамов получил эти пункты, находясь в Казбине, и обратился к наследнику шаху Тохмасу с предложением помощи, для чего должен быть отправлен к императору посол. О вознаграждении за помощь Аврамов не сказал ничего, чтобы не встретить препятствия делу в «замерзлой спеси и гордости» персиян. Увидав при этом, что Тохмас человек молодой и непривычный к делам, Аврамов вошел в переговоры с вельможами, предложил, чтобы отправлен был посол с полномочием договариваться о вознаграждении, если император потребует его за помощь. Персияне согласились. Давая знать о результате своих переговоров, Аврамов доносил, что персидское государство вконец разоряется и пропадает: Алимердан-хан, на которого полагались все надежды, изменил и ушел к турецкой границе; афганцы беспрепятственно разорвали места, оставшиеся за шахом; курды опустошали окрестности Тавриза; наследник престола Тохмас не мог набрать больше 400 человек войска. Измаил-бек, назначенный послом в Россию, со слезами говорил Аврамову: «Вера наша и закон вконец пропадают, а у наших господ лжи и спеси не умалается».

Между тем полковник Шипов благодаря сильному северному ветру неожиданно скоро проплыл пространство между устьями Волги и устьями Куры, в конце ноября 1722 года вошел в эту реку и потом в качестве шахова союзника занял большой город Ряш, куда губернатор нехотя впустил русское войско, не имея средств к сопротивлению. «Опасаясь я жителей Ряща,— писал Шипов,— слышно, что против нас и войско собирают; лесу дают рубить на дрова с великою нуждою и причитают себе в обиду: «У нас-де с лесу шаху подать дают, и мы-де вас не звали». Я обхожусь с ними ласково и уговариваю как можно; но они нам не рады и желают нас выжить. Все богатые люди здесь в великой конфузии, не знают, куда склониться, и ежели б наших людей было больше, то, надеясь на нашу защиту, они бы к нам склонились;

фузии, не знают, куда склониться, и ежели б наших людей было больше, то, надеясь на нашу защиту, они бы к нам склонились; а ныне, видя нас малолюдных, очень боятся своих, чтобы за то их не разорили». Ежедневно увеличивалось в городе число вооруженных персиян, и Шипов, узнав от грузинских и армянских купцов, что войска набралось уже 15000, да пришли еще два соседних губернатора, велел укрепить караван-сарай, где жил с своим отрядом. Губернатор прислал спросить его, зачем он это делает. Шипов отвечал: «Европейские воинские правила требуют такой предосторожности, хотя и нет никакой явной опасности». В конце февраля 1723 года три губернатора, по шахову указу, прислали объявить Шипову, что они в состоянии сами защищать себя от неприятелей, в его помощи не нуждаются, а потому пусть он уходит. Шипов отвечал, что он прислан императором, без указа которого назад не двинется; да если б и хотел уйти, так не на чем: из судов, на которых он приплыл, два ушли в Россию с шаховым посланником Измаил-беком, и потому ему нужно сначала перевезти в Дербент все тягости, и, когда суда возвратятся, ехать на них с войском. Персияне успокоились, думая, что Шипов сначала отошлет артиллерию, которой боялись больше всего. Суда, привезшие Шипова, действительно начали приготовляться к отплытию, потому что начальствовавший ими капитан-лейтенант Соймонов окончил возложенное на него поручение, описав места при устье Куры. 17 марта Соймонов, оставивши три судна в устьях Куры, с остальными вышел в море, но не взял с собою ни одной пушки. Узнавши об этом, персияне начали опять приступать к Шипову, чтоб вышел из Ряща, но полковник не двигался; персияне начали обстреливать караван-сарай, убили одного офицера; Шипов молчал и дожидался ночи: когда стемнело, он велел одной гренадерской роте выйти из караван-сарая в поле и, обошед кругом, напасть на неприятеля с тыла, а двум остальным ротам велел выступить из передних ворот и напасть на персиян в лицо. Неприятель, увидевши, что на него нападают с двух сторон, совершенно потерял дух и бросился бежать; русские преследовали бегущих по всем улицам города и порубили больше тысячи человек. Так же удачно сто человек русских отразили 5000 персиян, напавших на три судна, оставленные Соймоновым.

Когда, таким образом, Шипов удержался в Ряще, в июле 1723 года генерал-майор Матюшкин приплыл с четырьмя полками из Астрахани в Баку и послал сказать начальствовавшему в городе султану, что явился взять город в защиту от бунтовщиков, и прислал письмо от персидского посланника Измаилбека, который писал о том же. Из Баку отвечали, что жители города, верные подданные шаха, четыре года умели отбиваться от бунтовщика Дауда и не нуждаются ни в какой помощи

и защите. Матюшкин высадил войско, прогнал персиян, хотевших помешать высадке, и начал приготовляться к приступу, но бакинцы поспешили сдать город. Оставивши в Баку комендантом бригадира князя Барятинского, Матюшкин отплыл назад в Астрахань. Петр очень обрадовался взятию Баку и написал Матюшкину: «Письмо ваше я получил с великим удовольствием, что вы Баку получили (ибо не без сомнения от турков было), за которые ваши труды вам и всем при вас в оном деле трудившимся благодарствуем и повышаем вас чином генерал-лейтенанта. Немалое и у нас бомбардирование того вечера было, когда сия ведомость получена».

17 сентября Петр писал новому генерал-лейтенанту: «Поздравляю со всеми провинциями, по берегу Каспийского моря лежащими, понеже посол персидский оные уступил». Договор был подписан в Петербурге 12 сентября 1723 года и состоял в следующих главных статьях: «1) Его императорское величество всероссийское обещает его шахову величеству Тохмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высокомонаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и содержания его шахова величества на персидском престоле изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск в персидское государство послать, и против тех бунтовщиков действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахово величество при спокойном владении персидского государства оставить. 2) А насупротив того его шахово величество уступает его императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербент, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции: Гилянъ, Мазандеран и Астрабад, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег».

Петр уже хозяйничал в уступленных областях, в мае 1724 года написал пункты Матюшкину: «1) крепость Св. Креста доделать по указу; 2) в Дербенте цитадель сделать к морю и гавань сделать; 3) Гилянъ уже овладели, надлежит Мазандераном также овладеть и укрепить; а в Астрабатской пристани ежели нужно сделать крепость, для того работных людей, которые определены на Куру, употребить в вышеписанные дела; 4) Баку укрепить; 5) о Куре разведать, до которых мест можно судами мелкими идти, чтоб подлинно верно было; 6) сахар освидетельствовать и прислать несколько, также и фруктов сухих; 7) о меди также подлинное свидетельство учинить, для того взять человека, который пробы умеет делать; 8) белой нефти выслать тысячу пудов или сколько возможно; 9) цитроны, сваря в сахаре, прислать; одним словом, как владение, так сборы всякие денежные и всякую

экономии в полное состояние привести. Стараться всячески, чтобы армян призывать и других христиан, если есть, в Гилян и Мазандеран и оживать (поселять), а басурман zelo тихим образом, чтоб не узнали, сколько возможно убавлять, а именно турецкого закона (суннитов). Также, когда осмотрится, дал бы знать, сколько возможно там русской нации на первый раз поселять. О Куре подлинного известия не имеем: иные говорят, что пороги, а ныне приезжал грузинец, сказывает, что от самой Ганжи до моря порогов нет, но выше Ганжи пороги; об этом как о главном деле надлежит осведомиться и, кажется, лучше нельзя, как посылкою для какого-нибудь дела в Тифлис к паше. Сие писано, не зная тех сторон; для того дается на ваше рассуждение: что лучше — то делайте, только чтоб сии уступленные провинции, особенно Гилян и Мазандеран, в полное владение и безопасность приведены были».

Но «уступленные провинции» были уступлены только на бумаге в Петербурге. Для ратификации договора, заключенного Измаил-беком, отправились в Персию Преображенского полка унтер-лейтенант князь Борис Мещерский и секретарь Аврамов. В апреле 1724 года въехали они в персидские владения, и встреча была дурная, на них напала вооруженная толпа; к счастью, выстрелы ее никому не повредили. Когда Мещерский жаловался на такую встречу, ему отвечали: «Ребята играли; не изволь гневаться, мы их сыщем и жестоко накажем». Шах принял Мещерского с обычною церемониею, но этим все дело и кончилось: посланник не мог добиться никакого ответа и принужден был уехать ни с чем; на возвратном пути в горах подвергся неприятельскому нападению; было узнано, что персидское правительство хотело именно погубить Мещерского и действовало по внушениям шевкала тарковского, который доносил о слабости русских в занятых ими провинциях. По возвращении Мещерского императорские министры подали мнение, чтоб Матюшкин написал шаху или его первому министру с представлениями, что между Россиею и Турциею заключен договор насчет персидских дел; что Персия может спастись единственно принятием этого договора и погибнет, если вооружит против себя соединенные силы таких могущественных государств. Министры считали необходимым увеличить число регулярного войска в новозанятых областях, чтоб, с одной стороны, распространить русские владения и военными действиями устроить персиян, а с другой — удерживать турок. 11 октября в Шлиссельбурге подано было Петру мнение министров, и он дал такую резолюцию: «Ныне посылать к шаху непотребно, потому что теперь от него никакого полезного ответа быть не может; пожалуй, объявят и то, что они договор подтвердят и потребуют помощи не только против афганцев, но и против турок: тогда

хуже будет. Надобно стараться, чтоб грузины, которые при шахе, как-нибудь его увезли или, по крайней мере, сами от него уехали, для того писать к Вахтангу и устраивать это дело чрез его посредство. Писать к генерал-майору Кропотову, чтобы он искусным и пристойным способом старался поймать шевкала за его противные поступки». Относительно умножения русских войск император объявил, что разве прибавит нерегулярных полков, о пропитании которых пусть подумают министры.

Лучшим средством для закрепления занятых провинций за Россию Петр считал усиление в них христианского народонаселения и уменьшение магометанского. Мы видели, что император прямо указывал на армян. В XVII веке между этим народом и Россией происходили сношения по делам чисто торговым; с начала XVIII века пошли сношения другого рода. В конце июня 1701 года в Смоленск из-за литовского рубежа явились три иностранца: один назывался Израиль Ория, другой Орухович, третий был римский ксендз. Представленный боярину Головину, Ория объявил себя армянином знатного происхождения, рассказал, что он уже 20 лет живет в Западной Европе и теперь, снесшись с армянскими старшинами, находящимися в Персии, составил план освободить своих соотечественников от тяжкого ига персидского; император и курфюрст баварский охотно соглашались помогать этому делу, но признают необходимым содействие царя русского.

«Наши начальные люди,—говорил Ория,—будут употреблять все свои силы, чтоб поддаться великому царю московскому; больше пятнадцати или двадцати тысяч человек войска нам не надобно, потому что у неверных нет войск в Великой Армении, есть пять губернаторов; каждый живет в неукрепленном городе с отрядом в полтораста человек, и как скоро наши начальные люди услышат о приближении русских войск, то в 24 часа выгонят неверных и в 15 дней овладеют всею землею. Грузины желают того же самого для себя. Содержание царским войскам будут доставлять наши начальные люди; у меня белый лист за десятью печатями; о чем ни договорюсь с царским величеством, все будет исполнено» Видя, что царь занят шведскою войною и не может отделить значительную часть войск своих для освобождения армян, Ория подал предложение, чтоб послано было 25 000 войска, составленного из казаков и черкесов: так как те и другие живут на границе, то поход будет бесподозрителен и без слуха; на знаменах войсковых должно быть изображено: с одной стороны — распятие, а с другой — царский герб; войско должно идти на Шемаху, потому что это город большой, торговый, но не укреплен, населен армянами и занять его будет легко, а Шемаха — ключ к армянской земле. Армянские начальные люди с войском

своим соберутся в городе Нахичевани и, взявши царские знамена, пойдут на неприятелей. Город Эривань взять легко, потому что там живет много армян; пороховая казна и другие военные припасы в руках армянских. А когда войско овладеет Тавризом, городом богатейшим, то может пустить загоны на все четыре стороны и великую добычу получить, потому что села богатые. Известно, как Стенька Разин с 3000 казаков овладел Гилянью и держал ее много лет, шах ничего не мог ему сделать; и теперь казаки пойдут в этот поход охотно, потому что добыча им будет громадная. В армянской стране 17 провинций, с которых соберется 116 000 человек войска, да грузинского войска соберется с 30 000; турецкие армяне придут на помощь персидским, и разум не может обнять, сколько богатства у всех армян тамошних; а шах персидский не может собрать больше 38 000 человек, а как лишится армян и грузин, то не останется у него и 20 000, и те заняты войною с бухарцами. Теперь самое удобное время воевать персов, потому что они не готовы и все христиане на них восстали по причине великого гонения.

Ория написал письмо самому государю: «Без сомнения, вашему царскому величеству известно, что в армянской земле в старину были король и князья христианские, а потом от несогласия своего пришли под иго неверных. Больше 250 лет стонем мы под этим игом; и как сыны Адамовы ожидали пришествия Мессии, который бы избавил их от вечной смерти, так убогий наш народ жил и живет надеждою на помощь от вашего царского величества. Есть пророчество, что в последние времена неверные расвирепеют и будут принуждать христиан к принятию своего прескверного закона; тогда придет из августейшего московского дома великий государь, превосходящий храбростию Александра Македонского; он возьмет царство армянское и христиан избавит. Мы видим, что исполнение этого пророчества приближается».

Так как Ория называл себя посланцем курфюрста баварского, принимавшего такое живое участие в судьбе армян, то ему отвечали, что царское величество, будучи занят шведскою войною, не может отправить значительного войска в Персию, но пусть курфюрст пришлет на помощь свое войско с добрыми инженерами, офицерами и со всякими воинскими припасами; а в Персию государь пошлет под видом купца верного человека для подлинного уверения и рассмотрения тамошних мест. Ория отвечал, что русский человек ничего там не проведает; лучше послать гонца, с которым поедет он сам и повезет царскую обнадеживательную грамоту к армянским старшинам, что они будут приняты под русскую державу со всякими вольностями, особенно с сохранением веры; такую же обнадеживательную грамоту надобно послать и к грузинам, и пусть ее напишет

находящийся в России имеретинский Арчил Вахтангович. Обнадеживательную грамоту армянам послать прилично, потому что подобные же грамоты уже отправлены им от цесаря и курфюрста баварского.

На этом остановилось дело в 1701 году; весною 1702 года Орию было объявлено, что царское величество принимает его предложение благоприятно, начать и совершить предприятие не отрицается, только не теперь, потому что теперь идет война шведская и начинать другую войну трудно; а когда шведская война кончится, то освобождение армян будет предпринято непременно. Это объявляется Орию и товарищу его словесно, а они могут обнадежить старшин своего народа письменно. Осенью 1703 года Орию поднес Петру карту Армении. «Из этого чертежа,— писал он,— можно видеть, что во всем государстве нет другой крепости, кроме Эривани. Бог да поможет войскам вашим завоевать ее, и тогда всю Армению и Грузию покорите; в Анатолии много греков и армян: тогда увидят турки, что это прямой путь в Константинополь. Я здесь ничего не делаю и потому прошу отпустить меня к цесарю и курфюрсту осведомиться, какую помощь они могут подать; прошу также дать мне чин полковника карабинерного, чтоб там удобнее мог я набрать всяких оружейных художников». Просьба была исполнена. В 1707 году полковник Орию, возвратившись из западной поездки, отправлен был в Персию под видом папского посланника, но умер на возвратном пути в Астрахани.

В России остался товарищ Орию, архимандрит Минас Вартапет. В ноябре 1714 года он подал предложение: «Израиль Орию в бытность свою в Персии склонил армянского патриарха и несколько армянских духовных ехать с собою в Москву; но когда он умер в Астрахани, то патриарх и все другие духовные возвратились назад. Я нашел следующий удобный способ привести армян под покровительство России: на Каспийском море есть удобная пристань, называемая Низовая, между двух рек; значительных поселений тут нет, только много деревень; для того, чтоб царским войскам можно было безопасно тут пристать, пусть государь пошлет грамоту к шаху, чтоб позволено было построить здесь армянский монастырь, а строятся обыкновенно эти монастыри обширно и могут заменять крепости; и на построение этого монастыря изволил бы царское величество помочь деньгами. Для отвлечения подозрения от меня государь благоволит приказать построить армянскую церковь в Петербурге: тогда будет ясно, что я занимаюсь только построением церквей».

В начале 1716 года Вартапет отправился в Персию и повез письмо от Шафирову к Волынскому такого содержания: «В данной вам инструкции помянуто, что, будучи в Персии, наведаться

о народе армянском, как он там многолюден и силен и склонен ли к стороне царского величества; теперь для того же едет из Москвы в Персию известный вам Минас Вартапет, будто для отыскания пожитков, оставшихся после умершего Израиля Ории: оказывайте ему нужную помощь, только не возбудите подозрения». Вартапет возвратился в архиепископском чине и привез грамоту от армянского патриарха Исаии, живущего в монастыре Канзасаре. В грамоте говорилось: «Когда ваше величество свое воинские дела начать изволите, тогда прикажите нас наперед уведомить, чтоб я с моими верными людьми по возможности и по требованию вашему мог служить и приготовиться». Что же касается главного патриарха, живущего в Эчмиадзине, тот на словах обещал служить верно, но письмо дал в неопределенных выражениях, что Вартапет у него был и говорил с ним о делах, которые приняты любительно и приятно. Эчмиадзинский патриарх объявил, что он не может обязаться верности царю, опасаясь персиян и некоторых армян. В 1718 году Вартапет подал пункты, в которых просил от имени всех армян освободить их от басурманского ига и принять в русское подданство; объявлял, что теперь время приниматься за это дело, потому что варвары бедствуют извне и внутри; что этому делу много доброжелателей, но есть и противники, между прочими и епископ армянский, находящийся в Казани; из всего видно, что он и приехал в Россию для проведывания, и если возвратится в Персию, то все верные пропадут и патриарху может грозить смерть; поэтому епископа и слугу его надобно посадить в монастырь, держать честно, но не позволять ни с кем иметь сношения.

Неизвестно, как было поступлено с епископом, но известно, что в начале 1722 года посажены были по монастырям священник армянский Араратский и армянин Адам Павлов, которому священник открыл тайну сношения русского двора с армянами, а священнику открыл эту тайну Вартапет. Считая виновником своей беды Вартапета, Араратский подал императору просьбу, в которой указывал, что Вартапет — католик, ограбил армянскую церковь в Москве и подговаривал его, Араратского, чтоб он всех армян обращал в католицизм; когда русские девушки выходили за армян замуж, то Вартапет венчал их по католическому обряду. Этот донос, как видно, не повредил Вартапету, и в конце года тифлисский армянский епископ писал ему, что сто тысяч вооруженных армян готовы пасть к стопам императорским и чтоб русские войска спешили в Шемаху; если же до марта 1723 года не будут, то армяне пропадут от лезгин. По прошествии означенного срока уже патриарх армянский Нерсес обратился прямо к императору с просьбою о заступничестве, «как пророк Моисей освободил Израиля от рук фараоновых». Вследствие этой просьбы отправлена была

«императорская милость и поздравление честному народу армянскому, обретающемуся в Персии». В грамоте объявлялось, что армяне могут беспрепятственно приезжать в Россию для торговли; повез ее армянин Иван Карапет, которому велено было обнадежить армянский народ императорскою милостию, уверить в готовности государя принять их под свое покровительство и освободить из-под ига неверных; но прежде всего русским нужно утвердиться на Каспийском море, овладеть прибрежными местами, и потому пусть армяне подождут короткое время; если же главным армянам нельзя оставаться в их стране, то пусть переезжают в города, занятые русскими войсками, а народ останется в своих жилищах и поживет спокойно, пока русские войска приготовятся к его освобождению.

В начале 1724 года Карапет приехал в монастырь Канзасарк к патриарху Исаии, около которого собралось 12 000 армянского войска. Восемь дней праздновали армяне, узнавши, что русский государь принимает их под свое покровительство, и объявили, что если императорское величество не изволит прислать к ним войско на помощь, то они просят, чтоб позволено было им поселиться у Каспийского моря, в Гиляни, Сальяне, при Баку и Дербенте, потому что они под игом басурманским более быть не хотят, хотя и персы и турки зовут их к себе. В одной Карабахской провинции армян будет со 100 000 дворов, а в другой провинции, Капан, еще более армян, и все они одинаково хотят быть под покровительством России. В октябре того же 1724 года два патриарха, Исаия и Нерсес, прислали Петру новую грамоту: «О всех наших нуждах через четыре или пять писем мы вашему величеству доносили, но ни на одно ответа не получили; находимся в безнадежности, как будто мы вашим величеством забыты, потому что три или четыре уже года живем в распущенности, как овцы без пастыря. До сих пор, имея неприятелей с четырех сторон, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкого войска и много персидских городов побрало; просим с великими слезами помочь нам как можно скорее, иначе турки в три месяца все возьмут и христиан погубят».

Петр не получил уже этой грамоты, но он и без армянской просьбы всего более опасался турок; мы видели, что он приказывал населять новозанятые области армянами и удалять магометан турецкого закона. Интересы России и Турции необходимо сталкивались по отношению к Персии; Петр спешил занять прикаспийские области Персии также и потому, чтоб не дать утвердиться здесь туркам; если христианское народонаселение Персии, армяне, грузины прибегали под покровительство русского императора, то магометанское народонаселение Закавказья, особенно лезгинцы, овладевши Шемахою, из боязни пред русскими должны были отдаться под покровительство султана. В 1722 го-

ду, в то время, когда Петр готовился в Москве к походу персидскому, русский резидент в Константинополе Неплюев давал ему знать, что лезгинцы, провозглашая себя настоящими мусульманами одного с турками закона, прислали просить покровительства султана; признавая его своим верховным государем, они объявили, что в знак подданства уже чеканят монету с именем султана Ахмета и каждую пятницу молятся за него в мечетях, и требовали, чтоб Порта немедленно отправила к ним пашу для управления. Порта содержала это дело в большой тайне, потому что в то же время находился в Константинополе и персидский посол; с другой стороны, она заботливо озиралась на Россию и, зная, что при взятии Шемахи лезгинцы враждебно поступили с русскими, доведывалась у них, как было дело. Лезгинцы, разумеется, оправдывали себя, рассказывали, что русским купцам было велено собираться в одном месте со всеми своими пожитками, и если бы они так сделали, то не потерпели бы ни малейшего вреда; но они, увлекшись корыстолюбием, стали брать почти у всех шемахинцев дорогие вещи на сохранение, что было им именно запрещено; тогда войско, видя себя лишенным добычи и узнав, что все лучшее спрятано у русских, бросилось на них, побило и ограбило. Порта дала такой ответ лезгинским посланным, что султан не подаст против них помощи шаху, но принять их в покровительство хотя и желает, но не может, ибо это будет подозрительно и Персии, и России, которая раздражена погромом купцов своих в Шемахе.

21 апреля Неплюев был у визиря и объявил ему, что персидские бунтовщики побили в Шемахе русских купцов и разграбили их товары, за что император требует от шаха удовлетворения, а бунтовщики, как говорят, боясь мести со стороны России, обратились к Порте с просьбою о покровительстве. Визирь отвечал, что действительно были у них какие-то люди с устною просьбою о покровительстве, обещаясь быть в зависимости от Порты, подобно крымскому хану, но что Порта потребовала от них письменного заявления их желаний. «Мы знаем,— продолжал визирь,— что эти бунтовщики немалую сделали обиду русским купцам, потому если и письменно будут просить у нас покровительства. то мы их защищать не будем, пока ваш государь не получит полного удовлетворения». Французский посол говорил Неплюеву, что если русские ограничатся только прикаспийскими провинциями, а не будут со стороны Армении и Грузии приближаться к турецким границам, то Порта останется равнодушною, а быть может, что-нибудь и себе возьмет со стороны Вавилона. Неплюев отвечал, что его император не желает разрушения персидского государства и других к тому не допустит. Француз заметил на это: «Так всегда говорят вначале; а я говорю, как добрый друг, что ни вы туркам, ни

турки вам воспрепятствовать не могут; но лучше к турецким границам не приближаться, а преследовать свою цель и поскорей овладеть прикаспийскими областями. Донесите вашему государю, чтоб он письменно не заявлял Порте, что не хочет никаких завоеваний в Персии, да и сами вы здесь на словах отходитесь, потому что нынче обяжетесь на письме, а завтра явятся такие обстоятельства, которые заставят совершенно иначе действовать».

Скоро Неплюев должен был сообщить своему двору тревожное известие: шах, стесненный Магометом Мирвенсом, прислал в Константинополь с просьбою о помощи; но в диване решили, что нельзя подавать помощи шииту против суннита Магомета, а надобно объявить последнему, что Порта не будет препятствовать ему овладеть Персиею, если он признает зависимость свою от султана. С другой стороны, английский посол внушал визирю, что Россия хочет объявить войну Дании и сближается с венским двором, что русский император хочет женить своего внука, великого князя Петра, на племяннице цесаря; но если эти две сильные империи соединятся, то будет дурно в Англии и Порте; кроме того, послы английский, венецианский и резидент австрийский разглашали, что русский государь вступил в Персию со 100 000 войска, а когда возьмет провинции Ширванскую, Эриванскую и часть Грузии, тогда турецкие подданные, грузины и армяне, сами вступят под русское покровительство, а оттуда близко и к Трапезунту, отчего со временем может быть Турецкой империи крайнее разорение. Французский посол дал знать, что жители той области, где главный город Тифлис, просили помощи у турок, и эрзерумскому паше велено защищать их, занять под этим предлогом Тифлис, а с другой стороны — Эривань. Неплюев писал: «По моему мнению, весьма нужно для персидских дел посла французского наградить; а мне очень трудно от внушений других министров: внушают Порте, что русский государь умен и турок обманывает миром, теперь возьмет персидские провинции, и если султан не воспрепятствует ему в этом оружьем, то он с той стороны нападет на Турцию».

Когда внимание всех было поглощено персидскими делами, приехал польский интернунций⁶ со своим страхом пред разделом. «Король и республика прислали меня сюда,—говорил он визирю, узнав, что между Россией и Портой заключен тайный союз,—обе державы согласились овладеть Польшею и разделить ее пополам, и я прислан к Порте уведомиться об этом». Визирь отвечал: «У нас намерения такого и договора с государем русским не бывало; напротив, в договоре нашем с Россией утверж-

⁶ Дипломатический представитель римского папы 2-го ранга.— *Примеч. сост.*

дено охранять вольность республики и никому не вступать с войском в ее пределы, кроме тех случаев, если вы сами введете чужие войска в свою землю или пожелаете корону сделать наследственной».

В августе месяце секретарь рейс-эфенди⁷ сообщил по секрету переводчику русского посольства Мальцеву, что если император не будет распространять своих завоеваний в Персии далее Шемахи, которою имеет право овладеть за причиненные здесь лезгинцами обиды русским купцам, то Порта этому не воспрепятствует, хотя ей и будет неприятно; но если русский государь по взятии Шемахи вознамерится взять под свою державу имеретинцев и грузин, то этого Порта никак позволить не может, ибо она хочет присоединить грузин, находящихся под персидским владычеством, к тем, которые уже находятся под ее властью, потому что если персидские грузины отойдут к России, то в случае разрыва ее с Портою и турецкие грузины отойдут к ней же. Порта будет дожидаться, что произойдет нынешним летом, ибо ей со всех сторон внушают, что русские войска будут иметь большие успехи в Персии и это со временем будет опасно для Турции.

Через несколько времени «другой друг» сообщил в посольство, что Порте известно о пребывании русского войска в Дагестане и о построении новой крепости, известно и о том, что некоторые народы склоняются к России, и именно грузины и черкесы, что подает явную причину к разрыву между Россиею и Турциею. Порта не препятствовала вступлению русского войска в персидские владения, думая, что государь русский хочет только принудить лезгинцев к уплате вознаграждения за убытки, а не намерен овладеть областями. Визирь пригласил к себе Неплюева, при нем вынул из мешка донесения крымского хана, азовского паши и лезгинцев и начал говорить: «Ваш государь, преследуя своих неприятелей, вступает в области, зависящие от Порты: это разве не нарушение вечного мира? Если бы мы начали войну со шведами и пошли их искать чрез ваши земли, то что бы вы сказали? И к лезгинцам по такому малому делу не следовало твоему государю собственно особою с великими войсками идти, мог бы удовлетворение получить и чрез наше средство. Мы видим, что государь ваш сорок лет своего управления проводит в постоянной войне; хотя бы на малое время успокоился и дал покой и друзьям своим; а если желает он нарушить с нами дружбу, то мог бы и явно объявить нам войну; мы, слава Богу, в состоянии отпор сделать». «Не могу верить,— отвечал Неплюев,— чтоб государь мой вступил в пределы Оттоманской империи; что же касается лезгинцев, то государь мой заблаговременно дал знать

⁷ Глава государственной канцелярии.— *Примеч. сост.*

султану о движении своих войск против них, потому что получить удовлетворение можно только оружием: шах доставить удовлетворение не в силах».

Визирь увернулся в сторону, объявил, что большие обиды турецким подданным от казаков, особенно от старшины их Ивана Хромого, и Порты имеет право требовать за это удовлетворение. Разговор, начавшийся жесткими словами, кончился очень дружелюбно. Неплюев уверял, что дружба между обеими высокими империями, как храмина на камне, построенная на ветры не поколеблется; а визирь объявил, что Порты желает заключить с Россией оборонительный и наступательный союз без всяких исключений. «Этим союзом,—говорил визирь,—будем страшны всему свету; цесарь римский с Польшею и Венециею в союзе, и об этом дали нам знать для показания силы своей стороны; и хотя мы, турки, с русскими разной веры, но это не препятствие, потому что вера относится к будущей жизни, а на этом свете союзы заключаются не по вере, а по государственному интересу».

Через несколько времени от Порты дано знать Неплюеву, что грузины, подданные персидские, имеющие столицей Тифлис, взбунтовались против персидского шаха и делают набеги на подданных Порты: поэтому решено в диване, чтоб эрзерумский паша с 50 000 войска вступил в персидскую Грузию и сдержал ее жителей; Порты делает это, охраняя себя и вместо шаха персидского, а не для того, чтоб овладеть Грузиею.

«Видя здешние замешательства,—писал Неплюев,—я обещал визирскому кегае рейс-эффенди по тысяче червонных, чтоб они постарались сохранить дружбу, пока Порты получит ответ вашего величества через своего посланного, к вам отправленного. Турецкие дела и слова непостоянны: может произойти бунт, или визирь переменится, или к татарам склонится, или татары самовольно нападут на русские пределы, и от подобного случая может произойти ссора; поэтому соизвольте на границах остерегаться и приготовляться к войне. Порты принимает в свое подданство Дауд-хана и хочет сначала овладеть персидскою Грузиею, а потом вытеснить русские войска из Дагестана. Рассуждают здесь как знатные люди, так и простой народ, чтоб им двинуться всею силою против России; беспрестанно посылаются амуниция и артиллерия в Азов и Эрзерум. Видя все это, я письма нужные черные сжег, а иные переписал в цифры, а сына своего поручил французскому послу, который отправил его в Голландию. Сам я готов варварские озлобления терпеть и последнюю каплю крови за имя вашего величества и за отечество пролить; но повели, государь, послать указ в Голландию князю Куракину, чтоб сына моего своею протекциею не оставил, повели определить сыну моему жалованье на содержание и учение и отдать его

в Академию для сциенции учиться иностранным языкам, философии, географии, математике и прочих исторических книг чтению; умилившись, государь, над десятилетним младенцем, который со временем может вашему величеству заслужить».

В начале ноября кегая великого визиря сообщил Неплюеву приказание Порты писать императору, чтоб вышел из персидских владений, потому что пребывание здесь русских войск внушает сильное подозрение всем окрестным государям и турецкий народ покоен быть не может. Особенно встревожило Порту известие, что русский император находится в дружеских сношениях с персидским шахом: сейчас же заключили, что между Россией и Персией готовится союз против бунтовщиков. В то же время татары подкинули самому султану бумагу, в которой упрекали его за неосмотрительность. «Министры тебя обманывают,—говорилось в бумаге,—ты и не узнаешь, как русский царь разорит половину твоего государства». Султан сильно смутился, хотел казнить визиря, против которого готовился и бунт в народе; но визирь сохранил жизнь и место тем, что велел войскам двинуться в Грузию. Также пошел слух в Константинополе, что лезгинцы нанесли страшное поражение русскому войску и сам Петр едва спасся морем в Астрахань: догадывались, что слух пущен нарочно для успокоения народа. Впрочем, основанием слуху служило действительное отплытие Петра в Астрахань. Неплюев узнал, что между Портою и Хивою происходят сношения о союзе оборонительном и наступательном против России. Рагоци, в интересах которого было сохранение мира и приязни между Россией и Турциею, составил проект примирения интересов обоих государств. Турки, говорилось в проекте, по единоверию хотят взять себе Дагестан, но по тому же единоверию Россия должна взять себе персидскую Грузию и для торговых выгод гавань на Каспийском море; когда Россия и Турция поделят таким образом кавказские области, то примут на себя посредничество между персидским шахом и Мирвеизом (так обыкновенно называли Мирвеизова сына, Магомета).

В конце года, когда получено было достоверное известие, что Петр из Дербента возвратился назад, великий визирь прислал объявить Неплюеву, что этим возвращением уничтожены все подозрения, и Порта желает сохранения и усиления постановленной с Россией дружбы; но в то же время Порта спешила воспользоваться удалением русского императора, чтоб как можно выгоднее устроить свои дела на Кавказе. К Дауд-хану отправлена была жалованная грамота, по которой он принимался в подданство Порты на правах крымского хана, давался ему титул ханский и власть над двумя областями—Дагестаном и Ширваном; при этом ему внушалось, чтоб он старался покорить и другие ближайшие персидские провинции, которые также поступят

в его владения; внушалось, чтоб он всеми средствами старался вытеснить русский гарнизон из Дербента и из других тамошних мест; послано к нему 30 000 червонных и обещано вспоможение войском. Неплюев за 100 червонных достал копию с грамоты к Дауду и с инструкции, данной посланному к нему.

Петр, еще не зная об этом, поручил Неплюеву предложить Порте согласиться насчет персидских дел. В феврале 1723 года великий визирь пригласил к себе русского резидента и объявил ему, что соглашаться не в чем: «Магомет, или, как обыкновенно его называют отцовским именем, Мирвеиз, овладел персидскою столицею Испаганью и большею частью провинций; с другой стороны, Ширвеном, Ардебилем и Армению овладел Дауд-хан лезгинский, который теперь вступил в подданство к Порте, да и Мирвеиз скоро должен последовать его примеру; русскому государю, следовательно, опасаться теперь нечего: все эти народы теперь подданные турецкие, русское купечество у них будет вполне безопасно». Неплюев заметил, что со стороны России война начата для получения удовлетворения за оскорбление, нанесенное русским подданным в Шемахе. Визирь отвечал, что удовлетворение уже получено, потому что император прошел с войском до Дербента и разорил все на пути; правда, Порта обещала не принимать в подданство Дагестан, но она обещала это тогда, когда просьбы от его жителей не получала, а теперь они просили принять их по единоверию, и отказать им было нельзя, и если русский государь нынешним годом вступит с войском в персидские владения, то Дауд, Мирвеиз и все тамошние народы против него соединятся, и Порта, по единоверию, как защитница магометанских народов, принуждена будет также вооружиться. Следствия войны неизвестны, и если бы даже вашему государю удалось завладеть некоторыми провинциями, то удерживать их не можете, потому что все тамошние народы — магометане и будут стараться русских от себя выгнать, а шевкала тарковского Дауд принудит, по единоверию, поддаться Порте. Визирь окончил свою речь словами: «Всякий бы желал для себя больших приобретений, но равновесие сего света не допускает; например, и мы бы послали войско против Италии и прочих малосильных государей, но другие государи не допустят, потому и мы за Персию смотрим».

На третий день после этого разговора к Неплюеву приехал переводчик Порты и объявил, что на общем совете постановлено сообщить русскому государю чрез его резидента, что если он считает себя вправе искать чего на лезгинцах или Мирвеизе, то должен с своими требованиями обращаться к Порте, потому что Персия теперь в подданстве у Порты, и русский государь должен вывести свои войска из персидских областей, в противном случае Порта принуждена будет вступить с ним за Персию в войну.

Переводчик Порты сообщил Неплюеву по секрету, что на днях английский посол подал Порте мемориал на турецком языке, где говорится, что, по сообщениям от персидского двора, русский государь собирает огромное войско и хочет вступить в поход против Дагестана и распространить свои владения до Черного моря. Порты, говорилось в мемориале, должна беречься России, бороться с которою легко, ибо русский государь не в дружбе ни с одним из европейских государей, все они ему злодеи. Неплюев повидался с французским послом де Бонаком, и тот ему сказал: «Донесите своему двору, что все дело в двух словах: сохранять мир с Турциею — не вступаться в персидские дела; продолжать войну в персидских областях — разорвать с Турциею».

Диван, собственно, не хотел войны с Россиею и только страдал, выставляя нравственную для себя необходимость воевать, нравственной необходимости не было; Персия не была в подданстве у Порты, Мирвеиз не думал признавать свою зависимость от султана; в Константинополе хлопотали не о защите нового, правоверного персидского шаха, но хотели прежде всего овладеть христианскою Грузиею, чтоб не перепустить ее в русские руки и не быть отрезанными от магометанских народов Кавказа. Турки угрозами надеялись заставить русского императора оставить кавказские страны, но Петра трудно было напугать, особенно когда приобретение каспийского побережья он считал необходимым дополнением к приобретению побережья балтийского. 4 апреля он сделал нужные приготовления к войне с турками, назначил князя Михайлу Михайловича Голицына главным начальником украинской армии; полки были отпущены с работ на квартиры, и велено им быть в готовности; послан указ не высылать малороссийских казаков для рытья Ладожского канала, воротить тех, которые уже вышли, и быть им готовыми на службу; а 9 апреля Петр велел написать Неплюеву: «Наши интересы отнюдь не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском море утвердилась; а что касается Дербента и других мест, в которых наши гарнизоны находятся, то они никогда во владении персидских бунтовщиков, ни лезгинцев, ни Мирвеиза не бывали, а по собственному их письменному и словесному прошению, как то бывшему при дворе нашем турецкому посланнику явно доказано, под покровительство наше добровольно отдались; и если Порты в противность вечному миру принимает под свое покровительство лезгинцев, наших явных врагов, то тем менее должно быть противно Порте, если мы принимаем под свое покровительство народы, не имеющие никакого отношения к Порте и находящиеся в дальнем от нее расстоянии, на самом Каспийском море, до которого нам никакую другую державу допустить нельзя. Если Порты без всякой со стороны нашей причины хочет нарушать вечный мир, то мы

предаем такой беззаконный поступок суду Божию, и к обороне своей с помощью Божиею потребные способы найдем». Но в это время, когда продолжение военных действий на берегах Каспийского моря условливало войну турецкую, Петр был обеспокоен одним явлением, касавшимся интересов дорогой ему русской торговли; император узнал, что в Италию привезено много икры из Константинополя, тогда как эта страна обыкновенно снабжалась икрой из России. Немедленно отправляется поручение к Неплюеву — разведать, откуда пошла эта икра, приготовлена ли она в Турции, или доставлена русскими купцами и в последнем случае — из каких мест.

Русские войска поплыли к Баку, а Турция не объявляла войну России, несмотря на внушения английского посланника, что его король вместе с датским королем хочет напасть на Россию. Туркам хотелось прежде утвердиться в Армении и Грузии. Петру это очень не нравилось. 14 и 18 июля и 8 августа происходили конференции между Неплюевым, рейс-эфенди и де Бонаком, который был приглашен в качестве посредника. Неплюев объявил, что его император, несмотря на убытки, причиненные лезгинцами русской торговле, не пошлет против них своих войск, если Порта запретит лезгинцам нападать на те города, в которых находятся русские гарнизоны, и не будет вводить своих войск в персидские провинции, Армению и Грузию до тех пор, пока между Россией и Турцией будет все улажено насчет персидских дел. Рейс-эфенди отвечал, что Порта имеет право не только на Грузию и Армению, но и на все прикаспийские области, а Россия на последние не имеет никакого права, особенно потому, что народы, здесь обитающие, — магометанской веры; недавно шевакал Тарковский и другие владельцы писали Порте, чтобы, по единоверию, освободила их из русских рук. Неплюев возражал, что это рассуждение политическим правам противно, вера не служит определением границ, ибо если бы определять границы по вере, то во всем свете мира не было бы: сколько христианских народов под властью Порты, а магометанских — под властью России. Неплюев объявил решительно, что император не допустит к каспийским берегам никакой другой державы, и особенно Турции.

Между тем английский посланник продолжал внушать Порте, что война с Россией не опасна, что внутри новой империи происходят замешательства. Посол завел сношения и с человеком, который в случае войны мог быть полезен гуркам: то был известный Орлик, называвшийся гетманом войска запорожского. Орлик, приведенный Карлом XII в Швецию, теперь приехал оттуда в турецкие владения и жил в Солониках, откуда, посредством одного шведа, жившего при английском после, передавал Порте разные предложения: он домогался, чтоб султан вызвал

его в Константинополь, обещая в случае войны с Россией под-
нять против нее казаков. Визирь потребовал, чтобы он изъяснил
обстоятельно, каким образом надеется возмутить Украину и име-
ет ли с русскими казаками сношения? Неплюев писал, что до
объявления войны Орлика в Константинополь не вызовут.

В конце года по указу от своего двора Неплюев в новой
конференции с рейс-эфенди и де Бонаком предложил остано-
вить военные действия с обеих сторон. Порта, уже овладевшая
Тифлисом, отвечала, что она готова остановить свои войска, но
не прежде, как они овладеют городом Эриванью и Ганджею;
согласились, однако, с обеих сторон послать начальствующим
войсками, чтоб они поступали между собою дружески, пока дело
не решится на дальнейших конференциях в Константинополе.
В это время Порта узнала о договоре, заключенном между
Россиею и Персиею в Петербурге. На конференции 23 декабря
рейс-эфенди выразил свое удивление: в Персии государя нет,
и потому она, естественно, переходит во владение Порты, а меж-
ду тем государь русский публикует какой-то договор, заключен-
ный с человеком, Порте неизвестным. Резидент отвечал, что
в Персии есть государь Тохмасиб, который наследовал престол
законным образом после отца. С этим-то законным шахом за-
ключен у России договор с обещанием помогать ему против
бунтовщиков, а шах за эту помощь уступил России известные
земли. Таким образом, Порта знает теперь, чем Россия владеет;
известно и русскому императору, чем Порта в Персии овладела;
и так как Персия обоим государствам соседственна, то для
уничтожения всяких подозрений император предлагает, чтоб оба
государства не распрстраняли больше своих владений в Персии,
оставались при том, чем действительно в настоящее время владе-
ют, чтоб турецкие войска не переходили реку Куру; в Шемахе
пусть владеет Дауд-бек, но чтоб турецких войск в этом городе
никогда не было и город не был укреплен. Рейс-эфенди твердил
свое, что Персия вся принадлежит султану, что Тохмасиб не
может быть законным шахом, потому что отец его жив, хотя
и в неволе. И какая польза русскому государю от договора
с Тохмасибом, который принужден бежать в Араратские горы
и живет там, как дикий человек; скоро вся Персия покорится
туркам и все тамошние народы, естественно, восстанут против
русских и выгонят их вон, потому что там искони нога христиан-
ства никогда не бывала; в договоре с Тохмасибом русский госу-
дарь обязался стоять за него против всех его неприятелей, следо-
вательно, и против турок: значит, вечный мир у России с Портою
нарушен.

В конференции 30 декабря рейс-эфенди сказал, что султан
объявил о русских требованиях своим министрам, духовенству
и воинскому чину и все единогласно отвечали, что об этих

требованиях слышать не могут, но готовы кровию своюю защищать Персию, которая теперь, не имея своего государя, принадлежит Порте, и нога христианская в Персии никогда не бывала, поэтому дается указом султанским последнее решение: договариваться о тех местах, где теперь находятся русские гарнизоны, а до другого ни до чего русскому государю дела нет. Неплюев отвечал, что он остается при прежних своих предложениях. Этим кончились переговоры в 1723 году.

2 января 1724 года переводчик Порты приехал к Неплюеву с вопросом: принимает ли он условия Порты или нет? Неплюев отвечал, что без указа государя своего этих условий принять не может. «В таком случае,— сказал переводчик,— объявляется война, и ты должен выбрать одно из трех: или возвратиться в отечество, или быть при визире в походе, или жить в Цареграде простым человеком, ибо Порта с этой минуты не признает тебя больше за министра. Хотя у нас и нет обычая при таких случаях оставлять министров на свободе, однако для тебя делается исключение за твое доброе поведение». Неплюев, разумеется, выбрал возвращение в Россию. Он послал немедленно же за паспортом, но ему паспорта не дали, а между тем де Бонак делал Порте представления, что война ей в Персии будет тяжела, ибо тамошний народ враждебен туркам, и Мирвеиза, как человека дикого, надобно опасаться; Россия увеличит число врагов, а, быть может, русская дружба со временем Порте пригодится; правда, что русский государь много земель себе забирает, но к турецким границам не приближается, и от французского посла при петербургском дворе Камиродона есть верные известия, что Россия не начнет войны, если Порта первая не нарушит мира. Благодаря этим внушениям султан решил: войны России не объявлять, но приготовить к ней.

Вслед за тем Неплюев имел приватную аудиенцию у великого визиря в присутствии де Бонака. Резидент начал говорить, что все недоразумение произошло от предложений слишком общих и неопределенных; а если б откровенно сообщили друг другу, чего кто желает, то давно бы дело было кончено. Визирь сказал на это: «Резидент говорит совершенную правду, и Порта объявит, чего желает. Положим, что у шаха Гуссейна было три сына: один турецкий государь, другой русский, а третий, меньшей, Тохмасиб; по смерти Гуссейна каждому из них следует иметь свою часть. Русский государь взял уже себе долю; теперь следует Порте получить свою, и пусть французский посол как посредник выделит каждому надлежащую часть, чтоб никому обидно не было». «Очень благодарен за такую честь,— отвечал де Бонак,— только по моему разделу наибольшая часть следует младшему, и я буду держать его сторону, как самого слабого». Визирь начал было дележ, уступал России берега Каспийского моря до слияния

реки Аракса с Курой, откуда должны были начинаться турецкие владения; но Неплюев и де Бонак объявили, что без новых указов из России дела решить нельзя, и французский посол предложил отправить за этими указами в Петербург племянника своего Дальона. Визирь согласился, прибавив, что желает заключения оборонительного и наступательного союза между Россией, Турцией и Францией; об Англии же турки прямо говорили, что в угоду ей нельзя ссориться с Россией: в прошлых годах Англия обязалась помогать Швеции против России, а как помогла? Несмотря на то, со стороны Англии продолжались внушения, что русский государь хочет овладеть не только персидскою, но и всюю восточною торговлею, вследствие чего товары, шедшие прежде в Европу чрез турецкие владения, пойдут через Россию, и тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции к великому ущербу казны султановой. Поэтому Порта оружием должна остановить успех русских на Востоке, и если Порта объявит России войну, то получит денежное вспоможение не только от короля, но и от всего народа английского.

В начале мая Дальон возвратился из России вместе с русским курьером, и у Неплюева начались конференции с турецкими министрами. Резидент сейчас же заметил перемену в тоне у турок. Они не хотели слышать об ограничении своих будущих завоеваний в Персии, и визирь притворялся, что забыл об условиях, им самим прежде предложенных. Еще более удивило Неплюева то, что де Бонак, получивший перед тем 2000 червонных от России, явно брал сторону турок и однажды сказал Неплюеву: «Разве вы хотите ослушаться указа государя своего, что моих советов не принимаете? Или подозреваете меня во вражде к России? Но государь ваш не так смотрит на дело: он своеручно изволил мне писать, чтоб настоящие переговоры как можно скорее приводить к концу, и во всем положился на меня; если вы не отступите от своего требования, то я слагаю с себя посредничество». В другой раз де Бонак сказал резиденту, что не хочет с ним более говорить, и выслал его из своего дома. Донося о трудностях, какие он претерпел при заключении договора, Неплюев, писал: «Больше того ныне без войны получить нельзя; но хотя не очень ясно, однако сущность дела вся внесена. От французского посла вместо помощи были только одни препятствия, проект трактата раз десять переправляли; я желал, чтоб все ясно было, а французский посол при турках прямо говорил, что резидент спорит не дельно, в турецком проекте разумеется все то, чего он требует, а племянник его Дальон, как ребенок, при переводчике Порты, сказал: «Не знаешь ты, что мы имеем из России проект за подписанием министерским и во всем уполномочены». И некоторые слова о лезгинцах говорил, но переводчик Порты этого туркам по моей просьбе не сказал.

Дальон по приезде в Царьград, не выдавшись с послом, прямо взят был к визирю и там невоздержанием ребяческим сказал, что ваше величество на все турецкие предложения склонился, кроме самых неважных пунктов, то те резидент имеет право устранить, сказал также, что вы сильно желаете мира».

Раз десять исправленный договор наконец был составлен таким образом: Шемаха остается под владением вассала Порты Дауда. Пространство от города Шемахи по прямой линии к Каспийскому морю разделяется на три равные части; из этих трех частей две, лежащие к Каспийскому морю, должны принадлежать России, а третья, ближайшая к Шемахе, будет находиться во владении Дауда под верховною властью Порты. Шемаха не будет укреплена, и в ней не будет турецкого гарнизона, исключая тот случай, когда владелец тамошний воспротивится власти султана или между жителями произойдет смута; и тогда турецкие войска не прежде перейдут реку Куру, как уведомив о своем движении русских комендантов, и по утишении смуты ни один человек из турецкого войска не должен оставаться в Шемахе. Император всероссийский обещает склонять шаха Тохмасиба к уступке Турции занятых ее войском персидских провинций; если же шах не захочет уступить России или Порте выговоренных ими провинций, то Россия и Порта действуют против него заодно. Договор был подписан 12 июня 1724 года.

Для размены ратификаций отправлен был в Константинополь бригадир Александр Румянцев в звании чрезвычайного посланника. На него было возложено также разграничение вместе с комиссарами Порты русских и турецких владений на Кавказе. Относительно этого разграничения Петр собственноручно написал Румянцеву следующую промеморию:

1) Смотреть накрепко местоположения, а именно: от Баки до Грузии какая дорога, сколь долго можно с войском идти, и можно ль фураж иметь, и на сколько лошадей, и путь каков для войска. 2) Можно ль провианту сыскать. 3) Армяне далеко ль от Грузии и от того пути 4) Которых пошлет в Азов, чтоб того ж смотрели дорогою возле Черного моря, тако ж христиан последние далеко ль живут от Тамани или Кубани. 5) Курою рекою возможно ль до Грузии идти судами хотя малыми. 6) Состояние и силу грузинцев и армян.

Румянцев отправился. Думая, что он уже в Константинополе, Петр велел послать к нему рескрипт: «Приехали к нам армянские депутаты с просьбою защитити от неприятелей; если же мы этого сделать не в состоянии, то позволить им перейти на житье в наши новоприобретенные от Персии провинции. Мы им объявили, что помочь им войском не можем вследствие заключенного с Портою договора, а поселиться в прикаспийских наших провинциях позволили и нашу обнадеживательную грамоту послали. Если

турки станут вам об этом говорить, то отвечайте, что мы сами армян не призывали, но они нас, по единоверию, просили взять их под свое покровительство; нам, ради христианства, армянам как христианам отказать в том было нельзя, как и визирь сам часто объявлял, что по единоверию просящим покровительства отказать невозможно; надобно смотреть только, чтоб земли принадлежали тому, за кем выговорены в договоре, а народам не надобно препятствовать переходить в ту или другую сторону. Порте еще выгоднее будет, когда армяне выйдут, потому что она тогда без сопротивления землями их овладеет. Прибавь, что если Порта захочет перезывать к себе басурман из приобретенных нами от Персии провинций, то нам это не будет противно, станут требовать письменного обнадеживания — дайте».

Это было последнее решение Петра по восточным делам.

МОНАХ САМУИЛ

(страница из истории раскола)

В недавнее время наша духовная литература обратила должное внимание на учение об антихристе, распространенное между раскольниками. Объяснить происхождение этого странного учения не трудно; стоит только историку спросить самого себя: не встречал ли он в другие времена, в других обществах подобного учения, и если встречал, то когда, при каких обстоятельствах, при какой общественной обстановке? Учение это является при сильных общественных движениях, при важных переменах и борьбах, когда человеку-христианину так естественно обращаться к апокалипсическим представлениям и спрашивать себя: не сбывается ли? Не перед глазами ли нашими знамение второго пришествия и кончины века? Не нужно распространяться о том, какую силу имеют апокалипсические представления над людьми, которые имеют религиозную начитанность и у которых наука не умеряет еще излишней живости воображения; не нужно распространяться о том, какое одушевление сообщает человеку убеждение, что он живет во времена, изображенные в таинственной книге Богослова, что борьба, которую ведет он, должна скоро окончиться торжеством агнца и всех верных ему.

Протестанты в борьбе своей с католицизмом одушевлялись мыслью, что ратуют против апокалипсического Вавилона — Рима, против антихриста-папы. У нас в Западной России, когда тот же Рим сделал попытку посредством унии отторгнуть Литовскую Русь от Восточной Церкви, явилось немедленное представление об антихристовых временах. Наконец, в Восточной России, в Московском государстве, когда произошло исправление книг и вслед за тем начались важные перемены гражданские, испуганному воображению приверженцев старины сейчас же представились времена, изображенные в Апокалипсисе, представились действия антихриста. Что здесь не обошлось без влияния западнорусской литературы, возникшей во времена унии, видно из той исторической связи, которою представление наших раскольников соединяется с прежними представлениями того же рода: первая эпоха антихристовская — отпадение Рима папского от православия, вторая — отпадение Западной России в унию, третья — отпадение

Восточной России от православия вследствие перемен церковных и гражданских. Для объяснения самого процесса происхождения этих представлений, для объяснения состояния умов в эпоху преобразований считаем не лишним изложить печальную историю монаха Самуила, как он сам изложил ее.

В начале XVIII века при одной из тамбовских церквей был дьячок по имени Степан, человек с самою поверхностною начитанностию Писания, но чуткий к высшим вопросам жизни и способный не удовлетворяться одним разглагольствованием об них. Все вокруг Степана было полно тревогою, небывалою еще на Руси: русские люди изменяли *свой образ*, в Церкви недосчитывались патриарха. И вот пошла носиться мысль о последних временах, о пришествии антихриста. Но кто же антихрист? Невозможно было для русского человека убеждение, чтоб антихрист мог явиться в роде православных царей русских, и вот начал носиться слух, что тот, кто царствует под именем Петра Алексеевича, не есть истинный сын царя Алексея; объясняли дело розно: одни говорили, что царевич Петр был подменен при самом рождении сыном Лефорта; другие толковали, что настоящего царя Петра Алексеевича не стало за границею и на место его приехал немец. Монах Савва первый преподавал нашему Степану учение об антихристе. «Видишь,—говорил монах,—один владеет, патриарха-то нет, а печать-то видима: велит бороды брить...»

Впечатление, произведенное этими словами на бедного Степана, было страшное; все, читанное в Апокалипсисе, представилось ему в применении. Но какая же была его обязанность? Что должен был он *делать* в это страшное время? Первая мысль—уйти. Прежде всего Степан перестал ходить в церковь, но оставалось еще средство успокоения, был человек, обязанный указать ему правильный путь, отец духовный. Степан отправился к духовнику своему попу Ивану Афанасьеву; но тот не был способен успокоить духовного сына, разрешить его сомнения; он еще более усилил их, очень неловко рассказавши один случай своей жизни: «Как мы бывали на Воронеже в певчих, то певали пред государем и при компании, проклинали изменников кой-каких; однажды дошел разговор до Талицкого, и государь говорил: «Какой он вор, Талицкий! Уж и я по его антихрист! О, Господи! Уж и я антихрист пред тобою!» Эти искренние и горькие слова Преобразователя не были поняты певчими; они стали перешептываться: «К чему это он говорил? Бог знает!» С этим «Бог знает!» Степан ушел от духовника «и от тех поповских слов все сомнение к сомнению и в мысли своей держал, что прямой он антихрист». Попалась старопечатная Кириллова книга¹, написано, что во имя Симона Петра имать сести гордый князь мира

¹ Собрание полемических богословских сочинений — *Примеч сост*

сего антихрист; поп не растолковал Степану, что здесь автор говорит о папе, свой Петр был ближе. Разговорился с одною бабою, та рассказывала, что родственники ее были в Суздале, где содержалась царица Авдотья Федоровна, и царица говорила людям: «Держите веру христианскую: это не мой царь...»

Степан бросил жену и постригся под именем Самуила в тамбовском Трегуляевском монастыре; ему говорили, что первое гонение от антихриста будет на монастыри. «Нет нужды,— отвечал он,— тогда иду в горы». В монастыре те же разговоры и внушения; монах Филарет проповедует: «Теперь над нами царствует не наш царь Петр Алексеевич, но Лефортов сын. Царь Алексей Михайлович говорил жене своей: если сына не родишь, то озлоблю тебя; она родила дочь, а у Лефорта в это время родился сын, царица от страха и разменялась». Приехал в Трегуляевский монастырь дядя Самуилов, монах Мигулинского троицкого монастыря Никодим, инквизитор; племянник открыл ему свое сомнение насчет царствования антихристов; дядюшка-инквизитор отвечал: «Нет, не антихрист, а разве предтеча его». Самуилу стало не легче. Слышал, что нижегородцы называют антихристом архиерея своего Пигирима, который преследовал их за старую веру: не тот, так другой — все равно. В то время как монахов Трегуляевского монастыря забрали в Воронеж по какому-то делу, Самуил воспользовался этим случаем, написал письмо, в котором называл Петра антихристом, и подбросил на неизвестный двор. На дороге из Воронежа назад в монастырь — те же самые разговоры; в селе Избердее встретился Самуилу сын боярский Лежнев и говорит: «Сказывают, что наш государь пошел в Стокольную (Стокгольм) и там его посадили в заточение, а это не наш государь». У Самуила при всех этих рассказах одна дума: антихрист! Пришел указ — не читать книгу Ефремову и сборник, пришел Духовный регламент с известными мерами относительно монашества. «Антихрист,— думал Самуил,— отводит от монашества! Надобно бежать в пустыню». Самуил исполнил свое намерение; но на первый раз его поймали, били плетью и отослали снова в Трегуляевский, где посадили на цепь. Сидя на цепи, он тосковал о том, что царствует антихрист; не хотел кланяться игумену: «Как мне ему кланяться? Он слуга антихристов». Наконец, Самуилу удалось уйти в степь к казакам, где он начал проповедь: найдет кого-нибудь из бурлаков, препростого человека, и внушает, что антихрист царствует; нашел попа, который на ектениях² вместо император поминал имперетер и говаривал: «Император-де, людей-де перетерли», а Самуилу с товарищами любо.

Но тут, когда, по-видимому, Самуил окреп окончательно в своих убеждениях, в нем произошел переворот благодаря живо-

² Молитвы-прошения — *Примеч сост*

сти, впечатлительности его природы: как прежде толки какого-нибудь монаха, страница какой-нибудь книги приводили его в смущение и заставляли верить, что антихрист царствует; так теперь иные толки, иные книги произвели на него могущественное впечатление и вывели на другой путь: он прочел *Духовный Увет, Пращицу*³ и освободился совершенно от своих раскольнических мнений, возвратился в свой монастырь спокойный и, как следовало ожидать, стал громко проповедовать православие.

Но беда подстерегала его. Преобразователь указал два дела для монашества: служение страждущему человечеству для пожилых монахов и науку для молодых, чтоб можно было приготовить из них будущих просвещенных пастырей Церкви. Вследствие этого наш Самуил, как еще молодой, был отправлен в Москву в школу, с помещением в Богоявленском монастыре. Здесь снова начались искушения: прежний образ жизни нисколько не готовил его к школьной усидчивости; латинская грамматика не имела для него никакой прелести; трудно было человеку, давно уже покинувшему детский возраст, заучивать склонения и спряжения; еще труднее чувствовать на себе плеть префекта за нехождение в класс. Это искушение, впрочем, еще могло быть преодолено, но вот приходит весть, что жена его вышла замуж! Сейчас же явилась мучительная мысль: «Жена совершила грех прелюбодеяния по моей вине: я ее покинул», и сейчас же явилось стремление облегчить себя, сложив вину на другого: «Виноват Петр, потому что жена моя постриглась бы вместе со мною, но была задержана запретительным указом». Но тут несчастный Самуил почувствовал страшное чувство ревности: сначала в религиозном одушевлении, представляя себе антихристовы времена, он легко расстался с женою; но теперь этого одушевления более не было: прежние убеждения являлись заблуждениями, и вот мысль, что жена принадлежит другому, вызывает целый ад; а при таком-то состоянии души надобно ходить в школу или подвергаться плетям! А тут новый искушитель: товарищ, монах Петр, тоже невольный школьник, только и делает, что бранит Духовный регламент, причину всех их бедствий. Самуил в бессильной ярости, чтоб как-нибудь облегчить себя, стал писать на клочках бумаги бранные слова против Преобразователя, когда уже того не было в живых. Одну такую бумажку нашли, признали руку Самуила и взяли его в Тайную канцелярию. Самуил откровенно изложил дело, клялся, что писал не для того, чтоб пустить в народ, но ради покоя совести. Его казнили смертью.

³ Сочинения, направленные против раскольников — *Примеч сост*

ОЧЕРК ИСТОРИИ МОСКВЫ

Много уже бед и усобиц испытала Русская земля по смерти Ярослава Великого, но усобицы эти касались Южной и Западной Руси, Северо-Восточная не принимала в них участия; только раз Олег Черниговский в 1096 году бросился на северо-восток, захватил Суздаль и Ростов, но скоро был выгнан оттуда Мстиславом, старшим сыном Мономаха. Не было особых князей в Ростовской области, и область эта не принимала участия в усобицах юга; но вот в многочисленной семье Мономаха нашелся князь и для севера: Юрий Владимирович отправился княжить в Ростовскую область, и с тех пор Северо-Восточная Русь должна была войти в тесную связь с Юго-Западною. Юрий Владимирович, севши на самом отдаленном столе русском, не хотел, однако, отдаляться от собственной, Южной Руси и трепетал перед мыслию о позорном исключении из рода, из старшинства и владения Киевом. Вот почему с такою заботою сторожил он за всеми движениями на юге, которые могли быть опасны для его прав на старшинство; заботы Юрия усилились, когда племянник его, Изяслав Мстиславич, отнял Киев у черниговских князей, сел на старшем столе русском вопреки правам дядей своих; Юрий заключил союз против Изяслава с черниговским князем Святославом Ольговичем, первый союз Южной Руси с Северною. Союз этот для большей крепости требовал личного свидания союзников: где же будет место их свидания? «Юрий,— говорит летописец¹,— послал сказать Святославу в 1147 году: приезжай ко мне, брат, в Москву». Имя Москвы в первый раз упомянуто здесь в повествовании о первом союзе Северной и Южной Руси в лице их князей, и это обстоятельство не есть случайное: оно условливается самою природою, положением Москвы в центре русской государственной области.

Святослав поехал в Москву на зов Юрия, отпустив туда наперед сына своего Олега, который должен был отвезти подарок ростовскому князю: подарок состоял в коже леопарда²;

¹ ПСРЛ. 11, 29.

² Там же: «И дал ему пардус». Думаем, что здесь скорее должно разуметь кожу леопарда, чем живого зверя.

за Олегом приехал отец его Святослав и был принят Юрием очень ласково. На другой день Юрий велел устроить богатый обед, угостил и обдарил черниговских князей и дружину их на славу; следствием свидания было то, что Юрий обещал Святославу отправить к нему сына своего на помощь против Изяслава Киевского. В первый раз упомянуто имя Москвы во время сильной борьбы между северным и южными князьями; во второй раз встречаем о ней упоминание во время борьбы уже между самими северными князьями, между младшими сыновьями Юрия и внуками его от старшего сына Ростислава. По смерти Андрея Боголюбского в 1175 году ростовцы, суздальцы, переяславцы и вся дружина от мала до велика съехались во Владимир и стали рассуждать: «Князь наш убит, а детей у него нет, есть один маленький сын в Новгороде, а братья его в Чернигове: кого нам взять в князья? У нас в соседстве князя муромские и рязанские, нужно бояться их коварства: что, как вдруг пойдут на нас ратью, а мы без князя? Пошлем к Глебу Рязанскому, скажем ему: «Князя нашего Бог взял, хотим теперь Ростиславичей, Мстислава и Ярополка, твоих шурьев»». Забыли они крестное целование: клялись князю Юрию Владимировичу Долгорукому, что возьмут к себе в князья младших сыновей его, Михаила и Всеволода, и преступили клятву, взяли к себе старшего его сына, Андрея Боголюбского, да и по смерти Андрея не опомнились, послали в Чернигов не к Михаилу и Всеволоду, а к племянникам их, Ростиславичам, которые жили там же. Ростиславичи, однако, получив приглашение, не поехали одни, но взяли с собою и дядей своих, Михаила и Всеволода. Сначала поехали на север двое князей: Михаил Юрьевич и Ярополк Ростиславич; когда ростовцы узнали, что оба князя уже в Москве, то осердились, зачем вместе с Ярополком приехал и Михаил, и послали сказать Ярополку, чтобы он ехал к ним, а к Михаилу — чтобы подождал в Москве. Ярополк тайком от брата поехал в Переяславль, а Михаил, видя, что ростовцы не хотят его, отправился во Владимир, где, однако, не мог удержаться против ростовцев и Ростиславичей и принужден был ехать назад в Чернигов³. Но владимирцы не могли долго ужиться с Ярополком Ростиславичем и послали опять в Чернигов к Михаилу звать его к себе на княженье; когда Ростиславичи узнали, что Михаил идет к Москве, то Ярополк выступил против него, чтобы не пропустить ко Владимиру; но соперники разошлись: Михаил пошел из Москвы во Владимир одною дорогою, а Ярополк шел к Москве другою. За 5 верст до Владимира Михаил встретился с Мстиславом Ростиславичем, победил его и выгнал обоих Ростиславичей из Ростовской области. По смерти Михаила

³ ПСРЛ. 1, 158.

ростовцы опять было признали Ростиславича, но Всеволод Юрьевич победил их окончательно; в этой войне Москва пострадала в первый раз: была сожжена Глебом Рязанским, союзником Ростиславичей, в 1177 году⁴.

Двадцать девять лет после этого события не встречаем в летописи упоминания о Москве; но вот в 1207 году Всеволод Юрьевич решился принять деятельное участие в делах Южной Руси, и Москва опять является на сцену. Ко Всеволоду пришла весть, что Ольговичи вместе с половцами воюют Русскую землю; он пожалел об ней и сказал: «Разве Русская земля им одним отчина, а нам уже нет? Как меня с ними Бог управит, хочу пойти к Чернигову»⁵. Вследствие этого великий князь начал собирать на войну и послал в Новгород за старшим сыном своим Константином. Константин собрал много войска из новгородцев, псковичей, ладожан, новоторжцев и пошел с ними в Москву, которая назначена была местом соединения всех войск; 19 августа пришел в Москву и сам великий князь; здесь он узнал, что рязанские князья соединились на него с Ольговичами. Это известие переменяло намерение Всеволода, и вместо Чернигова он двинулся из Москвы на Рязань.

В 1213 году Москва получила для себя первого особого князя: то был Владимир, четвертый сын Всеволода Юрьевича; но Владимир недолго княжил в Москве: в том же году вследствие договора между старшими его братьями, Константином и Георгием, он должен был оставить Москву, взамен которой получил Переяславль Русский, или Южный⁶. Владимир скоро должен был жалеть о том, что променял новую Москву на старый Переяславль: в 1215 году он вышел навстречу к половцам, шедшим на Переяславль, был разбит ими и взят в плен; только в 1218 году успел он освободиться из плена и пришел на север к братьям, которые, однако, дали ему не Москву, а Стародуб Северный⁷; через семь лет, в 1227 году, он умер в схиме 33 лет от роду⁸. После этого Москва опять не упоминается в летописи до самых татар; в 1237 году, поразив у Коломны сына великокняжеского, Всеволода Юрьевича, татары взяли Москву; здесь княжил тогда другой Владимир, сын великого князя Юрия Всеволодовича, воеводою у него был Филипп Нянька. Князь был взят в плен, воевода убит, остальные жители также перебиты от старика до младенца; город, церкви, монастыри и окрестные села пожжены⁹. Последнее известие показывает, что Москва была тогда уже

⁴ Там же. 162.

⁵ Там же. Стр. 181.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стр. 185.

⁷ Там же. Стр. 187.

⁸ Он родился в 1194 году.

⁹ ПСРЛ. I. Стр. 196.

довольно значительным городом, имела не одну церковь и даже монастыри.

После нашествия татар и по смерти великого князя Ярослава Всеволодовича Москва была отдана Хоробриту¹⁰. Михаил известен тем, что мимо всех прав выгнал дядю своего Святослава Всеволодовича из Владимира и сам сел там на престоле великокняжеском, но скоро погиб в битве с Литвою¹¹. Четвертым известным князем московским является Даниил, сын Александра Невского. Он участвует в страшной усобице, происходившей между старшими братьями его: Димитрием Переяславским и Андреем Городецким за Владимирское княжение, причем помогает младшему Андрею¹². При Данииле в 1286 году москвичи отличили себя первым воинским подвигом: в этом году литовцы завоевали церковную волость тверского владыки; тверичи, *москвичи*, полочане, новоторжцы, дмитровцы, зубчане и ржевичи погнались за разбойниками, разбили их, отняли полон и взяли князя их Доманта¹³; но в 1293 году Москва испытала второе разорение татарское: усобица между князьями не переставала, и Андрей Городецкий привел на Димитрия Переяславского татар; эти союзники взяли и опустошили 14 городов, между ними и Москву. Через семь лет Москва оправилась от погрома, и князь ее Даниил нашел средства идти войною на рязанского князя; у стен Переяславля Рязанского произошла битва, московский князь одолел, убил много бояр и простых людей; ему удалось даже захватить в свои руки и князя рязанского, Константина, вследствие крамолы бояр его¹⁴. Но самое важное событие для Москвы в княжение Даниилово было присоединение к ней Переяславля Залесского: князь последнего, Иван Дмитриевич, умер бездетным, отказал в 1302 году свой город дяде, Даниилу Московскому; внезапное присоединение целого княжества, отчины Невского, усилило Москву перед другими княжествами и дало ей средства делать дальнейшие приобретения на счет князей соседних и таким образом собирать Русскую землю. Этими средствами как нельзя лучше воспользовался сын Даниилов, Юрий.

До сих пор область Московского княжества стеснялась тем, что главная река ее, Москва, в верховьях и в устье своем находилась в чужих руках: у верховий — в руках князя Можайского, в устье — в руках князя Рязанского, который владел Коломною. И вот Юрий в первый же год своего княжения (1303) пошел с четырьмя братьями на Можайск, взял город, пленил его князя

¹⁰ Ростов. летоп. у Карамз. IV. Примеч. 82.

¹¹ Никон. летоп. III. Стр. 30, 31.

¹² Там же. Стр. 74.

¹³ Там же. Стр. 85.

¹⁴ Там же. Стр. 98.

Святослава и привел в Москву¹⁵. В 1305 году Юрий велел убить князя Рязанского, плененного отцом его Даниилом, и хотя не успел в своем намерении касательно всего княжества, однако удержал за собою Коломну. Но этого было мало для Юрия: он хотел быть также великим князем Владимирским и ступил в борьбу с Михаилом Ярославичем Тверским, невзирая на права последнего относительно старшинства. Окольными путями пробрался Юрий в Орду, чтобы там мешать Михаилу, а между тем брат его, Иван Калита, успел отбиться в Переяславле от тверского войска и удержать этот город за Московую.

Без успеха возвратился Юрий из Орды; тверской князь два раза входил с войском в область московские; Москва видела битву под стенами своими, тверичи наделали много зла в окрестностях, но деревянного города взять не могли¹⁶. Не успевши окончательно смирить Юрия, Михаил нажаловался на него хану, Юрия позвали в Орду; казалось, Москве предстояла большая опасность, но Юрий возвратился из Орды мужем сестры ханской и, в свою очередь, пошел на Михаила. Будучи разбит тверским князем, не могли сладить с ним посредством оружия, Юрий постарался избавиться от него посредством татар. Юрий, в свою очередь, погиб в Орде от сына Михаила Димитрия; Владимирское великое княжество перешло опять к Твери, но в Москве после Юрия стал княжить брат его, Иван Данилович Калита.

Прежде всего Калита постарался приобрести расположение митрополита Петра. Когда этот святитель в первый раз посетил Москву, тогда еще город малый и немногочисленный, по выражению летописца¹⁷, то очень полюбил Калиту за его щедрость к нищим, церквям, духовенству, за любовь к книжному учению и потому начал проживать в Москве чаще, чем в других городах. Желая и навсегда остаться здесь, митрополит стал уговаривать князя, чтобы тот построил в Москве каменную церковь во имя Успения Богородицы. «Если ты меня послушаешь,—говорил Петр,—выстроишь храм Богородицы и успокоишь меня в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, да и потомство твое и город этот славны будут: святители станут жить в Москве, и она осилит всех своих врагов». Калита с радостью исполнил желание Петра и вместе с ним начал заботиться, как бы поскорей построить церковь; но святитель не видал ее окончания: он преставился в 1325 году и погребен в новой церкви подле жертвенника, где сам себе заложил гроб; освящена была церковь уже в следующем, 1326 году, Прохором, епископом ростовским, потому что новый митрополит, Феогност, пришел в Москву на

¹⁵ Там же. Стр. 100.

¹⁶ Там же. Стр. 105.

¹⁷ Там же. 135.

другой год. Многим князьям очень не нравилось, что и преемник Петра поселился в Москве¹⁸, но делать было нечего.

Между тем в Твери происходили важные события: туда пришел из Орды хана Узбека посол Шевкал, или, как он называется в наших летописях, Щелкан Дюденевич. Разнесся слух, что Щелкан хочет перебить князей тверских, сам сесть на княжение в Твери, других князей татарских посажать по разным русским городам и христиан привести в татарскую веру. Тверской князь Александр Михайлович собрал тверичей, пошел на Щелкана на рассвете, бился с ним целый день и к вечеру одолел; Щелкан бросился с своими татарами во дворец, там его окружили и сожгли. Хан Узбек сильно рассердился за это на Александра и послал за князем Иваном Даниловичем Московским. В 1326 году Иван возвратился из Орды и привел сильную татарскую рать; с нею пошел Иван на Тверь и опустошил всю Тверскую область, хотел было идти и к Новгороду, да новгородцы откупились; были тогда, говорит летописец, во всей Русской земле большая тягость и томленье и кровопролитье от татар; одна только Москва ничего не потеряла¹⁹. Тверской князь убежал в Псков, Калита получил великое княжение Владимирское. В 1336 году Александру удалось помириться с ханом и получить опять Тверское княжество, но в следующем году кто-то начал клеветать на него хану; в 1339 году Калита отправился с двумя сыновьями в Орду, и тотчас Александр получил приказ явиться туда же; этот зов последовал думою Калиты, говорит летописец²⁰. Александр был убит в Орде, Иван остался без соперника и начал теснить других князей, промышлять к своей отчине; велел взять из Твери от церкви св. Спаса колокол в Москву; от князей древнего Ростова отнял власть и княжение, имущество, честь и славу, по словам летописца²¹; купил Углич, Белоозеро и Галич у князей их, купил и сел много в разных местах²². Богатый князь украшал свой город церквами: кроме Успенского собора построил еще каменный собор Архангельский вместо деревянного и церковь Иоанна Лествичника на Кремлевской площади; построил и монастырь *дивный*, по выражению летописца²³, и в нем церковь *чудную* св. Преображения подле своего двора; старики помнили, впрочем, что этот монастырь при князе Данииле был за Москово-рекою и церковь в нем была во имя св. Даниила, а при Калите перенесен в Кремль, ко двору княжескому. Москва была мала и немногочисленна, а церковей было довольно: в большой

¹⁸ Там же. 139.

¹⁹ Там же. 138.

²⁰ Новгород. Стр. 79

²¹ Никон. IV, 204.

²² Собр. Гос. грам. и дог. I. № 21 и 22.

²³ Никон. III, 154.

пожар 1337 года сгорело их 18; Москва горела тогда не в первый раз: в 1331 году сгорели у нее деревянные стены; и в 1339 году Калита заложил новый город, дубовый. Кроме пожаров в княжение Калиты москвичи терпели от наводнения и голода. После Калиты стал княжить в Москве и во Владимире сын его, Симеон. При нем москвичи видели, как в их город съехались все князья русские и по воле Симеона пошли со всеми полками на Новгород; в Торжке новгородцы добились челом великому князю, дали ему взять черный бор по всей земле Новгородской, да с Торжка 1000 рублей. После этого во время княжения Симеона москвичи не знали рати; раз только выступил было Симеон с войском против Смоленска, но заключил мир на дороге. В мире прибывало богатство; город украшался, единственным украшением для городов были тогда церкви; собор Успенский и Архангельский были расписаны — первый греческими мастерами, а второй — русскими, расписана была и монастырская церковь св. Спаса: здесь писали мастера русские, а ученики — греки; князь Симеон с братьями слили на свой счет пять колоколов, лил их мастер Борис, которого одна летопись называет италианцем²⁴. Не было войны при Симеоне, но были другие беды: в 1343 году москвичи потерпели от страшного пожара, который истребил 28 церквей; летописец замечает, что это был уже четвертый пожар в 13 лет на Москве. Но еще страшнее беда постигла Москву в 1353 году — черная смерть: на одной неделе москвичи схоронили митрополита Феогноста и двоих княжичей, сыновей Симеоновых; вслед за тем и самого великого князя, которому было не более тридцати шести лет от роду, потом брата его, князя Андрея Ивановича.

Бездетному Симеону наследовал брат его Иоанн, кроткий, тихий и милостивый, по свидетельству летописца²⁵. В кратковременное шестилетнее княжение этого князя Москва видела два печальных события: большой пожар в 1354 году, истребивший весь город (т. е. Кремль) и 13 церквей; и убийство тысяцкого (воеводы городских полков) Алексея Петровича: убийство его, говорит летописец²⁶, было страшно и неведомо, только нашли труп его на площади во время благовеста к заутреням. Следствием этого убийства был большой мятеж в Москве; ходили слухи, что бояре убили Алексея Петровича, почему самые знатные из них отъехали в Рязань с женами и детьми, но в 1358 году великий князь перезвал их опять к себе в Москву. В 1359 году умер Иоанн II, также еще в молодых летах, оставя двух малолетних сыновей, Димитрия и Ивана, малолетнего племянника Владимира Андреевича.

²⁴ Там же. 212.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. 207.

Ранняя смерть великого князя, казалось, была гибельна для Москвы, потому что малютка сын его мог ли хлопотать в Орде, могли отбивать притязания других князей на Руси? И точно, великокняжескую область получил князь суздальский Димитрий Константинович. Но Москва не думала уступать, бояре ее не хотели сойти на низшую степень, и юный Димитрий отправился в Орду; но там нельзя было ничего добиться при страшных смятениях, когда один хан сменял другого; Димитрий спешил возвратиться в отечество. Скоро Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил Мамай, и Мюридом; московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Димитрию. Тогда бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих — Димитрия, Ивана и Владимира — и выступили с ними на Димитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и внук Калиты получил великое княжение Владимирское. Московские бояре хотели угодить обоим ханам и потому приняли ярлык и от соперника Мюридова; тот, раздраженный таким колебанием, прислал ярлык снова Димитрию Суздальскому, который обрадовался и занял опять Владимир, но Димитрий Московский опять выгнал его, преследовал до Суздаля и заставил отказаться от всех притязаний.

Так правление Димитрия началось ратными действиями, от которых москвичи отвыкли в продолжение почти трех княжений. Решивши спор о Великом княжении Владимирском в пользу своего князя, московские полки должны были решить спор и между суздальскими князьями. Без оружия были присоединены окончательно к Москве Ростов, Галич и Стародуб Северный, но не так легко было сладить с Тверью. «Князь великий Димитрий Иванович, — говорил летописец²⁷, — всех князей русских приводил под свою волю, а которые не повиновались, и на тех начал посягать». Великий князь тверской Михаил Александрович не хотел повиноваться Москве и возбудил против нее страшного врага, Ольгерда, князя литовского, который был женат на сестре Михайловой. У Ольгерда был такой обычай, что никто, ни свои, ни чужие не знали, куда он собирается идти ратью, зачем собирает войско. Так и великий князь московский тогда только узнал о походе Ольгерда, когда уже тот был на границе, и едва Димитрий успел разослать грамоты по городам для собирания рати, как литовцы, разбив московский сторожевой полк, явились под Москву. Москвичи отвыкли видеть врага под своим городом; Ольгерд стоял под ним три дня, города не взял, но зла много наделал: пожар и попленил бесчисленное множество людей и скота²⁸. Димитрий выместил это на Тверской области страшным ее опустошением: «Князь великий Димитрий Иванович со многую силою пошел сам на Тверь, взял города Зубцов и Микулин, и все волости и села

²⁷ Никон. IV. 15.

²⁸ Там же. 22.

тверские повоевал и пожег, и пусты положил; а людей многое множество в полон повел и все богатство их, весь скот взял в свою землю. И так князь великий Димитрий Иванович пошел на Москву со многим богатством и корыстию и землю свою наполнил множеством скота, и смирил тверичей до зела»²⁹. Михаил убежал в Литву, и Ольгерд в другой раз явился под Москвою, пожег все около Кремля, стоял под ним восемь дней, но города не взял и заключил мир.

После этого Москва надолго избавилась от нашествий с Запада, но на Восток шли беспрестанные рати. Пришедши из Орды, где был принят с великою честью, Димитрий послал войско на Рязань, на князя Олега Ивановича; Олег вывел навстречу свои полки. Гордые рязанцы говорили друг другу: не берите с собою ни доспехов, ни щитов, ни коней, ни сабель, ни стрел, а только одни веревки да ремни, потому что москвичи люди слабые и трусливые. Но Бог помог смиренным москвичам, говорит летописец³⁰: рязанцы попадали мертвы, как снопы, и князь их Олег едва убежал с небольшою дружиною. Скоро у московского князя началось размирье и с Мамаем, а между тем с северо-запада тверской князь не давал ему покоя. Ольгерд не хотел больше ходить на Москву, так Михаил начал сноситься с Мамаем, просить у него ярлыка на Великое княжение Владимирское, получать его на Димитрия; кто в Москве был не доволен своим князем, тот бежал в Тверь, как убежал туда сын последнего тысяцкого, Иван Васильевич Вельяминов, которому не нравилось, что по смерти отца его звание тысяцкого было уничтожено великим князем; вместе с Вельяминовым побежал в Тверь и богатый купец Некомат Сурожанин. Михаил принял их ласково и тотчас послал в Орду, где они искусно повели дела, и Некомат скоро возвратился в Тверь с ярлыками для Михаила. Последний обрадовался и в тот же день послал в Москву с объявлением войны Димитрию, отправил также своих наместников в Торжок, а на Углич — войско. Но Михаил напрасно радовался: татары были далеко, а Москва близко. Димитрий собрался со всею силою и пошел к Волоку; сюда пришли к нему все князья русские — Суздальские, Ростовские, Ярославские, Белозерские, Кашинские, Моложские, Стародубские, Брянские, Новосильские, Оболенские, Торуские и другие — со всеми своими силами. Князья говорили: «Сколько раз Михаил приводил зятя своего, Ольгерда Литовского, и сколько зла наделал христианам, а теперь сложился с Мамаем и со всею Ордою, а Мамай дышит яростию на всех нас; если мы будем все это терпеть, то тверичи с татарами победят всех нас»³¹.

²⁹ Там же. 25.

³⁰ Там же. 32.

³¹ Там же. 43.

С Волока пошла рать к Твери и стояла под нею четыре недели; окрестности все пожгли и попленили; Михаил, не получая ниоткуда обещанной помощи, ни из Орды, ни из Литвы, и видя, что вся Русская земля восстала на него, добил челом великому князю Димитрию, и московская рать возвратилась домой. В том же году татары Мамаевы приходили под Нижний Новгород. «Зачем,— говорили они нижегородцам,— ходили вы ратью на тверского князя?»; приходили и на Новосиль, воюя его тоже за помощь Димитрию против Михаила; Ольгерд приходил воевать Смоленск все за то, что смольняне соединились с Димитрием на Тверь; но Москвы никто не тронул. Мамай только сильно сердился, и Димитрий был наготове, ходил за Оку наведываться, нейдет ли татарская рать. Татарские шайки приходили на Нижний, на Рязань, пришли было и на Москву под начальством князя Бигича, но Димитрий вышел к ним навстречу и разбил на реке Воже, а татары отомстили за это опустошением Рязанской земли, враждебной Москве. Между тем умер Ольгерд, начались смуты в Литве; в Москве радовались и спешили пользоваться случаем: Димитрий повел рать на Литву и взял у нее Трубчевск и Стародуб. Московскому князю везде была удача, тогда же попался в его руки и Вельяминов, который пробирался из Орды в Русь; его схватили в Серпухове, привели в Москву и казнили смертью на Кучкове поле, где теперь Сретенский монастырь: это была первая смертная казнь в Москве, о которой имеем известие. Множество народа присутствовало при казни, и многие, говорит летописец³², плакали, потому что преступник принадлежал к знатнейшей московской фамилии, бывшей даже в родстве с великим князем³³.

Наконец в 1380 году давно жданный Мамай пошел на Москву с огромным войском; Димитрий был готов, множество подручных князей явилось к нему по первому зову; биться и победить татар была не новость, и московские полки пошли искать врагов на границы степей, к Дону; они возвратились победителями, хотя с страшным уроном; Мамай был прогнан и погиб, но татары еще не хотели отказаться от русских денег. Тохтамыш заступил место Мамаю; наученный примером последнего, он видел, что московского князя трудно одолеть силою в чистом поле и потому употребил хитрость: явление важное, показывающее великое значение Куликовской битвы! Татары отказываются бороться с Москвою в чистом поле и только в хитрости видят средство одолеть ее; но хитрость есть орудие слабого, следовательно, татары явно признают свою слабость перед юным Московским государством.

³² Там же. 85

³³ Великий князь и Николай Вельяминов (брат Ивана) были женаты на родных сестрах, княжнах нижегородских.

Тохтамыш внезапно перешел Волгу и устремился к московским границам. На этот раз Димитрий не был готов, он не думал, чтобы татары так скоро пошли по следам Мамаевым; к тому же Куликовская битва стоила дорого новорожденному государству; Русская земля, говорит летописец³⁴, оскудела воеводами и слугами и всяким воинством, и от этого великий страх был по всей земле Русской. Вот почему, когда великий князь узнал о приближении Тохтамыша, то оставил Москву и удалился в Переяславль, а оттуда мимо Ростова — в Кострому. Тохтамыш перешел Оку, взял Серпухов и приблизился к Москве. Здесь по отъезде князя восстало большое смятение: одни хотели бежать, а другие — сесть в осаде; кто хотел бежать, тех били и грабили; не пустили сначала ни великой княгини Евдокии, ни митрополита Киприана; во всех городских воротах стали с обнаженным оружием и бросали камнями в тех, кто хотел выйти из города; наконец позволили выехать великой княгине и митрополиту. В это время явился в Москву литовский князь Остей, внук Ольгердов: он укрепил город и граждан и сел с ними в осаде воеводою.

23 августа 1382 года пришли татары к Москве, подъехали к городским стенам и спросили стражу, в городе ли великий князь. Им отвечали, что нет; татары осмотрели кругом весь город и уехали прочь. Около Кремля было все чисто, потому что жители сами выжгли все свои посады и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета к стенам. Осажденные с князем Остеем не теряли духа; выносили из господских погребов меды, напивались и смело кричали: «Что нам бояться татарского нашествия! У нас город каменный, крепкий, ворота железные, а татары не любят долго стоять под городами; к тому же они боятся, чтоб с одной стороны мы не сделали вылазки из города, а с другой — чтоб князья наши не пришли на них откуда-нибудь; скоро им придется бежать назад в свои степи». Некоторые влезали на стены и оттуда смеялись над татарами, плевали и бранили их, те издалека грозили им саблями. На другое утро сам Тохтамыш пришел под Москву со всею своею силою; москвичи встретили татар стрелами и камнями, те начали пускать стрелы, как дождь, так что помрачили воздух; многие граждане в Кремле и на забралах падали мертвые: татарские стрелы одолевали пуще, чем московские; одни татары стреляли стоя, и все впопад, другие разбегались на лошадах и стреляли обеими руками, взад и вперед, и тоже все впопад; некоторые прислонили лестницы и лезли на стены; граждане лили на них из котлов горячую воду и тем сбивали их назад, били камнями из самострелов, пороков и тюфяков, стреляли и из пушек. Всех больше отличался один из москвичей, суконник именем Адам: он из самострела убил знаме-

³⁴ Никон. IV 129

нитого ордынского князя, о котором сильно горевал Тохтамыш. Три дня стоял хан у Москвы, а на четвертый удалось ему обольстить князя Остея ложными словами и ложным миром. От его имени подъехали к стенам знатные татары, также двое русских князей, шурыя великого князя Дмитрия, сыновья Дмитрия Константиновича Суздальского, и начали говорить москвичам: «Хан вас хочет жаловать, потому что вы ни в чем не виноваты, не на вас пришел хан, а на князя Дмитрия, от вас же ничего не требует больше, встретьте его только с честью и с легкими дарами, он хочет побывать в вашем городе и посмотреть его, а вам даст мир и любовь». Князя Суздальские вторили татарам и даже поклялись, что гражданам нечего опасаться Тохтамыша. Москвичи поверили им, и Остей, взявши лучших людей, вышел с крестами и дарами навстречу к хану. Татарам того только и хотелось: прежде всего убили они князя Остея, заманивши его в свои полки; потом пришли к городским воротам и начали рубить без милости священников и монахов, по их трупам ворвались в город, побили без разбору множество жителей, других побрали в плен, разграбили церкви, пожгли книги, снесенные отовсюду в Кремль, взяли все имение частных людей и казну княжескую. После этого Тохтамыш распустил войска свои под разные московские города; один из татарских отрядов наткнулся у Волока на полки князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитриева, и потерпел от них поражение; Тохтамыш испугался и пошел назад в степи со многим полоном и бесчисленным богатством³⁵. Чрез несколько дней возвратился в Москву великий князь Дмитрий, велел хоронить убитых и послал рать на князя Олега Рязанского; тот, уже и так разоренный Тохтамышем, ушел в степь с своими боярами; московские полки вошли беспрепятственно в его землю, повоевали, пожгли, попленили и всю пугу положили; «злее ему стало и татарской рати»,— говорил летописец³⁶.

Между тем Михаил Тверской думал воспользоваться бедствием Москвы и отправился в Орду хлопотать об ярлыке; но Тохтамыш знал, что Дмитрий мало смотрит на ярлыки ханские и что в другой раз навряд удастся напасть на него врасплох, и потому когда явился в Орду сын великого князя московского, Василий Дмитриевич, то хан немедленно отправил в Москву посла с добрыми речами и с пожалованием, а тверской князь возвратился ни с чем домой. Чтобы хан оставил Москву в покое, Дмитрий послал ему много денег, и была дань большая по всему княжению Московскому, с деревни по полтине³⁷. Тохта-

³⁵ Там же. 137.

³⁶ Там же. 138.

³⁷ Там же. 144.

мыш был доволен и не трогался из Орды, но зато Олег Рязанский пришел нечаянно в Коломну, взял и разграбил ее; Димитрий послал против него двоюродного брата своего Владимира Андреевича, но бой был неудачен: рязанцы побили многих бояр московских и воеводу князя Михаила Полоцкого, внука Ольгердова. Только св. Сергию, игумену Радонежскому, удалось прекратить давнюю вражду между Москвою и Рязанью. Помирившись с Рязанью, московский князь ходил на Новгород и взял с него деньги за то, что новгородские разбойники грабили Кострому и купцов по Волге. Последним событием, встревожившим Москву в княжение Димитрия, была размолвка его с двоюродным братом Владимиром Андреевичем: великий князь схватил старших бояр Владимировых и рассадил по городам за крепкою стражею; однако несогласие между братьями скоро прекратилось.

В мае 1389 года умер великий князь Димитрий Иоаннович Донской. При нем в Москве явился каменный Кремль, заложенный весной 1367 года; монастыри: Чудов, Андроннев, Симонов. Но княжение Донского в летописях Москвы более знаменито страшными бедствиями: жестокий мор, голод, скотский падеж, пожар, который долго после того слыл великим Всесвятским, потому что начался от церкви Всех Святых; «было лето сухое и знойное; встала сильная буря с вихрем, разметала огонь повсюду, и много людей погибло и пожгло»³⁸; два нашествия Ольгердова, нашествие Тохтомышева. Прежде татарского разорения Москва была на глазах современников город великий и чудный, многое множество было в нем людей, кипел богатством и славою, после же остался только дым, пепел, земля окровавленная, трупы да обгорелые церкви³⁹; как велико было тогдашнее народонаселение Москвы, видно из того, что во время Тохтамышева нашествие погибло в ней более 24 000 человек. В княжение Иоанна Калиты и двоих сыновей его, не ознаменовавших себя никакими блестящими подвигами, Москва наслаждалась миром, богатела, не знала вражьих нашествий; но в славное княжение внука Калитина, перешедшего в потомство с венцом победителя, Москва потерпела три опустошительных нашествия, два от Литвы и одно от татар; любопытно заметить также, что Москва начинает терпеть от татар именно после Куликовской битвы.

Димитрию наследовал сын его Василий. В самый первый год его княжения москвичи были испуганы усобицею, которая грозила возгореться между молодым великим князем и дядею его, Владимиром Андреевичем Серпуховским, но, к счастью, размолвка не дошла до открытой войны. Без войны успел Василий

³⁸ Там же 8

³⁹ Ростов летоп у Карамз V Примеч 97

примыслить к Москве и княжество Нижегородское с Городцом, Мещерою и Тарусою; но скоро пришла в Москву страшная весть, что между татарами явился опять грозный хан, сильнее Батяя и Мамая, Темир-Аксак, который покорил много царств, выгнал Тохтамыша и собирается идти на Русь, пленить христианство, как попленил его в старину хан Батый⁴⁰. Василий не стал дожидаться Тамерлана в Москве, но собрал войско и повел его на берега Оки; здесь донесли ему, что Елец уже взят татарами, что Тамерлан стоит уже в Рязанской земле, положил пусты оба берега Дона и собирается на Москву. Великий князь послал уведомить об этом митрополита Киприана и сказать ему свою мысль, чтобы перенести в Москву из Владимира чудотворную икону Богородицы, которую, говорят, писал евангелист Лука. Митрополит немедленно предписал всеобщий пост и послал во Владимир за иконою; далеко за городом встретили ее Киприан со всем духовенством, князь Владимир Андреевич с другими князьями и боярами и множество народа от мала до велика; икону проводили в Успенский собор, где она и осталась навсегда. Говорят, что в тот самый день, как происходила эта встреча, Тамерлан вышел из Русской земли. Великий князь возвратился назад с полками и в память неожиданного избавления от беды построил Сретенский монастырь на Кучкове поле, где москвичи встретили икону; и до сих пор в Москве празднуется день избавления (26 августа) крестным ходом; это самый старший по установлению из всех крестных ходов московских.

После Тамерлана долгое время стоял мир; и хотя московский князь часто ссорился с тестем своим Витовтом, князем Литовским, выводил против него и полки, но дело не доходило до битв; из Руси Литовской много приезжало в Москву знатных выходцев, князей и бояр, которым Василий давал богатые волости в кормление, думая, что они будут ему полезны в войне с Витовтом; старым людям на Москве это очень не нравилось, они поговаривали: не добра дума бояр наших, что нанимают татар и берут их на войну против литовского князя; не от того ли в старину Киев и Чернигов потерпели напасти и беды большие, что воевали между собою и поднимали друг на друга половцев; а эти поганные, рассмотревши весь русский народ, и войско, и крепость князей наших, одолевали их: так и теперь будет! По словам летописца⁴¹, в то время не было на Москве бояр старых, но молодые заправляли всеми делами и рады были войне. Так, когда пришел из Литвы в Москву князь Свидригайло Ольгердович подговаривать великого князя на Витовта, то Василий дал ему в кормление город Владимир; старики осердились: как, говорили

⁴⁰ Никон IV, 260

⁴¹ Там же V, 21

они, дать пришлецу, ляху, такой славный город, где церковь Пречистыя Богородицы златоверхая! Старые люди пророчили недоброе, и на этот раз их предсказания сбылись. В Орде тогда именем хана Булат-Салтана владел Едигей, старик хитрый и бодрый, которому очень не нравилось, что московский князь сам не ездит в Орду и не шлет туда денег; но Едигей, подобно Тохтамышу, не надеялся силою управиться с Москвою и потому также употребил хитрость: распустил слух, что идет на Витовта, а сам двинулся на Василия, который вовсе не ждал его и не успел собрать войско. Оставляя стеречь Москву дядей своих, Владимира Андреевича и Петра Дмитриевича, великий князь уехал в Кострому с княгинею и детьми; тогда в городе произошло страшное смятение: многие в беспамятстве от страха побежали сами не зная куда, бросив имение, которое досталось ворами и разбойникам⁴², посады были зажжены, и пожар увеличил смуту; в это время показались полки татарские.

Едигей пришел и стал в селе Коломенском; не видя ниоткуда сопротивления, он распустил войско по окрестным областям и побрал много городов, волостей и сел; кроме оружия татарского, множество христиан померло тогда от холода, потому что зима стояла морозная, с ветрами и метелями. Москву взять приступом Едигей не надеялся, а хотел зимовать под ней и принудить голодом к сдаче; но скоро он должен был переменить свое намерение: из Орды приехал гонец с вестию, что какой-то царевич татарский захотел воспользоваться отсутствием Едигея и утвердиться в Большой Орде, изгнав или убив Булат-Салтана. В таких обстоятельствах медлить было нельзя; Едигей послал в Москву с мирными предложениями, взял с нее 3000 рублей откупа и поспешно отправился назад. Так потерпела Москва от татар и при наследнике Донского.

Кроме этого бедствия Москва терпела, как обыкновенно, от пожаров: в 1389 году⁴³, в 1395⁴⁴ и 1414⁴⁵; в оба первые раза, по словам летописца, погорело по несколько тысяч дворов. Не один раз москвичи страдали и от голода: в самый год Едигеева нашествия была дороговизна на хлеб, и много людей померло от голода; потом с 1419 года в продолжение трех лет свирепствовал страшный голод по всем областям русским⁴⁶. Москва мало изменилась при сыне Донского: основан в Кремле Вознесенский девичий монастырь матерью великого князя Евдокиею, в монашестве Евфросиниею; расписан Благовещенский собор русскими

⁴² Там же. 23.

⁴³ Там же. IV, 194.

⁴⁴ Там же. Стр. 257.

⁴⁵ Там же. V, 53.

⁴⁶ Там же. Стр. 26, 79.

художниками, между которыми особенно отличался монах Андрей Рублев, которого после называли *пресловутым* и ставили в образец. «В 1404 году,— говорит летописец⁴⁷,— великий князь замыслил часник и поставил его на своем дворе, за церковию Св. Благовещения. Этот часник нарицается *часомерье*; на всякой час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы дневные и ночные; не было человека ударявшего, но *человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтенно и преухищренно*». Так удивительны казались нашим предкам часы! Мастером этого чуда был монах Афонской горы именем Лазарь, родом из Сербии. Как обширна была Москва в это время, видно из следующего известия: в 1394 году замыслили копать ров от Кучкова поля (Сретенки) в Москву-реку; много было людям убытка, говорит летописец: хоромы разметывали и много трудились, но ничего не сделали⁴⁸.

Москва страдала от Литвы, от татар, от пожаров, от бедствий физических, но еще ни разу не страдала от усобиц между собственными своими князьями; по смерти Василия Дмитриевича она испытала и эту беду. Новый великий князь, Василий Васильевич, был десятилетний младенец, которому дядя, Юрий Дмитриевич, не хотел уступить старшего московского стола; несмотря на все старания митрополита Фотия, соперники отправились в Орду; здесь, благодаря стараниям и ловкости главного боярина московского, Ивана Дмитриевича, хан решил дело в пользу молодого Василия. Но ханское решение не прекратило вражды между племянником и дядею, и Юрий не поднимался явно на Василия только потому, что знал свою слабость, знал приверженность к племяннику духовенства, которое давно уже стремилось к прекращению усобиц, а единственное средство к тому видело в единовластии и в преемстве престола от отца к сыну, а не от брата к брату; Юрий не мог надеяться найти себе союзников и в боярах московских, которые знали, что при сыне прежнего великого князя и они останутся в Москве с прежним значением, тогда как старый Юрий может привести из своего удела старых бояр, своих любимцев, с которыми привык думать и которые, следовательно, оттеснят бояр московских. Легко понять, что и все вообще жители Москвы были гораздо более привязаны к молодому Василию, у них родившемуся и воспитанному, чем к старому Юрию, о котором уже забыли и который мог принести с собою большие перемены. Итак, Юрию оставалось ждать удобного случая, не сыщется ли каким-нибудь образом союзник ему в самой Москве, который поможет ему

⁴⁷ Троицк. 7. Карам. V, пр. 249.

⁴⁸ Никон. IV. 256.

овладеть ею. Этот союзник нашелся: боярин Иван Дмитриевич, так усердно служивший великому князю в Орде, хотел выдать за него дочь свою; но мать Василия, великая княгиня Софья, женила сына на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича. Раздосадованный этим Иван Дмитриевич ушел к Юрию и начал подушать его на племянника. Между тем в Москве веселились, праздновали свадьбу великого князя; на свадьбе пировали и сыновья Юрия — Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Косой приехал на веселье в золотом поясе на цепях с дорогими камнями; боярин Петр Константинович начал вглядываться в этот пояс и признал, что это тот самый, который был отдан в приданое за дочерью князем Суздальским Димитрию Донскому, но на самой свадьбе был подменен тысяцким Вельяминовым. Петр Константинович сказал о своем открытии великой княгине Софье, и та при всех сняла с князя Василия пояс как вещь краденую. Озлобленные этим позором Юрьевичи ушли из Москвы к отцу своему в Галич, прибыв на дороге Ярославль; Юрий соединился с сыновьями и пошел на Москву, где тогда только узнали о движениях врага, когда он был уже в Переславле. Великий князь Василий, не успев ничего сделать мирными предложениями, собрал что было около него ратных людей, также набрал полк из горожан и вышел против дяди на Клязьму, верст за двадцать от Москвы. У князя Юрия, говорит летописец⁴⁹, было множество войска, а у великого князя очень мало; к тому же от москвичей не было никакой помощи, потому что многие из них были пьяны и с собою меды везли, чтобы еще пить. Великий князь, видя, что ему ниоткуда нет помощи, побежал назад в Москву, взял здесь мать и жену и побежал в Тверь, а из Твери — в Кострому. Дядя Юрий приехал в Москву, сел на великом княжении, потом отправился с войском в погоню за племянником и захватил его в Костроме; Василий добил дяде челом чрез любимца его, боярина Семена Морозова, который уговорил Юрия не только не преследовать племянника, но еще дать ему удел; Иван Дмитриевич сильно сердился за это на Юрия, да и не один Иван Дмитриевич сердился, но и другие многие бояре и слуги, и не любо это было всем⁵⁰.

Несмотря на всеобщее негодование, Василий, по настоянию Морозова, получил от дяди в удел Коломну; перед отъездом туда Юрий задал ему в Москве большой пир и богато одарил его. Василий отправился в новый удел со всеми своими боярами и как скоро утвердился в Коломне, то начал перезывать к себе отовсюду людей: князя, бояре, воеводы, дворяне и слуги толпами стали отъезжать от Юрия из Москвы к Василию в Коломну,

⁴⁹ Никон V 113

⁵⁰ Там же 114

потому что все они не могли терпеть любимца Юрьева, Семена Морозова. Сыновья Юрия, Косой и Шемяка, видя, что у отца их не осталось никого из московских служилых людей, сильно осердились и в сердцах убили Семена Морозова на набережных сених, приговаривая: «Ты злодей, крамольник! От тебя приключилась такая беда отцу нашему, да и нам ты был всегда крамольник и лиходей». Убивши Морозова, молодые князья уехали в Кострому, а Юрий, видя, что великое княжение ему не прочно, дети от него побежали, а люди все идут к Василию в Коломну, послал сказать племяннику: «Ступай в Москву на великое княжение, а я пойду в Звенигород». Юрий действительно выехал из Москвы в сопровождении только пяти человек⁵¹ и не остался долго в Звенигороде, но отправился оттуда в Галич. Василий приехал в Москву и помирился с дядею на том условии, чтобы Юрий не принимал к себе сыновей, Косого и Шемяку, и помощи им не давал. Но старик не исполнил обещания и помог сыновьям в войне их с великим князем; от этого завязалась новая война; в Ростовской области Василий опять был разбит Юрием и бежал в Новгород Великий, а оттуда — в Нижний. Юрий пришел к Москве, на этот раз он не мог войти в нее беспрепятственно, но стоял целую неделю под Кремлем, пока не взял его. Таким образом, Кремль, которого не могли взять силою ни Ольгерд, ни Тохтамыш, ни Едигей, был взят впервые сыном строителя его, Димитрия Донского. Но Юрий недолго жил в завоеванном Кремле: когда сыновья его — Димитрий Шемяка и Димитрий Красный, — гонясь за великим князем Василием, достигли Владимира, то здесь получили весть, что отец их умер, а на великом княжении в Москве сидит старший брат их, Василий Косой; скоро и сам Василий прислал объявить им об отцовской смерти и о своем здоровье и княжении, но братья послали сказать ему: «Если Богу не угодно, чтобы княжил отец наш, то тебя и сами не хотим» — и послали в Нижний за великим князем Василием Васильевичем. Косой, узнав, что братья покинули его, выбежал из Москвы, которая опять досталась сыну Василья Димитриевича; но споры князей этим еще не прекратились, и беды ждали Москву впереди.

Василий Косой не давал покоя Москве до тех пор, пока не попался в плен и не был ослеплен; но остался еще другой Юрьевич, Шемяка, который ждал удобного случая к восстанию против великого князя, оставались еще враги внешние — татары; в 1445 году, узнав, что казанские татары идут к Суздалю, великий князь выступил к ним навстречу; в Москве привыкли уже к победам над ханами, которые были помогущественнее казанских, как вдруг пришла весть, что великий князь не только разбит, но и взят в плен. Такого несчастья Москва еще не испытывала: «Был

⁵¹ Акты Истор 1 № 40

плачь великий и рыдание многое, не только великим княгиням, но и всему христианству»,— говорит летописец⁵²; мало этого: ночью 14 июля сделался пожар внутри города, и выгорело все, так что не только не осталось ни одного дерева, но и церкви каменные распались, и стены каменные рухнули во многих местах, людей множество погорело, потому что с одной стороны—огонь, а с другой—боялись татар и потому не бежали; сколько всякого имущества сгорело—и счесть было нельзя, потому что в это время из разных городов прибежало множество народа в Москву, спасаясь от татар. Две великих княгини, мать и жена Василия, выехали в Ростов с детьми и боярами своими; тогда жители стали волноваться: одни хотели бежать, но простой народ собрался, и прежде всего начали заделывать городские ворота, беглецов ловили, били и ковали; этим утишили волнение, и все сообща начали укреплять город и строить дома.

Москвичи, однако, не дождались татар, вместо того 1 октября были напуганы землетрясением: многие думали, что уже пришел последний час; впрочем, скоро ободрились, узнав, что великий князь в самый тот день, как было землетрясение в Москве, освободился из плена. В ноябре Василий приехал в Москву, но не долго оставался в ней: в феврале 1446 года, по обычаю, отправился он на богомолье к Троице, как вдруг ночью 12 числа явился в Москву Шемяка с князем Иваном Можайским; соумышленники их отворили им кремлевские ворота; обе великие княгини были схвачены, захватили и казну великокняжескую, ограбили бояр и многих богатых граждан; в понедельник на ночь 14 февраля привезли в Москву великого князя Василия, которого схватили врасплох у Троицы, в среду на той же неделе ослепили и сослали в Углич. Шемяка стал княжить в Москве, но суд его многим не понравился, начали стараться о возвращении Василия; Шемяка, видя, что множество людей отстает от него, выпустил Василия из Углича и дал ему в удел Вологду; услышав об этом, бояре, дети боярские и всякие люди побежали от Шемяки к Василию; князь Тверской заступился за него же; пришли к нему на помощь и татары, помнившие его прежнее добро, хлеб и соль.

Шемяка стал на Волоке, чтобы не пропускать Василия к Москве, но тот отправил туда в обход боярина Плещеева с малою дружиною, чтобы тем удобнее утаиться от Шемякиной рати. Плещеев пришел в Москву ночью на самое Рождество Христово и остановился у Никольских ворот; ударили к заутрене, и ворота отворили, чтобы дать проехать в Кремль одной из проживавших в Москве княгинь; Плещеев воспользовался этим случаем и пробрался в ворота; наместник Шемякин, узнав, что Васильевы люди уже в Кремле, убежал прямо из церкви от заутрени. Шемяка,

⁵² Никон. V. 199.

услышав, что Москва занята Плещеевым, побежал в северо-восточные области, а Василий пришел в Москву. Война с Шемякою продолжалась, но Москва не терпела от нее более; потерпела она еще раз от татар летом 1451 года: татары зажгли разом все посады и бросились на приступ к Кремлю; погода была очень сухая, огонь со всех сторон обнял город, церкви начали загораться, от дыма нельзя было ничего видеть, а между тем татары ломались во все ворота. Когда посады сгорели, то в Кремле стало полегче: не было уже такого зною и дыму, и потому москвичи начали делать вылазки; в сумерки татары отступили от Кремля, а граждане стали готовить городской пристрой, пушки, пищали, самострелы, чтобы на другой день биться с безбожниками⁵³, но когда взошло солнце, то увидали, что биться не с кем: татары ночью убежали в степи.

Великий князь, бывший на Волге во время осады, возвратился в Москву, отслужил молебны по всем церквам и говорил народу: «Не унывайте, ставьте хоромы на прежних местах, а я вас пожалую и льготу дам»⁵⁴. Это была последняя беда Москвы от врагов внешних и внутренних в правление Василия Темного. Но кроме вражьи нашествий Москва терпела немало и от других бедствий в это княжение: по-прежнему страдала она от сильных пожаров⁵⁵, необходимо частых в том городе, где, кроме нескольких церквей и стен, не было каменных строений; так, был сильный пожар в 1442 году, в 1453 году выгорел весь Кремль⁵⁶; в 1458 году сгорела третья часть города; терпела Москва и от великого мора в 1425 году⁵⁷; мор пришел от немцев во Псков, а оттуда распространился по всем областям русским, в Москве начался с Троицына дня; в июне 1460 года была в Москве буря страшная, о силе ее можно судить по ужасу, с каким рассказывает об ней летописец; по его словам, многие каменные церкви были поколеблены в своих основаниях, а по селам многие церкви были сорваны и далеко отнесены от прежних своих мест, люди прощались друг с другом, думая, что всем придется погибнуть⁵⁸.

Естественно, что в такие беспокойные времена Москва не могла много украшаться зданиями. Митрополит Иона заложил на своем дворе палату каменную, а в ней церковь Положения Риз⁵⁹, великий князь поставил каменную церковь Рождества Предтечи у Боровицких ворот, где прежде была деревянная; по этому случаю читаем в летописи: «Говорят, что это была первая

⁵³ Там же. 219.

⁵⁴ Там же. 221.

⁵⁵ Там же. 157.

⁵⁶ Там же. 222.

⁵⁷ Там же. 85.

⁵⁸ Там же. 286.

⁵⁹ Там же. 217.

церковь в Москве, на том месте бор был, и церковь срублена в лесу; эта же церковь была и соборною при Петре митрополите, и двор митрополичий тут же был»⁶⁰. Частные люди также строили у себя каменные церкви: так, построил каменную церковь Воздвижения у себя на дворе Владимир Ховрин на месте прежней каменной же, которая распалась в пожаре после Суздальщины; Суздальщиною называлось в Москве страшное время после разбития и плена великого князя при Суздале.

Со вступлением на престол Иоанна III для Москвы возвратилось счастливым время Калиты и сыновей его, когда ни один враг, ни внешний, ни внутренний, не приступал к стенам ее Кремля. Сосредоточение северных русских областей около Москвы приближалось к концу, и вместе с тем уже обнаруживалось следствие этого сосредоточения — сила, дававшая московскому государю возможность начать наступательные движения для собрания русских областей, разнесенных розно врагами, по старинному выражению, и для доставления естественных границ государственной области. Новгород, которого быт был так противоположен и враждебен быту московскому, пал, и не один вечевой колокол был повешен на кремлевской колокольне звонить вместе с другими колоколами, как выразился летописец⁶¹; не одни богатства новгородские употреблены были на украшение московских церквей: часть новгородского народонаселения переведена была в Москву. Пала Тверь, которая так долго соперничала с Москвой; пала Вятка, которая в предыдущее княжение так усердно поддерживала сыновей Юрия; завоевана была Пермь; у Литвы отняты многие старинные русские волости, и московский князь стал говорить, что и Киев, и вся Юго-Западная Русьзначала его же отчина; Рязань стала под опеку Москвы; Казань, где недавно еще был в плену отец Иоанна, приняла хана от руки последнего; Большая Орда згибла сама собою, Крымская еще не поднималась на Москву и верно служила ей. Таково было счастливое княжение Иоанново; несчастно было бы, чтоб такое счастье, такое усиление и обогащение не имели влияния на участь Москвы.

Усилившись, коснувшись границами своими западных просвещенных стран, Московское государство необходимо должно было войти в сношения с ними и воспользоваться плодами искусств, которые там процветали. Ставши известен Западной Европе, московский князь женится на греческой царевне, воспитанной в Риме, отечестве искусств; не могла понравиться царевне после Рима Москва, еще вовсе тогда не белокаменная, но состоявшая из одних деревянных домов с немногими бедными на вид камен-

⁶⁰ Там же 288

⁶¹ Соф Врем II Стр 201

ными церквами; Кремль был наполнен кроме церковей боярскими домами и подворьями разных монастырей; между Успенским и Архангельским собором была площадь; от нее шли две улицы, одна — к Никольским, другая — к Фроловским (Спасским) воротам; Москва занимала тогда не более двадцатой части нынешнего своего пространства, которое было наполнено посадами, слободами, селами, рощами, лугами, огородами, пахотными землями. Каменные церкви строились очень непрочно: так, Успенский собор, построенный при Калите, не простоял и полутораста лет, в княжение Иоанна III уже обветшал, и надобно было думать о постройке нового.

Русскую Церковию правил тогда митрополит Филипп; он призвал мастеров Кривцова да Мышкина и спросил их: возмутся ли они построить церковь, такую же большую и высокую, как во Владимире? Те взялись. Тогда митрополит стал собирать серебро со всех священников и монастырей, бояре и гости добровольно дали деньги, и церковь начали строить. Но мастера не разумели силы в том деле, говорит летописец⁶²: известь растворяли жидко с песком, и потому не клейко, внутрь стены сыпали мелкий камень да поливали его известью, как тестом, и потому дело вышло некрепко: на третий год после заложения церковь упала. Тогда великий князь послал во Псков за мастерами; псковичи объяснили, отчего упала церковь, однако строить им ее не дали, а послали в Венецию за мастером. Мастер приехал: то был знаменитый Фиоравенти, которого, по словам летописца, хитрости ради звали Аристотелем. Фиоравенти порядился работать в Москве за десять рублей в месяц и принялся за дело; он не захотел приделывать северной стены, которая упала, но разбил машиною остальные стены и начал все снова; жители Москвы очень удивились, как это три года делали, а мастер развалил меньше чем в неделю. Фиоравенти ездил и во Владимир — смотреть тамошнюю Богородичную церковь; похвалив работу, сказал: это наших мастеров дело; пять лет строил Успенский собор; 12 августа 1479 года он был освящен митрополитом Геронтием; как важно было это событие для Москвы, доказательством служит семидневный пир духовенству и боярам на великокняжеском дворе и раздача милостыни на весь город, сопровождавшая торжество освящения. «Была та церковь, — говорит летописец⁶³, — чудна очень величеством, и высотой, и светлостью, и пространством, такой прежде не бывало на Руси, кроме Владимирской церкви». Тогда же великий князь заложил каменную церковь в Златоустовском монастыре в честь своего ангела; монастырь этот существовал и прежде, но церковь

⁶² Там же 134

⁶³ Никон VI 108

в нем, построенная московскими гостями, была деревянная и обветшала; постройки не прекращались: созидали новые каменные церкви, разбирали обветшавшие старые; так, в 1481 году заложена была церковь в Сретенском монастыре на поле и Богоявленская — в городе, на Троицком подворье; игумен Чигас заложил кирпичную церковь Спаса за Яузою. В 1482 году разобран был псковскими мастерами Благовещенский собор и вновь выведен в шесть лет; тогда же построена была церковь Риз Положения на митрополичьем дворе; потом в Новоспасском монастыре разобрали старую и заложили новую церковь Архангела Михаила в Чудове монастыре; разобрали бывшую тогда против Чудова монастыря церковь Козьмы и Доминана и поставили новую. Наконец, в 1505 году разобраны были по ветхости и построены вновь Архангельский собор и церковь св. Иоанна Лествичника под колоколами (где теперь Иван Великий). Любопытно заметить, что при Иоанне III разобраны были почти все церкви старинной постройки и на их месте построены новые; таким образом, благодаря неискусству наших древних зодчих почти все наши лучшие памятники не старше второй половины XV века.

Не одними церквями украшалась Москва в княжение Иоанна III: для греческой царевны, привыкшей к великолепию Рима, нужны были дворцы, и вот иностранные художники строят их; кремлевские украшения ветшают, становятся не способны противостоять огнестрельным орудиям, и вот выводятся новые стены с красивыми башнями или стрельницами над воротами; частные богатые люди также строят себе каменные палаты. Итальянскими архитекторами построены были стрельницы у Боровицких ворот, у Константино-Еленских, у Фроловских, у Никольских; вывели и новые стены, причем велено за Неглинною снести церкви и дворы, чтобы между стенами и строением оставили промежуток в сто десять сажен; под воротами делались тайники, или подземные ходы; такие тайники были под Чешковыми воротами и под Свибловскою стрельницею. В 1447 году итальянский архитектор Марко заложил большую каменную палату на дворе великого князя, где стоял терем, в 1491 году она была окончена; под 1499 годом читаем⁶⁴, что великий князь приказал заложить двор свой и палаты каменные и кирпичные, а под ними погреба и ледники на старом дворе у Благовещенья, также вести стену каменную от своего дворца до Боровицкой стрельницы; мастер был Алевиз из Медиолана. Из частных людей каменные палаты построили себе купец Таракан у Фроловских ворот, потом Василий Образец и Голова Владимиров; доказательством диковинных таких явлений в то время служит то, что они были записаны в летописи.

⁶⁴ Ник. VI. 157.

Таким образом, княжение Иоанна III составляет эпоху в истории Москвы; если несправедливо называть Иоанна творцом величия России, потому что все было приготовлено его предшественниками и ему оставалось ступить только шаг далее, то вполне справедливо можем назвать его творцом величия города Москвы, которая при нем совершенно переменила свой вид, сделалась сколько-нибудь похожею на столицу могущественного государя. Уже выше было замечено, что из памятников прежнего времени в Москве почти ничего не осталось: все при Иоанне было разобрано по ветхости и построено новое, следовательно, почти все древнейшие наши памятники одолжены своим созданием Иоанну. Между причинами такого быстрого изменения в виде Москвы, такого обогащения прочными и красивыми зданиями, кроме нового могущества и богатства, приобретенного при Иоанне III, должно положить то обстоятельство, что княжение Иоанна продолжалось почти полвека и во все это время Москва наслаждалась миром, не знала вражьих нашествий. Один только раз жители ее напрасно потревожились при нашествии Ахмата.

Но постоянный враг всех старинных русских деревянных городов — пожар — не пощадил Москву и в княжение Иоанна III. В 1472 году загорелось на посаде у Воскресенья на Рву, горело всю ночь и на другой день до обеда; одних церковей сгорело 25. В 1475 году в один день начинало два раза гореть в Кремле, и почти весь город выгорел. В 1488 году, в августе месяце, загорелась деревянная церковь Благовещения на Болоте, и отсюда пожар обхватил все строение вплоть до кремлевской стены, Сретенского монастыря, Всех Святых на Кулишках, до Васильевского Луга и до реки; погорели дворы всех богатых гостей и других жителей, тысяч с пять, да церковей сгорело до тридцати⁶⁵. В 1493 году были два пожара: весною выгорел весь Кремль внутри, т. е. деревянное строение, остался только новый двор великого князя; летом загорелась от свечи⁶⁶ церковь св. Николая на Песках, встала буря и перекинула огонь на другую сторону Москвы-реки ко Всем Святым, оттуда за Неглинную до Егорьевской церкви, и в тот час начало гореть во многих местах: выгорел посад за Неглинною, от церкви Сошествия Св. Духа до Чертолья, до Бориса и Глеба на Арбате и до Петровской слободки, а за Москвою-рекой выгорело от св. Софии до Иоакима и Анны; из Заречья огонь перекинулся в Кремль: здесь загорелся двор в[еликого] князя, старый и новый, двор в[еликой] княгини, митрополичий, церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот; в Успенском соборе сгорел алтарь; из Кремля перебросило огонь на торг, и выгорел посад по реке до Зачатья на Востром конце, до

⁶⁵ Соф. Врем. II. 233

⁶⁶ Никон. VI. 137; по другим лет., напр. Соф. Врем., — от молнии

Васильевского Луга и Всех Святых на Кулишках; выгорела и Стретенская улица до Всполюя. В этот страшный пожар погибло более 200 человек и имения бесчисленное множество; во время пожара в [еликий] князь находился со всем двором у Яузы, у Николы в Подкопаевом, на крестьянских дворах. Обыкновенным средством, употреблявшимся тогда при тушении пожаров, было разметывание окружных дворов; сам в [еликий] князь с сыном присутствовали на пожарах и помогали разметывать строения. При Иоанне летописец упоминает о первом полицейском учреждении в Москве, об устройении по улицам рогаток, около которых стояли караулы и не пропускали ночью никого без фонарей.

Сын Иоанна, Василий, доканчивал дела своих предшественников: присоединены были к Москве Рязань, княжество Северское, взят Смоленск у Литвы, пал Псков, последний город с вечем на Руси, вечевой колокол отослан был в Москву, туда же переселены были на житье и лучшие люди из Пскова. В 1521 году жители Москвы напуганы были приближением крымского хана Магмет-Гирея, но татары не пошли далее села Воробьева, и Москва осталась невредима. При Василии построена была церковь Николы Гостунского в Кремле, каменная вместо прежней деревянной; основан в память взятия Смоленска Новодевичий монастырь близ монастыря св. Саввы (теперь приходская церковь), за посадом построены каменные церкви: Преображения на дворе великокняжеском, св. Георгия у Фроловских ворот, Бориса и Глеба на Арбате. Рвы около Кремля обложены были камнем и кирпичом. О пожарах летописи редко упоминают: в 1508 году погорели от панского двора посад и торг⁶⁷. При Василии считалось в Москве 41 500 домов, число жителей полагают более 100 000.

Царствование Иоанна IV не было для Москвы так счастливо, как правление деда и отца его, причиною тому были смуты боярские во время его малолетства, а потом подозрительность Иоанна, следствием которой было установление опричнины и то обстоятельство, что царь мало жил в Москве, а более проводил время в Александровской слободе; сюда же присоединилось и страшное опустошение, причиненное большим пожаром и нашествием крымского хана Девлет-Гирея. В правление великой княгини Елены заботились об укреплении Москвы: в 1534 году Елена исполнила намерение супруга своего, великого князя Василия, и велела копать ров от Неглинной вокруг посада, где находились купеческие лавки⁶⁸; в следующем году после крестного хода и молебна италианец Петрок Малый заложил около рва каменную стену с четырьмя башнями; новое укрепление получило имя Китая-города, или Среднего, как объясняют. Са-

⁶⁷ Никон. VI. 182.

⁶⁸ Никон. VII. 2; Карамз. VIII. Примеч. 64.

мыми радостными событиями для жителей Москвы в царствование Грозного были, во-первых, торжественное объявление, сделанное самим царем с Лобного места, что отныне он будет сам управлять государством; и потом возвращение Иоанна в столицу после взятия Казани; вот как летописец говорит о последнем⁶⁹: «Пришел государь к царствующему своему граду Москве, и встретило государя множество народа, такое множество, что и поля не вмещали всех людей: от реки Яузы до посада и по самый Кремль по обе стороны дороги стоял народ, старый и малый — все вопили, желали многая лета царю благочестивому, победителю варваров и избавителю христианства».

В память покорения Казани построен был Покровский, или Троицкий, собор (Василия Блаженного) на месте прежней деревянной церкви св. Троицы на Рву.

Главных бедствий было также два: большой пожар 1547 года и нашествие Девлет-Гирея. В апреле 1547 года загорелась в Китае-городе лавка в москательном ряду, и погорели лавки во всех рядах с товарами от Никольского крестца до речной городской стены, также гостиные дворы великого князя и дворы частных людей от Ильинской улицы до городской стены; горели монастыри Богоявленский и Ильинский, а у Москвы-реки в башне загорелся порох, башню разорвало, и кирпичи разбросало по берегу Москвы-реки и в реку. В том же месяце был пожар за Яузою: погорели Гончары и Кожевники, причем выгорела церковь Спаса в Чигасове монастыре. В июне месяце падение большого колокола с Ивановской (тогда деревянной) колокольни как бы служило предзнаменованием беды: 21 числа того же месяца загорелась церковь Воздвижения на Арбатской улице, на остре, во время страшной бури; огонь потек как молния, говорит летописец⁷⁰, пожар промчался в один час по пространству от церкви св. Федора на Арбате до сельца Семчинского (где теперь Стоженка) к реке Москве. Потом буря поворотила на Кремль, загорелось деревянное строение на дворе великого князя, сгорел казенный двор с царскою казною, Благовещенский собор, оружейная и постельная палаты, выгорели монастыри Чудов и Вознесенский и все дворы в Кремле, а в Китае — все лавки и дворы. За городом выгорел большой посад возле Неглинной, пушечный двор, Якиманская церковь, Рождественка, монастырь Рождественский и церковь св. Сергия до монастыря Николо-Драчевского; по Сретенке — до церкви св. Стефана; по Ильинской улице — до церкви св. Флора в Мясниках; Покровкою до церкви св. Василия; Варварская улица погорела со всеми церквями по Воронцовский двор и церковь св. Илии под Сосенками; выгорела и Великая

⁶⁹ Никон VII. 188.

⁷⁰ Там же. Стр. 55.

улица возле Москвы-реки и возле Яузы по Воронцовский сад, выгорели все сады, в огородах — всякая овощь и трава; народу сгорело 1700 человек. Но этого мало: черные лица, по словам летописца⁷¹, от великой скорби пожарной восколебались, как юродивые, и, пришедши в Кремль, убили камнями боярина, князя Юрия Глинского, и многих детей боярских, крича, что они сожгли Москву Царь, который находился тогда в селе Воробье-ве, приказал перехватить и казнить безумцев и тем утешил волнение.

В 1571 году Москва испытала подобное же бедствие: крымский хан Девлет-Гирей подошел к столице 24 мая, на Вознесенев день; воеводы не защитили Москвы и расположили свои полки в посадах; татары зажгли их, посады сгорели все и в городе все дворы; людей погорело бесчисленное множество, так что Москва-река не пронесла мертвых: принуждены были приставить нарочных людей, чтобы спроваживать трупы вниз по реке; некоторые иностранные писатели полагают число погибших в это время от огня и давки до 800 000 человек, но такого преувеличенного показания мы никак не можем принять. Кроме этих бедствий Москва в царствование Иоанна IV потерпела еще вместе с другими городами от голода в 1557 году: множество народа померло тогда по всем городам; зима была холодная, большие морозы шли не прерываясь, ни одного дня не было с оттепелью; к тому же выпали глубокие снега, занесли целые деревни, много народа погибло на дорогах.

В царствование Феодора Иоанновича Москва была счастливее, хотя не избавилась и тут от своих обычных бедствий — пожара и татарского нашествия. При Феодоре в 1586 году обнесен каменными стенами посад, обнимавший Кремль и Китай с западной и северо-восточной стороны, новый город назван Белым; строитель его был русский мастер Феодор Кононов. Потом, после татарского нашествия обнесены деревянною стеною и все остальные посады. В это же время для избежания пожаров улицы начали проводить шире прежнего, именно в 12 сажен, а переулки — в 6, мостовая на них была деревянная, в окружности имела тогда Москва более двадцати верст; в Кремле насчитывали 35 каменных церквей, а в целой Москве — более 400; большая часть домов похожи были видом и величиною на теперешние крестьянские избы. Несмотря на меры против пожаров, несмотря на то, что строились просторнее, что особые чиновники ездили по городу и смотрели, чтоб нигде без нужды не употребляли огня, в 1591 году в июле месяце был сильный пожар: выгорел весь Белый город от Чертольских (Пречистенских) ворот до Неглинной. В тот же год приходил под Москву

⁷¹ Там же 59

крымский хан Казы-Гирей и бился под нею с царскими воеводами; на этот раз Москва уцелела, хан бежал после нерешительной битвы, в память избавления построен был Донской монастырь.

В царствование Бориса Годунова Москва начала уже предвкусывать бедствия, которые готовились ей в начале XVII в. Кроме политического зла в царствование Годунова жители Москвы испытали страшное физическое бедствие — трехлетний голод с его следствием — заразительными болезнями; многие тысячи людей, по словам летописца, лежали по улицам, умирая с голоду; для его утоления употребляли сено, солому, сор и всякую влажную нечистоту; другие лежали при мясных лавках, подлизывая с земли кровь битой скотины; родители покидали детей, мужья жен; иностранцы, бывшие тогда в Москве, и некоторые современники из русских рассказывали, что люди убивали и ели друг друга; на трех московских кладбищах схоронено было 127 000 трупов, не считая похороненных при церквях. В это время Годунов, чтобы дать работу и пропитание бедным людям, сошедшимся отовсюду в Москву, предпринял большие каменные постройки; обыкновенно думают, что в это время построена Ивановская колокольня, но надпись под главою говорит, что храм сооружен и позлащен во второй год царствования Годунова, т. е. в 1600 году, следовательно, за два года до голода.

Физические бедствия были предвестниками политических: скоро жители Москвы услышали дивные вести, будто царевич Димитрий жив и собирается идти на своего злодея — Годунова; вслед за тем Москва была свидетельницею истребления семейства Годуновых, торжественного вшествия Ижедмитрия, буйства поляков, волнений в народе, страшного утра 17 мая, бедственного правления Шуйского; испытала осаду от тушинцев, наконец, владычество поляков в стенах своих. 19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, произошла знаменитая схватка между жителями Москвы и поляками, следствием которой было сожжение столицы. Народ толпами пустился из Москвы в лютый мороз; поляки сели в осаде, ожидая ополчения, собравшегося для очищения государства под начальством Ляпунова. 1 апреля ополчение подошло к Москве. Сначала дело шло успешно: русские овладели Белым городом, осадили поляков в Китае и Кремле, немцев — в Новодевичьем монастыре, который сдался; но скоро в стане осаждающих возникли смуты, Ляпунов был убит, Заруцкий с казаками взял верх, и дело ополчения рушилось, Москва по-прежнему оставалась за поляками. Наконец, в августе 1612 года пришло под Москву второе ополчение избавителей под начальством князя Дм. Мих. Пожарского и Кузьмы Минина. 21 августа завязался бой между Пожарским и польским гетманом Ходкевичем около Чертольских ворот; князь Трубецкой, начальник остатков прежнего ополчения, стоял со своими казаками за

Москвой-рекою и не только не помогал Пожарскому, но еще задерживал конные сотни последнего, присланные ему на помощь; они принуждены были силою вырваться от казаков, из которых только четыре атамана бросились вместе с ними на помощь к Пожарскому, начинавшему уже ослабевать; благодаря этому подкреплению гетман был отражен и стал у Донского монастыря. 24 августа имела место вторая битва между Пожарским и Ходкевичем; Пожарский стоял у церкви Илии Обыденного, Трубецкой — за Москвой-рекою. Бой продолжался целый день с переменным счастьем, когда к вечеру явился к Пожарскому Кузьма Минин и потребовал людей, чтоб покончить дело; Пожарский отвечал ему: «Возьми, кого хочешь». Минин взял отряд, перешел Москву-реку и у Крымского двора ударил на две польские роты; те не выдержали натиска, обратились в бегство и смяли остальные полки Ходкевича, который принужден был к поспешному отступлению. Русские отряды хотели броситься за ним, но были удержаны воеводами, которые говорили, что в один день не бывает двух радостей. Гетман отступил к Воробьевым горам, всю ночь стоял на конях и на другое утро двинулся по дороге в Польшу.

Освободившись от Ходкевича, Пожарский и Трубецкой начали теснить поляков, остававшихся в Кремле и Китае, и взяли приступом последний. Кремлевские поляки, доведенные до крайности, терпя страшный голод, сперва выслали от себя всех женщин, потом сдались и сами 24 октября. На другой день, 25-го, в воскресенье, происходило очищение Кремля: воины Трубецкого собрались в церковь Казанской Богородицы за Покровскими воротами, а воины Пожарского — в церковь Иоанна Милостивого на Арбате; к ним присоединилось духовенство и народ, подняли кресты и иконы и пошли все в Китай-город, где соединились на Лобном месте. Здесь троицкий архимандрит Дионисий отслужил молебен, после которого крестный ход отправился в Кремль, где был встречен галасунским архиепископом Арсением с духовенством кремлевских соборов. Войско и народ с восторгом устремились в Успенский собор, где и слушали обедню.

Радость москвитян об очищении Кремля не была продолжительна, потому что государство без главы было подвержено и внутренним смутам, и нападениям внешних врагов: начальники ссорились, казаки буйствовали, и вдруг разнеслась страшная весть, что король польский Сигизмунд идет на Москву, в которой не было тогда ни войска, ни запасов, ибо многие дворяне, думая, что дело кончено, разъехались по домам. Уже король стоял у Волоколамска, и польские отряды имели сшибку с русскими под самую Москву; в этой сшибке был взят в плен поляками смоленский дворянин Иван Философов, который оказал великую услугу Москве: на вопросы короля и панов его, хотят ли в Москве

иметь царем королевича Владислава и снабжен ли город людьми и запасами, Философов твердо отвечал, что Москва людна и хлебна и на том все поклялись, чтоб всем умереть за православную веру, а королевича на царство не брать. Король испугался и пошел назад в Польшу.

Избавившись во второй раз от беды, военачальники приступили к созванию выборных для царского избрания. 21 февраля 1613 года провозглашен был царем Михаил Феодорович Романов.

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ В XVII ВЕКЕ

Осенью 1614 года приехал в Москву к новоизбранному государю Михаилу Феодоровичу посол от английского короля Иакова I, Джон Мерик. Этот Мерик издавна жила в Москве и был известен под именем гостя Ивана Ульянова; смутное время заставило его уехать в Англию, а теперь он возвращался, и возвращался он уже как посол королевский; в переводе верующей грамоты он был назван князем, рыцарем, дворянином тайной комнаты. Приезд Мерика был чрезвычайно важен: он приехал посредничать при заключении мира между Москвою и Швециею, мира, который был тогда так нужен новому правительству московскому. Понятно, что Мерик должен был стараться извлечь из этого положения своего возможные выгоды для своих соотечественников; он объявил боярам желание своего короля, чтоб царь дал англичанам повольную торговлю в России и дал им путь по Волге в Персию. Бояре отвечали, что государь уже дал позволение английским купцам приезжать к Холмогорам, к корабельной пристани и в другие места и торговать там повольною торговлею всякими товарами беспошлинно и дал им свою жалованную грамоту за печатью.

Что же касается до Волжского пути, то через Московское государство рекою Волгою в Персиду и в другие восточные государства английским гостям в нынешнее время ходить страшно: «Тебе, князю Ивану, самому известно, что смута была, в Астрахани был Иван Заруцкий с Маринкою; теперь воеводы Астрахань взяли и Заруцкого сюда в Москву прислали; но те воры, которые были с Заруцким, в большом числе убежали на Волгу и теперь воруют на Волге, наших многих купцов пограбили; кроме того, шах персидский — в Грузинской земле, подданной государю нашему; между шахом и нашим государем идут об этом переговоры, и наши купцы теперь в Персиду не ходят. А как, даст Бог, дорога в Астрахань очистится, и с персидским шахом договор о Грузинской земле постановится, то государь с Шакубом королем об этом сошлется».

Но Мерик не довольствовался Волжским путем, он просил позволения англичанам ездить рекою Обью в Восточную Индию. «Мы думаем,— говорит он,— что дорога Обью-рекою отыщется,

станут английские и русские люди в Индию ходить, и такая прибыль царской казне будут, каких прежде не бывало; и теперь у нас в Индию есть дорога, но по ней в три года оборачиваются—это время долгое!» Потом Мерик говорил, что нашли англичане новую землю, «слывет она Гирлянь, пуста, людей нет, а промысл—бьют китов, моржей, добывают сало и зуб рыбий, и другого в ней угодья много, и оленей очень много; государь бы пожаловал, отпустил из своей отчины, Лопской земли, людей, которые умеют оленями владеть и тем промыслом, что у них в Лопской земле, промыслять, отпустил бы их по договору, сколько человек пригоже, чтоб английским людям указали; а как они там побудут и английские люди тому делу у них навькнут, то их опять отпустят в государеву землю.

Да есть в земле царского величества, на реке Сухоне, руда железная и оловянная: так государь бы позволил из Английской земли привезти знатцов и кузнецов, они найдут и станут делать, государю от этого будет прибыль, да и русские люди научатся отыскивать и разрабатывать руду и станут тут жить. Около Вологды много земли пустой, болотной, ни к чему не годной; пожаловал бы государь, позволил англичанам туда своих людей привезти для промысла, они станут русских людей нанимать, пашню тут пахать, сеять лен и полотно станут делать такие, что и за море будут ходить»».

Бояре отвечали, что прежде всего надобно покончить шведское дело, и Мерик отправился для переговоров. По заключении Столбовского мира он опять приехал в Москву, и боярин Федор Иванович Шереметев говорил ему от имени царского: «Вы, князь Иван, по наказу брата нашего любительного Якуба короля, будучи на посольском съезде, нам, великому государю, служил, о наших делах радел и промыслял и с нашими послами советовал, как бы нашему царскому имени было к чести и повышенью; мы брату нашему любительному за эту его любовь и дружбу будем нашею царскою любовью и дружбою воздавать, как нашему царскому величеству будет возможно. А тебя за твою службу и раденье похваляем и нашим жалованьем жаловать тебя хотим против твоей к нам службы и к брату нашему любительному о твоей службе и радении отпишем и вперед твою службу и раденье учиним памятными навеки». Такой привет должен был подать Мерику надежду, что его просьбы будут исполнены; он опять стал просить, чтоб позволено было английским купцам ездить Волгою в Персию.

Шереметев отвечал ему: «Наши русские торговые люди оскудели; теперь они в Архангельске покупают у англичан товары, сукна, возят их в Астрахань и продают там персиянам, меняют на их товары, отчего им прибыль и казне прибыль; если же англичане станут прямо ездить в Персию, то они в Архангельске

русским людям продавать своих товаров не будут, повезут их прямо в Персию, и персияне с своими товарами в Астрахань ездить перестанут, будут торговать с англичанами у себя. Да и потому нельзя шах за Грузию на государя досаждает, и в тех местах, через которые надобно проходить в Персию, война, воюет персидский с турецким; да и по Волге проезд страшен, кочуют Большие Ногаи; так это дело теперь бы отложить до другого времени, пока государь наш с польским королем управится, и Московское государство от многих убытков поправится, и у шаха с государем, а у турецкого — с шахом мир утвердится».

Мерик возражал, что русским купцам будет прибыль, а если они захотят с англичанами торговать вместе сообща, то английские купцы будут ссужать государевых людей товаром, смотря по людям и по промыслу, на тысячу, на две, на шесть тысяч и больше без роста; а которыми товарами государевы люди будут торговать с персиянами, теми товарами англичане торговать не станут; дело известное, где больше съезду торговым людям, тут больше товаров и таможенных пошлин и все дешевле: ведь из Английской земли ходить в Персиду и из Персиды в Английскую землю государевою же землею Бояре говорят, что путь страшен, но английские купцы скоро не сберутся, пройдет год, другой, и пойдут, когда государь прикажет, только бы государь дал жалованную грамоту. Бояре отвечали, что англичане русским людям своих товаров продавать не станут, а если и станут, то цену положат вдвое или втрое, и отговаривали всякими мерами, но не успели отговорить, Мерик настаивал, что торговля будет выгодна и для казны царской, и для русских купцов; наконец, бояре просили о подробностях: как будет происходить эта торговля?

И Мерик прислал ответ письменный, что английские купцы будут ездить из Архангельска до Ярославля *горю* (сухим путем), а оттуда по Волге; суда будут строиться близ Устюжны Железной, и прежде там суда делали, и лес годный тут есть, царь Иван Васильевич повольность англичанам в этом лесе дал; для Волжского хода будут строиться крытые струги, а для морского — корабль; спускают из Ярославля корабль на Низ весною, в полную воду, мастер корабельный будет англичанин, плотники — русские наемные; для обороны на Волге англичане привезут пушки, пищали, порох, свинец, ядра; при царе Иване Васильевиче, когда английские гости шли в Персию мимо Астрахани и Астрахань была осаждена турками, то англичане, человек 100, заодно с русскими службу свою показали и царское величество службу их гораздо похвалил. Мерик выставлял на вид, что английские купцы никогда не торгуют в розницу и не отнимают промысла у русских купцов, как голландцы, которые не только

сами продают товар свой в розницу, но еще посылают его мелким обычаем по всему Московскому государству и этим у подданных царского величества хлеб изо рта вырывают, за что при царе Феодоре им не велено было ездить дальше Архангельска.

Потом Мерик просил позволения отыскивать Обью такого ходу в Индию и Китай. Бояре отвечали, что Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу, и то зимою; сами туземцы не знают, откуда Обь-река вышла и куда пошла? Сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не бывает, и на Оби всегда лед ходит, никакими судами пройти нельзя, а вверх по Оби, где потеплее, там многие кочевые орды; про Китайское государство сказывают, что небольшое и небогатое, добиваться по нем дороги не стоит. Государь для дружбы к Якубу королю пошлет в сибирские города нарочно по воеводам, велит проведать, откуда Обь-река вышла, куда пошла, в какое море, и какими судами можно по ней ходить, и какие орды в верховье Оби-реки, и какие реки в Обь впали, и где Китайское государство и сколь богато, есть ли чего добиваться?

А теперь, не зная про это подлинно, как о том говорить и делать? Впрочем, бояре и по этой статье спросили у Мерика подробностей на письмо, как англичане будут в Индию ходить? Мерик отвечал: «Дорога на восток и на полуночь русским людям хорошо известна, обо всем этом письмо было дано бывшему царю Борису Федоровичу; русские люди дальше Енисея ходили, у меня есть и об этом письмо, только не переведено». Мерик просил, чтоб смолу не отпускали за море никуда, даже и в Англию, потому что от вывоза смола вздорожала, и англичанам в судовой поделке убытки большие; если смолу повезут за море, то и пеньку надобно будет туда же посылать и царского величества людям никакой прибыли из того не будет; государь и власти не допускают вывозить из своей земли какой-нибудь товар, неизготовленный и неисправленный, и у людей своих промысл отнимать; и в английские земли в прежние годы шерсть баранью вывозили, в иные государства, и оттого в Английской земле многие люди обнищали было; рассудив это дело поразумнее, король запретил шерсть вывозить из земли и тем опять бедных людей воскресил, «сукно в своей земле делать велел; теперь лучше наших сукон ни в каких государствах не делают, иноземные мастера в Английскую землю перешли», и подданные королевские разбогатели так, что «славнее и богаче нашего государя между окрестными государями нет». И теперь недавно король запретил из Английской земли белые сукна вывозить в другие государства, потому что «прежде иноземцы эти сукна наши красили и справляли и оттого богатели, а теперь это поворотилось ярославским подданным». Наконец, Мерик просил

позволения для англичан брать алебастр, находящийся в 150 верстах от Холмогор.

Государь приказал дать англичанам лопарей на новую землю; что же касается до остальных требований, то в думе положено было отвечать гладостью, что такого дела теперь учинить без совета всего государства нельзя ни по одной статье, а как решат, то дадут знать королю, и теперь бы король на царское величество за это не сердился, впредь все это их братскою любовью и дружбою исправится. В думе положено было немедленно же расспросить гостей и торговых людей: если дать дорогу английским гостям в Персию и позволить им Обью-рекою приискывать дороги в Китайское государство, то от того государственной пошлине и им, торговым людям, убытка не будет ли? Точно так же спросить гостей и торговых людей о железной руде, не будет ли их промыслам помешки и государевой пошлине убытка, и если не будет, то исполнить просьбу англичан; спросить торговых людей о смоле и о белом камне.

Гости отвечали: думают они, что английским гостям не Персида дорога, а проискывают путь в Индийское государство, ходят они в Индийское государство морем на Турцию и Персию, а этот ход им очень нужен; если же им ходить государевой землею, то им будет легче; но государю от этого прибыли не будет, потому что с них и с их товаров, по государеву жалованью, пошлин не берут и товаров у них не пересматривают, а русским людям изъязн будет (причины приведены те же, какие и бояре приводили прежде Мерику). Русским людям сообща с английскими гостями торговать нельзя, англичане люди сильные и богатые, у них с русскими людьми ни в чем не сойдется. О дороге по Оби в Китай гости сказали, что они Китайского государства не знают, мало про него и слыхали, в Сибири не торговали; а слыхали они, что уже давно туда англичане дороги ищут, да не найдут, да и вперед им туда не дорога же, поищут, да и покинут.

Про руду сказали: если государь велит англичанам искать руды железной на пустых местах, то от этого убытку ни государю, ни им никому не будет, убытки и завод весь их, англичан, а как только найдут, то русским людям кормление от того будет и железо будет дешевле, потому что из государевой земли за море железо нейдет, а идет железо в государеву землю от них из-за моря; а если найдут железо, которое льется на медь, то это будет в Московском государстве и диковина. Английские люди завели канатное дело, и от этого было кормление многим русским людям бедным, которые у них работали, да и научились у них русские люди канаты делать. Про лен, что около Вологды сеять, и про пеньку сказали: думать надобно, английские гости за этот промысел хватаются для того, что изо Пскова лен теперь к ним нейдет, а из Вязьмы, Смоленска и Белой пеньки нет же;

русским людям, которые торгуют пенькою и льном, полотна будет; англичане хотят делать полотно на паруса, для этого они привозят полотно с собою, а русские полотна на паруса не годятся, за море русские полотна нейдут, а лен, посконь и пряжа идут; людям, которые этим торгуют, надобно думать, убыток будет, но бедным людям у англичан кормление будет, как станут завод заводить и полотна делать. Но другие торговые люди—Юдин, Булгаков и Котов—говорили, что от этого русским людям убытка не будет, только лен в Московском государстве подешевле будет, да и английским гостям тут прибыли будет мало, ведь им не 500 четвертей льняного семени сеять, и на свой судовой обиход льну и поскони им не напахать, да и земли тут нет такой, чтоб пеньку родила, и лен будет становиться им дорог, а если увидят у них тут какой промысел, то они и сами за тот же промысел ухватятся.

О смоле одни купцы сказали: если смолы за море не отпускать, то смола дешевле и государевым людям прибыли меньше; если смолу пускать за море, то бочка и стоит рубль, а как за море не пустят, то та же бочка стоит две гривны, и государевой пошлине—убыток. Но другие купцы, которые в Архангельске бывали в таможенных головах, сказали, что, напротив, если смолы не отпускать, то пошлине прибыльнее будет, потому что пойдет три пошлины: 1) пошлина с крестьян, которые смолу торговым людям продают, 2) пошлина с купцов, когда они продают смолу к канатному делу, 3) с канатов весовая пошлина; если же отпускать смолу за море, то с нее пошлина меньше, а с канатов—никакой, станут возить сырую пеньку да смолу и станут канат смолить за морем, канатное дело за смолою остановится, и бедным людям кормиться будет не от чего, и мастера канатные переведутся. На этом основании бояре приговорили: без государева указа смолы за море не отпускать, а у Архангельского города вольно всем иноземцам смолу покупать. Об алебастре купцы сказали, что его горы большие, лет и в 50 не выбрать, и когда его от берега будут брать, то судам легче ходить будет, и как станет у англичан какой промысел, то и государевы люди станут тем же промышлять.

Летом 1620 года снова Мерик приехал в Москву и опять стал просить для англичан пути Волгою в Персию. Опять государь приказал собрать гостей московских, объявить им о просьбе Мерика и прибавить, что англичане за исполнение просьбы дадут государю в помощь казны, что будет пригоже: «Государь царь и святейший патриарх велели вам, гостям, об этом объявить, да вам же велели объявить: ведомо вам всем, что по грехам в Московском государстве от войны во всем скудость, и государевой казны нет нисколько, кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет, городам воеванным дана

льгота, а что собиралась казна с вас, гостей, и торговых людей пятинныя и запросныя деньги, то все государь для вашей легости оставил; а служивых людей, козаков и стрельцов, в городах прибыло, жалованье им дают ежегодно, доука государю и челобитье от служивых людей, от дворян и детей боярских о жалованье многая, а пожаловать их нечем, и если, по грехам, будет какой-нибудь недруг, то казны готовой нет и вперед завести неоткуда; если же дать английским гостям дорогу в Персию, то не будет ли от того русским людям в торгах помешки и оскуденья?»

Гости и торговые люди отвечали: «Бьем челом за милость великих государей, и в том, дать ли англичанам дорогу в Персию, или нет—их государская воля, а мы, гости и торговые люди, как о том можем разуметь, говорить будем, лишь бы государь милость показал, за то на нас опалы не положил, что будем говорить спроста».

Боярин, князь Иван Борисович Черкасский и дьяк Грамотин сказали им, чтоб говорили прямо, не сумняся, и спрашивали гостей порознь, по одному человеку. Гость Иван Юрьев сказал, что убыток будет государю и им, торговым людям, ибо теперь московские и понизовых городов торговые люди ходят в Персию многие, москвичи, ярославцы, костромичи, нижегородцы, казанцы, астраханцы, а с тезиков, которые приезжают в Астрахань, берут с рубля по 4 алтына; если же англичане станут ездить в Персию, то приезду тезиков в Астрахань не чинить. Если с англичан брать пошлину, то государевой казне прибыль будет большая, но у торговых людей промыслы отнимутся, потому что им с англичанами не стянуть, если только государю будет от этого большая помощь и пошлину англичане станут платить большую, то волен Бог да государь, а им, торговым людям, для собрания государской казны на время и потерпеть можно, хотя и убыточно.

Григорий Твердинов говорил: «В том государская воля, сами мы видим, что государь мыслит для скудости, но пусть государь велит англичанам торговать указными товарами своими заморскими, а русскими товарами торговать с персиянами им не велит, а русские товары туда ходят: соболи, кость-рыбий зуб, белка, кожа, юфть. В Московское государство привозят ефимки из немецких государств, и от этого государевой казне и нам прибыль большая, и пошлины с ефимков сходит много, а теперь, если ефимки пойдут в Персию, то государевой казне будет убыль многая и нам оскуденье, а в Персии лучший товар—ефимки и деньги старые московския; в Московском государстве серебра будет мало и торговым людям помешка и оскуденье».

Григорий Никитников говорил: «Как учинилось разоренье Московскому государству, и думали все, что быть ему за

польским королем, то голландцы тотчас послали к Сигизмунду королю, давали сто тысяч рублей, чтоб король дал им дорогу в Персию, а, кроме их, никому не ездить; и если англичане дадут в государеву казну много, то государская воля, а даром давать дорогу в Персию не для чего Государю было бы прибыльно поторговаться с английскими и голландскими гостями вместе, один перед другими они больше дадут; нечего и думать брать с них небольшую пошлину, потому что московским торговым людям быть от них без промыслу, и к государю будет о том челобитье ото всей земли, потому что теперь за персидские промыслы торговые люди взялись многие и от того богатеют, а государю идет пошлины много».

Родион Котов сказал: «Наши братья боятся, что их промыслы остановятся, если англичанам дать дорогу в Персию; но этого угадать нельзя, всякому своя часть, и большим товаром торгуют, и малыми промышляет всякий, каким сможет; вот и у Архангельского города торг неравный: сначала приезжают мелкие люди с небольшими товарами и торгуют ими, а после приходят с большими товарами и также торгуют, и меньшие не остаются без торгу, всякий по своей мере исторгуется; и тут также будет: иные персияне станут с англичанами торговать в Персии, а другие поедут в Астрахань, одним англичанам как своими товарами Персию затворить? Много в Персии охочих торговых людей пойдут для русских товаров». И все остальные купцы утверждали, что не надобно давать англичанам дороги в Персию, разве только они дадут большие деньги в казну; говорили также, что надобно спросить купцов ярославских и нижегородских, потому что они преимущественно торгуют с Персиею.

Отобравши эти сказки у купцов, бояре спросили Мерика: какие товары английские гости повезут в Персию? Какие будут там покупать? И где им этими товарами торговать — в Московском ли государстве или возить за море? Какая прибыль от того будет государевой казне, какую пошлину станут платить или какие деньги вдруг станут давать в казну? Мерик отвечал, что англичане будут привозить в Персию сукна, ефимки, олово сухое и другие английские товары, а в Персии покупать шелк сырой, краски, ремень, кисеи, миткали, дорогие камки, а те товары, которые привозили в Московское государство, и вперед будут привозить, и дороги те товары не будут «Это так, — отвечали бояре, — но какая прибыль казне государевой, потому что торговля перейдет в Персию?» Мерик: «Если царское величество прикажет устроить съезд и торг торговым людям иных государств в Астрахани, то от этого будет в таможенной пошлине прибыль великая». Бояре: «Какую пошлину английские гости будут платить?» Мерик: «Об этом мне ничего не наказано, а если вы, бояре, думаете, что от нашей торговли с Персиею государевой казне

и морям убыток будет, то я и говорить об этом перестану: король мой убытка государю и его морям не желает».

Этим дело о дороге в Персиду и кончилось. Мерик отказался также от земель, на которых прежде англичане хотели сеять лен. «Королевское величество,— сказал он,— уразумел, что в чужой земле пашню пахать непристойно».

Чего не добились английская компания, не хотевшая платить пошлин, того добились в 1634 году компания голштинских купцов: она получила право торговать через московские области с Персиею и Индиею на 10 лет, за что обязалась платить в царскую казну ежегодно по 600 000 больших ефимков. Московским купцам, как они сами выражались, нельзя было *стянуть* с иностранцами, сильными своими капиталами, предприимчивостию, привычкою к обширным торговым предприятиям, уменьем вести дела сообща; особенно не нравилось московским купцам позволение, которое получали иноземцы, приезжать во внутренние города государства и там торговать; на соборе 1642 года купцы сказали: «Торжишки у нас против прежних годов стали гораздо худее, потому что всякия наши торжишки на Москве и во всех городах отняли многие иноземцы, немцы и кизилбашцы (персиане), которые приезжают в Москву и в иные города со всякими своими большими торгами и торгуют всякими товарами».

При царе Михаиле на жалобу эту не обратили внимания, но по смерти его в 1646 году купцы подали молодому царю Алексею Михайловичу челобитную: «Царю, государю, великому князю Алексею Михайловичу всяя России бьют челом холопи и слуги твои государевы, гостишки и гостинной, и суконной сотни, и черных сотен торговые людишки и многих твоих государевых разных городов, казанцы, нижегородцы, ярославцы, костромичи, суздальцы, муромцы, вологжане, псковичи, устюжане, романовцы, галичане, угличане, белозерцы, коргопольцы, колмогорцы и иных многих твоих государевых городов торговые людишки. Жалоба нам, государь, на иноземцев, на англичан и на голландцев торговых людей, и на барабарцев (брабантцев), и на анбурцев (гамбурцев), которые ездят торговать в Москву. После московского разоренья, како воцарился отец твой государев, английские немцы, зная то, что им в торгах от Московского государства прибыль большая, и хотя всяким торгом завладеть, подкупя думного дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли из посольскаго приказа грамоту, что торговать английским частям у Архангельскаго города и в городах Московскаго государства 23 человекам; а нам в то время челобиться их встретить и грамоту остановить было некому, потому что все были разорены до конца и от разорения, бродя, скитались по иным городам. А как взяли эти немцы грамоту из посольскаго приказа, с тех пор начали приезжать в Московское государство англичане, торго-

вых людей человек по шестидесяти и по семидесяти и больше, построили и купили себе у Архангельскаго города, на Коломогорах, на Вологде, в Ярославле, на Москве и в иных городах дворы многие и амбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить в Московском государстве без съезду так же, как и в своей земле; у Архангельскаго города русским морем товаров не стали продавать и на русские товары менять, а начали свои всякие товары в Москву и в иные разные города привозить: и как который товар будет подороже, и они тот товар станут продавать, а который товар подешевле и походу на него нет, и они тот товар держат у себя в домах года по два и по три, да как он поднимется в цене, так и продавать начнут.

А русские товары в Московском государстве, которые мы меняли на их товары, они покупают теперь сами, своим заговором, и рассылают покупать в города и уезды, закабала и задолжа многих бедных и должных русских людей, и те товары, не купив, русские люди привозят к ним, а они привозят в свою землю беспошлинно; а иные русские товары они, английские немцы, у города продают на деньги голландским, барабарским и анбурским немцам, везят у себя на дворе и возят на голландские, барабарские и анбурские корабли тайно и твою государеву пошлину крадут; а мы оттого от промыслов своих отстали и к Архангельскому городу ездить перестали. Но эти немцы не одних нас без промыслов учинили, они все Московское государство оголодили: покупая на Москве и в городах мясо, всякий харч и хлеб, вывозят в свою землю. Как придут корабли к городу, то немцы товаров своих на кораблях досматривать не дают; а если б их товары таможенные головы и целовальники досматривали во всех городах, как у нас досматривают, то пошлины во всех городах сходило бы на год тысяч по тридцати рублей и больше. В жалованной грамоте написано, что грамота эта дана им по просьбе английского их Карлуса короля; но они, англичане, торговые люди все Карлусу королю неподручны, от него отложились и бьются с ним четвертый год. Английские гости, Серджан Мерик Книхт с товарищами, которым было велено, по вашему государскому жалованью, для прошенья Карлуса короля ездить в Московское государство торговать, ни одного раза не бывали, а ваше государево жалованье продают другим закупням, торговым людям, и с жалованною грамотою приезжают немцы другие, которые вашим государевым жалованьем не пожалованы.

Да они же, немцы, привозят всякие товары хуже прежняго и стали торговать не своими товарами; прежде английские немцы торговали чужими товарами тайно, а теперь начали торговать и явно. Анбурские, барабарские и голландские немцы, промыслом своим и дав большие посулы и поминки, вопреки государеву

указу с товарами своими в Московское государство приезжают ежегодно, показывая у себя по городам ваши государевы жалованные грамоты, которые взяли они из посольского приказа ложным своим челобитьем и многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина. А теперь немцы ездят и без грамот: Давыд Николаев купил на Москве двор, поставил палаты и торгует всякими товарами на своем дворе в розницу, как и в рядах продают, без вашего государского указа и без жалованной грамоты. Да они же, живя в Москве и по городам, ездят через Новгород и Псков в свою землю на год по пяти, шести и десяти раз с вестями, что делается в Московском государстве, почем какие товары покупают, да которые товары на Москве дорого покупают, то они станут готовить, и все делают по частым своим вестям и грамоткам, сговорясь заодно, а как приедут торговать на ярмарку к Архангельскому городу, то про всякие товары цену расскажут, выбрав заморские товары лучшие, закупят все сами на деньги и на русские товары променяют; сговорясь между собою заодно, наших товаров покупать не велят и заморским товарам цену держат большую, чтоб нам у них ничего не купить и вперед на ярмарку не ездить; и мы товаренки свои от Архангельского города возили назад, а иной оставляет на другой год у Архангельского города, некоторые же одолжавшие людишки, плача, отдают товар свой за бесценок, потому что им держать его у себя нельзя, люди должные; и от того их умыслу и заговору мы ездить к Архангельскому городу перестали, потому что от их заговору стали в великих убытках, а твоим государевым пошлинам год от году чинили недобор большой.

Да немцы же, Петр Марсенес да Еремей Фельц, умысли лукавством своим, откупили ворвань сало, чтоб твои государевы торговые люди, колмогорцы и все поморские промышленники, этого сала мимо их другим немцам и русским людям никому не продавали, а себе берут они у торговых людей за полцены, в треть и в четверть цены, потому что мимо их никому покупать не велят, и от того многие люди, колмогорцы и все Поморье, которые ездят на море бить зверя, обнищали и разбрелись врознь, и твоя государева вотчина — город Архангельский и Колмогорский уезд и все Поморье — пустеет; а когда было позволено этим салом торговать с разными иноземцами и всяких чинов людьми, то с этого сального торго собирали таможенных пошлин тысячи по четыре, по пяти и больше на год, торговые люди этим промыслом кормились и были сыты, а теперь от этих откупщиков твои государевы пошлины пропали, многие люди обнищали и податей отбыли, уезд и Поморье запустели, пошлины с сала теперь не соберется и двухсот рублей на год. Мы объявляем тебе, государю, немецкое злодейство к нам, всего

государства торговым людям, и лукавый умысел. При державе блаженной памяти отца твоего ярославец, торговый человек Антон Лаптев ездил с товаром через Ригу в Голландскую землю, в Астрадам (Амстердам), с соболями, лисицами и белками; проехал он их немецкия три земли, а они, немцы, сговорясь и сославшись заодно, у него ничего не купили ни на один рубль, и он из Немецкой земли поехал на их немецких кораблях с ними, немцами, вместе к Архангельскому городу, и как он к этому городу приехал, то у него тоже немцы купили весь товар большею ценою.

Московского государства торговые люди, которые в то время были на ярмарке, немцам начали говорить: какая то правда, что государя нашего торговый человек заехал с товарами в ваше государство, и вы у него, сговорясь, товару не купили, чуть его с голоду не поморили, и, торговав у него в своей земле соболей и лисиц самую дешевою ценою, здесь купили большою ценою? А в Московском государстве вы, иноземцы, торгуете многие люди всякими товарами повольно, а заговоров у нас, торговых людей, никаких нет и такой неправды мы вам делать не смеем по милости государя нашего к вам; вам бы следовало за милость государя нашего торговать без всякия хитрости. Немцы отвечали: для того у Антона Лаптева товару не купили, чтоб другим русским людям ездить в наши государства было неповадно; а если в наших государствах русские люди станут торговать так же, как мы у вас, то мы все останемся без промыслов, так же оскудеем, как и вы; кроме вас пытались приезжать в наши государства персияне, мы и у них товаров не купили и, пожив долгое время, поехали они опять к себе назад с товарами и после того ездить не стали; вы поставьте себе и то в большую находку, что мы Антона Лаптева с голоду не уморили. Так они над нами насмеваются! В прошлом 1645 году из приказа Большой Казны продано было немцам 900 пудов с лишком шелку-сырцу по 77 ефимков за пуд; мы, видя, что немцы у корабельной пристани покупали шелк прежде всего ценою большою, били челом тебе, великому государю, о торгу с ними; торг нам дали, и мы учинили тебе прибыли сверх той цены с 8000 ефимков. Но когда мы с этим шелком послали на ярмарку к Архангельскому городу, то немцы, сговорясь между собою, этого шелку у нас не купили ни одной гривенки и говорят: мы сделаем то, что купцы, московские гости, настоят в деньгах на правее, да и вперед их заставим торговать лаптями, забудут у нас перекупать товары!

Милосердый государь! Пожалуй нас, холопей и сирот твоих, воззри на нас, бедных, и не дай нам, природным своим холопьям и сиротам, от иноверцев быть в вечной нищете и скудости, не вели, государь, искони вечных наших промысленников у нас, бедных, отнять».

Купцы получили желаемое: в 1649 году англичане высланы были из Москвы и внутренних городов государства, им позволено было торговать только у Архангельска, потому что они «всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти»; а в 1667 году издан был торговый устав, клонившийся явно к невыгоде иноземцев.

В приведенных жалобах и ответах московских торговых людей XVII века так ясно высказался взгляд их на торговлю и на свое положение, на свои отношения к иностранцам, что не нужно много распространяться для уяснения этого взгляда: «Мы не можем соперничать с иностранными купцами: они люди богатые, нам с ними не стянуть; они действуют заодно, а мы так действовать не можем, не смеем; чтоб не отбить нам своих промыслеников и не разориться, надобно удалить соперничество иностранцев, выгнать их из внутренних областей и городов, пусть приезжают только к морским пристанищам; но заводить промыслы можно им позволить: бедные русские люди будут от них кормиться, да и мы посмотрим: если дело пойдет на лад, то примемся то же делать».

МОСКВА В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ 1612 ГОДА

С 1591 года Москва праздновала 19 августа избавление свое от последнего татарского нашествия; в 1612 году 19 августа к ней приблизилось русское войско, долженствовавшее избавить ее от польского плена: на берегах Яузы расположилось ополчение Пожарского. Но под стенами Москвы находились еще остатки первого ополчения, собравшегося на голос Гермогена и Ляпунова также для очищения государства и не успевшего в этом великом деле, потому что Ляпунов был вместе с Заруцким, чистое было соединено с нечистым, и последнее восторжествовало над первым; сбродные шайки, прогнавшие от себя по смерти Ляпунова дворян, добрых ратных людей, хотели помешать и успеху второго ополчения, но трудились напрасно, потому что начальники этого ополчения были осторожны; несмотря на частые приглашения стать вместе в одном острожке, Пожарский никак не согласился соединиться с остатками прежнего ополчения и укрепился в особом остроге у Арбатских ворот.

Легко угадать следствия подобного поступка: Трубецкой с казаками, говорит летописец, начали на князя Дмитрия и на Кузьму Минина и на всех ратных людей держать нелюбие; недоверчивость нового ополчения была для них и обидна, и еще более опасна; казаки ясно видели, что при торжестве ополчения, при восстановлении наряда, для которого оно восстало, им придется худо. Но, с другой стороны, можно ли обвинять новое ополчение в том, что оно своею явною недоверчивостию начало рознь и смуту? Как можно было требовать, чтоб оно отпустило Пожарского и Кузьму в стан первого ополчения, отдало их в руки убийц Ляпунова? 21 августа пригнали гонцы под Москву и объявили, что гетман поднялся с Вязьмы и приближается к столице. Князь Дмитрий и все ратные люди начали готовиться и укрепляться против гетмана, и скоро полки польские показались на Поклонной горе.

Утром на другой день гетман переправился через Москву-реку под Новодевичьим монастырем и приблизился к Чертольским воротам, где встретила его рать Пожарского и завязала бой. Трубецкой стоял на другой стороне Москвы-реки, у Крымского двора; увидев приближение Ходкевича, он послал к Пожарскому

с просьбою прислать ему несколько конных сотен, которые бы помогли ему напасть на поляков со стороны; Пожарский, ничего не подозревая, выбрал лучших пять сотен и послал ему. Уже 8 часов длился бой с гетманом, и ратники нового ополчения начали изнемогать, а от Трубецкого все не было никакой помощи; казаки ругали дворян Пожарского. «Богаты пришли из Ярославля, и сами одни отстоятся от гетмана»,— говорили они.

Пожарский, видя, что его коннице не устоять против конницы польской, не повторил ошибки Димитрия Шуйского под Клушиным, но велел всем ратным людям спешиться и биться по старому обычаю Северной Руси; освободившись от лошадей, ратники стали сражаться с новым жаром, в тесноте чуть-чуть не схватываясь руками с неприятельскими воинами. В это время головы тех пяти сотен, которые были посланы к Трубецкому, видя изнеможение своих и злонамеренность казаков, быстро двинулись на помощь к Пожарскому, несмотря на то, что Трубецкой никак не хотел пускать их; вместе с ними отделились от казаков 4 атамана; историк должен записать имена покаявшихся чад государства—атаманы Трубецкого полку Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Макар Козлов стали говорить Трубецкому: «В вашем нелюбьи Московскому государству и ратным людям пагуба становится»—и самовольно двинулись к полкам князя Димитрия. Эта неожиданная помощь решила дело в пользу Пожарского: он отбил гетмана, отбил и вылазку, которую было попытались сделать осажденные поляки из Кремля. Гетман, потерявши 1000 человек убитыми, отступил сперва к Поклонной горе, а оттуда перешел к Донскому монастырю.

24 августа, в день, в который Москва праздновала память первого своего святителя, Петра Митрополита, гетман решился пробиться с запасом к осажденным соотечественникам; чтоб заградить ему дорогу, Трубецкой стал у Лужников, Пожарский укрепился также на берегу Москвы-реки у Ильи Обыденного, а других воевод поставил на месте бывшего деревянного городка по рву; посланные против гетмана сотни завязали бой, который продолжался с утра до часу пополудни; Ходкевич, видя упорное сопротивление русских, решился налечь на них всех силами, что и удалось ему: сотни и полки были все смяты и втоптаны в Москву-реку, едва сам Пожарский удержал свое место. Трубецкой и его казаки, видя неудачу нового ополчения, бросили свои места и удалились в стан, чем воспользовался гетман и стал у Екатерины Мученицы, тогда как вышедшие из города поляки выбили казаков из острожка, бывшего при церкви св. Климента, и засели в нем, ввезя туда много запасов. Видя, что гетман достигал уже своей цели касательно сообщения с осажденными поляками, Пожарский упросил бывшего в его полку троицкого келаря Авраамия Палицына, чтоб тот шел к казакам и уговорил

их подать деятельную помощь новому ополчению. Палицын успел как нельзя лучше выполнить это поручение, и казаки двинулись против поляков, которые не устояли против их напора, особенно когда с другой стороны явились отряды Пожарского, и Климентьевский острог был взят, в нем опять сели русские люди; пехота засела также в ямах, по крапивам на пути, чтоб не пропустить гетмана в Кремль.

Силы были напряжены, решительный день приближался к вечеру; в стане русском раздавалось молебное пение, смешанное с рыданиями; молились, чтоб Бог избавил Московское государство от гибели, давали обеты. И положил Бог храбрость в немощного, говорит летописец: пришел Кузьма Минин к князю Димитрию и стал просить у него отряд храбрых выборных ратников; Пожарский отвечал ему, чтоб взял сам кого хочет; Кузьма набрал себе отряд, перешел Москву-реку, стал против Крымского двора, где расположились две роты поляков, конная и пешая; Кузьма прямо напустил на них, те побежали к стану гетманскому, одна рота сбивала другую. Видя удачи Кузьмы, русская пехота вышла из ям и крапив и устремилась также на Ходкевича, конница поскакала на него с другой стороны; гетман дрогнул и побежал из стана, оставив его в добычу победителям. Русские хотели кинуться вслед за беглецами, но люди начальные не пустили их за ров, говоря, что не бывает на один день по две радости, и приказали казакам и стрельцам удовольствоваться одною стрельбою, которая продолжалась два часа; слов было не слышать от грома, огонь и дым стлались по воздуху, точно во время страшного пожара. Гетман удалился к Донскому монастырю; всю ночь поляки не сходили с коней, и утро застало их уже на обратной дороге в Литву.

Для великой общей радости хотели забыть вражду, хотели соединения между воеводами старого и нового ополчений, видели вредные следствия розни в минувшем бою, опасались таких же и для будущего успеха, и вот все ратные люди приговорили и били челом князьям Трубецкому и Пожарскому, чтоб впредь были они в одиначестве¹, но и тут не хотели соединить станов, боясь казацких умыслов², а решили соединить разряд обоих ополчений; оба воеводы писали в города, что они «укрепились на том, что им да с ними выборному человеку Кузьме Минину, Московского государства достигать и Российскому государству добра хотеть во всем безо всякия хитрости, и разряд и всякие приказы поставили на Неглинной, на Трубе, и сидят в одном месте и всякие дела делают заодно, и над московскими сидельцы промышляют. И вам бы, господа, о всяких делех слушати наших

¹ Акты Арх. Эксп. II № 214, 215

² Никон. Летопись 195

Дмитрея Трубецкого да Дмитрея Пожарского с товарищи грамот и писать о всяких делех к нам к обеим, а кторыя грамоты учнут приходити к вам из нас от кого-нибудь от одного, и вы б тем грамотам не верили».

О том же самом писали по городам и все начальные и ратные люди. Трубецкой и Пожарский, соединившись, известили города о счастливом бое с Ходкевичем.

«Августа, 21 день,—пишут воеводы,—пришел под Москву гетман литовский Карло Хаткеев со многии польскими и литовскими людьми и с венгры, да Наливайко со многими черкасы к московским сиделцам с запасы, и мы против его выходили со всеми людьми и с ними бились четыре дни и четыре ночи, не сходя с лошадей; и августа 24 день, на память Великаго Чудотворца Петра Митрополита, гетман Хоткеев и Наливайко со всеми людьми по за Москве-реке пошли прямо к городу, жестоким обычаем, надеясь на множество людей, сняв с Вышняго Владыки надежду, а хотели пройти в город с запасы к московским сиделцом; а московские сиделцы вышли из города на вылазку. и мы бояре и всяких чинов люди, видя такое их свирепство и напрасное нашествие польских и литовских людей, выходили против их со всеми людьми и бились с ними с перваго часу дня до другаго часу ночи, и милостию Божиею и Пречистыя Его Богоматери и Петра Митрополита и всех святых молитвами многих у них побили и живых взяли, и знамена, и литавры поимали, и убили у них более пяти сот человек, а с достальными людьми гетман пошел от Москвы к Можайску, а из Можайска в Польшу с великим страхованием; а мы, прося у Бога милости, над городцкими сиделцы, над польскими и над литовскими людьми, промышляем и Московскаго государства достуаем с великим радением»

МОСКВА В 1770 И 1771 ГОДАХ ¹

Еще в 1769 году между русскими войсками, воевавшими с турками в Дунайских княжествах, появилась чума: в конце лета 1770 года она перешла русские границы и быстро распространилась по Малороссии, начала появляться и в великороссийских городах, по большей части с юга на север. Московскую губернию с юга окружили заставами, приняли обычные карантинные меры, велено было оцепить и саму Москву.

В этой столице с 1763 года было два департамента правительствующего сената, пятый и шестой, которым принадлежало принятие мер в важнейших случаях, и московские сенаторы решили доложить императрице, что нельзя было исполнить предписаний насчет того, как содержать Москву во время чумы; исполнению препятствуют: положение города, состояние домов, жителей, их нравы, обычаи. Екатерина не согласилась с этим представлением, и 9 сентября написан был ответ московским сенаторам:

«Мы ведаем из опытов, что бесспорно великою препоною быть может скорому учреждению наших предписаний обширность города; но мы притом же ведаем, что весьма вредно оставлять полезное учреждение для того, что трудно оно учредить. Состояние домов, нравы, застарелые обычаи приумножают трудностей по причине той, что надлежит входить в подробности, дабы сравнивать, с одной стороны, выгоды и покой жителей, с другой — ненарушимость того, что установить желается. Но как для порока или слабости, какого бы они звания не были, не должно оставлять, а еще менее уничтожать доброе и полезное учреждение, то и в нынешнем случае надлежит преодолевать, а не устрашаться оных».

Но с мнением сенаторов был совершенно согласен и главнокомандующий в Москве фельдмаршал, граф Петр Семенович Салтыков, знаменитый старик, победитель Фридриха II.

¹ Уже несколько раз в прошлом и настоящем столетиях страшное время, пережитое Москвой в 1770 и 1771 годах, было описано, но внимательный читатель не мог не заметить, что во всех описаниях чего-то недоставало, думаем, что в настоящей статье донесениями графа Салтыкова, Бахметева и некоторыми другими документами эти пробелы восполнены

Пока начальствующие лица рассуждали, как тяжело будет исполнить предписание, да и какая будет от этого польза, черная гостья уже явилась в отдаленной части Москвы, в Лефортове, в большом госпитале, и, как видно, преимущественно в отделении его, малом госпитале, находившемся подалее, на Введенских горах. Главный доктор госпиталя Шафонский дал знать медицинской конторе об опасной болезни, дал знать и обер-полицмейстеру Бахметеву, а тот донес Салтыкову, что, по словам доктора, с 17 декабря в госпитале умерло 14 человек опасною болезнию и двое больных остается.

22 декабря Салтыков писал императрице: «Имеющий дирекцию над госпиталью генерал-майор Фаминцын приехал только сегодня поутру и подал репорт ничегозначущий и что у них ничего опасного нет. Ваше императорское величество изволит усмотреть из репортов обер-полицмейстера, да и от медицинской конторы, что зараза уже началась в ноябре месяце; Фаминцын все знал и для чего таил? Господин обер-полицмейстер — человек весьма проворный и рачительный: я бы желал, чтоб все здешние правители так были исправны и мне в таких нужных обстоятельствах помогали».

В тот же самый день, 22 декабря, собрался совет из медиков Эразмуса, Шкиадана, Кульмана, Мертенса, фон Аша, Вениаминова, Забелина и Ягельского; единогласно было решено, что болезнь должна почитаться за моровую язву. То же самое подтвердил Салтыкову и доктор Мертенс и советовал ему оцепить госпиталь, что и было исполнено. 25 декабря, донося об этом распоряжении, Салтыков писал императрице: «Не надеясь на себя, призывал я доктора Мертенса и требовал его совету, который мне и дал на все то, что уже сделано; кроме того, он требует, чтоб въезд в Москву всем запретить, что никоим образом сделать не можно: в таком великом городе столько людей, кои питаются привозным харчем, кроме помещиков, и те получают из своих деревень; товары к портам везут чрез Москву, все — мяса, рыба и прочее — все через здешний город идет; низовые города, Украина — со всех сторон едут, воспретить невозможно. Из Украины же проезд, кажется, необходим: кроме курьеров, армия требует многого, необходимо посылать должно кого для подрядов и приему вещей в полки».

Наступил 1771 год. Из Москвы стали приходиться успокоительные известия; 4 января Салтыков писал: «Ныне она болезнь утихает, холодное время немало тому способствует; уже несколько дней на Введенских горах более о ней не слышно. Приезжающих из опасных мест велено везде гвардии офицерам накрепко осматривать; но из едущих ни один не имеет ни малого виду, хотя бы билет или паспорт; здесь же около Москвы от полиции заставы, а как ныне зима — все рвы снегом занесло, — то везде

перезеды, а конного разезда не из чего учредить, ибо и последний полк почти весь в расходе».

15 января главнокомандующий доносил: «В госпитале на Введенских горах (т. е. в малом госпитале), где было оказалась язва, и там все кончилось. О болезни же прямо донести не могу — там была или нет, пока же кроме двух подлекарей, кои и ныне там заперты, никто там не бывал. Главного госпиталя доктор просил медицинскую контору, чтобы освидетельствовать, но ни один доктор не поехал, и рассуждали заочно. Ныне я призывал здешнего физика (Риндера) и посылал туда; он ездил, но только с госпитальным доктором через огонь говорил, и тот его упрекал, что по многим посылкам ни один не был».

Холода прекратили болезнь, но вот уже февраль, начинает таять, с теплом язва может вернуться, и Салтыков предлагает меры. 7 февраля он пишет императрице: «Весна приближается; не изволите ли приказать всех больных из Москвы вывезть по разным монастырям верст от 15-ти до 50-ти по малому числу в каждый, отрядив лекарей, что монастырям никакой тягости не учинит, ибо малое число больных будет и на чистом воздухе; а Москва и без госпиталей довольно нечистот имеет, оный же госпиталь весьма не в удобном месте, в вершине Яузы, откуда нечистота идет в город. Не худо бы и праздношатающихся из города к весне убавить: город людный, строение мелкое и тесное». Императрица не согласилась на перемещение больных в окрестные монастыри, и Салтыков от 28 февраля дал знать, что главный госпиталь от караула освобожден и больных туда принимать велено, в малом же госпитале на Введенских горах два покоя, где была заразительная болезнь, и с прочими, находящимися в той же связи ветхими и почти ничего не стоящими покоями со всем, что в них было, сожжены по совету генерал-кригс-комиссара Глебова и обер-полицмейстера Бахметева.

В то время как огонь истреблял ветхое строение малого госпиталя на Введенских горах, язва уже два месяца похищала свои жертвы в самой середине Москвы. 13 марта Салтыков донес: «Сего марта 10-го получил я от доктора Ягельского репорт о оказавшейся в Большом суконном дворе, что близ Каменного моста на берегу Москвы-реки, прилипчивой болезни, коей померло с генваря месяца по нынешнее число 123 человека, да больных осталось 21».

Салтыков послал туда пять лекарей, которые по осмотру заключили, что болезнь есть гниющая, прилипчивая и заразительная и очень близко подходит к язве. Главнокомандующий созвал всех сенаторов, и решили: 1. Хотя больных по монастырям развести указом ее императорского величества и не позволено, однако по крайней нужде надобно всех больных вывести из суконного двора в Угрешский монастырь (на что согласился и архиепископ

Амвросий). 2. Здоровых всех вывести в наемный дом за Мещанскою улицею в поле, определя к ним лекаря, и оцепить их.
3. Покинутый суконный двор оцепить.

Но прежде чем были приняты эти меры, около 2000 фабричных с суконного двора разбежались и стали жить по всему городу, вследствие чего уже поднято было на улицах несколько трупов.

Салтыков продолжал твердить, что карантин не нужно. 4 апреля он писал: «В установлении карантина для всех выезжающих, кажется, надобности нет, а более в том неудобства; также въезд в Москву запретить весьма опасно: почти весь город питается покупным хлебом; ежели привозу не будет, то будет голод, все работы станут, за семь же верст никто не пойдет покупать, а будут грабить; и без того воровства довольно. Москву запереть способом нет, городу нет, Белый разломан, войска нет, чем окружить? Лучше, чтобы разъезжались по деревням на чистый воздух, в городе тесноты менее будет».

Почли за нужное облегчить старика, силы которого не были в уровень с опасностью и чрезвычайностью положения; поручили исполнение всех мер предосторожности сенатору, генерал-поручику Еропкину. Салтыков обиделся, как видно из письма его от 21 апреля: «Как по повелению вашего величества все оное поручено господину генерал-поручику, сенатору Еропкину, предосторожности же все сначала взяты, кажется, больше нечего делать, только ему остается наблюдать учрежденное, того ради все от меня ему попечение поручено, только чтобы меня уведомлял в известие».

Но и после назначения Еропкина донесения о состоянии Москвы посылались Салтыковым. 7 апреля он писал, что кроме Угрешского и Симонова монастырей умерших и больных нет. 18 апреля доносил, что выведено из Москвы фабричных в Симонов, Данилов и Покровский монастыри 943 человека обоего пола. 30 мая Салтыков прислал утешительное известие, что в карантинных монастырях умерших и вновь заболевших никого нет, только в Угрешском 9 человек больных. Но с двадцатых чисел июня в Симонове монастыре опять появилась язва, умерло 10 фабричных, заболело 6. С этих пор болезнь начала все более и более усиливаться. Мы не станем здесь повторять известий о распоряжениях Еропкина, которые не уменьшались, а увеличивали зло вследствие тупого, как говорят, противодействия народа, не могшего выносить их тягости. Салтыков имел печальное удовольствие заявить императрице о тяжести этих мер и даже о вреде от них, в то же время великодушно свидетельствуя о ревности Еропкина. 30 августа он писал: «Карантины ныне учреждать нужды не видится, да уже и поздно: из Москвы почти все выехали, да и подлость вся бежит, маркитантов и хлебников

мало осталось, и все боятся карантин, магазейнов запасных нет, никто в город не едет, не без опасности голоду, зима приходит, дров не везут, народ уже и так уныл и обробел, карантин здешнему народу всего тяжелее, уже несколько и грозилась на заставы».

От 14 сентября отчаянное донесение: «Болезнь уже так умножилась и день ото дня усиливается, что никакого способу не остается оную прекратить, кроме чтобы всяк старался себя охранить. Мрет в Москве в сутки до 835 человек, включая тех, коих тайно хоронят, и все от страху карантин, да и по улицам находят мертвых тел по 60 и более. Из Москвы множество народу подлого побежало, особливо хлебники, калачники, маркитанты, квасники и все, кои съестными припасами торгуют, и прочие мастеровые; с нуждою можно что купить съестное, работ нет, хлебных магазинов нет; дворянство все выехало по деревням. Генерал-поручик Петр Дмитриевич Еропкин старается и трудится неуспешно оное зло прекратить, но все его труды тщетны, у него в доме человек его заразился, о чем он меня просил, чтоб донести вашему императорскому величеству и испросить милостивого увольнения от сей комиссии. У меня в канцелярии также заразились, кроме что кругом меня во всех домах мрут, и я запер свои ворота, сижу один, опасаясь и себе несчастья. Я всячески генерал-поручику Еропкину помогал, да уже и помочь нечем, команда вся раскомандирована, в присутственных местах все дела остановились, и везде приказные служители заражаются.

Приемлю смелость просить мне дозволить на сие злое время отлучиться, пока оное по наступающему холодному времени не может утихнуть. И комиссия генерал-поручика Еропкина ныне лишняя и больше вреда делает, ибо все те частные смотрители, посылая от себя и сами ездя, более болезнь развозят. Ныне фабриканты делают свои карантин и берут своих людей на свое смотрение. Купцы также соглашаются своих больных содержать, раскольники выводят своих в шалаши».

Императрица с самого начала была недовольна московскими сенаторами и Салтыковым, которые не сочувствовали предписаниям, присылавшимся из Петербурга, противоречили им. После Екатерина таким образом описывала дело князю Волконскому: «Болезнь таковая вкралась в сей город не от чего иного, как от послабления тех, коим поручена была безопасность города. Не упоминая об лейб-гвардии майоре Шипове с командою, которому поручены тому уже другой год все пограничные кордоны и карантин, довольно число лейб-гвардии нашей офицеров с командами в прошлом году отправлены к фельдмаршалу графу Салтыкову и поставлены были, начиная от Серпухова, на всех

дорогах, откуда можно иметь некоторое опасение для столичного города. Сверх того, кроме Киева, Нежина и нескольких мелких деревень в Украине, кои заперты были, и где уже болезнь отчасти пресеклась, когда ее не слышно было, тогда в декабре месяце 1770 года она оказываться стала по Москве между госпитальными служителями. Мы предписали фельдмаршалу графу Салтыкову все те способы, кои только придумать можно было для скорейшего пресечения сего зла в самом его начале; но как в госпитале и его служителях сие зло скоро прекратилось, то по Москве за благо рассуждено из предписанного отселе ничего или мало и то с крайним расслаблением приводить в исполнение, отдавая таким образом единственно на удачу и полагаясь токмо на милость Всевышнего; но, быв по согрешениям нашим часто оные недостойны, дожили до весны, а тогда болезни стали оказываться на Большой суконной фабрике по привозе из Серпухова шерсти.

Сии вести дошли до нас в марте месяце сего года, и от нас стражае прежнего посланы повеления, а все, что до болезни и карантинной касательно было, мы тогда поручили нашему генералу-поручику Еропкину, которому справедливость отдать должно, что он ревностно и неослабно производил в действие ему порученное; но точное исполнение в одной части тогда, когда во всех других издавна внедрилось послабление со стороны начальства и начальников, а непослушание и своевольство со стороны подчиненных и подвластных, служит в сем случае поводом к тому, чтоб у безрассудной черни, оставленной без призрения от своих хозяев, кои, страшась единого имени язвы, разбежались по своим деревням, наивяще приводит в омерзение все то, что делалось к их безопасности и спасению».

То же неудовольствие Екатерины видно из ее письма к Никите Ивановичу Панину: «Состояние Москвы меня очень беспокоит, ибо там кроме болезни и пожаров глупости много. Все это отзывается бородою наших предков (*tout cela tient à la barbe nos ancetres*)».

Салтыков с своими выходками против карантинных давал право Екатерине смотреть на него, как на старика, считавшего все новое пустым, бесполезным; действительно, в донесениях кунерсдорфского победителя сильно высказывалось то, что мы называем патриархальностью, а Екатерина называла бородою предков; для нас теперь это может иметь особенную привлекательность, но императрицу, чрезвычайно озабоченную состоянием Москвы, должно было очень раздражать.

Мы не знаем, во сколько можно поставить в вину Салтыкову и другим начальствующим лицам (губернатору Юшкову и обер-полицеймейстеру бригадиру Бахметеву) сопротивление жителей мерам, которые принимал Еропкин; но Салтыков позволил себе

такой поступок, в котором ему нельзя было оправдаться; того же 14 сентября, когда он послал просьбу об отпуске, он уехал в подмосковную на два дня; разумеется, та же патриархальность объясняет и этот поступок: «Что я один сделаю, чем помогу? Распоряжается всем Еропкин, он останется, а я вздохну два дня на чистом воздухе». Разумеется, его двухдневное отсутствие не было бы замечено, если бы на другой же день его отъезда, 15 сентября, не произошел бунт.

Этот бунт сопровождался страшным, отвратительным, небывалым явлением — убийством архиерея.

В 1767 году умер московский митрополит Тимофей, принадлежавший к числу людей, которых называют добродушными и этим словом отделяют от более точного определения характера. При добродушном митрополите — сильная власть у консистории, злоупотребления консистории, понаровка явлениям непозволенным, понаровка из-за взяток. Преемником Тимофея был архиепископ Амвросий Зертис-Каменский, человек с противоположным характером. Энергичный Амвросий, знавший хорошо московские беспорядки, потому что перед этим был архиереем крутицким, следовательно, жил в Москве, решил искоренить эти беспорядки, дать силу регламентам, указам: предприятие трудное, потому что источником беспорядков была крайняя бедность белого духовенства.

Обязательная женитьба в ранней молодости обуславливает многочисленное семейство, обеспечить безбедное содержание которого — задача крайне трудная и для государства побогаче нашей России; отсюда — искание средств жизни с ущербом достоинства, отсюда та алчба, которую издавна так легкомысленно и несправедливо порицали, над которой так жестоко смеялись в литературе. Амвросий ввел порядок в консистории, ибо за нарушение порядка предстоял «штраф цепью, скованием в железы и вычет жалованья без всякого послабления»; кто не хотел подчиниться новым порядкам, того немедленно удаляли.

Амвросий запретил вступать в брак молодым людям духовного звания, не кончившим богословского курса, не выдержавшим экзамена у преосвященного; запретил духовенству меняться домами и переходить из церкви к церкви, исходатайствовал у синода возобновление указа Петра Великого, чтоб духовенство не тратилось на покупку своих домов, а имело дома церковные. Особенно остался памятен Амвросий своим гонением на так называемых крестцовых попов в Москве; он усмотрел, что «в Москве праздных священников и прочего духовного причта людей премногое число шатается, которые к крайнему соблазну, стоя на Спасском Крестце для найму к служению по церквам, великие делают безобразия, производят между собою торг, и при

убавке друг перед другом цены вместо надлежащего священнику благоговения произносят с великою враждою сквернословную брань, иногда же делают и драку. А после служения, не имея собственного дому и пристанища, остальное время или по казенным питейным домам и харчевням провождают или же, напившись допьяна, по улицам безобразно скитаются».

Старики передавали нам, что у этих крестцовых попов был такой обычай: стояли они с калачом в руках, и когда нанимающий служить обедню давал мало, то они кричали ему: «Не торгуйся, а то сей час закушу» (т. е. калач, и тем лишусь способности служить обедню).

Легко понять, что такой архиерей, как Амвросий, не мог приобрести расположения в низших слоях народонаселения, среди которых, с одной стороны, явления, им гонимые, не производили большого соблазна, а с другой стороны, среди этих именно слоев накоплялись жалобы на строгого архиерея и принимались с сочувствием по самой близости обиженных к этим слоям. Амвросий должен был хорошо знать, что его не любят и кто, собственно, не любит, и нерасположение, естественно, вызывало нерасположение.

При таких-то отношениях Амвросию доносят, что у Варварских ворот на площади происходит безобразное явление, против которого так гремит регламент, так вопиет просвещенный век. У Варварских ворот на стене был давно образ Боголюбской Богородицы; вдруг с начала сентября начались пред ним беспрепятственные молебны и всеночные. Какой-то фабричный рассказывал, что видел во сне Богородицу, которая сказала ему: «Так как 30 лет уже у ее образа никто не только не отпел молебна, и свечи не поставил, то за это Христос хотел наслать на Москву каменный дождь, но она упростила его заменить каменный дождь трехмесячным мором».

Мы, впрочем, приведем слова племянника архиерейского, Бантыша-Каменского, ибо в его рассказе видно, сколько желчи накипело во время борьбы с беспорядками и злоупотреблениями: «Праздность, корыстолюбие и проклятое суеверие прибегло к вымыслу. В начале сентября поп у Всех Святых, что на Кулишках, выдумал чудо с помощью фабричного (следует рассказ о сне фабричного). Мерзкие козлы (и попами их грех называть!), оставив свои приходы и церковные требы, собирались тут с налоями, делая торжище, а не богомолие». Заметим одно, что доказательств, что выдумал чудо священник, а не сам фабричный, нет, обвинение остается голословным, и думаем, что как бы ни был необразован священник, все, если уже выдумывать, то выдумал бы что-нибудь поблагообразнее.

Бантыш-Каменский верно описывает первое впечатление, произведенное на архиепископа известием о событиях у Варварских ворот: суеверие, ложное видение — все это запрещено регла-

ментом, указами — надобно прекратить: «Он (Амвросий) почитал за долг, и регламентом, и монаршими указами предписанный, пресечь сие позорище.

Первое его по сему делу было намерение удалить отсюда попов и икону перенести (ибо в воротах ни проходу, ни проезду не было по причине приставленной лестницы) во вновь построенную ее величеством тут же у Варварских ворот Кира и Иоанна церковь², и собранные там деньги употребить на богоугодные дела, а всего ближе отдать в воспитательный дом, в коем он опекуном был. Требуемые в консисторию попы не только отреклись идти, но еще и угрожали присланным побитием их каменьями».

Здесь оканчивается первая часть рассказа Бантыша-Каменского о мерах Амвросия, который поступает как архиерей, обязанный прекращать суеверные явления, и поступает по своим средствам: священники требуются в консисторию отдать отчет в своем поведении. Священники ослушались и тем отняли у архиерея средства вести дело надлежащим порядком. Жаль, что Бантыш-Каменский примешивает чисто полицейское побуждение: архиерей хотел икону «перенести, ибо в воротах ни проходу, ни проезду не было по причине приставленной лестницы».

Когда слушание священников не дало возможности производить церковные исследования и распоряжения, Амвросий взглянул на дело с другой точки зрения, именно с санитарной. «Между тем,— говорит Бантыш-Каменский,— язва так усилилась в граде, что по 900 с лишним в день умирало; и как по предписанию докторскому запрещены были прикосновение и тесные между народом всякие сборища, то и не мог обойтись преосвященный, чтобы о способах к прекращению у Варварских ворот народного сходбища не посоветоваться с г. Еропкиным, который один только в городе и был начальник.

Страх, дабы не обратить на себя простолюдинов, произвел у них таковое по сему делу решение: чтоб оставить до времени перенесение иконы, а дабы собираемые у Варварских ворот деньги чрез фабричных не могли быть расхищены, то приложить к ящикам консисторскую печать; для безопаснейшего же исполнения сего дела обещал г. Еропкин прислать от себя несколько солдат».

По свидетельству Еропкина, Амвросий приезжал к нему 14 сентября и говорил, что намерен деньги у Боголюбской

² Архиепископ не хочет перенести икону в ближайшую церковь Всех Святых, а в несколько дальнейшую — Кира и Иоанна Последняя была построена «ея величеством» Построена она была там на иждивение императрицы, ибо святых Киру и Иоанну празднуется 28 июня, день восшествия на престол Екатерины Теперь эта церковь как бесприходная отдана под Сербское подворье

запечатать в том рассуждении, что явление образа вымышлено от священников, которые за молебны начали приобретать великую прибыль. Это несчастное распоряжение насчет денег и было причиною бунта.

По донесению фельдмаршала Салтыкова, основанному на рапорте обер-полицеймейстера Бахметева, 15 сентября, в четверг, в 8 часов пополудни, раздался городской набатный бой и при рогаточных караулах на улицах — бой трещоток. Обер-полицеймейстер послал узнать, что такое, и получил донесение, что у Варварских ворот великое множество черни производит шум и драку. Бахметев в сопровождении троих драгунов и двоих гусар поехал сам и нашел, что от Ильинских до Варварских ворот по обе стороны стены стоит множество народа, тысяч до десяти, из которых большая часть была вооружена дубьем.

На вопрос, зачем сбежался народ, обер-полицеймейстеру отвечали, что народ сбежался по набатному бою, а набат произошел от того, что шестеро солдат с архиерейским подьячим пришли для вынуждения из ящиков денег, подаваемых богомольцами образу Боголюбской Богородицы. Около ящиков стоял караул от московского гарнизона; эти караульные объявили, что не позволят распоряжаться ящиком без позволения собственного командира (плац-майора); от этого сначала произошел шум, а потом драка³: злодеи побиты, которые хотели образ ободрать и казну, принадлежащую Богоматери, покрасть, а народ собрался стоять за Мать Пресвятую Богородицу до последнего издыхания.

Видя, что со своим конвоем из пяти человек он не в состоянии ничего сделать, Бахметев поехал к Еропкину, который жил в своем доме на Стоженке⁴. В Воскресенских воротах он встретил толпу тысяч до трех, бегущую с дубьем по Тверской, Моховой и из Охотного ряда, под предводительством мужика с бородою в синем китайчатом балахоне, который постоянно кричал что есть мочи: «Ребята, поспешайте постоять за Мать Пресвятую Богородицу и не допустите быть ограбленной Божией Матерью».

Бахметев успел остановить толпу, человек двадцать или больше из нее стали на сторону обер-полицеймейстера и сделались

³ В записке о бунте неизвестного автора (приложенной к делу) говорится: «Брать денег не дали караульные, поставленные самим народом из себя (но обер-полицеймейстер утверждает решительно, что караул состоял из солдат московского гарнизона); подьячего прибили и взяли под свой караул, а с командой начали драку». Составитель записки — человек ученый; так, говоря об отъезде сенаторов из Москвы, употребляет выражение: «...отцы спосажденные (т. е. patres conscripti) сами разъехались по деревням». О распоряжении Амвросия относительно денег автор записки говорит: «Правда, что несколько грубо преосвященный в сем случае и неосторожно поступил».

⁴ Где теперь коммерческое училище.

совершенно ему послушными, так что с их помощью схватили «синий балахон» и посадили его в будку; на Моховой схватили также другого горлана с помощью господских людей. Приехавши к Еропкину, Бахметев услышал от него: «Делайте все то, что предусмотрите к лучшему; а я вам ни команды, ни способов дать не могу». Бахметев поехал назад, заехал в будку, где посадил «синий балахон», но вместо него нашел в будке только изувеченных людей, карауливших «балахон».

Еще прежде, отправляясь к Еропкину, Бахметев послал полицейского майора к народу с требованием, чтоб отдали под полицейский караул архиерейского подьячего и команду пришедших к образу за деньгами, потому что такие злодеи должны быть наказаны публично, а что прибиты народом — этого мало. Теперь майор явился Бахметеву и донес, что народ не только согласен, но и сам просит об этом, только караульные московского гарнизона, стоящие у Варварских ворот, говорят, что сделать этого не смеют без своего командира, т. е. плац-майора. Бахметев послал донести об этом Еропкину, тот приказал как можно скорее сыскать плац-майора или губернатора Юшкова; но, в то время как происходили эти пересылки и рассылки, разнеслись слухи, что толпы черни в Кремле грабят в Чудове монастыре архиерейский дом, ищут убить самого хозяина.

Как скоро начались перекоры между караульными московского гарнизона и архиерейским подьячим относительно денег, в толпе, вмешавшейся в споры, уже послышались выходы против архиерея. «Архиерей, — кричали, — ни один раз должного почтения Божией Матери с служением по своему чину не сделал, а как сведал, что можно взять 1000 рублей, которую доброхотные люди, некоторые почти из последнего имения своего, сложили, то уже взять деньги безо всяких замедлительств себе готов; он — безбожник, надлежит предать его смерти перед этим самым образом!»

Амвросию, как видно, дали знать об этих выходках и угрозах; он, переодетый, уехал из Чудова монастыря в Донской, откуда собирался ехать далее в Воскресенский монастырь. Толпа, ища его в Чудове монастыре, в неистовстве все переломала, перебила, исковеркала; большой винный погреб, снимаемый в Чудовом монастыре купцом Птицыным, остановил разрушителей: вино было разграблено и началась пирушка...

Но на другой день, 16 сентября, вспомнили, зачем пришли в Кремль, в Чудов, кто-то рассказал, что архиерей в Донском монастыре, и толпа в 300 человек двинулась туда. Амвросий, заслышав о приближении бунтовщиков, спрятался было на хорах сзади иконостаса, но это убежище было открыто; несчастного вытащили из церкви, из монастыря и перед задними воротами умертвили самым варварским образом: били в 8 колов целые два

часа, так что, говорит очевидец, «ни виду, ни подобия не осталось».

Между тем Еропкин весь этот день, пятницу 16 числа, собирал у себя на Стоженке кусочками команду и насилу к вечеру собрал 130 человек, соединя с гвардейскими командами 50 человек Великолуцкого полка⁵, но главную силу этого маленького отряда составляли две пушки. В половине шестого часа пополудни Еропкин с своею командою двинулся в Кремль, на улице поймал священника с крестом и заставил идти с собою.

При входе в Кремль чрез Боровицкие ворота отряд был встречен дубьем и кирпичами; Еропкин послал увещевать мятежников обер-коменданта, царевича грузинского, но увещатель был встречен камнями. Той же участи подвергся бригадир Мамонов, который по доброй воле явился в Чудов монастырь со своими людьми и начал уговаривать мятежников: ему разбили голову и лицо. Видя, что увещание не помогает, Еропкин велел стрелять в толпу из пушек и ружей: не менее ста человек бунтовщиков пало от этой стрельбы, 249 человек взято под караул, остальные разбежались. Это был первый и последний подвиг Еропкина: раненный в двух местах — шестом и камнем, — истомленный в лихорадочном припадке, он принужден был слечь в постель и не принимал участия в дальнейших распоряжениях.

На другой день, в субботу 17 сентября, на рассвете толпы начали ломиться в Кремль, в Спасские ворота, в которых стоял губернатор Юшков. Толпа требовала, чтоб ей отдали всех товарищей, захваченных войском накануне, чтоб бани были распечатаны, карантинны уничтожены, лекарей и их должности не употребляли. Накануне, 16 числа, Еропкин уведолил Салтыкова о бунте, и в 9 часов утра 17 числа фельдмаршал был уже в Москве; одновременно с ним, по его распоряжению накануне, вступил в Москву и Великолуцкий полк. Салтыков поручил начальство над полком обер-полицеймейстеру Бахметеву и велел ему вести солдат на Красную площадь, чтоб прекратить бунт. Бахметев, выстроив полк на площади, сказал окружающим толпам: «Советую вам расходиться по домам: в противном случае все побиты будете». Через полминуты площадь опустела, и этим бунт кончился.

Причина печальных событий 15 и 16 сентября была для всех очевидна: ничтожность военных сил, и потому старик фельдмаршал в донесениях императрице не переставал жаловаться на

⁵ Этот Великолуцкий полк составлял главную военную силу, которою располагало московское начальство, но весь полк состоял из 350 человек, и из них 300 человек расположены были в 30-ти верстах от Москвы для безопасности от чумы, и только 50 человек находилось в Москве в распоряжении Еропкина.

недостаточность своих средств и опасность положения. «Кажется, все утихло,— писал он 19 сентября,— однако на сие надежду полагать не можно: народ пьяный, раскольщики, подьячие, холопы господские; сами все разъехали по деревням, людей оставили, кои, по их праздной жизни, непрестанно на кабаках. Я нашел Чудов монастырь в жалком состоянии: окна все выбиты, пуховики распороты, и улица полна пуху, образа расколоты. Бунтовщики грозятся на многих, а паче на лекарей, и хотя на многих злятся и грозят убить, в том числе и меня, а первого Петра Дмитриевича Еропкина, но главный пункт— карантин: сего имени народ терпеть не может. В сенат никто не ездит, только были мы двое. Граф Воронцов пишет, что в его деревне люди заразились, для чего он и поехал в другую, дальше; князь Козловский уволен, Похвиснев болен, Еропкин заболел и лежит в постеле. Господа президенты (коллегии), не спросясь никого, так, как их члены и прокуроры, разъехали по деревням, приказать некому; по кого ни пошлю, отвечают— в деревне. Мне одному, не имея ни одного помощника, делать нечего; военная команда малая, город велик, подлости еще для зла довольно.

Между пойманными злодеями— множество подьячих почти из всех коллегий и их солдаты. Старики отставного батальона гвардии, кои содержат караул в Кремле, более всех бунтовали и воровали, чему свидетель архитектор Баженов: он все видел из модельного дома и многие речи слышал. Сейчас получена ведомость, что на Пахре собирается много всякого народа и хочет идти на Москву со всяким оружием, и разбежавшиеся отсель по деревням пьяные грозятся все разорить. Я один в городе и в сенате, помощников нет, команды военной недостает, окружен заразительною болезнью, подвержен ей более других: все ко мне приезжают, принужден пустить, всякому нужда, помочь мне некому. Один обер-полицмейстер везде бегаёт, всего смотрит, спать время не имеет. Я не в состоянии вашему величеству подробно донести, слышу и вижу все разное: народ такой, с коим кроме всякой строгости в порядок привести невозможно.

21 сентября Салтыков писал: «Нельзя быть без начальника, ибо не токмо в Москве, но по уезду несколько тех злодеев, наряжаясь в солдатский мундир, ходят по дворцовым и экономическим вотчинам, показывая указы, якобы из губернской канцелярии посланы, и велят попам перед народом читать, старост и выборных принуждают подписываться в том, что как скоро услышат в Москве набат или пушечную стрельбу, то бы все в Москву бежали с дубинами и рогатинами. Я оставил (т. е. в Москве) Великолуцкий полк, главный пост на Красной площади с пушками и в нужных местах пикеты; ежели б команды было довольно, особенно конницы для разъездов, то б можно оное зло скорее искоренить. Наставник должен быть из раскольщиков,

потому что они всегда противились карантину, да и то примечания достойно, что церковь архиерейская вся разорена и угварь разбита и разметана».

Так как главный недостаток был в военной силе, то по предложению президента главного магистрата Протасова составлена была стража из купцов. Но скоро в ней не оказалось нужды: в Москву приехал граф Г. Г. Орлов с полномочием и с войском.

БЛАГОДАРНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ ШУВАЛОВЕ¹

Всякое учреждение есть следствие какой-нибудь потребности, которая почувствовалась известным обществом в известное время. Понятно, что учреждение тем полезнее, тем почтеннее, чем более удовлетворяет потребности, вызвавшей его основание, чем живее между его членами предание о цели учреждения, чем сознательнее переходит это предание из века в век, из поколения в поколение. Это предание, присущее членам учреждения при их соединенной деятельности, составляет дух учреждения. Учреждение живет полною жизнью, процветает, когда этот дух силен, когда дает себя чувствовать и в совокупных действиях членов учреждения, и в поведении каждого из них, где бы он ни находился; тогда многие другие учреждения заимствуют от него жизнь, дух и сильны бывают этою жизнью, этим духом. Когда же предание забывается, дух слабеет — учреждение клонится к упадку, тогда люди, ревностные ко славе учреждения, стараются воскресить предание, возвратить его к первоначальной чистоте. Обыкновенно основателями учреждения бывают люди, которые яснее других сознают известную потребность общества, которые образом мыслей и всею деятельностью своею осуществляют ту цель, к которой должно стремиться учреждение; деятельность основателей поэтому становится живым преданием, образом, которого члены учреждения никогда не должны терять из виду.

В чем же состоит предание, дух того учреждения, столетие которого мы собрались теперь торжествовать, и кто был человек, в нравственном образе которого осуществляется это предание? Чей нравственный образ мы должны благоговейно перенести из одного века в другой?

Чтоб уяснить себе предание, дух нашего учреждения, мы должны обратиться ко времени, когда оно возникло, должны обратить внимание на потребности этого времени и указать, каким образом они явились.

К концу XVI века Отечество наше, заключавшее в себе тогда только еще северо-восточную часть нынешней Российской империи, было, однако, уже так обширно и так богато средствами

¹ Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета перед раздачею студентам дипломов и наград 12 января 1855 года.

к дальнейшему преуспеянию, что и сами русские и народы соседние сознавали обилие этих средств. Но с таким сознанием соединилось также сознание слабости: сознавали недостаток искусства в употреблении обширных средств, данных Богом народу и стране его; сознавши этот недостаток, начали стремиться к приобретению искусства, к приобретению путей, ведущих к народам, у которых можно было заимствовать искусство. Но одного искусства, посредством которого достигались внешние цели государственные, было недостаточно; сознавалась потребность искусства нравственного, уменья приносить частные выгоды в жертву благу общему, сознавалась необходимость распространения между гражданами познания обязанностей гражданских, чтобы понятия о служении государству не смешивались с понятиями о служении личным выгодам и служение последним не подавляло бы служения первому. Торжество над страшными смутами, ознаменовавшими начало XVII века, всего яснее показало нравственную крепость юного русского общества, возможность бороться с опасными болезнями и преодолеть их. Вследствие сильных внутренних потрясений государственного тела, вследствие обнаружения многообразных нравственных недугов его русские люди 1612 года сознали необходимость всеобщего нравственного очищения. Это сознание не было бессильно: доказательством послужило то, что русские люди встали, как один человек, и очистили землю от врагов внешних и внутренних.

Нечаяемое совершилось, по их словам, и смиренно сознались они, что наказались и что это наказание служит залогом сохранения наряда, порядка государственного в будущем, залогом дальнейшего преуспеяния.

Так наступил XVII век, век, богатый славными событиями, великими торжествами, но еще более замечательный тем, что откликается историку непрестанным воплем о необходимости нравственного очищения, совершенствования, о мерах, которые должны быть употреблены для этого. Священный, утешительный вопль! Он не похож на тот болезненный вопль, который издают государства пред минутою своего разрушения; когда немногие лучшие люди, указывая на болезни общественного организма, отчаиваются в возможности их излечения и предсказывают близкую гибель государства; не таков вопль, слышный на Руси в XVII веке,—это вопль юного, крепкого общества, которое сознает свои недостатки и громко объявляет о них, деятельно ища в то же время средств для их исправления.

У нас в XVII веке не некоторые только частные лица вопиют против нравственных недостатков общества, но само правительство беспощадно, в сильных выражениях указывает на нравственные болезни, требуя излечения их, употребляя к тому средства. Напрасно укоряют Россию XVII века за упадок нравственности:

об этом мнимом упадке заключают из громких воплей правительства церковного и гражданского против нравственных недостатков; но эти самые вопли как признак сознания суть вместе с тем признак превосходства XVII века над веками предшествовавшими, которые имели те же недостатки, но не имели сознания о них или имели его мало.

Не порицать мы должны XVII век за упадок нравственности, напротив, с живым участием обязаны мы следить за этим напряжением нравственных сил государства в борьбе с многочисленными препятствиями, которые оно встречало при достижении общественной цели. В XVII веке мы ясно слышим предание, идущее от знаменитых борцов 1612 года, собравшихся на очищение государства, провозгласивших необходимость нравственного очищения для великого дела освобождения Отечества от врагов и установления наряда, порядка государственного.

Поучительность истории известного народа извлекается из проследения борьбы, которую он ведет с препятствиями, встречающимися на пути установления наряда. Мы имеем полное право сказать, что наша история в высокой степени поучительна, ибо едва ли найдем другое общество, которое должно было бы выдержать сильнейшую борьбу с препятствиями при достижении своих целей, и мы прежде всего должны воздать благодарность своим предкам за то, что они при этой борьбе никогда не отчаивались в спасении Отечества.

При усиленной борьбе с многочисленными препятствиями внешними и внутренними, встреченными Россией при достижении государственных целей, в XVII веке было сознано, что необходимое средство для торжества над этими препятствиями есть призвание на помощь Науки — мудрости гражданской, распространяющей свет, при помощи которого члены общества видят, что они, где они, что обязаны делать для Отечества: ибо только тот может быть верным сыном Отечества, кто знает свое Отечество, его потребности и в состоянии употребить способности свои для удовлетворения той или другой из этих потребностей.

Старший брат Петра Великого, царь Феодор Алексеевич, объявил, что, подобно Соломону, он ни о чем не хочет так заботиться, как о мудрости, царских должностей родительнице, всяких благ изобретательнице и совершительнице, с нею же вся блага от Бога людям даруются. С этою целию он учреждает Академию, в которой хочет, по его же словам, посеять семена мудрости, то есть Науки гражданской и духовной, начиная от Грамматики, Пиитики, Риторики, Диалектики, Философии Разумительной, Естественной и Нравственной, даже до Богословии, учащей вещам божественным и совести очищению; сюда же должно было войти и учение правосудия духовного и мирского и прочие все науки.

Так было понято значение Науки у нас в конце XVII века: она была призвана как мудрость, царских должностей родительница, всяких благ изобретательница и совершительница, с нею же вся благодать от Бога людям даруется: и благо нам, что предки наши уверовали в такое обширное, великое значение Науки! Наука призывалась не только как изобретательница внешних благ, подательница средств для достижения внешних целей, внешних выгод и удобств; она призывалась прежде всего как мудрость, должностей родительница.

Приобретение полезных сведений известным разрядом граждан, которые, в свою очередь, сообщают познанное ими другим, более к тому способным соотечественникам, необходимо для государства; но такое приобретение сведений далеко не исчерпывает всей пользы, от Науки происходящей, еще не есть приобретение мудрости гражданской, необходимой для установления внутреннего наряда, для нравственного преуспеяния общества.

Наука тогда только вполне достигает своей цели, когда распространяет познания о значении человека и гражданина, о его обязанностях, когда проливает свет, при помощи которого человек видит потребности своего отечества и благодаря Науке имеет средства удовлетворять этим потребностям; когда распространяет умение воспитывать человека от ранних лет так, чтобы он мог уяснить понимающим свое значение, свои обязанности гражданином. Когда у одного грека спросили, зачем он учит своего сына, то он отвечал: затем, чтоб после сын мой не сидел в театре, как камень на камне.

Такая цель учения понятна в древнем языческом обществе при одностороннем, преимущественно художественном развитии народа; но не такова цель учения в нашем новом христианском обществе: у нас отец должен учить сына для того, чтоб тот не сидел, как камень на камне, при великом зрелище деятельности гражданской, чтоб не только умел рукоплескать подвигам добра и выражать негодование против зла, но чтоб и сам мог участвовать в борьбе между добром и злом, имел средства способствовать постоянному торжеству первого над вторым благодаря своему просвещению, знанию, благодаря тому, что при чистоте голубиной приобрел он мудрость змии.

Но известно, что все великое и прекрасное в человечестве достигается не вдруг; так и Наука долго должна бороться и с невежеством и с ложными учениями, лжемудрствованиями, которые так много препятствуют распространению мудрости гражданской, утверждению наряда государственного. Самое верное средство к низложению лжемудрствований есть мудрость; лжемудрствования, воздавая невольную дань мудрости, обыкновенно пользуются ее же средствами; тогда мудрость усиливает эти

средства и таким образом низлагает лжемудрствования. Отсюда наша обязанность,—сознавая правду и величие дела Науки, вести постоянную, неутомимую борьбу со всеми препятствиями, противопологаемыми ей невежеством и лжемудрствованиями; наша обязанность не отчаиваться в великом деле просвещения и быть достойными своих предков, которые, уверовавши раз в пользу, необходимость Науки, не теряли этой веры. Они не теряли ее в первой половине XVIII века, когда Наука принималась медленно, когда вследствие необходимого закона сначала старались извлечь из Науки только одну внешнюю, материальную пользу, удовлетворить с помощью Науки внешним потребностям.

И в это время лучшие люди понимали, что такое пользование Наукою недостаточно, что Наука имеет еще другую, высшую цель. Кантемир на языке, едва только начавшем образовываться, провозглашал высокую нравственную цель, которую имеют науки и искусства. Укоряя современников своих за то, что они позабыли главную цель просвещения, распространенного *Петром Великим*, и бросились к одним материальным выгодам, доставляемым цивилизацией, пренебрегши пользою нравственною, Кантемир говорил:

Большу часть всего того, что в нас, приписуем
 Природе, если хотим исследовать зрело,
 Найдем воспитания одного быть дело.
 И знал то мудрым умом *монарх* одаренный,
Петр, отец наш, никаким трудом утомленный,
 Когда труды его нам в пользу были нужны:
 Училища основал, где промысл услужный
 В пути добродетей умел бы наставить
 Младенцев...
 Но скоро полезны презренны бывают
 Дела, кои лакомым чувствам не ласкают.
 Кучу к куче прикопить, дом построить пышной,
 Развести сад и завод, расчистить лес лишной,
 Детям уже богатое оставить наследство
 Печемся, потеем в том: каково же их детство
 Проходит, редко на ум двум или трем всходит;
 И у кого не одна в безделках исходит
 Тысяча, малейшаго расхода жалеет
 К наставлению детей; когда же шалеет
 Сын, в возраст пришел, отец тужит и стыдится...
 Главно воспитания в том состоит дело,
 Чтоб сердце, страсти изгнав, младенческо зрело
 В добрых правах утвердить, чтоб чрез то полезен
 Сын твой был отечеству, меж людьми любезен
 И всегда желателен: к тому все науки
 Концу и искусства все должны подать руки.

Голос Кантемира раздался одиноко в первой половине XVIII века; предание о высокой нравственной цели Науки—предание, которое старался поддержать Кантемир, по-видимому,

готово было исчезнуть среди материальных стремлений времени. Но это было только по-видимому: на самом же деле Наука, внедряясь все более и более, готовилась принять высшее, нравственное значение в обществе. И вот бессмертные слова Кантемира, раздававшиеся одиноко в первой половине века, во второй его половине повторяются целым хором лучших людей, лучших писателей.

«С давнего уже времени,—говорил Бецкий,—имеет Россия Академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам, но мало, буде не совсем ничего, существенных от того плодов собрано. Разбная прямые тому причины, не можем мы жаловаться на Провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того не прямые токмо пути избраны были, а чего совсем недоставало, о том совсем и помышляемо не было...

Корень всему злу и добру — *воспитание*: достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямая и основательная. Держась сего неоспоримаго правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, кои бы детям своим те же прямая и основательная воспитания правила в сердце вселить могли, какия получили они сами, и от них дети предали б паки своим детям, и так, следуя из родов в роды, в будущие веки». Различие между стремлениями первой и второй половины XVIII века всего резче выражено в следующих словах Бецкого, обращенных к *императрице Екатерине II*: «*Петр Великий* создал в России людей, *Ваше Величество* влагает в них души». Как сама *императрица Екатерина* понимала дело нравственного воспитания, видно из следующих слов ее: «Главное достоинство наставления детей состоять должно в любви к ближнему, в общем благоволении к роду человеческому, в доброжелательстве ко всем людям, в ласковом и снисходительном обращении ко всякому, в добронравии непрерывном, в чистосердечии и в благодарном сердце, в истреблении горячности сердца, пустаго опасения, боязливости, подозрения. Пороки вообще уменьшают смелость и храбрость; добродетели же умножают твердость духа и укрепляют рассудок, истинную его смелость и храбрость. Истинная смелость состоит в том, чтоб пребывать в том, что долг человеку предписывает». Это не были только слова, не находившие отзыва, не были только требования, не находившие исполнения: во второй половине XVIII века мы замечаем большое смягчение нравов, людям второй половины XVIII века первая половина его казалась временем грубости, варварства, вельможам *Екатери-*

ны II становилось дурно при чтении о некоторых явлениях предшествовавшего времени².

Противопоставляя вторую половину XVIII века первой, мы говорили о явлениях царствования *императрицы Екатерины*, но понятно, что подобные явления не могли произойти вдруг, в одно царствование: люди, действовавшие в царствование *Екатерины*, образовались прежде, образовались в царствование *Елисаветы*. В это-то знаменитое царствование совершился переход от понятий и стремлений первой половины века к понятиям и стремлениям второй; мы поймем, почему люди екатерининского времени обнаруживали такую мягкость в нравах, такое отвращение от мер жестоких, когда вспомним, что они воспитались в царствование, в которое отменена была смертная казнь. Из царствования *Елисаветы*, следовательно, лучшие люди екатерининского времени вынесли убеждение в необходимости просвещенного воспитания, сознание о высшей, нравственной цели Науки; в это царствование у престола *императрицы* явился человек, при образовании которого «Наука и Искусство подали руки, чтоб сделать его Отечеству полезным, между людьми любезным и всегда желательным», — и по мысли этого-то человека в царствование *Елисаветы* возникло учреждение, долженствовавшее удовлетворить потребности времени, а именно — дать Науке возможность достигать своей высшей нравственной цели, дать ей значение мудрости гражданской. Этот человек был И. И. Шувалов, это учреждение был Московский университет.

Обыкновенно с именем Шувалова соединяется у нас знаменитое по классическим преданиям название мецената; это понятие о Шувалове как меценате запечатлено в нас стихами Державина:

Бессмертны музами Периклы
И Меценаты в век живут:
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шувалов, не умрут.
Великий *Петр* к нам ввел науки,
А дочь его ввела к нам вкус;
Ты, к знаниям простирая руки,
У ней предстателем был муз
Досель гремит нам в Илиаде
О Несторах, Улиссах гром:
Равно бессмертен в Петриаде
Ты Ломоносовым пером.

Здесь Державин понимает известный отзыв Ломоносова о Шувалове, что он

Для счастья наук в отечестве рожден.

Но мы, питомцы Московского университета, не можем быть удовлетворены этим сравнением нашего Шувалова с Меценатом.

² Семена Порошина записки. Стр. 69, 74, 75.

Покровительство Науке, Искусству, произведения которых служат часто только украшением, забавою праздной, роскошной жизни, такое покровительство не дает еще права на такое высокое значение, с каким является для нас Шувалов. Если мы хотим с кем-нибудь сравнить его, то должны сравнивать не с Мecenатом, а с лицами более отдаленной древности — с теми благодетелями людей, которым предание приписывает вывод колоний, изобретение или принесение благодетельных искусств и знаний, основание учреждений, распространявших людскость, поддерживавших основы общества.

Шувалов не отличался одним только легким, ничего не стоящим при его положении покровительством Науке и Искусству, но, познав на самом себе благое действие Науки и Искусства, приобретши благо, он старался распространить его между соотечественниками своими, старался, чтоб сколько можно большее число их пользовались этим благом и становились чрез это пользование такими же, каким был он сам.

Какой же был Шувалов? Как на нем отразились благие действия Науки? Рано приблизился он к престолу *монархини*, рано получил могущественное влияние, его провозгласили счастливецem и мудрецem за умение пользоваться этим влиянием, за умение пользоваться всем, не употребляя ничего во зло. Но такое определение деятельности Шувалова односторонне: Шувалов не довольствовался тем, что не употреблял только во зло своего влияния, он постоянно употреблял его на добро. У престола благодетельствовавшей ему *монархини* он стоял с высоким характером посредника, миротворца, верно служа и будущему России как в лице непосредственного наследника престола, так и в лице малолетнего внука *императрицы*³; с тем же характером миротворца являлся он и для семейств частных и для семьи, к нему близкой, для семьи ученых и литераторов. Следовательно, имеем полное право не ограничиваться для Шувалова названием счастливица: в наших глазах Шувалов является человеком, искавшим не счастья только, но блаженства, обещанного миротворцам.

Провозглашали, что даже самые соперники Шувалова не могли ничего сказать о нем, кроме добра; это происходило от того, что у Шувалова, собственно говоря, не было соперников, ибо он не искал почестей, выгодных мест, не заслонял никому дороги при их достижении, старался о приобретении только нравственного значения, нравственного превосходства; высокий титул, к которому он стремился и которого достиг, был титул просвещеннейшего вельможи в государстве. Просвещение есть самое лучшее средство против корыстолюбия, против неумения прино-

³ *Император Павел I* в рескрипте Шувалову писал, что «всегда с благодарностью воспоминает попечение его об нем во время младенчества»

сить частные выгоды в жертву общему благу Отечества: Шувалов понимал, что титул просвещеннейшего вельможи налагает на него обязанность быть бескорыстнейшим, и он ограничился своим небольшим состоянием, когда мог так легко и даже безукоризненно приобрести обширное имение. Мы не остановимся долго на известии биографов Шувалова, что просители имели к нему свободный доступ; важнее для нас уменье, приобретенное просвещеннейшим вельможею, уменье предупреждать просьбы людей, медленных на просьбы. В каких отношениях находился Шувалов как господин к своим подвластным, показывает следующий случай: однажды он решился продать деревню для уплаты долгов, крестьяне этой деревни немедленно сделали складчину и явились к нему с просьбою принять деньги и оставить деревню за собою, потому что им не нажить такого доброго помещика.

Когда Шувалов явился за границу, то первые знаменитости времени нашли в нем одного из самых образованных и самых любезных людей. Этот отзыв иностранцев важен для нас потому, что Шувалов производил такое же точно господствовавшее впечатление и на своих соотечественников: на нем более, чем на ком-либо, виднелось это сияние просвещения, которое, по словам Кантемира, делает человека между людьми любезным и всегда желательным; к Шувалову подходили с какою-то радостью, говорят его современники⁴. Это качество в Шувалове засвидетельствовано и знаменитым духовным оратором, которому выпал жребий сказать надгробное слово просвещеннейшему вельможе XVIII века⁵. «Время его жизни показывает,—говорит оратор,— что Бог хранил его для счастья многих. Течение его жизни растворено было желанием, чтоб благодетельствовать. Он счастливым себя почитал в тот день, когда имел случай удалить несчастье и поспешествовать счастью других... О! Если образумое юношество можно нареци обновляющеюся юноштию человечества, яко орла, то в обоих престольных градах питомцы свободных и художественных наук соблюдут нестареющуюся память той его ревности, с какою он тщился не меньше о украшении науками умов, как и поступков благородным учтивством. Остается желать, дабы они совершили согласно Евангелию и закону доброе намерение его».

Конечно, духовный оратор и при таком случае под благородным учтивством разумел не одну внешнюю учтивость, требующую светскими приличиями; конечно, не одною этою внешнею учтивостью хотел он определить характер человека, которого жизнь растворена была желанием благодетельствовать, который счастливым себя почитал в тот день, когда имел случай удалить

⁴ Тимковский Мое определение на службу.

⁵ Пресвященным Анастасием.

несчастье и поспешествовать счастью других. В благородном учтивстве Шувалова отражалась внутренняя людскость, сознание человеческого значения в себе самом и в других. И здесь в слове нашего оратора, как в сочинениях других лучших писателей времени, выставлено двойное требование от просвещенного человека — требование, чтобы в нем украшенному Наукою уму соответствовали поступки, удовлетворяющие нравственным требованиям, нравственному достоинству человека. Шувалов удовлетворил этому требованию самим собою, своим нравственным существом и потом старался, чтоб и другие одинаково удовлетворяли ему; тщился, как говорит оратор, не меньше о украшении науками умов, как и поступков благородным учтивством. Плодом этого тщания был наш университет, учрежденный вследствие ходатайства Шувалова у престола *Елисаветы*, причем в первый же год основания университета одним из первых его преподавателей было провозглашено, что цель наук есть возможное нравственное совершенствование человека⁶. Таково предание старцев наших — предание, живущее в нравственном образе Шувалова.

«Нестареющуюся память высокой ревности Шувалова соблюдут питомцы наук». К вам, питомцы Московского университета, обращался пятьдесят семь лет тому назад духовный оратор, говоривший свое слово над гробом Шувалова, от вас требовал вечной памяти тому, кто современных ему предшественников ваших называл своими детьми⁷. И какое законное требование! Но как же вы его выполняете? Ваша обязанность состоит не в одном воспоминании о Шувалове, она состоит в напоминании о нем; вашими поступками вы должны напоминать человека, нравственный характер которого составляет живое, образное предание университета, давшего нам воспитание. Дети Шувалова должны сохранить в своем нравственном образе родственные черты. Вы лучшие, вы избранные, вы более других знающие! Примите награды, примите права, даруемые вам *покровительствующею властью*, и удержите воспоминание о важных обязанностях, налагаемых на вас этими правами; не оставьте вашего знания бесплодным, а плод знания есть мудрость гражданская, законность всех поступков; вы, более других знающие! Вам незнанием законности отговориться уже нельзя. Да вечно слышится вам этот голос, исходивший от гроба Шувалова; да вечно слышатся вам эти слова пастыря Церкви, который давал наилестное определение нравственному образу почившего и обращался к вам с упованием, что вы сохраните этот прекрасный образ, что вы совершите согласно Евангелию и закону доброе намерение Шувалова.

⁶ Речь А. Барсова о пользе учреждения Московского университета, говоренная при начатии университетских гимназий, 1755 года, апреля 26 дня.

⁷ Тимковский в вышеозначенной статье.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛОМОНОСОВЕ ¹

«Я слышал,—говорит один римский историк,—я слышал от знаменитых современников, что, взирая на изображения великих предков, они чувствовали в себе новые силы к деятельности. Не самые изображения,—говорит историк,—имели такую силу, но воспоминание о делах совершенных». Действительно, не одна благодарность побуждает образованные народы ставить памятники великим людям; народы чувствуют потребность поддерживать свою настоящую деятельность памятью о деятельности прошлой, выразившейся всего виднее в подвигах лучших людей народа, избранников истории; народы понимают, что великое дело бессмертно, что оно живет и действует бесконечно, что настоящее народа крепко тесным союзом своим с прошедшим, что историческая жизнь народа составляет единое органическое целое, и горе народу, который порвет эту органическую связь с своим прошедшим, забудет людей, в которых высказались всего явственнее его дух и силы: такой народ услышит себе страшный приговор, что он обеспамятел. И народы живые, сильные больше всего боятся потерять память о своем прошлом, т. е. о самих себе. Во время юности нет у них ни одного праздника, где бы не пропелась песня о прошлом; в зрелом возрасте они изучают это прошлое научным образом, они ставят памятники великим людям, празднуют годовщины великих дел.

Совет Московского университета определил поставить в своей ограде посильный скромный памятник человеку, в голове которого родилась мысль об основании университета в Москве,—Ломоносову. И здесь должна выражаться не одна благодарность, не одна память сердца; и здесь должна выражаться потребность союза с великим прошедшим, потребность живого, деятельного употребления и приращения духовного наследства, оставленного великим человеком.

Было для России великое, славное время, которое пять лет тому назад вспоминала вся Россия, а старая Москва вспоминала

¹ Речь, произнесенная в торжественном собрании Московского университета 12 января 1877 года заслуженным профессором и ректором Сергеем Соловьевым по поводу открытия в университете памятника Ломоносову.

его новым научным делом; было великое славное время возбуждения народных сил, когда сознательно проходила тяжелая школа, когда торжествующие ученики поднимали заздравные кубки за побежденных учителей. Было великое и славное время, когда, по словам Ломоносова:

Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами,
Себя прославил в наши дни:
Послал в Россию человека,
Каков не слыхан был от века.

Великого человека не стало. Русские люди сильными, но неопытными руками разбирались в громадном материале преобразования, а в Западной Европе с завистливым вниманием следили за их делом и говорили: ничего из этого не выйдет, не в состоянии русские воспользоваться наукою, подарком великого царя, сделанное Петром не удержится после его смерти, и Россия впадет в прежнее состояние, в каком была до Петра. В ответ на эти речи русский народ выставил Ломоносова.

Ломоносов был первый русский, который заговорил с ученою Европою на ее языке и заставил слушать себя со вниманием. Если Петр Великий быстрым усвоением средств образования и военными успехами заставил европейские государства с уважением отнестись к России, посторониться и дать ей почетное место среди себя, то Ломоносов принятием деятельного участия в разрешении важных вопросов, занимавших европейскую науку, заставил западных ученых с уважением отнестись к представителю русской мысли и знания и прекратить толки о возможности для России возвратиться в среду государств, чуждых европейской образованности. Но это только одна сторона дела. Для нас гораздо важнее помнить о том, что и как говорил Ломоносов с своим народом.

Народы являются в истории словесными и бессловесными. Первые — те, которые имеют письменные произведения или так называемую литературу; эти народы и после прекращения своего исторического бытия продолжают жить в духовной жизни других народов, ибо их литературные произведения входят в состав общего наследства, духовной сокровищницы целого человечества. Эти народы сказали свое слово и оставили по себе вечную память. Народы, не имеющие литературных памятников, живут или прожили молча; если их имена и некоторые дела и записаны на страницах истории, то это сделано другими народами, по своему произволу, по своим отношениям и взглядам. Коротка, скудна и печальна память о народе, который не сказал о себе своего слова и не внес никакого вклада в духовную сокровищницу-

цу человечества. Но для того, чтобы народу иметь литературу, надобно иметь язык, способный для ясного и точного выражения всего мыслимого образованным народом. Русские люди в эпоху вступления своего в общую жизнь образованных народов или в так называемую эпоху преобразования чрезвычайно расширили свою область познания, получили сведения о множестве новых явлений и отношений между ними, но, чтобы воспользоваться всем этим, превратить все познанное в духовное питание, им нужно было это выразить, но не было приготовленного для этого языка, языка, способного выразить все мыслимое и вместе с тем языка народного, общепонятного. Такой язык дал русскому народу Ломоносов; он дал ему его в своих лекциях, в своих многочисленных сочинениях по различным наукам, в своих речах и стихотворениях.

С Ломоносова русский человек начал говорить языком образованного человека, в его сочинениях он получил богатое содержание и готовую форму. У меня нет средств коснуться достойным образом содержания всех сочинений Ломоносова, я позволю себе обратить внимание ваше, м[илолюбивые] г[осудари], только на то, что говорил он народу о его настоящем и прошлом. Ломоносов как великий деятель в истории народа, как великий глашатай народной мысли, выразитель народного сознания должен был поддерживать в народе память о его прошлом, о тесной связи этого прошлого с настоящим. Великий писатель прежде всего воздвигает памятник, памятник нерукотворный великому человеку, который небывалою в истории мощью своего духа помог своему народу с достоинством и славою сделать поворот на новый исторический путь, необходимый по законам народного развития. Ломоносов не упускал случая выяснить народу значение Петра Великого, поднимать дух народа достойным представлением пред ним великого образа. Но Ломоносов не был подавлен величием небывалого героя, для него исполинский образ Петра не загородил древней русской истории, ее деятелей. Он сознавал тесную связь между частями истории народа исторического, он привел деятельность Петра в связи с деятельностью его предшественников: что готовили предки, «Все то Бог Петру судил».

Сознавая тесную связь между частями русской истории, поддерживая в самом себе и в обществе память об этой целостности народной жизни, Ломоносов не мог не сознавать ясно значения России в настоящем. Полный представитель народа, занявшего необозримые пространства мирною колонизациею, народа, неспособного к захвату, к завоевательному напору на чужие страны, Ломоносов проповедовал мир, выставляя его благоденствия в процветании науки; но в то же самое время он сознавал, что это великое благо — мир —

покупается дорогою ценою, великими пожертвованиями; он знал, что Россия для приобретения безопасности и почетного положения среди народов, необходимого для мира, должна была в продолжение веков отдать все свои силы страшной борьбе, отбиваясь от врагов со всех сторон; Ломоносов знал также, как необходима бывает борьба для возбуждения сил народных, для поднятия в народе высших интересов, для спасения его от тлетворной заразы мелкими материальными интересами, от лени, от нравственного, духовного праздношатапия; никто лучше Ломоносова не высказал это значение борьбы для народа, который от долгого мира подвергается опасности загнить, подобно стоячим водам:

Необходимая судьба
 Во всех народах положила,
 Дабы военная труба
 Унылых к бодрости будила,
 Чтоб в недрах мягкой тишины
 Не зацвели, водам равны,
 Что в круг защищены горами,
 Дубровой, неподвижны спят
 И под ленивыми листьями
 Презренный производят гад.

Но против кого и за что может, должна бороться Россия, по сознанию Ломоносова? Борьба должна быть ведена для охранения не одних только ближайших, собственных интересов. Россия жила общею жизнью со всеми европейскими государствами; войдя в их среду без желания захватывать чужое, имея обширнейшую государственную область, совершенно достаточную для упражнения и развития сил народных, имея ближайшие народные русские интересы только в Польше, только с нею сводя исторические счета, Россия относительно Западной Европы могла играть одну охранительную роль, поддерживать то начало, по которому не допускалось насилия сильного над слабыми, увеличения одного государства на счет соседей. В XVIII веке Россия исполнила свою задачу, вступивши в Семилетнюю войну для сдержания властолюбивых стремлений и насилий Фридриха II. Ломоносов по этому случаю влагает такую молитву в уста императрицы Елисаветы:

Присяжны преступив союзы,
 Поправши нагло святость прав,
 Царям повергнуть тщится узы
 Желание чужих держав.
 Творец, возри в концы вселенны,
 Возри на земли утесненны,
 На помощь страждущим восстань,

Позволь для общаго покою,
Под сильною Твоей рукою
Воздвигнуть против брани брань!

Но вещей взор Ломоносова преимущественно направлен на Восток и Юг, туда обращает он внимание будущей России:

Когда взираем мы к Востоку,
Когда посмотрим мы на Юг,
О коль пространность зрим широко,
Где может загреть твой слух.
Там вокруг облег дракон ужасный
Места святы, места прекрасны,
И к облакам сто глав вознес!
Весь свет чудовища страшится,
Един лишь смело устремиться
Российский может Геркулес;
Един сто острых жал притупит
И множеством низвержет ран,
Един на сто голов наступит,
Восставит вольность многих стран.

Вот о чем поддерживал в русском народе память великий писатель. Долго, долго русские люди в школах своих по сочинениям Ломоносова учились писать, думать и чувствовать по-русски. Отец русской науки, оканчивая свое многотрудное, часто многострадальное поприще в борьбе за русские интересы, за русскую науку, за русскую школу, оставил нам завещание: «За то терплю, что стараюсь защитить труд Петра Великого, чтобы выучились россияне, чтобы показали свое достоинство. Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют». Одно из действительнейших средств для нас к выполнению этого завещания, чтоб «россияне показали свое достоинство»,— это сохранение памяти о великих русских людях, о труде их. Торжествуя грозное и славное в нашей новейшей истории событие, мы в церквях молимся, чтоб Господь дал нам память об этом событии. И здесь, в храме науки, мы имеем полное право выразить желание, чтоб Бог дал нам память о наших великих людях, о делах, ими совершенных, память живую, деятельную, плодоносную.

ЗАБОТЫ СЕНАТА О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVIII ВЕКЕ

ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»

I

Определенный в Вятской и Пермской провинциях для искоренения воров и разбойников секунд-майор Есинов объявляет сенату о появившейся на реке Вятке воровской компании, и коим образом он с командою на них напал и имел с ними немалую суктицю.

Сенат приказал: оному Есинову в поимке и искоренении злодеев иметь крайнее старание, а впредь ему в доношениях своих в правительствующий сенат таких речей, как выше значит, что имел с ворами суктицю, отнюдь не писать, а писать российским диалектом (1750 год).

II

Допущен в правительствующий сенат комиссар Петр Крекшин и доносил:

В напечатанной ныне при Академии вновь сочиненной профессором Ломоносовым книжке напечатано: статуя Петра Великого, что де писать было не должно, а надлежало именовать персоною.

И на оное от правительствующего сената ему, Крекшину, объявлено, что помянутая книжка напечатана с опробации и противности в ней никакой не находится (1751 год).

Сообщ[ил] С. М. Соловьев

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Л. ЮРГАНОВ. НАСЛЕДИЕ С. М. СОЛОВЬЕВА КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВМЕСТО КОММЕНТАРИЕВ К ДВАДЦАТОЙ КНИГЕ «СОЧИНЕНИЙ» С. М. СОЛОВЬЕВА

За пятнадцать лет до первых написанных строк «Истории России с древнейших времен» опубликовано было «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева. Эта, по выражению императора Николая Павловича, «смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного», глубоко задела чувства образованных людей. «Бессмыслице» приписали дерзость — и не поняли главного. «Письмо Чаадаева не что иное, как отрицание той России, которую с подлинника списал Карамзин», — признавался один современник. В самом деле, история России уже написана, но П. Я. Чаадаев не увидел в ней смысла. «Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда»¹. Апофатизм философа привел его к глубокой мысли, что в отличие от Западной Европы в России не было гражданского общества, а потому не возникла историческая память, не создавалась культурная преемственность. Христианская церковь была порабощена государством, вследствие этого порабощенными оказались личность и общество. В России нет истории, она существует как бы вне времени, *вне всемирно-исторической непрерывности*. «Вот почему, одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его...» — писал философ. Д. С. Мережковский тонко уловил смысл письма Чаадаева: «До него никто в России не говорил таким всемирным голосом. Тут впервые загорается всемирно-историческое сознание России; впервые дается всемирно-исторический разрез национального русского духа. Тут русская река впадает в океан всечеловеческий»².

Итак, характерно, что философский взгляд на карамзинскую историю показал, что ни философия, ни история не могут объяснить смысла в той роли, которую Россия играла и играет во всемирно-историческом процессе. «Письмо» П. Я. Чаадаева заставило западников и славянофилов спорить о судьбе России, научная история которой в полном объеме еще не была написана. В 1851 году, за четыре года до смерти П. Я. Чаадаева, своего необычного оппонента и великого русского философа, С. М. Соловьев решился на написание «Истории России с древнейших времен»...

Ученый впервые в исторической науке *открыл смысловое наполнение русской истории*, связал воедино то, что казалось бессмысленным. Н. М. Карамзин

¹ Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991. Т. I. С. 326. Следует особо отметить, что в этом издании «Философическое письмо» Чаадаева публикуется в наиболее полном переводе, выполненном Д. И. Шаховским, лучшим знатоком творчества своего великого предка.

² Мережковский Д. С. Чаадаев (1794—1856) // Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991. С. 301.

называл «темным лесом» время от смерти Василия Ярославича до Ивана Калиты; Соловьев же объяснил условия, при которых выдвинулось Московское княжество. Иван III в его описании прочно связан с предшественниками, а Иван IV перестал быть только чудовищем. Можно не соглашаться с мыслями историка о характере политической борьбы царя с боярами, но нельзя не оценить социокультурное значение нового, научного познания России, системного в своей методологической основе. Н. Г. Чернышевский писал: «В первый раз нам объясняются смысл событий и развитие нашей государственной жизни». Соловьев любил говорить, что все происходит «естественно и необходимо». «...Наука указывает нам, что народы живут, развиваются по известным законам, проходят известные возрасты, как отдельные люди, как все живое, все органическое...»³

Остановимся на этом важном тезисе. Историк сформулировал *антропологический принцип изучения и понимания народа*. «...Назначение человека — жить в обществе... только в обществе себе подобных, при постоянном и беспрепятственном размене мыслей и плодов своей деятельности, при разделении занятий, при взаимном вспомоществовании может он развивать свои способности... что справедливо в отношении к одному человеку, то справедливо и в отношении к целому народу... Что мы замечаем в народе, который живет особняком? Необходимо застой... Итак, если человек для полноты своего человеческого развития должен жить в обществе себе подобных; если народ для полноты своего народного развития должен жить в обществе других народов — то вопрос решен о значении петровской эпохи, эпохи преобразования, вопрос решен об отношениях древней России к новой. Древнее русское общество, несмотря на величие подвигов, совершенных им в деле внешнего государственного созидания, в преодолении препятствий, этому созиданию противопоставленных, не могло двигаться далее на пути нравственных и материальных улучшений... Следствия особой жизни так ясны в нашей древней истории, что о них не нужно много распространяться: бессознательное, суеверное подчинение обычаю, обряду, форме, букве...»⁴ П. Я. Чаадаев писал о том, что «народы — существа нравственные, точно так же как и отдельные личности», но добавлял при этом: «Их воспитывают века, как людей воспитывают годы. Про нас можно сказать, что мы составляем как бы исключение среди народов...»⁵ Соловьев в отличие от Чаадаева считал этот принцип изучения народа, любого этноса, универсальным.

Понимание *органической взаимосвязи явлений*, видимо, родилось спонтанно — в ходе исследования конкретного материала. Магистерская диссертация Соловьева, как известно, была посвящена княжению Ивана III, времени, когда было создано Русское государство. Исследуя источники, историк понял, что эту тему не раскрыть, если не изучить историю Новгорода Великого, который был присоединен к Москве в 1478 году. И тут же стало ясно — не обойтись без анализа отношений Новгорода и великих князей... Этот клубок раскручивался дальше и дальше, пока не возникла полная ясность — всю русскую историю следует рассматривать как единый взаимосвязанный процесс. «Ошибки происходят не от неправильности только взгляда вообще, но от того, что мы глядим на одну сторону явления и спешим из этого рассматривания вывести наше заключение, вывести общие законы... Взгляд вполне правильный есть взгляд всесторонний», — писал историк⁶.

Большинство томов «Истории России с древнейших времен» написаны с привлечением многочисленных документов, хранившихся в архивах. Историк при-

³ Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом // Сочинения. Кн. XVIII. М., 1995. С. 7. (Курсив мой. — Авт.)

⁴ Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление // Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 338, 340.

⁵ Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 326.

⁶ Цит по: Безобразов П. В. С. М. Соловьев, его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб., 1894. С. 64.

ходилось невероятно трудно: одновременно вводить в оборот новые источники, никому не известные, и тут же обстоятельно объяснять их смысл, значение. Полнота в описании истории России поражает воображение. Этот творческий подвиг неповторим, ибо отсутствовала явно выраженная научная специализация и на подобный шаг — описывать всю историю народа — решиться было трудно. Но с другой стороны, наука, не выработав цельного взгляда на прошлое России, не скрывала ученого большим грузом специальных работ.

С. М. Соловьев назвал «Историю государства Российского» «величайшей поэмой, воспевающей государство». «Поэтическое настроение заставляло Карамзина относиться холодно к прозе истории». «Талант Карамзина потребовал возбуждения от источников», — писал ученый.

У Карамзина на первом месте — живопись, на втором — исторический источник; Соловьев решил поменять их местами: воспроизвести источник, приобрести читателя к живописной простоте русской старины, сблизить ее с современностью. Возник *другой язык описания истории* — литературный и вместе с тем научный там, где требовалось объяснить смысл происходившего. Родился *дух национальной истории*, ибо историк стремился максимально приблизиться к раскрытию системы ценностей народа. Карамзинская «живопись» — игра писательского воображения; документальное изложение истории, по Соловьеву, — это проникновение в глубь «народного самосознания». Сравнивая Н. М. Карамзина и В. Н. Татищева, ученый писал: «...взгляд историка XIX века на свой предмет в главных чертах сходен со взглядом историка XVIII века: оба смотрят на историю как на науку опыта. Но при сходстве воззрения есть и разница: историк XIX века уже *предчувствует в истории науку народного самопознания...*»⁷ (курсив мой. — Авт.). С. М. Соловьев видел в Н. М. Карамзине своего предшественника.

Между духом народа и книгой о его истории непременно должна быть связь. В. И. Гёрье, размышляя о национальной истории, отмечал, что Тит Ливий «жил в эпоху, когда пали древнеримские учреждения, когда исчезли политические идеалы, создавшие величие Рима, когда разлагались верования, составлявшие нравственную силу древних римлян. Но сожаление об утраченном изошрило чутье римского историка, и, желая воскресить римскую старину, он поступил совершенно правильно, вложив в свой рассказ тот дух, который некогда составлял жизненное начало предков, — любовь к республике, подчинение закону и почтение к богам»⁸.

Дух русского народа проявился в особом отношении к Государству. Соловьев не поддался чувству одиночества, которое роднит интеллигенцию, пребывающую меж «двух огней» — государством и народом, — не стал искать виноватых в бедах русского народа, сохранив строго научный подход к оценке исторического процесса. *Государство — ценностно-значимое явление русской истории*, вне зависимости от симпатий и антипатий. Ценностные ориентации народа не подлежат нравственному осуждению. В этом — тайна и парадокс ремесла историка, имеющего возможность «через себя» пропустить историю народа, но не имеющего прав вносить в эту историю личностное ее понимание, оторванное от смыслового наполнения жизни людей прошлого. С. М. Соловьев писал: «Недоразумения, споры, искажения фактов происходят от непростительной для уважающего науку человека привычки навязывать настоящие наши воззрения предкам»⁹ (курсив мой. — Авт.).

Ученый отмечал также в «Исторических письмах»: «...если одно начало усиливается, то это происходит необходимо вследствие слабости других начал... историк не имеет права, бросивши то, что действует и своим действием объясняет нам все в прошедшем и настоящем, обратить внимание преимущественно на то,

⁷ Соловьев С. М. Н. М. Карамзин и «История государства Российского» // Сочинения. Кн. XVI. С. 49.

⁸ Гёрье В. И. Сергей Михайлович Соловьев. СПб., 1880. С. 8

⁹ Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление // Сочинения. Кн. XVI. С. 343; см также: Гёрье В. И. Указ. соч. С. 27.

что находится в бездействии или действует слабо, развивается медленно... здесь обязанность его оканчивается, ибо этим он вполне освещает настоящее, как результат прошедшего... историк, увлекшись каким-нибудь сочувствием, не смеет перемешивать явления по произволу, не смеет выставить на первом плане то, что на нем не находится...»¹⁰ С. М. Соловьев впервые в истории нашей науки определил научные параметры такого трудноуловимого явления, как дух народа: «Три условия имеют особенное влияние на жизнь народа: природа страны, где он живет; природа племени, к которому он принадлежит; ход внешних событий, влияния, идущие от народов, которые его окружают». «Природа стран» — фактор, известный современной Соловьеву историографии, но географические условия объявлялись — особенно в схеме государственной школы — едва ли не единственной решающей силой, которая определяла историческое развитие народа. Историк отказался от идеи, что в историческом процессе действуют абсолютно стихийные силы. Ученый ввел в научный оборот представление о многофакторном анализе «природы племени». «Народный дух» перестал быть аксиомой, идеологемой, ибо историк рассмотрел его как продукт исторического развития. «Народ похож на своего родоначальника не вследствие одного физического происхождения от него: народ воспитывается в преданиях, которые идут от родоначальника и в которых отразилась его личная природа, его взгляды и отношения...» «Ход внешних событий» — это сам исторический процесс во всей его органической цельности. Любопытны с этой точки зрения рассуждения историка о различиях исторических путей развития народов Восточной и Западной Европы. Горы разделили Запад на замкнутые части с естественными государственными границами, из камня строили прочные феодальные замки, городские укрепления; в России же — на равнине, не имеющей никаких естественных границ и защиты от нападений извне, основным материалом строительства было дерево. Все это вместе не создавало прочной оседлости, а народ пребывал в состоянии, которое историк определил как «жидкое». Отсюда — особая роль государства, выступавшего как сила, организующая население. «Централизация восполняет недостаток внутренней связи, уславливается этим недостатком и, разумеется, благодетельна и необходима, ибо без нее все бы распалось и разбрелось...» Возвышение Москвы — исходный момент этого процесса; опричнина Ивана Грозного — кульминация. Русский царь нанес сокрушительный удар по родовым отношениям, носителем которых было боярство. Соловьев не оправдывал тирана: он различал «историческое объяснение» и нравственное чувство. «...Более чем странно, — писал он, — желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смещение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием»¹¹. Найдя смысл в централизации, историк не разорвал нить, соединяющую прошлое и настоящее; наука не стала безнравственным и холодным орудием познания.

Соловьев и в себе чувствовал народное начало в служении общему делу, в сознании «космоса», когда подчиняешься определенному исторически обоснованному порядку, в котором существовала и существует своя иерархия духовных ценностей. С. М. Соловьев соединял в себе разные стихии, будучи чем-то похожим сразу на двух деятелей сочиненной им истории — Алексея Михайловича, русского царя, большого поклонника обрядности, педанта, и его сына Петра, сломавшего традиции медленной, чинной жизни ради государственного блага. Служение государству стало главным смыслом жизни историка: он это делал и на кафедре в университете, и у себя дома, каждый свой день посвящая «писанию» истории. Но петровской идее он служил, как отшельник, совершавший духовный подвиг в одинокой келье. Распорядок его жизни не удивил бы только немца...

У историка сложился по сути дела религиозный взгляд на «народное самосознание». Приверженец прогресса в социальной сфере, он был пессимистом в жизни (по его словам, «человечество должно одряхлеть и умереть!»), утверждавшим, что

¹⁰ Соловьев С. М. Исторические письма // Сочинения. Кн. XVI. С. 398.

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. III. М., 1989. С. 688.

никакого прогресса не может быть в религии. Религия не противостоит прогрессу: в христианстве, считал ученый, от человека требуется бесконечное самосовершенствование. Стремление это никогда — по природе вещей — не может себя полностью удовлетворить¹². Религиозное чувство, считал ученый, утверждается на неверии, на неверии в возможности человека, «в средства его разума, неверии, основанном на ежедневном и вековом опыте». Прогресс есть «произведение слабости человеческих средств и высоты религиозных требований, поставленных христианством». С. М. Соловьев не любил самодовольный патриотизм славянофилов, но в отличие от западников придавал большое значение православию. Он видел, что религия превращалась в форму национальной самоидентичности, спасая народ от исчезновения. «И вот Рим, пользуясь бедствием Византии, — писал ученый, — устраивает дело соединения церквей; Исидор, в звании митрополита всея Руси, подписывает во Флоренции акт соединения; но в Москве этот акт отвергнут, здесь решили остаться при древнем благочестии — одно из тех великих решений, которые на многие века вперед определяют судьбы народов!.. Верность древнему благочестию, провозглашенная великим князем Василием Васильевичем, поддержала самостоятельность Северо-Восточной Руси в 1612 году, сделала невозможным вступление на московский престол польского королевича, повела к борьбе за веру в польских владениях, произвела соединение Малой России с Великою, условила падение Польши, могущество России и связь последней с единоверными народами Балканского полуострова»¹³.

«Настоящее правительство, — писал С. М. Соловьев о современности, — не задерживает свой народ, не видит настоящего народа только в неподвижной массе; оно вызывает из массы лучшие силы и употребляет их на благо народа; оно не боится этих сил, оно в тесном союзе с ними. Чтобы не бояться ничего, *правительство должно быть либерально и сильно. Оно должно быть либерально, чтобы поддерживать и развивать в народе жизненные силы...*» (курсив мой. — Авт.)¹⁴.

Идею «органического развития» Соловьев выдвинул в ответ на заявления славянофилов, что до Петра Великого народ никому не подчинялся, а жил своей жизнью, сохраняясь в неизменности. «Буддизм» этот был неприемлем для Соловьева, человека науки, утверждавшего, что история — процесс внутреннего становления. Задача ученого — постичь это становление. «Наука мужает, и является потребность соединить то, что прежде было разделено, показать связь между событиями, показать, как новое проистекало из старого...» Соловьев думал прежде всего о синтезе исторического знания — о том, как «не дробить» русскую историю, а «соединить» ее, не разделяя начала, а рассматривать их во взаимодействии. Догосударственные отношения Руси он определил как господство «родового быта». Термин этот не закрепился в нашей историографии. Меж тем современная наука испытывает кризис в определении общественных отношений Древней Руси. То, что когда-то вытеснило соловьевские определения, — термины западноевропейской науки, изучавшей феодализм, — ныне не устраивает многих историков. В большинстве своем они не находят в Древней Руси ни классовых, ни сословных отношений и склоняются к нейтральным терминам для определения специфики развития всей Восточной Европы. Симптоматично, что происходит, хотя и крайне медленно, возвращение к собственной терминологической традиции. «Родовой быт» как термин исключал модернизацию истории: это, впрочем, не значит, что именно к нему стоит вернуться. Вернуться следует к самой традиции, порожденной С. М. Соловьевым, определять явления прошлого без насилия над историческим материалом. Системообразующие явления, как, например, общее — родовое — владение Русской

¹² Соловьев С. М. Прогресс и религия // Сочинения. Кн. XVI. С. 674—692.

¹³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 641.

¹⁴ Соловьев С. М. Император Александр Первый. Политика, дипломатия // Сочинения. Кн. XVII. М., 1996. С. 379.

землей, система междукняжеских отношений, вечевое начало в устройстве городов и даже община, включались в это очень емкое понятие. Конечно, каждый термин имеет свои ограничения, и Соловьев понимал, что реальность Древней Руси была сложнее, многообразнее определения. Возникший инструментарий помогал, а не мешал познанию. Историк, опровергавший основной тезис славянофильской концепции русской истории о том, что в древнем ее периоде не было никакого завоевания, тем не менее не прибегал к грубой социологии. С. М. Соловьев писал о синтезе славянских и норманнских общественных элементов. Не признавая большой роли норманнов в русской истории, ученый полагал, что государство нельзя привести извне — оно есть результат длительного развития. «Государственное начало» начинает проявляться лишь в XII, а утверждается в XVI веке, считал историк. Философские идеи С. М. Соловьева еще предстоит осмыслить. Как это ни парадоксально, но историографические оценки, существующие в науке, не отражают подлинного значения его трудов. Идеи историка рассматриваются с точки зрения марксизма, и потому оригинальные, глубочайшие наблюдения нематериалистического характера объявляются либо недомыслием, либо просто ошибками. Так, его рассуждения о происхождении государства в Восточной Европе подтверждаются новейшими исследованиями. С. М. Соловьев писал, что государство на Руси возникает как «третья сила», вносящая порядок и умиротворение в отношения родов: «Роды, столкнувшиеся на одном месте и по тому самому стремившиеся к жизни гражданской, к определению отношений между собою, должны были искать силу, которая внесла бы к ним мир, наряд, должны были искать правительство, которое было бы чуждо родовых отношений, посредника в спорах беспристрастного, одним словом, *третьего судью*, а таким мог быть только князь из чужого рода»¹⁵. Вот, собственно говоря, почему государство в определенном смысле олицетворяет собой согласие в обществе и идею порядка. В отличие от западников-государственников (Б. Н. Чичерина и др.), считавших, что государство устраняет народ, и славянофилов, абсолютно разделявших эти два понятия, С. М. Соловьев, думается, совершенно справедливо писал о том, что «государство есть необходимая форма для народа, который немислим без государства». Идею порядка, таким образом, формулировал сам народ. Эта глубочайшая мысль ученого, к сожалению, не до конца еще понята.

Задолго до современных историков Соловьев писал об архаике древнерусского общества. Даже термин «потестарное» государство, вводимый И. Я. Фрояновым как новый и отражающий несомненное саморазвитие нашей науки, в сущности лишь развивает соловьевские идеи о родовых — не политических — взаимоотношениях древних славян¹⁶.

С. М. Соловьев отстаивал тезис о единстве закономерностей развития России и Западной Европы и национальном своеобразии исторических путей. Он отвергал концепцию феодализма применительно к России. Можно спорить о «государственных началах» Руси, но трудно не заметить, что историк вкладывал в это понятие разноуровневое содержание, фиксируя прежде всего то, что *фундаментально* менялось. А менялись отношения собственности, это подтверждается и новейшими исследованиями, которые ставят под сомнение существование на Руси феодальных отношений. Торжество великокняжеской власти заключалось в укреплении на новом уровне семейно-родовой собственности, когда все земли в Русском государстве на основе права *dominium directum* принадлежали великокняжеской семье. Победа «государственного начала» проявилась в том, что любое владение, принадлежащее нечлену правящей семьи, рассматривалось как пожалованная вотчина; на Руси возникла под мощным влиянием Монгольской

¹⁵ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 121.

¹⁶ Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социально-политической борьбы конца XI — начала XIII столетия. СПб., 1992.

империи (значение которой С. М. Соловьев, впрочем, недооценил) великокняжеская удельно-вотчинная система как система разделенной семейной собственности с правом верховной власти в распоряжении всей территорией государства. Те новые выводы, которые сделали некоторые историки в результате новейших исследований отношений власти и собственности в средневековой России, в большей мере соотносятся с концепцией Соловьева о победе государственных начал над родовыми, чем с методологией и терминологией западноевропейской науки, изучающей феодализм¹⁷.

Можно спорить с ученым по частностям, но суть науки не в том, чтобы утвердить какой-то один, «последний», взгляд на историю, а в методе, в движении — постоянном и бесконечном — к раскрытию смыслового содержания прошлого. Наука в своих новейших концепциях возвращается к истокам своим. Причина вполне понятна: русская история не укладывается в учение о формациях.

С. М. Соловьев впервые в русской исторической науке выработал цивилизационный подход, с помощью которого он смог отличить русскую историю от западноевропейской и одновременно включить ее в мировой исторический процесс.

Деяния Петра Великого разделили русскую общественную мысль на славянофилов и западников. Личность такого масштаба, естественно, привлекла внимание историка. Но характерно, что, будучи западником, симпатизирующим славянофилам, С. М. Соловьев-ученый не вписался в эти споры: он глубже, без догматизма, оценил великого царя, найдя в его судьбе драму всей русской истории. В средневековом обществе не было своих собственных сил для реформ, потому народ долго ждал, и когда «поднялся и собрался» в дорогу — явился вождь. О допетровской Руси он писал: «Мы видим, что все и со всем обращается в Москву к великому государю, и видим также ясно, что это обращение происходит необходимо от слабости, мелкости отдельных миров, от особности их друг от друга, и в то же время от внутренней розни... словом, от детской беспомощности... Мы упомянули о детской беспомощности; слово этого лучше объяснит тут дело: все тяглые, не служилые люди называют себя сиротами государевыми; это низшая рабочая часть народонаселения, мужики; но высшая, военная, мужи, как себя называют? Они называют себя холопами государевыми. Понятно, что ни в беспомощных сиротах, ни в холопах нельзя искать силы и самостоятельности, собственного мнения...»¹⁸ Во взгляде на Петра Великого проявился в полной мере сравнительно-исторический анализ. Преобразования царя историк сравнивал с французской революцией: «Как здесь, так и там болезни накоплялись вследствие застоя, односторонности, исключительности одного известного направления, новые начала не были переработаны народом на практической почве; необходимость их чувствовалась всеми, но переработались они теоретически в головах передовых людей, и вдруг приступлено было к преобразованиям; разумеется, следствием было страшное потрясение; во Франции слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления. В России один человек, одаренный небывалой силой, взял в свои руки направление революционного движения, и этот человек был прирожденный глава государства»¹⁹. Едва кто-либо обладал такими же всесторонними знаниями о мировой истории, как С. М. Соловьев. Ему под силу было находить не только внешние аналогии, но и глубинные. Ученый считал, что всякое резкое изменение в обществе, идущее сверху, приводит к сопротивлению. Сначала князь и дружина принимают христианство, а потом уже весь народ, оказывая при этом ожесточенное сопротивление. Генрих VIII ввел Реформацию в Англии, которая встретила сильнейшее сопротивление вельмож и народа, но значит ли, что реформа, которой ныне гордятся

¹⁷ Юрганов А. Л. Удельно-вотчинная система и традиция наследования власти и собственности в средневековой России // Отечественная история. 1996. № 3.

¹⁸ Цит по: Безобразов П. В. Указ. соч. С. 59.

¹⁹ Цит по: Герье В. И. Указ. соч. С. 16.

англичане, была только личным делом Генриха VIII? Вот о чем думал С. М. Соловьев.

Петр Великий был сыном своего века, а «век Петра был веком не света, а рассвета; с рассветом начинается движение, пробуждение; но рассвет, полумрак, мерцание условливает также хождение ощупью, спотыкание...»²⁰. С. М. Соловьев задолго до нынешних споров о «революции сверху» писал: «Если наша революция в начале XVIII века была необходимым следствием всей предшествовавшей нашей истории, то из этого вполне уясняется значение главного деятеля в перевороте Петра Великого; он является *вождем в деле*, а не создателем дела, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру».

Имеет большое значение то, что оформление исторических воззрений ученого происходило в 50-е годы XIX века, когда государственная власть, ставшая на путь перемен, внушала уважение и оптимизм (в известной мере и рождение идеи о решающей роли государства в истории связано с этой ситуацией). «Исторические письма», написанные Соловьевым в 1858 году, содержали в себе историческое обоснование необходимости реформ, примером служил Петр Великий. Впервые систематически и научно описав историю Нового времени (XVIII — начала XIX века), С. М. Соловьев достаточно резко высказывался о русских царях, или приступавших к реформам, или проводивших их, но неудачно. А в своих «Записках» он признал даже крах надежд на реформы 60-х годов: «Преобразования проводятся успешно Петрами Великими, но беда, если за них принимаются Людовики XVI или Александры II». У последнего «были претензии, страх слабого человека казаться слабым, несамостоятельным; под внушениями этого страха он в одно прекрасное утро прогнал бы Ришелье и Бисмарка»²¹.

Н. Л. Рубинштейн отмечал, что, когда в 1863—1866 годах писалась «История России с древнейших времен», еще была вера в реформы,— и тогда особо подчеркивалось значение царя-реформатора. Это был пример для Александра II. Но в 70-е годы Соловьев перестал верить в императора: правительство само стало сводить реформы на нет. И в последующих работах ученый стал переносить акцент с личности реформатора на его реформы, подчеркивая их неизбежность, обусловленность, зрелость²². Историк ощущал противоречие: если правительство отражает народный дух, то как быть с неизбежностью контрреформ? Это противоречие (естественное!) отражало в определенном смысле драму жизни самого ученого, всегда боявшегося народного движения «снизу»...

Творческое наследие С. М. Соловьева — значительное явление русской культуры. Для русского общества *это было одним из величайших моментов самопознания*, в конце XIX — начале XX века его внимание сосредоточивалось на истории России, *которую впервые научно, всесторонне обосновал С. М. Соловьев*. Ученый создал современную проблематику исторической науки, определив целые направления ее развития.

Последняя, XX книга завершает это издание — без преувеличения сказать, эпохальное. Едва ли в ближайшем будущем удастся повторить подобное. Инициаторами этого издания были такие крупные историки, как академик И. Д. Ковальченко и профессор С. С. Дмитриев, к сожалению уже покойные. Именно они всячески творчески помогали издательству «Мысль» в выпуске очередных томов, обеспечивая «зеленый свет» на пути наследия С. М. Соловьева к своему читателю²³. Не все, конечно, удалось осуществить из того, что планировалось. Не вошли в издание отдельные работы историка (рецензии, публичные выступления,

²⁰ Соловьев С. М. Шлецер и антиисторическое направление // Сочинения. Кн. XVI. С. 346.

²¹ Соловьев С. М. Мои записки // Сочинения. Кн. XVIII. М., 1995. С. 655, 656

²² Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 317—320.

²³ Кузьмин Е. Каким быть тиражу? Лит. газ. 1986. 19 нояб.

небольшие статьи и т. д.), его письма (М. П. Погодину, Н. А. Некрасову, М. М. Стасюлевичу, А. Ф. Бычкову и многим другим). Тем не менее созданы все условия для нового «прочтения» творчества великого историка. Наука освобождается от социологических штампов, которые десятилетиями в ней господствовали. С. М. Соловьев оказывался «буржуазным» историком, отражавшим своим творчеством буржуазное развитие. Отрицательный вектор этого понятия ныне сменился на положительный, но сами книги С. М. Соловьева — лучший пример неправомерности конъюнктурного подхода к трудам великого русского ученого. Историк — сам по себе громадный мир мыслей, чувств. В нем самом мы находим отраженный свет уникального таланта. Нам всем просто повезло, что 5 (17) мая 1820 года родился такой ученый, создавший *национальную историю своего Отечества...*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аббас I, шах Ирана 319
Аббот, кентербурийский архиепископ 150, 151
Абдул, ордынский хан 481
Абигайль Гилль, см. Мешем
Август II, польск. король 360, 383, 387, 390, 403, 411
Август саксонский 401
Авдотья Федоровна, см. Евдокия Федоровна
Аврамов Семен, рус. консул в Персии 444, 447, 448, 451
Агнесса, жена польск. князя Владислава II 139
Адам, московский суконник 484
Аддисон Джозеф, англ. писатель 292, 293—294
Адриан VI, рим. папа 38
Алари, аббат 341
Аларих I, король вестготов 410
Албрехт V (Альбрехт), австр. герцог, герм. король, король Чехии и Венгрии под именем Альбрехта II 40
Албрехт Австрийский, эрцгерцог, наместник исп. короля в Нидерландах 54
Албрехт Бранденбургский, великий магистр немецкого (Тевтонского) ордена 143
Албрехт, маркграф бранденбургский 27
Алдиgireй, тарковский владлец 441, 445, 446
Алевиз, зодчий 496
Александр, польск. король 143
Александр I Павлович, император 555
Александр II Николаевич, император 558
Александр VI, рим. папа 15, 38, 88, 89
Александр Виртембергский, герцог 383
Александр Македонский, царь Македонии 88, 437, 453
Александр Михайлович, князь тверской, великий князь владимирский, сын Михаила Ярославича 479
Александр Пармский, см. Фарнезе Александр
Александр Ярославич Невский, князь новгородский и псковский, великий князь владими́ро-суздальский, сын Ярослава Всеволодовича 477
Алексей, лакей 419
Алексей Михайлович, царь 134, 375, 413, 472, 512, 554
Алексей Петрович, тысяцкий, воевода московских городовых полков 480
Алексей Петрович, царевич, сын Петра I 402, 411, 412, 415, 418, 421, 423, 471
Алимердан, хан 448
Алкивиад, афин. стратег 286
Альбукерк (Албукерки) Афонсу д', порт. мореплаватель, вице-король порт. владений в Индии 6
Альва (Альба), Альварес де Толедо Фернандо, исп. герцог, полководец 47, 50, 51
Альд Мануций, см. Мануций Альд Старший
Альмагро Диего де, исп. конкистадор 9
Альфонс II, неаполитан. король 88
Амвросий, архиепископ 524
Амвросий (Зертис-Каменский), московский митрополит 527—529, 531
Амвросий Спинола, см. Спинола Амбросио
Америго Веспуччи, см. Веспуччи Америго
Андрей Александрович, князь городецкий и костромской, великий князь владимирский, сын Александра Ярославича Невского 477
Андрей Иванович, князь серпуховский и боровский, сын Ивана Калиты 480
Андрей Рублев, живописец 489
Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь владимирский, сын Юрия Долгорукова 475
Андромаха, миф. 248
Андронов Терентий, человек Федора Лопухина 342
Андропова, жена Терентия Андропова 342
Анжелика Арно, настоятельница женского монастыря Пор-Рояль 193
Анжу, франц. королевский род 88
Анна Австрийская, жена франц. короля Людовика XIII 111, 112, 175, 176, 178, 180, 184
Анна, англ. королева, последняя из династии Стюартов 259—264, 279—281, 283, 284, 287, 288, 290, 291
Анна Болейн, см. Болейн Анна
Анна, дочь англ. короля Иакова II 171, 173, 174
Анна Иоанновна, племянница Петра I, позже императрица 336, 381—386, 388, 428—430, 432

- Анна Клевская, четвертая жена англ. короля Генриха VIII 71
 Анна Петровна, царица, дочь Петра I 402, 407, 409, 420—422
 Анна, принцесса, см. Анна, англ. королева
 Анненков, стрелеский полковник 359
 Аннибал (Ганнибал), карфагенский полководец 327
 Антон (Антуан) Бурбо, король Наварры 99, 101
 Антоний, архимандрит астраханского Спасского монастыря 345
 Антоний, племянник Иоанна III 47
 Антоний Арно, ясенист 193
 Антоний Пассевин, иезуит 118
 Алаффи, трансильванский князь 147
 Апостол Павел, миргородский полковник 363
 Апраксин Петр Матвеевич, граф, сенатор, президент Юстиц-коллегии 356, 407
 Апраксин Федор Матвеевич, граф, генерал-адмирал, сподвижник Петра I 407, 408, 411, 412, 415—417, 422, 444
 Араратский, армянский священник 455
 Араслан-бек, кабардинский князь 442
 Арбутнот 304
 Аргиль, шотл. герцог 172
 Аристид, афин. полководец 293
 Аристотель, др.-греч. философ и ученый 13, 15
 Арлингтон, член англ. Кабаль-министерства 167
 Арманьяк, франц. граф 87
 Арминий (Херманс) Якоб, гол. богослов 58
 Арно (Антуан Арно), ученый, богослов, доктор Сорбонны 289
 Арсеный, архиепископ 502
 Арсеньева Варвара Михайловна, свояченица А. Д. Меншикова 411
 Артур, брат Генриха VIII 63
 Арундель, граф, член Верхней палаты англ. парламента 150
 Арчил Вахтангович, груз. (имеретинский) царь 454
 Аталия, миф. 248
 Ауерсберг, министр при герм. императоре Леопольде I 221
 Афанасьев Иван, поп 471
 Ахмет, последний хан Золотой Орды 497
 Ахмет Кеприли, великий визирь Турции 145, 147
 Ахмет, тур. султан 457
 Аша фон, медик 522
 Ашлей, граф Шефтсбюри, член англ. Кабаль-министерства 167, 168, 170, 171, 296
 Аюка, калмыцкий хан 441
 Бабингтон Антоний, англ. полит. деятель, возглавлял заговор с целью освобождения Марии Стюарт 82
 Баженов Семен, архитектор 533
 Бальтазар Жерард 53
 Балюз Стефан, библиотекарь 206
 Банер, шв. генерал 127
 Банир, шв. граф 395
 Бантыш-Каменский 528, 529
 Баранович Лазарь, черниговский архиепископ 366
 Барбаросса, см. Хайреддин Барбаросса
 Барнет, епископ 173
 Барятинский, князь, комендант в Баку 450
 Баскаков Алексей, капитан 439
 Бассевич, граф, голштинский министр 416, 418, 420
 Батый, ордынский хан 487
 Бахметев, московский обер-полицмейстер 521—523, 526, 530—532
 Бахметев Степан, воевода 352
 Баяр (Баярд Пьер-дю-Терайл), «рыцарь без страха и упрека», франц. дворянин 90, 94
 Безобразов П. В. 552
 Бекингем, член англ. Кабаль-министерства 167
 Бекингем Вилльер, герцог, фаворит англ. короля Иакова I 149, 150
 Бекон (Бэкон) Фрэнсис, англ. философ, лорд-канцлер 84, 190, 295
 Белиал 152
 Белке, шв. граф, сенатор 395
 Беллармин, иезуит 169, 190
 Бельгард, герцог 111
 Бервик, сын англ. короля Иакова II Стюарта, маршал 275, 286
 Бернгард Саксен-Веймарский, принц 126, 127
 Бертольд Шварц, нем. монах 10
 Берюлл, основатель ордена Оратории 192
 Беседин Василий, пономарь Никольской церкви 343
 Беспальный Сережка, казачий атаман 357
 Бестужев 384, 389
 Бестужевы, графы, гос. деятели 392
 Бесюзот, Боссюзот (Боссюз Жан Бенинь), франц. писатель, епископ 195, 214—217, 232, 236—238, 243, 244, 309
 Бетюнь, кардинал 74
 Бешкий (Бешкой) Иван Иванович, генерал-поручик, деятель просвещения 540
 Бигич, татарский князь 483
 Бильс Илья, полковник 358
 Биркенфельдский князь 227
 Блек, англ. адмирал 161
 Боден Жан, франц. полит. мыслитель, правовед и гос. деятель 106
 Бокольд Ян, предводитель анабаптистов в Германии 28, 35
 Болбот, войсковой канцелярист 368
 Болейн Анна, вторая жена англ. короля Генриха VIII 63—65, 71, 78
 Болеслав I Храбрый, польск. князь 138—140
 Болеслав II Смелый, польск. князь 139
 Болеслав III Кривоустый, польск. князь 139
 Болинброк, Бодинброк, см. С.-Джон Генрих, виконт Болинброк
 Бона, польск. королева, жена польск. короля Сигизмунда I (Старого) 143

- Бонак Жан Луи де, франц. посол в Турции 463—467
- Бонифаций VIII, рим папа 86
- Борджа (Борджа), исп. род 15
- Борис, мастер колокольных дел 480
- Борис Федорович Годунов, царь 501, 507
- Бородулин Данила, посадский человек 345, 346
- Борромео Карл, ясенист 239
- Ботуэль, адмирал 81
- Бофор 340
- Бофор, герцог, внук франц. короля Генриха IV 177, 181, 183, 185
- Браге Тихо, дат астроном 116
- Брадшау, председатель англ. гос. совета 160
- Бристоль, граф, член Верхней палаты англ. парламента 150, 151
- Брольи, граф, генерал-губернатор Лангедока 273
- Бруно Джордано (Джордано), итал. философ-пантеист и поэт 189
- Бруссель, советник франц. парламента 179, 180
- Булавин Кондратий Афанасьевич, один из предводителей восстания на Дону 1707—1708 гг. 347, 349—356, 359, 372
- Булат-Султан, ордынский хан 488
- Булгаков, торговый человек 509
- Бульон Роберт де-ла-Марк, герцог, маршал Франции 111, 181, 184, 185
- Булэвильер, граф 340
- Буонакорзи, см. Каллимах
- Бурбон, герцог 402—406, 416
- Бурбон Шарль, герцог, коннетабль Франции 94, 95
- Бурбоны, Бурбонская королевская династия во Франции 99, 251—253, 257, 258, 267—269, 281, 283, 302
- Бурдала, франц. проповедник 210, 243
- Бутурлин Иван Иванович, генерал-майор 420
- Буххолц 388
- Быков, посадский человек 343
- Быстрицкий, управитель Шептаковской волости 368
- Бычков А. Ф. 559
- Бэз, сын протестантского пастора 244, 338
- Вазз, шв. королевская династия 133, 144
- Валленштейн (Валдштейн) Альбрехт, герцог Фридрихландский, полководец, имперский главнокомандующий в Тридцатилетней войне 122—127, 129
- Валуа, династия франц. королей 98, 103—105, 314
- Вальзингам, англ. дипломат 82
- Ванда, польск. княжна 137
- Вандом, франц. герцог, полководец 265, 270, 272, 275, 282
- Вандомы, франц. герцоги 182
- Ванини Джулио Чезаре, итал. философ-пантеист 189
- Варгапет Минас, архимандрит 454, 455
- Василий I Дмитриевич, великий князь московский, сын Дмитрия Донского 485—489, 491
- Василий II Васильевич Темный, великий князь московский, сын Василия Дмитриевича 489—494, 555
- Василий III Иванович, великий князь всея Руси, сын Ивана III Васильевича 498
- Василий Иванович Шуйский, князь, боярин, позже царь 285, 399, 501
- Василий Юрьевич Косой, князь звенигородский 490, 491
- Василий Ярославич, князь костромской и великий князь владимирский, сын Ярослава Всеволодовича 552
- Васильев Николай, полковник 352, 353, 355, 356
- Васко да Гама, порт. мореплаватель 6
- Вахтанг Леонович, груз. князь 438—441, 452
- Вега Карья Лопе Феликс де, исп. драматург 55
- Везалиус Андрей (Везалий Андреас), естествоиспытатель, основоположник анатомии 96
- Вельяминов Иван Васильевич, московский боярин 482, 483, 490
- Вениаминов, медик 522
- Вентворт Томас, граф Страффорд, обер-штатгальтер в Ирландии 151—153
- Веспуччи Америго, мореплаватель 9
- Вестфален, дат. посланник в России 418, 426, 427
- Ветеранц, бригадир 445
- Виктор Амедей I, герцог Савойский, полководец, участвовал в Тридцатилетней войне на стороне Франции 112
- Виктор Амедей II, герцог Савойский, позже король Сардинии 250, 269, 270, 272, 282, 283
- Виллар, франц. маршал 274, 282, 283
- Вильер, герцог Бекингемский, см. Бекингем
- Вильбоа, капитан 447
- Вильгельм, граф Нассау, принц Оранский, см. Вильгельм I Оранский
- Вильгельм I Завоеватель, англ. король 59
- Вильгельм Молчаливый 174, 218, 224
- Вильгельм I Оранский, принц, деятель нидерланд. бурж. революции 48—53
- Вильгельм III Оранский, штатгальтер (правитель) Нидерландов, позже англ. король 171, 173, 174, 218, 219, 222—224, 228, 229, 248—250, 252—256, 259—264, 269, 283, 284, 305
- Вилье де Лиль-Адам, гроссмейстер ордена Иоанна Иерусалимского 39
- Вильруа, франц. маршал 274
- Вио, франц. поэт 189
- Висконти, знатный итал. род, к которому принадлежали правители Милана 89
- Витовт Кейстутович, лит. князь 487, 488
- Витри, начальник гвардии франц. короля Людовика XIII 108
- Витт Корнелий, адмирал 166, 222, 223

- Витт Ян де, факт. правитель Голландии, ставленник купеческой олигархии 218—222, 303
- Вишневецкий Януш, князь краковский, воевода 360
- Владимир Андреевич, князь старицкий, сын Андрея Ивановича 480, 481, 485—488, 490
- Владимир (Василий) Всеволодович Мономах, сын Всеволода Ярославича, великий князь киевский 474
- Владимир Всеволодович, князь, сын Всеволода III Юрьевича 476
- Владимир Юрьевич, князь, сын Юрия Всеволодовича 476
- Владислав, король Чехии и Венгрии 142
- Владислав-Герман, польск. князь 139
- Владислав Локетек (Короткий), польск. князь 140, 141
- Владислав II, польск. князь 139, 140
- Владислав III, польск. и венг. король 142
- Владислав IV, королевич, затем польск. король 144, 503
- Владислав II Ягеллон, король Чехии и Венгрии 39
- Владислав-Рагузинский Савва, см. Рагузинский Савва Владиславич
- Вобан Себастьян Ле Претр де, маркиз, франц. военный инженер, маршал Франции 222, 226, 247, 275
- Войнаровский Андрей Янович, племянник Мазепы 362, 368
- Волков 379
- Волконский 525
- Волконский Григорий, козловский воевода 351
- Волластон, англ. писатель 297
- Вольский Артемий Петрович, полковник, астраханский губернатор, посланник в Персии, кабинет-министр 375, 435—443, 454
- Вольсей, кардинал, англ. гос. канцлер Генриха VIII 61—63, 68
- Вольский Франциск, посланец Станислава Лещинского 359
- Вольтер (Мари Франсуа Аруэ), франц. писатель, философ-просветитель 304, 312—314, 316—318, 341
- Воронцов 533
- Вратислав, австр. посол 425, 426
- Вратислав, граф 266
- Всеволод III Юрьевич Большое Пездо, великий князь киевский и владимирский, сын Юрия Долгорукова 475, 476
- Вулленвер, управляющий г. Любек 115
- Вэнсан де Поль, священник 192
- Габриэль д'Эстре, фаворитка франц. короля Генриха IV 107
- Габсбургская династия, дом, Габсбурги, императоры Священной Римской империи 34, 35, 38—40, 42, 43, 54, 77, 93, 96, 107, 112, 120, 122, 123, 126, 145, 175, 188, 251, 252, 255, 257, 267—269, 283
- Гавриил, рязанский епископ 430
- Гагарин Матвей Петрович, князь, сибирский губернатор 375
- Галилей Галилео, итал. ученый 190
- Галифакс, член англ. министерства 170
- Ганкин Ивашка, один из атаманов в войске К. Булавина 355
- Ганноверская династия, англ. королевская династия 290, 291
- Ганри Этьен 208
- Гардинер, винчестерский епископ 70, 71, 74, 78
- Гаркур, франц. посланник при мадридском дворе 254
- Гарлей Роберт, герцог Оксфордский, глава англ. министерства при королеве Анне 278—281, 283, 285—288, 293
- Гаррисон, англ. республиканец 161
- Гаслериг, член англ. палаты общин 155
- Гассанди Петр (Гассенди Пьер), франц. философ-материалист, математик и астроном 191
- Гастон, герцог Орлеанский, брат франц. короля Людовика XIII 110, 111
- Гастон де Фуа, герцог Немурский, франц. военачальник 91
- Гастон Орлеанский, дядя франц. короля Людовика XIV 176
- Гевелиус (Гевелий) Ян, польск. астроном 206
- Гезен, барон 412, 413
- Гейд, граф Кларендон, англ. канцлер 166, 170
- Гейзиус Антон, гол. ратпенсинарий 254, 255, 276
- Гемпден, член англ. палаты общин 155
- Генриетта д'Антрег, фаворитка франц. короля Генриха IV 107
- Генрих, сын О. Кромвеля 163, 164
- Генрих Брауншвейгский 28
- Генрих Ваула, польск. король, франц. принц 144
- Генрих Гиз, герцог, один из организаторов Варфоломеевской ночи, глава Католической лиги 102—105
- Генрих Морепоплаватель, порт. принц 6
- Генрих Наваррский, см. Генрих IV Бурбон
- Генрих I, англ. король, сын Вильгельма I Заоевателя 60
- Генрих II, нем. король 138
- Генрих II, франц. король 97—99
- Генрих III, франц. король 102—104
- Генрих III, англ. король 60
- Генрих IV Бурбон, король Наварры, позже франц. король 101—108, 112, 117, 198, 287, 314, 317
- Генрих IV Ланкастерский, англ. король 61
- Генрих V, англ. король 87
- Генрих VII, англ. король из династии Тюдоров 61, 148
- Генрих VIII, англ. король из династии Тюдоров 61—75, 77, 79, 84, 91, 93, 94, 98, 151, 557
- Георг, герцог саксонский 28

- Георг Датский, принц, муж англ. королевы Анны 173, 174, 259, 262
- Георг Фридрих Баден-Дурлахский, маркграф 121
- Георг I, англ. король 394
- Георг I Ганноверский, англ. король 288, 291, 403, 406
- Георг II Ганноверский, англ. король 291
- Георгий Всеволодович, князь, сын Всеволода III Юрьевича 476
- Георгий Дашков, настоятель Троицкого монастыря в Астрахани, затем архиепископ ростовский, член Синода 344—346, 382, 430
- Гелкин, граф, шв. сенатор, статс-секретарь 393, 395
- Гербело 207
- Гервей 190
- Гермоген, казанский архиепископ, затем московский митрополит и всея Руси 517
- Геронтий, митрополит 495
- Герье В. И. 553
- Гиббон Эдуард, англ. историк 304
- Гиз, герцог, см. Франциск (Франсуа) Гиз
- Гизы, франц. аристократический род 79, 98, 99, 177
- Глеб Святославич, князь рязанский 475, 476
- Глебов Александр Иванович, обер-прокурор Сената, генерал-кригскомиссар 523
- Глинский Юрий, боярин, князь 500
- Гоббес (Гоббс) Томас, англ. философ 166, 169, 170, 191, 196
- Говард, лорд, начальник флота 78
- Гогенштауфены, см. Штауфены
- Годольфин, англ. лорд, министр финансов при королеве Анне 278—280
- Годольфин, член англ. министерства 170
- Голицын 407
- Голицын Борис Алексеевич, князь, начальник Приказа Казанского дворца, дядька-воспитатель Петра I 400
- Голицын Дмитрий Михайлович, князь, киевский воевода, сенатор 350, 359, 381, 412, 415, 417, 419, 422, 423, 427—429, 432
- Голицын Михаил Михайлович, князь, генерал-фельдмаршал, сенатор 408, 417, 425, 429, 432, 463
- Голицыны, князья, бояре 408, 425, 426
- Голлис, член англ. палаты общин 155
- Голова Владимирова (Ховрин-Голова Иван Владимирович) 496
- Головин, боярин 452
- Головин Федор Алексеевич, граф, генерал-фельдмаршал, ближайший сотрудник Петра I 411
- Головкин Гавриил (Гаврила) Иванович, постельничий, граф, канцлер 381, 408, 412, 415, 417, 421—425, 429, 432
- Головкин Михаил 433
- Голштейн-Готторпский дом 137
- Голый Никита, атаман, один из участников восстания на Доцу 1707—1708 гг. 355, 356, 358, 359
- Гомар Франс, гол. богослов 58
- Гомер, легендарный др.-греч. эпический поэт 324
- Гонди Павел, викарий парижского архиепископа, позже кардинал Рец 179, 180, 183—187
- Гонзага, знатный итал. род 112
- Гонзальв Кардуанский, полководец 90
- Гораций (Квинт Гораций Флакк), рим. поэт 15
- Горленко Дмитрий, полковник, прилуцкий гетман 360, 363
- Горн, шв. генерал 126, 127
- Горн, шв. граф 394—397
- Горн, шв. графиня 395
- Горн, Филипп де Монморанси, граф, лидер нидерланд. оппозиции 49, 50
- Готье, аббат, корреспондент франц. министерства иностранных дел в Лондоне 277, 281
- Гоюйгенс, гол. астроном 206
- Грамотин Иван Тарасевич, подьячий, дьяк думный 510, 514
- Гранвелла (Гранвела), исп. гос. деятель, кардинал, дипломат 49
- Грей 171
- Грей Жанна, супруга Гильфорда Дудлея, внучатая племянница Генриха VIII 75—77
- Гржимала, польск. род 141
- Гроций (Гуго де Гроот), гол. юрист, гос. деятель 57, 58
- Губмайер Бальтазар, деятель Реформации в Германии 26
- Гуго де Гротт (Гуго Гроциус), см. Гроций
- Гусс (Гус) Ян, идеолог чеш. Реформации 22
- Гуссейн, перс. шах 436, 444, 466
- Гуссейн-паша 355
- Густав-Адольф (Густав II Адольф), шв. король 124—126, 129, 130, 132, 133
- Густав I Ваза, шв. король 114—117
- Гутенберг Иоганн, нем. изобретатель книгопечатания 11, 13
- Гуттен Ульрих фон, нем. писатель, гуманист, идеолог рыцарства 19, 22, 23, 25
- Давид, библ. 241
- д'Аво, франц. граф, уполномоченный Людовика XIV 257
- Дагобер, король 227
- Дальон, франц. резидент в России 467, 468
- Данеброг 132
- Даниил, пророк 93
- Даниил Александрович, великий князь московский, сын Александра Ярославича Невского 477, 478
- Данилов, тамбовский воевода 351
- д'Анкр, маркиз, см. Кончини
- Даржансон, министр при франц. короле Людовике XV 311, 314—317, 341
- Дарнлей Генрих, второй муж Марии Стюарт 80, 81
- Даудбек, лезгинский владетель 441—443, 449, 460—462, 465, 468

- Девиларс, маршал 403
 Девлет-Гирей, крымский хан 498—500
 Девьер Антон Мануилович, денщик Петра I, граф, генерал-майор 419, 420, 423
 Декарт Рене, франц. философ, математик, физик и физиолог 190, 295
 Де-Ко 190
 Деллагарди, шв. граф 395
 Деллагарди, шв. графиня 395
 Деласаль Жан Батист, янсенист 239
 Демаре, министр финансов при франц. короле Людовике XIV 275
 Денгоф, воевода полоцкий 389, 390
 Державин Гаврила Романович, поэт 541
 Десбара 163
 Джефрей, англ. верховный судья 172
 Джон Уеслей, англ. миссионер 306
 Джон Черчилль Марльборо, см. Мальборо
 Диана Пуатье, герцогиня Валентинуа, фаворитка Франциска I 97
 Диаш Варфоломей (Диаш Бартоломеу), порт. мореплаватель 6
 Дибин, шв. канцлер 395
 Дигтс, депутат Нижней палаты англ. парламента 150
 Дидона, миф. 314, 317
 Дикер, граф, шв. сенатор, фельдмаршал 397
 Дилон, генерал 406
 Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря 502
 Дмитриев С. С. 558
 Дмитриев-Мамонов (Дмитриев) Афанасий Дмитриевич, стольник, генерал-майор 357
 Дмитриев-Мамонов Иван Ильич, генерал-майор 428
 Дмитрий Александрович, великий князь владимирский и переяславский, сын Александра Ярославича Невского 477
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь московский 480—486, 488, 490, 491
 Дмитрий Константинович, великий князь суздальский и нижегородский 481, 485
 Дмитрий Михайлович, князь тверской и новгородской, сын Михаила Ярославича 478
 Дмитрий Самозванец 285
 Дмитрий Юрьевич Красный, князь, сын звенигородского князя Юрия Дмитриевича 491
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, князь звенигородский и галицкий 490—493
 Добион, полковник 406
 Долгорукая Екатерина Алексеевна, княжна, невеста Петра II 426, 427
 Долгорукий Алексей Григорьевич, князь, сенатор 421—423, 426, 427, 429, 432
 Долгорукий Василий Владимирович, князь, генерал-фельдмаршал, сенатор, президент Военной коллегии 349, 354, 356—359, 425, 426, 432
 Долгорукий Василий Лукич, князь, посол в Польше, Дании, Швеции 383, 385—387, 392—397, 415, 426—429
 Долгорукий Григорий Федорович, князь, генерал-адъютант, посол в Польше 368
 Долгорукий Иван Алексеевич, князь, генерал-майор, фаворит Петра I 420
 Долгорукий Иван Алексеевич, князь, генерал-майор, фаворит Петра II 423, 426, 427
 Долгорукий Михаил Владимирович, князь, сенатор 430
 Долгорукий Сергей Григорьевич, князь, резидент в Польше 427, 428
 Долгорукий Юрий Владимирович, князь, полковник 349, 352, 354
 Долгоруковы (Долгорукие), князья 336, 392, 407, 423, 425—427
 Дольская, княгиня, мать князей Вишневецких 360—365
 Домант, лит. князь 477
 Домбровка, чеш. княжна 138
 Дон-Жуан Австрийский (побочный сын Карла V) 46, 52, 53
 Дон-Кихот, лит. персонаж 304
 Дон Педро, португалец 268
 Дон-Фернандо Мулей 46
 Дорманс (д'Орлеанс) 416
 Дорошенко, казачий гетман 146
 Драк Франц (Дрейк Фрэнсис), англ. мореплаватель 83, 84
 Дранный Семен Алексеевич, атаман, один из участников восстания на Дону 1707—1708 гг. 353, 355, 356
 Дуглас, шотл. граф 73
 Дудлей, шотл. фамилия 77
 Дудлей Пильфорд, сын герцога Нортумберланда 75
 Дудлей, граф Варвик, герцог Нортумберланд 74—76
 Дюбарри, фаворитка франц. короля Людовика XIV 308
 Дюбо, аббат 340
 Дюбуа, аббат 291
 Дювека (Голубка), фаворитка дат. короля Христиана II 113
 Дюган, секретарь франц. маршала Тюренна 220
 Дюпюи 128
 Дюшатель, франц. епископ 96
 Евгений Савойский, принц Евгени, австр. полководец, гос. деятель, фельдмаршал 147, 230, 258, 265, 266, 270—277, 281, 283
 Евдокия Дмитриевна (в монашестве Ефросинья), княгиня, жена Дмитрия Ивановича Донского 484, 488
 Евдокия Федоровна Лопухина, царица, первая жена Петра I 342, 412, 421, 422, 424, 425, 472
 Евреинов Матвей Григорьевич, московский купец 375, 442
 Едигей, правитель Золотой Орды 488, 491
 Екатерина, племянница Петра I, герцогиня мекленбургская 382, 428

- Екатерина, принцесса Арагонская, супруга Генриха VIII 63—65, 75
- Екатерина I Алексеевна, жена Петра I, царица, позже императрица 407—409, 411, 412, 415—421, 423, 427, 439, 444, 445
- Екатерина II, императрица 373, 521, 525, 526, 540, 541
- Екатерина Говард, пятая жена англ. короля Генриха VIII 71
- Екатерина Медичи, франц. королева, жена Генриха II 98, 99, 101, 143, 208
- Екатерина Парен, шестая жена англ. короля Генриха VIII 71
- Екатерина Ягеллон, сестра польск. короля Сигизмунда II Августа, жена Иоанна, короля Швеции 117, 118
- Елена Васильевна (урожд. Глинская), великая княгиня, жена Василия III Ивановича 498
- Елеонора Галигай, фаворитка франц. королевы Марии Медичи 108, 109
- Елизавета Бартон, кентская монахиня 64
- Елизавета Петровна, дочь Петра I, позже императрица 381, 402, 409, 416, 420, 422, 425, 427, 541, 544, 548
- Елизавета Пфальцская, дочь англ. короля Иакова I Стюарта 259, 284
- Елисавета (Елизавета) I Тюдор, англ. королева 54, 71, 75—85, 100, 314, 317
- Ереми, франц. генерал-контролер 178, 179
- Ерик XIV, король Швеции, сын Густава I Вазы 117, 118
- Ерик Померанский, наследник Маргариты Датской 113
- Еропкин Петр Дмитриевич, генерал-поручик, сенатор 524—527, 529, 531—533
- Есипов, секунд-майор 550
- Ессекс, фаворит англ. королевы Елизаветы I 83, 171
- Есфирь, миф. 248
- Жан Дюверже Де Горанн (Жан Дювержье де Оранн), аббат Сен-Сиранского монастыря 193
- Жанна д'Арк, Орлеанская дева, нар. героиня Франции 87
- Жарзе, франц. маркиз 183
- Жильберт 190
- Забелин, медик 522
- Зандерланд, член англ. министерства 170
- Заполья (Запольяи) Янош, воевода Трансильвании 40
- Заручки Иван Мартынович, атаман донской, боярин Лжедмитрия II 501, 504, 517
- Збигнев, сын польск. короля Владислава-Германа 139
- Зейкин Иван Алексеевич, воспитатель Петра II 423
- Зеленский, иезуит 363, 367
- Земин Иван, донской атаман 357
- Земовит, миф. 137
- Зершиков Илья, донской атаман 356
- Зигбритта, трактирщица 113
- Зиновьев Елисей; атаман из доджских казаков 346
- Зотов Никита Моисеевич, думный дьяк, «князь-папа» 400
- Иаков I Стюарт, англ. король 148, 149, 168, 259, 284, 504—506
- Иаков I, шотл. король 73
- Иаков II Стюарт, англ. король 171—174, 229, 248, 259, 261, 263, 275, 284, 285
- Иаков (Яков) II, шотл. король 73
- Иаков III Стюарт, англ. король 259, 261, 271, 281, 285—288
- Иаков III, шотл. король 73
- Иаков IV, шотл. король 73
- Иаков V, шотл. король 73, 74, 99
- Иаков (Яков) VI, шотл. король, позже англ. король Иаков (Яков) I 80, 84
- Иван, брат К. Булавина 356
- Иван, сын П. А. Толстого 420
- Иван Андреевич, князь Можайский 492
- Иван Дмитриевич, князь Переяславский 477
- Иван Дмитриевич, князь, сын Дмитрия Донского 489, 490
- Иван Иванович, великий князь московский, сын Ивана II Ивановича 480, 481
- Игнатий, коломенский епископ 430
- Иеремия, князь, отец польск. короля Михаила Вишневецкого 144
- Изабелла, королева Кастилии 8, 34, 44
- Измаил-бек, персидский посол в России 448, 449, 451
- Измайлов Лев Васильевич, генерал 428
- Изяслав Мстиславич, великий князь киевский, сын Мстислава Владимировича 474, 475
- Иннокентий VIII, рим. папа 20
- Иннокентий XI, рим. папа 237
- Инфлянт Николай, рус. генерал-майор 367
- Иоаким, переяславский и суздальский епископ, член Синода 430
- Иоанн, герцог Финляндский, брат шв. короля Ерика XIV 117, 118
- Иоанн, дат. король 113
- Иоанн Безземельный, англ. король 60, 86
- Иоанн Георг Саксонский, курфюрст 120
- Иоанн Гуттенберг, см. Гутенберг Иоганн
- Иоанн де Витт, см. Витт Ян де
- Иоанн Ласкарис, грек 96
- Иоанн Сигизмунд Заполья (Запольяи) Трансильванский, сын воеводы Яноша Запольяи 40
- Иоанн (Иван) I Данилович Калита, князь московский, великий князь владимирский 552
- Иоанн II Добрый, франц. король 87
- Иоанн (Иван) II Иванович Красный, великий князь московский, сын Ивана Калиты 480
- Иоанн (Иван) III Васильевич, великий князь московский, сын Василия II 552
- Иоанн (Жуан) III, порт. король 47

- Иоанн (Иван) IV Васильевич Грозный, царь 117, 399, 401, 498—500, 506, 552, 554
- Иоанни (Жуан) IV, герцог Браганцкий, порт. король 56
- Иоанн (Иван) V Алексеевич, царь 413, 428
- Иоанн Фридрих, курфюрст саксонский 27—29
- Иоган Георг II, курфюрст Саксонский 217
- Иоган Рейхлин, см. Рейхлин Иоганн
- Иоанна (Жанна д'Альбре), жена Антуана Бурбона 99
- Иоанна Испанская (Хуана Безумная), дочь Фердинанда и Изабеллы Кастильской, жена Филиппа Красивого 34
- Иона, московский митрополит 493
- Иосиф I, австр. эрцгерцог, позже император Священной Римской империи 258, 259, 268, 274, 281
- Иосиф, монах, сотрудник кардинала Ришелье 175
- Иосиф, рим. король 266
- Иретон, зять О. Кромвеля 159
- Исайя, армянский патриарх 455, 456
- Исидор, московский митрополит 555
- Кавалье Жан, один из вождей восстания камизаров во Франции 272, 273
- Кастан, кардинал 21
- Казимир Великий, польск. князь 141
- Казимир, польск. князь 138
- Казимир II, польск. король 39
- Казимир, польск. король, великий князь лит. 142
- Казимир Реставратор (Восстановитель), польск. князь 139
- Казы-Гирей, крымский хан 501
- Каласеиц, ясенист 239
- Каллимах (Буонакорзи), итальянец, учитель польск. короля Яна Албрехта 142, 143
- Кальвин Жан, деятель Реформации 31, 32, 42, 58
- Кальдерон де ла Барка Педро, исп. драматург 55
- Камиродон (Кампредон), франц. посол в России 466
- Камоенс (Камозенс) Луиш ди, порт. поэт 6
- Кампредон, франц. посол в России 415
- Канильяк, франц. маркиз 203
- Кантемир Дмитрий, князь, молдавский господарь, сенатор 445, 539, 540
- Капетинги, династия франц. королей 85
- Карамзин Н. М. 551, 553
- Кара-Мустафа, великий визирь Турции 146
- Карапет Иван, армянин 456
- Караффа, папский легат 121
- Карл, австр. эрцгерцог, см. Карл III, исп. король
- Карл I, англ. король 149, 151, 152, 154—159, 162, 168, 181
- Карл II, англ. король 158, 165—168, 170—172, 219—221
- Карл Бурбон, см. Бурбон Шарль
- Карл Великий, франц. король, император из династии Каролингов 33, 88, 128, 236
- Карл-Густав, принц Пфальц-Цвейбрюкен-Клебургский, см. Карл X, король Дании
- Карл Дюфрен Дюканж (Шарль Дюканж), франц. историк и филолог, автор «Словаря средневековой латыни» 206
- Карл, любский епископ 416
- Карл, шв. король 117, 118
- Карл II, исп. король 220, 221, 249, 250, 252—256, 259, 294
- Карл III, исп. король, позже Карл VI, император Священной Римской империи 254, 258, 268, 271, 274, 276, 278, 281
- Карл V, император Священной Римской империи 23, 29—31, 34, 35, 38—41, 43, 44, 47—49, 63, 64, 69, 75, 77, 93—97, 123, 188, 250, 251, 283, 302, 410
- Карл VI, император Священной Римской империи 283
- Карл Кнутсон, шв. король 113
- Карл Лотарингский, герцог 147
- Карл Людвиг, курфюрст Пфальца 223
- Карл V Мудрый, франц. король 87, 209
- Карл VI Безумный, франц. король 87, 89, 121
- Карл VII, франц. король 87, 89, 92, 121
- Карл VIII, франц. король 88, 89
- Карл IX, франц. король 99, 101, 102, 332
- Карл Смелый, герцог Бургундии 34
- Карл (Шарль) Гиз, кардинал 99
- Карл IX, шв. король 124
- Карл X, исп. король 133—136
- Карл XI, шв. король 136, 227
- Карл XII, шв. король 363, 367, 369, 401, 464
- Карл Эмануил II, герцог Савойский 112
- Карлштадт (Андреас Боденштейн), радикальный деятель бюргерской Реформации в Германии 21, 24
- Каролинги, королевская и императорская династия во Франкском государстве 103
- Кассан 128
- Кассини Джованни Доменико (Жан Доминик), франц. астроном 206
- Катина, франц. полководец 249
- Катон Старший, рим. писатель 209
- Кауниц, граф 266
- Кенель, вожде ясенистов 289
- Кеплер Иоганн, нем. астроном 190
- Керуай, герцогиня Портсмутская 221
- Кетлер Готард, первый герцог Курляндии 383
- Кириан, московский митрополит 484, 487
- Кир, др.-персид. царь, покоривший Вавилон 410
- Кирилл, монах-раскольник, участник восстания на Дону 1707—1708 гг. 357
- Кисельников, астраханец 344
- Клавдий Гиз, см. Карл (Шарль) Гиз
- Кларендон, граф, англ. канцлер 166, 167, 262, 303
- Клеман, монах, убийца франц. короля Генриха III 104

- Климент VII, рим. папа 65, 95
 Клиффорд, член англ. Кабаль-министерства 167
 Ковальченко И. Д. 558
 Козанкин Карпунка, один из атаманов в войске К Булавина 355
 Козлов Макар, казачий атаман 518
 Козловский, князь 533
 Колиньи Гаспар де Шатильон (Шатийон), адмирал Франции 99, 101, 102
 Коллинс, англ. писатель 297
 Колмогор Василий, соборный поп 343
 Коломна Афанасий, казачий атаман 518
 Колос, посадский человек 343
 Колумб Христофор, мореплаватель 8, 9
 Кольцов, донецкий атаман, участник восстания на Дону 1707—1708 гг. 358
 Кольбер де Круасси, министр при франц. короле Людовике XIV 234
 Кольбер Жан Батист, министр финансов Франции 200—207, 217, 219, 225, 226, 230—234, 236, 245, 275, 303
 Кольбер Сеньелэ, министр при дворе франц. короля Людовика XIV 234
 Комболтон, англ. лорд 155
 Коммендоне, папский нунций в Шотландии 76
 Коммод, рим. император 333
 Конде Луи I Бурбон, принц, в религиозных войнах во Франции командовал армией гугенотов 99, 101, 102
 Конде Луи II Бурбон, принц, франц. полководец 102, 108, 109, 127, 144, 177, 181—187, 202, 222, 223, 225
 Кононов Федор, рус. мастер 500
 Константин I Великий, рим. император 236
 Константин Всеволодович, великий князь владимирский и ростовский, сын Всеволода III Юрьевича 476
 Константин, князь ростовский 477
 Конти, см. Эльбёф
 Конти, франц. принцесса 111
 Кончини (Анкр Кончино Кончини), франц. полит. деятель, маршал Франции 108—110
 Коперник Николай, польск. астроном 190
 Корнелий, см. Витт Корнелий де
 Корнелий Янсений, см. Янсений
 Корнель Пьер, франц. драматург 195, 205, 294, 312
 Кортес Эрнан, исп. конкистадор 9
 Костюшко, глава партии в польск. сейме 388
 Котов Родион, торговый человек 509, 511
 Кохен фон, шв. советник канцелярии 395
 Кочубей Василий Леонтьевич, генеральный судья 366
 Краг, камергер дат. короля Фридриха III 131
 Кранмер, кентербюрыйский архиепископ 65, 68, 70, 74
 Краснощекий, атаман 447
 Крекшин Петр, комиссар 550
 Кривцов, зодчий 495
 Кристоф Баварский, король Дании, Швеции и Норвегии 113
 Кромвель Оливер, англ. лорд-генерал, деятель англ. буржуазной революции 155—164, 166, 277
 Кромвель Фома (Томас), лорд, гл. правитель Англии 68, 70, 71
 Кропотов, генерал-майор 452
 Кропотов, полковник 355
 Крусали, аббат 412
 Кузьмин Е. 558
 Кульман, медик 522
 Куракин Борис Иванович, князь, дипломат 402—406, 416, 460
 Лавалетта (Ж. Паризо де ла Валет), магистр ордена иоаннитов (Иоанна Иерусалимского) 45
 Лаврентий Медичи (Лоренцо Великолепный Медичи), правитель Флоренции 92
 Лазарь, сербский монах, часовой мастер 489
 Ламберг, министр при герм. императоре Леопольде I 221
 Ламберг, англ. генерал 161, 164
 Ла-Мотт-Гуданкур, франц. маршал 181
 Лаптев Антон, торговый человек 515
 Ларошфуко Франсуа де, франц. писатель-моралист 213, 214
 Лас-Казас (Лас Касас Бартоломе), исп. гуманист, историк, публицист 10
 Лауд, лондонский епископ 150
 Лаудердал, член англ. Кабаль-министерства 167
 Лев X, рим. папа 20, 92
 Левенгаупт Адам Людвиг, шв. граф, генерал-лейтенант, сеймовый маршал 395
 Лежнев, боярский сын 472
 Лейчестер, англ. граф 154, 171
 Ленталь, президент англ. Долгого парламента 163
 Леонард (Леонардо) да Винчи, итал. живописец, скульптор, архитектор, ученый 208
 Леонид, крутицкий архиепископ 430
 Леонтьев, генерал-майор 429, 430
 Леопольд I, герм. император 221, 249, 252—254, 257, 258, 265, 266, 274
 Леопольд I, император Священной Римской империи 145, 146, 147, 188
 Лепеллетье, франц. генерал-контролер 246
 Лерма, исп. герцог, министр Филиппа III 54
 Летелье, духовник франц. короля Людовика XIV 290
 Летелье, Ле-Теллье, франц. канцлер 201, 235, 236
 Лефорт, польск. министр 384
 Лефорт Франц Яковлевич, генерал-адмирал, сподвижник Петра I 414, 471, 472
 Лещинская Мария, принцесса, дочь Станислава Лещинского 416
 Лжедмитрий, самозванец 501
 Ливий Тит, рим. историк 14, 300, 553
 Лирия, герцог, исп. посланник в России 426

- Лобкович, министр при герм. императоре Леопольде I 221
- Лойола Игнатий, основатель ордена иезуитов 36, 44, 45
- Локк Джон, англ. философ-материалист 295, 296, 317
- Ломиковский, генеральный обозный 364, 366—369
- Ломоносов Михаил Васильевич, ученый-энциклопедист, академик 541, 545—550
- Лонгвиль, герцогиня 182, 184
- Лонгвиль, франц. герцог 74, 99, 181—183
- Лопе де Вега, см. Вега Карпью Лопе Феликс де
- Лопухин, дворянин 438
- Лопухин, родственник Петра II по бабке Евдокии Лопухиной 425
- Лопухин Федор, отец первой жены Петра I 342
- Лопухина Евдокия Федоровна, см. Евдокия Федоровна
- Лопухины, дворяне 421
- Лоскут Иван, атаман, участник восстания 1707—1708 гг. 357
- Лось (Лос), барон, польск. посланник в России 388
- Луи, доц, порт. посол во Франции 404
- Луиза Савойская, мать франц. короля Франциска I 95, 96
- Лука, евангелист 487
- Лукин, лейтенант 447
- Луковников Иван, старшина 345
- Лукреций (Тит Лукреций Кор), рим. поэт и философ-материалист 189
- Любомирский, польск. гетман 144
- Лювуа, франц. военный министр при Людовике XIV 222, 225, 233—236, 249
- Людвиг Баденский 147
- Людовик Баденский, маркграф 274
- Людовик, брат Вильгельма I Оранского 51, 52
- Людовик Бурбон, герцог Анжуйский, сын принца Конде 177
- Людовик, венг. король 141
- Людовик, герцог Бургундский 282
- Людовик Моро, владелец Милана 89
- Людовик, сын Владислава 39
- Людовик IX Святой, франц. король 86, 92
- Людовик X, франц. король 86
- Людовик XI, франц. король 87, 88
- Людовик XII, франц. король 88—92, 96
- Людовик XIII, франц. король 108, 111, 112, 128, 174, 175, 177, 231
- Людовик XIV, франц. король 58, 166, 171, 175, 176, 184, 185, 187, 188, 196—198, 200—203, 205—207, 210, 211, 214—217, 219—224, 227—232, 234—237, 241—244, 246—256, 258—260, 264, 265, 267—274, 276—278, 281—283, 285, 288—290, 303, 307—310, 312, 317—320, 324, 327, 340, 405, 410
- Людовик XV, франц. король 309, 311, 402
- Людовик XVI, франц. король 558
- Людовик Фландрий, граф 87
- Люинь, фаворит франц. короля Людовика XIII 108—110
- Люксамбур, франц. герцог, полководец 249
- Люксембургская династия, Люксембурги, императоры Священной Римской империи 34
- Лютер Мартин, деятель Реформации в Германии 19—29, 31, 35, 42, 61—64, 68, 117, 239
- Ляпунов Прокопий Петрович, думный дворянин, глава 1-го земского ополчения 501, 517
- Мабильтон Жан, франц. историк 206
- Магдалина Валуа, франц. принцесса 74
- Магмет-Гирей, крымский хан 498
- Магмуд, сын афганского правителя Мирвезиза 444
- Магнус Остерготландский, брат шв. короля Ерика XIV 117
- Магомет Кеприли, великий визирь Турции 145
- Магомет IV, тур. султан 145, 147
- Мазарини Джулио, кардинал, первый министр Франции 174—188, 196, 200—202, 206, 217, 226, 267, 302, 303
- Мазепа Иван Степанович, гетман 350, 359—369
- Майень Гиз, герцог, вождь Католической лиги 104, 105
- Макаров Алексей Васильевич, кабинет-секретарь Петра I 379, 388, 391, 407, 408, 412, 415, 416
- Макнавелли Никколо, итал. политич. мыслитель, писатель 14, 15
- Макс, курфюрст 270, 271
- Макс Эммануил, курфюрст Баварский 265
- Максимилиан Баварский 120, 122—124, 127
- Максимилиан, герцог Баварский 41, 42
- Максимилиан I, император Священной Римской империи из династии Габсбургов 17, 22, 23, 34, 38, 39, 89, 90, 92, 93
- Максимилиан II, император Священной Римской империи 40, 42
- Максимов Лукьян, атаман, старшина Войска Донского 349, 352—354
- Мальборо (Марльборо) Джон Черчилл, герцог, англ. полководец и гос. деятель 172, 230, 262—264, 266, 267, 270—281, 283, 285, 288, 293, 294
- Мальцев, переводчик при рус. посольстве в Турции 459
- Мамай, ордынский хан 481—484, 487
- Мамонов, бригадир 532
- Мамонов, генерал-майор 408
- Манденфель (Мардефельт) Арвид Аксель, шв. генерал 392
- Мансфельд, см. Эрнст фон Мансфельд
- Мануций Альд Старший, венециан. издатель и типограф, ученый-гуманист 13
- Маргарита Валуа, жена франц. короля Генриха IV 101

- Маргарита, герцогиня Пармская, наместница в Нидерландах 49, 50, 53
- Маргарита Датская, королева Дании, Швеции, Норвегии 113
- Маргарита, дочь англ. короля Генриха VII 73
- Маргарита, жена герм. императора Леопольда I, дочь императора Священной Римской империи Филиппа IV 252
- Марильяк, маршал Франции 111
- Марильяк, франц. канцлер при Людовике XIII 111
- Маринка (Марина) Мнишек, дочь сандомирского воеводы, жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II 504
- Мария Аделаида Савойская, жена Людовика Бургундского 282
- Мария Анна, герцогиня Браччано-Орсини, дочь франц. герцога Нуармутье, обергофмейстерина 267, 268
- Мария Анна, исп. королева, мать Карла II 220
- Мария Антония, дочь герм. императора Леопольда I 252
- Мария Бургундская, супруга Максимилиана I 34
- Мария Гиз, франц. принцесса 74, 79, 80
- Мария, дочь англ. короля Иакова II 171, 173
- Мария, дочь шотл. короля Иакова V 74
- Мария Медичи, жена франц. короля Генриха IV 107—112, 177
- Мария Стюарт, шотл. королева, внучка Генриха VIII 79—82, 84, 99
- Мария II Стюарт, жена Вильгельма III Оранского 224, 263
- Мария Терезия, франц. королева, супруга Людовика XIV 234
- Мария I Тюдор, англ. королева 63, 75—79, 82, 97, 168
- Марко, итал. архитектор 496
- Марльборо (Мальборо), урожд. Сара Дженингс, герцогиня 262, 264, 278, 293
- Марникс де Сент-Альдегонд Филипп, деятель нидерланд. бурж. революции 49, 50
- Марс, миф. 317
- Марсенес Петр, иноземный купец 514
- Марсэн, франц. генерал 270, 271
- Мартин Лютер, см. Лютер Мартин
- Мартинци, советник императора Матфея 119
- Марфа Матвеевна (урожд. Апраксина), царица, жена Федора Алексеевича 411
- Марья (Мария) Ярославна, великая княгиня, жена Василия II Васильевича Темного 490
- Маслов, статский советник 433
- Массильон, проповедник 307
- Матвей (Маттиас), австр. эрцгерцог, император Священной Римской империи 42, 53, 119
- Матисон Ян, предводитель анабаптистов в Германии 28
- Матюшкин, генерал-майор 444, 449—451
- Матюшкин Михаил Афанасьевич, генерал 430, 433
- Махмуд, султан, аксайский владетель 445
- Махмуд, султан, утмицкий владетель 446, 447
- Махмут, султан, ногайский владетель 442
- Машлыккин Иван, казачий старшина 353
- Машо, министр при дворе франц. короля Людовика XIV 308
- Медина-Сидоний, герцог 83
- Мединачели, герцог 45
- Медичи, флорентийский род, правители Флоренции 12, 92
- Межаков Филат, казачий атаман 518
- Меланхтон Филипп, нем. протестантский богослов и педагог, сподвижник М. Лютера 21, 24, 27, 28, 30, 31, 62
- Менаже, франц. уполномоченный 281
- Мениппэ (Менипп), др.-греч. философ и писатель-сатирик 106
- Менлей, г-жа, автор памфлетов 293
- Ментенон, маркиза, фаворитка франц. короля Людовика XIV 217, 232—235, 241, 243, 248, 273, 290
- Меншиков Александр Данилович, светлейший князь, генерал-фельдмаршал, сподвижник Петра I 345, 361—363, 368, 369, 375, 379, 385, 386, 388, 392, 396, 407, 409—412, 415—425, 427, 446
- Мережковский Д. С. 551
- Мерик Джон Уильям (Иван Ульянов), купец, англ. посол в России 504—509, 511, 512
- Меркер, франц. герцог 182
- Мертенс, медик 522
- Мечислав, польск. князь 138
- Мечислав II, польск. король 138
- Мечислав III, польск. король 140
- Мешем, фаворитка англ. королевы Анны 278—280, 287
- Мещерский Борис, князь, унтер-лейтенант Преображенского полка 451
- Микита Волокита 421
- Милославские, князья 411
- Мильтон Джон, англ. поэт, полит. деятель 169, 296
- Минас Вартапет, см. Вартапет
- Минин Кузьма Захаревич, нижегородский староста, думный дворянин, глава 2-го земского ополчения 501, 502, 517, 519
- Миних Бурхард Кристоф, граф, генерал-фельдмаршал 417
- Мирвеиз Магомет, афганский правитель 444, 458, 461—463, 466
- Михаил Александрович, великий князь тверской 481—483, 485
- Михаил Вишневецкий, польск. король 144
- Михаил Федорович Романов, царь 375, 413, 503, 504, 512
- Михаил Юрьевич, князь торчесский, великий князь ростовский, сын Юрия Долгорукова 475
- Михаил Ярославич, великий князь тверской, сын Ярослава Ярославича 478
- Михаил Ярославич Хоробрит, князь московский, великий князь владимирский, сын Ярослава Всеволодовича 477

- Михайла (Михаил), сын С. Драного 356
 Многогрешный Демьян Игнатович, черниговский полковник, затем гетман Левобережной Украины 366
 Могол 319
 Мокриевич Карп Иванович, канцелярист, затем генеральный писарь Войска Запорожского 366
 Мольер (Жан Батист Поклен), франц. комедиограф, актер, театральный деятель 195, 205, 209—211, 213
 Молз Матвей (Большая Борода), первый президент франц. парламента 182, 184
 Монк, англ. генерал 158, 159, 164, 165, 277
 Монлюк 94
 Монмут, англ. герцог 170, 172
 Мономах, см. Владимир Всеволодович Мономах
 Монревиль, франц. маршал 273
 Монтань 207, 238
 Монтейнар, министр при дворе франц. короля Людовика XIV 308
 Монтекукули, предводитель императорского войска 145
 Монтескье (Монтескье) Шарль Луи, франц. просветитель, правовед, философ 318, 321, 324, 326—338, 340
 Монтеспан, фаворитка франц. короля Людовика XIV 232
 Монтесума (Моктесума, Монтекусома), вождь ацтеков 9
 Монфор Симон де, граф Лестерский, один из лидеров баронской оппозиции Генриху III 60
 Мор Томас, англ. гуманист, гос. деятель и писатель, канцлер Англии 67, 68
 Морган, англ. писатель 297
 Мориц, герцог Саксонский 29—31, 309
 Мориц Оранский, принц, полководец 53, 54, 58
 Мориц Саксонский, граф 383—390
 Морозов Семен, боярин князя Юрия Дмитриевича Шемяки 490, 491
 Мстислав Владимирович Великий, великий князь киевский, сын Владимира Всеволодовича Мономаха 474
 Мстислав Ростиславич, князь ростовский, сын Ростислава Юрьевича 475
 Мулей-Гассан, владетель Туниса 44
 Мусин-Пушкин Иван Алексеевич, граф, сенатор, управляющий Монастырским приказом 430
 Мустафа Кеприли, великий визирь Турции 147
 Мустафа II, тур. султан 147
 Мышкин, зодчий 495
 Мюнцер Томас, нем. революционер, вождь и идеолог крест.-плебейских масс в Реформации в Германии 24, 26, 28, 35
 Мюрид, ордынский хан 481
 Нададзи, венг. аристократ 145
 Наленча, польск. род 141
 Наливайко, казачий атаман 520
 Нанзен, бургомистр Копенгагена 131
 Наполеон I Бонапарт, франц. полководец, император 410
 Нарышкин Александр Львович, барон, действительный тайный советник, сенатор 402, 420
 Наталия Петровна, цесаревна, младшая дочь Петра I 423
 Наталья Алексеевна, царица, сестра Петра I 374
 Наталья Алексеевна, сестра Петра II Алексеевича 423
 Наумов, полководец 445
 Невер, жена польск. короля Яна Казимира 144
 Некомат Сурожанин, московский купец 482
 Некрасов, полковник 344
 Некрасов Игнатий, казак, участник восстания на Дону 1707—1708 гг. 353, 356—358
 Некрасов Н. А. 559
 Немюя, миф. 137
 Неплюев Иван Иванович, рус. резидент в Турции, позже сенатор 457—467
 Нерсес, армянский патриарх 455, 456
 Нибур Бартольд Георг, нем. историк античности 340
 Никита, сын К. Булавина 356
 Никитиков Григорий, торговый человек 510
 Никодим, инквизитор 472
 Николаев Давыд, торговый человек 514
 Николай II Павлович, император 551
 Николь, янсенист 212—214, 217
 Нинон Ланкло, жрица 312
 Нитард, духовник исп. королевы Марии Анны 220
 Ноаль, кардинал, парижский архиепископ 290
 Новосильцев 433
 Нокс, проповедник 79, 80
 Нортумберланд, герцогиня 75
 Нортумберланд, шотл. герцог, см. Дудлей, граф Ворвик
 Носов Кондратий, казачий атаман 357
 Носов Яков, посадский человек, позже атаман 343—347
 Нуармутье, франц. герцог 267
 Ньютон Исаак, англ. математик, механик, астроном и физик 295
 д'Обиньи 90
 Образец Василий Федорович, боровский воевода 496
 Обухович 452
 Огинский, троцкий воевода 388—390
 Оксен-штирне (Оксенштирне) Аксель, шв. канцлер 124, 126, 127, 132
 Оксфорд, см. Гарлей Роберт, герцог Оксфордский
 Олег Иванович, великий князь рязанский 482, 485, 486
 Олег Святославич (Гориславич), князь черниговский и тмутараканский 474, 475

- Оливарец, исп. граф, министр Филиппа IV 54
Олсуфьев 433
Ольгерд Гедиминович, великий князь лит. 481—484, 486, 491
Ольговичи, князья 476
Ольденбарневельдт 58
Омар, араб. халиф 410
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, барон, воевода, дипломат 398
Ория Израиль (Ори Израэл), деятель армянского освободительного движения 452—455
д'Орлеанс 403
Орлеанская дева, см. Жанна д'Арк
Орлик Филипп, генеральный писарь 360—362, 364—369, 464, 465
Орлов Григорий Григорьевич, граф, камергер, генерал-фельдмаршал 534
Орсини, см. Мария Анна, герцогиня Брaccia-но-Орсини
Ортег (Ортег), виконт, комендант Байонна 102, 332
Осипов Федор, ахтырский полковник 350
Остей, литовский князь, внук Ольгерда 484, 485
Остерман Андрей Иванович, барон, советник коллегии Иностранных дел, кабинет-министр 379, 385, 389, 414, 415, 417, 419, 423—425, 427—429, 432
Остерманы, графы 392
Отгоны, императоры Священной Римской империи 15
- Павел I Петрович, император 542
Павел III, рим. папа 29, 38
Павел IV, рим. папа 97
Павлов Адам, армянин 455
Павлов Ивашка, казачий атаман 357
Пак, депутат англ. парламента 162
Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 518, 519
Панин Никита Иванович, граф, гос. деятель, дипломат 526
Пантагрюэль (Пантагрюэль), лит. персонаж 97, 208
Паскаль Блез, франц. религиозный философ, писатель, математик и физик 193—195, 213, 214, 317
Паткуль Иоганн Рейнгольд фон, генерал-майор, лифляндец на русской службе 414
Пеллетье, министр при франц. короле Людовике XIV 234
Пенн, англ. адмирал 161
Пенн Уильям, основатель англ. колонии в Сев. Америке, получившей название Пенсильвания, квакер 172
Пескара 94
Петр, монах 473
Петр, московский митрополит 478, 479, 494, 518, 520
Петр, патер, иезуит 173
Петр, св., библ. 209, 237
- Петр Дмитриевич, князь дмитровский, сын Дмитрия Донского 488
Петр Константинович, боярин великого князя московского Василия I Дмитриевича 490
Петр Оксе, дат. министр финансов при Фридрихе II 116
Петр Пигу 106
Петр I, царь 147, 196, 261, 326, 333, 342, 344, 345, 349, 350, 354, 359, 361, 363, 369—379, 381—383, 392, 397, 400—404, 407, 408, 410—418, 420—425, 428, 433—435, 439—447, 450, 451, 452, 454, 456—458, 461—464, 468, 469, 527, 537, 539, 540, 546, 547, 549, 550, 555, 557
Петр II Алексеевич, внук Петра I, позже император 407, 409, 415—429, 471, 472
Петров Ефрем, казачий старшина 352—355
Петрок Малый, итальянец 498
Пиале 45
Пизарро (Писарро) Франсиско, исп. конкистатор-завоеватель Перу 9
Пий V, рим. папа 82
Пим, член англ. палаты общин 152, 155
Пипер Карл Густав, граф, шв. министр 368
Пирр, царь Эпира 327
Питирим, архиерей 472
Плантагенеты (Анжуйская династия), королевская династия в Англии 60
Плат, шв. маршалок 395
Платон, др.-греч. философ-идеалист 13, 15
Плещев, боярин 492, 493
Плиний Старший, рим. писатель, ученый 189
Погодин М. П 559
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, предводитель 2-го земского ополчения 501, 502, 517—520
Пожарский Никита, полковник 344
Поздеев Василий Большой 353
Поздеев Василий Меньшой 353
Полибин Богдан, думный дворянин 374
Полоцкий Михаил, князь, воевода 486
Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де, фаворитка франц. короля Людовика XIV 308
Пон-де-Ларш 182
Поншартрэн, франц. генерал-контролер, позже канцлер 246, 248
Понятовский, литовский подскарбий 390
Поп Александр, англ. поэт 304, 305
Попел I, миф. польск. князь 137
Попел II, миф. польск. князь 137
Посошков, крестьянин 399
Похвиснев, сенатор 533
Поцеиха, жена гетмана 387
Протасов, президент главного магистрата 534
Протасов Алексей, студент Иностранной коллегии 412
Прохор, ростовский епископ 478
Птицын, купец 531
Пушников, купец 445

- Пфаузер, протестантский проповедник 41
 Пфедферкрон 17
 Пяст 137, 143
- Рабле Франсуа, франц. писатель-гуманист 97, 207
- Рабутин, граф, австр. посланник в России 418
- Равальяк, убийца франц. короля Генриха IV 108
- Рагоци Франц, венг. аристократ 145, 146
- Рагузинский Савва Владиславич, граф, гос. деятель и дипломат 415
- Радзивевский, вице-канцлер Польши 133
- Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг. 350, 453
- Ракниц, обер-штальмейстер 388
- Ракоци Ференц II, князь, руководитель антигабсбургской освободительной войны венг. народа 266, 272, 461
- Рамбулье, мадам 195
- Расин Жан, франц. драматург 195, 248, 312
- Расин, маркиз, см. Сюлли Максимильян де Бетюн
- Рацков 388
- Регинальд Поль, папский легат 69, 76, 78
- Рейхлин Иоганн, нем. гуманист, филолог 17, 18
- Реквезене 51, 52
- Ремер (Рёмер) Оле, дат. астроном 206
- Рен, генерал 360, 362
- Ренар, посланник имп. Карла V 77
- Репнин Аникита (Никита) Иванович, князь, фельдмаршал, президент Военной коллегии 407, 408, 416
- Рец, см. Гонди
- Ржевский Тимофей, воевода 343, 344
- Рикса, мать польск. князя Казимира 138
- Риндер, физик 523
- Ричард (Кромвель Ричард), лорд-протектор Англии, сын О. Кромвеля 163, 164
- Ричард II, англ. король 61
- Риччио Давид, секретарь Марии Стюарт 81
- Ришелье (Ришельё) Орман Иоанн (Жан) Дю Плесси, маркиз де Шильон, кардинал, глава королевского совета, фактич. правитель Франции при Людовике XIII 109—112, 124—128, 174—179, 195, 201, 205, 206, 231, 302
- Роберт Вальпол, см. Уолпол Роберт
- Робертсон 304
- Роган, франц. герцог 112
- Роган-Шабо, франц. кавалер 316
- Ролан 272, 273
- Роло, сын франц. королевского прокурора 100
- Романов Дружина, казачий атаман 518
- Ромодановский Иван Федорович, начальник Преображенского приказа, второй «князь-кесарь» 417
- Россель, англ. лорд 171
- Ростислав Юрьевич, князь новгородский и суздальский, сын Юрия Владимировича Долгорукова 475
- Ростиславичи, князья 475
- Рочестер, англ. граф 262, 264
- Рубинштейн Н. Л. 558
- Рувим, архимандрит Воскресенского монастыря в Астрахани 346
- Рудольф II, император Священной Римской империи 41, 42, 53, 119
- Рук, адмирал 271, 273
- Румянцева Александр, бригадир 468
- Рюйтер, гол. адмирал 135, 166
- Саванарола (Савонарола) Джироламо, настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции, облечитель папства 15
- Савва, монах 471
- Савельев Абрисим, казачий старшина 353
- Саксонская династия герм. королей, императоров Священной Римской империи 33
- Салмазий, филолог 168
- Салтыков Петр Семенович, граф, фельдмаршал, главнокомандующий в Москве 521—526, 530, 532, 533
- Салым, князь, предводитель союзной армии 188
- Салым, принц 266
- Самойлович Иван, черниговский полковник, затем гегман 366
- Самсон, астраханский митрополит 344, 345, 347
- Самуил (Степан), монах 471—473
- Сандерленд, министр при англ. королеве Анне 280
- Сапега, граф 418
- Свидригайло Ольгердович, литовский князь 487
- Свифт Джонатан, англ. писатель, полит. деятель 292, 293
- Святослав Всеволодович, великий князь владимирский, сын Всеволода III Юрьевича 477
- Святослав Мстиславич, князь смоленский 478
- Святослав Ольгович, князь рьльский, новгородский и черниговский, сын Олега Святославича 474, 475
- С.-Джон Генрих, виконт Болинброк, министр при англ. королеве Анне 278—283, 285—288, 292—294, 297—305
- Себастиан, порт. король 47
- Себастиан Франке, см. Франке Себастиан
- Сеймур Жанна, третья жена англ. короля Генриха VIII 71
- Сеймур Эдуард, герцог Сомерсет 74
- Селим II, тур. султан 40
- Сенегга, франц. барон 203
- Сенкмарс, маркиз, фаворит франц. короля Людовика XIII 111
- Сен-Пьер, аббат 341
- Сервантес Сааведра Мигель де, исп. писатель 55, 304

- Серве, проповедник 32
 Сергей Радонежский, основатель и игумен Троицкого (Сергиева) монастыря 486
 Серджан Мерик Книхт, англ. купец 513
 Сечьверель, англ. проповедник 279, 280
 Сигизмунд I (Старый), польск. король 143
 Сигизмунд II Август, польск. король 117, 143
 Сигизмунд III Ваза, король Речи Посполитой, позже король Швеции 118, 124, 144, 502, 511
 Сидней 171
 Сильвестр, казанский архиепископ 430
 Симеон, библ. 228
 Симеон Иванович, великий князь московский, сын Ивана Калиты 480
 Симеон Полоцкий (в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович), монах, церковный деятель, писатель 400
 Скваронская Софья Карлусовна, графиня, племянница Екатерины I 418
 Скаррон, вдова, см. Монтенон
 Скаррон Поль, франц. поэт 232
 Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич, капитан-поручик, обер-прокурор 420
 Славата, советник императора Матвея 119
 Соймонов, капитан-лейтенант 449
 Солиман, перс. шах 319
 Солиман II, тур. султан 39, 40
 Солиман III, тур. султан 147
 Соловьев С. М. 551—559
 Соломат Никита, казачий старшина 353
 Соломон, царь Израильско-Иудейского царства 28, 537
 Софья Алексеевна, царевна, сестра Петра I 399, 411
 Софья Витовтовна (Анастасия), великая княгиня, жена Василия I Дмитриевича 490
 Спар, барон, шв. министр при англ. дворе 394
 Спенсер, англ. лорд, виг 263
 Спинола Амбросио, исп. полководец 54
 Станислав, краковский епископ 139
 Станислав Лещинский, польск. король 359—361, 364—367, 416
 Стасюлевич М. М. 559
 Стенгон, министр при дворе англ. короля Георга I 291
 Стен Стур Младший (Стен Стуре Младший), регент (правитель) Швеции 114
 Стен Стур Старший (Стен Стуре Старший), регент (правитель) Швеции 113
 Степан, сын стрельчихи 342, 343
 Стефан Баторий, польск. король, полководец 144
 Страффорд, см. Вентворт
 Стрикланд, англ. депутат 84
 Строганов Григорий, солепромышленник 445
 Строче, член англ. палаты общин 155
 Стюарты, королевская династия в Шотландии и Англии 73, 84, 148, 159, 161, 162, 165, 168, 174, 217, 229, 231, 252, 258, 284—287, 289, 291, 305, 403, 405, 406
 Субиз, франц. герцога 112
 Суворов Александр Васильевич, генералиссимус 283
 Сукин 433
 Сумароков Александр Петрович, рус. писатель 429
 Суркай, казыкумыцкий владетель 442
 Сфорца Массимилиано, герцог Милана 91
 Сюлли Максимилиан де Бетюн, барон Рони, герцог, гугенот, министр финансов при франц. короле Генрихе IV 107, 108
 Сюлли, франц. герцог 316
 Талицкий Григорий, «книгописец» 471
 Тальяр, франц. генерал 270, 271
 Тамерлан (Тимур), срезац. гос. деятель, полководец, эмир 410, 487
 Танской, полковник 363
 Таракан, купец 496
 Татищев В. Н. 553
 Тауншенд, англ. лорд, первый министр при Георге I 288
 Тачит, рим. историк 33
 Твердинов Григорий, торговый человек 510
 Текели Стефан, венг. аристократ 145
 Текели Эмерих, венг. аристократ 146, 147
 Телемак (Телемах), лит. персонаж 243
 Тельной Васька (Василий), атаман, участник восстания на Дону 1707—1708 гг. 357
 Темир-Аксак, см. Тамерлан (Тимур)
 Темпель, член англ. министерства 168, 170, 220
 Тессе, маршал Франции 402
 Теттенбах, венг. аристократ 145
 Тетцель, доминиканский монах 20
 Тилли Иоганн Церклас, граф, полководец герм. Католической лиги 120, 122, 123, 125, 127, 129
 Тимофей, московский митрополит 527
 Тиндаль, англ. писатель 62, 287
 Тит Ливий, см. Ливий Тит
 Тит Оат 167
 Тихо де Браге, см. Браге Тихо
 Толанд Джон, англ. философ-материалист и атеист 296
 Толстой Иван Андреевич, стольник, азовский губернатор 352
 Толстой Петр Андреевич, стольник, сенатор, тайный советник 407, 408, 411, 412, 415, 417—422, 427, 444
 Толстые, московские дворяне 411
 Томас Морус, см. Мор Томас
 Торгут (Драгут) 45
 Торси, министр иностранных дел при франц. короле Людовике XIV 276, 277
 Торстензон, шв. генерал 130
 Тохмас-Мирза (Тохмасиб), персидский шах 444, 448, 450, 465, 466, 468
 Тохтамыш, ордынский хан 483—488, 491
 Третьяков Петр, думный дьяк 512, 514
 Тролле Густав, uppsальский епископ 114

- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, один из военачальников 2-го земского ополчения, боевой, боярин 501, 502, 517, 518, 520
- Трубецкой Иван Юрьевич, князь, генерал-фельдмаршал, киевский губернатор, сенатор 391, 430, 433
- Трубецкой Никита Юрьевич, князь, генерал-фельдмаршал, генерал-прокурор Сената 419, 433
- Турн, граф 119, 120, 126
- Турчания Афанасий, царицынский воевода 356
- Тюдоры, королевская династия в Англии 59, 61, 67
- Тюрени, франц. маршал 181, 184—187, 220, 222, 223, 225
- Уеслей, священник 305, 306
- Узбек, хан Золотой Орды 479
- Узда, исп. герцог, министр Филиппа III 54
- Ульрих Виртембергский, герцог 19
- Ульрих фон Гуттен, см. Гуттен Ульрих фон
- Уолпол (Вальпол) Роберт, граф Орфорд, премьер-министр Великобритании 279
- Ушаков Андрей Иванович, граф, генерал, начальник Тайной канцелярии Сената 417, 420, 433
- Фабриций, секретарь 119
- Файрфакс, англ. лорд, предводитель парламентского войска 155, 157
- Фаминцын, генерал-майор, директор московского госпиталя 522
- Фарнезе Александр, исп. полководец, наместник исп. короля в Нидерландах 53, 54, 83, 104, 105
- Фарседан-бек 438, 439
- Федор Алексеевич, царь 411, 413, 537
- Федор (Феодор) Иванович (Иоаннович), царь, сын Ивана IV Грозного 500, 507
- Фельц Еремей, иноземный купец 514
- Фенелон Франсуа, франц. писатель, архиепископ 217, 238—245, 282, 309
- Феогност, московский митрополит 478, 480
- Феодосий I Великий, рим. император 236
- Феофан Прокопович, новгородский архиепископ, писатель, публицист, член Синода 430
- Фердинанд II Арагонский, фактически первый король объединенной Испании 34, 43, 44, 63, 90—92
- Фердинанд III, герм. император 220
- Фердинанд Католик, см. Фердинанд II Арагонский
- Фердинанд, князь, дядя Фридриха-Вильгельма Курляндского 383, 388, 389
- Фердинанд I, император Священной Римской империи 31, 39—42, 96
- Фердинанд II, император Священной Римской империи 112
- Фердинанд III, император Священной Римской империи 127, 128, 133, 145, 188
- Фердинанд Кортес, см. Кортес Эрнан
- Фердинанд II, неапол. король 88
- Фердинанд II Штирийский, австр. эрцгерцог, император Священной Римской империи 41, 42, 119—125, 128, 145, 283, 303
- Филипп Анжуйский, франц. герцог, см. Филипп V, исп. король
- Филипп II, исп. король 40, 41, 44—50, 52, 54, 55, 77, 78, 81—83, 97, 98, 100, 104, 105, 302, 410
- Филипп III, исп. король 54
- Филипп IV, исп. король 54, 56, 175, 188, 219, 220, 252
- Филипп V, исп. король 254—256, 259, 267—269, 271, 274, 276, 278, 282, 283
- Филипп Красивый, сын Максимилиана I, императора Священной Римской империи 34, 38
- Филипп IV Красивый, франц. король 86, 209
- Филипп, ландграф гессенский 27—30
- Филипп Марникс фон Сент-Альдегонд, см. Марникс де Сент-Альдегонд
- Филипп I, московский митрополит 495
- Филипп Нянька, московский воевода 476
- Филипп Смелый Бургундский, фактический правитель Франции при Карле VI Безумном 87
- Филарет, монах 472
- Философ Иван, смоленский дворянин 502, 503
- Фиоравенти (Фиораванти) Аристотель, зодчий 495
- Фиштум, граф 388
- Фишер, рочестерский епископ 67, 68
- Флеминг (Флемминг) Якуб Генрих, саксонский фельдмаршал 392
- Флери, кардинал 327
- Флитвуд, англ. генерал 164
- Флог, генерал 391
- Фома Мюнцер, см. Мюнцер Томас
- Фотий, московский митрополит 489
- Франджипани, венг. аристократ 145
- Франке Себастиан, писатель 28, 35
- Франконская династия герм. королей и императоров Священной Римской империи 33
- Франц II, см. Франциск II, франц. король
- Франц, герцог Лотарингский 222
- Франц фон Сикинген 25
- Франциск (Франсуа) Гиз, герцог, франц. полководец 97, 99, 100—102
- Франциск д'Альменд, порт. завоеватель 6
- Франциск Ксаверий (Франсуа-Ксавье), исп. монах, один из первых иезуитов в странах Азии 47
- Франциск I, франц. король 88, 91—98, 104, 198, 208, 250
- Франциск (Франц) II, франц. король, муж Марии Стюарт 80, 82, 98, 99
- Франциска, герцогиня Ауффольк, племянница Генриха VIII 75
- Фрежис, бискуп 403—405
- Фрейтаг, граф, имперский посол в Швеции 396

- Фрере, франц. ученый 340
 Фридрих (Фридрих), герцог Голштинский, супруг Анны Петровны, дочери Петра I 383
 Фридрих 90
 Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский, великий курфюрст из династии Гогенцоллернов 133—135, 217, 223, 228
 Фридрих Вильгельм I, прус. король 272
 Фридрих I, дат. король 115, 116
 Фридрих II, дат. король 116
 Фридрих III, дат. король 131, 132, 135
 Фридрих Мудрый, саксонский курфюрст 20, 23, 28
 Фридрих II, прус. король 309, 521, 548
 Фридрих V Пфальский, курфюрст 120, 122, 125, 128, 149, 259
 Фроянов И. Я. 556
 Фуке (Николай) Никола, виконт де Во, маркиз де Бель-Иль, генеральный контролер финансов Франции 187, 200—202, 210
- Хайреддин (Хайрадин) Барбаросса, правитель Алжира, адмирал флота Османской империи 44, 45
 Хмельницкий Богдан Михайлович, гетман Войска Запорожского 144, 363
 Хворостинин, князь 398
 Хименес, кардинал 43
 Хованский Иван Андреевич, князь, боярин, воевода 413
 Хованский Петр Иванович, князь, стольник 345, 357
 Ховрин Владимир Григорьевич, московский боярин 494
 Ходкевич (Хоткев) Карл, польск. гетман 501, 502, 517—520
 Хоментовский, мазовецкий воевода 389
 Хоробрит, см. Михаил Ярославич Хоробрит
 Хохлач Лучка (Лукьян) Михайлович, казак, один из предводителей восстания на Дону 351, 352, 355—357
 Христиан Брауншвейгский, герцог 121, 122
 Христиан I, граф Ольденбургский, дат. король 113
 Христиан II, дат. король 113—115
 Христиан III, дат. король 115, 116
 Христиан IV, дат. король 116, 122, 123, 130, 131
 Христиан V, дат. король 132, 135, 137
 Христина, королева Швеции 126, 132, 133
 Христофор Колумб, см. Колумб Христофор
 Хромой Иван, казачий старшина 460
- Цвингли Ульрих, деятель Реформации в Швейцарии 26, 27, 31
 Цедергельм Иосиас, барон, шв. сенатор, посол в России 393
 Цедеркрейц, барон, шв. посол в Петербурге 396, 397
 Цезарь Борджиа (Чезаре Борджа), правитель Романьи (Италия) 89
- Цицерон Марк Туллий, рим. полит. деятель, оратор и писатель 13, 15, 57
 Црини Николай, венг. аристократ 145
 Црини Петр, венг. аристократ 145
- Чаадаев П. Я. 551, 552
 Черкасский Александр Бекович, князь 435, 436, 439, 442
 Черкасский Алексей 433
 Черкасский Иван Борисович, боярин, князь 510
 Черныш Иван, полковник 360
 Чернышев Григорий 433
 Чигас, игумен 496
 Чингис-хан (Чингисхан), монг. хан, организовавший завоевательные походы против народов Азии и Вост. Европы 410
 Чичерин Б. Н. 556
 Чорчил Джон, герцог Марльборо, см. Марльборо
- Шамбек, варминский бискуп 389
 Шамбек, великий канцлер 388
 Шамильяр, министр при франц. короле Людовике XIV 248, 273, 275
 Шатель, франц. заговорщик 105
 Шателз, мадам 338
 Шатильон (Шатийон), франц. аристократическая фамилия 99
 Шафиров Исай, сын П. П. Шафирова 412
 Шафиров Петр Павлович, боярин, президент Коммерц-коллегии, вице-канцлер, дипломат 412, 425, 454
 Шафонский, главный доктор московского госпиталя 522
 Шевкал (Шелкан Дюденевич), татарский посол 479
 Шекловитый (Шакловитый) Федор Леонтьевич, думный дьяк, начальник Стрелецкого приказа 413
 Шекспир Уильям, англ. драматург и поэт 84, 294
 Шелудяк, посадский человек 343
 Шереметев Борис Петрович, граф, фельдмаршал, сподвижник Петра I 345—347, 362
 Шереметев Федор Иванович, боярин 505
 Шефтсбюри, см. Ашлей
 Шидловский Федор Владимирович, бригадир 355
 Шипов, майор лейб-гвардии 525
 Шипов, полковник 447—449
 Шкиадан, медик 522
 Шлецер Август Людовик 552, 558
 Штаремберг, министр при дворе герм. короля Леопольда I 266
 Штауфены, династия герм. королей и императоров Священной Римской империи 33, 34, 86
 Шувалов Иван Иванович, граф, камергер, куратор Московского университета 535, 541—544

- Шуйский Дмитрий Иванович, князь, боярин 518
 Шумахер, граф Грейффенфельд, дат. министр 132
- д'Эгильон, франц. герцог 308
 Эгмонт, граф, нидерланд. вельможа 49, 50
 Эдуард I, англ. король 60
 Эдуард II, англ. король 60
 Эдуард III, англ. король 60, 61
 Эдуард VI, англ. король 71, 74, 75, 78
 Эк, профессор 21, 22
 Экеблат, шв. граф 395
 Эллиот, депутат Нижней палаты англ. парламента 150
 Эльбеф, герцогиня 111
 Эльбёф, герцог, принц Конти 181, 183
 Эней, миф. 314, 317
 Эразм (Еразм) Роттердамский, гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель 18, 19, 68, 93
 Эразмус, медик 522
 Эрик XIV, шв. король 401
 Эрнст (Ернст) фон Мансфельд, начальник дружин 119, 121, 122
 Эссекс, англ. граф, королевский наместник, предводитель парламентского войска 154, 155
 Эстамп, герцогиня, фаворитка Франциска I 97
 Эхтимат-Девлет, перс. визирь 437, 444
- Юдин, торговый человек 509
 Юлий I, рим. папа 90
 Юм Дэвид, англ. философ, историк, экономист 304
 Юнкер, подполковник 447
 Юрий (Георгий) Владимирович Долгорукий, великий князь 474, 475
 Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, сын Всеволода III Юрьевича 476
- Юрий Данилович, князь московский, великий князь владимирский, сын Даниила Александровича 477, 478
 Юрий Дмитриевич, князь звенигородский и галицкий, великий князь московский, сын Дмитрия Донского 489—491, 494
 Юрьев Иван, торговый человек 510
 Юсупов Григорий 433
 Юшков Иван Иванович, московский губернатор 526, 531, 532
- Ягайла, вел. князь лит. 141, 142, 251
 Ягайла, Ягелла (Ягайло) Владислав, вел. князь лит., польск. король 39
 Ягеллоны (Ягеллонский дом), королевская династия в Польше, Великом княжестве Литовском, Венгрии, Чехии 39, 142, 143
 Ягельский, медик 522, 523
 Ягужинский Павел Иванович, генерал-прокурор, сподвижник Петра I 369, 383, 387—392, 397, 407, 412, 414—417, 421, 428, 429
 Ядвига, наследница польск. престола 39, 141
 Ян Албрехт, польск. король 142, 143
 Ян Казимир, польск. король 133, 134, 144, 361
 Ян Собеский, см. Ян III Собеский
 Ян III Собеский, польск. король, полководец 144, 146
 Янсений Корнелий Отто, гол. богослов-католик, епископ 193
 Ярополк Ростиславич, князь владимирский, сын Ростислава Юрьевича 475, 476
 Ярослав I, рус. князь 139
 Ярослав Великий (Ярослав I Владимирович Мудрый) 474
 Ярослав Всеволодович, великий князь, сын Всеволода III Юрьевича 477

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Або (Турку), г. в Финляндии 117
Августинский орден 19
Австрийские владения, земли 34, 40, 130, 146, 188, 281
Австрийцы, нар. 127, 147
Австрия, Австрийская монархия 38, 41, 42, 119, 120, 124, 125, 145, 147—175, 229, 230, 252—254, 257—259, 265, 266, 269, 281—283, 392, 402, 409, 415
Аграханский залив 445, 446
Аграхань, р. 447
Азиатцы 6
Азия 7—10, 37, 159, 326, 410, 434
Азия Восточная 8
Азов, г., крепость, порт 147, 351, 353, 355, 356, 358, 401, 460, 468
Азорские о-ва 6
Акадия, п-ов 282
Аксай, дагестан. владение 441
Аксай, р., приток Дона 356
Алжир 44, 46
Александровская слобода (Александров), г. во Владимирской губ. 498
Алманц 275
Альзас, см. Эльзас
Алькантр 47
Альпы 236, 256
Америка 5—10, 34, 37, 40, 94, 204, 253, 257, 274, 278, 282
Америка Испанская 83
Америка Восточная 7
Америка Западная 7
Американцы, нар. 7, 10
Амстердам, г. в Нидерландах 53, 515
Амстердамцы, жит. 222
Анатолия, Анатолийская земля, сторона 454
Ангальт 27
Англичане, английский народ, английский национальность 55, 57, 61—63, 67, 68, 71, 72, 77, 78, 83, 84, 87, 91, 97, 100, 112, 135, 149, 151, 152, 154, 158—161, 168, 169, 173, 174, 198, 231, 255—259, 263, 267, 268, 270, 271, 284, 286, 288, 290, 291, 300, 317, 467, 504—513, 516
Англия, английское гос-во, земля 8, 50, 53, 54, 56, 59, 61—65, 67—73, 74, 76—79, 81—86, 88, 95, 96, 98, 110, 112, 128, 135, 137, 148—154, 156—159, 161, 164—168, 170—176, 182, 190, 197, 203, 204, 206, 217—221, 224, 229, 230, 236, 245—257, 259—262, 264, 265, 267—269, 271, 277, 278, 281—285, 287—292, 294, 297, 300, 302, 303, 306, 312, 316—318, 334, 392, 394, 396, 403, 405—407, 414, 415, 458, 467, 504, 506, 507, 557
Андалузия (Андалусия), ист. область в Испании 46
Андреева деревня (Ендери), мест., д. на Кавказе 441, 445
Анды 7
Анжер, замок во Франции 201
Антверпен (Анвер), г. в Бельгии 50, 52, 53, 62
Антильские о-ва 8
Аньяделло 90
Апулия, обл. в Италии 90
Апшерон (Апшеронский), п-ов 439
Аравитяне 5
Аракс, р. 467
Аракатские горы 465
Ардебиль, г. 462
Армения, армянская земля 452—454, 457, 462, 464
Армяне, армянский народ 319, 346, 436, 444, 451—456, 458, 468, 469
Арагония (Арагон), ист. область в Испании 128, 274
Артуа, ист. провинция во Франции 188
Архангельск, Архангельский г. и порт 380, 505—507, 509, 511—516
Астрабад (Астрабат), пров. в Персии 450
Астрабатская пристань 450
Астраханский залив 447
Астраханцы, жит. 344—347, 510
Астрахань, г. 342, 344—347, 356, 372, 375, 434, 438, 439, 443, 445—447, 449, 450, 454, 461, 504—506, 510, 511
Атлантический океан 5, 8, 10, 159, 204, 236
Аугсбург, г. в Германии 21, 27, 130
Афганцы, нар. 444, 448, 451

* В указателе приняты следующие сокращения: в.—волость, г.—город, г-к—горо-
док, губ.—губерния, м.—местечко, о.—остров, р.—река, с.—село, у.—уезд.

- Афины древние, город-гос-во (полис) в Аттике 32
- Афонская гора 489
- Африка 5, 10, 37, 43—46, 55, 57, 204
- Ахен, г. в Германии 41, 221
- Ацтеки, индейский нар. Мексики 9
- Бавария, герцогство, позже курфюршество 42, 125, 126, 128, 270
- Баварцы, жит. 127, 270
- Бавары, герм. племя 33
- Баден, маркграфство в Германии 127
- Базель, г. в Швейцарии 18, 31, 217
- Байона (Байонна), г. во Франции 102, 332
- Бакинцы, жит. 450
- Баку, г. 447, 449, 450, 456, 464, 468
- Балтийское море 124, 392, 396, 434, 444
- Балдинский, о. на Волге под Астраханью 346
- Балканский п-ов 147, 555
- Барселона (Барселона), г. в Испании 274
- Бастилия, крепость в Париже 202, 312, 316, 340
- Батавия (Джакарта), г. в Индонезии на о. Ява 57, 222, 265
- Батурин, г. 368, 369
- Бахмут, г. 349
- Башкиры, нар. 378, 380
- Беарн, ист. провинция во Франции 99
- Безансон, г. во Франции 227
- Белая Гора, м. под Прагой 120, 121
- Белая Криница, с. на Вольны 360
- Белая Церковь, г. 366
- Белгородская Орда 350
- Белград, г. 147
- Белоозеро, г. 479
- Белозерцы, жит. 512
- Бельгийцы, нар. 43
- Бельгия 185, 220, 256, 264, 265, 274
- Берген, г. и порт в Норвегии 113
- Берлин, г. в Германии 272
- Битюг, р. 352
- Блекинген, шв. провинция 135
- Бленгейм, Блиндгейм, деревня 270
- Бленгейм, замок в имении Вудсток 273
- Богемия, первоначальное название территории, на которой образовалось гос-во Чехия 39, 41, 42, 119—122, 125, 126, 138
- Болонья, г. в Италии 92
- Большие Антальяские о-ва 161
- Бордо, г. во Франции 102, 226
- Борзна, г. 368
- Борнгольм, о. 136
- Брабант, ср.-век. герцогство 60
- Брабанты (барбарцы), жит. 512
- Бразилия 9
- Бранденбург, г. и ист. провинция в Германии 127, 128, 134, 135, 137, 225, 236, 272
- Бранденбургцы, жит. 134
- Брауншвейг, г. в Германии 137
- Бреда, г. в Нидерландах 219
- Брейзах 128
- Бремен, г. 395
- Бремен, епископство 128
- Брёмзебро, м. 130, 135
- Брест, г. во Франции 263
- Бретань, ист. провинция во Франции 201, 226
- Британия (Англия) 269, 300
- Брюль, г. 184
- Брюссель, г. 40, 49, 50, 96, 111, 187
- Бугры, м. на Дону 353
- Бузулук, р. 351, 353
- Бургундия, ист. провинция во Франции 32, 87, 95, 100
- Бухарест, г. 368
- Бухарцы, жит. 346, 453
- Вавилон 457, 470
- Вайт, о. 157
- Валансьенн 224
- Валдгута 26
- Валенция (Валенсия), ист. область в Испании 274
- Валлис, см. Уэльс
- Валуйки (Валуйка), г. 354
- Варна, г. в Болгарии 142
- Вартбург, замок близ г. Эйзенах в Германии 23, 24
- Варшава, г. 133, 134, 359
- Варяги, см. Норманны
- Васвара (Вашвар), г. 145
- Велу 135
- Великобритания 59, 281
- Великое княжество Литовское 142
- Вена, г. в Австрии 29, 40, 42, 119, 120, 145, 146, 252, 258, 259, 262, 266, 268, 269, 272, 274, 383
- Венгрия 29, 39—42, 119, 145—147, 257, 266, 272
- Венгры, венгерцы, нар. 121, 145—147, 520
- Венециане, жит. 45, 46, 89, 91, 95, 147
- Венецианские владения 90
- Венеция 46, 90, 92, 108, 122, 147, 148, 229, 256, 257, 411, 460, 495
- Венсенский замок 187
- Венсенн, пригород Парижа 183, 184, 186
- Вервэн 107
- Верден, Вердюнь (Верден), г. во Франции 30, 97, 227
- Верден, епископство 128
- Версаль, пригород Парижа 226, 230, 236, 237, 248, 277, 288, 308
- Верхняя Гвинея 6
- Вест-Индия 83, 172
- Вестерас (Вестерос), г. и порт в Швеции 116
- Вестминстер, ист. район Лондона 317
- Вестфалия, ист. область в Германии 28, 128
- Византийская империя, Византия 8, 12, 555
- Виртемберг (Вюртемберг), нем. графство 127, 217
- Висмар, г. в Германии 115, 128
- Виттенберг, г. на р. Эльба 20, 22, 24, 62, 64
- Владимир, г. 475, 477, 480, 481, 487, 491, 495
- Владимирская обл. 409
- Владимирское княжество 478
- Владимирцы, жит. 475
- Вожа, р. 483

- Вознесенские ворота в Астрахани 346, 347
 Волга, р. 345, 346, 357, 362, 434, 445, 448, 484, 486, 493, 504—506, 509
 Волга Верхняя 444
 Вологда, г. 492, 505, 508, 513
 Вологжане, жит. 512
 Волок (Волоколамск), г. 482, 483, 485, 492, 502
 Вольнь (Волынская земля, княжество, обл., вол.) 362
 Вормс, г. в Германии 23, 25, 29, 249
 Воробьево, с. Московского у. 498
 Ворона, р. 350, 352
 Воронеж, г. 352, 471, 472
 Ворчестер 158
 Восток 12, 34, 39, 40, 65, 96, 141, 195, 207, 258, 402, 434, 447, 467, 482
 Восточная Европа 5, 290, 348, 554—556
 Вудсток, имение герцога Мальборо 273
 Выборг, г. 396
 Вюртемберг, см. Виртемберг
 Вязьма, г. 508, 517
 Вятка, г. 494
 Вятка, р. 550
 Вятская провинция 550
- Гаага, г. в Нидерландах 256, 259, 274
 Галиция 83
 Галицкое королевство 141
 Галич, г. 479, 481, 490, 491
 Галичане, жит. 512
 Галлия 95, 128, 193, 207
 Галлы, галльские племена, нар. 85, 209, 327, 340
 Гамбург, г. 137
 Гамбургцы (анбурцы), жит. 512
 Ганжа (Ганджа), г. и крепость 451, 465
 Ганновер, герцогство в ср.-век. Германии 221, 285
 Гарильяно 90
 Гейдельберг, г. в Германии 249
 Гент, г. во Фландрии 47, 52, 53, 87, 224
 Генуезцы (генуэзцы), жит. 8
 Генуя, торговая республика 128
 Германия, Германская империя, гос-во 7, 15, 16, 18, 19, 21, 23—26, 28—35, 38, 40, 42, 44, 50, 51, 54, 55, 61, 64, 85, 88, 93, 97, 107, 108, 112, 119, 121—130, 132, 137, 138, 175, 185, 188, 197, 207, 217, 218, 223, 227—229, 248—250, 252, 265, 270—272, 275, 276, 282, 290, 303, 326, 333, 418
 Германия Западная 223
 Германские владения 228
 Германские народы, германцы 17, 32, 33
 Гессен, земля в Германии 27, 130
 Гессен-Кассель, земля в Германии 127
 Гибралтар, территория на юге Пиренейского п-ова 161, 271, 278
 Гилян (Гилян), ист. обл. в Персии 436, 437, 439, 447, 450, 451, 453, 456
 Гилянь (Новая Земля) 505
 Глазгов (Глазго), г. в Шотландии 152
 Глухов, г. 367, 368
- Голланд, шв. провинция 135
 Голландия, Голландская республика 50, 51, 53, 54, 57—59, 107, 108, 127, 135, 151, 159, 161, 165—167, 171, 174, 175, 197, 203, 204, 217—224, 228—231, 236, 244, 245, 249—254, 256, 257, 259, 260, 263—267, 271, 274, 276—278, 282, 283, 303, 327, 340, 460, 515
 Голландцы, голландский народ 56, 58, 128, 134, 135, 137, 159, 161, 204, 222, 223, 226, 256—258, 267, 277, 506, 511, 512
 Голубинский, г-к на р. Медведице 353
 Голштинцы, жит. 421
 Гольштейн, Гольштиния, герцогство 123, 130
 Городец, г. 487
 Готланд, о. в Балтийском море 113, 130
 Готы, нар. 378
 Гребень, р. 344
 Греки, нар. 12, 335, 454, 480
 Гренада 8, 46
 Греция 13, 44, 96, 300
 Грибановка, д. Тамбовского у. 351
 Грипсгольмская темница 117
 Гродно, г. 360, 387
 Гроссарадейнская обл. в Трансильвании 146
 Грузины (грузинцы), нар. 439, 452, 453, 456, 458, 459, 468
 Грузия, Грузинская земля 440, 454, 457, 458, 460, 461, 463, 464, 468, 504, 506
 Грюнвальд, деревня 142
 Гудзонов залив, море Сев. Ледовитого океана, у берегов Канады 282
 Гэно 188
- Дагестан 459, 460—463
 Далекарлия 114
 Далмация, ист. область 40
 Дания, Датское королевство 113—117, 119, 122, 130, 131, 135—137, 224, 225, 228, 249, 256, 392, 409, 415, 427, 458
 Данциг (совр. Гданьск), г. в Польше 115, 134, 135
 Данцигская Померания, см. Померания
 Датчане, нар. 113, 114, 116, 118, 123, 132, 134, 135
 Дармштадт, г. в Германии 217, 249
 Дербент, г. и крепость 440, 441, 446, 447, 449, 450, 456, 461—463
 Десна, р. 368, 369
 Дитмарсийцы, жит. 113, 116
 Дмитровцы, жит. 477
 Днепр, р. 365
 Доброй Надежды (Бурный), мыс 6, 57
 Долгий, о. 346
 Дон, р. 148, 344, 347, 349, 350, 353—359, 372, 442, 483, 487
 Донауверт 41
 Донец, см. Северный (Северский) Донец
 Донецкая станция 358
 Донецкий, г-к на Северном Доне 353
 Донцы, см. Казаки донские
 Дортрехт 51
 Дофинэ (Дофине), ист. провинция во Франции 226, 247

- Дрё 101, 104
 Дронтейм, норвеж. провинция 136
 Дублин, г. в Ирландии 151
 Дубна, вол. Торопецкого у. 359, 360
 Дунай, р. 40, 125, 145, 147, 228, 275
 Дунбар 158
 Дурная станция 353
 Дюнкирхен (Дюнкерк), г. во Франции 166, 253, 282
- Евреи, нар. 17, 18
 Европа 6—10, 12, 15, 18, 30, 34, 38, 44—47, 49, 50, 55—57, 59, 63—65, 68, 69, 81, 88, 91, 93, 98, 109, 112, 116, 124, 127—130, 133, 144, 159, 167, 175, 189, 195, 196, 199, 203, 206—209, 217, 227—229, 231, 242, 249—251, 253, 254, 256, 260, 264, 275, 278, 281—283, 286, 290, 308, 309, 317, 324—327, 332, 335, 337, 340, 348, 369, 372, 376, 377, 382, 403, 406, 407, 410, 434, 467, 556
 Европейцы, европейские народы 6, 8, 10, 12, 16, 34, 208, 251, 303, 304, 311, 467
 Егер 127
 Египет 236
 Еджигил, м. 155
 Елец, г. 487
 Енисей, р. 507
 Есаулов, г-к 357, 358
- Жарнак 101
 Женев, г. в Швейцарии 32, 314
 Жолква, г. в Польше 363, 365
- Закавказье 456
 Замостье, г. 359
 Запад 34, 38, 65, 66, 195, 196, 258, 369, 434, 482
 Западная Европа 12, 13, 16, 32, 94, 142, 189, 238, 249, 250, 268, 283, 301, 307, 335, 348, 378, 401, 434, 452, 470, 494, 546, 548, 551, 554, 556
 Западноевропейские народы 15, 16, 198, 349
 Западный океан, см. Атлантический океан
 Запорожцы, см. Казаки запорожские
 Запорожье (Запороги, Запорожская Сечь, земля Войска Запорожского) 350, 380
 Засбах 223
 Звенгород, г. 491
 Зеландия, о. в составе Дании 51, 53, 135, 223
 Земляной город в Астрахани 346
 Зинсгейм 223
 Зубцов, г. 481
 Зубчане, жит. 477
 Зундгау 128
- Иври 104
 Иерусалим, г. в Палестине, религиозный (священный) центр христиан, иудеев и мусульман 26, 36
 Избердея, с. близ Воронежа 472
 Израиль, гос-во в Западной Азии 236
 Имеретинцы, нар. 459
 Индейцы (индийцы), нар. 7, 9, 306, 346
 Индия, Индийское гос-во 6—8, 47, 319, 435, 436, 505, 507, 508, 512
- Индия Восточная 6, 10, 504
 Инспрук (Инсбрук), г. в Австрии 31
 Ипр, Иперн, г. в Бельгии 224
 Ирландия 59, 65, 83, 151, 152, 154, 158, 159, 163—165, 173, 174, 249, 291
 Ирландцы 83, 159
 Испангъ, Гиспаганъ (Исфахан), г. в Иране 436, 438, 441, 444, 462
 Испания 8, 9, 34, 38, 40—58, 61, 64, 75, 82, 83, 89—91, 93, 95, 96, 98, 101, 105, 107, 112, 120, 128, 149, 150, 151, 161, 165, 171, 175, 184, 185, 188, 197, 217—220, 224, 227—229, 250, 252—256, 258, 265, 267—269, 271, 274, 276, 277, 281, 283, 303, 333, 392, 438
 Испанские владения 188, 228, 253—255, 258, 267, 277, 283
 Испанцы, испанский народ 6—9, 15, 30, 43—46, 48, 50—52, 54—56, 78, 83, 90—92, 96, 97, 100, 105, 107, 111, 127, 128, 177, 181, 182, 184, 187, 198, 223, 254, 255, 278
 Италия 7, 11—16, 19, 29, 34, 38, 44, 45, 47, 56, 63, 88—97, 108, 112, 175, 189, 197, 207, 249, 250, 253—255, 258, 259, 265, 267, 269, 272, 274, 283, 303, 327, 333, 462, 464
 Итальянские владения 88, 274
 Итальянцы, итальянский народ 12—15, 61, 89, 91, 198
- Йорк, г. в Великобритании 152
- Кабарда 435, 440, 442, 443
 Кабарда Большая 435
 Кавказ 440, 441, 461, 463, 468
 Кавказский перешеек 435
 Кадикс (Кадис), г. и порт в Испании 83, 161, 268
 Казаки 130, 347—350, 352—360, 363—365, 372, 442, 460, 465, 472, 501, 502, 517—519
 Казаки гребенские 344, 440
 Казаки донские, донцы 355, 361, 441, 446, 447
 Казаки запорожские 351, 355
 Казаки малороссийские 359, 463
 Казале, крепость 228
 Казанцы, жит. 510, 512
 Казань, г. 343, 440, 455, 494, 499
 Казбин, г. в Персии 448
 Калабрия, обл. в Италии 90
 Калиш, г. в Польше 133
 Калишское воеводство 134
 Калмыки, нар. 351, 356, 357, 436, 447
 Калэ (Кале), г. во Франции, порт в проливе Па-де-Кале 78, 97, 99
 Камбре (Камбрэ), г. во Франции 30, 90, 97, 107, 224
 Каменец 146
 Каменный город в Астрахани 346, 347
 Камышин, г. на р. Камышенке 356, 357
 Камышницы, жит. 357
 Канарские о-ва 6
 Капан, провинция 456
 Капела 27
 Карабахская, провинция 456

- Каракалпаки (кароколпаки), нар. 351
 Карловицы, м. в Славонии 147
 Карлскронская гавань 136
 Каспийское море 434—436, 443, 444, 448, 450, 454, 456, 461, 463, 464, 466, 468
 Кастилия, королевство на Пиренейском п-ове 128
 Каталония, ист. обл. в Испании 56, 128, 274
 Като-Камбрези 97
 Кельн, г. в Германии 111, 184, 221, 265
 Киев, г. 359—361, 363—365, 384, 391, 474, 487, 494, 526
 Киль, г. и порт в Голштинии 420, 422
 Кипр, гос-во в Западной Азии 45, 46
 Китай, Китайское гос-во 7, 507, 508
 Кичибургский Яр, урочище 345
 Клермон (Клермон-Феррон), г. во Франции 203
 Клушино, с. 518
 Клязьма, р. 490
 Князово, с. Тамбовского у. 351
 Кодак, крепость на Днепре 350
 Козловский, у. 352
 Колачя, р. 356
 Колмогорский (Холмогорский), у. 514
 Колмогорцы (холмогорцы), жит. 512, 514
 Коломенское, с. Московского у. 488
 Коломна, г. 342, 444, 476—478, 486, 490
 Константинополь (Царьград), г. 39, 69, 444, 454, 457, 458, 461, 463—466, 468
 Копенгаген, г. в Дании 115, 131, 135
 Копенгагенская гавань 135
 Коргопольцы, жит. 512
 Коровьи Луки, урочище 346
 Короп, г. в Черниговской обл. 369
 Коротояк, г. 358
 Корочино, д. Тамбовского у. 351
 Кострома, г. 484, 486, 488, 490, 491
 Костромичи, жит. 510, 512
 Краков, г. в Польше 133, 140
 Красная Дубрава, м. на Дону 352
 Кремль в Астрахани 346
 Кривая Лука, урочище 355
 Кроация, см. Хорватия
 Крым 147
 Крымцы (крымские люди, крымский народ, крымские татары) 443, 444
 Куба 161
 Кубанская орда 435
 Кубань, Кубанская обл. 355, 358, 468
 Кумыки (кумычане, жители Кумыцкой земли), нар. 442, 444
 Кура, р. 439, 441, 448—451, 465, 467, 468
 Курлак, р. 352
 Курляндия 383, 384, 386—389, 391, 411
 Курляндцы, жит. 383, 384, 391
 Кутумова (Кутум, Кума), р. 346
 Лабиау 134
 Ладожане, жит. 476
 Ладожский канал 417, 463
 Ламанш (Ла-Манш), пролив между побережьем Франции и о. Великобритания 83, 161, 236
 Лангедок, ист. область во Франции 272, 273
 Лангобардское королевство 12
 Ларошель (Ла-Рошель), г. и порт во Франции 102, 112, 303
 Лаузиц, см. Лузация
 Лезгинь (лезгинцы), нар. 438, 442, 455, 457, 459, 461—464, 467
 Лейден, г. в Нидерландах 28, 52
 Лейденцы, жит. 152
 Лейпциг, г. 21, 125
 Ленгедокский канал во Франции 204
 Лепанто (Нафпактос), г. в Греции 46
 Лех, р. 125
 Ливония 117, 118, 124
 Лилль, г. во Франции 275, 276
 Линкёпинг, г. 118
 Линкольское графство 305
 Лион, г. во Франции 91, 102, 111, 247
 Лисковатка, р. 352, 353
 Литва 39, 141, 142, 251, 477, 482, 483, 486, 487, 489, 494, 498, 519
 Литва, литовцы, литовское племя, литовские люди, народ 140—142, 477, 520
 Лифляндия 135
 Лифляндцы, жит. 432
 Ломбардия, обл. в Италии 94, 259
 Лондон, г. 60, 76, 77, 150, 153—157, 159, 164—166, 168, 171, 173, 174, 256, 259, 269, 273, 277, 280, 281, 317
 Лондонцы, лондонские горожане 60, 85
 Лопская земля 505
 Лотарингия, ист. провинция во Франции 222, 254, 288
 Луара, р. во Франции 204
 Лувэн, Лювэн 223, 274
 Лужичи (лужичане), нар. в Германии 120, 128
 Лузация (Лаузиц, Лужица), ист.-геогр. обл. в Германии 120, 126, 128
 Львов, г. 143, 362
 Любек, вольный имперский город 114, 115, 123
 Люблин, г. в Польше 134
 Любчане, жит. 116
 Люксембург (Люксембург) 188
 Люнебург, г. в Германии 27
 Лютцен, г. в Германии, близ Лейпцига 125
 Маас, р. во Франции, Бельгии и Нидерландах 222
 Мадагаскар, гос-во в зап. части Индийского океана 204
 Мадрид, г. в Испании 95, 254, 259, 268, 274
 Мазандеран, пров. в Персии 450, 451
 Мазовия, ист. область в Польше 143
 Майнц, г. 11
 Макошинская пристань близ Батурина 368
 Малакка 57
 Малороссия, см. Украина
 Малороссияне, малороссы, малороссийский народ, см. Украинцы
 Мальме, г. и порт в Швеции 115
 Мальплакэ (Мальплаке) 277
 Мальта, о. в Средиземном море 45

- Мангейм, г. в Германии 249
 Мантуанская обл. 270
 Мантуя, г. в Италии 112, 256, 265
 Марбург, г. в Германии на р. Лан 27
 Мардик, г. 166
 Мариенбург (Алуksне), г. в Латвии 134
 Мариньяно (Меленьяно), г. в Италии 92
 Марокко 46, 47
 Марсель, г. во Франции 95
 Матилена, о. 44
 Матросская, слобода в Азове 355
 Медведица, р., приток Дона 353, 354
 Медиолан, г. 496
 Мексика, Мексиканская империя 8, 9
 Мексиканский залив 83
 Мен, ист. провинция во Франции 128
 Мец, г. во Франции 30, 97, 99, 227
 Мешет, г. в Персии 446
 Мещера, г. 487
 Микулин, г. 481
 Милан, Миланское герцогство 89—92, 94—96, 98, 128, 228, 253, 256, 259, 270
 Миланская обл. 270
 Минск, г. 360
 Митава (Елгава), г. 344, 384—386, 389, 428
 Мо 238
 Могач 39, 147
 Можайск, г. 477, 520
 Мозель, р., левый приток Рейна 273, 274
 Мокшанск, г. 356
 Молукские (Молукские) о-ва в Индонезии 57
- Монастыри**
 Андрониев в Москве 486
 Архангела Михаила в Чудовом монастыре 496
 Богоявленский в Москве 473, 499
 Вейсенбургский 227
 Вознесенский (девичий) в Москве 488, 499
 Воскресенский в Астрахани 346, 531
 Данилов в Москве 524
 Донской в Москве 501, 502, 518, 519, 531
 Златоустовский в Москве 495
 Ивановский в Астрахани 346
 Ильинский в Москве 499
 Канзасар в Армении 455, 456
 Мигулинский Троицкий 472
 Николо-Драчевский (Никольский Драчевский) в Москве 499
 Новодевичий (Богородицы Смоленской) в Москве 424, 498, 501, 517
 Новоспаский в Москве 496
 Печерский (Киево-Печерский Феодосиев), лавра в Киеве 364, 366, 367
 Покровский в Москве 524
 Пор-Рояль, Порт-Рояль, женский близ Парижа 193, 289
 Рождественский (девичий) в Москве 499
 С. Ютард (Моггендорф) 145
 С.-Сиран во Франции 193
 Симонов в Москве 486
 Симонов Успенский в Москве 524
 Спасский в Астрахани 345
- Сретенский в Москве 483, 487, 496, 497
 Трегуляевский в Тамбове 472
 Троица (Троице-Сергиева лавра) 344, 492
 Троицкий в Астрахани 344
 Угрешский (Николы на Угреше) близ Москвы 523
 Чудов в Москве 486, 496, 499, 531—533
 Юста св. в Испании (близ Плаценции) 40
- Монголия 7
 Монмут 263
 Монферрат 112
 Моравия, ист. область 42, 120, 138
 Морея, ср.-век. название п-ова Пелопоннес 147
 Москва 285, 342, 344, 347, 358, 362, 363, 366, 374, 380, 408, 413, 424, 426, 429, 430, 432, 444, 446, 454, 455, 457, 473—509, 512—514, 516, 517, 520—528, 532—534, 545, 552, 554, 555, 557
- В Москве**
 Арбатская ул., Арбат 499, 502
 Арбатские ворота 374, 517
 Белый город 343, 500, 501, 524
 Большой сукольный двор 523
 Боровицкие ворота 493, 496, 497, 532
 Варварская, ул. 499
 Варварские ворота 528—531
 Васильевский Луг 497, 498
 Введенские горы, мст. 522, 523
 Великая, ул. 500
 Воробьевы горы 502
 Воронцовский двор 499
 Воронцовский сад 500
 Воскресенские ворота 530
 Вострый конец 497
 Всполье 498
 Головкин двор 374
 Гончары (Гончарная), слобода 499
 Долгоруков двор 374
 Дорогомиловская слобода 374
 Заречье 497
 Зачатье 497
 Земляной город 374
 Ильинская (Ильинка), ул. 499
 Ильинские ворота 530
 Каменный мост (из Кремля через р. Неглинную) 523
 Китай-город (Средний) 498—502
 Клементьевский острог 519
 Кожевники, слобода 499
 Константино-Еленские ворота 496
 Красная площадь 342, 532, 533
 Кремлевская площадь 479
 Кремль 479, 482, 484, 486, 488, 491—495, 497—502, 518, 519, 531—533
 Крымский двор 502, 517, 519
 Кучково поле 483, 487, 489
 Лефортово (Лефортовская), слобода 522
 Лобное место 499, 502
 Лужники 518
 Мещанская, ул. 524
 Моховая, ул. 530, 531
 Мясницкие ворота 374

- Неглинная (на Трубе), ул. 496, 497, 499, 500, 519
 Немецкая слобода 345, 400, 401, 426
 Никольские ворота 492, 495, 496
 Никольский Крестец 499
 Орданка, ул. 374
 Офросимов двор 374
 Охотный ряд 530
 Петровская слободка 497
 Покровка, ул. 499
 Покровские ворота 502
 Пречистенские (Чертольские) ворота 343, 500, 501, 517
 Пятницкая, ул. 374
 Ржевский двор 374
 Рождественка, ул. 499
 Семчинское, с. (Стоженка) 499, 530, 532
 Спасские ворота 532
 Спасский Крестец 527
 Сретенка, ул. 489, 498, 499
 Тверская, ул. 530
 Фроловские ворота 495, 496, 498
 Чертольские ворота, см. Пречистенские
 Чертополье, ул. и мест. 497
 Чешковские ворота 496
 Шейнский двор 374
 Москва, р. 374, 444, 477, 479, 489, 497, 499, 500, 502, 517—520, 523
 Москвичи, москвитяне, жит. 124, 477, 480—482, 484—486, 488, 490, 492, 493, 502, 510
 Московская губерния 521
 Московское княжество, гос-во 345, 348, 356, 359, 365, 376, 477, 483, 494, 504, 506—515, 518—520, 552
 Мункач, крепость 147
 Муромцы, жит. 512
 Мюльберг 30
 Мюнстер, г. в Германии 28, 128, 130, 221
 Мюнхен, центр земли Бавария 125
 Наварское королевство (Наварра), ист. область на границе между Испанией и Францией 99, 128
 Назеби, деревня близ Нортгемптона 156
 Нант, г. во Франции 106, 201
 Нассау 146
 Нахичевань, г. 453
 Неаполь (Неаполитанское королевство) 34, 40, 86, 88, 90, 94, 95, 97, 128, 146, 253, 259, 275, 276
 Нева, р. 434
 Негры 7, 10
 Нежин, г. 526
 Немецко-Балтийское (Северное) море 5
 Немур 103
 Немцы, немецкий народ 15, 16, 22, 120, 126, 137, 138, 140, 141—143, 198, 207, 270, 340, 343, 348, 350, 352, 358, 493, 501, 512, 513—515
 Нёрдлинген 127
 Нидерланды, нар. 48, 50
 Нидерланды Испанские, см. Нидерланды
 Нидерланды 28, 34, 38, 40, 42—44, 47—53, 56, 82, 83, 93, 104, 108, 127, 128, 173, 218—220, 223, 249, 250, 253—255, 257—259, 263, 266, 274, 283, 392
 Нидерланды Северные 54
 Нидерланды Южные 50, 51, 53
 Нижегородское княжество 487
 Нижегородцы, жит. 472, 483, 510, 512
 Нижний, см. Новгород Нижний
 Нижняя Гвинея 6
 Низовая, пристань на Каспийском море 454
 Ним, г. во Франции 112
 Нимвеген 53
 Нисса 147
 Ницца, г. во Франции 282
 Новгород, Новгород Великий, г. 47, 475, 476, 479, 486, 491, 494, 514, 552
 Новгород Нижний, г. 444, 483, 491
 Новгородская земля 480
 Новгородцы, жит. 47, 476, 479, 480
 Новосиль, г. 483
 Новоторжцы, жит. 476, 477
 Новый Свет 5, 6, 8, 10, 56, 159
 Ногаи (Большие ногаи), нар. 506
 Норвегия 113, 115, 132
 Нормандия, ист. область во Франции 100, 181
 Норманны (северные люди, варяги, викинги, скандинавы), участники морских торговых-грабительских и завоевательных походов в страны Европы 59, 206
 Ньюфаундленд, о. у берегов Сев. Америки 282
 Нюрнберг (Нюрнберг), г. в Германии, в земле Бавария 27, 28, 125
 Нортгемптон (Нортхемптон), г. в Англии 156
 Обь, р. 504, 507, 508
 Овернь, ист. провинция во Франции 203
 Ока, р. 444, 483, 484, 487
 Оксфорд, г. в Великобритании 156, 171, 306
 Олив, м. близ Дандига 135
 Оранж, г. 229
 Ораниенбаум, г., имение Меншикова 422
 Орда (Большая) 478, 479, 481—483, 485, 486, 488—490, 494
 Орда Крымская 494
 Орлеан, г. во Франции 101, 102
 Орлеанский канал во Франции 204
 Орлеанский округ во Франции 247
 Орловка, м. 369
 Оснабрюк, м. в Вестфалии 128, 130, 221
 Ост-Индия, см. Индия
 Остенде, г. в Бельгии 54
 Острогжск (Острожск), г. 358
 Офен 40, 147
 Павия, г. в Италии 95
 Падуя, г. в Италии 69
 Пале-Рояль, резиденция франц. королей 180
 Паншин, г. на Дону 352, 357
 Папская область (Церковная область), теократическое гос-во, возглавлявшееся рим. папой 12

- Парагвай 37
 Париж, г. 18, 36, 69, 87, 96, 100—105, 109, 127, 177—187, 189, 193, 195, 201, 210, 226, 236, 247, 273, 281, 308, 312, 316, 318, 321, 323, 325, 326, 403
 Парижане, жит. 109, 176, 181, 185
 Парканы 147
 Пассау 31
 Паташ 147
 Пахра, р. 533
 Пенсильвания, америк. штат 172
 Переяславль (Залесский, Суздальский), г. 475, 477, 478, 484, 490
 Переяславль Русский (Южный), г. 476
 Переяславль Рязанский, см. Рязань Новая
 Переяславы, жит. 475
 Пермская провинция 550
 Пермь, г. 494
 Персия, Персида (Иран) 319, 375, 434—436, 438—440, 442, 444, 446—448, 450—459, 461—463, 465—469, 504—506, 508—512
 Персы, персияне, нар. 436, 438, 441, 442, 444, 448—451, 453, 455, 456, 505, 506, 511, 515
 Перт 80
 Перу 8, 9
 Петербург (С.-Петербург), г. 381, 385, 386, 388, 392, 395—397, 408, 409, 413, 419, 421, 422, 425, 436, 439, 440, 450, 451, 454, 465, 467, 525
 Петербургская (Петропавловская) крепость 369
 Петергоф (Петродворец), г. 421
 Пьемонт (Пьемонт), область в Италии 96, 249, 269
 Пиза, г. в Италии 91
 Пикардия (Пикардия), ист. провинция во Франции 31
 Пиньероль 112
 Пиньон-де-Велец, м. в Северной Африке 45
 Пиренейский п-ов, Пиренеи 5, 6, 8, 10, 46, 187, 268
 Плаценция 40
 Поволжье 342
 Познань, г. в Польше 133, 140
 Познанское воеводство 134
 Покровское (Покровская сл.), царское подмосковное село 374
 Половцы, нар. 476, 487
 Полочане, жит. 477
 Полтава, г. на р. Ворскле 369, 374
 Польша (Польское, Польско-Литовское гос-во, Речь Посполитая) 39, 40, 117—119, 124, 133—135, 138—144, 146, 229, 251, 253, 256, 257, 266, 326, 333, 361, 365, 377, 378, 380, 383—388, 390—392, 460, 502, 503, 520, 548, 555
 Поляки, польские люди, народ 117, 132, 134, 137, 138, 140—143, 146, 365, 369, 376, 384, 387—391, 501, 502, 518—520
 Померания, герцогство на побережье Балтийского моря 124, 128, 133, 138, 141
 Поморье 514
 Порта, Порта Оттоманская, см. Турция
 Португалия 8, 47, 56, 128, 265, 268, 269, 282
 Португальцы, нар. 5, 6, 9, 56, 57
 Прага, г. 120, 121, 125, 127
 Пражский замок 119
 Престон 157
 Пречистенские ворота в Астрахани 347
 Прибылая станица 353
 Пристановский (Пристанский), г-к на Хопре 351
 Прованс, ист. провинция во Франции 181, 275
 Пруссия, Прусское гос-во, земля 117, 134, 140, 282, 360
 Пруссия Восточная 133, 143
 Пруссия Западная 142
 Прусы, нар. 140
 Псков, г. 47, 479, 493, 495, 498, 508, 514
 Псковичи, жит. 476, 495, 512
 Пуату, ист. провинция во Франции 109, 240
 Пуатье, г. во Франции 103
 Пфальц, княжество в ср.-век. Германии 38, 42, 125, 128, 130, 223, 229
 Пфальц-Цвейбрикен 217
 Равенна, г. в Италии 91
 Раштадт (Раштатт) 283
 Регенсбург, г. в Германии 29
 Реймс, г. во Франции 104
 Рейн, р. в Западной Европе 94, 126, 127, 222, 223, 227, 228, 270
 Рейнская линия 265
 Ренн, г. во Франции 226
 Рёскильд 135
 Республика Соединенных Штатов (провинций), см. Голландия
 Решотова станица 358, 359
 Ржевичи, жит. 477
 Рига, г. 384, 515
 Рим, г. 11—14, 16, 17, 20—23, 27, 41, 65, 68, 86, 88, 91, 93, 95, 123, 132, 173, 187, 190, 236—238, 244, 267, 314, 327, 328, 335, 410, 470, 494, 496, 553, 555
 Римляне 93, 312, 327, 335, 410, 553
 Римская империя, республика, гос-во 11, 14, 32, 34, 93, 300, 340, 362
 Рисвик (Рейсвейк), деревня близ Гааги 250
 Родос, о. в Эгейском море 39, 45
 Рокруа 127, 177
 Романовцы, жит. 512
 Ромильи 274, 275
 Ростов, г. 474, 479, 481, 484, 492
 Ростовская область 474, 475, 491
 Ростовцы, жит. 475, 476
 Ростов, г. и порт в Германии 115
 Рошель, см. Ларошель (Ла-Рошель)
 Руан, г. во Франции 87, 100, 102
 Руанский округ 247
 Руссильон, ист. провинция во Франции 188
 Русские, русский народ, русские люди 131, 141, 142, 147, 348, 369, 372, 373, 391, 393, 401, 402, 409, 414, 429, 434, 449, 451, 456, 457, 460, 462, 465, 471, 487, 501, 505—510, 513, 514, 518, 519, 540, 546, 547, 549, 552

- Русь (Россия, Русское гос-во, Российское гос-во, империя, земля) 86, 117, 121, 124, 138, 139, 147, 148, 206, 229, 257, 290, 326, 333, 342, 343, 351, 354, 361, 371—378, 380—383, 386, 389—398, 405, 407, 409, 413—415, 422, 427, 434, 436—439, 441, 442, 447—449, 451, 452, 454—468, 471, 474, 476, 479, 481, 483, 484, 487, 495, 497, 498, 504, 512, 519, 527, 535—537, 540, 542, 545—549, 551—558
- Русь (Россия) Восточная 470, 471
- Русь (Россия) Западная 39, 253, 470, 474
- Русь (Россия) Литовская 470, 487
- Русь (Россия) Северная 474, 518
- Русь (Россия) Северо-Восточная 474, 555
- Русь (Россия) Южная 474, 476
- Русь (Россия) Юго-Западная 474, 494
- Рыковская станица (Рыково) на Дону 353
- Рюген, о. 128
- Рюель 182
- Рязанская земля 483, 487
- Рязанцы, жит. 482, 486
- Рязань, г. 476, 480, 482, 483, 486, 494, 498
- Рязань Новая, г. 477
- Рящ (Решт), г. в Персии 448, 449
- Саар-Люи 273
- Савойя, ист. область 96, 98, 108, 249, 254, 256, 282
- Саксония 19, 27, 29, 30, 42, 125, 128, 365
- Саксонцы, нар. 125, 392
- Саксы, группа герм. племен 33
- Саланкемен 147
- Сальян (Сальяны), пров. в Персии 456
- Сан-Сальвадор (Гуанагани), о. 8
- Саратов, г. 356, 357
- Саратовцы, жит. 357
- Свевы, племена древних германцев 378
- Святого Ангела, замок 95
- Святого Креста, крепость 447, 450
- Северские горы (Северны) во Франции 272—273
- Северная Америка 7, 9, 172
- Северная Англия 81
- Северная Африка 44—46
- Северная Германия 27, 35, 42, 98
- Северная Европа 5, 7, 130
- Северная Италия 12
- Северный (Северский) Донец, р., приток Дона 353, 354
- Северское княжество 498
- С.-Жермен (Сен-Жермен-де-Пре), аббатство в черте Парижа 101, 181, 184, 185, 220, 248
- Сена, р. во Франции 204
- Сенефа, деревня 223
- С. Кентен (Сен-Кантен), г. во Франции 97
- Сен-Сир 248
- Сербия 489
- Серпухов, г. 483, 484, 525, 526
- Сечь, см. Запорожье
- Сибирь 374, 386, 420, 507, 508
- Силезия, ист. область в течении р. Одры 120, 123, 126, 133, 138, 140, 141
- Сицилия (Сицилийское королевство), гос-во, ленное владение Арагона 34, 46, 90, 253, 255, 259, 276
- Сицилия, о. 283
- Скандинавия 59, 119
- Скородумовская (Скородумово), станица 353
- Славония, ист. область 40, 257
- Славяне, славянство, славянская народность 17, 120, 137, 369
- Смалькалден 27
- Смоленск, г. 367, 384, 452, 480, 483, 498, 508
- Смоляне, жит. 483
- Соединенные Штаты, см. Голландия
- Соловки, Соловецкий. о. 420
- Солоники, г. 464
- С.-Омер 224
- Спарта, др.-греч. полис в Лаконике (Пелопоннес) 32
- Средиземное море 5, 12, 44—46, 204, 253, 272
- Средняя Европа 5
- Стародуб (Черниговский), г. 483
- Стародуб Северный (Вотский, Воцкий, Ряполовский), г. на Клязьме 476, 481
- Старый Свет 5—8, 159
- Стокгольм (Стокольня), г. 113, 114, 117, 392, 472
- Стразбург (Страсбур, Страсбург), г. во Франции 31, 128, 227, 250
- Суздаль, г. 472, 474, 481, 491, 494
- Суздальцы, жит. 475, 512
- Сулак, р. 447
- Сухопа, р. 505
- Тавриз (Тебриз), г. в Азербайджане 448, 453
- Таго, р. 83, 268
- Тайнинское, царское подмосковное село 374
- Тамань 468
- Тамбов, г. 351
- Тамбовская обл. 351
- Тамбовский, у. 351, 352
- Тамбовцы, жит. 351
- Тарки (Торки), мест. и г. на Северном Кавказе 445—447
- Таруса, г. 487
- Татары, нар. 146, 147, 344, 444, 460, 461, 476—479, 482—488, 491—493, 500
- Татары казанские 491, 492
- Татары крымские 376
- Татары юртовские 346
- Тверичи, жит. 477, 482
- Тверская область, 479, 481
- Тверское княжество 479
- Тверь, г. 478, 479, 481—483, 490, 494
- Тейса 147
- Темза, р. 166
- Тённинген, г. 137
- Терек, р. 344, 436, 439, 440, 446
- Терская, крепость 447
- Тибет 7
- Тироль, земля в Австрии 29, 31, 35
- Тифлис (Тбилиси), г. 451, 458, 460, 465
- Торжок, г. 480, 482

- Тоуер (Тауэр), замок-крепость в Лондоне 77
Трансильвания, ист. область, входившая в состав Венгер. королевства 40, 145—147, 257, 266
Трапезунд, г. 458
Триденг, место на границе между Германией и Италией 29
Триест, г. в Италии 146
Триполи, г. в Ливии 45
Трир, г. в Германии, на р. Мозель 25
Троя (Илион), древний город в Малой Азии 317
Трубчевск, г. 483
Тул 30, 97, 227
Тула, г. 351
Тулуза, г. во Франции 102
Тунис 44, 45
Тур, г. во Франции 247
Турин, г. в Италии 269, 272
Туринги, нар. 33
Турки, турецкий народ 29, 39, 40, 42, 44—46, 69, 96, 142, 144—147, 229, 435, 436, 448, 451, 454, 456—458, 460, 461, 463—467, 469, 506, 521
Турская область во Франции 247
Турция (Порта, Порта Оттоманская) 40, 145—148, 204, 252, 257, 258, 333, 411, 434, 451, 456—469, 508
Тушино (Тушинский стан) 285, 398
Тютерева, станица 353
Углич, г. 479, 482, 492
Угличане, жит. 512
Уденард 275
Узбеки, нар. 439
Украина (Украина, Малая Россия, Малороссия) 144, 350, 359, 362—369, 408, 410, 465, 521, 522, 526, 555
Украинцы (малороссияне, малороссы, малороссийский народ) 364, 368
Ульм, г. в Германии 265
Устюжане, жит. 512
Устюжна Железная, г. 507
Утемишь, м. близ Дербента 446
Утрехт 51, 53, 223, 281
Уча, р. 439
Уэльс (Валлис), часть Великобритании 280
Федосеевская, станица 351
Фербеллин 223
Финикия, древняя страна на вост. побережье Средиземного моря 59
Финикияне, нар. 59
Финляндцы 117
Фиония, о. 135
Фламандцы, жит. 87
Фландрия, ср.-век. графство 72, 87, 96, 188, 219, 275, 277, 282
Флорентийский народ, флорентийцы 15, 88
Флоренция, Флорентийская республика 12, 14, 88, 92, 108, 555
Форнуово 89
Франкенгаузен 26
Франкенталь 130
Франки, группа герм. племен 12, 33, 207, 340, 378
Франкония, ист. область в Германии 123, 126
Франкфурт (Франкфурт-на-Майне), вольный имперский город в Германии 120
Франция 28, 30, 31, 34, 35, 42, 50, 53—55, 58—61, 74, 78, 79, 82, 85—98, 100—112, 121, 122, 124, 126—128, 130, 135, 137, 146, 151, 159, 166, 167, 170, 174—177, 179, 181, 182, 184, 185, 187—189, 192, 193, 195—197, 200, 203—207, 209, 210, 212, 214—219, 221—225, 227—236, 238, 240, 241, 244, 245, 247—259, 262, 264, 265, 269—271, 273—278, 281—283, 285, 286, 288—290, 295, 302, 303, 307—310, 312—318, 321, 326—328, 333, 339—341, 387, 392, 402, 403, 405—407, 409, 415, 416, 467, 557
Франция Северная 86, 87
Франция Южная 86
Французы, французский народ 15, 29, 36, 55, 56, 78, 88—92, 94—96, 99, 103, 105, 127, 135, 177, 187, 199, 200, 204, 209, 220—224, 228, 232, 242, 249, 256, 265, 270, 271, 274, 275, 282, 314, 317, 324, 326
Франш-Конте, ист. провинция во Франции 95, 128, 224
Фрисландия 51
Хенцины 140
Хива, г. 435, 461
Хивинцы, жит. 439
Холмогоры, Колмогоры, г. на Северной Двине 504, 508, 513
Хопер, р. 351, 353, 354, 358
Хорватия (Кроация) 40, 257
Хохштедт, м. 270, 275
Царицын, г. 344, 356
Царьград, см. Константинополь
Цвейбрикен, Цвейбрикенское герцогство 227, 228
Цейлон, название гос-ва и о-ва Шри-Ланка до 1972 г. 57
Цент 147
Церкви, соборы
Архангельский в Москве 479, 480, 495, 496
Благовещения на Болоте в Москве 497
Благовещенский (Благовещения Богородицы) в Москве 488, 489, 496, 499
Богородицы Казанской за Покровскими воротами 502
Богородицы Успения златоверхий собор во Владимире на Клязьме 495
Богоявленская в Москве на Троицком подворье 496
Бориса и Глеба (Борисоглебская) на Арбате 497, 498
Василия св. на Покровке в Москве 499
Воздвижения в Москве 494, 499
Всех Святых в Москве на Кулишках 486, 497, 498, 528
Георгия св. у Фроловских ворот в Москве 498

- Данила св. в Москве 479
 Егорьевская в Москве 497
 Екатерины Мученицы на Ордынке в Москве 518
 Илии Обыденного в Москве 502, 518
 Илии св. под Сосенками в Москве 499
 Иоакима и Анны в Новодевичьем монастыре 497
 Иоанна Лествичника в Москве 479, 496
 Иоанна Милостивого на Арбате 502
 Иоанна Предтечи в Москве 497
 Кира и Иоанна у Варварских ворот в Москве 529
 Клементы св. на Пятницкой в Москве 518
 Кузьмы и Доминана в Москве 496
 Николая св. на Песках 497
 Николы в Подкопаеве 498
 Николы в Шипилове 343
 Николы Гостунского в Кремле 498
 Павла св. в Шотландии 74, 76
 Петропавловский в Петербурге 369, 392, 416
 Покровский (Троицкий, Василия Блаженного) 499
 Положения Риз в Москве 493, 496
 Преображения (велико княжеская) 498
 Преображения в Москве 479
 Пречистыя Богородицы во Владимире 488
 Рождества Предтечи у Боровицких ворот в Москве 493
 Саввы св. в Москве 498
 Сергия св. в Москве 499
 Софии св. в Москве 497
 Сошествия Св. Духа в Москве 497
 Спаса в Чигасовом монастыре 499
 Спаса за Яузой в Москве 496
 Спаса св. в Москве 480
 Спаса св. в Твери 479
 Стефана св. на Сретенье 499
 Троицы св. на Рву в Москве 499
 Успения Богородицы в Москве 478
 Успенский в Москве 479, 480, 487, 495, 497, 502
 Федора св. на Арбате 499
 Флора св. в Мясниках 499
 Якиманская в Москве 499
- Цна, р., приток Оки 351
 Цюрих, г. в Швейцарии 26
- Черкасск (Черкас, Черкасский г-к), г. на Дону 351, 353, 354, 356, 358
 Черкасский, о. на Дону 353
 Черкесы, черкасы, нар. 344, 444, 452, 459, 520
 Чернигов, г. 475, 476, 487
 Черниговское княжество (земля, вол., обл.) 362
 Черное море 434, 435, 463, 468
 Черноярцы, жит. 345
 Черный Яр, г. на Волге ниже Царицына 345
 Чехи, чешская народность 17, 39, 119—121, 138, 139, 141
- Швабия, герцогство в Германии 26, 123, 126, 273
 Швабы, герм. племя 33
 Шварцвальд, горный массив в Германии 26
 Шведы, шведский народ 113, 114, 118, 125—128, 131—135, 223, 224, 342, 349, 365, 367, 369, 372, 376, 396, 397, 401, 434, 459
 Швейцария 26, 128, 265
 Швейцарцы, нар. 89—92
 Швеция 58, 113, 114, 116—119, 122, 124, 126, 128, 130, 132—137, 144, 220, 221, 224, 228, 333, 369, 382, 386, 390, 392, 396, 397, 409, 415, 464, 467, 504
 Шельда, р. во Франции, Бельгии, Нидерландах 275
 Шемаха, г. и обл. на Кавказе 438—442, 447, 452, 455—457, 459, 462, 465, 468
 Шемахинцы, жит. 457
 Шипилова, слобода 343
 Ширванская, провинция 458
 Ширвен (Ширван), г. 461, 462
 Шлезвиг, герцогство 123, 130, 137
 Шлиссельбург (Ключ-город, Нотебург, Орешек), г. и крепость у истоков Невы 424, 451
 Шоонен, шв. провинция 135
 Шотландия 72—74, 79, 80—84, 148, 152, 154, 157—159, 164, 165, 170—172, 174, 288, 291
 Шотландцы, нар. 72, 152, 154, 156—158, 172, 291
 Шпейер, г. в Германии 27, 249
 Штирия, земля в Австрии 41
 Штутгарт (Штутгарт), г. на р. Неккар 17, 249
- Эдмбургский (Эдинбургский), замок 73
 Эдинбург (Эдинбург), г. в Шотландии 80, 81, 152, 157
 Эйслебен, г. 19
 Эльзас, ист. провинция во Франции 127, 128, 227, 246, 250
 Эрзерум, г. 460
 Эриванская, провинция 458
 Эривань (Ереван), г. 453, 454, 458, 465
 Эстония 117
 Эстляндцы, жит. 432
 Эчмиадзин, г. близ Эривани 455
- Южная Америка 7
 Южная Германия 27, 35, 42, 127
 Южная Европа 7
 Южная Италия 12
 Южная Шотландия 72
 Ютландия, п-ов между Северным и Балтийским морями 123, 135
- Ява, о. в Индонезии 57
 Яик, р. 344
 Ямайка, гос-во в Вест-Индии, на о. Ямайка 161
 Япония 47
 Ярославль, г. 490, 506, 513, 518
 Ярославцы, жит. 510, 512
 Яуза, р. 496, 498—500, 517, 523

СОДЕРЖАНИЕ

КУРС НОВОЙ ИСТОРИИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

5—195

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

196—341

РАССКАЗЫ ИЗ РУССКОЙ ИСТОРИИ XVIII ВЕКА

I. СТО СВАДЕБ В АСТРАХАНИ

342—347

II. БУЛАВИН И ЕГО ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ДОНУ

347—359

III. МАЗЕПА

359—369

IV. ПТЕНЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

369—433

ПЕТР ВЕЛИКИЙ НА КАСПИЙСКОМ МОРЕ

435—469

МОНАХ САМУИЛ (Страница из истории раскола)

470—473

ОЧЕРК ИСТОРИИ МОСКВЫ

474—503

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ В XVII ВЕКЕ

504—516

МОСКВА В АВГУСТЕ 1612 ГОДА

517—520

МОСКВА В 1770 И 1771 ГОДАХ

521—534

**БЛАГОДАРНОЕ ВОСПОМИНАНИЕ
О ИВАНЕ ИВАНОВИЧЕ ШУВАЛОВЕ**

535—544

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛОМОНОСОВЕ

545—549

**ЗАБОТЫ СЕНАТА
О РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVIII ВЕКЕ
ЛИСТКИ ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ «РУССКОЙ СТАРИНЫ»**

550

Приложения

**А Л ЮРГАНОВ НАСЛЕДИЕ С М СОЛОВЬЕВА
КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Вместо комментариев к XX книге
«Сочинений» С. М. Соловьёва**

551—559

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

560—577

**УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

578—588

Соловьев С. М.
С 60 Сочинения. В 18 кн. Кн. XX. Дополнительная.
Работы разных лет/Отв. ред. И. Д. Ковальченко;
Коммент. А. Л. Юрганов.—М.: Мысль, 1996.—
588, [3] с.

ISBN 5-244-00075-6

ISBN 5-244-00821-8

В книгу вошел не публиковавшийся уже более 100 лет «Курс новой истории», содержащий ценные наблюдения великого русского ученого по всеобщей истории, а также ряд его глубоких публикаций в периодике, составивших подготовительный материал к «Истории России с древнейших времен» Для широкого круга читателей

ББК 63.3(2)

Научная

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XX

Дополнительная

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Редактор Ю. В. СОКОРТОВА

Художественный редактор Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ

Технический редактор С. П. ЛЕБЕДЕВА

Корректор З. Н. СМИРНОВА

ЛР № 010150 от 25.12.91

Сдано в набор 18.07.96. Подписано в печать 20.08.96. Формат 60 × 90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печатных листов 37.

Усл. кр.-отт. 37,75. Учетно-издательских листов 41,99. Тираж 20 000 экз.

Заказ № 2602

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московское предприятие «Первая Образцовая типография» Комитета Российской Федерации по печати. 113054, Москва, Валовая, 28.

